

П. А. Нивѣ.
Генеральнаго Штаба Полковникъ.

РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА

1808—09 г. г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Военная Типографія (въ зданіи Главнаго Штаба).
1910.

П. А. Нивé.
Генеральнаго Штаба Полковникъ.

РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА

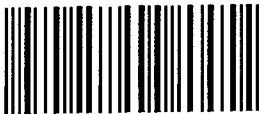
1808—09 г. г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Военная Типографія (въ здавіи Главнаго Штаба).

1910.

2007051796

Незабвенной памяти

Николая Ивановича Бобрикова

посвящается настоящей

труппе.

Многочисленные заявленія, по преимуществу изъ среды строевыхъ офицеровъ, побудили меня выпустить отдѣльную книгою тѣ статьи, которыя въ теченіе двухъ лѣтъ появлялись въ «Военномъ Сборникѣ», напоминая о военныхъ событіяхъ, разыгравшихся столѣтіе тому назадъ въ Финляндіи и Швеціи.

Первоначальная мысль заняться изученіемъ въ военномъ отношеніи войны 1808—09 г.г. внушена была мнѣ еще покойнымъ генераль-адъютантомъ *Николаемъ Ивановичемъ Бобриковымъ*, незабвенной памяти котораго я и посвящаю настоящій скромный трудъ. Не претендуя отнюдь на полноту историческаго изслѣдованія и не являясь строго-научной, предлагаемая работа основана тѣмъ не менѣе во многомъ на неиспользованныхъ первоисточникахъ, преимущественно на документахъ Военно-Историческаго Отдѣленія Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба и Архива Морского Министерства. Документы эти, не затрагивая политической стороны и вообще вопроса о подготовкѣ къ войнѣ, пополняютъ во многомъ прежнія свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ. Разборъ послѣднихъ и ихъ посильное освѣщеніе составляли главную цѣль труда, такъ какъ я стремился прежде всего достигнуть *практической цѣли*... Финляндія сохраняетъ для насъ непрестанно весьма важное военное значеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ театръ военныхъ дѣйствій, она настолько своеобразна и, несмотря на свою близость къ столицѣ, такъ сравнительно мало намъ знакома, что изученіе ея особенностей на ближайшихъ къ намъ по времени военно-историческихъ фактахъ безусловно должно оказать содѣйствіе не только тѣмъ войскамъ, которымъ придется тамъ оперировать, но и вообще дѣлу боевой подготовки арміи. Послѣднее станетъ яснымъ, если принять во вниманіе, что въ Финляндіи и особенно въ

1808—09 г.г., въ силу мѣстныхъ условій, дѣйствовали рядъ отдѣльныхъ небольшихъ самостоятельныхъ отрядовъ и война эта даетъ серію крайне поучительныхъ тактическихъ эпизодовъ, пригодныхъ не только съ точки зрѣнія изученія эпохи или для выясненія особенностей финляндской мѣстности, но также для подтвержденія современныхъ тактическихъ воззрѣній, такъ какъ эти мѣстныя особенности во многомъ приводили къ тому, что приходилось дѣйствовать почти въ духѣ послѣдняго слова нынѣшней тактики...

Выражаю поэтому надежду, что трудъ мой послужить не только цѣлямъ ознакомленія военныхъ читателей съ одною изъ почетныхъ страницъ нашего военно-историческаго прошлаго, но и дастъ матеріалъ для самостоятельной работы въ нарождающейся у насъ области *тактическихъ упражненій на военно-исторической почвѣ.*

Петръ Нивѣ.

20 Февраля 1910 г.

Оглавление.

ГЛАВА I.

СТРАИ.

Цѣль войны и политическая обстановка 1

Значеніе Финляндіи для Россіи.—Историческая преемственность стремленія ея къ Балтикѣ.—Роль Финляндіи въ дѣлѣ обезпеченія „граду Петрову безопасія“.—Отношенія Россіи и Швеціи въ началѣ царствованія Императора Александра I.—Характеристика Густава IV Адольфа.—Тильзитскій миръ и виды Наполеона.—„Географическое“ значеніе войны со Швеціей.—Внутреннее состояніе шведскаго королевства и сепаративныя стремленія финляндцевъ.—Политическая обстановка къ началу военныхъ дѣйствій.

ГЛАВА II.

Вооруженныя силы сторонъ 14

Шведы. Устройство высшаго военнаго управленія.—Пополненіе, численность, организація, вооруженіе, снаряженіе, продовольственная часть, обученіе, тактическая подготовка.—Характеристика арміи и корпуса офицеровъ по отзывамъ современниковъ.—*Русскіе.* Общая характеристика, численность, организація, пополненіе, воинское обученіе, тактическая подготовка.

ГЛАВА III.

Театръ военныхъ дѣйствій 26

Площадь тогдашней шведской Финляндіи и ея граница съ Россіей.—Поверхность Финляндіи.—Дѣленіе на два театра.—Внутреннія и внѣшнія воды.—Лѣса.—Климатъ.—Оцѣнка финляндской мѣстности А. И. Бибиковымъ.—Населеніе.—Характеристика Турскаго.—Отзывы маркиза Паулуччи и графа Ребиндера.—Матеріальныя средства страны и ея обитателей.—Развѣдки Теслева передъ войной.

ГЛАВА IV.

Планы и подготовка сторонъ 37

Шведскіе планы по оборонѣ Финляндіи.—Планъ Эренсверда.—Планъ Клингопора — Планъ анонима.— Положеніе финляндскаго театра къ 1808 году.—Меморіаль „тайнаго военнаго совѣта“.—Королевская инструкция финляндскому главнокомандующему.—Мѣры съ вашей стороны по оборонѣ шведской границы въ Старой Финляндіи.—Дѣятельность Суворова въ 1791—92 г.г.—Его операціонные планы.—Планъ А. И. Бибикова.—Планъ 1808 года.—Мѣры по подготовкѣ базы въ Старой Финляндіи.

Зимній походъ 1808 года. 53

Положеніе сторонъ передъ вторженіемъ нашимъ въ предѣлы шведской Финляндіи.—Дѣйствія на *прибрежномъ театръ*: форсированіе нами Кюмеи; налетъ Орлова-Дешиова на Гельсингфорсъ; сосредоточеніе Клеркера къ Тавастгусу.—Прибытіе графа Клигспора; рѣшеніе шведовъ отступать на сѣверъ.—Наступленіе нашихъ войскъ къ Тавастгусу и его занятіе.—Дѣйствія въ *Саволакст*.—Расположеніе Кристоффта; обходъ его Тучковымъ I; опѣшное очищеніе С. Михеля и отступление шведовъ въ Куопіо.—Рѣшеніе графа Буксгевдена къ 25 февраля.—Наступленіе ки. Багратиона.—Захватъ Таммерфорса.—Дѣло у д. Ульфбю (Хайстила).—Захватъ Бьериборга.—Новое дробленіе нашихъ силъ.—Наступленіе къ Або и занятіе его 12-го марта.—Декларація 16-го мая и манифестъ 20-го марта о покореніи Финляндіи и ея присоединеніи навсегда къ Россійской Имперіи.—Преслѣдованіе шведовъ.—Наступленіе Тучкова I къ Куопіо.—Бой у Леппявирта 28-го февраля.—Занятіе Тучковымъ Куопіо.—Планъ гр. Буксгевдена.—Неудача его.—Причины.—Положеніе сторонъ къ 1-му апрѣля.—Аррьергардные бои близъ Пюхяюки.—Бой у Сикаюки 5—6 апрѣля.—Движеніе Булатова.—Нечаянное нападеніе шведовъ на отрядъ Булатова у Револака 15-го апрѣля.—Послѣдствія этого боя и его значеніе, какъ поворотнаго пункта въ ходѣ войны.—Бой у Пулькнла.

ГЛАВА VI.

Дѣйствія подъ крѣпостями 87

Состояніе крѣпости Свеаборга.—Его задача по королевской инструкціи 3-го февраля.—Наши предположенія о дѣйствіяхъ противъ Свеаборга.—Мѣры „отѣсненія“.—Золотой порошок.—Разлагающіе элементы.—Конвенція 22-го апрѣля.—Распоряженія Императора Александра I.—Настроеніе гарнизона.—Капитуляція.—Паденіе Свартгольма.—Выводы.

ГЛАВА VII.

Итоги зимняго похода 1808 года. 109

Какъ рисовали себѣ въ Петербургѣ положеніе дѣлъ въ Финляндіи.—Представленія графа Буксгевдена.—Положеніе дѣлъ въ началѣ мая.—Планы Клигспора.—Опасенія нашего Главнокомандующаго.—Народная война.—Причины нашихъ заблужденій.—Образъ дѣйствій противника и его оцѣнка.

Положеніе сторонъ съ открытіемъ навигаціи.—Планъ оюзнаго десанта въ Южную Швецію.—Намѣренія шведскаго короля.—Эпизодъ съ англійскимъ вспомогательнымъ корпусомъ.—Планы Клигспора и Авъ-Тибеля.—Предположенія графа Буксгевдена.

Періодъ шведскихъ „поползновеній“ 138

Ототупленіе Раевского.—Положеніе его въ окрестностяхъ Вазы.—Планъ совѣстныхъ дѣйствій Клингспора и десантовъ.—Бой у Ню-Карлебу.—Отбитіе высадки Фегезака у Лемо.—Разгромъ Бергенстролеу у Вазы.

Наступленіе Варклай-де-Толли.—Сандельсъ у Куопіо.—Налеты на наши сообщенія.—Отходъ Раевского на югъ.—Бои у Линтулакса и Перхо.—Наступленіе Клингспора, бой у Лаппо.—Военный совѣтъ въ Алаво.—Положеніе отряда Орлова-Денисова.—Оцѣнка стратегическаго положенія въ концѣ іюля.—Взгляды графа Буксгевдена.—Новыя командировки Паулуччи.—Оборонительный планъ (кордоизъ).—Возраженія главнокомандующаго.—Состояніе духа графа Клингспора.—Упорство шведскаго короля.

ГЛАВА IX.

Дѣйствія на морѣ въ кампанію 1808 года 189

Значеніе морскихъ операцій.—Морскія силы сторонъ.—Мѣры обезпеченія побережья.—Соображенія графа Буксгевдена.—Пререканія съ Чичаговымъ.—Отправка изъ Кронштадта и Свеаборга гребныхъ флотилій.—Соединеніе союзниковъ на морѣ.—Значеніе Готландской экспедиціи; ея выполненіе; причины неуспѣха.

Развѣдочныя мѣры в.-адм. Сарычева.—Бой Невельскаго на „Опытѣ“; захватъ шведами Гангутской „позиціи“.—Бои галерныхъ эскадръ у Ганго, Руноало, Хирвисало, Тавастеншеръ и Сандо.

Выступленіе эскадры в.-адм. Ханькова.—Ея задачи.—Исходъ дѣйствій корабельнаго флота.—Подвигъ „Всеволода“.—Оцѣнка.

ГЛАВА X.

Наступательная операція графа Н. М. Каменскаго 238

Біографическія свѣдѣнія о Каменскомъ.—Его назначеніе вмѣсто Раевского и данная ему инструкція.—Положеніе отряда и подготовка операціи.—Планъ.—Бои у Алаво и Карстула.—Новое рѣшеніе Каменскаго.—Куортане.—Сальми.—Послѣдствія этого боя.—Отступленіе шведовъ на сѣверъ.—Оровайсъ.—Значеніе успѣховъ Каменскаго.

ГЛАВА XI.

Перемиріе и „конвенція“ 271

Положеніе дѣлъ на восточномъ театрѣ.—Положеніе нашихъ войскъ въ Корелии.—Наступленіе князя Домгорукова.—Отходъ Сандельса къ Иденсальми.—Бой при Ютасѣ.—Дѣйствія у Гамла—Карлебу.—Десантъ у Варанпя и бой у Локколакса.—Бой у Гельсинге.—Планъ Дебельна.—Перемиріе въ Лохтео.—Поступокъ Комитета Министровъ.—Бой у Иденсальми (Вирта).—Оттѣсненіе Клингспора къ Улеаборгу.—Ночная атака Сандельса у Вирта.—„Конвенція“ въ Олькіюки.—Недовольство Императора Александра.—Увольненіе гр. Буксгевдева.—Оцѣнка его дѣятельности.

Зимняя за-Ботническая операція 304

Итоги лѣтней кампаніи.—Положеніе оторонъ зимою 1808—09 г.г.—Общая идея зимняго перехода въ Швецію.—Планъ графа Каменскаго.—Роль Аракчеева.—Видоизмѣненіе плана.—Положеніе Швеціи.—Дѣйствія колонны Багратиона.—Захватъ Аланда.—Переворотъ въ Стокгольмѣ.—Вѣроломство фонъ-Дебельна и легковѣріе Аракчеева.—Положеніе Барклая-де-Толли въ Вазѣ.—Побудительныя мѣры Аракчеева.—Организація марша черезъ Кваркенъ.—Захватъ Умео.—Возвращеніе.—Значеніе перехода.—Наступленіе графа Шувалова къ Калликсу.—Капитуляція Гриппенберга.—Оцѣнка зимней за-Ботнической операціи.

ГЛАВА XIII.

Лѣтняя за-Ботническая операція 338

Наступленіе графа Шувалова.—Бой у Шелефте.—Перерывъ морскихъ сообщеній черезъ Ботнику.—Наступленіе Сандельса.—Дѣло при Гернефорсѣ.—Начатіе мирныхъ переговоровъ въ Фридрихгамѣ.—Графъ Каменскій въ Вестроботніи.—Наступательный замыселъ шведовъ.—Соображенія Каменскаго.—Его наступленіе и положеніе къ 5-му августа.—Бои у Севара 7-го августа и у Ратана 8-го августа.—Отступленіе Вреде.—Результатъ операціи.—Дѣйствія на морѣ въ 1809 году.—Ихъ значеніе.—Оцѣнка лѣтней кампаніи 1809 года.

ГЛАВА XIV.

З а к л ю ч е н і е 380

Политическіе результаты Фридрихгамскаго мира.—Оцѣнка ихъ манифестомъ 1-го октября 1809 года.—Общій характеръ нашихъ военныхъ дѣйствій въ 1808—09 г.г.—Что тормозило наши успѣхи?—Какъ обезопасить себя отъ народной войны?—Связь сухопутныхъ и морскихъ дѣйствій.—Выводы на будущее.

Тактическія указанія.—Боевые порядки.—Гибкость тактическихъ приѣмовъ.—Частный починъ.—Значеніе связи.—Бои въ шхерахъ.—Роль различныхъ родовъ войскъ.—Заключеніе.

ГЛАВА I.

Цѣль войны и политическая обстановка.

Значеніе Финляндіи для Россіи.—Историческая преемственность стремленія ея къ Балтикѣ.—Роль Финляндіи въ дѣлѣ обезпеченія «граду Петрову безопасія».—Отношенія Россіи и Швеціи въ началѣ Царствованія Императора Александра I.—Характеристика Густава IV Адольфа.—Тильзитскій миръ и видъ Наполеона.—«Географическое» значеніе войны со Швеціей.—Внутреннее состояніе шведскаго королевства и сепаративныя стремленія финляндцев.—Политическая обстановка къ началу военных дѣйствій.

Положеніе Петербурга само собою опредѣляло и продолжаетъ опредѣлять значеніе для насъ Финляндіи: прочнаго ея захвата, рано или поздно, требуетъ „граду Петрову безопасія“.

По словамъ профессора А. М. Золотарева¹⁾ „самое существованіе его, какъ столицы, только и мыслимо при условіи полнаго владѣнія нами всею Финляндіею“.

Мысль прочно утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря теряется въ глубинѣ нашего прошлаго. Славяне съ незапамятныхъ временъ сидѣли на Балтійскомъ побережьѣ. Во время удѣльно-вѣчевого раздробленія Руси туда-же сознательно тянулись Новгородцы. Тѣ-же жизненныя цѣли преслѣдовало и обновленное Единодержавіемъ Московское Царство, подходя къ нимъ исподволь. Еще при Иванѣ III, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи, воеводы наши ходили въ сѣверную Финляндію „на десять рѣкъ“, часть силъ шла сухопутьемъ, а другая „моремъ Акіяномъ да черезъ Мурманскій носъ“. Иванъ Грозный сознательно считалъ „Прибалтійскую Виоляндію“ своею вотчиною; Борисъ Годуновъ, при Царѣ Феодорѣ, добился обратнаго возвращенія намъ шведами бывшихъ новгородскихъ пятинъ. Такимъ образомъ, Петръ Великій, рѣшаясь на войну со Швеціей за Балтійское побережье, шелъ по стопамъ предковъ. „Окно въ Европу“ выбрано было имъ прямо по завѣтамъ отца, который категорически писалъ Ордину-Нащокину. „Промышляй всякими мѣрами, чтобы у шведовъ выговорить въ нашу сторону въ Балцахъ (Ніеншандъ) и подъ Ругодпвомъ (Нарва) корабельныя пристани и отъ тѣхъ пристаней для проѣзда къ Корелѣ городъ Орѣшекъ (т. е. всю линію р. Невы).

Стихійное стремленіе къ Балтійскому морю, кромѣ историческихъ правъ, желанія возвратитъ земли „отчичъ“ и „дѣдичъ“, объясняется, очевидно, стремленіемъ добиться свободныхъ, безпрепятственныхъ

¹⁾ Русскій Вѣстникъ 1902 г. № 8.

сношеній съ государствами запада. По мнѣнію С. М. Соловьева¹⁾ „Петръ начинаетъ войну со шведами за Балтійское море, смотря на нее только какъ на средство достигъ внутренняго преобразованія“. Еще опредѣленнѣе говоритъ французскій историкъ Альбертъ Сорель²⁾: „Россія не могла расти и развиваться, не открывая себѣ путей для торговли и доступа къ цивилизаціи. Путь для торговли—это значило Балтійское море, а его запирали шведы“.

Перенесеніе въ Петербургъ столицы совершилось, по словамъ Соловьева, въ силу естественнаго хода исторіи, какъ поднятъ былъ Владиміръ за счетъ Кіева и Москва за счетъ Владиміра. Неудобства ея расположенія на окраинѣ государства, инородческой, только что завоеванной—были очевидны. „Правду сказать, Петръ I близко (т. е. къ границѣ) сдѣлалъ столицу“ жаловалась Екатерина II приближеннымъ 28 іюня 1788 г., когда шведскій флотъ угрожалъ Кронштадту. Что-же заставляло терпѣть эти явныя невыгоды?—Соловьевъ отвѣчаетъ: *необходимость*. „Новый городъ основанъ былъ тамъ, гдѣ западное море всего глубже входитъ въ восточную равнину и наиболѣе приближается къ русской землѣ“.

Полная безопасность новой столицы могла быть достигнута только съ пріобрѣтеніемъ всей Финляндіи, которая неминуемо обращалось въ естественную базу для наступательныхъ операцій шведовъ къ Петербургу. Пока Финляндія пребывала во власти шведовъ—Россія никогда не могла быть спокойна за участь Петербурга. И дѣйствительно, въ 1788 г. шведскій флотъ серьезно угрожалъ ему; во всѣ войны съ Швеціей послѣдняя неизмѣнно составляла (не исключая и 1808—09 г.г.) планы наступленія на Петербургъ сухимъ путемъ изъ Саволаксъ-Корелинъ въ обходъ нашихъ войскъ, дѣйствующихъ на границѣ. Не обладая прочно Финляндіей, Россія не можетъ считать себя хозяиномъ Финскаго залива; ея морскіе пути на западъ не будутъ вполне безопасны.

При заключеніи Нпштадскаго мира обратная уступка Финляндіи служила средствомъ добиться *прочнаго* договора со Швеціей, крайне необходимаго намъ послѣ тяжелой войны, длившейся 21 годъ. Петръ предвидѣлъ это еще въ 1712 г., когда писалъ Апраксину, что „она (Финляндія) намъ ненужно вовсе удерживать, но двухъ причинъ ради главнѣйшихъ (надо овладѣть ею): первое—*было бы что при мирѣ уступить...* и ежели Богъ попуститъ лѣтомъ до Абова, то шведская шея *мяче нутья станеть*“. Другими словами, Петру Финляндія была нужна, чтобы *навѣрняка* заполучить *важнѣйшее* южное побережье и Петербургъ съ Выборгомъ, а затѣмъ, чтобы изъ нея грозить непріа-

¹⁾ Публичныя чтенія о Петрѣ Великомъ, стр. 60.

²⁾ Европа и французская революція, т. I, стр. 399.

телю въ самое сердце его могущества. Пока шведы владѣли Ливоніей, они оттуда всегда угрожали *путямъ, связующимъ Петербургъ съ Москвою*. Ясное дѣло, что здѣсь ничего отдавать не приходилось. Петръ несомнѣнно сознавалъ временное значеніе сдѣланной имп уступки и лишь старался отсрочить моментъ новаго столеновенія заключеніемъ союзнаго трактата съ недавними врагами на 12 лѣтъ и выдачею имъ же крупнаго денежнаго пособія (8 милліоновъ ефимковъ) въ *разсрочку*. Надо было дать Россіи собраться съ новыми силами и завершить внутреннія преобразованія. Въ то же время Петръ ¹⁾ намѣчалъ въ Роогервикѣ будущій военный портъ, откуда нашъ флотъ, пользуясь фланговою позиціей, парализовалъ бы невыгоды оставленія въ рукахъ шведовъ западной Финляндіи.

Но эта гениальная идея Петра не получила осуществленія. Понадобились еще три кровопролитныхъ войны, еще цѣлый вѣковой періодъ исторіи, и въ результатѣ мы имѣемъ „Великое княжество Финляндское“. Въ какой мѣрѣ достигнуто „безопасіе“ Невской столицы и морскихъ путей на западъ уже въ наше время—разсмотрѣніе этого вопроса не входитъ въ нашу задачу.

Заключенный въ 1790 г. Верельскій миръ оставилъ неизмѣнными границы между Швеціей и Россіей. Въ теченіе 17 лѣтъ мирныя отношенія сосѣдей не прерывались. Въ концѣ царствованія Екатерины Великой, шведами дѣлались даже попытки къ сближенію, напримѣръ, известное сватовство короля къ внукѣ Императрицы. При Павлѣ Петровичѣ русско-шведскія отношенія оставались дружественными. Въ 1800 г. Густавъ IV лично посѣтилъ Петербургъ для возобновленія договора „о вооруженномъ нейтралитетѣ“, а Павелъ I предлагалъ ему даже поддержку оружіемъ на случай предпологаемыхъ въ Швеціи и Финляндіи волненій во время сейма.

Съ восшествіемъ на престолъ Александра I, взгляды и прирожденные свойства обоихъ Государей оказались настолько различными, что ухудшенію личныя отношеній между ними, несмотря на родственныя связи ²⁾, удивляться не приходится. Обостренію этихъ отношеній немало способствовалъ цѣлый рядъ мелкихъ безтактностей шведскаго короля, весьма чувствительно задѣвшихъ русскаго Императора ³⁾.

¹⁾ См. М. Марченко: „Мысли Петра Великаго о созданіи порта на Балтійскомъ берегу“.

²⁾ Они женаты были на родныхъ сестрахъ.

³⁾ Напримѣръ, Густавъ приказалъ перекрасить въ шведскіе государственные цвѣта весь пограничный мостъ на рѣкѣ Кюмени; новорожденному сыну своему далъ титулъ Великаго Герцога Финляндскаго, каковаго, со времени завоеванія Финляндіи Петромъ, не носили уже шведскіе принцы. Вслѣдъ за этимъ у насъ Высочайше повелѣно было именовать Выборгскую губернію—„Финляндскою“. Наконецъ, Густавъ IV самовольно задержалъ провозимую черезъ Швецію въ Россію англійскую субсидію и удержалъ изъ нея 375 тысячъ

Вообще Густавъ IV Адольфъ, по словамъ Адлерберга, „отъ природы былъ одаренъ талантами и добродѣтелями, но доказаль своимъ примѣромъ, что качества эти могутъ быть не только не полезны, но и вредны, если у лица, ими обладающаго, недостаетъ осмотрительности и осторожности“. Самъ отецъ его, Густавъ III, предсказываль ему, что онъ „худо кончить“. Отличительною особенностью его—была ненависть къ Наполеону, котораго онъ называль „апокалиптическимъ звѣремъ“. Густавъ IV ничего не читаль, кромѣ Библии и воинскаго устава, не обладалъ ни личнымъ мужествомъ, ни познаніями въ военномъ дѣлѣ; *тѣмъ не менѣе непремѣнно желаль лично распоряжаться военными дѣйствіями.*

Стремясь подражать своему великому предку Карлу XII, Густавъ-Адольфъ облачался въ его костюмъ и вооружался его пистолетами, но, какъ доносилъ намъ Стокгольмскій посланникъ Алопеусъ,—„видѣли на немъ только одѣяніе Карла XII, но не видѣли его, какъ тотъ бываль впереди своего войска передъ непріателемъ,“¹⁾. Наполеонъ, прямо считаль Густава-Адольфа сумашедшимъ. „Vous parlerez de ce Souverain comme d'un fou...“ писалъ онъ въ 1807 г. Маршалу Брюнну.

Имѣются указанія, что шведскій король еще съ конца 1802 г. подумываль о войнѣ съ Россіей. Ненависть къ Наполеону отвлекала, однако, Густава отъ замысловъ противъ насъ. Поэтому, до Тильзитскаго мира, онъ принималь живѣйшее участіе во всѣхъ коалиціяхъ противъ Франціи, въ которыхъ, какъ извѣстно, участвовала и Россія.

Послѣ Тильзитскаго мира наши внѣшнія соотношенія кореннымъ образомъ измѣнились: прежніе союзники превратились въ противниковъ и прежде всего, конечно, Англія. Противъ этого непримиримаго своего врага намѣреваль Наполеонъ прежде всего использовать союзъ съ Россіей. Посредствомъ „континентальной системы“ онъ рассчитываль уничтожить морскую торговлю Великобританіи, а для успѣха этого плана надо было вовлечь въ число участниковъ какъ можно больше государствъ. Сперва предполагалось, совмѣстными усиліями Франціи и Россіи, воздѣйствовать на Англію; въ случаѣ-же отказа ея отъ предлагаемыхъ условій (почти несомнѣннаго)—рѣшено было довести дѣло до разрыва и вмѣстѣ съ тѣмъ понудить Данію, Швецію и Португалію закрыть свои порты для англичанъ. Та изъ названныхъ державъ, которая отказалась-бы исполнить это требованіе, должна была считаться враждебною.

Что-же касается Турціи (съ которой мы съ 1806 г. были въ войнѣ), то въ случаѣ отказа ея принять посредничество Франціи, предполо-

---

риксаделеровъ, оставшихся недоключенными по условіямъ трактата 1791 г. Къ такимъ же выходкамъ можетъ быть отнесена и обратная отсылка ордена Св. Андрея Первозваннаго, уже непосредственно передъ разрывомъ.

¹⁾ В. Уч. Арх. д. № 1666, стр. 13.

жено было дать Россіи сперва овладѣть Молдавіей и Валахіей ¹⁾ а затѣмъ, при помощи Французовъ, добиться, быть можетъ, и совершеннаго изгнанія Турокъ изъ Европы.

Едва-ли, однако, Наполеонъ искренно думалъ допустить что-либо подобное, — онъ, который самъ про Константинополь выражался „с'est l'empire du monde“. Предвидя, что упрямый Густавъ-Адольфъ IV не порветъ съ Англіей, Наполеонъ счелъ болѣе для себя выгоднымъ направить вниманіе Русскаго Государя на сѣверъ ²⁾. Онъ указалъ Ему на Швецію, какъ на „географическаго врага“. „Петербургъ— говорилъ онъ— *слишкомъ близокъ къ финляндской границѣ*; прекрасныя петербургскія дамы не должны болѣе въ своихъ дворцахъ слышать громы шведскихъ пушекъ“.

Сперва русскій Императоръ неохотно склонялся къ этой комбинаціи; Онъ доказывалъ французскому послу Савари, что Финляндія— „это пустыня, обладаніе которой никого не можетъ соблазнить“. Настойчивость Александра I закрѣпить за собою Дунайскія княжества привела къ нѣкоторому охлажденію между союзниками. Положеніе было затруднительное; неисполненіе требованій Наполеона могло привести къ новой войнѣ съ нимъ: недаромъ онъ „на всякій случай“ оставилъ 200 тысячъ своихъ войскъ въ Силезіи. Съ другой стороны, немедленный разрывъ съ Англіей грозилъ появленіемъ въ Балтійскомъ морѣ того самаго англійскаго флота, съ 30 тысячнымъ десантомъ, который только что (въ сентябрѣ 1807 г.) разгромилъ Копенгагенъ. Только по полученіи пзвѣстія о возвращеніи этого флота въ Англію осторожный Александръ рѣшился морвать съ нею дипломатическія сношенія (нота отъ 27-го октября).

Русскій государь и его совѣтники, уже тогда предвидя непрочность союза съ Наполеономъ, на что имѣются указанія ³⁾, взвѣшивали, какъ использовать этотъ союзъ напвыгоднѣйшимъ образомъ. Война съ Турціей уже велась два года; въ 1807 г. дѣйствія наши окончились удачно, перемиріе имѣло скрытою цѣлью сосредоточеніе превосходныхъ силъ, освободившихся отъ войны съ Наполеономъ. Естественно и вполне правильно съ военной точки зрѣнія было желать сперва покончить уже начатую съ Турціей войну. Но, какъ только выяснилась невозможность этого (во избѣжаніе поваго разрыва съ Наполеономъ),

¹⁾ Въ то время, по силѣ заключеннаго съ Турками въ Слободзѣ перемирія, мы только что обязались очистить эти княжества.

²⁾ Подобно тому, какъ при Екатеринѣ II Пруссія старалась оттянуть наше вниманіе отъ проекта раздѣла Турціи, возбудивъ вопросъ о Польшѣ. Фридрихъ Великій находилъ, что «русскій потокъ надо кавализировать» и писалъ въ своихъ мемуарахъ: «Было два исхода: или остановить Россію на пути къ ея обширнымъ завоеваніямъ или, что всего равумнѣе, попытаться павлечь изъ нея пользу».

³⁾ См., напр., Ф. Мартенсъ. Сборн. Тркт. т. XIII.

Александръ I стремится скорѣе заключить съ Турціей миръ. Только случайность—смуты и переворотъ въ Турціи—помѣшала успѣху этого намѣренія. Такое положеніе вещей дѣлало сосредоточеніе въ Финляндіи значительно превосходныхъ надъ противникомъ силъ для насъ затруднительнымъ.

Изъ записокъ Ф. Вигеля и князя С. Волконскаго видно, что война со Швеціей въ тогдашнемъ петербургскомъ обществѣ сочувствіемъ не пользовалась. Отчасти это зависѣло отъ нерасположенія вообще къ союзу съ Наполеономъ, но увѣ, гораздо менѣе по заботѣ о коренныхъ интересахъ Россіи, чѣмъ по мечтаніямъ космополитическаго свойства. Одни ненавидѣли Наполеона какъ „тирана“ и угнетателя революціи, другіе считали его „узурпаторомъ“.

Однако *географическое* значеніе войны, необходимость довести до конца завоеваніе Финляндіи, видимо, ясно сознавалось въ руководящихъ сферахъ, что видно изъ актовъ и документовъ того времени и заявленій выдающихся современниковъ¹⁾. Воспоминаніе о тревогѣ, пережитой Петербургомъ въ 1788 г., когда флотъ Густава III угрожалъ Кронштадту, какъ видно, еще не успѣло изгладиться. А тревога была такова, что Екатерина II даже переѣхала въ столицу изъ Царскаго „для ободренія жителей“ и готовилась сама выйти во главѣ съ гвардіи къ Осиновой рошѣ (Левашово).

„La Finlande etait nécessaire à la Russie; c'était le projet de Pierre le Grand qui, sans cela, n'aurait pas placé la capitale là, où elle est“,—сказалъ Наполеону нашъ посолъ въ Парижѣ, графъ Шуваловъ.

Основное значеніе овладѣнія Финляндіею настолько сознавалось, что даже паденіе Свеаборга праздновалось въ Петербургѣ торжественнымъ парадомъ у памятника *Петра Великаго*, причемъ „войска проходили церемоніальнымъ маршемъ мимо монумента, воздавая честь Тому, чьи побѣды придвинули Россію къ Балтикѣ“. Въ прокламаціяхъ къ населенію Финляндіи самое вступленіе нашихъ войскъ въ ея предѣлы объяснялось необходимостью „обезпечить безопасность собственныхъ областей Государства“.

По занятіи нами Або, главнокомандующій графъ Буксгевденъ, донося о завладѣніи нами всею южною Финляндіею, между прочимъ, писалъ:

„Безопасность Россіи давно уже требовала, чтобы предѣлы наши ограничивались Ботникою и чтобы воды Финскаго залива принадлежали собственно повелѣнію однихъ Россіянъ. Сіе намѣреніе было въ Возѣ почивающаго Государя Императора Петра Великаго и непосредственнымъ желаніемъ Государыни Императрицы Екатерины Великой.“

¹⁾ Напримѣръ, Гр. Румянцева, Гр. М. И. Кутузова, Сенатора Обрескова и др. (см. Охраны Россіи 1909 г. № 44).

Чувствованія самихъ финновъ уже давно приуготовили къ сему умы ихъ и содѣлало ожиданіе, котораго послѣдствія нынѣ совершились“.

Отсюда ясно, что основная цѣль войны ставилась вполне опредѣленно; Императоръ Александръ, не слѣдуя въ этомъ случаѣ своимъ личнымъ желаніямъ, не прислушиваясь къ голосу общественнаго мнѣнія, пошелъ по слѣдамъ вѣковой политики предковъ. „Русскіе Государя—пишетъ Сорель¹⁾—составляли только такіе планы, которые могли быть поддержаны національными чувствами. Ихъ полтика, внушаемая природою вещей, проста и ясна, именно это и объясняетъ ея неизмѣнность, не взирая на перемѣны царствованій и рѣзкія различія въ индивидуальности Государей. Пути русской политики—движеніе къ морямъ Балтійскому и Черному и приближеніе къ центру Европы (овладѣніе Польшей) были заранѣе намѣчены“.

Въ итогѣ, благопріятно сложившіяся обстоятельства сдѣлали то, что Александру I суждено было, по словамъ С. М. Соловьева, „осуществить завѣты Петра Великаго, его предтечей и послѣдователей“.

Упомянутыя Буксегвденомъ „чувствованія финновъ“ заслуживаютъ особаго разсмотрѣнія. Данная эта существенно отражалась и на характерѣ военныхъ дѣйствій въ эту войну. Одновременно выяснятся и внутреннее состояніе шведскаго государства, что важно для правильной оцѣнки его способности къ борьбѣ съ вѣншимъ врагомъ.

Сѣверная война низвела Швецію съ вершины могущества и славы едва ли не въ разрядъ второстепенныхъ государствъ Европы. Но еще болѣе вреда причинило Швеціи внутреннее разложеніе, тотъ, такъ сказать, политическій развратъ, который воцарился тамъ въ XVIII столѣтіи, чему способствовалъ цѣлый рядъ слабыхъ, неспособныхъ государей. Партіи, лишенные почвы въ странѣ, искали поддержки извнѣ; продажность царя во всѣхъ учрежденіяхъ и „нація оказалась открытою чужеземному вмѣшательству“. 54 года такъ называемаго „періода свободы“ (1718—1772) привели къ тому, что королевская власть фактически была упразднена. Дошло до того, что въ 1755 году чины шведскаго риксдага изготовили особый штемпель королевской подписи, прикладывая его къ своимъ постановленіямъ, когда король отказывался ихъ подписывать. Россія старалась поддерживать раздоръ шведскихъ партій, такъ какъ упадокъ королевской власти былъ намъ здѣсь (какъ и въ Польшѣ) выгоденъ.

Война 1741—43 годовъ затѣяна была партіей „шляхъ“, мечтавшей о восстановленіи былаго могущества Швеціи и надѣявшейся воспользоваться неустойчивостью русскаго престола послѣ смерти Импера-

¹⁾ Т. I, стр. 105.

трицы Анны. Она кончилась для шведов неудачно и мы увеличили Петровское достояніе въ Финляндіи довольно значительнымъ прирѣзкомъ. Ко времени этой войны относится первая попытка добиться *добровольнаго* отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи—извѣстный манифестъ Императрицы Елизаветы Петровны, въ которомъ приглашеніе отдаться подъ покровительство Россіи заканчивалось, впрочемъ, угрозой, въ случаѣ отказа, „разорить страну огнемъ и мечемъ“. Воззваніе не возымѣло дѣйствія, хотя около 20-ти сельскихъ общинъ и одна городская (Улеаборгская) изъявили желаніе подчиниться волѣ русской Императрицѣ. Вообще въ Финляндіи, съ ослабленіемъ въ Швеціи королевской власти уже наблюдалось отсутствіе прежней безусловной вѣрности шведской коронѣ. Во время военныхъ дѣйствій было нѣсколько попытокъ со стороны офицеровъ-финляндцевъ завести переговоры съ непріателемъ. Многіе мѣстные обыватели стали подумывать, не будетъ ли болѣе выгоднымъ отдѣлиться отъ Швеціи и перейти подъ покровительство Россіи?

Русскіе государственные люди тоже стали задумываться надъ судьбою Финляндіи. Извѣстный Бестужевъ впервые предлагалъ превратить ее въ „барьеръ“, или въ „государство-буферъ“, выражаясь по современному, т. е. въ независимое герцогство, подъ совокупнымъ протекторатомъ Швеціи и Россіи. Остерманъ предлагалъ лучше: обратить Финляндію въ пѹстыню, выселивъ совершенно ея жителей. Объ этомъ планѣ упоминаетъ Фридрихъ Великій въ своихъ письмахъ къ прусскому послу въ Стокгольмѣ 1750 года, причемъ, въ случаѣ успѣха завоеванія Финляндіи русскими, считаетъ изгнаніе ихъ оттуда невозможнымъ.

Со стороны финляндскихъ „патріотовъ“ замыслы и проекты объ отдѣленіи Финляндіи отъ Швеціи съ сороковыхъ годовъ XVIII столѣтія, можно сказать, не прекращались. Изъ многочисленныхъ попытокъ этого рода можно упомянуть: заговоръ объ избраніи въ „короли“ Финляндіи Великаго Князя Петра Теодоровича (вскорѣ послѣ Абоскаго мира). Въ сороковыхъ годахъ XVIII столѣтія выборгскій уроженецъ Адамъ Фреденшернъ составилъ проектъ совмѣстныхъ операцій Россіи и Даніи противъ Швеціи съ указаніемъ наивыгоднѣйшихъ пунктовъ нападенія и т. п. Въ проектѣ (переданномъ Панину) содержался, между прочимъ, совѣтъ разбрасывать прокламаціи въ Финляндіи. Проектъ обсуждался въ тайномъ совѣтѣ Императрицы Елизаветы Петровны. Фреденшернъ выговаривалъ уже тогда созывъ особаго финляндскаго сейма для опредѣленія будущаго устройства края.

Государственный переворотъ 1772 года, произведенный Густавомъ III, по мнѣнію Сореля, „спасъ независимость Швеціи“. Укрѣпленіе королевской власти въ Швеціи было, разумѣется, Россіи невыгодно.

Не жалѣя расходовъ на подкупы шведской оппозиціи, правительство Императрицы Екатерины прислушивалось къ финляндскимъ измѣнительскимъ проектамъ.

Тогда-то особенно ярко проявилась дѣятельность по этой части извѣстнаго Георгія-Магнуса Спренгпортена, „злого генія“ Швеціи.

„Республиканецъ на словахъ—деспотъ въ душѣ“, вотъ какъ характеризуетъ его въ своихъ мемуарахъ извѣстный Ребиндеръ (впослѣдствіи мннпстръ-секретарь Финляндіи при Императорѣ Николаѣ I). Спренгпортенъ, съ 1787 года перешедшій на русскую службу, началъ осаждать своимъ проектами независимой Финляндіи русскихъ сановниковъ. Русскія войска и русскія деньги должны были явиться на помощь финнамъ въ ихъ возстаніи противъ Швеціи, послѣ чего Россія должна была гарантировать финляндцамъ особое устройство въ видѣ „республики финляндскихъ соединенныхъ провинцій“.

Съ своей стороны Потемкинъ рекомендовалъ безотлагательно напасть на Швецію и попросту завладѣть Финляндіей. Но Государыня, зная преимущество инициативы Шведскаго короля въ дѣлѣ разрыва (только во время оборонительной войны король не былъ связанъ рѣшеніями сейма), предоставила ему начпнать. Такъ и случилось.

Въ это время въ Финляндіи, облагодѣтельствованной Густавомъ III, проявилось особое малодушіе: въ войскахъ вспыхнулъ бунтъ; въ русскимъ начальникамъ стали поступать отъ шведскихъ командировъ мирныя предложенія; въ мѣстечкѣ Аньяла группа офицеровъ финляндцевъ (шведскаго происхожденія) обратилась къ Императрицѣ съ особою „нотой“, предлагая отдѣленіе Финляндіи отъ Швеціи съ провозглашеніемъ первой самостоятельной. Императрица отнеслась къ заговорщикамъ сдержанно; имъ только словесно было внушено, что *„надѣяться могутъ вспоможенія, во всемъ согласно съ пользою нашей Имперіи“*. Аньяльцы открыто предлагали „корону Финляндіи“ брату короля, Герцогу Зюдерманландскому, а въ Петербургѣ ихъ главнымъ агентомъ былъ тотъ-же Спренгпортенъ, но дѣло кончилось распаденіемъ конфедераціи и заочнымъ приговоромъ всѣхъ участниковъ къ смертной казни. Главарямъ удалось отъ нея ускользнуть и всѣ они, пріютивъ у ступеней Россійскаго трона, оказались, уже въ интересующую насъ эпоху, въ роли совѣтниковъ Императора Александра I по финляндскимъ дѣламъ.

Въ массѣ финляндскаго народонаселенія замыслы Апяльцевъ сочувствія не встрѣтили. Во время рѣсдага 1789 г. представители финскаго крестьянства особымъ адресомъ благодарили короля за освобожденіе страны отъ „могущественнаго и коварнаго врага“. Тѣмъ не менѣе расчеты на возможность достигнуть въ Финляндіи значительныхъ успѣховъ, опираясь на сочувствіе населенія, играли и въ

1808 году весьма существенную роль. Такой способъ дѣйствій отвѣчалъ отчасти личному характеру Императора Александра, не освободившемуся отъ мечтаній юности. Въ то же время Александръ (по отзыву Наполеона) былъ еще „хитрымъ византійцемъ“. Съ одной стороны—гуманитарныя идеи, стремленіе привлечь къ себѣ сердца, а съ другой—природная склонность предпочитать политическую интригу открытой борьбѣ со врагомъ. Ясно, что проекты и планы Спренгтпортена и его единомышленниковъ имѣли теперь больше вѣса и значенія, чѣмъ прежде.

Какъ только политическая обстановка стала складываться въ пользу разрыва Россіи со Швеціей, такъ шведскіе перебѣжчики стали работать во всю. Спренгтпортенъ еще въ 1806 г. предусмотрительно подалъ Императору Александру записку, въ которой совѣтовалъ бросить союзъ съ германскими государствами и соединиться съ Наполеономъ. Въ петербургскомъ обществѣ распространялись „слухи изъ Финляндіи“, рисовавшіе положеніе вещей въ краѣ и настроеніе населенія въ самыхъ неблагопріятныхъ для Швеціи краскахъ. Положимъ, основаній къ недовольству было достаточно. Финляндія служила всегда козломъ отпущенія въ русско-шведскихъ распряхъ, а недовѣріе къ финнамъ было такъ велико, что все начальство въ финскихъ войскахъ было исключительно шведскимъ. Въ экономическомъ отношеніи Финляндію безсовѣстно эксплуатировали; заграничная торговля ей была закрыта; велась она преимущественно шведскими купцами, за грошъ скупавшими финскіе товары. Мѣры внутренняго порядка, особенно усердно принимаемыя Густавомъ III, преслѣдовали, главнымъ образомъ стратегическія цѣли (напримѣръ—улучшеніе путей сообщенія, болѣе правильная закладка повинностей и др.). Хроническая пустота шведской казны вела къ непомерному возрастанію налоговъ.

Несмотря на все это, въ массѣ населенія края никакого расположенія къ Россіи не наблюдалось. Дѣйствовали тутъ и рассказы объ ужасахъ русскаго нашествія, передаваемыя изъ поколѣнія въ поколѣніе, съ немалыми преувеличеніями. Да и шведское правительство не скупилось на распространеніе ложныхъ и извращенныхъ свѣдѣній о Россіи, при содѣйствіи печати.

Рѣшеніе начать войну созрѣло у Императора Александра окончательно къ зимѣ 1807—08 года. Онъ повелѣлъ ускорить сосредоточеніе войскъ къ финляндской границѣ. Нижеслѣдующая выходка шведскаго короля положила конецъ колебаніямъ Александра. Не желая имѣть ничего общаго съ „апокалипсическимъ звѣремъ“, Густавъ-Адольфъ IV вернулъ сперва королю прусскому знаки ордена Чернаго орла, а затѣмъ отправилъ и Русскому Императору орденъ св. Андрея Первозваннаго при слѣдующемъ письмѣ.

„Мой братъ, шуринъ и кузень. Я исполняю тяжелый долгъ, возвращая Вашему Величеству знаки ордена св. Андрея Первозваннаго. Поступивъ такъ относительно короля прусскаго, пожаловавшаго Наполеону Бонапарту орденъ Чернаго Орла, я былъ-бы непослѣдователенъ, если-бы я въ подобномъ же случаѣ не поступилъ одинаково и относительно Вашего Величества. Прплагаю при семъ копію письма моего прусскому королю, которое объяснитъ Вамъ мотивъ моего поступка, обоснованнаго на столь-же неизмѣнныхъ причинахъ, какъ и чувства, съ которыми остаюсь и т. д.“

Александръ I тотчасъ-же вернулъ свой орденъ Серафимовъ при такомъ письмѣ: „Предвидя, что Ваше Величество намѣрены мнѣ вернуть орденъ св. Андрея, я, дабы облегчить Вамъ это, дѣлаю первый шагъ и возвращаю Вамъ орденъ Серафимовъ, который я отъ Васъ получилъ. вмѣстѣ съ тѣмъ я прошу Ваше Величество и т. д.“

Къ началу 1808 года сосредоточеніе русскихъ войскъ, назначенныхъ для вступленія въ предѣлы Финляндіи, въ Выборгской губерніи закончилось. Задерживало лишь устройство продовольственной части. Шведскій король былъ обо всемъ точно освѣдомленъ по донесеніямъ своего посла Стедингеа.

Точно также нашему послу въ Стокгольмѣ Алопеусу было приказано тщательно слѣдить за приготовленіями и передвиженіями шведскихъ войскъ, а также за сношеніями съ Англійей. Таимъ образомъ, тогдашніе дипломатическіе агенты не чужды были и военныхъ вопросовъ, замѣняя какъ-бы отчасти нынѣшнихъ военныхъ агентовъ. Дипломатическая переписка, затѣянная въ это время шведскимъ королемъ (по вопросу о нейтрализаціи Балтійскаго моря) имѣла, очевидно, цѣлью лишь *выиграть время*. Учрежденный королемъ „тайный оперативный комитетъ“ (hemliga krigsberedningar) работалъ съ лихорадочною поспѣшностью по составленію плановъ обороны и принятію цѣлаго ряда мѣръ въ этомъ направленіи. Для скрытія всѣхъ этихъ приготовленій, какъ разъ въ день подписанія союзнаго трактата съ Англійей, шведскій король пригласилъ къ себѣ Алопеуса и спросилъ его о причинахъ сосредоточенія русскихъ войскъ на границѣ. Алопеусъ отвѣтилъ, что это дѣлается съ цѣлью обезопасить Петербургъ отъ высадки англичанъ. вмѣстѣ съ тѣмъ король предупредилъ, что онъ оповѣститъ русское правительство о принимаемыхъ имъ въ Финляндіи военныхъ мѣрахъ, преслѣдующихъ исключительно оборонительныя цѣли. Это происходило нѣ болѣе, ни менѣе, какъ 8-го февраля н. ст., т. е. ровно за *тринадцать дней* до начала войны!

Почти одновременно (и, конечно, въ демонстративныхъ цѣляхъ) поручено было Стедингку испросить у Русскаго Императора аудіенцію, для послѣдней попытки къ примиренію. „Богъ свидѣтель,—сказалъ

ему Александръ,—что я не стремлюсь захватить у Васъ ни одной деревни“. Союзъ съ Россіей, а слѣдовательно и съ Франціей, онъ рекомендовалъ королю, какъ единственный спасительный шагъ, совѣтуя „покориться закону необходимости“.

На другой-же день послѣ этого знаменательнаго разговора (5-го февраля нов. ст.) посланъ былъ съ курьеромъ къ Алопеусу ультиматумъ, для врученія его шведскому правительству, а въ Парижъ декларация къ иностраннымъ дворамъ, помѣченная 10-мъ февраля. Но, по непредвидѣнной случайности (плавушіе льды въ Ботническомъ заливѣ) сообщеніе моремъ Швеціи съ Финляндіей прервалось на *три недѣли*. Такимъ образомъ, курьеру пришлось ѣхать черезъ Торнео. По той-же причинѣ запоздали и весьма важныя донесенія своему правительству барона Стединга: онѣ дошли только къ 21-му февраля (2-му марта), т. е. 12 дней позже перехода нашихъ войскъ черезъ границу. Что-же касается до курьера, то онъ 28-го февраля (7-го марта) былъ захваченъ близъ Гернезанда, а депеши его вскрыты и опубликованы во всеобщее свѣдѣніе. Одновременно въ Стокгольмѣ арестованъ Алопеусъ и конфискованъ его архивъ.

Русское правительство оплатило за такой „турецкій“ образъ дѣйствій изысканною предупредительностью въ отношеніи Стединга. Единственно, въ чемъ его ограничили,—это въ томъ, что ему не позволили вернуться домой черезъ Финляндію—ясно почему: чтобы не дать ему возможности передать шведскому главнокомандующему Клингспору какія-либо свѣдѣнія о русской арміи.

Россію нерѣдко упрекали и упрекаютъ за то, что вторженіе ея войскъ въ Финляндію совершенно было безъ формальнаго объявленія войны. Изъ вышеизложеннаго ясно, что ожидать результата посланнаго ультиматума равносильно было отсрочкѣ почти на мѣсяцъ. А такая отсрочка лишала насъ зимней кампаніи, предоставлявшей намъ значительныя преимущества, не говоря уже о томъ, что каждый день, даже часъ промедленія при неготовности противника, игралъ ему въ руку... Рисковать въ такой степени успѣхомъ мы, очевидно, не могли...

Нельзя не признать, что политическая обстановка складывалась для насъ въ данномъ случаѣ выгодно. На западномъ фронтѣ Пруссія только что обезсилена Наполеономъ; Австрія готовится къ новой съ нимъ борьбѣ. Недавній грозный врагъ, императоръ французовъ,—нашъ союзникъ. Данія оттягиваетъ на себя часть шведскихъ силъ. Наконецъ, Англія, хотя и субсидируетъ Швецію и даже считалась ея союзницей, ведетъ какую-то двусмысленную игру и даже есть основаніе подозрѣвать существованіе между ею и нами какого-то тайнаго соглашенія.

Последнее столкновение двух северных соседей, изъ коихъ Швеція уже утратила бывшее могущество конца XVII и начала XVIII вѣка, а Россія, наоборотъ, росла и крѣпла все предшествующее столѣтіе, достигнувъ вѣнца своей мировой славы въ блестящій вѣкъ Екатерины разразилось, казалось-бы, въ условіяхъ для насъ благоприятныхъ. Швеція, лишенная уже Ингерманландіи, Ливоніи, Помераніи и цѣлой трети Финляндіи, имѣла всего до 610,000 кв. верстъ пространства и не болѣе 2¹/₂ миллионовъ населенія, тогда какъ территорія тогдашней Россіи простиралась уже на 16,170 тыс. кв. верстъ съ сорока-милліоннымъ населеніемъ¹). Конечный результатъ борьбы, даже въ случаѣ единоборства противниковъ, при достаточной съ обѣихъ сторонъ настойчивости, предугадать при такихъ условіяхъ было нетрудно, вопросъ былъ только въ томъ—на сколько времени будетъ отсроченъ этотъ конецъ. А *выигршиъ времени*, при политическомъ состояніи тогдашней Европы, могъ весьма и весьма много значить. Дотаян Швеція борьбу не до 1809, а хотя-бы до 1811 года, кто знаетъ, какъ и когда разрѣшился-бы вѣковой вопросъ объ обезпеченіи Петербурга?

При столь благоприятныхъ политическихъ условіяхъ, а также при общемъ перевѣсѣ матеріальныхъ силъ и средствъ, при неготовности къ борьбѣ противника и, наконецъ, при преимуществахъ вторженія въ Финляндію зимою, предстоящій походъ представлялся его организаторамъ и участникамъ предпріятіемъ легкимъ, тѣмъ болѣе, что рѣшительнымъ козыремъ въ игрѣ должны были явиться „чувствованія финновъ“. Однако, для быстрого достиженія намѣченныхъ цѣлей необходимо было посчитаться съ своеобразными мѣстными условіями, изъ коихъ главнымъ въ данномъ случаѣ являлись особенности театра войны и его населенія.

---

¹) См. *Sundbärg* «Sveriges Land och Folk» и Военно-статистическій сборникъ, подъ редакціей Н. Н. Обручева, стр. 50. Нынѣ въ Швеціи безъ Финляндіи и Норвегіи—выше 5 миллионовъ жителей.

ГЛАВА II.

Вооруженныя силы сторонъ.

Шведы: Устройство высшаго военнаго управленія.—Пополненіе, числительность, организація, вооруженіе, снаряженіе, продовольственная часть, обученіе, тактическая подготовка.—Характеристика арміи и корпуса офицеровъ по отзывамъ современниковъ.—*Русскіе:* Общая характеристика, числительность, организація, пополненіе, воинское обученіе, тактическая подготовка.

А) *Шведы* ¹⁾. Послѣ войны съ Россіей и Даніей въ 1788—1790 г.г. въ шведской арміи дѣлательно принялись за военныя реформы, но успѣхъ задерживался, какъ всегда, отсутствіемъ „нерва войны“, т. е. денегъ. А въ Швеціи государственная казна хронически пустовала. Поэтому къ началу 1808 года никакихъ серьезныхъ усовершенствованій не было достигнуто и война застала шведскую армію въ состояніи самой пестрой и разнообразной организаціи.

Во главѣ всѣхъ военно-сухопутныхъ и морскихъ силъ стоялъ король. Коллегиальное устройство государственнаго управленія приводило къ тому, что всѣ вопросы сухопутной обороны сосредоточивались въ *военной коллегіи*; высшее же управленіе флотомъ находилось въ вѣдѣніи особаго *морского управленія*, начальниѳъ котораго былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ флота. Вслѣдствіе отдѣльнаго отъ метрополиа положенія Финляндіи, къ тому-же непосредственно примыкавшей къ вѣроятнѣйшему противнику—Россіи, начальство надъ расположенными тамъ сухопутными и морскими силами ввѣрялось особому главнокомандующему (съ 1790 г. графъ Морицъ Клингспоръ). Онъ подчинялся непосредственно королю, и только по хозяйственнымъ дѣламъ зависѣлъ отъ военной коллегіи, пользуясь по многимъ вопросамъ правомъ собственнаго почина. Однако, предоставленная Клингспорю закономъ самостоятельность, вполне оправдываемая географическими условіями, въ дѣйствительности далеко не соблюдалась. Король зачастую вмѣшивался въ распоряженія, желая самъ руководить военными операціями, причемъ неудачи всецѣло сваливалъ на сотрудниковъ.

Въ качествѣ высшихъ войсковыхъ соединеній еще въ 1792 г. пытался образовать дивизіи, но уже съ 1802 г. онѣ были уничтожены, и, такимъ образомъ, между центральнымъ военнымъ управленіемъ и самими войсками не было никакой посредствующей связи.

---

¹⁾ О шведской арміи сообщаются болѣе подробныя свѣдѣнія, какъ менѣе извѣстной русскимъ читателямъ.

Генеральный штаб состоялъ изъ 160-ти офицеровъ, исполнявшихъ въ мирное время адъютантскія обязанности при королѣ и принцахъ королевскаго дома. Въ вѣдѣніи генераль-квартирмейстера находится *корпусъ топографовъ*, на которомъ лежала не только топографическая специальность, но и сборъ статистическихъ свѣдѣній, и даже изученіе шведской военной исторіи и наблюденіе за развитіемъ военнаго дѣла въ иностранныхъ государствахъ. Другими словами, топографы въ тогдашней Швеціи выполняли въ значительной степени тѣ обязанности, которыя въ наше время составляютъ „службу генеральнаго штаба“ и поступали въ военное время въ полное распоряженіе чиновъ этого штаба.

Пополненіе шведской арміи было двойное: а) *поставкою отъ земли* по особой системѣ „indelta“ и б) вербовкою. Кромѣ, того въ случаяхъ крайней необходимости всѣ способные носить оружіе граждане обязаны были становиться на защиту государства.

Система „indelta“ (что значитъ „распредѣленные“), введена была во второй половинѣ XVII вѣка при королѣ Карлѣ XI и считалась „драгоценнѣйшимъ украшеніемъ“ шведской короны. Первоначально она имѣла цѣлью облегчить населеніе, истощенное усиленными наборами. Землевладѣльцы, въ зависимости отъ величины принадлежащаго имъ участка земли, обязывались выставлять и содержать, мелкіе—пѣхотинца, а болѣе крупныя—кавалериста. Каждый поселенный солдатъ получалъ участокъ земли съ жильемъ и необходимыми службами или, взаменъ того, извѣстную сумму денегъ. Владѣльцы участковъ сами подыскивали подходящихъ кандидатовъ, приемъ которыхъ на службу утверждался особыми комиссіями въ составѣ: губернатора, командира полка и роты, врача и владѣльца участка или его повѣреннаго. При поступленіи на службу обученіе продолжалось въ первый годъ 4 мѣсяца, во второй—1½ мѣсяца, а затѣмъ ежегодно 3 недѣли. Офицеровъ и унтеръ-офицеровъ содержали на счетъ доходовъ казенныхъ имѣній (бостелей), сдаваемыхъ въ аренду. Любопытно, что при заключеніи Фридрихсгамскаго мира вопросъ объ этихъ бостеляхъ служилъ однимъ изъ затрудненій; шведскіе офицеры желали сохранить право пользоваться бостелями въ теченіе 20-ти лѣтъ, не принимая русскаго подданства ¹⁾.

Запасъ для поселенныхъ войскъ носилъ названіе „Vargering“ и выставлялся во время войны владѣльцами участковъ, хотя этого условія и не было въ ихъ первоначальныхъ контрактахъ. Это обстоятельство порождало постоянныя недоразумѣнія, особенно при Густавѣ III. Въ Финляндіи организація поселеннаго запаса была

¹⁾ Дѣло разрѣшилось позднѣе манифестомъ 15-го марта 1810 г., по которому бостели отдали въ пользованіе финляндцевъ, принявшихъ русское подданство.

гораздо устойчивѣе, здѣсь существовали для него даже учебные сборы. Отличіе Vargering' а заключалось въ томъ, что люди его не имѣли форменной одежды и не всё пользовались жилищемъ.

Общая численность шведской поселенной *тхоты* (не считая Финляндіи) къ началу 1808 г. достигала ста сорока двухъ ротъ или 20.282 человекъ по спискамъ. Полки были по большей части восьми-ротные (организация, вполне отвѣчавшая мѣстнымъ условіямъ вѣроятныхъ театровъ военныхъ дѣйствій). Поселенная конница насчитывала 45 эскадроновъ (5105 чел. по спискамъ). Запаса (Vargering) было 13.782 чел. Короче, поселенныя войска коренной Швеціи (съ запасомъ) могли дать не свыше *тридцати восьми съ половиною тысячъ* человекъ.

Что касается, собственно, Финляндіи, то тамъ послѣ войны 1788—90 г.г. приступлено было къ полной реорганизации поселенныхъ войскъ, но не въ смыслѣ увеличенія ихъ численности, а введена была новая соразмѣрность между родами войскъ, причемъ пѣхота увеличена за счетъ конницы (съ 6702 до 8199 человекъ списочнаго состава). Сдѣлано это было въ виду условій финляндской мѣстности, крайне ограничивающей сферу употребленія кавалеріи¹⁾. Всего „финская поселенная армія“ насчитывала 8.199 пѣхоты, 700 конницы и 4.050 запасныхъ, почти *тринадцать тысячъ* человекъ.

Отсюда видно, что Финляндія при ея тогдашнемъ населеніи въ 863.614 человекъ содержала однихъ поселенныхъ войскъ, не считая 6-ти съ лишнимъ тысячъ вербованныхъ свыше, 15%⁰ всего населенія²⁾.

Несмотря на то, что при вышеуказанныхъ условіяхъ тягость военной службы въ Финляндіи была больше, чѣмъ въ ея „*modderlandet*“ (земль-матери; такъ зовутъ Швецію даже нынѣшніе финляндцы), правительство послѣдней собиралось все время *усилить составъ поселенныхъ финскихъ войскъ*. Задумано было „равномѣрное распределеніе“ участковъ, подъ видомъ котораго попросту производилось увеличеніе ихъ числа, такъ что составъ поселенныхъ финляндскихъ войскъ долженъ былъ возрасти до 15¹/₂ тысячъ человекъ; въ дѣйствительности къ началу войны успѣли довести ихъ почти до 14-ти тысячъ. Общее число поселенныхъ войскъ Швеціи достигало, такимъ образомъ, *пятидесяти трехъ тысячъ* человекъ.

Что же касается войскъ *вербованныхъ*, то большинство ихъ, находясь на службѣ постоянно, отбывали караулы въ крѣпостяхъ и гарнизонахъ. Шведская оффиц. исторія войны (т. I, стр. 110—111)

¹⁾ При возрѣвнѣихъ этого времени на этотъ родъ войскъ.

²⁾ Любопытно, кстати, припомнить здѣсь, что въ послѣдніе годы дѣйствія въ Финляндіи воинской повинности по закону 1878 г. она, при населеніи, достигшемъ 2.700.000 человекъ, содержала всего 5.600 человекъ, или немного болѣе 0,2%.

свидѣтельствуеть, что за недостаткомъ охотниковъ вербовались, „люди мало удовлетворительнаго качества: бродяги, лица, присужденныя къ наказанію, безработные, неплательщики налоговъ, люди трижды наказанные за пьянство, и т. п., даже военно-плѣнные“. Таковы, впрочемъ, обычный удѣлъ всѣхъ вербованныхъ армій. Принимались люди отъ 17 до 40 лѣтъ; съ ними заключались контракты на сроки отъ 3 до 12 лѣтъ; по окончаніи срока контрактъ обыкновенно возобновлялся; поэтому было много солдатъ весьма престарѣлыхъ. Однако финскія вербованныя войска были по качеству все же лучше шведскихъ.

Численность вербованныхъ войскъ: въ самой Швеціи свыше 4.000 пѣхоты, болѣе 1.000 конницы, около 3.060 артилеріи и инженерныхъ войскъ, а всего свыше *осьми тысячъ человекъ*. Въ Финляндіи вербованныя войска, прежде насчитывавшія съ небольшимъ 3.000 человекъ, доведены были до *шести съ лишнимъ тысячъ*. Общее число вербованныхъ войскъ, такимъ образомъ, достигало 14-ти съ небольшимъ тысячъ, а *вся численность вооруженныхъ силъ Швеціи* въ мирное время опредѣлялась въ *66.850 чел.*, изъ коихъ въ Финляндію — *19.765 чел.*

Рекрутскій наборъ производился только въ южныхъ провинціяхъ государства, прежде принадлежавшихъ Даніи, гдѣ не была введена поселенная система. Обыкновенно онѣ откупались деньгами, но правительство всегда могла потребовать поставки рекрутъ. Точно также оно могло прибѣгнуть къ этому способу для пополненія некомплекта поселенныхъ войскъ.

Въ военное время численность арміи нѣсколько возрастала. Формировались особые отряды для гарнизонной службы, а изъ служащихъ въ лѣсничествахъ и королевской охотѣ образовывались особыя команды, въ родѣ нынѣшнихъ охотниковъ.

Наконецъ, всѣ способные носить оружіе, въ случаяхъ крайней необходимости, могли быть призваны стать на защиту отечества. Но такъ какъ моментъ наступленія этой „необходимости“ опредѣлялся королемъ ¹⁾, то послѣдній могъ, еще въ предвидѣніи войны, созвать и обучать этотъ своего рода ландштурмъ, лишь бы содержание его не требовало новыхъ налоговъ.

Вооруженіе шведской пѣхоты—гладкоствольное кремневое ружье со штыкомъ. Егеря имѣли кремневые штуцера. При общемъ для всѣхъ калибрѣ (въ 6,75 линій), разныхъ образцовъ ружей было до 9-ти. На каждаго стрѣлка давалось по 70-ти патроновъ, изъ коихъ 30 на людяхъ. Лучшія ружья (штуцера) были на 300 метровъ. Общее

¹⁾ По формѣ правленія 1772 года (§ 45)... „Когда печальное нападеніе непріятеля на государство учинено будетъ, тогда онъ (король) имѣетъ право принимать мѣры, съ пользою и безопасностью государства соглашающіяся, также и съ выгодами его подданныхъ“.

число годныхъ ружей немного превышало 60.000, что при штатной числительства всей пѣхоты въ 42.364 чел., едва давало 20 т. запасныхъ ружей для надобностей ополченія. Характерно для тогдашнихъ шведскихъ военныхъ порядковъ, что *передъ самую войну* свыше 20.000 ружей, а также много тесаговъ и сабель продано было въ Россію и Пруссію, благодаря чему въ май 1808 г., уже во время войны, пришлось купить 35 т. старыхъ ружей въ Англии. Недаромъ ген. Армфельдъ въ мартѣ 1808 г. иронически писалъ, что финскій народъ „желалъ вооружиться, но неподобная военная коллегія отечески заботилась о доставленіи намъ разнокалиберныхъ ружей и ненужной аммуниці“.

Конница вооружена была саблей или палашемъ и двумя кремневыми пистолетами, съ 24-мя патронами въ каждому. Кавалерія финляндской арміи была вооружена дурно: большинство пистолетовъ было негодно къ употребленію.

Что касается *артиллеріи*, то задолго до войны стремились ввести однообразный образецъ орудій, но достигнуть этого не удалось. Ко времени войны имѣлись пушки 3-хъ, 6-ти, 8-ми и 12-ти фунтовыхъ, а также 8 фн. гаубицы и 12 фн. мортиры. За то удалось еще въ мирное время ввести батареиную организацію; заведены были легкой конструкціи передки; прежніе вольнонаемные рабочіе смѣнились обученными канонирами, словомъ, — полевая артиллерія близка была къ современному типу въдашей. Батарен были шести-орудійныя. Немало пушекъ, особенно 3-хъ фунтовыхъ, было передъ войной продано въ Россію; русскій артиллерійскій приемщикъ жилъ въ Гельсингфорсѣ вплоть до начала военныхъ дѣйствій.

Обмундированіе и снаряженіе шведскихъ войскъ было самое разнообразное, такъ какъ при Густавѣ IV Адольфѣ въ этомъ отношеніи царили полная неустойчивость и хаосъ. Въ результатъ шведскія войска выступили въ походъ въ мундирахъ самыхъ различныхъ породъ и цвѣтовъ.

По общему правилу, войска „indelta“ получали обмундированіе за счетъ землевладѣльцевъ изъ сѣраго сержаннаго сукна; въ вербованныхъ частяхъ обмундированіе и снаряженіе приобретались за счетъ казны попеченіемъ ротныхъ командировъ.

Войсковой обозъ въ 1807 г. подвергся сильному сокращенію, такъ что на четырехротный батальонъ полагалось всего 11 повозокъ и 20 лошадей, но финскіе полки оставались еще при старой организаціи (на батальонъ 25 повозокъ и 41 лошадь); за то вся матеріальная часть была здѣсь полностью на лицо. Вербованныя части вовсе не имѣли обоза; предполагалось снабдить ихъ только въ военное время. Обозъ конницы въ Финляндіи состоялъ изъ *одноколки*, а въ случаѣ надобности переходилъ во *вьючный*.

Конскій составъ для кавалеріи поставлялся рустхолларами (земле-владѣльцами, поставлявшими кавалериста), причемъ неисправности строго карались штрафами. Въ артилеріи съ 1807 г. стали содержать часть лошадей еще въ мирное время.

Въ военное время недостатокъ лошадей пополнялся покупкою или пользованіемъ обывательскимп лошадѣм.

Продовольственная часть въ шведской арміи была организована весьма плохо. Поселенныхъ солдатъ обязаны были кормить владѣльцы участковъ, которые постоянно хлопотали о томъ, чтобы избавиться отъ заботъ по этой части и по снабженію людей вообще всѣмъ необходимымъ, взаменъ чего предлагали платить опредѣленные денежные взносы. Отсюда возникали такъ называемыя „пассъ-волансныя“ учрежденія, вѣдавшія приходомъ и расходомъ этихъ суммъ. Къ числу ихъ принадлежали *крисъ-комиссаріаты*, изъ коихъ наибольшимъ былъ финскій.

Воинское обученіе въ поселенныхъ войскахъ производилось во время полковыхъ сборовъ (отъ 17 до 24 дней ежегодно), причемъ проходились строевыя ученія и стрѣльбы. Подготовка рекрутъ велась отдѣльно. Кромѣ того войска учились по воскресеньямъ на церковныхъ парадахъ. Для конницы образованы были учебныя эскадроны, гдѣ занятія производилсь 2—3 мѣсяца. Въ артилеріи подготовка велась непрерывно въ теченіе 4-хъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Независимо того производились совмѣстныя упражненія трехъ родовъ войскъ, иногда даже съ участіемъ флота. Хотя больше времени отводилось тутъ парадамъ и всякимъ празднествамъ, тѣмъ не менѣе случалось, что были и маневры, съ отдачей „диспозицій“, назначеніемъ посредниковъ и т. п., причемъ *придавалось большое значеніе дробленію на мелкіе, но согласно дѣйствующіе отряды, устройству засадъ, обезпеченію тыла позицій и т. п.*

Большая часть собственно шведскихъ войскъ только что вернулась изъ похода въ Померанію, хотя и представившаго мало поучительнаго, но все-же это былъ нѣкоторый боевой опытъ. Часть финляндскихъ войскъ была тоже отряжена въ Померанію, но принять фактическаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ не успѣла.

Для приобрѣтенія *офицерскаго званія* по закону требовалось въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ пройти всю солдатскую службу отъ рядового до капрала и сдать экзаменъ изъ уставовъ. Въ дѣйствительности это требованіе сводилось къ простой формальности, и все зависѣло отъ личныхъ связей и желанія командира части, имѣвшаго возможность принять къ себѣ офицеромъ кого угодно. Для подготовки болѣе опытныхъ въ военныхъ познаніяхъ офицеровъ существовали два военно-учебныхъ заведенія: военная академія въ Карлсбергѣ и кадетская

школа въ Хапаніеми, близъ Куопіо, въ Финляндіи (зародышъ будущаго Финляндскаго кадетскаго корпуса). Кромѣ того въ артилерійскихъ и инженерныхъ войскахъ были особыя школы, гдѣ молодые офицеры пріобрѣтали право на дальнѣйшее производство.

Въ *пѣхотѣ* обычнымъ строемъ для дѣйствія въ бою былъ развернутый: колонны (взводныя) употреблялись только для маневрированія и для атаки укрѣпленныхъ позицій. Полкъ обыкновенно строился въ двѣ линіи баталіоновъ, иногда въ шахматномъ порядкѣ. Конница ставилась всегда съ внѣшней стороны атакующаго фланга.

Обращаетъ на себя вниманіе, что тогдашній шведскій уставъ особенно подчеркиваетъ важность поддержанія связи между баталіонами при прохожденіи лѣсовъ посредствомъ патрулированія, а также охраненія боевого порядка въ такихъ случаяхъ высылкою особыхъ: авангарда, арьергарда и боковыхъ дозоровъ.

Въ общемъ, развернутый строй оставался главною формою для боя пѣхоты; колонны употреблялись лишь для атаки мѣстныхъ предметовъ. Для разсыпного строя опредѣленныхъ правилъ еще не было, но строй этотъ уже примѣнялся подъ именемъ „цѣпного порядка“; разсыпанные взводы располагались на флангахъ и (по уставу 1806 г.) назначались либо „для прикрытія колонны во время наступленія, или для удлиненія общей линіи и демонстрированія противъ одного изъ фланговъ, съ цѣлью произвести соменутую атаку на другомъ пунктѣ“. Разсыпной строй, поддержанный колоннами, примѣнялся и для атаки позицій причемъ баталіоны 1 линіи нерѣдко цѣпкомъ рассыпались въ пѣль. Огонь въ цѣпъ былъ всегда одиночный; за 50 шаговъ до непріятеля подавался сигналъ „атака“, по которому прекращали стрѣльбу и бросались въ штыки на противника. Сомкнутый баталіонъ при атакѣ давалъ залпъ, затѣмъ шелъ въ штыки, но за сто шаговъ до противника дѣлалъ новый залпъ, а за 40 шаговъ вторая шеренга давала еще два залпа, изъ коихъ послѣдній уже тогда, когда первая сшибалась съ противникомъ грудью. Въ то же время фланговые стрѣлковыя взводы, не прекращая стрѣльбы, должны были охватывать фланги противника.

Въ *конницѣ* основнымъ строемъ для атаки была развернутая линія эскадроновъ, но употреблялась и уступная форма, а также шахматный строй въ двѣ линіи. Кромѣ того примѣнялась разсыпная атака, „роемъ“; для развѣдки и задержанія передовыхъ частей противника, конница образовывала фланкерную цѣпь, причемъ фланкеры стрѣляли съ коня, а когда нужно (по мѣстности)—дѣйствовали *въ пѣшемъ строю*.

Артилерія была довольно подвижна; всѣ перестроенія производились „рысью или полнымъ карьеромъ“. На открытой мѣстности

передвиженія дѣлались всегда въ конномъ строю. Стрѣльба производилась батареями или отдѣленіями, съ одного изъ фланговъ.

Во время войны армія образовывала одинъ или нѣсколько *корпусовъ*, дѣлившихся на бригады изъ трехъ родовъ войскъ, причемъ часть конницы и артилеріи оставалась еще въ рукахъ корпуснаго командира. Во время похода войска довольствовались за счетъ владѣльцевъ поселенныхъ участковъ. На походѣ войска охранялись общепринятымъ порядкомъ, на отдыхъ располагались бивакомъ, охраняясь цѣпью передовыхъ постовъ, поддержанныхъ караулами, а на ночь еще и цѣпью парныхъ часовыхъ.

Такимъ образомъ, въ шведской арміи общія всей Европѣ XVIII вѣка формы линейной тактики постепенно стали замѣняться прерывчатыми и глубокими типами боевыхъ построений. Мѣстныя топографическія условія вѣроятныхъ театровъ войны сами собою приводили къ расчлененію боевыхъ порядковъ, даже къ употребленію разсыпного строя. Закрытая, лѣсистая и пересѣченная мѣстность совершенно противорѣчила духу линейной тактики и естественно побуждала заботиться о поддержаніи связи между частями боевого порядка даже небольшихъ единицъ, т. е. о мѣрахъ, сродныхъ современнымъ условіямъ боя.

Приведемъ нѣкоторые отзывы современниковъ, характеризующіе состояніе шведскихъ сухопутныхъ войскъ.

Посланникъ нашъ въ Стокгольмѣ Алопеусъ, доставлявшій намъ передъ войною весьма цѣнныя въ военномъ отношеніи свѣдѣнія, писалъ, между прочимъ, 10-го января 1808 г. ¹⁾

„Всѣ шведскія сухопутныя силы, считая гарнизонъ и инвалидовъ, простираются до 50-ти тысячъ человекъ, изъ оныхъ 12 тысячъ въ Финляндіи ²⁾. 15 тысячъ изъ сихъ войскъ набраны изъ рекрутъ, прочіе миллионныя ³⁾. По учрежденію еще Карла XI солдатъ, вступающій въ милицію, получаетъ участокъ земли по смерти и никогда не отставляется. Половина изъ оныхъ всегда бываетъ лѣтъ пятидесяти. Привыкнувъ къ спокойной жизни, не переносятъ они усталы. Кавалерія миллионная учится не болѣе трехъ недѣль въ году. Ежели потеряетъ кавалеристъ лошадь, то долженъ получить другую отъ поселянина, ибо овый обязанъ снабдить кавалеристу все нужное. Учрежденія сего польза та, что военный духъ поддерживается въ націи. Между сухопутными генералами пѣтъ излишне замѣчательныхъ. Съ послѣдней (т. е. Померанской) кампаніи довѣренность къ королю весьма уменьшилась, ибо видѣли на немъ только одѣяніе Карла XII, но не видали его, какъ тотъ бывалъ въ средѣ своего

¹⁾ Д. В. Ист. Арх. Г. Шт. № 1666.

²⁾ На самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ изложеннаго, войскъ было больше.

³⁾ Т. е. «*indelsta*».

войска предъ непріятелемъ. Безъ пособій Англіи, Швеція никакихъ бы средствъ не имѣла предпринять войну, да и теперь сомнительно, чтобы англійское золото доставило ей тотчасъ же хлѣбъ, порохъ и орудія“.

Президентъ фонъ-Хепкенсъ такъ характеризуетъ корпусъ шведскихъ офицеровъ: „Все самолюбіе,—говоритъ онъ,—обращено у нихъ на приобретеніе бостеля (т. е. казеннаго имѣнія), а единственнымъ занятіемъ служатъ удовольствія и развлеченія; субординація же считается насиліемъ надъ свободнымъ народомъ“¹⁾ Известный строитель Свеаборга, адмиралъ Августинъ Эренсвердъ горячо требовалъ въ риксдагѣ 1761 г. коренныхъ мѣръ для поднятія дисциплины.

Распущенность и извращенность понятій о дисциплинѣ и о долгѣ дошли до того, что передъ войной 1788—90 гг. многіе офицеры вышли въ отставку; ссылаясь на то, что война эта начата королемъ не въ законномъ порядкѣ, т. е. безъ согласія государственныхъ чиновъ. Мало этого, офицеры занялись пропагандою среди солдатъ, смущая ихъ недостаткомъ продовольствія и боевыхъ припасовъ, а также страшая преувеличенными размѣрами русскихъ силъ. Въ войскахъ разбрасывались революціонные листки, въ которыхъ доказывалось, что государство основано на договорѣ между королемъ и народомъ, причемъ выставлялось на видъ, что король нарушилъ свои обязанности. Этимъ настроеніемъ войскъ и воспользовались альянскіе заговорщики, которые почти всѣ были офицерами.

Наглядную оцѣнку боевыхъ качествъ собственно шведскихъ войскъ передъ 1808 годомъ можно получить изъ ознакомленія съ ихъ дѣйствіями въ 1807 году въ Помераніи. Противъ шведовъ здѣсь посланъ былъ маршалъ Брюннъ, одинъ изъ нелюбимыхъ Наполеономъ маршаловъ. Какъ только закончилось перемиріе, французы всюду оттѣснили шведовъ, такъ что король ихъ самъ прислалъ парламентаря. „Не могъ я ожидать, чтобы одинъ изъ преемниковъ Карла XII сталъ просить о перемиріи послѣ 35-ти часовъ военныхъ дѣйствій“ сказалъ Брюннъ и вогналъ шведовъ безъ труда въ Стральзундъ. Осадою этой крѣпости окончилась кампанія, причемъ крѣпость сдалась весьма поспѣшно.

Зародышъ будущаго неуспѣха, такимъ образомъ, уже коренился отчасти въ томъ духовно-нравственномъ разладѣ, который проявлялся, какъ въ самой шведской націи, такъ и въ ея арміи. Въ финляндскихъ войскахъ, впрочемъ, какъ обособленныхъ до нѣкоторой степени отъ спеціально шведскихъ интересовъ, духъ былъ гораздо выше. Въ финскомъ крестьянствѣ вообще искони было развито чувство преданности королямъ, которые (особенно Густавъ III) старались развивать

---

¹⁾ Sv. Kriget 1808-09, т. III, ст. 20.

это чувство, оказывая Финляндіи вниманіе и вводя въ ея внутренніе порядки нѣкоторыя улучшенія. Притомъ же финскій солдатъ, сражаясь въ предѣлахъ Финляндіи, защищалъ родные очаги,—чувство, наиболѣе ясное для простолюдина и наиболѣе крѣпкое у всѣхъ народовъ... Иное дѣло финляндскіе офицеры, которые всѣ были шведами по крови, лишь натурализованными въ Финляндіи и владѣвшими или пользовавшимися тамъ земельными угодьями. Въ ихъ средѣ мечты о независимой Финляндіи получили довольно значительное развитіе. Фактъ этотъ констатируютъ не только русскіе изслѣдователи (напр. Ординъ), но и составители шведской официальной исторіи войны, именующіе такія прискорбныя явленія по заслугамъ „пзмѣною“. Идеи эти вносили въ войска нашего противника известную долю разложенія. Характернымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи служить слѣдующее заявленіе генерала Эрнрота, передъ самымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій, на предложеніе генерала Клеркера совместно обсудить планъ обороны. „Планъ былъ бы совершенно хорошъ, но ни къ чему не поведетъ, ибо Финляндія должна, наконецъ, принадлежать Россіи: этимъ въ концѣ концовъ должно кончиться“.

В) *Русскіе*. Состояніе русской арміи въ первую половину царствованія Императора Александра I, до Отечественной войны, нельзя не считать переходнымъ. вмѣстѣ съ привычною муштрой предыдущаго царствованія, многіе дѣятели котораго (напримѣръ, Аракчеевъ) удержали и теперь свое значеніе, на развитіе у насъ военнаго дѣла дѣйствовали новыя вѣянія. На западѣ развертывалась грандіозная картина Наполеоновской эпопеи; у насъ еще свѣжъ и памятенъ былъ громъ Суворовскихъ побѣдъ. Въ противоположность шведамъ, которые за двадцать лѣтъ послѣ войны 1788—1790 гг. совершенно не воевали, если не считать ничтожной Померанской экспедиціи 1807 г., наша армія имѣла почти непрерывный боевой опытъ (2-я турецкая война, дѣйствія въ Польшѣ, итальянскій и швейцарскій походы Суворова, наконецъ, 2 большія войны съ Наполеономъ). Значеніе этого боевого опыта не могли умалить ни Аустерлицъ, ни Фрицландъ. Самыя эти неудачныя по конечному результату войны уже дали почувствовать Наполеону, съ какимъ врагомъ онъ имѣетъ дѣло (Прейсшъ-Эйлау, Пултүскъ, Шенграбенъ). Въ арміи, какъ бы даже наперекоръ нѣкоторымъ изъ ея высшихъ руководителей, продолжалъ жить безсмертный духъ великаго Суворова и если значеніе его не оцѣнивалось еще въ должной степени, то *богвая школа* его, воспитавшая цѣлое поколѣніе «орлятъ», проявила себя во всѣхъ войнахъ начала XIX вѣка. Много Суворовскихъ питомцевъ (напримѣръ, Багратионъ, Каменскій) показало себя и среди финляндскихъ скалъ и дебрей...

Общая численность нашей регулярной армии достигала в то время 400 тысяч, а съ местными, милиционными и иррегулярными войсками—свыше 800 тыс. человекъ. Но для опредѣленія максимума тѣхъ силъ, которыя могли быть выставлены противъ Швеціи, приходится значительно сократить эти цифры. Границы съ Турціей, Персіей и Китаемъ, а также Кавказскую окраину, нельзя было обнажать. Во время войны 1806 г. съ Наполеономъ Россія могла выставить в первую очередь не болѣе 60 тыс. бойцовъ и еще 38 тыс. во 2-ю очередь, т. е. всего не болѣе 98 тыс. Резервомъ служили 2 дивизіи въ Турціи, да 35 тыс. гвардіи въ Петербургѣ. Итого могло быть сосредоточено не болѣе 150 тысячъ. Въ 1812 году, послѣ значительнаго усиленія армии во время трехлѣтняго мира и прекращенія войны съ Турціей мы могли собрать не болѣе 200 тыс. съ небольшимъ человекъ.

Для наступательной войны въ Европѣ въ 1808 году нельзя было располагать даже и этими силами. Не были, во первыхъ, пополнены потери предъидущихъ войнъ, а во 2-хъ—противъ Турціи и Персіи военныя дѣйствія продолжались. Такимъ образомъ, самое большее, что можно было послать въ Финляндію,—это 80 тысячъ, т. е. къ тремъ уже бывшимъ тамъ дивизіямъ добавить еще 4. Отсюда видно, что мы все-таки имѣли возможность *сразу* перейти границу съ превосходными силами, тѣмъ болѣе, что Швеція должна была дѣйствовать и противъ другихъ противниковъ. Въ дѣйствительности за все время финляндской войны численность нашихъ войскъ на всемъ театрѣ ни разу не превзошла 50 тысячъ, т. е. оказывалась слабѣе общаго числа вооруженныхъ силъ Швеціи.

Послѣ войны 1806 года у насъ образованы были высшія тактическія соединенія—дивизіи, состоявшія изъ 6—7 полковъ пѣхоты, 3 кавалерійскихъ и 2 казачьихъ полковъ, артилерійской бригады. Численность такой дивизіи походила до 13.000 человекъ, но она являлась неудобноуправляемой, такъ какъ начальнику ея приходилось имѣть дѣло чуть не съ 12-ю независимыми другъ отъ друга единицами. Къ концу 1807 г. было 22 такихъ дивизіи, хотя раньше, противъ французовъ и турокъ, появлялись корпуса и даже армии.

Въ финляндскую войну корпусъ графа Буксгевдена первоначально былъ образованъ изъ 3 дивизій, къ которымъ впоследствии прибавились еще двѣ.

Въ отношеніи комплектованія войскъ отмѣтимъ, что въ началѣ царствованія Императора Александра были попытки упорядочить рекрутскіе наборы, но непрерывныя войны, которыя пришлось Россіи вести въ это время, не позволяли многого достигнуть. Приходилось держать огромную армию въ полной готовности, что тяжело отражалось на податныхъ классахъ.

Обращаясь съ системѣ воинскаго обученія, нельзя не указать на характерное для нашей арміи явленіе, уже тогда проявившееся въ полной силѣ. Мирная подготовка войскъ оставалась далеко позади требованій теоріи и выводовъ свѣжей боевой практики. Строевое обученіе продолжало быть пропитаннымъ линейною тактикою. Рядомъ съ этимъ живая струя самобытнаго русскаго творчества, пользуясь непрерывнымъ боевымъ опытомъ, пробивалась сквозь омертвѣлую кору рутинны, слѣдуя завѣтамъ такихъ геніевъ, какъ неподражаемый Суворовъ. Работая по уставамъ Павловскаго времени, представители суворовской школы стали вводить въ нихъ постепенно существенныя поправки. Новыя тактическія идеи окончателъно вылились въ форму уставовъ позднѣе, во времени Отечественной войны. Тѣмъ не менѣе новый видъ боевого порядка—цѣпь съ соменутыми поддержками (колоннами) позади—получилъ примѣненіе значительно ранѣе, причемъ видоизмѣнялся въ зависимости отъ мѣстности и образа дѣйствій противника. Конница, несмотря на обиліе и сложность эволюцій, обучалась въ правильномъ направленіи, по образцамъ конницы Фридриха, но утратила ту самостоятельность, которая была присуща русской конницѣ временъ Петра, Елисаветы и Екатерины. Артиллерія, трудами Араччеева, какъ и у шведовъ превратилась изъ неподвижной „пѣшей“ въ подвижную „вѣдущую“. Словомъ, финляндскую войну наши войска начали, находясь въ состояніи эволюціи, къ тому-же только что закончивъ тяжелую войну съ Наполеономъ, во время которой многіе частныя начальники проявили разумную инициативу и способность примѣняться къ обстановкѣ. Особенности дѣйствій въ Финляндіи, по мѣстнымъ условіямъ этого театра войны, еще въ большей мѣрѣ отвѣчали проявленію почина, а также требовали особой находчивости и гибкости въ тактическихъ формахъ.

ГЛАВА III.

Театръ военныхъ дѣйствій.

Площадь тогдашней шведской Финляндіи и ея граница съ Россіей.—Поверхность Финляндіи.—Дѣленіе на два театра.—Внутреннія и внѣшнія виды.—Лѣса.—Климатъ.—Опѣнка финляндской мѣстности А. И. Бибиковымъ.—Населеніе.—Характеристика Турскаго.—Отзывы маркиза Паулуччи и графа Ребиндера.—Матеріальныя средства страны и ея обитателей.—Развѣдка Теслева передъ войной.

Мѣстный элементъ въ Финляндіи оказываетъ самое рѣшительное вліяніе на военныя операціи. Поэтому необходимо внимательно остановиться на военно-географическихъ и топографическихъ свойствахъ этого своеобразнаго края, тѣмъ болѣе, что и воюющія стороны того времени занимались изученіемъ мѣстности довольно усердно, видимо сознавая ея особо-важное въ данномъ случаѣ значеніе.

Собственно говоря, театромъ вооруженной борьбы 1808 года была шведская часть Финляндіи; въ русскіе предѣлы проникали лишь незначительныя партизанскія партіи. Но русская Финляндія имѣла для насъ значеніе базы; въ ней войска заняли исходное положеніе, да и свойства мѣстности обѣихъ частей края почти совершенно одинаковы.

По исчисленіямъ записки Турскаго¹⁾, площадь тогдашней шведской Финляндіи опредѣлялась въ 2.258 квадратныхъ миль или 258,060 квадр. верстъ, что составляетъ около 75% поверхности нынѣшней Финляндіи; „изъ нихъ (какъ пишетъ Турскій) почти десятая часть покрыта озерами, а пятая часть—болотами, слѣдственно одна треть сего края, по причинѣ водъ, неспособна къ обработкѣ“. Надо замѣтить, что 44% всей площади нынѣшней Финляндіи, а слѣдовательно болѣе половины площади шведской Финляндіи 1908 г., занимаетъ Улеаборгская губернія, самая пустынная, малонаселенная часть края (едва 10% всего народонаселенія).

Естественнымъ рубежомъ, отдѣлявшимъ шведскую Финляндію отъ Выборгской губерніи въ важнѣйшей, западной части граничной линіи,—была рѣка Кюмень или „Келтисъ-рѣка“, какъ названа она въ текстѣ Абоускаго мирнаго договора 1743 г. Вмѣстѣ съ рядомъ озеръ, составляющимъ ея истоки, и широкою дельтою въ устьѣ,

¹⁾ Турскій былъ польскій офицеръ, первоначально служившій въ войскахъ Наполеона, перешедшій въ 1807 г. русскую службу. На него возлагались различныя порученія, съ которыми еще придется встрѣтиться при послѣдующемъ изложеніи. Записка его имѣется въ Дѣлѣ в. в. в. арх. Гл. Упр. Ген. Штаба за № 1665.

Кюмень, при ширинѣ отъ 60 до 100 сажень и глубинѣ отъ 8 до 20 футовъ является серьезною преградою (кромя зимы). Остальная часть границы преграждалась озерными пространствами, причемъ въ четырехъ направленихъ (Вильманстрандъ—С. Михель, Руколаксъ—Юккаксъ, Кроноборгъ—Нейшлотъ и Сердоболь—Юенсуу) образовывались какъ-бы корридоры, по которымъ только и могло быть произведено вторженіе. Точно также и переправа черезъ Кюмень могла быть произведена только въ извѣстныхъ, заранѣе опредѣленныхъ пунктахъ, гдѣ рѣка пересѣкалась дорогами.

Поверхность Финляндіи, при бѣгломъ взглядѣ на топографическую ея карту, даетъ впечатлѣніе беспорядочнаго хаоса скалистыхъ массивовъ, отдѣльныхъ скаль, холмовъ; въ эту изборочденную какими-то титаническими силами сушу причудливо врѣзывается сѣтъ внутреннихъ водъ края. Геологи подмѣтили въ этомъ хаосѣ извѣстную закономерность, въ зависимости отъ характера движенія первобытныхъ ледняковъ, когда-то покрывавшихъ эту площадь. Соединяя высшія точки разбросанныхъ безъ всякой видимой системы возвышеній, получаемъ водораздѣльныя линіи тѣхъ кражей, которые дѣлятъ край на шесть естественныхъ областей: крайній сѣверъ (покатость къ Ледовитому океану), западную равнину (Приботнійское побережье); югозападный уголъ, продолжающійся въ морѣ треугольникомъ Абосскихъ шхеръ; южную равнину (побережье Финскаго залива); перешеекъ между этимъ заливомъ и Ладожскимъ озеромъ и, наконецъ, внутреннее озерное плато. Такое дѣленіе поверхности Финляндіи принято въ настоящее время. Но въ 1808 году, въ предвидѣніи предстоящей обороны шведской Финляндіи, у шведовъ существовало болѣе упрощенное, примѣненное къ условіямъ обороны противъ Россіи, дѣленіе поверхности края на: 1) *Морской берегъ* (sjökusten)—береговая полоса отъ Кюменнъ къ западу до р. Торнео и 2) *Саволакскъ-Корельскій раіонъ* (т. е. внутренняя; озерная часть края). Такимъ образомъ рассматривали два отдѣльныхъ театра военныхъ дѣйствій, западный (прибрежный) и восточный (внутренній), значеніе и свойства которыхъ были различны.

Западный театръ, болѣе проходимый и менѣе пересѣченный, заключалъ въ себѣ операціонные пути отъ русской границы къ важнѣйшимъ прибрежнымъ пунктамъ, исходнымъ пунктамъ будущаго наступленія въ сердце Швеціи, а затѣмъ пути вдоль побережья до сѣверныхъ предѣловъ Финляндіи. Всѣ эти пути давали каждой изъ воюющихъ сторонъ важное преимущество—возможность *опираться на флотъ и вести совмѣстныя съ нимъ операціи*.

Что же касается внутренняго, Саволакскаго раіона, то здѣсь былъ прочный редюитъ всей обороны, естественный базисъ для партизан-

скихъ дѣйствій и вѣчная угроза отсюда флангамъ и тылу наступающаго.

Общій характеръ финляндскаго рельефа — отсутствіе преградъ, способныхъ приостановить движеніе, и обиліе труднодоступныхъ съ фронта и нерѣдко обезпеченныхъ съ фланговъ позицій. Последнее зависитъ еще отъ изобилія *внутреннихъ водъ*, являющихся спеціальною особенностью Финляндіи, благодаря которой край этотъ — единственный въ своемъ родѣ на земномъ шарѣ. Мѣстный національный поэтъ Руненбергъ зовотъ свою родину „тысячеозернымъ краемъ“. Озера занимаютъ здѣсь (не считая Ладожскаго), 9,2⁰/₀ всей поверхности (въ Евр. Россіи — 1,4⁰/₀, въ Франціи 0,3⁰/₀). На картѣ Финляндіа, благодаря озерамъ, кажется, какимъ-то искусно сплетеннымъ голубымъ кружевомъ. Но и здѣсь подмѣчаются четыре различныхъ водныхъ системы: Сатакундская, Пейенская и Сайминская (по меридіану) и Улеоская (по параллели). Последняя, будучи въ сторонѣ отъ района операций, не имѣла значенія. Что же касается прочихъ трехъ, то, говоря кратко, Сатакундская усиливала съ запада обороноспособность Саволакса и затрудняла связь его съ побережьемъ, Пейенская разобщала еще болѣе побережье отъ внутренняго театра и, разрѣзая послѣдній на двое, затрудняла сообщеніе въ его предѣлахъ, заставляя пользоваться кружными путями; наконецъ — Сайминская прикрывала русскую границу и облегчала шведамъ оборону доступъ во внутрь края. Независимо этого, всѣ три озерныя системы играли весьма важную роль *внутреннихъ водныхъ путей*, облегчающихъ не только передвиженіе войскъ и воинскихъ грузовъ, но и пользованіе гребными флотиліями, даже съ тактической цѣлью. Въ частности Сайминская система облегчала осуществленіе наступательныхъ плановъ, какъ для шведовъ изъ Саволакскъ-Корелии намъ въ тылъ, такъ и для насъ вглубь внутренней Финляндіи.

Значительныя рѣки въ Финляндіи — только на сѣверѣ (Торнео, Кеми, Улео и др.). Но и южнѣе, вдоль всего западнаго побережья, цѣлый рядъ рѣкъ и рѣчекъ, впадающихъ въ Ботнической заливъ, сослужили шведамъ въ 1808 г. большую службу, не только въ дѣлѣ прикрытія ихъ двоекратнаго отступленія, но какъ главная причина наступившаго весной 1808 г. перерыва въ операціяхъ.

„Послѣ 21-го апрѣля — пишетъ Михайловскій-Данилевскій — снѣгъ началъ вдругъ таять; съ ревомъ и пѣною понеслись съ горъ источники по долинамъ, унося съ собою мосты и плотины, деревья и огромные камни и образуя въ теченіи своемъ тысячи ручьевъ и водопадовъ. Такова Финляндіа: сегодня природа подъ завѣсою глубокихъ снѣговъ скована льдинами, завтра снѣга катятся съ горъ, ручьи становятся рѣками и *прекращается всякое движеніе*“. Но при открытіи

кампаніи, зимою 1808 г., рѣки и озера были скованы льдомъ, и по нимъ ходили, какъ по суку, разыгрывая на льду даже цѣлыя битвы (Леппявирта 27-го февраля 1808 г.).

Кромѣ пограничной рѣки Кюмени и рѣки Кумо, прикрывавшей тылъ нашихъ войскъ, оперирующихъ въ Эстроботніи, со стороны шведскихъ десантовъ въ Абоскомъ районѣ, играла важную роль еще рѣка Вуокса: она обезпечивала съ сѣвера наши сообщенія, затрудняя шведамъ покушенія изъ внутренней Финляндіи на нашъ тылъ.

Внѣшнія воды Финляндіи (морскіе заливы и Ладожское озеро) могли быть райономъ дѣйствій флотовъ—корабельнаго и галернаго. Корабельный флотъ былъ средствомъ овладѣть моремъ, чтобы затѣмъ пользоваться морскими путями, какъ путями подвоза и даже дѣйствія (десанты въ тылъ противнику). Последнее могло осуществляться уже при посредствѣ галернаго флота, которому корабельный служилъ лишь прикрытіемъ. Борьба на морѣ сводилась къ тому, чтобы сперва пріобрѣсти на немъ перевѣсъ, а затѣмъ пользоваться имъ, какъ средствомъ облегченія сухопутныхъ операцій. Для шведовъ существенно важно было въ особенности обезпечить непрерывность сообщенія Швеціи съ Финляндіей и, слѣдовательно, затруднить русскому флоту доступъ изъ Финскаго залива въ Ботнической. Этому способствовали шхерный лабиринтъ такъ называемыхъ „Абосскихъ водъ“, а также проливъ „Сѣверный Кваркенъ“—это бутылочное горло, суживаемое еще болѣе шхерными группами по обоямъ берегамъ.

Ладожское озеро могло облегчать намъ доставку всего необходимаго на нашу базу—въ старую Финляндію, шведамъ-же служивало районъ возможныхъ операцій къ Петербургу и, слѣдовательно, способствовало оборонѣ послѣдняго.

Лѣса и теперь покрываютъ до половины площадь Финляндіи, несмотря на лихорадочный ростъ вывоза лѣсныхъ матеріаловъ и лѣсообрабатывающей промышленности; сто лѣтъ тому назадъ лѣсистость края была гораздо больше и открытыми въ сущности были лишь небольшіе оазисы близъ населенныхъ мѣстъ и по берегамъ водъ. Лѣса превращали пути въ многоверстные дефиле и облегчали укрытие резервовъ оборонѣ и скрытый обходъ фланговъ атакѣ. Мѣстами лѣса, особенно въ восточной части края, настолько рѣдки и удобопроходимы, что позволяютъ не только веденіе стрѣлковаго боя, но даже маневрированіе небольшими колоннами.

Климатъ Финляндіи сырой и холодный, хотя море и юго-западные вѣтры значительно умѣряютъ его. Продолжительная снѣжная и морозная зима является времнемъ наибольшей доступности Финляндіи, такъ какъ съ замерзаніемъ водъ и, главное, съ умноженіемъ путей, сокращающихъ разстоянія, главная сила обороны, „тѣснин-

ный", такъ сказать, характеръ мѣстности, почти что исчезаетъ. Для шведовъ зима была еще и потому неблагоприятна, что связь ихъ войскъ въ Финляндіи со Швеціей въ это время года крайне затруднялась. Короче, зимою Финляндія оказывалась предоставленной сама себѣ и болѣе открытой русскому вторженію. О финляндской веснѣ мы уже говорили: перерывъ операций по меньшей мѣрѣ на мѣсяць—ея непремѣнный результатъ. Лѣто, короткое и нежаркое, вмѣстѣ съ началомъ осени,—лучшее время, когда войска и водоплавныя средства разнаго рода могутъ работать рука объ руку, а мѣстныя оборонительныя данныя могутъ быть использованы въ полной мѣрѣ.

Пути сообщенія сто лѣтъ назадъ были значительно менѣе развиты, чѣмъ теперъ, хотя свойства ихъ были тѣ же: твердость и прочность грунта, облегчающая движеніе, и узость полотна, затрудняющая таковое. „Дикія, сырыя и прохладныя ущелія охватили и сжали съ боковъ наши баталіоны своими каменными глыбами и сосновымъ боромъ,—передаетъ историкъ Ямбургскаго уланскаго полка¹⁾ впечатлѣнія современника.—„То взбираясь на уступы гранитныхъ кручь, то спускаясь въ туманныя лощины, то пробираясь сквозъ обильныя лѣсныя заросли, отрядъ узкою и поневолю *растянутою* колонною съ большими трудностями подвигался впередъ по *тѣсной* дорогѣ“. „Въ зимнее время,—пишетъ другой участникъ войны, Денисъ Давыдовъ,—дороги превратились въ узкія тропинки, по которымъ кавалерія могла идти не иначе, какъ въ одинъ конь, пѣхота—рядами, а тяжести и артилерія двигались съ огромными затрудненіями“. Охраненіе походныхъ колоннъ при такихъ условіяхъ чрезвычайно затрудняется, тѣмъ болѣе, что самое увеличеніе ихъ длины дѣлаетъ ихъ болѣе уязвимыми²⁾.

Что касается относительнаго значенія самыхъ путей, то наиболѣе важнымъ изъ нихъ являлся прибрежный путь, окаймлявшій побережье отъ Выборга вплоть до Торнео, мѣстами съ параллельными участками въ разстояніи 1—2 переходовъ; здѣсь можно было оперировать при содѣйствіи морскихъ силъ. Затѣмъ діагональные пути отъ русской границы приводили насъ въ сердце Саволакса. Но свойства внутреннихъ водъ таковы, что въ этомъ направленіи, какъ уже было сказано, дорогъ было мало и потому легко было предугадывать и предупреждать наступленіе.

Охарактеризованныя нами вкратцѣ особенности финляндской мѣстности были достаточно извѣстны намъ и, повидимому, приняты во вниманіе при составленіи предварительныхъ передъ войной со-

¹⁾ В. Крестовскій, стр. 116.

²⁾ Вотъ почему, между прочимъ, графъ Н. Каменскій постоянно примѣнялъ въ эту войну эшелонный способъ движенія.

ображеній. Однимъ изъ матеріаловъ къ тому несомнѣнно послужили хранящіеся и теперь въ дѣлахъ военно-историческаго архива нашего генеральнаго штаба „Замѣчанія касательно новой Финляндіи“ и другія записки одного изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей Екатерининской эпохи, генераль-аншефа Александра Ильича *Вибикова*. Записки и замѣчанія эти потому представляютъ интересъ, что какъ видно изъ приложеннаго къ нимъ всеподданнѣйшаго письма сына покойнаго г.-м. Вибикова, они были, черезъ Арапчаева, представлены въ 1808 году Императору Александру I¹⁾,

„Финляндія, — пишетъ Вибиковъ²⁾, — раздѣляема будучи вездѣ горами, болотами, лѣсамъ теченіемъ рѣкъ и частыми озерами, кажется имѣть *особливое* передъ прочими землями свойство и, въ разсужденіи обширности ея, *весьма мало* имѣть такихъ дорогъ, которыми въ *лѣтнее время* мѣста и селенія ея одно съ другимъ сообщаются. А кромѣ извѣстныхъ и уже сдѣланныхъ дорогъ не только войскамъ съ артилерією, но и употребляемою двухколесною въ сей землѣ телѣжкою проѣзжать невозможно. Правда, что въ зимнее время *умножается коммуникація* проглядываемыми черезъ озера и болота дорогами, но и тѣхъ столь мало, что они, какъ по случаю бывшихъ первой и второй со Швеціей войны, такъ и по описанію, довольно извѣстны и на картахъ означены. А сверхъ того и въ лѣтнее, ни въ зимнее время, въ разсужденіи сказанной выше ситуаціи и по причинѣ великихъ горъ, болотъ и лѣсовъ, наполненныхъ многочисленными камнями, *безъ дорогъ пройти войскамъ вовсе нѣтъ возможности*. Надѣлать же вновь дорогъ многіе годы потребны“. По мнѣнію Вибикова, для обороны Финляндіи „главное свое искусство и попеченіе въ томъ приложить должно, чтобы идущія отъ границы внутрь земли дороги такъ занять, дабы вездѣ непріятель встрѣтилъ неодолимую преграду“. Послѣднее не трудно осуществить, ибо вездѣ много „такихъ мѣстъ“ (т. е. позицій), которыя „по натуральному своему положенію“ или „съ помощью искусства“ могутъ приведены въ такое состояніе, „что *никакою силою ихъ преодолѣть почти не можно, да и*

¹⁾ Вотъ содержаніе этого всеподданнѣйшаго обращенія. «Всеимпостивѣйшій Государь! Между оставшимся послѣ покойнаго отца моего, скончавшагося на службѣ противъ самозванца Пугачева, генераль-аншефа, лейбъ-гвардіи подполковника, Святаго Андрея и другихъ орденовъ кавалера, Александра Ильича Вибикова, извѣстнымъ какъ по усердію къ службѣ отечества и преданностію къ Монархамъ, такъ и воинскому его искусству, найдя при семъ предложенія, и полагая, какъ по собственнымъ моимъ примѣчаніямъ, въ теченіе трехъ кампаній мною въ томъ краѣ служившихъ, такъ и по объявленію нѣкоторыхъ болѣе искусившихся военнослужащихъ, что бумаги сіи при пытаніяхъ обстоятельствѣхъ могутъ быть полезны для службы Вашего Императорскаго Величества, осмѣливаюсь поднести ихъ, всеподданнѣйше прося и т. д.» Въ «замѣчаніяхъ» имѣются: а) «Изъясненіе для защищенія Финляндіи»; «Мнѣніе объ оборонѣ Россійской Финляндіи»; «Примѣчанія къ войнѣ 1741—43 гг. и нѣсколько маршрутовъ».

²⁾ Исправленъ старинную орфографію подлинника. Курсивы ваши. П. Н.

самое превосходство силъ атакующаго ни къ чему не послужитъ“. Въ другомъ мѣстѣ указывается, что малыя дороги, хотя и негодныя для проѣзда, „во время военныхъ дѣйствій великихъ примѣчаній по положенію мѣстъ достойны, какъ для разныхъ сюрпризовъ и чтобъ отдѣльныя партіи и посты отъ главныхъ отрѣзывать, такъ и для пресѣченія коммуникаціи и ретирады“; тутъ же дальше говорится, что въ „Финляндіи множество имѣется узкихъ проходовъ и авантажныхъ для военныхъ дѣйствій мѣстъ“, которыя „хотя ко укрѣпленію способны или самп собою весьма крѣпки“, но, несмотря на важную ихъ „ситуацію“ при „большихъ коммуникаціонныхъ путяхъ или на самой границѣ“ (т. е. несмотря на важное стратегическое ихъ значеніе), ихъ „оставить слѣдуетъ“, ибо „безъ всякаго сопротивленія отдаться припуждены быть могутъ“, такъ какъ „мимо оныхъ въ другомъ мѣстѣ пройти возможно“. Въ общемъ Бибииковъ сравниваетъ Финляндію съ крѣпостью, „имѣющею многія наружныя пристройки и укрѣпленія, которыя на всякомъ шагу непріятеля затруднить и новую осаду предпринять понудятъ. И главное обороняющему вниманіе и искусство туда только обращено быть должно, дабы между сими обороняемыми частями взаимное сохранить сообщеніе и въ случаѣ нужды части войскъ одна съ другою соединяться и другъ другу вспомоцествовать могли“. Наконецъ, еще одно мѣткое замѣчаніе: „чтобы берегъ морской Синуса Финикуса (т. е. Финскаго залива) такъ прикрываемъ былъ, дабы занятые и поставленные деташемнты въ крѣпкихъ мѣстахъ со стороны моря были въ неопасности и обезпечены, ибо непріятель всякое и крѣпкое съ лица (т. е. съ фронта) мѣсто съ тылу и со сторонъ (т. е. фланговъ), не только отъ другихъ отрѣзатъ, но и разбить можетъ“.

И безъ поясненій понятно, насколько мѣтко подмѣчены и ярко оттѣнены Бибииковымъ наиболѣе существенныя въ военномъ отношеніи особенности финляндской мѣстности, усиливающей до чрезвычайности тактическую оборону, но скорѣе благопріятствующей наступательной стратегіи по выдающемуся значенію маневровъ-обходовъ. Если въ горной странѣ, по словамъ Г. А. Леера, всего выгоднѣе стратегически наступать, тактически обороняться (Стратегія III, 19), то тѣмъ болѣе въ Финляндіи, гдѣ „тѣснинная“ мѣстность создается не только орографіей, но и гидрографіей, не считая лѣсовъ. Съ другой стороны для прочнаго обладанія Финляндіей мало „пройти“ ее, даже разбивъ на пути противника; надо „прочно“ занять въ странѣ главные центры, завести рѣчной флотъ, чтобы господствовать на внутреннихъ водахъ, покончить такъ или иначе съ враждебнымъ населеніемъ, прочно связаться съ базой и, во всякомъ случаѣ, дѣйствуя отъ центра края къ ея окружности, овладѣть

прибрежными пунктами; словомъ, нужно достигнуть результатовъ, которые въ короткое время не даются. А между тѣмъ, только такіе результаты и могли обратить Финляндію въ базу для дѣйствій противъ Швеціи“ (А. З. Мышлаевскій „Война въ Финляндіи 1712—1714 г.“, стр. 67).

Такой характеръ мѣстности указываетъ насколько вообще велико здѣсь значеніе *мѣстнаго населенія*.

По даннымъ записки Турскаго (см. выше), численность населенія Финляндіи, по переписи 1806 года, равнялась 909.025 чело-вѣкъ. „Народъ въ Финляндіи,—пишетъ тотъ же Турскій,—храбрый, трудолюбивый, промышленный, твердый въ своихъ чувствахъ, гордящійся своею вольностью, особливо остроботнѣйскій, чувствителенъ на пунктъ чести, свѣдушъ и еротовъ, когда отдають ему справедливость, но, *однажды раздраженный, становится непреклоненъ и упрямъ*“¹⁾.

Что же касается шведовъ (которыхъ нынѣ насчитывается 13,56%) то въ тѣ времена ихъ количество было, очевидно, больше, но жили они, какъ и теперь, преимущественно въ городахъ, составляя высшіе классы населенія, и только на островахъ и вдоль побережья Ботническаго залива шведы жили сплошною массою.

Интеллигенція Финляндіи въ то время была исключительно шведскою. Вотъ какъ характеризуетъ тотъ-же Турскій ея различные классы. «Дворянство,—пишетъ онъ,—посредственно воспитанное, въ нравахъ частью испорчено, надменно и скупю до высочайшей степени. Духовенство—ученое и дѣятельное при ободреніяхъ; *отъ него зависитъ народный духъ*; но, исключая немногихъ, болѣе предано оно домоводству, нежели интригамъ. Мѣщанство, крайне дѣятельное въ своемъ промыслѣ, малосвѣдущее и отменно наклонное къ прибыткамъ, особливо кучечество». На сочувствіе мѣстнаго населенія возлагался въ началѣ войны значительныя и серьезныя упованія. Упованія эти всѣми силами поддерживалъ Спренгтпортенъ и его единомышленники. Въ собственноручной его запискѣ отъ 30-го января 1808 г.²⁾, съ замѣчаніями по первоначальному плану нашего вторженія въ Финляндію, значится, между прочимъ, что „отъ успѣха первыхъ шаговъ зависитъ все остальное, въ особенности въ томъ, *чего можно ожидать отъ населенія страны*“. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ того-же Спренгтпортена составлялись и прокламаціи къ населенію (сочиненіе которыхъ, между прочимъ, значительно задержало открытіе военныхъ дѣйствій).

¹⁾ Но даромъ финны избрали себѣ національною эмблемою *можжевелникъ*, который гнется, но не ломается.

²⁾ Дѣло В. Ист. отд. Гл. Упр. Ген. Шт. № 4418.

Въ этихъ возваніяхъ, кромѣ разнаго рода успокоительныхъ заявленій, содержалось и объщаніе, что „Великое Княжество Финляндское почитаться будетъ *наравнѣ* съ прочими завоеванными Россійской Имперіей областями, кои при вѣрномъ правленіи предковъ Его Императорскаго Величества пользовались и теперь еще пользуются благополучнымъ спокойствіемъ и сохраненіемъ своихъ привилегій, свободнаго вѣроисповѣданія, вольностей, правъ и другихъ преимуществъ, которыя они издревле имѣли и еще имѣютъ“.

Въ письмахъ къ Румянцеву, Аракчееву и къ самому Государю Сперенгпортенъ старался впоследствии изобразить „искреннюю радость“ населенія по случаю вступленія русскихъ въ Финляндію, „хорошее настроеніе умовъ“ дворянства, его „покорность“ новому Повелителю, а Финляндію—„страною, сдающеюся съ удовольствіемъ“.

На самомъ дѣлѣ покорность эта проявлялась только, пока шведскія войска отступали: но какъ только, послѣ боя при Револакскѣ (15-го апрѣля) наше стратегическое положеніе ухудшилось,—немедленно поднялась народная война.

Командированный въ Финляндію лично Государемъ полковникъ маркизъ Паулуччи (замѣтимъ—не русскій офицеръ, а иноземецъ, сардинецъ, только что перешедшій въ нашу службу, даже не знавшій русскаго языка и писавшій всѣ свои рапорты по-французски) не находилъ другихъ средствъ утишить возстаніе, кромѣ „мѣръ праведной строгости“; иначе, по его мнѣнію, нельзя „возстановить порядка и спокойствіе въ такомъ народѣ, котораго вѣрныя и человѣколюбивыя поступки нашей арміи не въ состояніи были содержать въ тишинѣ“¹⁾. Въ другомъ донесеніи (хранящемся въ подлинникѣ) Паулуччи писалъ: „Les différents crimes commis par les habitants contre nos troupes et dequels je puis dire d'avoir été témoin oculaire en risquant d'être une des victimes, n'admettent plus un système de douceur, qui dégènera en faiblesse, lorsque le crime reste impuni“²⁾.

Такое поведеніе народной массы объясняется только тѣмъ, что крестьяне и средній классъ финляндскаго населенія и не помышляли о какой-либо политической самостоятельности или о томъ, чтобы передаться Россіи. По ихнему эта была „выдумка господъ обманщиковъ“³⁾.

Графъ Ребиндеръ (впоследствии министръ-статсъ-секретарь финляндскій) характеризуетъ въ своихъ мемуарахъ⁴⁾ нижеслѣдующимъ

¹⁾ Д. В. Ист. Отд. Гл. Упр. Ген. Шт. № 1662. Переводъ Танѣва.

²⁾ Т. е. «Различныя преступленія, совершенныя жителями противъ нашихъ войскъ, коня я, могу сказать, былъ во-очію свидѣтелемъ, рискуя сдѣлаться одною изъ жертвъ, не допускають болѣе примѣненія системы кротости, которая превращается въ слабость, развѣ преступленіе остается безнаказаннымъ».

³⁾ Ett påhitt af falska herragarne. Въ III т. шведской офф. ист. (стр. 40) приведенъ слѣдующій рядъ документальныхъ на то свидѣтельствъ.

⁴⁾ Журналъ Finsk Tidskrift 1870 г. т. VI стр. 310—312.

образомъ общественное настроеніе Финляндіи въ 1808 году передъ войною. „Народъ, горожане, солдаты, однимъ словомъ, *низшіе классы*,—пишеть онъ,—т. е. громадное большинство населенія ревностно держались за неразрывность связей со Швеціей... Мысль присоединиться къ Россіи имъ никогда и въ голову не приходила, а идея о *національной независимости*, которая за послѣднія десятилѣтія неоднократно проявлялась среди высшаго класса, была имъ *совершенно чужда*. Они готовились бороться до послѣдней крайности за свой домашній очагъ“.

Другое дѣло „умѣренная партія“ къ составу которой Ребиндеръ причисляетъ дворянъ, духовенство и большинство чиновниковъ. „Въ Финляндіи вообще за предшествующіе годы сильно поддались влиянію матеріальныхъ интересовъ и наивно вѣрили въ возможность вѣчнаго мира. Ничто не было готово для обороны страны, а о силахъ русскихъ создавали себѣ преувеличенныя представленія. Подъ влияніемъ злосчастныхъ событій 1788 года, отъ страха дошли до измѣны. Даже среди высокопоставленныхъ должностныхъ лицъ недоставало силы воли и прочихъ качествъ для того, чтобы руководить общественнымъ мнѣніемъ и образовать цементъ для спайки всѣхъ классовъ общества.“

Третья группа,—„ничтожное меньшинство“, усматривала въ надвигающихся событіяхъ „признаки новаго золотого вѣка“. „Руководимая частью честолюбіемъ, частью личными интересами, а раньше всего живучестью стараго „духа партійности“, эта группа была бѣдна числомъ, но богата дѣятельностью... Давняя склонность къ Россіи ожила вновь среди послѣдователей Спренгтпортена... изъ числа принимавшихъ болѣе или менѣе близкое участіе въ событіяхъ 1788 года и унаслѣдовавшихъ отъ своихъ родителей тѣ-же возрѣнія; наконецъ—среди личностей, которыя *спекулировали на возрастаніи своихъ доходовъ*, не стѣсняясь средствами“...

Остается еще упомянуть о матеріальныхъ средствахъ страны и ея обитателей. Послѣдніе были въ Финляндіи буквально обременены налогами. Турскій высчитываетъ общее количество налоговъ, взимаемыхъ ежегодно шведскимъ правительствомъ съ финляндцевъ въ 1.969.876 рублей серебромъ, что, при тогдашнемъ населеніи, составляло болѣе 2-хъ рублей на душу. Передъ войной 1808 года финляндцы уплачивали не менѣе какъ 9 разрядовъ различныхъ налоговъ, причемъ обложено было даже право пить чай, кофе, носить карманные часы! У дворянства все фамиліальное серебро было отобрано подъ расписку и разрѣшено было сохранить только серебряныя ложки не тяжелѣе 10-ти золотниковъ!

Крестьянство финляндское буквально голодало и бѣдствовало. Капитанъ Теслевъ, производившій тайную развѣдку шведской Финляндіи передъ войною (его отчетъ былъ представленъ генералу Сухтелену 12-го января 1808 года)¹⁾ доносилъ, что „жители мѣшаютъ муку съ мякиною и даже соломою“; характерно наблюдение того-же Теслева, что „кромѣ шведскихъ ассигнацій и *россійской мѣдной монеты*, безъ которой они (т. е. финны) не могли бы выплачивать мелкихъ расходовъ, никакихъ другихъ денегъ видѣть не случалось“.

Сама по себѣ Финляндія, при сравнительной мягкости климата южной своей части и трудолюбіи своего незначительнаго населенія, даже и въ то время могла-бы доставлять ему достаточныя средства для пропитанія. По расчетамъ Турскаго, хорошій урожай (самъ 6) могъ давать со всей тогдашней Финляндіи 750.000 бочекъ хлѣба за вычетомъ необходимаго для обмѣненія, что равнялось $\frac{4}{5}$ бочки на каждого жителя. Но чаще случались плохіе урожаи и тогда можно было рассчитывать лишь на половинное количество, такъ что кое-гдѣ населеніе голодало. Однако главною причиною, по которой финляндцы бѣдствовали, оказывалась не слабая производительность земли, а система шведскаго управленія, основаннаго на томъ, чтобы выжимать изъ Финляндіи всѣ соки. Выраженіе Петра Великаго «*Сія провинція суть титькою Швеціи... не только что мясо и прочее, но и дрова оттоль*»²⁾,—мѣтко характеризуетъ образъ дѣйствій шведскаго правительства въ отношеніи этого края, ничуть не измѣнившійся столѣтіемъ позже. Турскій въ своей запискѣ свидѣтельствуетъ что „сѣбное и другіе запасы, какъ-то коровье масло, мясо, дичину, рыбу, самое даже сѣно, уголья, дрова и лѣсъ, отвозятъ въ Швецію“. Такимъ образомъ, шведы не стѣснялись истощать Финляндію, несмотря на ограниченность ея производительной силы. Если принять во это вниманіе, а также припомнить, что кампанія 1808 года началась съ преслѣдованія нами шведской арміи вплоть до Улеаборга, причемъ шведскія войска частью истребляли, а частью увозили съ собой встрѣчавшіеся на пути запасы, то не трудно видѣть, насколько трудноразрѣшимымъ явился для насъ въ эту войну продовольственный вопросъ.

Въ общемъ особенности Финляндіи, какъ театра военныхъ дѣйствій, ставили дѣйствовавшія тамъ войска въ своеобразныя и притомъ нелегкія условія. Ихъ вліяніе проявлялось не только въ области тактической дѣятельности войскъ, но отражалось самымъ ощутительнымъ образомъ и на характерѣ возможныхъ стратегическихъ комбинацій.

¹⁾ См. дѣло воен. ист. отд. Гл. Упр. Ген. Штаба № 1650.

²⁾ Ст. стр. 40, книги А. З. Мышлаевскаго «Война въ Финляндіи 1712—1714 г.г.».

ГЛАВА IV.

Планы и подготовка сторонъ.

Шведскіе планы по оборонѣ Финляндіи.—Планы Эренсверда.—Планъ Клингспора.—Планъ анонима.—Положеніе финляндскаго театра въ 1808 году.—Меморіаль «тайнаго военнаго совѣта».—Королевская инструкція финляндскому главнокомандующему.—Мѣры съ нашей стороны по оборонѣ шведской границы въ Старой Финляндіи.—Дѣятельность Суворова въ 1791—92 гг.—Его операціонные планы.—Планъ А. И. Вибикова.—Планъ 1808 года.—Мѣры по подготовкѣ базы въ Старой Финляндіи.

Обращаясь къ подготовительнымъ мѣропріятіямъ сторонъ передъ войной 1908—09 годовъ, необходимо остановиться на предварительныхъ соображеніяхъ по оборонѣ Финляндіи, занимавшихъ шведскихъ военныхъ дѣятелей; это облегчитъ оцѣнку того плана, на которомъ остановились въ дѣйствительности.

Потерявъ по Ништадтскому миру „ключъ Финляндіи“, Выборгъ, а затѣмъ, по Абоскому миру, укрѣпленные пункты Фридрихсгамъ, Вильманстрандъ и Кексгольмъ, шведы были весьма озабочены состояніемъ своей восточной границы. Оборонительные планы различнаго рода обсуждались даже въ риксдагѣ, но исполненіе тормозилось, какъ всегда и вездѣ, недостаткомъ денегъ.

При существовавшемъ въ XVIII столѣтіи пристрастіи къ фортификаціоннымъ сооруженіямъ, большинство плановъ этихъ являлись лишь проектами подготовки театра военныхъ дѣйствій въ инженерномъ отношеніи. Однимъ изъ составителей подобныхъ плановъ былъ адмиралъ Августинъ Эренсвердъ, строитель Свеаборга¹). Въ основаніе своего плана онъ полагалъ соображеніе (опровергнутое, однако, фактами войны 1808—09 гг., до которой онъ не дожилъ), что дѣйствія во внутренней части края, а также дѣйствія зимою—невозможны. Онъ ограничивался поэтому прибрежной полосой. Прежде всего онъ считалъ необходимымъ имѣть такой флотъ, который навѣрняка доставлялъ бы въ руки шведовъ господство на морѣ, а затѣмъ, для обезпеченія, при помощи флота, связи финляндской сухопутной арміи съ метрополіей, онъ проектировалъ у Гельсингфорса сильную сухопутно-приморскую крѣпость²). Кромѣ того онъ предлагалъ укрѣпить оба фланга оборонительной линіи рѣки Кюмени. Не придавая ника-

¹) Шведы придаютъ его дѣятельности огромное значеніе, не только въ качествѣ военнаго инженера, но и создателя такъ называемаго «армейскаго» (т. е. галернаго и мелкаго паруснаго) флота. Гробница Эренсверда до сихъ поръ существуетъ въ Свеаборгѣ.

²) По недостатку средствъ выстроена была только приморская часть, благодаря чему зимою Свеаборгъ со стороны суши былъ не обезпеченъ.

кого значенія Саволаксу (т. е. внутренней озерной части края), онъ считалъ положеніе Тавастгуса столь безопаснымъ, что намѣчалъ его въ качествѣ складочнаго пункта для пополненія Гельсингфорса. Всѣ активныя операціи Эренсвердъ возлагалъ исключительно на флотъ, а сухопутныя войска, опираясь на укрѣпленные пункты, должны были только сдерживать на границѣ натискъ противника.

Клингспоръ (будущій главнокомандующій въ 1808—09 гг.) нѣсколько видоизмѣнилъ планы Эренсверда. Онъ придавалъ Саволаксу значеніе самостоятельнаго театра дѣйствій, но лишь въ смыслѣ оборонительномъ. Здѣсь, въ Варкаусъ (на пересѣченіи путей отъ С. Михеля и Нейшлота) онъ намѣчалъ мѣсто для сооруженія укрѣпленнаго пункта, склада всего необходимаго и средоточія озерной флотиліи. Онъ называлъ его „Саволакскимъ Свеаборгомъ“.

Что касается Тавастгуса, то, по плану Клингспора, онъ долженъ былъ быть оборудованъ на случай возможнаго отступленія съ южнаго побережья въ сѣверномъ направленіи. Наибольше замѣчательною стороною плана Клингспора, поучительною даже въ настоящее время, была организація *подвоза водными путями*. Клингспоръ предвидѣлъ затрудненія, которыя могутъ возникнуть въ случаѣ наступленія русскихъ въ такое время года, когда сообщеніе между Швеціей и Финляндіей моремъ прервано. Поэтому онъ считалъ необходимымъ настолько усилить войска въ Финляндіи, что имѣть тамъ никакъ не менѣе 25.000 человекъ. Для непрерывнаго поддержанія связи Финляндіи со Швеціей въ періодъ навигаціи, корабельный шведскій флотъ, по мысли Клингспора, въ случаѣ потери господства на Балтійскомъ морѣ, долженъ былъ укрыться въ Ботнической заливъ и здѣсь прикрывать сообщенія между Гефле и Бьернеборгомъ. При этомъ Клингспоръ считалъ необходимымъ канализировать рѣки Кумо и Улео, чтобы производить по нимъ подвозъ до Тавастгуса и до Кааяны и далѣе по Сайменской озерной системѣ вплоть до самаго Варкауса.

Въ дѣйствительности, въ улучшенію водныхъ сообщеній вовсе не было приступлено¹⁾ и шведское правительство ограничилося расходами по укрѣпленію Свеаборга, на что въ первые четыре года работы затрачено было 4 тонны золота, или 600 тысячъ рублей²⁾.

Въ шведской официальной исторіи войны упоминается еще объ одномъ планѣ обороны Финляндіи, интересъ котораго заключается въ томъ, что онъ составляетъ полное исключеніе въ ряду многочис-

¹⁾ Хотя существовало множество другихъ подобныхъ проектовъ. Предполагали соединить Гельсингфорсъ каналами съ Сатакундской и Пеаянской озерными системами, а также связать Саволакскъ-Корелію съ внутренней частью Эстроботаніи и съ моремъ, прорѣзавъ цѣлый рядъ перешейковъ.

²⁾ Всего до 1767 года затраты на Свеаборгъ достигли 17 миліоновъ финскихъ марокъ или около 7¼ миліоновъ рублей.

ленныхъ въ то время проектовъ означеннаго рода. Планъ этотъ составленъ былъ между 1804 и 1807 годами, когда уже во всемъ блескѣ проявилась дѣятельность Наполеона, и проникнуть всецѣло духомъ активности, а для насъ представляетъ особый интересъ потому, что обратилъ на себя вниманіе наше передъ самой войною и мы добыли съ него копію¹⁾. Анонимный авторъ преклоняется передъ Наполеономъ и требуетъ подражанія его энергичнымъ дѣйствіямъ. „Валы и рвы,—пишетъ онъ,—помогаютъ рѣдко, но мѣшаютъ часто; можно смѣло утверждать, что ловкіе маневры и высокое мужество будутъ всегда наилучшимъ брустверомъ“. Въмѣсто крѣпостей онъ считаетъ достаточнымъ ограничиться обезпеченіемъ складочныхъ пунктовъ отъ нечаяннаго нападенія укрѣпленіями временной профили, стараясь располагать эти пункты позади облегчающихъ ихъ оборону тѣснинъ. Успѣхъ обороны долженъ прежде всего основываться на созданіи хорошо обученной и подвижной арміи. Считая всѣ силы Швеціи круглымъ числомъ въ 50 тысячъ человекъ, составитель плана назначалъ половину ихъ для активной обороны линіи р. Кюмени, при чемъ, распредѣляя эти силы на три отдѣльныя группы (средняя сильнѣе крайнихъ), предлагалъ нѣчто въ родѣ Трахтенбергскаго плана союзниковъ въ 1813 году, т. е. чтобы атакованная группа отходила назадъ, втягивая за собою противника, пользуясь чѣмъ, двѣ остальныя должны были дѣйствовать ему въ тылъ. Въ случаѣ неудачи слѣдовало отступать отсюда не къ Гельсингфорсу, а къ Тавастгусу, угрожая правому флангу преслѣдующихъ изъ Саволакса, а лѣвому—шхернымъ флотомъ изъ Свеаборга. На особый Саволакскій отрядъ возлагалась специально-активная задача—наступать на Кексгольмъ, ѣвъ обходъ русскихъ пограничныхъ крѣпостей и укрѣпленныхъ пунктовъ, а отсюда—заслонившись къ сторонѣ Выборга, оперировать прямо къ Петербургу. Главнымъ условіемъ успѣха ставилась быстрота, надлежало предупредить противника, ударивъ ему во флангъ и тылъ раньше, чѣмъ онъ начнетъ операціи на границѣ. Быстрота мобилизаціи (сборъ поселенныхъ войскъ) и сосредоточенія достигались по этому плану улучшеніемъ путей сообщенія. Здѣсь какъ и у Клингспора, обращалось особое вниманіе на передвиженія по воднымъ путямъ.

Эта сторона приводимаго плана особенно примѣчательна. Составитель его предлагалъ, чтобы шведская казна оказала приходамъ поддержку, въ размѣрѣ третьей части расходовъ, обязавъ ихъ строить свои лодки по пзвѣстному образцу, пригодному для военныхъ цѣлей²⁾.

¹⁾ Обстоятельство это отмѣчено составителями шведской официальной исторіи (II, стр. 67). Самая копія эта находится и теперь въ В. ист. архивѣ нашего Генеральнаго Штаба (дѣло № 15698).

²⁾ Т. е. достаточной подземной силы для опредѣленнаго числа солдатъ, но съ осадкою допускающею прохождение въ самыхъ мелководныхъ протокахъ.

Такимъ образомъ, заранѣе подготовлялась озерная флотилія для быстраго сосредоточенія 10.000 Саволакскъ-корельскихъ войскъ въ Йоенсуу, исходномъ пунктѣ наступленія на Кексгольмъ. Средствами той же озерной флотиліи надлежало установить и подвозъ всего необходимаго. По расчетамъ составителя, для захвата Кексгольма достаточно было недѣли. Если-бы подъ угрозой изъ Кексгольма русскіе приостановили форсированіе оборонительной линіи рѣки Кюмени или отрядили часть своихъ силъ черезъ Выборгъ наперерѣзъ шведской Кексгольмской колоннѣ, то южная группа шведовъ (25.000 человекъ) должна была сама энергично перейти въ наступленіе и, такимъ образомъ, русскія войска въ тѣснѣнахъ близъ Выборга могли обзавестись между двухъ огней.

Этотъ смѣлый планъ требовалъ, очевидно, широкой подвижности весьма высокихъ качествъ войскъ, выдающихся начальниковъ и надлежащихъ подготовительныхъ мѣръ. Дѣйствительныя свойства шведской арміи, несмотря на способность стойко и мужественно сражаться, едва-ли тому соответствовали, а главное—условія той мѣстности, куда направлялось наступленіе ¹⁾. Затѣмъ, успѣхъ этого плана всецѣло зависѣлъ отъ предупрежденія противника, что для шведскихъ войскъ, мобилизація ²⁾ и сосредоточеніе которыхъ не могли совершаться быстро, являлось вообще трудно-достижимымъ.

Все приведенные выше планы въ дѣйствительности не были осуществлены; ограничились возведеніемъ лишь части проектированныхъ фортификаціонныхъ сооружений, а именно:

Въ Свеаборгѣ была сооружена морская крѣпость и портъ для галернаго („армейскаго“ флота), но Гельсингфорсъ съ сухого пути укрѣпленъ не былъ.

Въ Свартгольмѣ (близъ Ловизы) былъ сооруженъ небольшой, но сильно укрѣпленный фортъ; такіе-же небольшіе опорные пункты имѣлись въ Варкаусъ и въ Тавастгусѣ.

Никакихъ мѣръ по улучшенію водныхъ путей сообщенія или по подготовкѣ значительныхъ озерныхъ флотилій для передвиженій принято не было ³⁾; лишь небольшая часть „армейскаго“ флота была сосредоточена въ Варкаусъ.

При такомъ положеніи вещей, т. е. при недоведенной до конца подготовкѣ театра военныхъ дѣйствій, при чемъ, какъ видно, не дер-

¹⁾ Суворовъ, наоборотъ, на эти именно изученныя имъ условія и опирался, находя такое движеніе шведовъ для насъ неопаснымъ (см. ниже).

²⁾ Мобилизація не въ современномъ смыслѣ пополненія мирныхъ кадровъ, а въ отношеніи сбора поселенныхъ солдатъ къ полковымъ штабамъ, что требовало довольно значительнаго времени.

³⁾ Благодаря чему пользонаніе внутренними водными путями получило у шведовъ въ эту войну, впервые захватившую ное пространство крад, гораздо меньшее разннтіе, чѣмъ то казалось бы для нихъ, какъ для хозяевъ страны, ноажимымъ.

жались въ этомъ дѣлѣ какого-либо опредѣленнаго плана, финляндскія крѣпости и укрѣпленные пункты, какъ оказалось на дѣлѣ, вмѣсто полезнаго содѣйствія оборонѣ, принесли скорѣе вредъ. И дѣйствительно, первую заботою шведскаго командованія было обезпеченіе этихъ крѣпостей отъ захвата; приходилось расходовать для этого значительное количество живой силы, что сокращало ея число, оставляемое для дѣйствій въ полѣ. При ограниченной числительности шведскихъ войскъ въ Финляндіи съ этимъ обстоятельствомъ приходилось серьезно считаться.

Къ новому 1808 году русско-шведскія отношенія были таковы, что къ войнѣ готовились съ минуты на минуту. Шведскій король въ началѣ января новаго стилиа образовалъ „Тайный военный совѣтъ“, предсѣдателемъ котораго былъ назначенъ Клингспоръ. Заключение совѣта въ общихъ чертахъ было слѣдующее: оцѣнивъ политическое положеніе, въ силу котораго предстояла опасность войны со стороны Дании и Россіи, совѣтъ откровенно заявилъ, что на значительную помощь Англіи рассчитывать не приходится. Она не превзойдетъ того, что вызывается требованіями защиты торговыхъ интересовъ этого государства. Поэтому, заключалъ совѣтъ, „осторожнѣе“ рассчитывать только на собственныя силы. Совѣтъ сознавалъ совершенно ясно, что если Россія нападетъ еще зимою, то это будетъ для шведовъ всего опаснѣе. Въ это время нельзя „извлечь всѣхъ выгодъ, доставляемыхъ пересѣченною природою (kuperade natur) страны“ и сообщеніе со Швеціей прервано, такъ что „финская армія“ должна довольствоваться исключительно мѣстными финляндскими средствами.

Поэтому ближайшею цѣлью дѣйствій въ началѣ кампаніи въ этомъ случаѣ совѣтъ ставилъ: „спасти ту часть арміи, какую только можно“, послѣ того какъ „въ крѣпостяхъ Свеаборгѣ и Свартгольдѣ будетъ водворено такое количество войскъ, какое только можно въ нихъ помѣстить“. Отступленіе арміи надлежало совершить въ сторону Эстроботніи, гдѣ „съ наступленіемъ первыхъ дней весны и... при помощи поддержки флота надлежитъ приступить къ обратному завоеванію страны“.

Основываясь на этомъ меморіалѣ, король въ тотъ-же день отправилъ въ Финляндію генераль-интенданта Шенбома для устроитва магазиновъ и предписалъ финляндскимъ губернаторамъ обазывать ему въ этомъ отношеніи полное содѣйствіе ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ 22-го января (3-го февраля) издана была королевская инструкція Фин-

¹⁾ Кроме уже заранѣе заготовленныхъ бааисныхъ пунктовъ, каковыми былъ на прибрежномъ театрѣ Гельсингфорсъ, Тавастгусъ, Або, Ваза, Таммерфорсъ, Улеаборгъ, а из Саволакскомъ С.-Михель, Варкаусъ, Куоціо, былъ заложенъ еще цѣлый рядъ магазиновъ вдоль заранѣе намѣченнаго пути отступленія шведовъ къ Улеаборгу.

ландскому главнокомандующему ¹⁾, закрѣпившая собою вышеприведенный планъ дѣйствій; однако нижеслѣдующая фраза („добавленная невѣдомо кѣмъ“,—оговариваются составители шведской официальной исторіи) вносила весьма существенное видоизмѣненіе въ основной характеръ плана, предоставляя при томъ исполнителю извѣстную свободу дѣйствій.

„Хотя мы, какъ раньше оговорено, ставимъ спасеніе арміи и сохраненіе крѣпостей главною цѣлью военныхъ мѣропріятій въ наступающую зиму, тѣмъ не менѣе мы ожидаемъ, что вы, насколько то окажется возможнымъ, постараетесь воспрепятствовать вторженію непріятели и только въ *крайнемъ случаѣ* предпримете отступленіе“.

Свеаборгскій гарнизонъ предписывалось довести до 6-ти тысячъ, а Свартгольмскій до 500 человекъ. Остальныя войска должны были, съ началомъ наступленія отходить къ Тавастгусу, кромѣ Саволаксъ-Корельской бригады, которая, въ случаѣ необходимости отступленія, должна была отходить черезъ Куопіо-Иденсалми къ Улеабору.

Вмѣстѣ съ тѣмъ указывалось, что лучше съечь суда армейскаго флота и ихъ имущество, находившееся въ Або, Варкаусъ и Кристинѣ, чѣмъ отдать ихъ въ руки непріятели; то же указывалось относительно всякихъ запасовъ, которые почему-либо не могутъ быть спасены.

По полученіи затѣмъ новыхъ тревожныхъ извѣстій, Густавъ-Адольфъ сперва намѣревался лично отправиться въ Финляндію, но вмѣсто этого ограничился письмомъ къ генералу Клеркеру, въ которомъ вручалъ ему командованіе войсками.

Положеніе генерала Клеркера въ Финляндіи до прибытія Клингспора и вступленія его въ командованіе было до крайности труднымъ. „Я не имѣлъ писалъ онъ впоследствии,—ни единой буквы указаній, ни копѣйки денегъ, никакихъ запасовъ“. Войска находились еще въ періодѣ мобилизаціи (сборъ поселенныхъ войскъ): такъ, въ районѣ Гельсингфорса было собрано около 3,850 человекъ, около Тавастгуса—3,000 человекъ, около Ньюю-Элима—2,000 человекъ, въ районѣ Борго-Ловиза—950 человекъ, близъ С. Михеля и Варкауса—3,300 человекъ, у Иенсуу и на Корельской границѣ 1,000 человекъ. Клеркеръ проявилъ самую энергичную дѣятельность по сбору войскъ ²⁾, и обезпеченію ихъ всѣмъ необходимымъ. Онъ разчитывалъ въ двѣ недѣли закончить всѣ подготовительныя операціи, о чемъ сообщилъ Стедингу въ Петербургъ.

2-го (14-го) февраля Клеркеръ получилъ вышеупомянутую королевскую пиструнцію главнокомандующему финляндской арміей, по

¹⁾ См. приложение № 15 къ т. II Шведской офиц. исторіи войны (на стр 17—20 второй книги русскаго перевода).

²⁾ Они свозились спѣшно, ва подводяхъ. (М. Д. 18).

понялъ ее сообразно своему пылкому темпераменту. Считаая несомнѣнно намѣченное въ ней отступленіе лишь послѣднимъ исходомъ (на основаніи словъ: „въ крайнемъ случаѣ“), онъ намѣревался сперва оказать сопротивленіе еще на самой границѣ. Но намѣреніе это было предупреждено неожиданнымъ вступленіемъ нашихъ войскъ въ шведскіе предѣлы.

Основною идеей плана, вошедшаго въ инструкцію Густава-Адольфа и составленнаго тайнымъ военнымъ совѣтомъ (душою котораго былъ генераль-квартирмейстеръ Авг. Тиббель), былъ выигрышь времени до окончанія зимы и сбереженіе возможно большихъ силъ къ открытію навигаціи, когда рассчитывали воспользоваться морскими сообщеніями и перебросить моремъ соотвѣтствующія подкрѣпленія. Мысль эта въ общемъ должна быть признана правильной, при тѣхъ условіяхъ обстановки (неготовность, недостаточныя силы, невозможность оказать имъ поддержку изъ Швеціи и слабая обороноспособность Финляндіи зимою), въ которыхъ приходилось шведамъ принимать борьбу. Но, казалось бы, вполне правильному стремленію сохранить какъ можно больше полевыхъ войскъ для будущихъ наступательныхъ операцій не соотвѣтствовало назначеніе въ крѣпости максимальныхъ (по имѣющимся помѣщеніямъ) гарнизоновъ.

Чрезмѣрная величина гарнизоновъ Свеаборга и Свартгольма (какъ видно будетъ ниже) была одною изъ причинъ ихъ болѣе скорой сдачи, а между тѣмъ полевая войска были этимъ распоряженіемъ значительно ослаблены.

„Спасеніе арміи и сохраненіе крѣпостей“—изъ этихъ двухъ цѣлей первая была важнѣйшею. Ея достиженію должны были содѣйствовать и самыя крѣпости, отвлекая *на себя* возможно большее количество непріятельскихъ войскъ, но безъ вовлеченія *съ себя* большого чѣмъ нужно числа защитниковъ ¹⁾. Сама королевская инструкція предвидѣла, что крѣпости въ случаѣ отступленія арміи, могутъ и не выдержать осады ²⁾; слѣдовательно, крѣпости сознательно представлялись собственной судьбѣ и, по условіямъ своего расположенія (на островахъ), они, противъ атаки съ суши, должны были ограничиться пассивной обороной, для которой достаточно было лишь строго необходимаго числа войскъ. А между тѣмъ, доведя Свеаборгскій гар-

¹⁾ Въ Свеаборгѣ имѣлось помѣщеній всего на 7.600 человекъ, изъ нихъ безопасныхъ отъ навѣснаго огня—на 2.449 человекъ. По мнѣнію комисіи 1767 года, вѣдавшей постройкою крѣпости, Свеаборгъ въ военное время могъ быть успешно защищенъ гарнизономъ въ 2.500 человекъ. (См. кр. ар. 1808—09 г., II, стр. 267, примѣч.).

²⁾ «Въ томъ случаѣ, если бы непріятель вторгнулся во время наступающей зимы и полевая войска принуждены были бы отступить, то послѣ усиленія гарнизоновъ, таковыя обяываются до послѣдней крайности защищать крѣпость, а въ случаѣ невозможности отстоять послѣднюю, сжечь флотъ и уничтожить всѣ запасы».

низонъ до численности почти въ $2\frac{1}{2}$ раза большей, шведскіе военачальники (въ данномъ случаѣ—самъ король, отдавшій это приказаніе) не только безъ пользы уменьшали на цѣлую четверть свою живую силу, но рисковали цѣликомъ отдать эту силу въ руки противника (что и случилось).

Затѣмъ,—какъ подробнѣе будетъ выяснено ниже—не было необходимости въ томъ, чтобы оттягивать Саволакскую бригаду Кронстедта одновременно съ главными силами Клингспора назадъ къ Улеаборгу. Отдѣльный отрядъ въ Саволакскѣ игралъ для шведовъ весьма важную роль—постоянной угрозой сообщеніемъ русскихъ войскъ, наступающихъ во слѣдъ Клингспору. Внутренняя часть Финляндіи даже и въ зимнее время даетъ настолько преимуществъ оборонѣ, что Кронстедту, весьма вѣроятно, удалось бы сдержать натискъ направленной противъ него колонны Тучкова; при томъ же оборотѣ, который приняли событія въ дѣйствительности—это сдѣлать было совершенно легко. Но и Клингспоръ, и Кронстедъ поняли указаніе королевской инструкціи объ отступленіи въ Эстроботнію въ смыслѣ очищенія *безъ всякаго сопротивленія* всей почти Финляндіи; этимъ они, какъ увидимъ ниже, рисковали бы невозможностью повернуть успѣхъ на свою сторону, если бы не благопріятный для нихъ образъ дѣйствій противника.

Отсюда видно, что составителямъ королевской инструкціи важное значеніе Саволакскъ-Корелии, какъ труднодоступнаго района на флангѣ операціонныхъ путей наступающаго—не было ясно; значеніе это выяснилось для шведовъ лишь изъ послѣдующаго хода военныхъ событій.

Обращаясь затѣмъ къ подготовительнымъ мѣропріятіямъ съ нашей стороны, необходимо указать, что и у насъ, особенно послѣ войны 1788—90 гг., озабочивались обезпеченіемъ финляндской границы и подготовкою такъ называемой „Старой Финляндіи“ въ качествѣ базы для возможныхъ операцій противъ Швеціи.

Война съ Густавомъ III убѣдила Екатерину въ необходимости заблаговременно, еще до того, какъ наступитъ срокъ, довершить задачу Великаго Преобразователя въ отношеніи прочнаго обезопасенія „Сѣверной Пальмиры“, и заняться фортификаціоннымъ усиленіемъ финляндской границы. Это важное дѣло возложено было Императрицей 25-го апрѣля 1791 г. на Суворова, который проработалъ надъ этимъ цѣлымъ $1\frac{1}{2}$ г. (1791 и 1792). Изъ результатовъ трудовъ Суворова, а также изъ оставленныхъ имъ „замѣчанійъ“ объ оборонительной и наступательной войнѣ въ Финляндіи¹⁾, видно, что отъ его генія

¹⁾ Прил. 2-е къ т. I Петрушевскаго: «Генералис. кн. Суворовъ».

не ускользнули особенности финляндскаго театра военных дѣйствій и что относительное значеніе отдѣльныхъ его частей предугадано Суворовымъ въ общемъ вѣрно.

Для правильной оцѣнки нашихъ будущихъ операцій въ войну 1808—09 гг., необходимо предварительно близко ознакомиться съ воззрѣніями Суворова на образъ дѣйствій въ Финляндіи и съ его трудами по укрѣпленію ея границъ.

Для противовѣса Свеаборгу и чтобы создать надежную опору галерному флоту, Суворовъ обратилъ главное вниманіе на укрѣпленіе Роченсальма¹⁾ (близъ о. Котки). Здѣсь укрѣпленъ былъ рядъ острововъ, а на сухомъ пути заложена крѣпость Кюмень-городъ. Обращаетъ на себя вниманіе, во-первыхъ, выборъ самого пункта: Роченсальмъ—на флангъ пограничной оборонительной линіи Кюмени, прикрывалъ обширный Коткѣнскій рейдъ, который по своимъ естественнымъ свойствамъ превосходитъ Гельсингфорскій. Затѣмъ, Суворовъ избѣжалъ той пагубной оплошности, которую совершили шведы при постройкѣ Свеаборга; онъ немедленно озаботился обезпеченіемъ тыла приморскихъ укрѣпленій (Кюмень-городъ).

Сооруженіе Роченсальма имѣло наступательное значеніе: онъ долженъ былъ служить опорой для активныхъ предпріятій нашихъ шхерныхъ флотилій. Что же касается прочихъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ Суворовымъ (усиліе Фридрихсгама, Вильманстранда, Давинштадта и въ особенности Нейшлота, сооруженіе фортовъ Лиебола, Уттисъ и Озернаго на путяхъ изъ Саволакса въ русскую Финляндію), то всѣ они имѣли цѣлью прочно обезпечить сѣверо-западную часть нашей пограничной линіи.

Отсюда видна уже до нѣкоторой степени общая мысль Суворова относительно способа дѣйствій въ Финляндіи: *удерживаясь на фронтѣ Вильманстрандъ—Нейшлотъ, наступать вдоль побережья сухопутными войсками, опираясь на морскія силы.*

Характерно, что Суворовъ, не признававшій „ничего кромѣ наступательнаго“, предлагалъ въ своихъ „замѣчаніяхъ“ вести и оборонительную войну активнымъ путемъ. Онъ указывалъ, между прочимъ, что участокъ нашей границы сѣвернѣе Нейшлота—достаточно обезпеченъ природою. Если-бы „Иммальскій отрядъ наступающихъ“ вторгся въ наши предѣлы, то онъ „самъ казененъ, окруженъ острыми горами, не защищенъ“. Суворовъ предостерегаетъ отъ того, чтобы бояться „внѣдренія“ непріятеля гдѣ-либо въ нашу землю; „это ложный стыдъ“, говоритъ онъ; такой непріятель все равно „самъ пришелъ къ побѣнью соединеніемъ на него корпусовъ“, да къ тому

¹⁾ Собственно «Ruotsinsalmi», что значитъ по фински: «Островъ Шведовъ». Шведъ по фински: «Ruotsalainen».

же „отдѣляетъ свою субсистенцію“. Еще сѣвернѣе за Олонцемъ— „слѣдуетъ пребывать и впредь въ благоразумной оборонѣ“: туда „непріятельскій набѣгъ чрезъ мшистую Лапландію, безъ хлѣба“— не опасенъ.

Нейшлотъ Суворовъ считалъ „знатною крѣпостію“¹⁾ и въ немъ „добрый комендантъ“ долженъ былъ обойтись безъ „сигурса“; но „для поднятія осады“ признавалъ необходимымъ идти отъ Керны (Кярнякоски?) на Кристину и С.-Михель „бить Саволакскій корпусъ съ осаждаателями, коли не уйдутъ“. Если противники „отважатся“ идти „межъ Нейшлота и Кексгольма на Вокшу“ (т. е. Вуоксу), то „быстрая сія рѣка весьма обороняема“ и „Вильманstrandскій корпусъ (отрядъ), одинъ или съ соединеніемъ, ихъ бьетъ“²⁾.

Въ то же время „Давыдовъ депотный пунктъ“ (т. е. Давидстадъ) и Вильманstrandъ—„центральный пунктъ операціевъ“—являются опорой „офенсивнаго“ движенія за Кюмень, причемъ пограничныя крѣпости (очевидно, Фридрихстагъ—Кюмень-городъ—Роченсальмъ) обращаются „въ плацдармы“.

„Кюмень-городъ прилежитъ Роченсальму; сія гавань ничѣмъ не командуема и едва побѣдима, беретъ въ тылъ, купно съ Ревелемъ, противные флоты, коихъ десантъ, никогда не знатный, всюду бьютъ и топятъ сухопутныя войска“.

Такимъ образомъ, оборонительная война противъ Швеціи, по Суворову, должна, вестись путемъ: а) оставленія безъ вниманія и даже безъ войскъ участка границы сѣвернѣе Нейшлота, б) активной обороны участка Вильманstrandъ-Нейшлотъ, гдѣ даже слѣдуетъ совершить частный наступательный поискъ въ непріятельскіе предѣлы, и в) наступленія за Кюмень съ поддержкою флота отъ Роченсальма и Ревеля.

Для такихъ дѣйствій Суворовъ считаетъ достаточнымъ 28 баталіоновъ пѣхоты, 6 эскадроновъ и 4 полка казаковъ, т. е. по тогдашнимъ штатамъ, около 20 тысячъ³⁾.

¹⁾ Суворовъ очень гордился сооруженіями Роченсальма и Нейшлота (Петрушевскій I, 410). Про послѣдній онъ говаривалъ: «знатная крѣпость, помилуй Богъ, хороша; рвы глубоки, валы высоки; лягуши въ перешагнуть, съ однимъ взводомъ штурмомъ не взять».

²⁾ Въ этой члсти «замѣчаній» Суворова, онъ, какъ видно, предвидитъ возможность наступательной операціи шведовъ изъ Саволекса намъ въ тылъ, но, близко зная мѣстныя условія, не видитъ основаній ея опасаться. Полная противоположность вышеприведенному плану шведскаго анонимнаго поплонника Наполеона, который, преслѣдуя активныя цѣли, недостаточно считался съ условіями мѣстности намѣченнаго имъ наступленія. Колонна, наступающая изъ Саволаксъ на Сердоболь-Кенсгольмъ, понедала, въ сущности, въ рядъ тѣснинъ между озерами Ладожскимъ, Саймой и рѣною Вуонсой съ ея обширною озерною системою, заполнявшею все пространство между Выборгомъ, Кенсгольмомъ и Метслярти.

³⁾ Въ другомъ Суворовскомъ документѣ «Ремаркахъ», продлинтованныхъ ген. Прово-де-Лювину въ сентябрѣ 1798 г. (см. прилож. VIII къ главѣ XXVI т. II Петрушевскаго), число это нѣсколько больше «Contre la Suède elle (т. е. Россія) doit avoir 24.000 hommes avec les réserves, bien bayonnetés et céléres».

Для наступательной же войны, по мнѣнію Суворова къ этимъ силамъ необходимо добавить еще 3—4 полка пѣхоты (т. е. 9—12 баталіоновъ) и 10 эскадроновъ конницы, чтобы составилось всего 40 баталіоновъ, 16 эскадроновъ и 4 полка казаковъ, т. е. около 30-ти тысячъ. Кромѣ того, Суворовъ считалъ необходимымъ имѣть „внутри границъ“¹⁾ observationalный корпусъ (3 или 4 полка, 3—5 эскадроновъ и казачій полкъ, около 10 тысячъ).

Для наступательной войны противъ Швеціи Суворовъ рекомендуетъ три способа: „Первое—операція на Свеаборгъ (оставя Шварцгольмъ въ покоѣ) флотами и десантомъ (т. е. галерною эскадрою), купно съ сухопутными войсками на Гельсинфорсъ. Второе—сухопутная операція прямо на Тавастгусъ къ Або; примѣчать влѣвъ и въ тылу Гельсинфорсъ особымъ отрядомъ. Третье—общая (операція) сухопутныхъ войскъ съ морскимъ вооруженіемъ, которое съ ними соединится подъ Або, обходя Свеаборгъ, или запереть оттуда выходы въ море частью судовъ“. Вышеупомянутому observationalному корпусу назначалось: „Позиція при Савитайполѣ и вниманіе на Саволакскъ, съ содѣйствіемъ Саймской флотиліи“, съ выдѣленіемъ вправо и влѣво „легкихъ отрядовъ“.

Такимъ образомъ, Суворовъ предлагаетъ, сдерживая Саволакскія силы непріятели „observationalнымъ корпусомъ“, остальными войсками (30-ти тысячнымъ корпусомъ, при поддержкѣ, если нужно, галернаго и корабельнаго флотовъ), предпринять одно изъ трехъ: а) оперировать совмѣстно съ морскими и сухопутными силами противъ Свеаборга, б) дѣйствовать только сухопутными войсками черезъ Тавастгусъ на Або, выставивъ противъ крѣпости лишь заслонъ и в) соединить предшествующую сухопутную операцію съ морскою, въ обходъ Свеаборга, назначеніемъ къ нему и со стороны моря, такъ сказать, плавучаго заслона.

Оцѣнивая эти соображенія Суворова, необходимо помнить, что они не представляютъ собою какого-либо плана, а лишь набросокъ мыслей фельдмаршала по данному вопросу, Суворовъ, врагъ всякихъ систематическихъ плановъ, намѣчалъ и здѣсь только общій характеръ наиболѣе соответственнаго, по его мнѣнію, образа дѣйствій. Изучая его мысли въ примѣненіи къ обстановкѣ 1808 г., нельзя не обратить вниманія, что вторая комбинація Суворова (только сухопутная операція на Тавастгусъ-Або) какъ-бы предусматриваетъ случай зимней кампаніи, а затѣмъ, что Суворовъ даже и въ этомъ случаѣ (не говоря о двухъ другихъ) ограничиваетъ районъ сухопут-

¹⁾ Т. е. въ Старой Финляндіи.

ныхъ операцій прибрежнымъ театромъ дѣйствій, считая достаточнымъ противъ Саволакса активную оборону. Суворовъ не опасался серьезныхъ покушеній отсюда намъ въ тылъ и говорилъ объ этомъ такъ: „Незначитны набѣги презирать; ежели вредны землѣ—на то репрессалии. Самимъ таковыхъ иррупціевъ не чинить, они опасны. Лучше усыплять, нежели тревожить и дѣлать большой ударъ. Малая война обоюдна равна и не полезна, изнуряетъ войско“. Далѣе онъ предостерегаетъ отъ излишняго дробленія отрядовъ,—„какъ здѣсь въ обыкновенныхъ партизанахъ нужды нѣтъ“. Другими словами, слѣдуя совѣтамъ Суворова (по которымъ операціонная линія наша излишне не растягивалась, а войска сухопутныя все время базировались бы на свой флотъ) мы могли и не опасаться угрозъ нашимъ сообщеніямъ изъ Саволакса.

Обращаетъ на себя вниманіе, что въ первой комбинаціи Суворовъ ставитъ цѣлью не войско непріятеля, а пунктъ—Свеаборгъ; въ этомъ случаѣ онъ сходится съ Петромъ Великимъ, который началъ военныя дѣйствія 1713 г. съ захвата почти неукрѣпленнаго тогда Гельсингфорса. Для Суворова, только что взявшаго штурмомъ Изманлъ, не представило бы затрудненій рѣшиться атаковать съ моря и суши одновременно даже и такую крѣпость, какъ Свеаборгъ, взятіе которой приносило бы огромныя выгоды, такъ какъ доставляло бы полную свободу дѣйствій противъ живой силы противника и надежную для того опору. Однако Суворовъ не ограничился однимъ этимъ рѣшеніемъ; онъ предложилъ и другое, игнорирующее крѣпость, съ устремленіемъ главнаго вниманія въ томъ направленіи, куда всего вѣроятнѣе отступить отъ границы живая сила непріятеля.

Предложенія Суворова были приняты тѣмъ истиннымъ методизмомъ, который отличаетъ собою вообще дѣйствія великихъ полководцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ преисполнены духомъ „наступательнаго“. Наоборотъ, шведскіе планы, о которыхъ говорилось выше, приняты духомъ „подлой обороны“, за исключеніемъ, одного предложенія, которое не имѣло практическаго значенія, какъ не отвѣчавшее обстановкѣ. По внѣшности, планъ Эренсверда нѣсколько сходствуетъ съ Суворовскимъ. И тамъ, и тутъ дѣйствія только на побережьѣ, и тамъ и тутъ—совмѣстная операція сухопутной арміи и флотовъ; и тамъ и тутъ—созданіе крѣпости для обезпеченія ихъ связи и какъ опоры для этихъ совмѣстныхъ дѣйствій. Но это сходство только внѣшнее. Эренсвердъ возлагалъ на сухопутныя силы *пассивно*-оборонительную задачу—удерживать линію Кюмени и только при помощи флота рѣшался дѣлать *диверсіи* намъ въ тылъ, для успѣха которыхъ надо было достичь господства въ морѣ. А этого господства шведы

такъ и не достигли¹⁾. Замѣчательно, что Суворовъ придавалъ настолько важное значеніе гребной флотиліи, что принялся самъ изучать военно-морское дѣло, бралъ частные уроки и даже просилъ сдѣлать себѣ испытаніе въ морскихъ познаніяхъ, давая наглядный примѣръ того, какъ гениальные люди на себѣ испытываютъ вѣрность поговори „учиться никогда не поздно“ (Петрушевскій, т. I. 412). А Суворову въ то время было 62 года!

Другой выдающійся русскій военный дѣятель, генералъ-аншефъ Александръ Ильичъ Бибииковъ въ своемъ „мнѣніи о наступательной войнѣ противъ Швеціи со стороны Финляндіи“ предлагаетъ въ общихъ чертахъ подобный планъ: форсировать сухопутными силами Кюмень и дѣйствовать противъ сухопутныхъ войскъ непріятеля оперируя главнымъ образомъ по береговой дорогѣ, дабы можно было, съ одной стороны, базироваться на флотъ, а съ другой „зашедъ взадъ войскъ шведскихъ, высадить людей своихъ на берегъ, и захвативъ переправы черезъ тѣсныя мѣста, поставить его такъ сказать, со всѣхъ сторонъ окруженна“ (стр. 28-я). Къ сторонѣ же Саволакса предлагалось направить отъ нашей границы „небольшія партіи легкихъ войскъ“ съ подрѣзками, которыми „занять главныя мѣста“ стараясь „возможною ласкою“ привлечь жителей, которые „будучи отягчены поборами“ находятся „въ великомъ неудовольствіи и огорченіи“.

Такимъ образомъ Бибииковъ раздѣлялъ заблужденіе многихъ своихъ современниковъ о возможности привлечь финновъ мирными путями на свою сторону. Такъ какъ записки Бибиикова (какъ уже упомянуто въ нашей предшествующей статьѣ) были представлены Императору Александру Павловичу его сыномъ передъ самою войною 1808 года, то весьма возможно, что этотъ взглядъ выдающагося генерала Екатерининской эпохи, согласный съ завѣреніями Сиренгпортена и другихъ, укрѣпилъ въ этомъ Монархѣ убѣжденіе въ томъ, что присоединеніе къ Россіи будетъ принято въ Финляндіи, по крайней мѣрѣ низшими классами населенія, вполне сочувственно.

Означенное убѣжденіе, оказавшееся впоследствии ложнымъ, легло между тѣмъ въ основаніе плана предстоящихъ военныхъ дѣйствій.

Такъ какъ основною цѣлью всей войны было приобрѣтеніе Финляндіи, то ближайшею цѣлью предстоящихъ операцій поставлено было попросту занятіе всей территоріи края вплоть до Ботническаго залива. Поэтому намѣчено было наступленіе широкимъ фронтомъ,

---

¹⁾ Въ «Ремаркахъ» 1798 г., диктованныхъ генералу Прево, Суворовъ заявилъ: *Sur mer elle (la Russie) est beaucoup plus forte et ruinera la flotte Suédoise...*

Правда, 1808 годъ не оправдалъ этого оптимизма, но тогда на помощь шведамъ пришелъ союзный англійскій флотъ.

при чемъ каждая изъ трехъ дивизій (центръ, правое и лѣвое крылья) раздѣлена была на нѣсколько отдѣльныхъ колоннъ.

Въ первоначальномъ планѣ графа Буксгевдена („мнѣніе генераль-адъютанта графа Буксгевдена о переходѣ черезъ границу“) ¹⁾ опредѣленной частной цѣли дѣйствій не указывалось. „Главное намѣреніе при настоящемъ дѣйствіи овладѣть всею шведскою Финляндією до Ботническаго залива“, писалъ главнокомандующій въ этомъ документѣ. „Вступая въ Финляндію намѣрены были занять сколько можно болѣе пространства земли“, пишетъ Михайловскій-Данилевскій. Достиженіе такой цѣли приводило, конечно, къ расширенію базы для дальнѣйшихъ операцій. Но при этомъ какъ бы игнорировали вовсе войска непріятеля или по крайней мѣрѣ, дѣйствія противъ нихъ какъ бы отходили на второй планъ... Между тѣмъ обстановка (разбросанное положеніе неготовыхъ шведскихъ войскъ) требовала проявленія быстроты и энергіи въ цѣляхъ недопущенія ихъ сосредоточенія. Отчасти нѣкоторое сознаніе въ этомъ направленіи замѣтно въ „мнѣніи“ Буксгевдена. По крайней мѣрѣ первой колоннѣ Тучкова I (направной на С. Михель) ставилось цѣлью „препятствовать шведскимъ войскамъ“ въ Саволакскѣ „соединиться съ войсками, бывшими при Тавастгускѣ. „Однако, допускалась возможность и сосредоточеннаго положенія противника, причемъ всѣмъ колоннамъ (кромѣ 1-й) надлежало соединиться, и оставя заслонъ противъ Свеаборга, стараться совокунными силами „панести“ противнику „ударъ“. Независимо этого въ „мнѣніи“ Буксгевдена обращается вниманіе на необходимость придвинуть изъ Россіи особы отрядъ къ Сердоболу, что какъ бы указываетъ на сознаніе необходимости прикрыть наши сообщенія со стороны Саволакскъ-Корелин.

Въ одномъ изъ дѣлъ нашего военно-ученаго архива (№ 4418), относящихся въ кампаніи 1808—1809 г.г., имѣется документъ, несомнѣнно писанный рукою генераль-аншефа Бибинова (что доказываетъ сличеніемъ почерковъ) и безспорно повліявшій при составленіи нашего операціоннаго плана. Въ этомъ „начертаніи“ приводится та же основная мысль одновременнаго вторженія черезъ Кюмень въ предѣлы шведской Финляндіи нятю отдѣльными колоннами, которая осуществлена была на дѣлѣ Буксгевденомъ и Сухтеленемъ. Здѣсь указывается уже и на особенности дѣйствій зимою; на необходимость заранѣе придвинуть войска къ границамъ, прикрывая свои намѣренія передвиженіями; на опасность диверсии со стороны Саволакскъ, для предотвращенія которой, кромѣ форсированія Кюмени предла-

¹⁾ Дѣло в.-ист. отд. гл. упр. ген. шт. № 1651. По показаніямъ шведскаго посла въ Петербургѣ Стединга, планъ этотъ составленъ еще до пріѣзда Буксгевдена въ Петербургъ Сухтеленемъ, при содѣйствіи Пфуля и Олшермана.

гается двинуть войска отъ Вильманстранда и Нейшлота къ киркѣ Пумала (т. е. въ томъ самомъ направленіи, въ которомъ двинута была въ 1808 г. колонна Тучкова I). Общая численность наступающаго корпуса (кромя гарнизоновъ и „легкихъ войскъ, которыя здѣсь гораздо полезнѣе кирасиръ и драгунъ“) намѣчена въ 20 тысячъ *регулярныхъ*, не считая „отъ шести до осьми тысячъ“ для „приведенія въ зависимость“ Саволакса. Такая численность, приближаясь къ требованіямъ Суворова, оказывалась все же большею, чѣмъ то количество войскъ, которое получилъ въ свое распоряженіе графъ Буксгевденъ (всего 24.000 первоначально и до 30.000 къ концу зимы) и для котораго оказалось, какъ видно будетъ впоследствии, положительно непосильнымъ справиться съ одновременнымъ разрѣшеніемъ тѣхъ разнородныхъ задачъ, которыя были на него возложены.

Въ общемъ подобный планъ, нося характеръ какъ бы оккупаци, причемъ какъ будто не предвидѣлось даже и серьезнаго сопротивленія, очевидно, всецѣло основанъ былъ на расчетъ встрѣтить въ Финляндіи сочувствіе со стороны населенія. „Съ самаго начала похода почитали покореніе Финляндіи незатруднительнымъ“, пишетъ Михайловскій-Данилевскій. Бибицовъ въ своемъ „начертаніи“ все-таки рассчитывалъ соединить въ тылу наступающихъ колоннъ ихъ резервы въ особый „обсерваціонный“ корпусъ, для удержанія страны „въ послушаніи“. Въ планѣ Буксгевдена и Сухтелена такихъ резервовъ уже нѣтъ. Вдохновителемъ въ этомъ случаѣ явился Спренгтпортенъ, настаивавшій на разбросѣ прокламацій къ населенію и, какъ видно изъ представленнаго имъ Государю (21-го февраля изъ Гельсингфорса) особаго доклада, старавшійся убѣдить въ ненужности преслѣдованія отступавшихъ шведовъ, а наоборотъ въ необходимости занятія прибрежныхъ городовъ и особенно Або „чтобы тамъ имѣть возможность собрать народныхъ депутатовъ“.

Участіе Спренгтпортена въ составленіи первоначальныхъ соображеній по веденію войны со Швеціей не подлежитъ сомнѣнію. Изъ дѣлъ военно-историческаго отд. гл. упр. ген. штаба ¹⁾, гдѣ сохранились собственноручныя записки Спренгтпортена, видно, что онъ привлекался къ участію въ совѣщаніяхъ по этому предмету, причемъ совѣтовалъ „не слѣшить“. Записка отъ 30-го января 1808 года заключалась слѣдующею фразою: „Повторяю, что уже сказалъ при послѣднемъ обсужденіи: не нужно слишкомъ торопиться дѣйствовать, не получивъ достаточнаго освѣщенія относительно: 1) сосредоточенія финскихъ войскъ, ихъ силы, расположенія и *образа мыслей жителей*; 2) расположенія магазиновъ и 3) путей. Тутъ не потеря времени, а

¹⁾ № 4.418. Записки эти—на французскомъ языкѣ.

выигрышъ. Лучше обезпечить себя отъ непредвидѣнныхъ препятствій, отъ успѣха перваго шага зависитъ все остальное въ особенности въ томъ, *что касается настроенія жителей*“.

Изъ этой записки, въ связи съ вышеуказанными соображеніямъ нашего высшаго командованія, видно, между прочимъ, что положеніе войскъ противника намъ совершенно не было извѣстно. Предполагали возможнымъ, что они окажутся сосредоточенными и даже у самой границы. Спренгтпортенъ считаетъ послѣднее наиболѣе для насъ желательнымъ. Словомъ сказать, мы шли черезъ шведскую границу, можно сказать, почти съ завязанными глазами...

Къ началу февраля 1808 г. стратегическое развертываніе русскихъ войскъ было окончено, и 24.000-й корпусъ графа Буксгевдена занялъ свое исходное положеніе. Кромѣ того, приняты были мѣры для обороны Балтійскаго побережья; укрѣпленія Выборга, Роченсальма и Фридрихсгама поправлены и гарнизоны усилены; вся оборона побережья Старой Финляндіи отдана подъ команду Барклая-де-Толли. На южномъ (Эстляндскомъ) берегу расположены кавалерійскія заставы, поддержанныя отрядами изъ трехъ родовъ войскъ, а также предвинуты сюда 2 дивизіи, одна въ Эстляндію, другая въ Лифляндію и Курляндію. Наконецъ, въ Прибалтійскихъ портахъ и устьѣ Невы возведены были береговыя батареи.

Въ то же время на нашей базѣ въ Старой Финляндіи сосредоточено было продовольствіе (сухарь, мясо, вино) и фуражъ (сѣно и овесъ) въ десятидневной пропорціи на весь корпусъ къ 6-му февраля, и такое же количество вновь доставлено къ 12-му числу. Для подвоза всего необходимаго образованы транспорты обывательскихъ подводъ, согласно сдѣланнаго наряда. При помощи ихъ къ началу войны было свезено въ Финляндію, на первый случай, до 10 тысячъ четвертей овса и 85 тысячъ пудовъ сѣна.

ГЛАВА V.

Зимній походъ 1808 года.

Положеніе сторонъ передъ вторженіемъ нашимъ въ предѣлы шведской Финляндіи.—Дѣйствія на *прибрежномъ театрѣ*: форсированіе нами Кюмени; полетъ Орлова-Денисова на Гельсингфорсъ; сосредоточеніе Клеркера къ Тавастгусу.—Прібытіе графа Клингспора; рѣшеніе шведовъ отступать на сѣверь.—Наступленіе нашихъ войскъ къ Тавастгусу и его занятіе.—Дѣйствія въ *Саволакскѣ*: Расположеніе Кронстедта; обходъ его Тучковымъ I; спѣшное очищеніе С. Михеля и отступленіе шведовъ въ Куопіо.—Рѣшеніе графа Вуксгевдена къ 25-му февраля.—Наступленіе кн. Баграціона.—Захватъ Таммерфорса.—Дѣло у д. Ульфсбю (Хайстла).—Захвѣтъ Вьернеборга.—Новое дробленіе нашихъ силъ.—Наступленіе къ Або и занятіе его 12-го марта.—Декларація 16-го и Маніфестъ 20-го марта о покореніи Финляндіи и ея присоединеніи навсегда къ Россійской Имперіи.—Преслѣдованіе шведовъ.—Наступленіе Тучкова I къ Куопіо.—Вой у Леппявирта 28-го февраля.—Занятіе Тучковымъ Куопіо.—Планъ гр. Вуксгевдена.—Неудача его.—Причины.—Положеніе сторонъ къ 1-му апрѣля.—Аррьергардные бои близъ Пяхяюки.—Вой у Сикаюки 5—6-го апрѣля.—Движеніе Вулатова.—Нечаянное нападеніе шведовъ на отрядъ Вулатова у Револакса 15-го апрѣля.—Послѣдствія этого боя и его значеніе, какъ поворотнаго пункта въ ходѣ войны.
Вой у Пульвилла.

Въ ночь съ 8-го на 9-е февраля, т. е. наканунѣ вторженія русскихъ войскъ въ шведскую Финляндію, положеніе сторонъ было слѣдующее (см. стратегич. карту театра войны).

А) *Русскіе* (24.000): 1) *Правое крыло* генерала Тучкова 1-го (5-я дивизія, около 7-ми тысячъ), въ двухъ колоннахъ эшелонами на путяхъ Нейшлотъ-Рантасальми и Нейшлотъ-Сулкава;

2) *Центръ* (21-я дивизія князя Баграціона, около 9-ти тысячъ), въ трехъ колоннахъ на среднемъ теченіи рѣки Кюмени (у Раутсула, Меммеля и Хирвиюкси), и

3) *Лѣвое крыло* (17-я дивизія, ген.-лейт. князя Горчакова, около 8-ми тысячъ) въ двухъ колоннахъ у Пюттиса, отсюда 1-я колонна должна была форсировать границу на нижнемъ теченіи Кюмени у Стремфорса, а 2-я—у Абборфорса.

Резервомъ этихъ войскъ могли до извѣстной степени считаться 4 полка 14-й дивизіи, назначенныхъ на поддержаніе Финляндскаго корпуса и уже находившихся въ пути.

В) Шведы (19.000), не завершившіе сосредоточенія, были разбросаны въ районѣ Тавастгусъ—Коскисъ—Артшэ—Ловиза—Гельсингфорсъ, имѣя пограничные посты по Кюмени отъ Абборфорса до Кельтиса. Независимо сего, въ Саволакскѣ—бригада Кронстедта стягивалась къ С. Михелю.

Разсмотримъ сперва дѣйствія на *прибрежномъ театрѣ*, гдѣ войска нашего лѣваго крыла и центра готовились форсировать пограничную рѣку Кюмень, а затѣмъ особо наступленіе Тучкова 1-го въ Саволакскую область, игравшую роль отдѣльнаго театра военныхъ дѣйствій.

Исходное положеніе русскихъ, не считая Тучкова, было сосредоточеннымъ на фронтѣ около 40 верстъ, а шведовъ,—разбросаннымъ по площади трапеціи, короткій фасъ которой, обращенный къ противнику, имѣлъ до 60-ти верстъ, а длинный (Тавастгусъ—Гельсингфорсъ) до 100 верстъ; глубина же района (высота трапеціи) доходила до 70—75 верстъ.

Такое положеніе всего болѣе отвѣчало энергичному и быстрому движенію нашихъ войскъ въ разрѣзъ между отдѣльными группами противника, ставя себѣ главнѣйшею цѣлью не допустить ихъ соединенія.

Обратно, положеніе шведовъ требовало возможно болѣе быстрого отступленія отъ границы къ намѣченному заранее пункту сосредоточенія.

Гдѣ могли они намѣтить себѣ этотъ пунктъ?

Гельсингфорсъ, съ приморскими укрѣпленіями Свеаборга, являлся тою точкою передовой шведской базы, отъ которой сходилъ коммуникаціонный морской путь въ Швецію. Но зимою Финляндія и войска, ее обороняющія, могли сообщаться со Швеціей только сухимъ путемъ черезъ Торнео; отсюда же могли прибывать и подкрѣпленія. Ясно, что въ началѣ февраля, когда Финскій заливъ покрытъ сплошнымъ льдомъ, до вскрытія котораго остается еще 2—3 мѣсяца, базироваться на Гельсингфорсъ нечего было и думать, а слѣдовательно нельзя было намѣчать и сосредоточенія въ этомъ направленіи.

Въ такомъ случаѣ естественнымъ рѣшеніемъ было избраніе съ этою цѣлью Тавастгуса. Тавастгусъ былъ уже заранее намѣченнымъ и подготовленнымъ базиснымъ пунктомъ. Сосредоточившись здѣсь, шведы занимали выгодное фланговое положеніе по отношенію къ нашей операціонной линіи, если бы мы поставили себѣ главною цѣлью дѣйствій овладѣніе Свеаборгомъ.

Правда, шведы отдавали намъ безпрепятственно всю южную Финляндію и предоставляли Свеаборгъ собственной судьбѣ. Но такой результатъ, при данной обстановкѣ, являлся неизбежнымъ: онъ поэтому и предусматривался уже извѣстною намъ Королевскою инструкціею отъ 3-го февраля 1808 г.

На разсвѣтъ 9-го февраля, въ сильную метель и стужу, войска наши перешли Кюмень въ пяти пунктахъ. Часть нашей пѣхоты была на лыжахъ. Колонны не встрѣтили нигдѣ сопротивленія, кромѣ незначительной стычки у Аньяла и нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ у Абборфорса.

По полученіи донесенія о вторженіи русскихъ Клеркеръ, руководствуясь инструкціею короля и видя, что не успѣетъ сосредоточить своихъ войскъ, рѣшилъ отходить къ Тавастгусу.

Въ свою очередь русскія войска, продолжая наступленіе, имѣли успѣшныя арьергардныя стычки со шведами 11-го февраля у Артшэ, Мерскумъ, Куускоски, Форсбю. Въ этихъ бояхъ наши войска стремительно атаковали шведовъ, не взирая на глубокіе сугробы, пуская лыжниковъ въ охватъ фланговъ; шведы же, не принимая послѣдняго штыкового удара, отступали. 13-го генераль-маіоръ Мюллеръ, начальникъ авангарда Багратіона, произвелъ печальное нападеніе на шведовъ у Орматтила. Здѣсь квартировалъ Абовскій полкъ, который былъ захваченъ врасплохъ, такъ что въ сильный 20⁰ морозъ имъ пришлось драться полураздѣтыми.

Отсюда князь Багратіонъ, оставивъ часть своихъ силъ подъ начальствомъ Мюллера преслѣдовать шведовъ по Тавастгусской дорогѣ, самъ съ главною массою своей колонны направился на юго-западъ, на Мэнтсея, что вызвано было извѣстіями о сосредоточеніи шведовъ у Гельсингфорса. Когда же оказалось, что извѣстія эти невѣрны, графъ Буксгевденъ, по занятіи нами 13-го февраля Борго, рѣшилъ попытаться съ налета захватить Гельсингфорсъ, илц, по крайней мѣрѣ, прервать связь между полевыми войсками и крѣпостью. Съ этою цѣлью выброшенъ былъ впередъ летучій отрядъ Орлова-Денисова (лейбъ-казаки, баталіонъ егерей и эскадронъ драгунъ). Орловъ послалъ одну колонну берегомъ по зимней дорогѣ, частью по льду залива, другую—по шоссе черезъ Сиббо. Къ ночи на 18-е февраля отрядъ Орлова почевалъ на линіи Мариендаль—Эстерсундомъ, а на утро атаковалъ Гельсингфорсъ и овладѣлъ имъ послѣ незначительнаго сопротивленія. Шведы, озадаченные внезапнымъ появленіемъ войскъ со стороны залива (у Хертонеса), бѣжали въ крѣпость, преслѣдуемые казаками, а комендантъ Гельсингфорса Гувовскій вскопчилъ въ первыя попавшіяся сани и полетѣлъ туда же, бросивъ войска на произволъ судьбы¹⁾. При этомъ взято 124 плѣнныхъ, 19 орудій, 23.000 снарядовъ, много холоднаго оружія, шанцевого инструмента, пороху и провіанту. Дѣйствія Орлова-Денисова были такъ стремительны, что часть орудій даже взята была заряженою. Потери наши—1 казакъ. (см. черт. № 1).

Къ вечеру того же дня въ Гельсингфорсъ вступилъ Буксгевденъ, который двинулъ колонну князя Горчакова слѣдомъ за Орловымъ-Денисовымъ, намѣреваясь поддержать его атаку частью силъ этой колонны; кромѣ того, онъ отрядилъ генераль-маіора Тучкова 3-го на перерѣзъ пути Гельсингфорсъ—Тавастгусъ. Но смѣлый налетъ Орлова-Денисова сдѣлалъ это движеніе излишнимъ.

¹⁾ Фактъ, удостовѣренный шведскими источниками.

Въ общемъ, въ 19-му февраля, черезъ десять дней послѣ открытія кампаніи, положеніе сторонъ на южномъ (прибрежномъ) театрѣ было слѣдующее:

а) *Русскіе*: 1) Колонна князя Горчакова (около 6 тыс.) занимала Гельсингфорсъ, пмѣя часть силъ у Сиббо и Тюсбю (въ направленіи на Тавастгусъ).

2) Небольшой отрядъ генераль-маіора Муханова (около 2 тыс. человекъ) оставленъ въ Ловизѣ для обезпеченія коммуникаціонной линіи и для обложенія крѣпости Свартгольма.

3) Колонна князя Багратіона,—въ двухъ группахъ, у Коскисъ (меньшая, около 2-хъ тысячъ) и у Мэнтселя-Маріефорсъ (большая, около 7 тыс.), въ разстояніи 1½—2 переходовъ другъ отъ друга, причемъ первая группа была ближе (въ одномъ переходѣ) отъ Тавастгуса (пункта сосредоточенія силъ противника), чѣмъ отъ своихъ войскъ.

4) Полки 14-й дивизіи (подкрѣпленія) уже выступили изъ Выборга.

б) *Шведовъ*: Не считая гарнизоновъ Свеаборга (до 7-ми тысячъ) и Свартгольма (около 800 человекъ), всѣ силы Клеркера (до 8-ми тыс.) были сосредоточены въ окрестностяхъ Тавастгуса.

Въ первоначальномъ „мѣншіи“ графа Буксгевдена ставилось цѣлю, если противникъ окажется сосредоточенъ, стремиться соединить отдѣльныя наши колонны и совокупными силами нанести ему ударъ.

Наканунѣ переправы черезъ Кюмень изъ Шюттиса Буксгевденъ довосилъ о своемъ намѣреніи стянуть всѣ силы къ побережью, въ увѣренности, что шведы въ случаѣ неудачи будутъ искать укрытія въ крѣпости.

Въ Борго, когда обстановка уже болѣе выяснилась, онъ еще остерегался дѣйствовать въ направленіи на Тавастгусъ, опасаясь, что Клеркеръ соединится съ отрядами, дѣйствующими въ Саволакскѣ и атакуеть насъ во флангъ и тылъ. Когда-же, наконецъ, онъ окончательно убѣдился, что шведы отступили къ Тавастгусу и рѣшили ихъ преслѣдовать и атаковать, онъ все-таки считалъ долгомъ донести Государю, что за выдѣленіемъ заслоновъ къ Свеаборгу и на сѣверъ (со стороны Саволакса), противъ Тавастгуса могутъ быть направлены лишь силы въ 1½ раза слабѣе непріятельскихъ, „не считая вооруженныхъ мужиковъ“. Словомъ, Буксгевденъ, считая свои силы недостаточными, замѣтно уклонился въ это время отъ рѣшительныхъ дѣйствій до подхода подкрѣпленій.

Генераль Клеркеръ рѣшилъ не отступать далѣе Тавастгуса. Въ этой рѣшимости его поддерживалъ храбрый и талантливый Адлеркрейцъ, командиръ 2-й бригады, позже—начальникъ штаба финляндской арміи. Впослѣдствіи онъ писалъ:

„При Тавастгусѣ мы были равносплыны непріятелю. Здѣсь финскіе воины не пощадили бы никакихъ усилій, потому что мы дрались бы за все, что было намъ священо, за славу и родину. Если бы мы разбили русскіхъ, и они не получили бы тотчасъ подкрѣпленій, то, соединясь съ Свеаборгскимъ гарнизономъ, мы рѣшили бы зимній походъ въ нашу пользу“.

Клеркеръ, подъ вліяніемъ убѣжденій Адлеркрейца, памѣтилъ даже способъ дѣйствій, наиболѣе отвѣчавшій сложившейся обстановкѣ. Онъ вовсе не намѣревался пассивно стоять подъ Тавастгусомъ и обороняться здѣсь, выжидая подхода и атаки нашихъ силъ. По словамъ Михайловскаго-Данилевскаго „Клеркеръ готовился атаковать русскихъ, подступавшихъ къ Тавастгусу и собралъ большое количество подводъ, намѣреваясь, въ случаѣ побѣды, въ которой былъ увѣренъ, послѣдно перевезти нѣсколько баталіоновъ къ Гельсингфору“¹⁾. Въ успѣхѣ шведовъ не было ничего невозможнаго, не смотря на общее численное наше превосходство. Превосходство это, вѣрное лишь абсолютно, превращалось въ слабосиліе при данной группировкѣ силъ. Свеаборгскій гарнизонъ нельзя было игнорировать; нужно было оставить если не блокадный корпусъ, то хоть заслонъ; наступленіе же наше къ Тавастгусу раздѣленными силами могло привести къ разбитію по частямъ.

Дѣйствительно, графъ Буксегвденъ, рѣшивъ временно выждать со Свеаборгомъ и преслѣдовать противника къ сѣверу, оставилъ въ Гельсингфорсѣ Раевского только съ 2 тыс., а самъ съ остальными силами 17-й дивизіи пошелъ на Тавастгусъ, направивъ туда же и войска Багратиона. Но такъ какъ послѣдній стоялъ въ трехъ группахъ, изъ которыхъ отрядъ Мюллера—въ одномъ переходѣ отъ бригады Адлеркрейца, а остальные въ 40—50 верстахъ южнѣе, то ясно, что Клеркеръ имѣлъ возможность, проявивъ энергію, быстроту и подвижность, бить одну за другою раздѣльно подходившія группы нашихъ войскъ.

Но къ шведской арміи, какъ разъ въ этотъ рѣшительный моментъ, прибылъ ея настоящій главнокомандующій, графъ Морицъ Клингспоръ, которому пылкій и рѣшительный, не смотря на преклонные годы, Клеркеръ, долженъ былъ сдать командованіе.

Клингспоръ былъ человѣкомъ образованнымъ и выдающимся военныхъ познаній. Въ юности, въ рядахъ французскихъ войскъ, онъ участвовалъ въ семилѣтней войнѣ; въ войну 1788—1790 гг., былъ генераль-интендантомъ финляндской арміи и за оказанныя въ этой должности заслуги—былъ въ концѣ 1790 года назначенъ Главно-

¹⁾ Это подтверждаютъ и новѣйшіе шведскіе источяники.

командующимъ въ Финляндію. Когда въ 1795 году ожидали разрыва съ Россією, Клингспоръ по собственному почину мобилизовалъ подчиненныя ему войска. Мы уже видѣли,¹⁾ какъ вѣрно оцѣнивалъ Клингспоръ значеніе водныхъ коммуникаціонныхъ путей для обороны Финляндіи. Но надъ нимъ тяготѣло предвзятое убѣжденіе о невозможности успѣшной обороны Финляндіи, въ виду неготовности шведовъ и превосходства силъ русскихъ. Это убѣжденіе побудило его отказываться отъ принятія на себя выпадавшей на его долю отвѣтственной задачи. По словамъ шведскихъ источниковъ, поступокъ этотъ зависѣлъ не отъ слабости духа, или недостатка патріотизма, а отъ близкаго знакомства съ многочисленными недостатками боевой готовности Финляндіи.

Весьма естественно, что человѣку съ такимъ настроеніемъ было не до рѣшительныхъ и смѣлыхъ проектовъ Клеркера съ Адлеркрейцемъ.

Клингспоръ прибылъ изъ Швеціи сухимъ путемъ вокругъ Ботническаго залива и по дорогѣ сдѣлалъ дѣлмый рядъ распоряженій по подготовкѣ тыла и обезпеченію заранѣе намѣченнаго имъ и королемъ будущаго отступленія Финляндской арміи. Онъ вступилъ въ командованіе какъ разъ въ тотъ самый день, 18-го февраля (2-го марта), когда Буксгевденъ занялъ Гельсингфорсъ и намѣревался на другой же день двигать свои войска къ Тавастгусу. Былъ собранъ военный совѣтъ, на которомъ въ принципѣ рѣшено: продолжать отступление на сѣверъ. Возраженія Клеркера (котораго поддерживалъ и начальникъ штаба Левенгельмъ)—не привели ни къ чему. Однако, немедленно оставлять Тавастгусъ не предполагали; рассчитывали вывести оттуда собранный въ пемъ запасъ провіанта, а также тяжелую артилерію. 21-го февраля (5-го марта) самъ Клингспоръ еще писалъ королю, что нѣтъ подходящаго „казуса“, для начатія „ретирады“ (Retraite) по „всемилоствѣйшей инструкціи Его Королевскаго Величества“. Очевидно, Клингспоръ толковалъ королевскую инструкцію соотвѣтственно своему настроенію.

„Казусомъ“ этимъ оказался рапортъ командира Саволакской бригады Кронстедта съ донесеніемъ о вторженіи дивизіи Тучкова 1-го въ Саволакскъ, о занятіи имъ С. Михеля и объ отступленіи самого Кронстедта по направленію къ Куопіо. Русскіе стояли ближе къ Улеаборгу—конечной точкѣ намѣченнаго Клингспоромъ отступленія—чѣмъ самъ Клингспоръ. Такое положеніе въ глазахъ Клингспора было опаснымъ и онъ рѣшилъ немедленно отступать со всею „арміей“ въ Эстроботнію.

Тавастгусъ былъ очищенъ столь поспѣшно, что пришлось утопить въ озерѣ запасъ оружія, артилерію и снаряды, а именно 13 пушекъ,

¹⁾ Въ главѣ 4-й.

1,240 гранатъ, 2,200 ядеръ, 8,570 ружей, 9,400 штыковъ и проч. Въ городѣ найдено 18 чугунныхъ пушекъ и 3 мортиры. Быстрота отступленія была такъ велика, что стоявшій на гауптвахтѣ караулъ бросилъ ружья въ козлахъ! 24-го февраля Буксгевденъ вступилъ въ брошенный непріателемъ городъ.

Обратимся къ событіямъ въ *Саволакскъ* (см. Стратег. карта).

Саволакская бригада Кронстедта (около 4 тыс.) расположена была въ районѣ С. Михель-Варкаусъ-Юенсуу; главные силы подъ его личнымъ начальствомъ сгруппированы были вокругъ С. Михеля, имѣя авангарды на путяхъ въ Хейнолѣ, Вильманстранду и Кеесгольму. Отсюда видно, что Кронстедтъ, распредѣливъ свои силы по возможнымъ путямъ нашего вторженія, ядро ихъ держалъ на томъ изъ направлений, которое считалъ опаснѣйшимъ. Но главные силы эти онъ выдвинулъ почти къ самой границѣ (въ 1 переходѣ) такъ что въ случаѣ движенія Тучьева 1-го на Нейшлотъ или Юенсуу, едва ли успѣлъ бы своевременно къ угрожаемому пункту. Къ тому же нѣкоторыя дороги вовсе даже и не наблюдались; отъ С. Михеля патрули ходили только до Юккаса, а этотъ важный узелъ дорогъ вовсе не былъ занятъ.

Очевидно, Кронстедтъ находился подъ вліяніемъ предвзятой идеи, что наступленіе русскихъ въ Саволакскъ послѣдуетъ непременно по пути Вильманстрандъ—С. Михель. Какъ участникъ войны 1788—1790 гг., онъ руководствовался въ этомъ случаѣ историческими воспоминаніями: такъ наступали русскіе въ эту кампанію, когда пзвѣстный Спренгпортенъ участвовалъ съ нашими войсками въ неудачномъ для насъ бою при Поррасальми, вблизи С. Михеля.

Результатъ такого расположенія не замедлил сказаться на дѣлѣ.

Силы Тучьева 1-го передъ вторженіемъ распредѣлены были такимъ образомъ, что главный ударъ наносился какъ разъ въ наиболѣе слабо занятомъ и даже едва наблюдаемомъ шведами направленіи; цѣлью ставилось овладѣніе С. Михелемъ путемъ обхода шведскихъ главныхъ силъ съ востока.

Перейдя границу 16-го февраля, Тучевъ къ 17-му достигъ Юккаса, не встрѣтивъ нигдѣ ни малѣйшаго сопротивленія. Сильный морозъ и глубокой снѣгъ заставилъ его дать 18-го дневку, которая для Кронстедта была истиннымъ благодѣяніемъ. Еще 16-го послѣдній спохватился занимать Юккасъ небольшимъ арьергардомъ, и уже заблаговременно, въ предвидѣніи отхода въ Куонио, отослалъ туда свои тяжести по болѣе западной проселочной дорогѣ Хаукивуори-Пьексемякк.

Интересно отмѣтить, что свѣдѣніе о переходѣ русскими границу, а затѣмъ—о занятіи ими Сулеавы, доставлено было Кронстедту не

передовыми постами, а однимъ изъ пограничныхъ пасторовъ. Служба пасторовъ въ качествѣ развѣдчиковъ шведской арміи повторяется въ эту войну неоднократно. Эту особенность Финляндіи полезно запомнить.

Приходилось очищать С. Михель съ „величайшею поспѣшностью“. Часть запасовъ пришлось уничтожить. Въ день занятія нами Йокаса, бригада Кронстедта находилась въ полномъ отступленіи по дорогѣ Хаувивуори-Пьексемаяи. Въ результатѣ, захватъ Тучевымъ С. Михеля оказался ударомъ по воздуху. Передовые казацкіе развѣзды Тучева нашли городъ очищеннымъ, провіантъ сожженнымъ и захватили лишь нѣсколько заелепанныхъ орудій; даже направление отступленія непріятеля было намъ въ первую минуту совершенно неизвѣстно.

Съ занятіемъ Тавастгуса и С. Михеля завершилось наше вторженіе въ Финляндію. Вторженіе это произошло почти безпрепятственно; нигдѣ колоннамъ нашимъ не было оказано серьезнаго сопротивленія, кромѣ незначительныхъ арьергардныхъ стычекъ. И Клеркьеру, и Кронстедту пришлось поспѣшно отступить. Между тѣмъ, по сосредоточеніи у Тавастгуса, Клингспоръ (смѣнившій Клеркьера) имѣлъ возможность бить по частямъ вразбродъ наступающія русскія колонны. Такое рѣшеніе не шло бы въ разрѣзъ съ основнымъ планомъ, положеннымъ въ Королевской инструкціи отъ 3-го февраля, какъ извѣстно,¹⁾ допускавшей отступленіе на сѣверъ безъ боя лишь какъ крайнюю мѣру. Застигнутые врасплохъ нашимъ вторженіемъ, шведы какъ бы ощущали инстинктивную потребность прежде всего уклониться отъ удара и, отойдя вглубь страны, такъ сказать, „собраться съ духомъ“. Что касается ихъ главнокомандующаго, то онъ полагалъ, что въ данномъ случаѣ точно руководствуется вышеупомянутой инструкціей, ставившей основною цѣлью „спасеніе арміи и крѣпостей“; всякую попытку одержать даже частный успѣхъ онъ считалъ рискованной и идущей въ разрѣзъ съ общею идеей принятаго плана дѣйствій.

Овладевъ частью прибрежной Нюландіи и важнѣйшимъ узломъ путей юго-западной Финляндіи—Тавастгусомъ, а также проникнувъ и во внутреннюю котловину, мы расширили себѣ основаніе для дальнѣйшихъ наступательныхъ операцій, которыя могли быть ведены нами въ двухъ различныхъ направленіяхъ. Или надлежало неотвязно преслѣдовать отступавшихъ шведовъ, ставя себѣ главною цѣлью разъединить и разбить ихъ, или предварительно направить всѣ усилія противъ крѣпостей; Свеаборга и Свартгольма, оттягивав-

---

¹⁾ См. главу 4-ю.

шихъ отъ насъ часть силъ и препятствовавшихъ намъ прочно утвердиться въ занятой части края.

Положеніе шведовъ съ перваго взгляда представляется крайне невыгоднымъ. Ихъ силы раздѣлены на три разъединенныя группы, изъ коихъ одна замурована въ Свеаборгскихъ и Свартгольмскихъ стѣнахъ, а двѣ другія отступаютъ на сѣверъ въ расходящихся направленіяхъ, отстоящихъ притомъ одно отъ другого не менѣе 200 и до 400 верстъ.

Но расчеты шведовъ, какъ уже указывалось, были построены на сблженіи со своими подкрѣпленіями, ожидавшимся сухимъ путемъ изъ Швеціи, а затѣмъ—на дѣйстви въ тылъ Буксгевдену по весеннемъ вскрытіи водъ, со стороны моря (высадки изъ Швеціи). Такія же дѣйствія въ тылъ возможны были и изъ Саволакса особенно при развитіи народной войны.

Къ 25-му февраля Графу Буксгевдену обстановка представлялась въ слѣдующемъ видѣ:

„До сего времени“,—доносилъ онъ Государю,—„цѣль всѣхъ движеній клонилась къ тому, чтобы завладѣвъ Гельсингфорсомъ, имѣть случай предпринять что-либо рѣшительное противу Свеаборгскихъ укрѣпленій и чтобы, или разсѣять непріятеля, или, стѣсня его къ сѣверу, очистить полуденную часть шведской Финляндіи, дабы къ веснѣ берега сей части ея были въ повелѣніи нашемъ... Отступление непріятеля къ Таммерфорсу показываетъ или слабость силъ его, или намѣреніе собрать остатки оныхъ. Слѣдственно, позиціи при Таммерфорсѣ и при Бьернеборгѣ не могутъ также быть постоянными. А какъ отъ стороны Саволакса шведскія войска также отступаютъ, то и предполагать должно, что непріятель намѣренъ соединиться въ окрестностяхъ Вазы съ тѣмъ, чтобы или рѣшительно намъ противиться, или, отвлекая до весны силы наши къ сѣверу, во время открытія водъ устремиться на берега полуденной Финляндіи“¹⁾.

Такимъ образомъ, обстановка намѣчала двѣ важныя цѣли, при томъ—въ расходящихся направленіяхъ. Болѣе осторожное рѣшеніе предпочло бы сперва обезпечить за собою утвержденіе въ южной части края. Надо было очистить ее отъ непріятельскихъ войскъ, а затѣмъ, принявъ оборонительное положеніе и не прекращая широкой развѣдки къ сторонѣ противника, обратиться противъ Свеаборга и Свартгольма, овладѣніе которыми было во всякомъ случаѣ гораздо легче зимою, чѣмъ по вскрытіи водъ²⁾. Другое, болѣе смѣлое рѣшеніе, требовало неотступнаго преслѣдованія противника, ограничи-

¹⁾ Д. В. Ист. Арх. Гл. Упр. Ген. Шт. № 1651.

²⁾ Этому плану, между прочимъ, сочувствовалъ и Спердигортьевъ, о чемъ будетъ сказано подробнѣе при изложеніи операціи подъ Свеаборгомъ.

ваясь простымъ наблюденіемъ за крѣпостями, съ назначеніемъ для того самыхъ ограниченныхъ силъ. До вскрытія водъ, а слѣдовательно, до возможной присылки моремъ подкрѣпленій къ Свеаборгу и въ южную Финляндію оставалось (до конца апрѣля) еще по крайней мѣрѣ 2 мѣсяца, во время которыхъ, при условіи примѣненія полной энергіи, можно было рассчитывать достигнуть рѣшительныхъ результатовъ.

Въ Тавастгусѣ распоряженія Буксгевдена были слѣдующія:

1) Князя Багратіона съ 21-ю дивизіей онъ назначилъ для преслѣдованія Клингспора, причемъ направилъ его *не по параллельному*, а по тому же самому пути. Отъ дивизіи Багратіона былъ еще отдѣленъ на западъ отрядъ генераль-маіора Шепелева для занятія Або, причемъ конницу свою онъ долженъ былъ послать еще дальше, на Аландъ, съ цѣлью „пресѣчь сообщеніе Стокгольма съ Финляндією“. Отъ 17-й дивизіи отдѣленъ былъ еще отрядъ Тучкова 3-го для занятія Энгеса и Гангэ и установленія связи между Або и Гельсингфорсомъ.

2) Тучкову 1-му приказано было идти фланговымъ маршемъ поперекъ всей внутренней Финляндіи, направляясь къ Вазѣ съ цѣлью предупредить тамъ Клингспора, поставить его „между двухъ огней“ и помѣшать ему отступить въ Швецію.

3) Самъ главнокомандующій съ остальными войсками, т. е. съ 17-ю дивизіей и прибывшими къ ней подкрѣпленіями, намѣренъ былъ обратиться къ дѣйствіямъ противъ крѣпостей, т. е. главнымъ образомъ Свеаборга.

Отсюда видно, что 30.000 корпусомъ¹⁾ одновременно рѣшилась даже не двѣ, а цѣлыхъ три задачи: 1) преслѣдованіе отступающаго на сѣверъ противника; 2) оккупация опущенныхъ имъ областей и занятіе прибрежныхъ пунктовъ, и 3) дѣйствія противъ крѣпостей въ цѣляхъ обезпеченія нашей операціонной линіи.

Считаемъ справедливымъ указать, что главная причина допущенной разброски силъ, — тяготѣніе къ Свеаборгу, едва ли исходила отъ самого графа Буксгевдена. Вдумываясь въ его всеподданнѣйшія донесенія, касающіяся этой крѣпости, донесенія, весьма подробно излагающія, до мелочей, соображенія о наилучшемъ способѣ дѣйствій, распоряженія по осадѣ и т. п., нельзя не придти къ заключенію, что вопросамъ объ исходѣ операціи противъ Свеаборга въ Петербургѣ интересовались много больше, нежели исходомъ преслѣдованія шведскихъ полевыхъ войскъ, быстрое отступление которыхъ на сѣверъ похоже было на бѣгство. Въ Петербургѣ еще не понимали тѣхъ

¹⁾ Считаая подошедшія подкрѣпленія, хотя послѣднія, въ виду необходимости расходовать войска въ тылу, не внесли существенной перемѣны въ положеніе дѣла.

послѣдствій, къ которымъ можетъ привести неосторожное втягиваніе нашихъ войскъ по пятамъ шведовъ, безъ надлежащаго обезпеченія непомѣрно удлиннявшихся при этомъ сообщеніи. Такое заблужденіе, зависѣвшее несомнѣнно отъ „стороннихъ вліяній“, имѣло, вѣроятно, результатомъ извѣстное давленіе на Буксгевдена, вслѣдствіе котораго онъ особенно старательно давалъ отчетъ о своихъ распоряженіяхъ по дѣйствіямъ противъ Свеаборга.

Войска Багратіона для преслѣдованія были распределены слѣдующимъ образомъ:

Впередѣ авангардъ Янковича (вся конница—5 эскадроновъ и 1 сотня), который долженъ былъ возстановить соприкосновеніе съ противникомъ; затѣмъ эшелонъ подъ командою Раевского и эшелонъ Сазонова, игравшій роль общаго резерва всей дивизіи, остальная часть которой (бригада Шепелева) направлена была къ Або.

27-го февраля Клингспоръ двинулся изъ Таммерфорса къ сѣверу. Послѣдній отступавшій баталіонъ шведовъ былъ достигнутъ Янковичемъ на южной окраинѣ города (у двора Хатанца), но съ одною кавалеріею послѣдній не могъ его выбить; только появленіе подходившаго форсированнымъ маршемъ 2-го егерскаго полка заставило шведовъ очистить позицію¹⁾. Благодаря распоряженіямъ Адлеррейца, шведамъ удалось съ 1 эскадрономъ и 1 слабымъ баталіономъ задержать Янковича въ теченіе 3-хъ часовъ, пользуясь чѣмъ вывезены были изъ Таммерфорса на 2.000 подводкахъ всѣ бывшіе тамъ запасы.

Изъ Таммерфорса Янковичъ произвелъ развѣдку, для выясненія направленія дальнѣйшаго отступленія шведовъ, послѣ чего донесъ, что главная масса шведовъ отходитъ къ Бьернеборгу. Вслѣдствіе этого на пути Таммерфорсъ—Ваза оставленъ былъ только Кульневъ (1 баталіонъ, $\frac{1}{4}$ эскадрона, 1 орудіе), который долженъ былъ войти въ связь съ Тучковымъ; все остальное повернуто на Бьернеборгъ, имѣя по прежнему впередѣ кавалерію Янковича.

Не доходя Бьернеборга Клингспоръ оставилъ у д. Хайстила аррьергардъ Гришпенберга, дабы задержать русскихъ на время вывоза изъ города казеннаго имущества. Кромѣ того три моста между Харьявалта и Хайстила были сожжены. Шведы снова задержали пѣхотнымъ огнемъ кавалерію Янковича, которая опять ждала подхода своей пѣхоты¹⁾. Багратіонъ послалъ 25-й егерскій полкъ, который, послѣ канонады, бросился въ атаку на деревню, гдѣ засѣли шведы. Но они не выдержали атаки и отошли на главную позицію въ д. Ульфсбю, которую также принуждены были очистить подъ апфиладною стрѣльбою батареи, поставленной Багратіономъ на дру-

¹⁾ Поучительные примѣры вреда самостоятельности конницы.

гомъ берегу рѣки Кумо. Батарея эта преслѣдовала шведовъ огнемъ до наступленія темноты. Въ ночь съ 5-го (17) на 6-е (18) марта шведы очистили городъ, частью истребивъ, частью забравъ съ собою бывшіе тамъ запасы и продолжали отступление по береговой дорогѣ къ Вазѣ; Янковичъ тотчасъ-же овладѣлъ Бьернеборгомъ.

Дорога, по которой повелъ Клингспоръ свое отступление, все время слѣдуетъ вдоль побережья Вотническаго залива, не отходя отъ него нигдѣ далѣе 15-ти верстъ. Князь Багратионъ намѣренъ былъ неотступно продолжать преслѣдованіе по пятамъ за шведами. Но приказаніе, полученное отъ графа Буксгевдена, вводило новое раздробленіе силъ:

1) Преслѣдованіе Клингспора возложено на отрядъ Раевского, въ составѣ всего 12-ти ротъ пѣхоты, эскадрона гусаръ, 40 казаковъ и 5-ти орудій.

2) Багратионъ долженъ былъ, занявъ гарнизонами Ништадтъ и Раумо, идти на поддержку Шепелева, посланнаго, какъ уже сказано, для занятія Або и Аландъ.

Въ отношеніи къ военному министру графу Аракчееву¹⁾, графъ Буксгевденъ объяснялъ свое рѣшеніе необходимостью „занять достаточнымъ гарнизономъ Або и Абовскую область, по вліянію ея на Финляндію важнѣйшую“ и „невозможностью употребить для сего предмета находившіяся у Свеаборга войска“.

Итакъ, начиная съ 7-го марта, преслѣдованіе шведскихъ войскъ велось, въ сущности, ничтожными силами, такъ какъ отряды Раевского и Кульнева въ общей сложности не превышали *двухъ съ небольшимъ тысячъ человекъ*.

Главнымъ же предметомъ дѣйствій нашихъ, въ сущности, является Або. Занятію этого пункта придавалось настолько важное значеніе, что во главѣ направленныхъ туда войскъ сталъ самъ главнокомандующій. 10-го марта русскіе вступили торжественно въ Або при самой мирной обстановкѣ. Шведскія команды удалились изъ города заблаговременно на Аландскіе острова; слѣдомъ за ними посланы были казаки и 1 баталіонъ Вуича по льду, которые и заняли Аландъ безъ боя. Одновременно нашими отдѣльными отрядами безпрепятственно были заняты Экенесъ и Ганге (9-го марта); въ то же время (6-го марта) сдался Муханову гарнизонъ Свартгольма. Нѣсколько позже изъ Лубавы посланъ былъ особый отрядъ Бодиско для занятія острова Готланда, о чемъ было только сообщено для свѣдѣнія Буксгевдену.

„Черезъ занятіе города Або,—доносилъ 12-го марта Буксгевденъ Государю,—Великое Княжество Финляндское по всѣмъ отношеніямъ

¹⁾ Д. В.-Ист. Арх. Ген. шт. № 1651.

можно считать покореннымъ Высочайшей волѣ и власти Вашего Императорскаго Величества“ и, излагая выгоды для Россіи отъ пріобрѣтенія Финляндіи, просилъ Высочайшаго указа о созывѣ земскихъ чиновъ и приводѣ къ присягѣ.

Вслѣдъ за симъ издана была пзвѣстная декларация отъ 16-го марта, заключающаяся нижеслѣдующими словами:

„Его Императорское Величество возвѣщаетъ всѣмъ державамъ европейскимъ, что отнынѣ часть Финляндіи, которая доселѣ именовалась шведскою и которую войска російскія не могли занять, какъ выдержавъ разныя сраженія, признается областю, російскимъ оружіемъ покоренною, и присоединяется навсегда къ Россійской Имперіи“.

Выстѣ съ тѣмъ Государь обратился къ населенію Финляндіи съ особымъ Манифестомъ (20-го марта), въ которомъ, между прочимъ, возвѣщалъ:

„Страну сію, оружіемъ нашимъ такимъ образомъ покоренную, Мы присоединяемъ отнынѣ навсегда къ Россійской Имперіи и вслѣдствіе того повелѣли Мы принять отъ обывателей ея присягу на вѣрное Престолу Нашему подданство“.

Въ то же время Императоръ Александръ Павловичъ счелъ нужнымъ сообщить о томъ же событіи своему союзнику Наполеону собственноручнымъ письмомъ нижеслѣдующаго содержанія (переводъ):

„Государь братъ мой. Пишу эти строки Вашему Величеству, чтобы извѣстить, что вся Финляндія завоевана. Остается только Свеаборгская крѣпость, которая еще держится; но комендантъ началъ уже переговоры и, надѣюсь, въ скоромъ времени она капитулируетъ. Шведскій король нашелъ возможнымъ подражать туркамъ и заточилъ моего посла въ Стокгольмъ. Я не хотѣлъ отвѣчать ему тѣмъ же, но объявилъ шведскую Финляндію русскою провинціею. Того требовала безопасность моей столицы, какъ Ваше Величество очень вѣрное сами находили. Жалѣю, что непрочный ледъ препятствуетъ движенію моей арміи черезъ море у Аланда; она была бы тогда въ трехъ переходахъ отъ Стокгольма. Велѣлъ испытать выше со стороны Вазы. Отплытіе войскъ Вашего Величества и соединеніе ихъ съ датскими въ Шоніи окончательно лишитъ англичанъ возможности распространиться и въ Балтійскомъ морѣ; даже если они и войдутъ туда, то не могутъ удержаться, не имѣя портовъ. Засимъ, Государь братъ мой, молю Бога, чтобы Онъ сохранилъ Ваше Императорское Величество подъ Святымъ Своимъ Кровомъ“.

Тогда же было составлено, по наущенію Спренгпортена и его сообщниковъ, особое обращеніе къ шведскимъ офицерамъ, въ видѣ письма къ графу Клингспору, имѣвшаго цѣлью побудить шведовъ

прекратить сопротивление. Посланный съ этимъ письмомъ въ видѣ парламентаря нѣкій баронъ Гагельстремъ, шведъ родомъ, состоявшій при русской главной квартирѣ, пытался во время пребыванія въ шведскомъ лагерѣ внушать офицерамъ шведскихъ войскъ, какія ихъ ожидаютъ преимущества въ случаѣ „почетной капитуляціи“, къ чему многіе охотно склонялись, ища лишь благовиднаго предлога (un prétexte honorable pour capituler). Кромѣ того отъ начальника 1-й колонны, Тучкова 1-го, также передано было подобнаго же рода письменное воззваніе (по-шведски) къ офицерамъ и унтеръ-офицерамъ.

Обращенія эти успѣха не имѣли, а на письмо Бюегсведена было напечатано въ Стокгольмскихъ газетахъ рѣзкое возраженіе, въ которомъ „содержаніе сего письма, призывающаго армію къ измѣнѣ долгу вѣрнопопавшихъ“, признавалось „такъ недостойно, что приличіе не позволяетъ обнародовать его“.

Тѣмъ временемъ Кульневъ и Раевскій безостановочно продолжали преслѣдовать обѣ колонны отступавшихъ шведовъ.

Укутанные въ овчины и звѣриныя кожи, финскіе солдаты (по словамъ участника этой войны) утратили воинскій видъ, но не оставляли за собою ни отсталыхъ, ни бѣглыхъ. Впрочемъ, въ отношеніи снабженія всѣмъ необходимымъ они были въ несравненно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ русскіе ихъ преслѣдователи: они получали все нужное на мѣстѣ отъ земляковъ—обязанныхъ довольствоваться проходящія войска по правиламъ поселенной системы; непріятелю же почти ничего не оставалось. Если, по словамъ письма Левенгельма къ Адлеррейцу, „кровь застывала въ ногахъ у бѣдныхъ солдатъ“, то что-же приходилось терпѣть нашимъ воинамъ, которые безъ всякой теплой одежды, довольствуясь форменнымъ одѣяніемъ, неприспособленнымъ къ суровостямъ лютой зимы, ни на шагъ не отставали отъ врага, ежеминутно сталкиваясь съ нимъ въ мелкихъ стычкахъ отдѣльныхъ людей на узкихъ тропинкахъ между снѣжными сугробами? „Какъ звѣроловы перестрѣливались на нихъ солдаты или по-одиночѣ въпадались на противниковъ въ штыки и приклады“,—пишетъ Михайловскій-Данилевскій.

Преслѣдовавшій Адлеррейца Кульневъ все время посылалъ развѣзды вправо, дабы войти въ связь съ Тучковымъ, но безуспѣшно.

Еще до полученія отъ Бюегсведена какихъ-либо приказаній, Тучковъ рѣшилъ продолжать наступленіе. Онъ оставилъ въ С. Микелѣ небольшой гарнизонъ (всего 2 роты); батальонъ съ нѣсколькими казаками послалъ по пятамъ Кронстедта (по выясненіи пути его отступленія), а остальные войска раздѣлилъ на двѣ колонны, изъ коихъ одну (слабѣйшую—3 батальона) направилъ кратчайшимъ путемъ на Кайтайсъ-Пьексемяви, а другую (сильнѣйшую—9 батальоновъ)—на Варгаусъ-Лешявирта.

Къ 23-му февраля, т. е. ко дню занятія нами Тавастгуса на западномъ театрѣ, бригада Кронстедта успѣла быстро перебросить свои главныя силы отъ С. Михеля къ *Леппявирта*. Изъ прежняго вынесеннаго впередъ и на флангъ опаснаго положенія, эти главныя силы благополучно вышли и стали, такъ сказать, въ затылокъ Баркауусскому гарнизону, превратившемуся теперь какъ бы въ арбергартъ. Кронстедтъ расположился у Леппявирта по квартирамъ, причѣмъ, по условіямъ расселенія финскихъ крестьянъ, долженъ былъ волеяневодей разбросаться. Между тѣмъ, въ ночь съ 25-го на 26-е февраля, начальникъ Варкауускаго гарнизона майоръ фонъ-Терне, при одномъ появленіи головы русской колонны, очистилъ Варкауусъ безъ боя. 27-го числа нами занятъ этотъ довольно важный укрѣпленный пунктъ внутренней Финляндіи, въ которомъ оказалось брошеннымъ 21 орудіе, 66 трехъ-фунтовыхъ фальконетовъ и нѣсколько снарядовъ. Озерную флотилію шведы успѣли сжечь. Въ тотъ же день русскій авангардъ (въ составѣ 3-хъ батальоновъ, двухъ эскадроновъ гусаръ и полусотни казаковъ) продолжалъ наступленіе на сѣверъ.

Высланные на развѣдку шведскіе лыжники были настигнуты, не доходя 5-ти верстъ до расположенія Кронстедта на отдыхѣ, и быстро сбиты нашимъ головнымъ частямъ, шедшими тоже на лыжахъ, на ледъ озера Уннукавези; но ихъ поддержалъ батальонъ Саволаккаго полка, стоявшій южнѣ Леппявирты по отдѣльнымъ дворамъ. Русскій авангардъ смѣло атаковалъ шведовъ, собиравшихся по тревогѣ. Порядокъ слѣдованія его былъ такой: вся конница, всѣ стрѣлки (штуцерники), батальонъ егерей, 6 орудій. Такимъ образомъ, войска, обученныя разсыпному строю и лыжеходству, идутъ въ головѣ отряда. Наши развернули фронтъ на льду озера, артилерія въ срединѣ, пѣхота по бокамъ, конница—въ тылу и на флангахъ пѣхоты, а стрѣлки (егеря) рассыпались цѣлью на лѣвомъ флангѣ боевого порядка противъ шведскихъ лыжниковъ. Кромѣ того, батальонъ 24-го егерскаго полка посланъ былъ *продолжать* движеніе по большой дорогѣ, для обхода лѣваго фланга шведовъ. (См. черт. № 2).

Изъ шведскихъ источниковъ видно, что разбросанное положеніе шведовъ и одновременное появленіе русскихъ на льду озера и на прежнемъ пути слѣдованія (гдѣ *одинъ батальонъ* былъ принятъ за голову *всего* авангарда), заставило Кронстедта впасть въ ошибку: онъ вообразилъ, что войска, двигающіяся по льду,—какая-то новая, обошедшая его съ востока, колонна. Тѣмъ не менѣе онъ попытался устроить свой отрядъ на льду, но фланговый огонь нашихъ егерей, взобравшихся на крутой лѣсистый берегъ, и атака конницы на лѣвый флангъ боевого порядка разстроили шведовъ. И, несмотря на успѣхъ майора Эрнота, сбившаго на сушѣ нашъ обходный ба-

тальонъ и даже угрожавшаго флангу и тылу нашего авангарда, Кронстедтъ, опасаясь быть обойденнымъ слѣва и отрѣзаннымъ отъ пути на Куопіо, рѣшилъ отступить.

Бой у Лешпявирты (въ которомъ, по счету шведскихъ источниковъ, со стороны русскихъ участвовалъ 1¹/₂ тыс. авангардъ Тучкова, а у шведовъ не менѣе 2¹/₂—3 тыс. человекъ), былъ первымъ болѣе продолжительнымъ и упорнымъ столкновениемъ сторонъ въ эту войну, длившимся около шести часовъ времени, съ 2 до 8 пополудни. Прочіе арьергадные бои были въ сущности, простыми стычками, въ которыхъ шведы быстро отступали, не доводя до рѣшительнаго столкновения.

Въ этомъ бою на нашей сторонѣ замѣтно значительное превосходство надъ шведами въ глубокости тактическихъ приѣмовъ. Неожиданное разворачиваніе боевого порядка на льду озера, противъ центра разбросаннаго квартирнаго района шведовъ; направленіе одного батальона по прежнему пути слѣдованія, закрытому дефиле, въ которомъ этотъ батальонъ легко сошелъ за голову всей колонны, пользование стрѣлками на лѣсистомъ крутомъ берегу лѣваго фланга боевого порядка и ударъ конницей, сперва убранной назадъ, на правомъ флангѣ—все это приемы, показывающіе со стороны нашихъ младшихъ начальниковъ, уже въ самомъ началѣ кампаніи, умѣнье быстро схватывать своеобразную обстановку и примѣняться къ ея условіямъ. Въ этомъ, очевидно, сказывался результатъ боевого опыта, а также видны слѣды Суворовской школы. Что касается до шведовъ, то, проявивъ надлежащую быстроту въ дѣлѣ сосредоточенія по тревогѣ изъ разбросаннаго квартирнаго расположенія и выказавъ храбрость, мужество, а также распорядительность и почие со стороны младшихъ начальниковъ, они, въ лицѣ Кронстедта, поддались случайному впечатлѣнію несуществовавшего обхода и преждевременно вывели войска изъ боя.

Втянувъ насъ на льду озера за собою во фронтальномъ бою частью силъ, они только слегка побезпокоили наши фланги огнемъ стрѣлковъ, съ лѣспстыхъ береговъ озера, тогда какъ, по мѣстнымъ условіямъ, могли въ разгаръ нашей атаки неожиданно выдвинуть стрѣлковыя пѣщи и огнемъ оттуда произвести крупное замѣшательство въ нашихъ рядахъ. Такова была, повидимому, мысль маіора Эрнрота, но Кронстедтъ не захотѣлъ ею воспользоваться.

1-го марта Кронстедтъ прошелъ Куопіо и продолжалъ быстро отступать на сѣверъ.

Наши войска послѣ боя утратили сопркосновеніе съ противникомъ. Только 3-го марта авангардъ Тучкова подошелъ къ Куопіо, пройдя, такимъ образомъ, въ четверо сутокъ всего 60 верстъ. Швед-

скій арберггардъ оказалъ сопротивленіе сперва по южную, а затѣмъ по сѣверную сторону города, послѣ чего общее отступленіе на сѣверъ продолжалось. Туда же быстро отходили и корельскіе егеря, занимавшіе Тайпале (близъ Юенсуу).

По занятіи Куопіо 4-го марта, Тучкову предстояло рѣшить только что полученную имъ передъ тѣмъ отъ Главнокомандующаго задачу—идти всѣми силами поперекъ Финляндіи въ цѣль перехватить Клингспору путь отступления.

Для выполненія такого приказанія предстояло совершить маршъ почти въ 400 верстѣ, притомъ маршъ фланговый, такъ какъ бригада Кронстедта, отступившая сѣвернѣе Куопіо, могла перейти въ наступленіе и дѣйствовать Тучкову въ тылъ.

Рѣшаясь направить Тучкова въ тылъ Клигспору со всѣми силами его дивизіи, Буксгевденъ, на основаніи его же донесенія о взятіи С. Михеля, полагалъ, что бывшія въ Саволакскѣ шведскія войска разбиты или разсѣяны. Между тѣмъ Тучковъ, встрѣтивъ довольно серьезное сопротивленіе у Лешпявирты и затѣмъ у Куопіо, считалъ невозможнымъ вовсе оставить противника безъ вниманія, вполне основательно предвидя, что онъ не преминетъ воспользоваться его уходомъ на западъ для обратнаго захвата Куопіо. „Непріятель противъ меня въ 3.000 человекъ,—доносилъ онъ Главнокомандующему,—а потому, ежели его не преслѣдовать, или оставить несоразмѣрный гарнизонъ въ Куопіо, то, безъ сомнѣнія, шведы, возвратясь, займутъ опять сей городъ, чѣмъ отрѣжутъ наше продовольствіе... а сверхъ того, распространясь въ занятыхъ кирхшпилахъ (т. е. приходкахъ), будутъ стараться они усиливать себя рекрутами, чего они по скорому движенію войскъ произвести не успѣли. Сія важныя причины побудили меня сдѣлать о семъ представленіе и ожидать вашего повелѣнія: преслѣдовать-ли мнѣ всѣми силами непріятеля къ Улеаборгу, или оставить отрядъ въ Куопіо, какихъ силъ, и съ чѣмъ потомъ слѣдовать къ Вазѣ, ибо за исключеніемъ отряда, посланнаго съ полковникомъ Турчаниновымъ, и другого въ Хейнола, остается у меня, за выключеніемъ больныхъ и раненыхъ, не больше 4.000 рядовыхъ“.

Вмѣсто предписаннаго ему движенія всѣми силами къ Вазѣ, Тучковъ взялъ на себя направить туда лишь Турчанинова съ двумя баталіонами егерей, 1 эскадрономъ, 15-ю казаками и 2-мя орудіями, около 1.000 человекъ; остальные силы, впредь до выясненія, онъ распредѣлилъ такъ: 5 баталіоновъ съ эскадрономъ гусаръ и казаками направилъ за Кронстедтомъ, а остальные два полка оставилъ на квартирахъ въ Куопіо, въ видѣ общаго резерва дивизіи.

Пока донесеніе Тучкова было въ пути (Куопіо—Тавастгусъ, 370 верстѣ), пришло новое приказаніе главнокомандующаго, подтверждав-

шее первоначальное распоряженіе идти къ Вазѣ, но указывавшее теперь на необходимость отдѣлаться за Кронстедтомъ небольшой отрядъ и притомъ не на дальнее разстояніе, дабы не имѣть опасенія, что онъ можетъ быть отрѣзанъ отъ главныхъ силъ дивизіи, направляющихся къ Вазѣ. Тогда Тучковъ 7-го марта выступилъ во слѣдъ Турчанинову съ 6-ю баталіонами и двумя сотнями (около 3 тыс.), оставивъ въ Куопіо Булатова съ 3-мя баталіонами и эскадрономъ гусаръ (около 1.500 человекъ)

Въ моментъ полученія Тучковымъ перваго приказанія Буксгевдена, т. е. 4-го марта, Клингспоръ былъ въ Бернеборгѣ, откуда до Вазы ему оставалось всего 179 верстъ. Уже одного взгляда на карту достаточно, чтобы понять, что расчеты наши были ошибочными, особенно при запозданіи на три дня, обусловленномъ вышеприведенными обстоятельствами. Неуспѣхъ становился неизбѣжнымъ даже при условіи выполненія позднѣйшей поправки, заключавшейся въ измененіи направленія движенія Тучкова не на Вазу, а на Гамла—Карлебю. Приказаніе это захватило Тучкова уже въ дорогѣ, но онъ занялъ Гамла-Карлебю только 28-го марта, когда Клингспоръ подходилъ уже къ Брагестаду.

Въ Гамла-Карлебю Тучковъ соединился съ Раевскимъ и Кульневымъ, вступилъ въ начальство надъ ними какъ старшій и направилъ Кульнева къ Якобштаду для выясненія дальнѣйшихъ намѣреній непріятеля.

Графъ Буксгевденъ обвинялъ Тучкова въ крушеніи задуманнаго имъ плана. Онъ доносилъ Государю, что Тучковъ „ниспровергнулъ всю операцію“. Между тѣмъ, по условіямъ времени, разстояній, а также той скорости движеній, которая возможна была для насъ въ зимнее время года, по глубокимъ сугробамъ, замыселъ Буксгевдена оказывался трудноосуществимымъ. Во всякомъ случаѣ Тучкову слѣдовало нѣсколько болѣе форсировать свое движеніе¹⁾ и хотя бы воспользоваться своею конницею (у него и у Турчанинова было вмѣстѣ 1 эскадронъ и 2 сотни), которая можетъ быть успѣла бы опередить Клингспора и, быть можетъ, нѣсколько задержать его движеніе²⁾.

Съ прекращеніемъ нашего преслѣдованія, Кронстедту съ его Саволакскою бригадою было легко продолжать отступленіе къ Улеборгу. Сообразно съ предписаніемъ Клингспора, отступленіе это надлежало ему совершать возможно медленно. Въ дѣйствительности, какъ разъ наоборотъ, быстрота отступленія Саволакской бригады продолжала возрастать и дошла до лихорадочной поспѣшности. Вы-

¹⁾ Средняя скорость движенія Тучкова за время этого трехдѣльнаго марша—17,3 в. въ сутки (370 в. въ 21 день), тогда какъ Кронстедтъ двигался со средней скоростью болѣе 28 верстъ въ сутки (484 версты въ 21 день).

²⁾ Надо замѣтить, что быстрому движенію конницы мѣшала глубокая снѣгъ.

ступивъ изъ Куопіо, какъ извѣстно, 4-го марта, онъ уже 17-го (29-го) вступилъ въ Улеаборгъ, сдѣлавъ, такимъ образомъ, въ 13 дней 285 съ лишнимъ верстъ.

Кронстедту имѣлъ общее приказаніе Клингспора отступить къ Улеаборгу, но ему неоднократно подтверждалось, чтобы онъ это дѣлалъ „съ возможною осторожностью и настолько медленно“, насколько это возможно безъ риска. Удобнымъ пунктомъ для задержанія русскихъ являлось, между прочимъ. Иденсальми; если бы Кронстедтъ приостановился здѣсь и попытался развѣдать о противникѣ, то онъ имѣлъ бы возможность убѣдиться въ томъ, что главныя силы Тучкова ушли на западъ, что передъ нимъ только слабый отрядъ Булатова, и тогда онъ не только имѣлъ бы основаніе удержаться у Иденсальми, но даже вновь захватить Куопіо, т. е. сдѣлать какъ разъ то самое, чего опасался Тучковъ.

Въ виду значенія внутренней котловины Финляндіи, какъ труднодоступнаго района на флангѣ нашихъ операціонныхъ путей къ сѣверу, шведамъ надлежало употребить всѣ усилія, чтобы здѣсь удержаться. Поэтому Клингспору, выполняя планъ короля и стремясь втянуть возможно глубже на сѣверъ за собою русскихъ, не слѣдовало направлять туда же и Кронстедта, а наоборотъ, требовать отъ него, чтобы онъ удерживался въ Саволакскѣ до послѣдней крайности. Обстановка какъ разъ благоприятствовала этому, такъ какъ Буксгевденъ, задавшій увлекательнымъ планомъ отрѣзать Клингспору путь отступления на сѣверъ, почти совершенно оголилъ Саволакскъ.

Такимъ образомъ, въ 1-му апрѣля положеніе сторонъ представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

А) *Русскіе*: 1) Графъ Каменскій ¹⁾ съ 9 тысячами (17-я дивизія и часть 41-й), большею частью силъ дѣйствовалъ противъ крѣпости Свеаборга, имѣя небольшіе отряды въ Ганге, Борго и Свартгольмѣ.

б) Князь Багратионъ (большая часть 21-й дивизіи, около 6 тысячъ) разбросанъ былъ въ районѣ Або—Ваза—Тавастгусъ, имѣя небольшой отрядъ Вуйча на Аландѣ.

в) Тучковъ 1-й (части 21-й и 5-й дивизій), около 5 тысячъ у Гамла-Карлею.

г) Булатовъ, направленный вслѣдъ Кронстедту, около 1½ тысячъ (остальныя войска 5-й дивизіи)—на маршѣ пзъ Куопіо въ Улеаборгъ.

Всего *немного больше 21 тысячи*. Остальное было въ гарнизонахъ, на этапахъ и въ госпиталяхъ.

¹⁾ Вступившій въ командованіе 17-ю дивизіей взамѣнъ князя Горчакова.

В) *Шведы*: а) Кронстедтъ (около 3 тыс.) со своею бригадою достигъ Улеборга.

б) Клингспоръ (около 6 тыс.) двигался между Пюхяюки и Брагестадомъ.

в) 6 тыс. гарнизонъ продолжалъ бездѣйствовать въ Свеаборгскихъ укрѣпленіяхъ.

Всего не болѣе 15—16 тысячъ.

Сопоставляя распредѣленіе силъ обоихъ противниковъ, легко замѣтить, что шведы, за выключеніемъ гарнизона Свеаборга, предоставленнаго собственной судьбѣ, всѣ остальные силы имѣли сосредоточенными, тогда какъ въ нашемъ финляндскомъ корпусѣ болѣе двухъ третей силъ было разбросано на обширной площади (ограниченной съ сѣверо-востока, примѣрно, линіей Ваза—Тавастгусъ—Ловпза), а въ направленіи важнѣйшемъ, противъ живой силы противника, отъ дальнѣйшаго существованія которой все зависѣло, наступало менѣе одной трети (около 6½ тысячъ), да и то въ двухъ группахъ, раздѣленныхъ труднопроходимую мѣстностью и разстояніемъ въ нѣсколько переходовъ.

Обстановка, — снова (какъ и подъ Тавастгусомъ) отвѣчала для шведовъ возможности нанесенія намъ частнаго пораженія, тѣмъ болѣе, что Тучковъ и Булатовъ, по условіямъ разстояній, не только не смѣли рассчитывать на поддержку бывшихъ позади войскъ (ближайшая группа Багратиона была въ Вазѣ, т. е. въ 160-ти съ лишнимъ верстахъ), но даже, отступая на своихъ, при энергичномъ противникѣ, могли рисковать цѣлымъ рядомъ кризисовъ.

Опасность такого положенія вещей, видимо, у насъ вовсе не замѣчалась. Мы были какъ бы ослѣплены блескомъ быстрого успѣха, доставившаго намъ большую часть шведской Финляндіи, которая была для насъ *цѣлью всей войны*. Тогда совершенно не предвидѣли, чтобы отступление шведовъ было преднамѣреннымъ; его приняли за признакъ слабости, за бѣгство..... Убѣжденіе въ этомъ было такъ сильно, что графъ Буксгевденъ не только настойчиво понуждалъ Тучкова и Булатова, требуя преслѣдованія до самаго Улеборга, но приступилъ уже (по запросу выше) къ составленію плановъ дѣйствій противъ Швеціи...

Обратно, шведы не могли себѣ даже представить, что ихъ противникъ рѣшится на преслѣдованіе слабѣйшими силами и несомнѣнно предполагали русскія войска Тучкова, Раевского и Кульнева болѣе многочисленными, чѣмъ было въ дѣйствительности; они принимали ихъ за *авангарды*, за которыми, очевидно, слѣдуютъ подобающія главныя силы. Посланному графомъ Буксгевденомъ въ шведскій лагерь переговорщику Гагельстрему, шведскіе офицеры говорили, что по ихъ

свѣдѣніямъ русскихъ вступило въ Финляндію до 60-ти тысячъ. Отсюда постоянный страхъ Кронстедта, что его „огрѣжутъ“ (слово „сопрегаз“ безпрестанно повторяется въ его донесеніяхъ); отсюда его послѣднее бѣгство къ Улеборгу и т. д. Организациія развѣдки у шведовъ хромала; употребленія конницы съ этою цѣлью не видно вовсе; пѣхота (лыжники) могла дать только развѣдку ближнюю; мѣстное населеніе (насторы и проч.), напуганное новымъ нашествіемъ „русскихъ варваровъ“, давало, естественно, свѣдѣнія преувеличенныя...

Еще во время отступленія Клингспоромъ были приняты нѣкоторыя организаціонныя мѣры. Такъ, попутно были сформированы сперва 3-я, а затѣмъ 5-я бригады (Саволакская бригада считалась 4-й). Затѣмъ Клингспоръ располагалъ принять оборонительное положеніе, намѣчая своимъ бригадамъ квартирныя раіоны въ окрестностяхъ Улеборга.

Въ такомъ положеніи Клингспоръ рассчитывалъ оставаться до конца зимы, а съ началомъ весны полагалъ воспользоваться перерывомъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, неминуемымъ во время половодья, чтобы пополнить свои силы¹⁾.

По занятіи нами Гамла-Карлебу 30-го марта авангардъ Кульнева²⁾ продвинулся на сѣверъ къ Лохтеа; 3-го апрѣля авангардъ достигъ Васанкари, а главныя силы Тучкова дошли до Калайоки. Здѣсь Тучковъ получилъ донесеніе о томъ, что южнѣ Пюхяйоки находится шведскій арьергардъ. Тучковъ рѣшилъ атаковать; но это уже было выполнено самимъ Кульневымъ. Этотъ смѣлый авангардный начальникъ „со свойственною ему отвагою опрокидывалъ непріятельскіе передовые посты“, настигнувъ шведовъ у селенія Юппери, онъ двинулъ на нихъ (около 3 час. 30 мин. дня) съ фронта пѣхоту съ артиллеріей вдоль большой дороги, а всю конницу съ баталіономъ егерей, подъ командою майора Силина, направилъ черезъ ледъ въ обходъ праваго крыла шведовъ, гдѣ пролегалъ ихъ путь отступленія³⁾.

Покамѣстъ Силинъ обходилъ лѣсистый мысъ, вдающійся въ море, самъ Кульневъ началъ обстрѣливать позицію шведовъ артиллерійскимъ огнемъ, а егеря разсыпались по опушкѣ лѣса. Завязался стрѣлковый бой.

Со стороны шведовъ оборонялась бригада Гриппенберга, который направилъ фонъ-Дебельна съ баталіономъ нюландцевъ дѣйствовать на фронтъ, а другой баталіонъ фонъ-Эссена для предупрежденія

¹⁾ Съ раздробленіемъ на 5 бригадъ 9-ти тысячъ Клингспора войска его, въ сущности, представляли собою *только кадры* (первоначальная численность шведской бригады была около 3 тысячъ человекъ). Позже, весной, эти кадры были пополавлены.

²⁾ Усиленную частью войскъ Тучкова и доведенный до состава 3-хъ баталіоновъ, 6 орудій, 2-хъ эскадровъ и 2-хъ казачьихъ сотевъ—1.000 человекъ.

³⁾ Сухтеленъ ошибочно ставитъ самого Кульнева во главѣ обходной колонны.

обхода справа. Остальные войска (два баталіона) Гриппенбергъ отвелъ по направленію къ Пюхяйоки, но верстахъ въ двухъ за Юпперскимъ мостомъ занялъ позицію, дабы облегчить отступленіе Дебельна и Эссена.

По полученіи донесенія Гриппенберга о боѣ, пылкій Левенгельмъ (начальникъ штаба Клингспора) настаивалъ на томъ, чтобы оказать сопротивленіе русскимъ и добился согласія Клингспора. Адлеркрейцу (бригада котораго была ближайшею) было приказано обходить по льду наше лѣвое крыло, Пальмфельду со своей бригадой—занять крѣпкую позицію у Пюхяйоки. Самъ Левенгельмъ выпросился у Клингспора впередъ для руководства боемъ. Онъ засталъ Гриппенберга на позиціи за мостомъ у деревни Віреть, гдѣ уже вся его бригада сосредоточилась послѣ пятичасового боя. Несмотря на это Левенгельмъ приказалъ продолжать оборону этой тѣснины. Артиллерию расположили для обстрѣливанія дороги, пѣхоту (три баталіона)—цѣпью, впереди и по бокамъ батареи, а сзади—4-й баталіонъ въ резервъ. Кульневъ рѣшительно атаковалъ крѣпкую позицію шведовъ съ фронта; поддержанный огнемъ артиллеріи, подполковникъ Карпенковъ, съ цѣпью стрѣлковъ-егерей, усиленныхъ двумя ротами по крыльямъ, нѣсколько разъ пытался одолѣть шведовъ, но безуспѣшно. По мнѣнію шведскихъ историковъ, бой у Віреть могъ бы быть даже первою побѣдою шведовъ, если бы Клингспоръ, находившійся въ головѣ отступавшей колонны и, слѣдовательно, не знавшій положенія дѣлъ, не отдалъ приказа объ отступленіи. Оно совершилось подъ прикрытіемъ абовцевъ фонъ-Дебельна „отстаивавшихъ каждую пядь земли“. Русскія войска продолжали преслѣдованіе до Пюхяйоки, гдѣ встрѣтили свѣжую бригаду Пальмфельда. Кульневъ и здѣсь продолжалъ дѣйствовать по той же системѣ, т. е. одною колонною съ фронта вдоль дороги, а другою въ обходъ шведовъ справа черезъ ледъ. Последнему движенію шведы попытались противодѣйствовать, пославъ въ контръ-атаку нюландскихъ драгунъ, но безуспѣшно. Во время одной изъ бывшихъ здѣсь кавалерійскихъ схватокъ Левенгельмъ, все время руководившій ходомъ этого *отступленія частями съ боемъ*, попался въ плѣнъ русскимъ фланкерамъ.

Обстоятельство это имѣло весьма существенное значеніе, такъ какъ замѣстителемъ Левенгельма въ роли начальника штаба „финской арміи“ явился Адлеркрейцъ, сдавшій свою бригаду фонъ-Дебельну. Адлеркрейцъ былъ однимъ изъ способнѣйшихъ шведскихъ офицеровъ; пользуясь довѣріемъ Клингспора, онъ пріобрѣлъ вліяніе на всѣ послѣдующія операціи.

Донесеніе Кронстедта о подходѣ сильной непріятельской колонны къ Пулькилла (это была колонна Булатова) заставило Клингспора

нѣсколько видоизмѣнить намѣченное имъ расположеніе своихъ войскъ и придвинуть фронтъ ихъ ближе къ Улеаборгу. При этомъ 2-я и 3-я бригады направлены къ Сіикайоки, а 1-я черезъ ледъ послана на о-въ Карлэ (западнѣе Улеаборга).

Нашъ авангардъ ¹⁾ 5-го апрѣля снова достигъ сторожевой отрядъ шведовъ ²⁾ въ пяти верстахъ южнѣе *Сіикайоки*, у д. Хирваскаари. Егерямъ было приказано выбить шведовъ изъ занятой ими деревни; часть пѣхоты послана была вдоль побережья въ обходъ праваго фланга шведовъ, а конница маіора Силина—еще кружнѣе къ устью рѣки Сіикайоки. Кульневъ все время воспроизводитъ одинъ и тотъ же приемъ атаки, который до сихъ поръ неизмѣнно доставлялъ ему и одинаковый результатъ—отступленіе шведскаго аррьергарда до рѣшительнаго столкновенія.

Начальникъ аррьергарда шведовъ Дебельнъ тотчасъ же пріостановился, поддержалъ своихъ и принялъ ихъ на себя. Приблизившись къ старому руслу рѣки Сіикайоки (которая прежде впадала въ море на нѣсколько верстъ южнѣе) Дебельнъ получилъ приказаніе главнокомандующаго прикрыть переправу всѣхъ сплъ шведовъ черезъ рѣку. Тогда онъ занялъ своею бригадою гребень между обоими руслами рѣки: артилерія на дорогѣ, между пѣхотными цѣпами и на одной высотѣ съ ними; одинъ баталіонъ—непрерывною стрѣлковою цѣпью на краю оврага; за нимъ 3 баталіона въ сомкнутомъ строю, въ шахматномъ порядкѣ, въ видѣ резервовъ.

Кульневъ продолжалъ дѣйствовать по обычной своей системѣ; самъ рѣшительно наступалъ вдоль столбовой дороги, гдѣ вскорѣ занялъ южный берегъ стараго рѣчного русла стрѣлковою цѣпью почти безъ всякихъ поддержекъ, а Турчанинова съ 3-мя баталіонами послалъ черезъ ледъ въ обходъ шведовъ справа; но конфигурація побережья заставила эту колонну, во избѣжаніе слишкомъ кружнаго движенія, снова перейти на твердую землю и такимъ образомъ замѣнить предположенный обходъ простымъ охватомъ. Тѣмъ не менѣе и этотъ охватъ поселилъ тревогу среди шведовъ. Въ шестомъ часу вечера они были сбиты съ позиціи, фланги ихъ загнуты назадъ, а Кульневъ занялъ охватывающее положеніе.

Послѣ пятичасоваго непрерывнаго боя Дебельну, разстрѣлявшему почти всѣ патроны, было приказано отойти на сѣверный берегъ рѣки (гдѣ уже располагались для обороны остальные двѣ бригады ³⁾), а затѣмъ и далѣе, къ Луміоки.

¹⁾ Доведенный уже до 2.200 человекъ.

²⁾ Около 100 человекъ пѣхоты съ 1 орудіемъ и нѣсколькими драгунами.

³⁾ Онѣ были возвращены съ пути Адлеркрейцгома и прибыли сюда не ранѣе 5—6 ч. пополудни.

По полученіи Адлеркрейцомъ перваго донесенія Дебельна, онъ обратилъ особое вниманіе на стремленіе русскихъ дѣйствовать обходою справа, черезъ ледъ. Кавалерійская развѣдка въ этомъ направленіи выяснила сосредоточеніе русской конницы на залпвѣ, близъ входа въ устье рѣки Сінкайоки. Это была конница маіора Сплина, выжидавшая подходящаго мгновенія, чтобы вступить въ дѣло; оно не замедлило представиться, когда войска Дебельна переправлялись черезъ рѣку. Силинъ атаковалъ ихъ тотчасъ во флангъ, но Адлеркрейцъ, заблаговременно предвидя возможность такой атаки, расположилъ здѣсь заранѣе своихъ 3 эскадрона. Однако, наши гусары и казаки ихъ сбили и только огонь егерей и артилеріи съ сѣвернаго берега рѣки заставилъ ихъ отступить.

Тѣмъ временемъ обѣ возвращенныя назадъ бригады шведскихъ главныхъ силъ развернулись, 1-я къ сѣверу, а 3-я—къ югу отъ столбовой дороги. Боевой порядокъ состоялъ изъ цѣпей, разсыпанныхъ по краю рѣчного берега, вдоль всего фронта, на одной высотѣ съ артилеріей, а сзади ихъ — сомкнутыхъ частей, въ ряду которыхъ оказались и вышеупомянутые три эскадрона кавалеріи; эти сомкнутыя части имѣли значеніе частныхъ резервовъ. Что-же касается общаго резерва, то въ роли его оказывался теперь аррьергардъ Дебельна, отошедшій къ Луміоки. Общее протяженіе фронта позиціи простиралось до 2.250 шаговъ; обстрѣлъ не превышалъ 450 шаговъ.

Какъ только Дебельнъ очистилъ свою позицію на лѣвомъ берегу рѣки, наши войска продвинулись безотлагательно впередъ и заняли этотъ берегъ. Турчаниновскіе егеря успѣли даже поддержать огнемъ атаку конницы Силина. И Турчаншновъ, и Кульневъ, оба разсыпали свою пѣхоту цѣликомъ, почти безъ всякаго резерва, причѣмъ растянулись болѣе, чѣмъ на 3.500 шаговъ, стараясь занять охватывающее положеніе. Артиллерія заняла высоту у кирки; но у Кульнева были только легкія пушки полковой артиллеріи; шведы же имѣли 6-ти фунтовки—естественно они скоро заставили замолчать нашу батарею.

Кульневъ, который отъ головы до пятъ проникнутъ былъ Суворовскимъ духомъ „наступательнаго“, рѣшилъ попытаться охватить лѣвый флангъ непріятели и перекинулъ съ этою цѣлью черезъ рѣку послѣднія двѣ роты; сперва маневръ какъ будто удался, но частный резервъ шведскаго лѣваго фланга занялъ опушку у д. Термэлэ и остановилъ охватъ. Уже Адлеркрейцомъ былъ отданъ (въ виду поздняго времени и утомленія людей) приказъ объ отступленіи; но видя чрезмѣрно растянутое расположеніе нашего авангарда, онъ рѣшилъ прорвать его центръ. Съ этою цѣлью онъ назначилъ нюлацскихъ и тавастгусскихъ егерей, съ приказаніемъ штурмовать село Сінкайоки, энергично обстрѣливаемое 6 фунтовками. Егеря бросились въ атаку

разсыннымъ строемъ, поддержанные 2-мя сомкнутыми ротами. Шведамъ удалось отодвинуть нашъ центръ только до Гертулы. Одновременно съ тѣмъ 2 роты посланы были Адлеркрейцемъ противъ русскихъ стрѣлковъ, обошедшихъ шведскій лѣвый флангъ.

Несмотря на упорное сопротивление русскихъ, „оборонявшихся съ великою храбростью“, какъ свидѣлствуютъ шведскіе историки, Кульневу пришлось отойти назадъ (см. черт. №№ 3 4).

Сикайокское дѣло прославляется шведами, какъ первая ихъ побѣда. Современники сравнивали его (пишутъ наши историки этой войны, Сухтеленъ и Данплевскій) съ побѣдами грековъ подъ Мараономъ или Мантинеей, а также Бонапарта при Маренго. Нечего и говорить, въ какой степени это преувеличено. Нынѣшніе шведскіе историки нѣсколько скромнѣе въ своей оцѣнкѣ. Они считаютъ, что тактическій успѣхъ не принесъ шведамъ никакой стратегической выгоды—такъ какъ они продолжали отступление—если не считать выясненія слабости своихъ преслѣдователей; съ этой точки зрѣнія Сикайокскій бой сыгралъ какъ бы роль усиленной развѣдки, причемъ добытыя имъ данныя имѣли результатомъ капитальный поворотъ въ положеніи сторонъ. Одержанный на полѣ битвы успѣхъ, однако, приободрилъ шведовъ, а послѣ Револакса духъ ихъ воспрянулъ окончательно.

Изъ хода самого боя замѣтно выдѣляется тактическое превосходство нашихъ войскъ. Чтобы одолѣть двухтысячный авангардъ Кульнева, отчаянно дравшійся безъ всякихъ резервовъ, шведамъ пришлось ввести въ дѣло болѣе чѣмъ втрое большее количество войскъ (6.300 человекъ). Кульневъ, слабѣйшій, все время атакуетъ, все время держитъ въ своихъ рукахъ инициативу, кромѣ послѣдняго эпизода боя—контръ-атаки шведовъ противъ центра. Кульневъ, слабѣйшій, способенъ вести десять часовъ подрядъ бой всѣми силами безъ всякой смѣны; у шведовъ аррьергардъ Дебельна выдохся уже черезъ пять часовъ, хотя имѣлъ непосредственно за собою свѣжія части, а наши главные силы были въ одномъ переходѣ позади Кульнева и, какъ оказалось, не шли на поддержку своему авангарду.

„Храбрый вопль, но не стратегіею“, аттестуетъ Кульнева Мпхайловскій-Данилевскій, ставя ему въ упрекъ Сикайокское дѣло, въ которомъ онъ „не соразмѣрялъ своихъ силъ съ силами непріятеля“.

Въ данномъ случаѣ упрекъ, какъ намъ кажется, направленъ не по тому адресу. Кульневъ, положимъ, дѣйствительно не способенъ былъ „мудрствовать лукаво“ и бралъ больше отвагою,—„быстротою“ и „напискомъ“ безъ „глазомѣра“—но въ данномъ случаѣ, казалось бы, онъ имѣлъ полное основаніе рассчитывать на поддержку Тучкова. Послѣдній, находясь со своими главными силами у Брагестада, т. е.

всего въ одномъ переходѣ отъ Сикайоки, свободно могъ подоспѣть къ концу боя съ остальными 3 тысячами. А тогда исходъ столеновенія, а слѣдовательно и *впечатлѣніе* его—могли быть совершенно пными. Вопросъ другой—насколько вообще правильно было столь энергично тѣснить шведовъ слабымъ отрядомъ Тучкова, не имѣя позади приближающихся резервовъ; но это уже зависѣло не отъ волн частныхъ начальниковъ....

Какъ упомянуто въ началѣ этой главы, отряду Булатова, первоначально оставленному близъ Куопіо¹⁾, было приказано продолжать движеніе во слѣдъ отступавшему Кронстедту на Улеборгъ; этимъ преслѣдовалась все та же идея, „выйти въ тылъ Клингспоръ“. Но, подойдя къ Пулькпла (5 апрѣля), Булатовъ получилъ приказаніе Тучкова свернуть отъ Франтсилы на Револаксъ, для содѣйствія наступленію своихъ главныхъ силъ по береговой дорогѣ. Осторожный Тучковъ опасался дѣйствовать рѣшительно противъ превосходнаго непріятели и вторично рѣшился взять на себя измѣнить полученное свыше распоряженіе, стремясь все время къ сосредоточенію своихъ силъ. Это новое его уклоненіе отъ исполненія приказаній, безъ испрошенія на этотъ разъ даже одобренія начальника, вызвало со стороны Буксгевдена большое неудовольствіе.

Поворотнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ событій войны, послѣ котораго успѣхъ переходитъ на сторону шведовъ, явилось незначительное само по себѣ, но весьма важное по своимъ послѣдствіямъ дѣло при Револаксѣ.

Движеніе Булатова отъ Пулькпла черезъ Виханти къ линіи рѣки Сикайоки было фланговымъ по отношенію къ Кронстедту, находившемуся у Франтсилы менѣе чѣмъ въ 20 верстахъ.

Стратегическая обстановка въ эти дни (8-го и 9-го апрѣля) сложилась для шведовъ весьма выгодно. Кронстедтъ съ двумя бригадами отъ Франтсилы, вполне освѣдомленный о передвиженіи русскихъ, могъ разбить ихъ отдѣльно на маршѣ, а затѣмъ ударить во флангъ Тучкову совмѣстно съ Клингспоромъ, который перешелъ бы въ наступленіе съ фронта. При такомъ оборотѣ дѣла судьба незначительныхъ силъ Тучкова, завлеченныхъ преслѣдованіемъ до крайнихъ предѣловъ страны, могла быть плачевной.... Но шведы не могли отрѣшиться отъ тяготѣвшаго надъ ними духа „пассивности“. Кронстедтъ, получившій приказаніе „оборонять Франтсилу“, буквально его и исполнилъ, послѣ чего былъ снова притянутъ на сѣверъ; Клингспоръ тоже

---

¹⁾ Куда былъ перемѣщенъ выдѣленный Тучковымъ еще въ началѣ небольшой отрядъ Обухова (1 баталіонъ съ 3-мя орудіями), который раньше былъ направленъ къ Хейнола для связи съ Вагратіопомъ, а теперь возвращенъ и въ данный моментъ, задержанный слѣдовавшими съ нимъ артилерійскими и продовольственными запасами, находился около Нипола (1 переходъ южнѣ Пулькпла).

не сдѣлалъ никакихъ активныхъ распоряженій, озабоченный единственно тѣмъ, чтобы обезпечить себя со всѣхъ сторонъ отъ возможныхъ покушеній врага. Несмотря на тактическій успѣхъ подъ Сивайоки, онъ не только далъ Кульневу свободно отойти на главные силы, но и самъ отступилъ назадъ въ Луміоки, а Кронстедта оттянулъ въ Теммесъ. Сандельсъ занималъ по прежнему острова Карлэ и Улеосало западнѣе Улеаборга.

Въ указанномъ положеніи шведы оставались до 13-го апрѣля, когда ими получены были свѣдѣнія о томъ, что непріятельскій отрядъ силою въ 2¹/₂ тыс. человекъ съ 6-ю орудіями¹⁾ прошелъ Виханти и направился къ Револаксу, новидимому, для соединенія съ Тучковымъ. Это и былъ Булатовъ, который 12-го²⁾ подошелъ къ Револаксу; но здѣсь остановился, прикрывая (въ видѣ бокового авангарда), расположеніе Тучкова у Брагестада со стороны шведовъ; послѣдніе, занимая Теммесъ, Лиминго и Луміоки, имѣли возможность по зимней дорогѣ отъ Лиминго выйти кратчайшимъ путемъ прямо къ Брагестаду, минуя авангардъ Кульнева, стоявшій у Сивайоки. Такимъ образомъ, отрядъ Булатова, подойдя къ Револаксу, оказался *ближайшею къ непріятелю* группою нашихъ войскъ.

Несмотря на свое опасное положеніе³⁾, требовавшее полной бдительности и, главное, зоркаго наблюденія къ сторонѣ противника, Булатовъ расположилъ свой отрядъ по квартирамъ, да еще весьма разбросано; самъ со штабомъ и 1 баталіономъ Могилевскаго полка занялъ пасторатъ; подполковника Медосытова съ мушкетерскимъ баталіономъ пермцевъ расположилъ на другомъ берегу рѣки кругомъ вкрѣп, а другой баталіонъ (гренадерскій) съ командиромъ полка, генераль-майоромъ Грануальтомъ въ главѣ, размѣщенъ былъ по отдѣльнымъ дворамъ верстахъ въ 2-хъ сѣвернѣе пастората; туда отряжено было 1 орудіе, а 3 остальныхъ поставлены на вершинѣ у пастората.

Ни Тучковъ отъ Брагестада, ни Булатовъ отъ Револакса, не озаботились установленіемъ взаимной между собою связи, несмотря на то, что ихъ раздѣляло разстояніе до 18-ти верстъ, т. е. примѣрно такое же, какъ отъ Револакса до ближайшей непріятельской группы (Лиминго); не было связи и съ авангардомъ Кульнева, который находился тоже не болѣе какъ въ одномъ переходѣ.

¹⁾ Отрядъ Булатова состоялъ изъ: баталіона Могилевскаго полка, 2-хъ бат. Перискаго, 4-хъ орудій, 2-хъ взводовъ Гродненскаго гусарскаго полка и полусотни казаковъ; всего не болѣе 1.500 чел., по Михайловскому-Данилевскому; Сухтеленъ (стр. 30) полагаетъ его въ 2.500 чел.

²⁾ Т. е. пройдя въ 5 дней около 75 верстъ.

³⁾ Характерно, что даже въ нашей главной квартирѣ не видѣли этой опасности; по крайней мѣрѣ Буксгевденъ въ своемъ военномъ журналѣ писалъ: «12-го апрѣля отрядъ Булатова пришелъ въ Револаксъ, черезъ что вся дивзія *уже сосредоточилась*».

Отрядъ Гранаульта стоялъ какъ разъ въ узлѣ дорогъ: а) на Сипкаюскъ, т. е. связующей Булатова съ авангардомъ Кульнева, и б) на Луміюки, гдѣ сосредоточена была главная масса шведскихъ войскъ (1-я, 2-я и 3 бригады, 5-я придвинута была къ Лиминго, а 4-я отошла къ Теммесъ). Къ сторонѣ противника выставлены были заставы („дикеты“), охранявшія дороги на Луміюки, Лиминго и Пааволу. На южной дорогѣ передовыя части продвинулись до Лунги (болѣе 3-хъ верстъ отъ кирки), на сѣверной—до Кеттуненъ (въ такомъ же, примѣрно, разстояніи). Какой либо развѣдки къ сторонѣ противника организовано не было; только къ вечеру 14-го (26-го) апрѣля, на вторыя сутки пребыванія здѣсь Булатова, онъ послалъ на Пааволу (т. е. только на югъ), летучій отрядъ Леонтьева для опредѣленія, не заняты ли этотъ пунктъ непріателемъ.

Клингспоръ, убѣждаемый Адлеркрейцемъ, рѣшилъ, наконецъ, перейти въ наступленіе и составилъ слѣдующій планъ: броситься сперва на Булатова, разбить его, а затѣмъ уже послѣдовательно обратиться противъ Тучкова и Кульнева.

Онъ рѣшилъ захватить врасплохъ Булатова, атаковавъ его еще до разсвѣта. Самый планъ нападенія былъ таковъ. Кронстедтъ со своею бригадою ¹⁾ отъ Теммесъ долженъ былъ ударить противнику во флангъ и тылъ черезъ Паавола и, въ случаѣ удачи—продолжать движеніе къ Брагестаду противъ Тучкова, стараясь въ то же время отрѣзать отступленіе Кульневу. Для облегченія этого главнаго удара Адлеркрейцъ (съ 1 баталіономъ) намѣренъ былъ отъ Луміюки атаковать лѣвое крыло русскихъ. Вмеѣстѣ съ тѣмъ Клингспоръ намѣревался отвлечь вниманіе Кульнева наступленіемъ къ Сипкаюки.

Въ 3 часа утра (еще до наступленія разсвѣта), Адлеркрейцъ былъ обнаруженъ нашими постами у Кеттуненъ и рѣшилъ начать бой, въ расчетѣ, что Кронстедтъ скоро подоспѣетъ. Въ темнотѣ завязалась перестрѣлка въ лѣсу южнѣ поселка; наши отходили, пока не были поддержаны ближайшими ротами пермскихъ гренадеръ. Въ концѣ концовъ Адлеркрейцъ, преждевременно начавшій столкновеніе, къ 7-ми часамъ утра былъ отбитъ съ большими потерями и отступилъ въ увѣренности, что все предпріятіе рушилось. Булатовъ считалъ уже дѣло оконченнымъ, какъ ему донесли о появленіи сильной шведской колонны со стороны Паавола (донесеніе прислано Леонтьевымъ). Это наступалъ Кронстедтъ, подробно извѣщенный мѣстными жителями о расположеніи русскаго отряда ²⁾. Булатовъ послалъ квартирмейстерской части капитана Соснина выяснить положеніе дѣлъ на

¹⁾ Усиленную частью войскъ отъ Луміюки, всего до 4 тыс. человекъ. Бригада Сандельса въ это время была двинута въ Куоію.

²⁾ Мѣстный дьячекъ начертилъ ему въ Паавола на столѣ мѣломъ карту окрестностей Ревозакса съ показаніемъ размѣщенія русскихъ.

южномъ фронтѣ. Соснивъ вскорѣ донесъ, что шведы уже переходятъ черезъ рѣку всего въ двухъ верстахъ южнѣе пастората, причемъ летучій отрядъ Леонтьева, соединившись съ южными пикетами, пытается ихъ задержать. Булатовъ захватилъ пѣхотную позицію частью у селенія Пентилиа, частью у Револакской кирки, приказавъ артилеріи (отъ пастората) обстрѣливать долину рѣки. Резервъ (3 роты Могилевскаго полка и 1 рота Пермскихъ гренадеръ)—расположенъ былъ у пастората. Остальныя три гренадерскія роты съ однимъ орудіемъ оставлены (подъ начальствомъ генераль-маіора Гранаульта) на прежней позиціи для обезпеченія пути на Сіпкаіоки (черт. № 5).

Кронстедтъ, отгнѣснивъ нашу заставу и подойдя къ перекрестку дорогъ, южнѣе Пентилиа, получилъ съ лыжникомъ сообщеніе Адлервейца объ исходѣ его атаки и предложеніе „дѣйствовать по собственному усмотрѣнію“. Онъ раздѣлилъ свои силы на 2 равныя колонны: правую (4 баталіона, 2 орудія), и лѣвую (4 баталіона, 2 орудія). Первая колонна была направлена черезъ лѣсъ на кирку для атаки съ фронта; вторая вдоль рѣки для удара во флангъ (при ней находился самъ Кронстедтъ). Лѣвая колонна шведовъ отгнѣснила Леонтьева къ Пентилиа, гдѣ встрѣтила болѣе упорное сопротивленіе; тѣмъ не менѣе шведамъ удалось сбить нашу пѣхоту на одну высоту съ церковью, гдѣ въ это время отдѣленная туда рота вела жаркій бой съ правою шведскою колонною. Послѣдняя раздѣлилась; два баталіона съ фронта, а въ обходъ лѣваго фланга 2 драгунскихъ (спѣшенныхъ) баталіона, которые угрожали пути на Сіпкаіоки. Булатовъ, имѣя въ своемъ распоряженіи почти втрое слабѣйшія противъ непріятеля силы ¹⁾, продолжалъ мужественно сопротивляться. „Сколько отъ надѣянія на храбрость войскъ російскихъ, столько и отъ пренебреженія къ непріятелю, хотѣлъ онъ удержаться на своемъ постѣ“ ²⁾, хотя, по условіямъ обстановки, такое упорство нельзя признать умѣстнымъ ³⁾.

Овладевъ, наконецъ, позиціей у кирки (передовой пунктъ) шведы начали переходить рѣку и обходить съ сѣвера главную позицію Булатова у пастората, въ то время, какъ южная колонна Аминова энергично гнѣснила насъ справа. Продолжая, несмотря на жестоую мятежь, отбивать всѣ атаки, Булатовъ послалъ Гранаульту приказаніе ударить въ тылъ обходящимъ съ сѣвера шведамъ. Но Аминовъ двинулъ свои резервы черезъ дворъ Вирзу и предотвратилъ (2 баталіона) эту опасность; войска же Гранаульта въ полномъ разстройствѣ бросились черезъ лѣсъ къ Сіпкаіоки, потерявъ свое орудіе ⁴⁾. Положеніе Булатова (къ тому же въ то время раненаго) стало близкимъ къ

¹⁾ Ослабленныя еще отдѣленіемъ отряда Гранаульта.

²⁾ Изъ донесенія Тучкова Вуксгендену отъ 16-го апрѣля № 80.

³⁾ Револакскій бой въ этомъ отношеніи отчасти напоминаетъ Тюренченъ.

⁴⁾ За это г.-м. Гранаультъ былъ преданъ суду.

критическому; у него остался въ рукахъ только баталіонъ гренадеръ (Могилевскаго полка) и 1 рота пермцевъ, истощенные жестокими потерями. Произошло это потому, что войска, отступившія съ южнаго фронта (баталіонъ Медосытова съ подкрѣпленіями), которыя должны были остановиться уступомъ за правымъ флангомъ позиціи у пастората, заблудились вслѣдствіе мятели и совершенно покинули поле сраженія. Обруженный со всѣхъ сторонъ (ибо шведы уже перехватили и путь на Брагестады) Булатовъ, отвергнувъ сдѣланное шведами предложеніе сдаться, „рѣшился исполнить послѣдній долгъ чести, русскому солдату приличный“ (изъ его донесенія Тучкову отъ 18-го апрѣля). Онъ ¹⁾ рѣшилъ пробиться, и давъ послѣдній залпъ изъ своихъ орудій, только успѣлъ съѣсть верхомъ и скомандовать „въ штыки“, какъ упалъ сраженный пулею въ грудь. „Тогда“, какъ пишетъ самъ Булатовъ (его записки въ Русской Старинѣ 1874 г.), „мужество „оставило многихъ и все приняло другой видъ: лучшіе офицеры и „солдаты были убиты, ранены или взяты въ плѣнъ, а остальные „нашли способъ черезъ лѣсъ и безъ дороги пройти къ дивизіи“. Послѣдніе защитники позиціи, въ числѣ 487 человекъ, попали въ руки врага вмѣстѣ съ раненымъ начальникомъ отряда, тѣ же части, которыя благополучно вышли изъ свалки и заранѣе оставили бой, „покинувъ своихъ товарищей“ ²⁾, успѣли присоединиться къ Тучкову.

Бросается въ глаза безнечность Булатова, простоявшаго двое сутокъ на мѣстѣ безъ всякихъ свѣдѣній о противникѣ, при томъ разбросанно, по квартпрамъ. Посылка летучаго отряда Леонтьева къ Шавола явилась уже запоздалой; но во всякомъ случаѣ, однако, донесеніе о движеніи съ юга сильной колонны шведовъ доставлено было достаточно своевременно, чтобы успѣть очистить опасную позицію и отойти на своихъ. Затѣмъ Булатовъ обезпечиваетъ путь отступленія на Сінкаюки, т. е. не къ главнымъ силамъ Тучкова, а къ авангарду Кульнева. По существу оба отряда (Кульнева и Булатова) являлись авангардами по отношенію къ отряду Тучкова; и очевидно, Булатову естественнѣе и безопаснѣе было отходить на Брагестады, по имѣвшейся прямой зимней дорогѣ. Если бы у Булатова не было тяготѣнія къ Сінкаюки, то ему не пришлось бы отдѣлять отрядъ Гранаульта и вести бои разрозненными силами, все время опасаясь за путь отступленія, отходящій отъ фланга параллельно фронту. Онъ имѣлъ бы, наоборотъ, всѣ силы сосредоточенными и, въ случаѣ натиска превосходныхъ силъ, спокойно отошелъ бы къ Брагестаду.

Та же предвзятая и невѣрная мысль, господствуя все время надъ Булатовымъ, отражается и на всѣхъ его распоряженіяхъ во время

¹⁾ Подобно полк. Лайминъ, подъ Тюррененомъ.

²⁾ Михайловскій-Данилевскій, стр. 89.

боя. Онъ все время придаетъ гораздо больше значенія войскамъ шведовъ, обходящимъ его съ сѣвера, нежели дѣйствующимъ съ юга, тогда какъ именно здѣсь могли отрѣзать ему путь отступленія на соединеніе съ Тучковымъ. Онъ самъ руководитъ боемъ на восточномъ и сѣверномъ фронтѣ, а на южномъ оставляетъ Медосытова, который, въ сущности, правильнѣе его рѣшаетъ задачу, такъ какъ своевременно выводитъ свои войска изъ боя. Разумѣется, поведеніе Медосытова, отступившаго безъ приказанія своего начальника, результатомъ чего была сдача Булатова, не имѣетъ за собою никакого оправданія; но мы хотимъ лишь сказать, что Булатову надлежало со всѣми силами поступить точно также: вѣдь, въ сущности, удержаніе Револакской позиціи во что бы то ни стало не имѣло для насъ полезнаго значенія. Гораздо важнѣе было бы сохраненіе въ цѣлости войскъ Револакского отряда, при общей слабости нашихъ силъ.

У шведовъ успѣхъ, можно сказать заранѣе предрѣшенный въ виду тройного превосходства силъ и внезапности нападенія—достался имъ не особенно дешево. Демонстративная атака Адлеркрейца и главный ударъ Кронстедта не были согласованы. Преждевременная атака Адлеркрейца, въ сущности, не принесла никакой пользы, и только предвзятая идея Булатова объ отступленіи въ Сикайокки помѣшала ему своевременно притянуть Гранаульта на главную позицію. Почему Адлеркрейцъ послѣ неудачной атаки не вошелъ въ связь съ Кронстедтомъ и не оказалъ ему содѣйствія новою атакою, которая увеличила бы успѣхъ шведовъ, такъ какъ, быть можетъ, преградила бы отступленіе Гранаульту? На это источники не даютъ отвѣта. Что касается Кронстедта, то обращаетъ на себя вниманіе равномерное распредѣленіе имъ силъ по всему фронту атаки, причемъ въ важнѣйшемъ направленіи (въ обходъ праваго нашего крыла, на путь къ Брагестаду) выходило всего два баталіона ($\frac{1}{4}$ силъ); остальное направлено было на фронтъ позиціи и въ обходъ лѣваго крыла, на перерѣзъ пути, ведущему на Сикайокки. Благодаря этому большая часть отряда Булатова благополучно ускользнула.

Вообще исходъ Револакского боя для насъ оказался гораздо болѣе благополучнымъ, чѣмъ могло бы быть, если бы шведскіе военачальники дѣйствовали согласнѣе, держали между собою связь и вѣрнѣе направили главный ударъ: тогда тактическое окруженіе и полный плѣнъ могли быть удѣломъ всего полуторатысячнаго отряда Булатова, если бы онъ своевременно не очистилъ Револакской позиціи.

И это должно было быть лишь увертюрой къ дальнѣйшимъ актамъ операціи, ударамъ противъ Тучкова и Кульнева... Но столь смѣлый такъ сказать, „Бонапартовскій“ планъ, очевидно, былъ по плечу и гениальному исполнителю. Въмѣсто того, чтобы использовать добытый

успѣхъ, Клингспоръ бездѣйствовалъ; упоенные даже и тою побѣдою, которая имъ досталась, шведы какъ говорится, почили на лаврахъ, Клингспоръ не выполнилъ намѣченной атаки противъ Кульнева и, вмѣсто задуманнаго послѣдовательнаго разгрома трехъ группъ непріятеля, устроилъ ему „золотой мостъ“.

Положимъ, Револакскій бой и такъ имѣлъ для насъ весьма неблагоприятныя послѣдствія. Вмѣсто задуманнаго Буксгевденомъ захвата Улеаборга, Тучьову пришлось немедленно отступать на югъ, причѣмъ движеніе Клингспора по параллельному пути (зимняя дорога Револаксъ—Виханди—Оулайсъ) заставило его, подъ угрозой обхода, отойти вплоть до Гамле-Карлебу, т. е. на 150 в. къ югу. Здѣсь отступление прекратилось, такъ какъ началось весеннее половодье, прервавшее всякія операціи на три недѣли. Такимъ образомъ, матеріальный успѣхъ шведовъ выразился въ сокращеніи размѣровъ захваченной русскими части финляндской территоріи: живая же сила непріятеля осталась почти нетронутой.

Гораздо важнѣе были послѣдствія моральныя. Револакскій бой, хотя и раздутый сильно шведами (за это дѣло Клингспоръ, не принимавшій въ немъ участія, сдѣланъ фельдмаршаломъ, и всѣ офицеры награждены), поднялъ, однако, весьма значительно духъ нашихъ противниковъ. Но особенно существенно было вліяніе этого боя на настроеніе жителей. Населеніе, побуждаемое прокламаціями, присланными изъ Стокгольма, повсюду поднялось. *Началась народная война.* Наконецъ, поползновенія нѣкоторыхъ шведскихъ офицеровъ финляндскаго происхожденія покинуть службу, побуждаемыхъ къ тому прокламаціями Буксгевдена, подъ опасеніемъ отобранія боселей, разомъ прекратились: всѣ офицеры остались въ рядахъ шведскихъ войскъ.

Непосредственнымъ послѣдствіемъ Револакскаго боя было пораженіе отряда Обухова, который съ 3-мя ротами и 3-мя орудіями двигался изъ Куопіо во слѣдъ Булатову, прикрывая обширный артилерійскій и продовольственный транспортъ (черт. 6).

Отрядъ состоялъ первоначально изъ трехъ ротъ Могилевскаго полка съ 3-мя орудіями и небольшого числа казаковъ. Но, еще до Револакса, Обуховъ получилъ предписаніе Тучьова выдѣлить два орудія подъ хорошимъ прикрытіемъ на присоединеніе къ дивизіи. Отправлена была рота капитана Сербина съ двумя орудіями и, такимъ образомъ, въ распоряженіи Обухова осталось всего 2 роты и одно орудіе. Кромѣ этого небольшого отряда, къ тому же прикрывавшаго транспортъ, въ Саволакскомъ районѣ всего на всего оставались: одна рота Могилевскаго полка въ С. Мпхелѣ и Рауталампи для службы по прикрытію транспортовъ; двѣ роты Вильманстранд-

скаго гарнизоннаго баталіона, одна въ С. Михелъ и другая въ Варкаусъ и небольшой гарнизонъ въ Куошіо, около 200 человекъ, не считая раненныхъ и больныхъ.

Одновременно съ наступленіемъ въ Револаксу, графъ Клингспоръ направилъ только что сформированную (выдѣленіемъ изъ другихъ частей, съ присоединеніемъ подерѣпленій) 5-ю бригаду полковника Сандельса изъ окрестностей Улеборга на югъ ¹⁾. 18-го апрѣля Сандельсъ находился еще въ Франтсилъ и первоначально имѣлъ оборонительную задачу—прикрывать лѣвый флангъ Клингспора со стороны Саволакса, гдѣ предполагалось, что у насъ должны быть оставлены все же заслуживающія вниманія силы. Когда же до свѣдѣнія Сандельса, черезъ мѣстныхъ жителей, дошло о пребываніи въ Пулкилла отряда Обухова съ его транспортомъ, онъ испросилъ у Клингспора разрѣшеніе произвести на этотъ отрядъ нечаянное нападеніе въ цѣляхъ не допустить его присоединенія къ Тучкову.

Сандельсъ рѣшилъ произвести ночной маршъ и на разсвѣтѣ внезапно появиться передъ противникомъ и атаковать его съ фронта. Тѣмъ временемъ отрядъ подполковника Фаландера (около 500 чел.), высланный еще съ утра наканунѣ по лѣсной труднопроходимой дорогѣ долженъ былъ, около 2 часовъ пополудни на слѣдующій день, выйти южнѣ Пулкилла на путь отступленія Обухова. Фаландеру приказано было, предварительно захвативъ всѣ дороги, атаковать съ тыла только тогда, когда самъ Сандельсъ уже завяжетъ бой на фронтѣ. Такимъ образомъ, замышлялось полное окруженіе нашего слабаго отряда.

Кирка Пулкилла расположена на восточномъ берегу притока рѣки Сінкайоки. Мѣстность кругомъ нея открыта шаговъ на пятьсотъ; дворъ Паккала занимаетъ посреди этой прогалины командующую высоту, частью поросшую лѣсомъ. Здѣсь именно, по полученіи извѣстія о приближеніи шведовъ, и расположилъ на позиціи свой отрядъ Обуховъ, выславъ передовыя заставы въ направленіи къ Пулкилла.

Намѣченный Сандельсомъ планъ атаки не могъ быть осуществленъ въ полной мѣрѣ, такъ какъ колонна Фаландера, по причинѣ глубокаго снѣга, не имѣла возможности совершить намѣченное кругное обходное движеніе. Поэтому она направилась черезъ Пулкилльскій пасторатъ прямо на правый флангъ нашей позиціи и, выждавъ около часа, въ условленное время, черезъ глубокіе сугробы бросилась въ атаку разсыпнымъ строемъ.

Одновременно атаковалъ и Сандельсъ съ фронта, поддержанный сильнымъ огнемъ артилеріи. Завязался упорный, неравный бой, продолжавшійся болѣе четырехъ часовъ. Двѣ роты съ однимъ орудіемъ

¹⁾ Силы бригады Сандельса въ это время были ослаблены на половину нормальнаго состава (до 1.500 чел.), оставленіемъ особаго гарнизона въ Улеборгѣ.

отчаянно отбивались противъ свыше полутора тысячъ шведовъ, при 6 орудіяхъ, поддержанныхъ толпами вооруженныхъ крестьянъ, присоединившихся все время къ Сандельсу при его наступленіи. При помощи знающихъ всѣ мельчайшія тропинки мѣстныхъ жителей, войска Фаландера пробирались лѣсною чащею все дальше и дальше къ востоку и, наконецъ, совершенно окружили Обухова, у котораго болѣе половины людей было перебито; самъ онъ былъ тяжело раненъ въ ногу пулею и картечью въ правый бокъ. Только уступая численному превосходству и видя полную невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, Обуховъ рѣшился сдаться.

По шведскимъ источникамъ, при Пульвилла взято въ плѣнъ 6 офицеровъ (въ томъ числѣ самъ Обуховъ), 18 унтеръ-офицеровъ и 260 рядовыхъ, изъ нихъ около 50 раненыхъ. Кромѣ того, взято 1 знамя и 1 орудіе. По русскимъ источникамъ, потери Обухова убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ не превысили 180 нижнихъ чиновъ и 4 раненыхъ офицеровъ; орудіе было заклепано и брошено въ воду, а въ руки непріятеля достались всѣ транспорты, 4 патронныхъ ящика и часть артилерійскаго парка. Что же касается до капитана Сербина съ его ротой и двумя орудіями, то, онъ благополучно проскользнулъ проселочными дорогами и 20-го апрѣля присоединился къ Тучкову, несмотря на что, то все время былъ окруженъ цѣпью непріятельскихъ разъѣздовъ ¹⁾.

Безпокоясь о судьбѣ отряда Обухова послѣ пораженія Булатова, Тучковъ послалъ къ нему рядъ ординарцевъ и разъѣздовъ, чтобы предупредить его и вернуть обратно въ Куопіо. Но ни одинъ изъ этихъ посланныхъ не могъ достигнуть цѣли, такъ какъ вся мѣстность между Тучковымъ и Булатовымъ кишѣла непріятелемъ.

Пораженіе Обухова открыло Сандельсу свободный путь къ центру Саволаккаго района и онъ усиленными маршами двинулся къ Куопіо, встрѣчаемый восторженно населеніемъ, какъ избавитель отъ русскихъ.

---

¹⁾ За этотъ подвигъ капитанъ Сербинъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ.

ГЛАВА VI.

Дѣйствія подъ крѣпостями.

Состояніе крѣпости Свеаборга.—Его задача по королевской инструкціи 3-го февраля.— Наши предположенія о дѣйствіяхъ противъ Свеаборга.—Мѣры «стѣскенія». «Золотой порохъ». —Разлагающіе элементы.—Конвенція 22 апрѣля.—Распоряженіи Императора Александра I.—Настроеніе гарнизона.—Капитуляція.—Паденіе Свартгольма.—Выводы.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію дѣйствій нашихъ на южномъ фронтѣ, завершившихся капитуляціей обѣихъ шведскихъ крѣпостей Свеаборга и Свартгольма, необходимо дать хоть краткое понятіе о назначеніи этихъ сооружений, ихъ состояніи и свойствахъ. Это позволитъ намъ точнѣе оцѣнить тѣ выгоды, которыя мы приобрѣли со времени перехода названныхъ крѣпостей въ наши руки.

Какъ уже было упомянуто, Свеаборгъ былъ сооруженъ по мысли Августина Эренсверда, который и былъ его строителемъ. Эренсвердъ находилъ, что „никакой непріятель не въ состояніи утвердиться въ краѣ, пока не завладѣлъ Гельсингфорсомъ“, оставленіе котораго въ тылу считалъ „маловѣроятнымъ“, а взятіе „сопряженнымъ съ большими затрудненіями“. Но мы уже знаемъ, что Эренсвердъ совершенно не предвидѣлъ возможности зимней кампаніи, а затѣмъ — предлагалъ крѣпость сухопутно-морскую, образовавъ не только убѣжище для флота, но и надежный плацдармъ для сухопутной арміи.

Въ дѣйствительности, заложенный въ 1747 г. Свеаборгъ, обошедшійся Швеціи за 20 лѣтъ непрерывнаго строительства свыше 7-и милліоновъ рублей, въ 1808 году не могъ считаться оконченнымъ, не говоря о томъ, что выстроены были только приморскія укрѣпленія, а Гельсингфорсъ со стороны суши не былъ защищенъ вовсе.

Будучи предназначенъ для борьбы съ флотомъ, Свеаборгъ имѣлъ наиболѣе сильныя верки къ сторонѣ моря. Поэтому въ зимнее время онъ былъ гораздо болѣе подверженъ штурму, чѣмъ въ періодъ навигаціи. Это видимо сознавалось шведами. О штурмѣ подумывали и русскіе, какъ увидимъ ниже. За то бомбардированіе крѣпости было лѣтомъ осуществимѣе, чѣмъ зимою, когда не могъ дѣйствовать флотъ, а со стороны берега трудно было (при тогдашней досягаемости орудій) установить достаточное число батарей въ надлежащемъ разстояніи.

Другою слабою стороною Свеаборга былъ недостатокъ безопасныхъ отъ навѣснаго огня помѣщеній. Ихъ было только на 2.440 человекъ, тогда какъ въ крѣпости могло быть размѣщено до 7.860 чело-

вѣкъ. Но такъ какъ гарнизонъ въ 2¹/₂ тысячи признавался вполне достаточнымъ для успешной защиты крѣпости, то, очевидно, суть дѣла заключалась не въ недостатокъ безопасныхъ помѣщеній, а въ излишкѣ гарнизона, къ которому добавилось еще не мало „безполезныхъ ртовъ“, такъ что общій итогъ населенія крѣпости доходилъ до 9.605 человекъ ¹⁾).

Всѣхъ орудій въ крѣпости было болѣе 2.000; но на вооруженіи числилось только 734; пороха (къ началу осады ²⁾) было болѣе 100 тысячъ килограммовъ (свыше 6-ти тысячъ пудовъ). Что касается продовольствія, то въ этомъ отношеніи чувствовался недостатокъ; вмѣсто 5-ти мѣсячнаго запаса по расчету на 6.000 человекъ (какъ предполагали) его было не болѣе какъ на 3 мѣсяца; уповали на подвозъ изъ Швеціи съ открытіемъ навигаціи. Прѣсною водою гарнизонъ обезпеченъ былъ слабо; колодцевъ и цистернъ было мало.

Въ крѣпости сосредоточена была большая часть созданнаго Эрнсвердомъ такъ называемаго армейскаго (т. е. шхернаго) флота (всего 73 медьосидающихъ судна).

Состояніе крѣпостныхъ сооружений къ этому времени не было удовлетворительнымъ; крѣпость была запущена, и многія укрѣпленія начали уже разрушаться ³⁾).

Королевская инструкція возлагала на коменданта обязанность „защищаться до послѣдней крайности“, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускала и „невозможность отстоять“ крѣпость, требуя въ этомъ случаѣ уничтоженія запасовъ и флота (очевидно, передъ сдачею).

Вотъ это замѣчательное мѣсто инструкціи:

„Въ томъ случаѣ, если бы непріятель вторгнулся во время наступающей зимы, и полевые войска принуждены были бы отступить, то, послѣ успленія гарнизоновъ, таковые обязываются до *послѣдней крайности* защищать крѣпость, а въ *случаѣ невозможности* отстоять послѣднюю, сжечь флотъ и уничтожить всѣ запасы“.

Уже въ этомъ предписаніи свыше заключалась извѣстная двойственность, которая могла, до нѣкоторой степени, способствовать увеличенію нравственнаго разлада въ комендантѣ и прочихъ защитникахъ крѣпости. Слѣдуя точно указаніямъ этой инструкціи, Кронстедтъ могъ считать себя вправѣ сдать крѣпость „въ случаѣ невозможности отстоять ее“. Остается значить опредѣлить, существовала ли подобная возможность и въ какой степени справедливо ходячее мнѣніе о значеніи, въ дѣлѣ Свеаборгской кашитуляціи, силы „золото пороха“.

¹⁾ См. прилож. 42-е къ т. II перевода шв. офиц. исторіи войны.

²⁾ См. Sv. Kr. 1808—1809 г., т. II, стр. 271, въ выноскѣ заявленіе изъ отчета 1800 г. и въ приложеніи 49 объясненія коменданта Кронстедта о причинахъ сдачи.

Съ уходомъ Буксгевдена къ Тавастгусу, противъ Клеркера въ Гельсингфорсъ оставленъ былъ только 2.000 отрядъ Раевского. Такое положеніе продолжалось почти двѣ недѣли (съ 18-го февраля по 3-е марта), когда съ прибытіемъ подрѣвленныхъ силы Раевского возрасли до 3—4.000. Гарнизонъ крѣпости, продолжавшій все это время свободно сообщаться съ окрестнымъ населеніемъ черезъ островъ Сандхамъ¹⁾ (теперь о. Лагерный), очевидно, былъ осведомленъ о слабости русскаго заслона; однако, Кронстедтъ и не подумалъ о вылазкѣ.

Вниманіе Буксгевдена въ это время особенно приковывалось къ Свеаборгу. Еще 5-го февраля, т. е. до начала кампаніи, Буксгевденъ доложилъ Государю, что, по его мнѣнію, Свеаборгъ, равно какъ и Свартгольмъ, иначе, какъ приступомъ, взять будетъ невозможно, „если предложенія приняты не будутъ“. Блокада, слишкомъ продолжительна, и къ ней навѣрно приготовились, собравъ значительные запасы; бомбардированіе, по дальности разстоянія, не будетъ успѣшно, а строить батареи на льду представляетъ огромныя трудности и небезопасно. Но 21-го февраля (изъ Тюсбю), т. е. послѣ захвата Орловымъ-Денисовымъ Гельсингфорса, графъ Буксгевденъ уже находить штурмъ несоотвѣтствующимъ своимъ силамъ, требующимъ большихъ потерь, да и „не отвѣчающимъ волѣ Вашего Императорскаго Величества“. 3-го марта онъ уже доказываетъ полную невозможность штурма и „формальной осады“ (первое—вслѣдствіе недостатка силъ и большихъ жертвъ, второе—по значительности потребнаго времени и трудности веденія подступовъ по льду). По его мнѣнію, приходится довольствоваться блокадою и бомбардировкою, стараясь, главнымъ образомъ, уничтожить флотъ; батареи же наши расположить такимъ образомъ, чтобы, съ одной стороны, помѣшать (съ открытіемъ навигаціи) англійскимъ и шведскимъ судамъ приникнуть въ гавань, а съ другой—препятствовать гарнизону выйти въ море. Кромѣ того, Буксгевденъ (какъ видно изъ его донесеній отъ 3-го и 8-го марта) считалъ весьма важнымъ средствомъ—„держать гарнизонъ въ непрерывной тревогѣ“, стремясь „учинить жизнь несносною въ семь сборищъ крѣпостей“. Онъ уповалъ на „недостатокъ, который гарнизонъ, какъ извѣстно, имѣетъ въ шивѣ и водѣ, сырость въ казематахъ, причиняющая ему уже многія болѣзни и *наипаче неудовольствіе финляндскихъ войскъ, которое чрезъ различныя внушенія отъ преданныхъ намъ неминуемо должно ступить возрасти*“. 6-го марта онъ-же писалъ Аракчееву, что еще раньше прибытія русскихъ войскъ къ Свеаборгу, „прокламаціи наши уже находились въ рукахъ гарнизона“ и увѣрялъ, „что всѣ тѣ

¹⁾ О чемъ свидѣтельствуетъ въ своемъ отчетѣ шведскій офицеръ Хагелъстамъ. (Sv. Kr. 1808—09, II, стр. 291-я).

вліянія, якія можна тамъ сдѣлать деньгами, обнадеживаніями, страхомъ приготовленія къ штурму и умноженіемъ разными хитростями числа блокирующихъ войскъ, производятся и производимы будутъ съ тѣмъ большимъ попеченіемъ, что *на сіе самое относится и воля всемилостивѣйшаго моего Государя*⁴.

Отсюда видно: 1) что предположенія добиться добровольной сдачи Свеаборга и Свартгольма существовали заранѣе, еще до начала кампаніи; 2) что они основаны были на расчетѣ воздѣйствовать на финляндскую часть гарнизона; 3) что заблаговременно намѣчался планъ примѣненія всяческихъ „вліяній“, до подкупа включительно, съ цѣлью поселить въ гарнизонѣ разладъ и упадокъ духа, и, наконецъ, 4) что такой способъ дѣйствій противъ крѣпости поддерживался самимъ Императоромъ Александромъ.

Уже было упомянуто о томъ вліяніи, которое оказывалъ Спренгпортенъ на образъ дѣйствій нашего Финляндскаго корпуса... По прибытіи въ Гельсингфорсъ, онъ завязалъ сношенія со своимъ племянникомъ Егергорномъ (находившимся въ составѣ Свеаборгскаго гарнизона), братомъ главнаго дѣятеля Анъяльскаго конфедераціи и основателемъ Свеаборгскаго отдѣла кружка „Валгалла“, дѣятельность котораго распространялась по всей Финляндіи. Имѣя въ крѣпости такого энергичнаго и вѣрнаго союзника, Спренгпортенъ уповалъ на успѣхъ „безкровной побѣды“; отсюда его постоянныя старанія обратить вниманіе на Свеаборгъ, выставить его „главнымъ предметомъ дѣйствій“. Объ этомъ онъ писалъ не только Румянцеву и Аракчееву, критикуя Буксгевдена, но послалъ 21-го февраля всеподданнѣйшій докладъ къ самому Государю¹).

Необходимость такого обращенія Спренгпортенъ объясняетъ тѣмъ, что онъ „сбить съ толку“ тѣмъ, что происходитъ. Наступленіе Буксгевдена почти всѣми силами на Тавастгусъ, за Клеркеромъ, онъ считаетъ ошибкой. Клеркеръ— „70-ти лѣтній старикъ“²), войска его (съ резервами) не превышаютъ 6.000 человекъ „въ плохомъ состояніи“; достаточно было, по мнѣнію Спренгпортена, нѣсколько усилить нашу правую колонну, чтобы „отогнать“ непріятеля, а лѣвое крыло—не удалять отъ „главной цѣли“ (т. е. Свеаборга).

Въ докладѣ этомъ Спренгпортенъ предлагаетъ и новый планъ: прикрыть Гельсингфорсъ заслономъ, а всѣ остальные силы двинуть на Або, „чтобы тамъ имѣть возможность собрать народныхъ депутатовъ, обезпечить безопасность арміи и пользованіе плодами понесенныхъ ею трудовъ“. „Ничто не можетъ упрочиться, если страна

¹) Докладъ этотъ приведенъ полностью на стр. 35—36, т. II. книги К. Ф. Ордина.

²) Который, однако, отличался выдающейся энергіей и рѣшимостью и во всякомъ случаѣ гораздо больше, чѣмъ графъ Клиппенеръ.

до Або не будетъ въ нашемъ распоряженіи“ говорить оны въ другомъ мѣстѣ и рекомендуетъ „овладѣть прибрежными городами“, между прочимъ Гангеудомъ, „столь-же важнымъ какъ и Свеаборгскій портъ“.

Такимъ образомъ, Спренгпортенъ съ одной стороны настаиваетъ на томъ, чтобы Свеаборгъ (а не отступившія войска шведовъ) избранъ былъ главнымъ предметомъ дѣйствій, а съ другой добивается скорѣйшаго занятія Або и прочихъ пунктовъ южной Финляндіи для скорѣйшаго созыва „депутатовъ“.

Цѣль Спренгпортена, очевидно, политическая. Оны продолжаетъ дѣйствовать все въ томъ же направленіи, стремясь къ осуществленію своей завѣтной мечты объ образованіи полунезависимой Финляндіи подъ падежной опекой Россіи.

Какъ видно изъ изложеннаго выше, совѣтамъ Спренгпортена послѣдовали. Планъ Буксгевдена въ корнѣ видоизмѣнился. Главною цѣлью, вмѣсто войскъ Клеркера, сдѣлалось занятіе ряда пунктовъ южной Финляндіи, начиная съ Або и кончая Свеаборгомъ. Былъ засланъ отдѣльный отрядъ даже на Аландъ.

Затѣмъ, всеподданнѣйшее донесеніе Буксгевдена отъ 3-го марта, подробно перечисляющее мѣры, принятія имъ противъ Свеаборга, и оканчивающееся выраженіемъ надежды, что „ничто противъ Свеаборга не упущено“, а также переѣздъ главнокомандующаго, послѣ занятія Або, опять въ Гельсингфорсъ,—показываютъ, что на Свеаборгъ съ этого момента стали смотрѣть, какъ на „главную цѣль“.

Начиная съ 3—15 марта, съ прибытіемъ подкрѣпленій и части тяжелой артиллеріи, блокадный корпусъ достигъ численности 4.000 человекъ¹⁾. Въ командованіе имъ вступилъ еще ранѣе графъ Н. Каменскій²⁾. По приказанію графа Буксгевдена приступлено было къ сооруженію осадныхъ батарей, при чемъ руководство осадными работами возложено было на начальнаго штаба корпуса, инженеръ-генерала Сухтелена. Батареи были возведены на Скатуddenскомъ полуостровѣ (гдѣ теперь управленіе Свеаборгскаго порта), на Ульриксборгѣ (нынѣ Брунсгарь) и на островѣ Сканландѣ (нынѣ островъ Александровскій). Такимъ образомъ, батареи обрѣли крѣпость полукольцомъ. Ко всеподданнѣйшему донесенію Буксгевдена отъ 8-го марта³⁾, приложено чертежъ тѣхъ батарей, которыя предпо-

¹⁾ Къ 20 марта (1 апрѣля) численность эта достигла уже 6.500 человекъ. Тяжелая артиллерія доставлена была изъ Петербурга на саняхъ съ большими затрудненіями. Общее число ея во все время осады не превысило 46 орудій, въ томъ числѣ 16 мортиръ (Сухтеленъ, стр. 40-я).

²⁾ Раевскій снова вернулся на сѣверъ. Самъ Буксгевденъ вернулся къ Свеаборгу еще 2—14 марта.

³⁾ Дѣло в.-уч. арх. Гл. Шт. № 1651.

жено было возвести. Постройки эти, какъ свидѣтельствуеъ Сухтеленъ, „стоили невѣроятныхъ трудовъ“. За недостаткомъ земли и дерна, на бесплодныхъ и покрытыхъ глубокими снѣгами скалахъ, приходилось ограничиваться одними фашинами и насыпными турами, по легкости и слабому сопротивленію коихъ необходимость заставляла придавать брустверамъ весьма значительную толстоту. При трудности веденія подступовъ и батарей на льду, недостатокъ артиллеріи, снарядовъ, рабочихъ, инструментовъ и даже солдатъ, невозможно было и думать о правильной осадѣ Свеаборга. „Дабы ускорить взятіе сей крѣпости, рѣшились было штурмовать ее, но наконецъ воля Императора Александра и самое благоразуміе предписали отложить приступъ до послѣдней крайности и довольствоваться употребленіемъ всѣхъ возможныхъ средствъ для стѣсненія гарнизона“¹⁾.

Мѣры „стѣсненія“ или, по выраженію Буксгевдена, „учиненія жизни несносною“ приводились въ исполненіе съ искусствомъ, заслуживающимъ полного вниманія и изученія.

Прежде всего добились сокращенія сферы отвѣтнаго огня изъ крѣпости. Первоначально шведы отвѣчали очень энергично, не жалѣя артиллерійскихъ припасовъ и нисколько не щадя Гельсингфорсъ. Тогда русскіе послали парламентаря съ предложеніемъ не разорять города, общая и свои батареи поставить въ сторонѣ. Комендантъ Кронстедтъ сперва отвѣтилъ отрицательно, находя, что приходится жертвовать городомъ для успѣшной обороны крѣпости; однако, по представленіямъ совѣта обороны, согласился не стрѣлять болѣе по городу и считать его нейтральнымъ. Такимъ образомъ, пишетъ Сухтеленъ, „русскіе могли расположить въ городѣ свои парки, госпитали и магазины въ полной безопасности“ и устроить тамъ свою главную квартиру.

Затѣмъ, гарнизонъ старался держать въ постоянномъ безпокойствѣ. Средствомъ для этого служили безпрестанныя передвиженія войскъ осаднаго корпуса. То значительная часть пѣхоты показывалась на льду со стороны Скандла; то казачья сотня выдвигалась изъ за какого нибудь скалистаго мыса; шведы открывали тотчасъ же огонь, и наши часті скрывались. „Сіи малые отряды, пробравшись между утесами, отважно выходили на ледъ и внезапно появлялись передъ крѣпостью, часто не далѣе картечнаго выстрѣла“. Особенно отличался артиллерійскій полковникъ Аргунъ, который командовалъ подвижною батареею и, по выраженію Сухтелена, былъ „истиннымъ будильникомъ гарнизона“. Дѣйствуя такимъ образомъ, осаждающіе держали гарнизонъ постоянно подъ ружьемъ, въ непрестанномъ без-

1) Михайловскій-Даннлевскій.

покойствѣ и утомленіи, что отражалось на состояніи духа и усиливало недовольство. „Когда открывалась пальба изъ крѣпости, наши прятались за утесы, а шведы, не видя впотымахъ, куда посылають выстрѣлы, дѣйствовали наудачу, безъ всякаго для насъ вреда. Въ сихъ дѣлахъ особенно отличались лейбъ-казаки“.

Кромѣ того, „подъ видомъ военной вѣжливости“ наши генералы посылали въ Свеаборгъ газеты съ извѣстіями объ успѣхахъ нашего оружія въ Финляндіи и неудачахъ шведовъ. Шведскіе историки высказываютъ даже подозрѣніе, что газеты эти специально изготовлялись самими русскими. Предупредительность по отношенію къ Кронстедту была проявлена, напримѣръ, до того, что предложили ему пропустить въ городъ его семью, отъ чего комендантъ, однако, отказался....

Солдатъ, бѣжавшихъ изъ крѣпости, щедро одаряли деньгами и угощали виномъ. Для введенія гарнизона въ заблужденіе относительно числительности осаднаго корпуса, приказано было постоянно передвигать войска по улицамъ города, заготовлять лѣстницы, фашины, туры и т. п.; ночью войска тайкомъ выводились изъ Гельсингфорса, а затѣмъ на утро вновь вступали въ Гельсингфорсъ съ барабаннымъ боемъ. Въ крѣпость (какъ видно, напримѣръ, изъ мемуаровъ Монгомери и другихъ) подобныя свѣдѣнія доходили преувеличенными и, очевидно, дѣйствовали на воображеніе осажденныхъ разлагающимъ образомъ.

Рядомъ съ этимъ, внутри самой крѣпости дѣйствовала зараза другого рода, главнымъ руководителемъ которой былъ полковникъ Егергорнъ, агентъ Спренгпортена, получавшій во время осады письма отъ своего вдохновителя. Среди офицеровъ гарнизона было много „аньяльцевъ“. Ребиндеръ въ своихъ мемуарахъ прямо писалъ, что капитуляція Свеаборга являлась „наиболѣе существеннымъ дѣломъ“ Спренгпортена. „Дѣло“ это заключалось въ занесеніи внутрь Свеаборгскихъ твердынь разлагающаго мѣрба пзмѣны.

Ходячее мѣніе, которое до сихъ поръ еще держится и у насъ, и въ Швеціи, и въ Финляндіи,—что комендантъ адмиралъ Кронстедтъ былъ по-просту подкупленъ. Если не всѣ вѣрятъ въ подкупъ, то (особенно въ Финляндіи) большинство убѣждено въ его измѣнѣ и даже самое имя Кронстедта считаютъ позорнымъ¹⁾.

¹⁾ Въ стихотвореніи Рунеберга «Свеаборгъ» поэтъ заклинаетъ современниковъ и потомство не называть никогда по имени «Шведскаго вице-адмирала синяго флага» сдавшаго Свеаборгъ. Въ другомъ стихотвореніи того-же автора «Вратья», Іоганъ Вадешиерна направляетъ дуло пистолета въ грудь брату, не видѣнному двадцать лѣтъ, только потому, что онъ сдался въ Свеаборгѣ. Когда въ 1900 году въ Финляндскомъ сенатѣ большинство подало голосъ за обнародованіе Высочайшаго манифеста 7-го іюня того же года о русскомъ языкѣ въ мѣстной администраціи, въ Гельсингфорсѣ раздавали на улицахъ стихи Рунеберга «Свеаборгъ» вмѣстѣ со спискомъ «измѣнчившихъ» сенаторовъ. Вотъ какъ толкують въ Финляндіи это событіе.

Мы не будем вдаваться въ подробности въ цѣляхъ выясненія того, что именно послужило главнымъ побудительнымъ рычагомъ къ сдачѣ „твердыни Швеція“—„золотой порохъ“ или работа агентовъ Спренгпортена, и въ первомъ случаѣ, кому именно этотъ порохъ достался. Вопросъ этотъ специально военнаго интереса, собственно говоря, не имѣетъ. Послѣ изслѣдованій М. М. Бородына ¹⁾, можно считать выясненнымъ, что самъ Кронстедтъ, если и повиненъ, то только въ слабости, нерѣшительности, неумѣньѣ совладѣть съ мятежными теченіями въ своемъ гарнизонѣ; при томъ, какъ морякъ, онъ совершенно не могъ и не умѣлъ руководить сухопутною обороною, каковую приходилось вести въ Свеаборгѣ въ зимнее время. „Золотой порохъ“, о которомъ писалъ Аракчеевъ графу Буксгевдену ²⁾, былъ дѣйствительно спѣшно посланъ въ половинѣ апрѣля изъ Петербурга, какъ показываетъ нижеслѣдующій всеподданнѣйшій рапортъ Буксгевдена отъ 10-го апрѣля 1808 г. ³⁾.

„Прѣближеніе срока капитуляціи Свеаборга обязываетъ меня Вашему Императорскому Величеству донести, что слѣдующая по частному артикулу заключенной конвенціи заплата ста тысячъ рейхсталеровъ банко за долги воинской казны должна быть выдана коменданту вице-адмиралу Кронстедту тотчасъ по учиненіи настоящей капитуляціи. Чтобы не послѣдовало въ семьъ случаѣ остановки и черезъ то не встрѣтилось задержки въ самой сдачѣ крѣпости, не благоугодно ли Вашему Величеству будетъ Высочайше повелѣть, дабы сумма сія имѣлась уже готовою. Вымѣнъ потребныхъ для того рейхсталеровъ банко, государственный казначей можетъ препоручить нарочитому чиновнику въ Фридрихсгамѣ или въ самомъ Гельсингфорсѣ. Если же не возможно будетъ отыскать все сіе количество, то по крайней мѣрѣ половину, а другую половину выдать нашими ассигнаціями, въ томъ курсѣ, по которому рейхсталеры банко имѣютъ свой ходъ“.

На этомъ рапортѣ Императоромъ Александромъ положена слѣдующая резолюція: „Нужно по сему рапорту написать Голубцову, чтобы онъ помянутую сумму приготовилъ тотчасъ. Если нѣтъ рейхсталеровъ, то другою монетою и съ особымъ чиновникомъ отправить немедленно къ Буксгевдену: въ Гельсингфорсѣ по показанію Б—на можно будетъ обмѣнять на рейхсталеры“. Засимъ идетъ переписка Военнаго министра съ Голубцовымъ о заготовкѣ вышеозначенной суммы, которая, несмотря на затруднительность размѣна на рейх-

¹⁾ Въ трудѣ котораго («Военный Сборникъ» 1900 г. №№ 11 и 12) этотъ именно вопросъ обстоятельно разобранъ.

²⁾ «Государь Императоръ надѣется, что если стараніемъ и опытностью вашею сила золотого пороха ослабила уже нѣсколько дружную военную, то и окончательное уничтоженіе оной должно кажется исполниться». (М. Д. стр. 49—50).

³⁾ Д. в.-ист. арх. Ген. Шт. № 1651.

сталеры banco, въ виду рѣдкости этой монеты, была отправлена вскорѣ по назначенію съ фельдъегеремъ Марковичемъ.

Если сопоставить съ этими данными текстъ конвенціи (см. Сухтеленъ стр. 49—53), заключенной между шведскимъ комендантомъ и Сухтеленемъ, то увидимъ, что упомянутая здѣсь сумма въ 100.000 рейхсталеровъ какъ разъ соответствовала условію „частнаго артикула“ этой конвенціи. Такимъ образомъ, Кронстедтъ выговорилъ себѣ лишь обезпеченіе отъ необходимости личнымъ имуществомъ отвѣчать за долги передъ поставщиками, неуплаченные благодаря несправностямъ шведской казны, всегда нуждавшейся въ деньгахъ.

Въ мемуарахъ графа Ребиндера упоминается о пріѣздѣ Кронстедта зимою 1808—1809 гг. въ Петербургъ, чтобы хлопотать о дополученіи договорной суммы. Послѣ аудіенціи у Государя онъ и получилъ 50.000 рейхсталеровъ, представивъ оправдательные документы. Это была вторая половина долга; слѣдовательно, въ моментъ сдачи условіе „частнаго артикула“ выполнено было только на половину. А между тѣмъ, какъ мы видѣли, деньги были отправлены полностью. Естественно предположить, что другая половина ушла на „золотой порошок“, но потраченъ онъ былъ не на самого Кронстедта, а всего вѣроятнѣе, на тѣхъ представителей нпзшаго персонала крѣпости, которыхъ нужно было склонить къ агитации въ пользу сдачи. Такое предположеніе вполне сходится съ выводами М. М. Бородеина и подтверждается документами, приводимыми Михайловскимъ-Данилевскимъ (стр. 49), изъ которыхъ видно, что Буксгевденъ за истощеніемъ экстраординарной суммы, просилъ еще 24-го марта Араччеева прислать на „важнѣйшія издержки“ отъ 26 до 30 тысячъ рублей. Если принять во вниманіе, что вышеуказанное всеподданнѣйшее ходатайство относительно 100.000 рейхсталеровъ (около 200 тыс. рублей) было отправлено только 10-го апрѣля, а также—что половина договорной суммы дополучена Кронстедтомъ уже послѣ сдачи крѣпости,—то фактъ употребленія „золотого пороха“ на „людей, которыхъ расположеніе удалось приобрести въ гарнизонѣ“¹⁾ становится почти безспорнымъ²⁾.

Что же касается самого Кронстедта, то генералъ Сухтеленъ, главное дѣйствующее лицо въ переговорахъ съ нпмъ, въ своей книгѣ (стр. 53) смѣло утверждаетъ, что „самая мысль о постыдномъ подеушѣ чужда была договаривавшимся сторонамъ“. „Оба генерала,—продолжаетъ онъ—посѣдѣвшіе на полѣ чести, равно неспособны были, одинъ къ предложенію, а другой къ принятію средствъ, протпвныхъ чести“.

¹⁾ Буксгевденъ военному министру отъ 24-го марта, № 65.

²⁾ По этому поводу см. ниже письмо Буксгевдена къ Салтыкову о женѣ капитана Ройтершельда.

Финляндскій историкъ Даниэльсонъ, на основаніи мемуаровъ графа Ребиндера и другихъ документовъ, также пришелъ къ убѣжденію, что самъ Кронстедтъ не былъ подкупленъ.

Кронстедтъ не былъ и измѣнникомъ. Онъ только проникся, еще до войны, сознаніемъ невозможности серьезно сопротивляться Россіи и успѣшно отстоять Свеаборгъ. Такое настроеніе духа у коменданта крѣпости само по себѣ не обѣщало ничего хорошаго. „Швеція никогда не въ состояніи сохранить Свеаборга и Финляндіи, если только Россія пойметъ, какъ воспользоваться своей преобладающей силой“, сказалъ онъ еще до войны¹⁾.

Кромѣ того, веденію упорной обороны не отвѣчало ни состояніе самой крѣпости, ни духъ ея гарнизона.

Свеаборгъ, какъ уже указано, не былъ законченъ; отсутствіе укрѣпленій съ сухого пути дѣлало овладѣніе имъ съ суши исполнимымъ. Еще въ 1788 г. адмиралъ Грейгъ составилъ планъ овладѣнія „Сѣвернымъ Гибралтаромъ“, основанный именно на этомъ его свойствѣ. Взятіе Свеаборга зимою Грейгъ находилъ „очень легкимъ, при посредствѣ неожиданнаго нападенія, причемъ являлась возможность овладѣть не только укрѣпленіями, но и флотомъ, находящимся въ гавани“. Шведскій генералъ Рейтеншельдъ, одинъ изъ храбрѣйшихъ офицеровъ финскихъ войскъ, находилъ, что при недостаточномъ гарнизонѣ Свеаборгъ можно зимою взять ночью штурмомъ. То же высказалъ шведскій генералъ фонъ-Дебельнъ, прославившійся въ войну 1808—1809 гг.; онъ находилъ, что съ 15-ю тысячами можно взять Свеаборгъ приступомъ... Точно также Эренстремъ, извѣстный шведскій дѣятель того времени, въ письмѣ къ другу (уже послѣ сдачи Свеаборга) указывалъ на недостатки Свеаборга, на возможность овладѣнія имъ зимою съ тыла, и отрицалъ категорически измѣну Кронстедта, этого „мужа чести“, какъ онъ его называетъ, приписывая его поступокъ убѣжденію въ „невозможности противостоятъ волѣ всесильнаго Бонапарта“²⁾.

На матеріальные недостатки крѣпости имѣются указанія въ защитительныхъ объясненіяхъ самого Кронстедта³⁾, который ссылается, между прочимъ, на разобщеніе крѣпости отъ арміи, благодаря принятому „вопреки здравому смыслу и всякому человѣческому разуму“ рѣшенію сразу отступить въ Эстроботнію. По мнѣнію Кронстедта, арміи слѣдовало отступить на Гельсингфорсъ, приведя его въ оборо-

¹⁾ Въ статьяхъ М. М. Бородинки приведенъ еще цѣлый рядъ свидѣтельствъ въ томъ же направленіи.

²⁾ Такихъ же взглядовъ держался и комендантъ Свартгольма, Гриппенбергъ (см. Вородкинъ, II, стр. 247-я).

³⁾ (Приложеніе къ т. II. Шв. офиц. Исторіи войны, стр. 142—156 русскаго перевода)

нительное положеніе¹⁾ и тѣмъ отдалить отъ крѣпостныхъ верховъ непріятельскія батареи. Затѣмъ онъ указываетъ, что 2-го марта (т. е. 18-го февраля) въ моментъ занятія русскими Гельсингфорса, „крѣпость была совершенно открыта со стороны материка и не имѣла для отбитія сухопутной атаки никакого артиллерійскаго вооруженія“: только благодаря непрерывнымъ работамъ, въ теченіе сплошныхъ сутокъ всѣми наличными людьми, и употребленію всѣхъ орудій „армейскаго флота“, успѣли вооружить сухопутный фронтъ.

Если бы о состояніи Свеаборга у насъ имѣлись болѣе вѣрныя свѣдѣнія (изъ донесеній Буксгевдена видно, что его укрѣпленія и вооруженія мы представляли себѣ болѣе сильными, чѣмъ было въ дѣйствительности), то, вслѣдъ за захватомъ Гельсингфорса, попытка овладѣть Свеаборгомъ открытою силою могла имѣть серьезные шансы на успѣхъ.

Изъ защитительныхъ объясненій Кронстедта явствуетъ, что платформы были гнилыя, что запаса пороха хватило бы едва на 15 дней, если считать по 4 выстрѣла въ день на орудіе²⁾, что гарнизонъ, кромѣ лейбъ-полка вдовствующей королевы, состоялъ изъ рекрутъ; что офицеровъ было мало (едва приходилось по одному на каждый бастионъ); также мало было обученныхъ артиллеристовъ, что больныхъ было болѣе 500 человекъ (т. е. около $\frac{1}{10}$ чел. гарнизона) и т. п.

Для оцѣнки нравственнаго состоянія гарнизона, необходимо указать на присутствіе въ крѣпости значительнаго количества (до 1.800 человекъ) „безполезныхъ ртовъ“. Кромѣ того, въ крѣпости было 354 рабочихъ, арестантовъ³⁾ и 6 русскихъ военно-плѣнныхъ и перебѣжчиковъ.

Присутствіе такого элемента, въ размѣрѣ около $\frac{1}{5}$ всего наличнаго населенія крѣпости (болѣе $9\frac{1}{2}$ тысячъ), очевидно, вліяло на гарнизонъ растлѣвающимъ образомъ. Въ началѣ войны, благодаря присутствію женщинъ, офицеры Свеаборгскаго гарнизона предавались танцамъ. Впослѣдствіи женщины и дѣти пытались выйти изъ Свеаборга, но русскіе военачальники предупредительно вернули ихъ обратно, сославшись на строгость своихъ военныхъ законовъ.

¹⁾ Кронстедтъ упускаетъ видѣть изъ вида, что по времени это едва ли было бы возможно, даже при той выдержкѣ въ наступленіи русскихъ, которая въ дѣйствительности провозшла; укрѣпленія же послѣшвыя врядъ-ли остановили бы наши войска.

²⁾ О недостаткѣ пороха Кронстедтъ рапортовалъ уже 1-го марта (нов. стл.), т. е. наканунѣ вступленія русскихъ въ Гельсингфорсъ. 7-го апрѣля (26-го марта) онъ опять довелъ до свѣдѣнія Стокгольмскихъ властей, что пороху у него всего осталось 1.502 центнера, т. е. на 15 дней. Въ началѣ же осады было 2.298 центнеровъ (см. Бородинъ, т. I, 17 и прил. къ т. II шведск. офиц. исторіи войны, стр. 147). Надо прибавить, что въ началѣ осады порохъ расходовали крайне неосмотрительно; давали пушечные выстрѣлы даже по отдѣльнымъ казакамъ (М. Д., 54—56).

³⁾ На „невольниковъ“, вайденныхъ въ Свеаборгъ послѣ его капитуляціи, имѣется указаніе въ журналѣ комитета министровъ отъ 15-го сентября 1808 г., стр. 170.

Затѣмъ, какъ уже указано, въ крѣпости, среди офицеровъ, было много бывшихъ ангяльцевъ, сторонниковъ идей Спренгпортена, который самъ находился въ Гельсингфорсѣ и поддерживалъ отсюда постоянныя сношенія съ маіоромъ Егергорномъ¹⁾, который въ Свеаборгѣ былъ ближайшимъ помощникомъ и совѣтникомъ Кронстедта и имѣлъ на него огромное вліяніе.

По отзыву одного изъ офицеровъ Свеаборгскаго гарнизона (нѣкоего Фока) „Егергорнъ былъ столь же ненавидимъ, сколь презираемъ, такъ какъ никто не вѣрилъ ему... Но значеніе его зависѣло главнымъ образомъ отъ того вліянія, которое онъ оказывалъ на Кронстедта. Ребиндеръ называетъ Егергорна „злымъ гениемъ“ Свеаборга. Онъ все время систематически внушалъ, что крѣпость не въ состояніи продержаться до мая, если не подоспѣтъ помощь изъ Швеціи, что по льду легко подойти къ крѣпости и взять ее, такъ какъ съ этой стороны укрѣпленія или плохи, или не закончены и т. п. Начальникъ артиллеріи маіоръ Эрне (Hjörne), подъ вліяніемъ Егергорна, убѣждалъ все время коменданта, что пороха не хватитъ, и т. п. до открытія навигаціи... На военныхъ совѣтахъ Егергорнъ самоувѣренно настаивалъ на своихъ доводахъ, рѣзко обрывая оппонентовъ и даже не давая имъ говорить. Кронстедтъ большею частью молчалъ. „Лейтъ-мотивомъ“ всѣхъ разсужденій Егергорна было: доказать невозможность отстоять Финляндію и необходимость перейти во власть Россіи. Такъ дѣйствовалъ Егергорнъ въ качествѣ эмиссара Спренгпортена, который, въ дѣлѣ капитуляціи Свеаборга, „оказалъ Россіи болѣе важную услугу, чѣмъ самъ предполагалъ“ (Ребиндеръ).

Игралъ роль, увы—и прекрасный полъ! Одинъ изъ офицеровъ гарнизона въ своихъ запискахъ прямо говоритъ, что „бѣда шла отъ женщинъ, которыя были внѣ крѣпости, а не отъ тѣхъ, что находились въ ея стѣнахъ“. Въ ряду ихъ особое значеніе пріобрѣла жена капитана Рейтершельда. Значеніе это характеризуется слѣдующимъ письмомъ Буксгевдена къ графу Салтыкову (товарищу министра иностранныхъ дѣлъ), отъ 6-го января 1809 г., въ которомъ ходатайствуется объ обезпеченіи капитану Рейтершельду и его женѣ денежнаго содержанія. Г-жа Рейтершельдъ, жившая въ Гельсингфорсѣ, имѣла постоянныя свиданія съ мужемъ, который былъ комендантомъ острова Лилла-Эстеръ-Свартъ-э (нынѣ островъ Стрѣлковый). Ея вліянію Буксгевденъ приписываетъ „въ значительной мѣрѣ“ рѣшеніе крѣпостнаго совѣта обороны сдать крѣпость“²⁾. По крайпей мѣрѣ,

¹⁾ Sv. kr. 1808—1809. т. III, стр. 45—46.

²⁾ «Во время осады крѣпости Свеаборга»—пишетъ Буксгевденъ,—«такошная шведскаго гарнизона Адлеркрейдова полка капитана Рейтершельда жена сколько дѣятельностью, столько же и значущимъ вліяніемъ на мужа ея, бывшаго тогда комендантомъ крѣпости Лилла-Эстеръ-Свартъ-э, а равно и на многихъ того же гарнизона офицеровъ, созданныхъ

вскорѣ послѣ этихъ посѣщеній (въ сопровожденіи русскаго трубача) начались формальные переговоры между осаждающими и осажденными.

Сперва дѣло касалось огражденія города Гельсингфорса отъ выстрѣловъ. Вторично русскіе парламентары (полковникъ Ансельмъ-де-Жибори и поручикъ Сухтеленъ, сынъ генерала) явились передъ крѣпостью 21-го марта (2-го апрѣля) послѣ 12-ти-дневнаго бомбардированія, во время котораго нами вышущено 1.565, а противникомъ 2.477 снарядовъ.

Переговорщики наши старались внушить шведамъ, что дѣйствіе осадныхъ батарей съ каждымъ днемъ усиливается, что скоро придетъ еще тяжелая артилерія; что войска русскія горятъ нетерпѣніемъ въ ожиданіи приступа; что вся Финляндія уже подвластна Россійскому Свипетру, а въ Шонію вступили французы и датчане; что Адлеркрейцъ взятъ въ плѣнъ и т. п. При такихъ условіяхъ сопротивленіе Свеборга невозможно, его паденіе—неизбѣжно и вся вина въ безполезномъ пролитіи крови падеть на коменданта. Результатомъ переговоровъ было заключеніе перемирія до 22-го апрѣля. Условія его предварительно подверглись обсужденію въ военномъ совѣтѣ изъ 17-ти человекъ, большею частью къ тому приготовленныхъ, а затѣмъ—закрѣплены окончательно въ подписанной конвенціи 25-го марта, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ: а) крѣпость должна быть сдана, если до 22-го апрѣля ¹⁾ не прибудетъ подкрѣпленіе съ моря; б) по утвержденіи конвенціи, гарнизонъ очищаетъ и передаетъ русскимъ укрѣпленіе Лонгернъ (нынѣ островъ Ключевой), а затѣмъ, въ теченіе послѣдующихъ двухъ сутокъ—острова Лилла-Эстеръ-Свартъ-э и Вестеръ-Свартъ-э (нынѣ Стрѣлковый и Госпитальный), которые, въ случаѣ своевременнаго прибытія подкрѣпленій, возвращаются шведамъ. При капитуляціи крѣпости, все военное имущество должно быть сдано въ цѣлости, а частное—остается неприкосновеннымъ; всѣ офицеры гарнизона—природные шведы, отпускаются на родину съ обязательствомъ не служить въ эту войну противъ Россіи, а нижніе чины—будутъ

генераль-адмираломъ Кронстедтомъ въ совѣтъ по случаю предлагаемой конвенціи, приносила въ предпріятіи нашемъ великую пользу и не мало содѣйствовала къ склоненію того совѣта къ сдачѣ крѣпости.. Отмѣнное ея усердіе къ пользѣ государства тогда же много награждено (вотъ, между прочимъ, куда тратился «золотой порошокъ!») съ общаніемъ... обезпечить ее и впредь въ содержаніи». Изъ того же письма видно, что Рейтершельдъ не хотѣлъ оставаться въ Финляндіи, «чувствуя, что тѣмъ только присугубитъ навлекшее уже на себя въ совѣтѣ подозрѣніе служившихъ съ нимъ офицеровъ», что «жена капитана была оставлена своими знакомыми, узнавши о прежнихъ ея сношеніяхъ и т. д.».

¹⁾ Срокъ этотъ былъ назначенъ съ расчетомъ на то, что внутрѣнный рейдъ къ тому времени еще не вскрыется: ледъ былъ толщиною въ 24 дюйма и старожилы увѣряли, что онъ можетъ продержаться до 1-го мая (объ этомъ доносилъ Буксгевденъ Государю, въ рапортѣ отъ 21-го марта (2-го апрѣля). Такъ всегда бываетъ въ особенно суровыя зимы, какою именно и была зима 1808 года. Обычно же навигація въ Гельсингфорсѣ открывается въ половинѣ апрѣля стараго стиля; если за послѣднее время иногда удастся сдѣлать это раньше, то лишь благодаря ледоколамъ.

отправлены въ Россію; что же касается финновъ, то они будутъ распущены по домамъ ¹⁾, или могутъ поступить по желанію въ русскую службу... Флотилія возвращается Швеціи, по заключеніи мира, если Англія возвратитъ Даніи отнятый у нея флотъ. О содержаніи „отдѣльной статьи“, касающейся уплаты долга въ 100 тысячъ талеровъ, было уже упомянуто выше.

23-го марта (4-го апрѣля) на островѣ Лоннанѣ (нынѣ о. Договорный) сошлись уполномоченные обѣихъ сторонъ, а полковникъ Егергорнъ посѣтилъ самого Сухтелена. На другой день, 24-го марта (5-го апрѣля) Егергорнъ, Гутовскій и Лилъеспарре предстали предъ Сухтеленомъ и вели съ нимъ переговоры въ теченіе пяти часовъ. Затѣмъ русскій проектъ конвенціи былъ доставленъ Кронстедту, а часъ спустя въ крѣпость прибылъ со всей свитой Сухтеленъ, сообщившій, что русскій главнокомандующій одобрилъ этотъ договоръ, который тутъ же и былъ подписанъ.

Повидимому, шведы (кромѣ сознательныхъ измѣнниковъ) считывали на эту конвенцію, какъ на своего рода военную хитрость. Они думали, что посланные въ Стокгольмъ курьеры успѣютъ добраться туда во время и необходимая помощь придетъ ранѣе истеченія назначеннаго срока. Кронстедтъ надѣялся этимъ путемъ выиграть время для очищенія залива и подхода эскадры. Такъ полагали всѣ благомыслящіе элементы гарнизона, что и подтверждаютъ записки Бота, Эренстрема и друг. ²⁾

На самомъ дѣлѣ конвенція, при условіи выполненія гарнизономъ въ установленный срокъ поставленныхъ ею требованій, уже предрѣшала судьбу крѣпости, такъ какъ основное ея условіе,—прибытіе въ извѣстный срокъ поддержаній, по чисто-физическимъ причинамъ (время вскрытія воды) и вслѣдствіе задержки русскими курьеровъ осуществиться не могло. Однако, по полученіи въ Петербургѣ извѣстія о конвенціи, Императоръ Александръ немедленно послалъ Буксгевдену собственноручную записку:

1) „Отнюдь не переставать въ построеніи батарей, особливо на островахъ Катгольмѣ и Скандландетъ ³⁾ и еще увеличить всю дѣятельность при ономъ. 2) По занятіи укрѣпленій: Лангернъ, Вестеръ-Сварто и Остеръ-Лилла-Сварто донести: могутъ ли войска наши

¹⁾ Нпже будутъ выяснены неблагоприятныя послѣдствія этого списожденія.

²⁾ Ботъ пишетъ: «Первое впечатлѣніе отъ конвенціи не было потрясающимъ, такъ какъ думали, что это была хитрость Кронстедта, чтобы обмануть русскихъ». Другой очевидецъ, Эренстремъ, подтверждаетъ это, говоря въ своемъ дневникѣ: «въ началѣ я полагалъ, что заключенная съ Сухтеленомъ конвенція была ни что иное, какъ военная хитрость со стороны адмирала Кронстедта, съ цѣлью сберечь военные снаряды и выиграть время»...

³⁾ Т. е. Кальфгольмъ и Скандландъ (нынѣшніе острова Михайловскій и Александровскій, въ то время не входившіе въ составъ крѣпости).

остаться въ сихъ укрѣпленіяхъ, если изъ большихъ крѣпостей отероютъ въ нихъ со всею силою непріятельскій огонь, ибо легко можно думать и опасаться, что комендантъ, отдавая намъ сіи укрѣпленія, имѣетъ оное въ виду. 3) Женщинъ и дѣтей изъ крѣпостей не выпускать. 4) Комунивацію и сообщеніе съ крѣпостью не только не ослабить но еще строже наблюдать, дабы ничего не было туда доставляемо. 5) Всѣмъ солдатамъ изъ крѣпости позволять въ городъ приходить, всегда ласкать и дарить ихъ деньгами и виномъ, поселяя въ нихъ доброе о насъ мнѣніе, и стараться имъ объяснить, что всѣ ихъ плѣнные отпущены по домамъ, чѣмъ самымъ и они могутъ пользоваться. 6) Если нѣкоторое значущее число солдатъ сихъ пожелаетъ остаться, не возвращаясь въ крѣпость, то не упускать сего изъ вида. 7) Офицерамъ изъ крѣпости стараться, подъ разными предлогами, какъ можно рѣже позволять приходить въ городъ, а которымъ будетъ позволено, то тѣхъ стараться употреблять въ нашу пользу и не давать имъ способовъ видѣть наши распоряженія. 8) Занятія нашимъ войскомъ укрѣпленія неотмѣнно укомплектовывать порохомъ“.

Отсюда видно, что Государь все еще не былъ увѣренъ въ томъ, что шведы выполнятъ условія и сдадутся, и рассчитывалъ использовать время перемирія, какъ для усиленія средствъ осады, такъ и для довершенія деморализаціи гарнизона. То и другое было достигнуто, какъ увидимъ ниже, съ полнымъ успѣхомъ.

Во исполненіе приведеннаго Высочайшаго повелѣнія уступленные намъ острова были заняты Кременчугскимъ мушкетерскимъ полкомъ и постройка батарей продолжалась съ неослабнымъ рвеніемъ: во все время перемирія сооружено по 1 батарее на Кальфгольмѣ, Сканландѣ и Сандгамнѣ (нынѣ о. Лагерный), почти закончено 5 батарей на Сканландѣ, начата постройка батареи на о. Большомъ Рентанѣ. Батареи располагались такъ, чтобы обстрѣливать фарватеръ, по которому ожидалось прибытіе подкрѣпленій изъ Швеціи. По отзывамъ шведскихъ историковъ, эта часть плана выполнена была блистательно. „Если, по сохранившейся картѣ этого періода осады, сравнить положеніе русскихъ до и послѣ конвенціи,—пишетъ Норденшванъ,—то критика конвенціи выходитъ убійственною. До 6-го апрѣля (нов. ст.) вся артилерійская сила русскихъ выражалась въ трехъ батареяхъ; послѣ этого дня мы видимъ, что русскіе восемью батареями закрыли главный входъ около Густавсверда, а также новыми батареями на Большомъ Рентанѣ, Лонгернѣ и Вестерсварте готовы были встрѣтить попытку проникнуть черезъ Лонгернскій проливъ“ (см. чертежъ № 7).

Выѣстъ съ тѣмъ измѣнена группировка силъ осадного корпуса нижеслѣдующимъ образомъ:

Въ Гельсингфорсѣ: 31-й Егерскій полкъ, 1 баталіонъ Рязанскаго полка, 3 батарейныя роты, 2 піонерныя роты и весь артилерійскій паркъ.

На переданныхъ шведами островахъ:—Кременчугскій мушкетерскій полкъ.

Къ сѣверу отъ Гельсингфорса, въ Мальмбю, Гумтектѣ и Гаммельстадтѣ—Бѣлозерскій мушкетерскій полкъ.

Къ сѣверо-востоку отъ Гельсингфорса, въ Брэндэ, Хертонесѣ и на о. Дегерэ—баталіонъ Минскаго мушкетерскаго полка; въ Ботбю, Меллунгсбю, Вестерхуля и Вестерсундомъ—1 баталіонъ 30-го Егерскаго полка.

На о. Сандгамнѣ и островахъ западнѣе его: по 1 баталіону отъ 30-го Егерскаго и отъ Минскаго полковъ.

На полуостровѣ Нордшэ:—1½ эскадрона лейбъ-казаковъ и 100 драгунъ.

Западнѣе Гельсингфорса (Хуплакскъ, Мунеснэс и Альберго)—1 эскадронъ гусаръ и 1½ эскадрона казаковъ. Остальная конница находилась у Стеффансбю. Конница содержала на льду цѣль постовъ летучей почты, оцѣплявшей крѣпость кругомъ отъ Бухольма черезъ Грохару къ Кунгсгольму.

Воздѣйствіе на гарнизонъ въ цѣляхъ его деморализаціи путемъ задариванія и обѣщанія распуска солдатъ по домамъ имѣло результатомъ увеличеніе числа побѣговъ и полный разладъ въ средѣ офицеровъ.

Среди молодежи проявилось нѣчто въ родѣ броженія. Но не нашлось подходящаго предводителя. Изъ записокъ и показаній нѣкоторыхъ изъ офицеровъ Свеаборгскаго гарнизона видно, что часть офицерской молодежи, протнвившейся сдачѣ, рѣшились на смѣлый шагъ: бунтъ противъ коменданта былъ назначенъ въ ночь съ 1-го на 2-е мая (19-го на 20-е апрѣля). Предполагалось смѣстить Кронстедта и затѣмъ произвести ночное нападеніе на занятый нашими войсками островъ Скансландъ (Александровскій). Но въ послѣднюю минуту многіе отступились отъ этого намѣренія.

Среди нижнихъ чиновъ извѣстіе о предстоящей капитуляціи тоже вызвало негодованіе ¹⁾. Кронстедтъ, говорятъ, долженъ былъ учредить особую для себя охрану, чтобы оградить себя отъ неистовства солдатъ, которые собирались вокругъ его дома и грозили предать его смерти... Словомъ, по выраженію Бота, „по прошествіи нѣкотораго времени гарнизонъ крѣпости представлялъ изъ себя гидру о 6.000 головахъ, изъ которыхъ каждая имѣла свой интересъ и каждую нужно было особыми мѣрами привлекать, уговаривать или принуждать“.

---

¹⁾ «Захѣтки» фонъ-Добельна, стр. 21-я.

Однако, срокъ перемирія подходилъ къ концу, а о прибытіи подкрѣпленія не было слышно. Текстъ конвенціи былъ посланъ комендантомъ съ нѣсколькими курьерами въ Швецію, но едва ли хоть одинъ изъ нихъ достигъ мѣста назначенія, такъ какъ „на пути они были долго задерживаемы нами подъ разными предлогами“¹⁾ Ледъ сталъ совсѣмъ слабымъ и уже не могъ бы составить препятствія для шведскаго флота, если бы таковой появился. „Но часъ проходилъ за часомъ, а море все также оставалось пустыннымъ и не показывалось на немъ ни единого паруса, взамѣнъ чего по крѣпости взадъ и впередъ рассказывали безъ всякихъ повязокъ на глазахъ русскіе генералы, какъ бы уже вступивъ во владѣніе ею, причемъ Каменскій возбуждалъ неудовольствіе своимъ высокомѣрнымъ тономъ. Онъ вѣдь зналъ отлично, что ему нѣтъ никакихъ причинъ стѣсняться: сдача крѣпости была рѣшена. Никакого подкрѣпленія прибыть не могло, ибо было совершенно ясно, что курьеры не достигли цѣли.. Каллерстедтъ, посланный первымъ, прибылъ въ Стокгольмъ съ рапортомъ Кронстедта вечеромъ того самого дня, когда палъ Свеаборгъ“.

21-го апрѣля Вуксгевденъ послалъ къ коменданту требовать сдачи и получилъ согласіе. Передачу крѣпости рѣшено было произвести въ теченіе послѣдующихъ трехъ дней.

22-го апрѣля (3-го мая) русскій осадный корпусъ сталъ въ ружье. Артиллеристы—у орудій съ зажженными пальниками, готовые по первому знаку начать канонаду, если бы гарнизонъ вздумалъ вступить въ бой. Подъ звуки военной музыки шведы выступили изъ крѣпости и, по отдачѣ другъ другу чести, военнопленные сложили оружіе. Въ первый день заняты нами Густавсвердъ (нынѣ о. Артилерійскій), затѣмъ—Стуръ-Остеръ-Сварт-э (о. Комендантскій) и, наконецъ, на третій день—Варгенъ (о. Инженерный). Вмѣстѣ съ войсками сдавались морскія команды и прочее населеніе крѣпости. Наконецъ, послѣднимъ явился комендантъ, вручившій ключи и крѣпостной флагъ, вмѣсто котораго при звукахъ 101 пушечнаго салюта надъ крѣпостью взвился русскій флагъ, послѣ чего совершено торжественное молебствіе и окроеніе новой, отнынѣ русской, твердыни, святою водою. Военно-плѣнные солдаты складывали на льду оружіе, причемъ производилось распредѣленіе: финляндцевъ отпускали по домамъ, а шведовъ—отправили въ Россію.

Кронстедту были оказаны воинскія почести, съ барабаннымъ боемъ и отдаченіемъ чести взятіемъ „на плечо“. Шведское правитель-ство по суду уволило отъ службы всѣхъ членовъ военнаго совѣта крѣпости вмѣстѣ съ комендантомъ, а также и всѣхъ офицеровъ, имѣв-

¹⁾ М. Д., стр. 106.

шихъ какое-либо отношеніе къ заключенію конвенціи. Но этимъ дѣйствіемъ суда и кончился, такъ какъ послѣ Фридрихсгамскаго мира, по желанію нашего правительства, процессъ этотъ былъ прекращенъ. Всѣ эти бывшіе шведскіе офицеры окончили свою жизнь въ Россіи...

Въ Петербургѣ взятіе Свеаборга отпраздновали особымъ торжествомъ; послѣ богослуженія въ Исаакіевскомъ соборѣ, близъ памятника Петра Великаго состоялся парадъ и войска проходили церемониальнымъ маршемъ мимо монумента „воздавая честь тому, чьи побѣды придвинули Россію къ Балтикѣ, чей помыселъ былъ поставить границу вѣковѣчной Имперіи русской на Ботническомъ заливѣ“.

При взятіи Свеаборга нами взяты трофеи: 7.503 военноплѣнныхъ, 2.033 орудія, 340.000 снарядовъ, около 9.000 ружей, 110 военныхъ судовъ и т. д.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о Свартгольмѣ. Крѣпостца эта возникла, какъ противовѣсъ русскимъ пограничнымъ крѣпостямъ Фридрихсгаму, Вильманстранду и Нейшлоту, перешедшимъ въ наши руки съ 1743 года. Свартгольмъ, подобно Свеаборгу, былъ возведенъ на островахъ, расположенныхъ къ югу отъ города Ловизы (прежде Дегербу). Предполагалось, какъ и въ Гельсингфорсѣ, укрѣпить этотъ городъ со стороны суши; составленъ былъ даже планъ большой крѣпости, но къ началу войны 1808 г. къ его исполненію не было приступлено. Гарнизонъ Свартгольма, около 600 человѣкъ, находился подъ начальствомъ майора Гриппенберга. Крѣпость не была приведена въ оборонительное состояніе и комендантъ получилъ всего на всего 500 риксдалеровъ (около 1.000 рублей) на всѣ потребные расходы. Естественно, что крѣпостца не могла быть снабжена въ достаточной мѣрѣ всѣмъ необходимымъ, а на довольствіи было и здѣсь не мало „безполезныхъ ртовъ“ (общее число населенія Свартгольма равнялось 747 человѣкамъ).

По занятіи 11-го февраля Ловизы, оставленъ былъ для дѣйствій противъ Свартгольма отрядъ генераль-майора Муханова, численностью около 1.750 человѣкъ. На другой же день самъ Буебсгевденъ обрекогносцировалъ крѣпость и призналъ, какъ и въ отношеніи Свеаборга, наиболѣе соответственнымъ ограничиться бомбардированіемъ, для чего просилъ прислать орудія тяжелой артиллеріи. Однако, предварительно сдѣлана была попытка предложить гарнизону сдаться. Русскій парламентаръ (генераль-квартирмейстеръ, генераль-майоръ фонъ-Бергъ) передалъ гарнизону бумагу, результатомъ которой былъ созывъ комендантомъ военнаго совѣта, на которомъ рѣшено было арестовать всякаго, кто только подыметъ рѣчь о сдачѣ крѣпости.

Русские обложили Свартгольмъ со стороны суши, но не настолько, однако, чтобы прервать всякое сообщеніе крѣпости съ матеркомъ. Коменданту удалось не только получать оттуда продовольствіе, но и отправить главнокомандующему донесеніе о положеніи крѣпости. Но 15-го (27-го) февраля гарнизонъ Свартгольма узналъ объ отступленіи Блингспора на сѣверъ. На какое-либо сообщеніе съ нимъ нечего было и разсчитывать. вмѣстѣ съ тѣмъ въ крѣпости узнали объ успѣхахъ русскихъ, о занятіи Борго, вторженіи „множества“ войскъ въ Саволаксъ и т. д., разумѣется, все въ сильно преувеличенномъ видѣ.

Къ 16-му февраля обложеніе Сваргольма сдѣлалось полнымъ и два дня спустя къ Грипшенбергу обратился съ новымъ предложеніемъ о сдачѣ, которое было отвергнуто, послѣ чего наши войска открыли артиллерійскій огонь... Несмотря на то, что огонь этотъ причинилъ самыя незначительныя поврежденія, Грипшенбергъ, „опасаясь предстоящаго штурма“ (какъ доносилъ впоследствии одинъ изъ офицеровъ гарнизона фонъ-Шульцъ), предложилъ военному совѣту обратиться къ русскому начальнику осады съ ходатайствомъ о 6-ти недѣльномъ перемиріи. Основанія къ тому: болѣзненность ($\frac{1}{6}$ гарнизона), недостатокъ лѣкарствъ, слабость артиллерійскаго вооруженія и обученной прислуги (всего 14 человекъ), недостатокъ снарядовъ, опасность пожара и т. д. Кончилось дѣло посылкою къ русскимъ парламентаря, что, конечно, не имѣло успѣха. Генераль Мухановъ отвергъ предложенія и продолжалъ бомбардированіе еще болѣе энергично, увеличивъ число батарей. Послѣ вторичной посылки переговорщиковъ, Мухановъ потребовалъ личнаго свиданія съ комендантомъ, послѣ котораго 2-го (14-го) марта состоялось перемиріе, а вслѣдъ за тѣмъ Грипшенбергъ, собравъ военный совѣтъ, повелъ уже прямо рѣчь о капитуляціи, на которую большинство согласилось. О повелѣніи королевской инструкціи „защищать крѣпость до послѣдняго человека“¹⁾, всѣ повидимому, забыли, и 6-го марта Свартгольмъ капитулировалъ. По словамъ Михайловскаго-Данилевскаго (стр. 58), изъ переписки графа Буксгевдена „можно вывести догадки, что къ покоренію Свартгольма употреблены были такія же средства, какъ и противъ Свеаборга, но вѣрныхъ доказательствъ на то въ дѣлахъ не находится“. Въ одномъ изъ донесеній Буксгевдена (отъ 8-го марта), между прочимъ, выражена надежда, что Свеаборгъ послѣдуетъ примѣру Свартгольма, въ сдачѣ котораго главную роль сыграло „неудо-

¹⁾ «Что же касается коменданта Свартгольма, то онъ долженъ быть снабженъ вами одинаковыми приказаніями съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же распорядиться немедленнымъ приведеніемъ крѣпости въ оборонительное состояніе и немедленно же приступить къ необходимымъ для того работамъ, а по вторженіи непріятеля въ край, усиленнымъ по нашему распоряженію гарнизономъ защищаться до послѣдняго человека». (См. стр. 20-я приложеній къ 2 ч. Шведской офиц. исторіи войны).

вольствіе финляндскихъ войскъ, чрезъ различныя внушенія отъ преданныхъ намъ“.

Въ Швеціи паденіе обѣихъ крѣпостей, въ особенности Свеаборга, произвело потрясающее впечатлѣніе. Сперва во всемъ обвиняли Кронстедта и Густавъ IV даже произнесъ историческую фразу: „Я зналъ прежде, что Кронстедтъ мнѣ врагъ, но не считалъ его врагомъ Швеціи“; потомъ начали называть это событіе „психологическою загадкою“ (выраженіе шведскаго генерала Карделя).

Дѣйствительно, взятіе Свеаборга (и Свартгольма) представляетъ собою оригинальный примѣръ удачнаго воздѣйствія на духовную сторону противника. Если нѣкоторые теоретики военнаго искусства считаютъ основнымъ принципомъ этого искусства „подставлять сильную сторону и уклонять слабую“, то столь вѣрно можетъ быть рекомендовано познаніе слабыхъ сторонъ противника и умѣнье использовать ихъ съ выгодой для себя.

Для достиженія главной цѣли войны, побѣды надъ врагомъ,—всѣ средства хороши, разъ только они ведутъ къ успѣху. Нравственная природа человѣка, по мѣрѣ роста культуры, возстаетъ, однако, противъ жестокостей—отсюда международныя соглашенія, устанавливающія въ этомъ смыслѣ извѣстныя нормы... Но примѣненіе, какъ въ данномъ случаѣ, соблазна, совращенія и введенія въ обманъ противника, въ цѣляхъ поколебать въ немъ нравственную упругость и, внеся разладъ и разложеніе въ его ряды, уничтожить его способность къ сопротивленію,—не можетъ считаться средствомъ недозволеннымъ... Напротивъ, достиженіе всякой побѣды „съ легкимъ трудомъ и малою кровью“, разъ это оказывается возможнымъ, нельзя не ставить въ заслугу.

А овладѣніе Свеаборгомъ, благодаря искусству Сухтелена, явившагося здѣсь главнымъ руководителемъ, досталось намъ почти безъ всякой крови... Не будь возможности достигнуть этой цѣли „психологическимъ“ путями, Свеаборгъ, вѣроятно, продержался бы до лѣта и въ періодъ шведскихъ успѣховъ сыгралъ бы для насъ весьма неблагоприятную роль... Между тѣмъ, при томъ количествѣ войскъ, которое могло быть въ то время удѣлено для дѣйствій подъ крѣпостью, вслѣдствіе уже извѣстнаго намъ одновременнаго преслѣдованія нами нѣсколькихъ цѣлей, едва ли можно было рассчитывать взять крѣпость однимъ изъ обычныхъ способовъ. Для штурма (способа, вообще памъ свойственнаго и наиболѣе отвѣчавшаго обстановкѣ по времени)—не хватало войскъ; постепенная атака требовала много времени, и, главное, веденіе подступовъ и сооруженіе батарей на льду оказывалось невозможнымъ, а съ наступленіемъ весны—и подавно; блокада же, даже въ соединеніи съ бомбардированіемъ, также не

сушила успѣха, такъ какъ, дѣйствуя изморомъ, надо было имѣть впереди опять-таки достаточный срокъ; а съ открытіемъ навигаціи, Свеаборгъ тотчасъ же возстановлялъ сообщеніе съ главною базою шведовъ, откуда могъ получить безпрепятственно и подкрѣпленія и припасы. Помѣшать этому мы не имѣли никакой возможности, такъ какъ море въ Ботническомъ заливѣ и западной части Финскаго вскрывается раньше (недѣли за 2—3), чѣмъ въ восточной и, слѣдовательно, Свеаборгъ былъ бы усиленъ и снабженъ на глазахъ у сухопутныхъ нашихъ силъ и пока еще флотъ нашъ находился бы запертымъ въ Кронштадтѣ... Мало этого, тѣ десантныя операціи, которыя проектировались шведами одновременно съ переходомъ въ наступленіе войскъ Кронстедта, могли бы тогда произойти не у Або или Вазы (какъ было въ дѣйствительности), а въ сферѣ вліянія крѣпости, которая оказала бы имъ поддержку, приковывая къ себѣ часть нашихъ силъ... Отсюда видно, какое большое значеніе имѣло для обѣихъ сторонъ паденіе Свеаборга именно въ тотъ моментъ, когда оно въ дѣйствительности случилось... Необходимо принять во вниманіе, что неудачный для насъ Револакскій бой, послужившій поворотнымъ пунктомъ въ развитіи войны и началомъ шведскихъ успѣховъ, произошелъ 15-го апрѣля, т. е. только за недѣлю до сдачи крѣпости... Ясно, насколько своевременною и важною для насъ была капитуляція послѣдней, благодаря которой освободилось около 6 тысячъ прикованныхъ къ крѣпости войскъ, какъ разъ въ такое время, когда, до прибытія настойчиво просимыхъ Буестевденомъ подкрѣпленій, каждый лишній солдатъ былъ у насъ на вѣсъ золота...

Съ другой стороны, негодованіе шведовъ на Кронстедта и постигшія его обвиненія въ измѣнѣ, трусости и даже подкупѣ—обвиненія страстныя и потому, какъ мы видѣли, несправедливыя,—вполнѣ понятны. Кронстедту, отрѣзанному отъ своихъ, дѣйствительная обстановка не была извѣстна; онъ зналъ ее только на основаніи любезныхъ сообщеній русскихъ генераловъ, сообщавшихъ ему то, что было имъ нужно для ихъ затаенныхъ цѣлей... Какъ видно изъ его оправдательныхъ объясненій, Кронстедтъ совершенно не уяснялъ себѣ общаго плана дѣйствій, установленнаго извѣстною намъ королевскою инструкціею, и основная цѣль отступленія въ Эстроботнію была, видимо, ему совершенно непонятна... Въ этомъ слѣдуетъ прежде всего винить составителей этой инструкціи, которые не сумѣли изложить ее настолько ясно, чтобы значеніе удержанія Свеаборга, до возстановленія воднаго сообщенія со Швеціей и присылки отсюда подкрѣпленій, выдвигалось совершенно рельефно. Въ этой инструкціи, кромѣ уже указанной нами въ началѣ этой главы двойственности, была и другая странность: по отношенію къ Сварттольму, значеніе

котораго, очевидно, было неизмѣримо меньшимъ, чѣмъ значеніе Свеаборга, почему-то указано категорически: „защищаться до послѣдняго человѣка“; такимъ образомъ, комендантъ Свартгольма обязывался „лечь костью“, тогда какъ коменданту Свеаборга давались рядомъ указанія, что дѣлать „въ случаѣ невозможности защитить“ его....

Такимъ образомъ, за преждевременное паденіе Свеаборга, если не прямая вина, то извѣстная доля отвѣтственности падаетъ и на высшее шведское командованіе, въ лицѣ короля и его ближайшихъ совѣтниковъ, не сумѣвшихъ съ достаточною опредѣленностью поставить крѣпостному начальству тѣ требованія, которыя къ нему предъявлялись общою обстановкою въ завѣсности отъ принятаго плана дѣйствій.... Нельзя не указать и на то, что въ предвидѣніи зимняго похода, неизбежность котораго была очевидна еще въ январѣ, было бы болѣе соответственнымъ вручить оборону Свеаборга не моряку, какъ Кронстедтъ, а сухопутному генералу, который, вѣроятно, яснѣе представлялъ бы себѣ истинный смыслъ операцій на сушѣ и былъ бы ближе знакомъ съ техникою веденія сухопутной обороны.

ГЛАВА VII.

Итоги зимняго похода 1808 года.

Какъ рисовали себѣ въ Петербургѣ положеніе дѣлъ въ Финляндіи.—Представленія графа Буксгевдена.—Положеніе дѣлъ въ началѣ мая.—Планы Клингсгора.—Опасенія нашего Главнокомандующаго.—Народная война.—Причины нашихъ заблужденій.—Образъ дѣйствій противника и его оцѣнка.

Положеніе сторонъ съ открытіемъ навигаціи.—Планъ союзнаго десанта въ Южную Швецію.—Намѣренія шведскаго короля.—Эпизодъ съ англійскимъ вспомогательнымъ корпусомъ.—Планы Клингсгора и Анъ-Тибеля.—Предположенія графа Буксгевдена.

Быстрое отступленіе шведскихъ войскъ на сѣверъ, успѣшное занятіе очищенной ими части Финляндіи, надежда на удачный исходъ „влиятіи“ въ отношеніи гарнизоновъ обложенныхъ крѣпостей,—все это внушало нашему высшему командованію, до Императора Александра включительно, черезчуръ оптимистическое представленіе о положеніи нашихъ дѣлъ. Намъ казалось, что уже Финляндія завоевана; что непріятельскихъ войскъ, отступившихъ на сѣверъ, нечего опасаться; что со стороны противника можно ожидать только, съ открытіемъ навигаціи, слабыхъ попытокъ высадиться на финскомъ побережьѣ; что, наконецъ, русскимъ должно самимъ внести свое побѣдоносное оружіе въ предѣлы Швеціи, ограничившись въ Финляндіи обороною.

Что такой ошибочный взглядъ раздѣлялся самимъ Императоромъ Александромъ, подъ вліяніемъ побочныхъ денесеній изъ Финляндіи, (въ особенности—Спренгпорта).—видно изъ того, что уже 19 марта военный министръ Аракчеевъ запрашивалъ графа Буксгевдена по Высочайшему повелѣнію: признаетъ ли онъ возможнымъ осуществить переходъ по льду отъ Або въ Швецію 10—12 тыс. корпуса? Буксгевденъ отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что отрядить такой „экспедиціонный корпусъ“, при крайне ограниченномъ общемъ количествѣ находящихся въ его распоряженіи силъ—онъ самостоятельно не въ состояніи; къ тому же времени, когда такая экспедиція можетъ быть окончательно организована, ледъ вѣроятно станетъ уже ненадежнымъ. Въ этомъ утверждало Буксгевдена, между прочимъ, и то обстоятельство, что даже самъ Клингсгоръ не отступилъ отъ Вазы черезъ Сѣверный Кваркенъ въ Швецію, а пошелъ берегомъ на Улеаборгъ. Вотъ почему Буксгевденъ, первоначально имѣвшій мысль внести русское оружіе въ предѣлы коренной Швеціи, преслѣдуя по пятамъ непріятеля, отказался отъ этого намѣренія, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ своей базы, какъ только вскрыется ледъ. Поэтому онъ въ свою

очередь всеподданнѣйше представлялъ Государю, что высадку въ Швецію надлежитъ произвести не раньше, какъ по совершенномъ открытіи навигаціи. Для этой цѣли Буксгевденъ полагалъ необходимымъ назначить 50-тысячный десантный корпусъ, причемъ считалъ еще болѣе выгоднымъ отсрочить операцію эту до будущей зимы, такъ какъ *зимнему переходу въ Швецію продолжалъ отдавать безусловное предпочтеніе*. Буксгевденъ, видимо, придавалъ большое значеніе своему плану, такъ какъ послалъ его съ дежурнымъ генераломъ, квартирмейстерской части майоромъ Гавердовскимъ, который уполномоченъ былъ дать всѣ необходимыя дополнителныя объясненія ¹⁾...

Изъ словъ Михайловскаго-Данилевскаго видно, что соображенія Буксгевдена произвели на Императора Александра непріятное впечатлѣніе. Назначеніе имъ „столь огромныхъ сухопутныхъ и морскихъ средствъ“ не встрѣтило сочувствія. Императоръ Александръ, преувеличивая нѣсколько слабость Швеціи, „считалъ достаточнымъ появленіе на шведскомъ берегу войскъ въ незначительномъ числѣ, отъ 10 до 12 тыс. человекъ“; главнокомандующій, наоборотъ, не видѣлъ въ экспедиціи какой-то демонстраціи, а смотрѣлъ на дѣло, какъ на вполне серьезное военное предпріятіе и съ такой именно точки зрѣнія рассчиталъ потребныя для того средства...

Итакъ, дѣйствительную обстановку въ главной квартирѣ представляли себѣ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ въ Петербургѣ... Ключъ къ этому даетъ намъ одно изъ писемъ Спренгпортена къ графу Румянцеву, писанное какъ разъ 30-го марта (нов. стили) 1808 года, въ которомъ между прочимъ операція переброски нашихъ вооруженныхъ силъ въ Швецію представляется дѣломъ совершенно нетруднымъ ²⁾...

Представленія Буксгевдена, упорно твердившаго о необходимости присылки значительныхъ подкрѣпленій, принимались въ Петербургѣ крайне неблагосклонно; вокругъ него уже сплеталась интрига, главнымъ источникомъ которой являлись шедшія въ обходъ донесенія и письма Спренгпортена, не брезгавшаго даже клеветой. Все это подтачивало довѣріе Государя къ главнокомандующему, подкрѣпляясь въ Петербургѣ критикою Кнорринга, генераль-квартирмейстера русскихъ войскъ въ Екатерининскую шведскую войну, считавшаго себя самого наилучшимъ замѣстителемъ Буксгевдена. Все сводилось къ тому (пишетъ К. Ординъ), чтобы „убѣдить Александра, что силы оружія не нужно для покоренія Финляндіи, что все сдѣлается преданностью финляндцевъ къ Россіи и ея Императору и что воен-

¹⁾ Д. в.-уч. арх. Гл. Шт. № 1651. Любопытно, что въ слѣдующемъ году пришлось отчасти выполнять именно эти предначертанія, но уже не Буксгевдену.

²⁾ Помѣщено у Ордина т. II. ч. 2-я.

ныя дѣйствія здѣсь должны вестись только pro forma. Баталіонъ здѣсь, баталіонъ тамъ, побольше великодушія и золота“...

Событія, однако, не замедлили оправдать осторожную предусмотрительность русскаго главнокомандующаго.

Для справедливой оцѣнки его исторической роли въ эту войну и для правдиваго освѣщенія причинъ постигшей его впоследствии немилости необходимо имѣть въ виду, что еще 10-го апрѣля, т. е. двумя недѣлями ранѣе отправленія помянутого выше „предположенія о переходѣ въ Швецію“¹⁾, графъ Букстевденъ представилъ Государю „диспозицію“, въ которой излагалъ свои соображенія о необходимости упрочить за собою захваченную часть финляндской территоріи и перейти къ оборонительному образу дѣйствій. Такимъ образомъ за пять дней до Револакската боя Букстевденъ и Сухтеленъ, не будучи еще освѣдомлены объ истинномъ положеніи дѣлъ на сѣверѣ, все-таки предугадывали опасныя послѣдствія неосторожной разброски войскъ и чуяли необходимость и своевременность закрѣпленія за собою захваченной территоріи.

„Счастливое покореніе Финляндіи—писалъ Букстевденъ въ препродительномъ къ диспозиціи рапортѣ—перемѣнившее образъ войны изъ наступательной въ оборонительную, и настоящее открытіе весны, требующее сильныхъ мѣръ для защиты береговъ, обязали меня сдѣлать новую диспозицію, которую имѣю счастье поднести на Всевысочайшее Вашето Императорскаго Величества благоусмотрѣніе“. Самая „диспозиція“ ставитъ ближайшею цѣлью—„рѣшительныя мѣры къ удержанію Финляндіи и къ пресѣченію непріятелю возможности постановить твердый шатъ на землю оружіемъ нашимъ покоренную“. Мѣры эти сводились: а) къ установленію наблюденія за побережьемъ, но не сплошь, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ, аслуживающихъ особенно вниманія, причемъ „посты сіи не должны быть чрезвычайно сильны, дабы не ослабить отряды, которые расположатся въ такомъ положеніи, чтобы, подкрѣпя посты, были взаимно подкрѣпляемы другъ другомъ. Оныя отряды подкрѣплены будутъ резервами, кои, въ связкѣ ихъ, составятъ уже твердые пункты. Сверхъ того учредить должно ведеты изъ легкой кавалеріи“.

Нельзя не указать, что такая организація обороны побережья вполнѣ соотвѣтствуетъ современнымъ взглядамъ на это дѣло.

Заслуживаетъ вниманія затѣмъ послѣдующая оцѣнка оборонительныхъ свойствъ Финляндіи, „гдѣ малая часть можетъ удержаться противъ многочисленной“. Общая идея обороны Финляндіи, по мысли „диспозиціи“ такова: вслѣдъ отрядъ, застигнутый непріятельскимъ

¹⁾ «Предположеніе» представлено при рапортѣ отъ 24-го апрѣля и получено (согласно пометкѣ) 28-го апрѣля. «Диспозиція» же отправлена 10-го и получена 13-го апрѣля.

десантомъ, отступаетъ къ своему резерву; въ то же время послѣдній идетъ къ нему на подкрѣпленіе; остальные сосѣдніе отряды „сближаются къ пунктамъ имъ предписаннымъ“ такъ, „чтобы, заманя непріятеля въ желаемую и заблаговременно избранную позицію, вдругъ поставить его между многими огнями“. Главныя силы своего корпуса Буксгевденъ намѣревался держать между Гельсингфорсомъ и Тавастгусомъ, имѣя сильныя отряды въ Або и Вазѣ (авангарды). „Владѣющій“ такою „позиціею“, по мнѣнію Буксгевдена, „владѣеть и всею Финляндіею“.

Изъ того же документа видно, что Буксгевденъ предполагалъ занять правымъ флангомъ 5-й дивизіи Улеборгъ, гдѣ въ дѣйствительности находилась главная квартира непріятеля... Такая плохая ориентировка объясняется, съ одной стороны, дальностью разстоянія (отъ Гельсингфорса до Гамла-Карлебу, гдѣ былъ Тучковъ, болѣе 600 верстъ); въ тѣ времена не существовало могущественныхъ средствъ связи, какія даетъ современная техника. Кромѣ того, главнымъ источникомъ полученія свѣдѣній о противникѣ — были финляндскіе перебѣжчики и мѣстные жители, а не конница наша, лихо работавшая на полѣ сраженія, но слабо развѣдывавшая. Если принять во вниманіе тайныя политическія цѣли и возжеланія этихъ людей, то легко себѣ представить, что обстановку военныхъ дѣйствій зимняго похода 1808 года они намъ рисовали въ совершенно превратномъ видѣ.

Понятно какое впечатлѣніе произвели въ Петербургѣ вѣсти о неудачахъ нашихъ войскъ на сѣверѣ, объ отступленіи Тучкова и Раевского назадъ къ югу, наконецъ, о вспыхнувшей въ Финляндіи народной войнѣ.

Всѣ эти извѣстія, являясь полнѣйшею неожиданностью, не искупались удачнымъ овладѣніемъ Свеаборгскою твердыней; послѣ сдѣланнаго изъ Або официальнаго оповѣщенія всѣмъ державамъ о покореніи шведской Финляндіи, послѣ написанія Императоромъ Александромъ письма къ Наполеону такия событія ставили Россію и ея Монарха въ положеніе, близкое къ тому „смѣшному“ (ridicule), къ которому, правда, по словамъ того-же Наполеона отъ великаго — одинъ шагъ, но самая мысль о которомъ, въ примѣненіи къ самому себѣ, была недопустима для русскаго Императора. Такое положеніе дѣлъ еще болѣе возбудило въ Немъ нерасположеніе къ главнокомандующему. Изъ дѣлъ В.-Ист. Архива Ген. штаба видно, что посланному съ вышеупомянутымъ „предположеніемъ“ майору Гавердовскому было, повидимому, поручено Аракчеевымъ доносить непосредственно ему въ Петербургъ о томъ, что дѣлается въ Финляндіи, такъ какъ Гавердовскій (вѣроятно — изъ поляковъ) писалъ ему непосредственно о томъ

письма. Другой полякъ, полковникъ Турскій, бывший офицеръ Наполеоновскихъ войскъ, перешедшій въ русскую службу, игралъ тоже роль Арагчеевскаго лазутчика при Буксгевденѣ... Такимъ образомъ положеніе графа Буксгевдена сдѣлалось чрезвычайно труднымъ: онъ не имѣлъ „полной мочи“ главнокомандующему, которой требовалъ Суворовъ, обязанъ былъ представлять на Высочайшее благоусмотрѣніе о каждомъ своемъ шагѣ ¹⁾ и, сверхъ того, былъ окруженъ двойнымъ рядомъ глазъ, слѣдившихъ за каждымъ его дѣйствіемъ и ежеминутно доносившихъ о нихъ въ Петербургъ...

Таково было положеніе вещей къ началу мая у насъ, когда наступившее весеннее половодье, сдѣлавъ дороги совершенно непроходимыми и превративъ рѣки и ручьи въ бушующіе потоки, на время прервало военныя дѣйствія. Войска наши находились къ этому времени въ слѣдующемъ положеніи:

1) Отрядъ, соединившійся подъ начальствомъ Тучкова (около 7 тыс. чел.), былъ оттѣсненъ до Гамла-Карлебу, продолжая оставаться отдѣленнымъ отъ прочихъ нашихъ силъ.

2) Остальныя силы Буксгевдена, утвердившіяся окончательно въ юго-западной части края, завладѣвъ крѣпостями Свеаборгомъ и Свартгольмомъ и освободивъ для дѣйствій въ полѣ блокировавшія ихъ войска, были разбросаны въ районѣ Тавастгусъ—Або—С.-Михель—Гельсингфорсъ—Гангс.

3) Отдѣльныя наши отряды, посланные для занятія Готланда и Аландскихъ острововъ, были окружены превосходными силами и ванитулпровали.

Общее число войскъ, находившихся въ Финляндіи, не превышало 23.000 человекъ, которые были разбросаны на 300 верстъ по фронту и 500 верстъ въ глубину (считая по воздуху).

Бодиско на Готландѣ былъ захваченъ эскадрою адмирала Цедерстрема съ 5.000 десантомъ, которая предназначалась въ Свеаборгъ, но, за полученіемъ, едва ли не въ моментъ отплытія, извѣстія о его сдачѣ, направлена на Готландъ, гдѣ встрѣчена поддержкою возставшихъ жителей. На Аландѣ отрядъ Вунча захваченъ возмущившимся населеніемъ, подъ главенствомъ пасторовъ.

Вунчъ, имѣя въ своемъ распоряженіи немного болѣе 700 человекъ, занялъ Аландскій архипелагъ разбросанно, какъ будто дѣло происходило на сушѣ, упуская изъ вида, что связь между островами, со вскрытіемъ льда, прерывалась.... Конница, бывшая въ его распоряженіи, уничтожила оптичскій телеграфъ и предостерегательные знаки, утопила сигнальное урудіе на о-вѣ Сигнальшерфъ и т. п. Запасы про-

---

¹⁾ Что видно изъ всѣхъ его всеподданнѣйшихъ донесеній.

довольствія, бывшіе въ древнемъ замкѣ Кастельхольмъ, перевезены въ Нюштадтъ.

Съ приближеніемъ весны графъ Буксгевденъ, сознавая опасное положеніе нашихъ войскъ на Аландѣ, намѣренъ былъ возвратить ихъ обратно, такъ какъ пребываніе ихъ тамъ, имѣвшее цѣлью задержать движеніе шведовъ изъ Стокгольма черезъ ледъ къ Або, если бы таковое послѣдовало,—теряло смыслъ съ началомъ навигаціи и ставило самый отрядъ Вунча въ опасное положеніе. Но въ это время какъ разъ пришло къ главнокомандующему Высочайшее повелѣніе направить черезъ Аландъ въ Швецію корпусъ отъ 10 до 12 тысячъ человѣкъ.... Это распоряженіе являлось развитіемъ того плана, о которомъ мы упоминали выше, и который состоялъ въ нанесеніи главнаго удара не въ Финляндію, а въ Швецію, соединенными успіями русскихъ и франко-датчанъ. Экспедиція на Готландъ (о которой скажемъ подробнѣе въ главѣ о дѣйствіяхъ на морѣ) являлась въ этомъ смыслѣ началомъ исполненія, а движеніе черезъ Аландъ должно было привлечь вниманіе шведовъ по сѣверную сторону Стокгольма и, такимъ образомъ, облегчить задуманный ударъ по южную сторону столицы.

Буксгевдену, явно не сочувствовавшему этому плану (какъ видно изъ его переписки), пришлось, волей-неволей, оставить Вунча на Аландѣ, хотя документы (журналъ военныхъ дѣйствій и переписка съ Багратиономъ) показываютъ, что опасность положенія Вунча создавалась и дѣятельно принимались подготовительныя мѣры по перевозкѣ Аландскаго отряда водою въ Або, какъ только вскрыется ледъ....

Первоначально на Аландѣ все было спокойно; жители относились къ войскамъ, по внѣшности, миролюбиво. Генераль Шепелевъ, производившій тамъ 4-го апрѣля инспекторскій смотръ, доносилъ, что населеніе „вполнѣ предано“ намъ, въ особенности благодаря щедрой расплатѣ за продукты. На самомъ дѣлѣ такому настроенію довѣрять было нельзя; въ средѣ островитянъ, подъ покровомъ тайны, шло все время невидное намъ глухое броженіе, которое усилилось особенно послѣ предъявленнаго нами требованія разоружиться....

По полученіи майоромъ Нейдгардомъ, начальникомъ передовыхъ частей отряда Вунча, свѣдѣній о появленіи по юго-западную сторону Большого Аланда шведскихъ крейсирующихъ судовъ (море къ западу и юго-западу отъ архипелага всегда вскрывается раньше недѣли на двѣ, чѣмъ по восточную его сторону), послѣдній приказалъ черезъ мѣстную полицію собрать всѣ принадлежащія жителямъ лодки и суда въ теченіе сутокъ въ наше распоряженіе. Это требованіе послужило предлогомъ для агитаціи. Коронный ленсманъ (приставъ) Аренъ, пасторъ Гуммерусъ и крестьянинъ Андерсонъ стали во главѣ заговора; съ быстротою пожара распространился онъ изъ

селенія въ селеніе, изъ избы въ пазбу. Вооружившись чѣмъ попало, отдѣльныя толпы крестьянъ внезапно и *одновременно* напали на наши заставы, которыя частью были истреблены, частью взяты въ плѣнъ. Нейдгардъ съ двумя казаками нѣсколько дней скрывался въ дѣсахъ, послѣ чего, изнуренный голодомъ, сдался одному изъ пасторовъ....

Населеніе Аланда дѣйствовало такъ смѣло, уповая на помощь изъ Швеціи. Последняя и была близка, такъ какъ Густавъ IV, по полученіи извѣстія о занятіи Вупчемъ Аланда, приказалъ отряду галернаго флота, подѣ начальствомъ лейтенанта Капфельмана, немедленно по вскрытіи моря двинуться на Аландъ и попытаться не только отобрать его отъ русскихъ, но и захватить послѣднихъ. Въ тотъ самый вечеръ, когда возставшіе крестьяне овладѣли главнымъ островомъ флотиліи пристала къ южному его берегу. Узнавъ о положеніи дѣлъ, Капфельманъ поплылъ въ обходъ острова Кумлинге, гдѣ были главныя силы Вунча. Въ виду слабости своихъ силъ (у Капфельмана было не болѣе 100 человекъ десанта), онъ обратился за помощію къ вождю повстанцевъ Гуммерусу. Съ трудомъ пробраваясь между льдинами, они подошли къ западному берегу Кумлинге и потребовали у Вунча сдачи. Сперва предложеніе это было отвергнуто; тогда шведскій десантъ и инсургенты одновременно въ трехъ пунктахъ произвели 28-го апрѣля высадку на Кумлинге, гдѣ къ нимъ тотчасъ же примкнуло поголовно возставшее населеніе острова....

Вскрывшееся уже и по восточную сторону море позволило совершенно окружить русскихъ. „Егеря 25-го полка, несмотря на чрезвычайное превосходство противниковъ и пушечные выстрѣлы (у Капфельмана на галерахъ были пушки), дрались храбро до 4-хъ часовъ, наконецъ, отступили въ безпорядкѣ.... Напослѣдокъ, когда не стало патроновъ, число раненыхъ увеличивалось и нѣкоторые отдѣльныя пикеты были отрѣзаны, я былъ сдѣланъ съ прочими плѣннымъ“. Такъ показывалъ Вупчъ вполнѣствіи на судѣ. По шведскимъ источникамъ, нападеніе непріятеля застало Вунча совершенно врасплохъ; онъ, будто-бы, обѣдалъ со своими офицерами у пастора Хекерта, который, при первомъ извѣстіи о нападеніи, старался успокоить Вунча, говоря, что „это только крестьяне съ колыями“.... Однако, крестьяне эти, при поддержкѣ огня орудій, такъ энергично и смѣло атаковали, что Вунчъ принялъ ихъ за регулярныя войска, которыхъ, на самомъ дѣлѣ, тутъ было самое незначительное количество.

Всего сдалось на Кумлинге 20 офицеровъ, 38 унтеръ-офицеровъ и около 400 рядовыхъ. Мы съ умысломъ подробнѣе изложили этотъ эпизодъ, какъ характеризующій мѣстное населеніе, его умѣнье блюсти тайну, его непроницаемость и коварство, его единодушіе въ выполненіи плановъ, умѣлое пользованіе внезапностью и полную согласо-

ванность дѣйствій. Безвыходное положеніе отряда Вуича, благодаря непринятію нами въ расчетъ неизбежныхъ естественныхъ условий, одновременное вскрытіе моря по обѣ стороны архипелага, было принято судомъ во вниманіе и Вуичъ оправданъ. Но все же безопасность и чрезмѣрная довѣрчивость играли въ этомъ печальномъ эпизодѣ немалую роль, а потому и въ этомъ отношеніи онъ поучителенъ.

Послѣдствія захвата Аланда сказались немедленно по открытіи весенней кампаніи, такъ какъ онъ въ рукахъ шведовъ сдѣлался удобнымъ плацдармомъ для подготовки всѣхъ десантныхъ экспедицій, а равно базой и исходнымъ пунктомъ операций галернаго и частью корабельнаго флотовъ.

Тѣмъ временемъ шведскія войска Блингспора (13 тыс.), прекративъ преслѣдованіе войскъ Тучкова (вслѣдствіе весенняго половодья), сосредоточились на квартпрахъ въ районѣ Сизкайоки-Револаксъ, кромѣ бригады Сандельса, которая, послѣ пораженія Обухова, заняла Куопіо и тамъ сдѣлалась центромъ широкоорганизованной народной войны.

Несмотря на столь благопріятный оборотъ дѣлъ, шведскій главнокомандующій графъ Клингспоръ все еще не могъ отрѣшиться отъ тяготѣнія къ пассивному образу дѣйствій. Онъ доносилъ своему королю что, занявъ линію р. Сизкайоки, „пріобрѣлъ хорошую позицію для арміи“ его королевскаго величества, на которой она могла бы имѣть случай къ „хорошей оборонѣ“. Обдумывая различныя „диверсіи“, онъ упустилъ удобный случай нанести отдѣльное пораженіе Тучкову, до наступленія весенней распутицы.

„Митридатъ,—писалъ онъ—говорить сыновьямъ своимъ, что побѣждать римлянъ слѣдуетъ въ Римѣ; мое всеподданнѣйшее мнѣніе состоитъ въ томъ, что русскихъ надо принудить къ миру въ Петербургѣ“. Общая идея задуманнаго имъ довольно таки фантастическаго плана заключалась: а) въ усиленіи финской арміи настолько, чтобы она могла энергично наступать къ югу; б) въ направленіи одновременно съ тѣмъ особыхъ подрѣпленій изъ Швеціи въ видѣ десантовъ на берега юго-западной Финляндіи, въ тылъ отступающимъ русскимъ, облегчая главнымъ силамъ шведовъ ихъ наступательное движеніе, и в) въ прочномъ занятіи Саволакса и въ организациіи народной войны съ цѣлью угрозы нашему тылу съ другой стороны.

Самая возможность такихъ соображеній о переходѣ въ наступленіе, объ „обратномъ завоеваніи“ Финляндіи и даже объ угрозѣ Петербургу явилась результатомъ психода для насъ зимнихъ операцій 1808 г.

Исходъ этотъ никемъ образомъ нельзя признать удачнымъ, а создавшееся стратегическое положеніе для насъ—выгоднымъ...

Въ Петербургѣ этого упорно не понимали, вѣря только тому, чему пріятно вѣрить, и что именно и сообщали услужливые финляндскіе

перебѣжчики... Удачное завладѣніе Свеаборгомъ какъ-бы оправдывало такой взглядъ. Главная наша квартира ближе къ истинѣ оцѣнивала обстановку.

„Изъ диспозиціи, поднесенной Вашему Императорскому Величеству отъ 10-го числа апрѣля (доносилъ графъ Буебсгевденъ 24-го апрѣля), изволили усмотрѣть главное намѣреніе мое усилить оборону по берегамъ полуденной части Финляндіи, какъ въ таковыхъ мѣстахъ, гдѣ должны ожидать покушенія непріятельскаго, наиболѣе же въ то время, когда англичане соединятъ морскія свои силы со шведскими. Сколько не старался я размѣщеніе войскъ основывать соразмѣря мѣста, гдѣ непріятелю представляется способность произвести десантъ, не могъ однакожь достаточно усилить всѣ пункты, требующіе дѣятельной обороны—множество мѣстъ по положенію своему представляютъ непріятелю точки къ высадкѣ удобныя, а особливо при томъ великомъ пространствѣ, составляющемъ болѣе 1500 верстъ, которое должно защитить двадцати пяти тысячнымъ корпусомъ; когда непріятель, прорвавшійся въ одномъ пунктѣ, можетъ получить войскъ со шведскихъ береговъ по крайней мѣрѣ таковое же количество ¹⁾, имѣя сверхъ того надежду на содѣйствіе жителей, коихъ при сильномъ распространеніи непріятеля весьма не трудно будетъ взволновать ²⁾. Сія опасность можетъ еще возрасти отъ того, что по сіе время до десяти тысячъ военноопленныхъ распущено по домамъ, въ томъ числѣ есть много офицеровъ. Корысть и личныя виды нѣкоторыхъ изъ нихъ конечно заставляють быть недовольными объ успѣхахъ оружія Вашего Величества, слѣдовательно, *ожидаю вѣрнѣе непріятеля не менѣе должно быть осторожнымъ и отъ внутреннюю, который всего скорѣе обнаружится при малѣйшей неудачѣ нашей со стороны военныхъ дѣйствій* ³⁾“.

„Зная сколь нужно при сихъ случаяхъ имѣть отряды войскъ между собою сближеннымъ, дабы при наступленіи съ моря можно было составить корпусъ сколько можно равносильный непріятельскому, не менѣе необходимымъ считаю и обезпеченіе своего праваго фланга и тыла со стороны сѣвера: *ибо весьма вѣроятно, что непріятель, въ то самое время, когда устремится на берега полуденные, для разлеченія силъ нашихъ и для большаго вліянія на финновъ, подкрепитъ корпусъ, стесненный нами къ Свеаборгу, съ той стороны диверсію*“.

¹⁾ Какъ увидимъ ниже, оттуда могло бы быть доставлено и большее количество, если бы король шведскій не упорствовалъ въ своихъ предпріятіяхъ противъ Норвегій и если-бы у шведскаго правительства хватило средствъ на организацію лавдера въ предположенной численности (до 60 т. человекъ).

²⁾ Что не замедлило оправдаться.

³⁾ Писалось до полученія довесеній о событіяхъ на сѣверѣ.

Приведенныя соображенія побуждали Буектевдена ходатайствовать о присылкѣ покрѣпленій. Имѣвшееся въ его распоряженіи количество войскъ онъ считалъ недостаточнымъ даже „для содержанія тишины и порядка внутри и для внѣшней обороны Финляндіи“, ибо „если французскія и дацкія войска не произведутъ диверсіи со стороны Скандіи (Шоніи), тогда всѣ силы Швеціи обращены будутъ единственно противу одной здѣшней страны“. При этомъ Буектевденъ особенно подчеркивалъ, что при имѣющихся въ его распоряженіи силахъ „не исчего учредить обсерваціоннаго корпуса“ въ Саволакской области.

Донесеніемъ главнокомандующаго въ Петербургѣ однако не придавали никакой вѣры... Это подтверждается самымъ обиліемъ его ходатайствъ о присылкѣ покрѣпленій.

Прямодушный Буектевденъ доносилъ безхитростно, по совѣсти, то, что казалось ему необходимымъ для пользы дѣла; въ Петербургѣ-же эти представленія подвергалась насмѣшкамъ и едва ли не служили основаніемъ къ обвиненіямъ главнокомандующаго, штурмовавшаго съ Суворовымъ Прагу, въ нерѣшительности, граничащей съ личною трусостью. Нижеслѣдующая фраза, помѣщенная въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ рапортовъ¹⁾ графа Буектевдена показываетъ насколько оскорбительны были для него лично подобныя обвиненія. „Лично я не боюсь непріятеля (пишетъ онъ). Довольно существуетъ во мнѣ жизнь, усердіе къ славѣ Вашего Императорскаго Величества, пррверженность моя къ престолу, готовность и желаніе послѣднюю каплю крови принести пользамъ отечества, составляютъ священные для меня обѣты, которые будутъ управлять всѣми моими распоряженіями; но долгъ и обязанность, которые на себѣ я ношу, укорили бы меня передъ цѣлымъ свѣтомъ, если-бы я осмѣлился умолчать объ обстоятельствахъ, по слѣдствіямъ своимъ могущихъ быть довольно важными. Отъ воли Вашего Императорскаго Величества зависѣтъ будетъ успѣхъ финляндскую армію, а мой долгъ былъ сказать, не обинуясь, истину“.

Такое безпрестанное повтореніе одной и той же истины не могло быть пріятно... Гораздо пріятнѣе было то, что писалъ Спренгпортень, рисовавшій въ своихъ мемуарахъ Румянцеву положеніе дѣлъ въ самомъ розовомъ свѣтѣ, указывая, что „Финляндія—наша“, что у Швеціи нѣтъ ни силъ, ни желанія, ни средствъ отвоевать ее, что она поглощена стремленіемъ овладѣть Норвегіей и что поэтому въ Финляндіи главное—не военныя мѣры, а мѣры привлеченія благорасположенія жителей, въ ряду которыхъ прежде всего нужно созвать сеймъ въ

¹⁾ Отъ 12-го іюня 1808 г. за № 34.

Або. Стратегическое положеніе наше въ Финляндіи, по Спренгпортену,—великолѣпно и не внушаетъ опасеній, а о высадкѣ въ Швецію онъ говоритъ, какъ о шуточномъ предиріятіи..

Тяжело было положеніе главнокомандующаго; это подтверждается заключительною фразою того же рапорта. „Мнѣніе сіе дерзаю я содѣлать извѣстнымъ Вашему Величеству не по одному собственному своему предложенію, но по совѣту и согласію съ генералами, на коихъ таланты и усердіе Ваше Величество благоволите своимъ вниманіемъ и копѣхъ содѣйствіе мнѣ нынѣ считаю за честь“.

Недовѣріе къ графу Буксгевдену выразилось еще и въ неоднократныхъ посылкахъ въ Финляндію, начиная съ апрѣля 1808 года, одного изъ офицеровъ квартирмейстерской части, облеченнаго особыми полномочіями. Это былъ, считавшійся блестящимъ знатокомъ военнаго дѣла, полковникъ маркизъ Паулуччи, сардинскій выходецъ, незадолго передъ тѣмъ перешедшій въ нашу службу изъ австрійской, явившійся контролеромъ послѣдлага въ бояхъ ветерана Суворовской школы— главнокомандующаго, и его начальника штаба, Сухтелена, человѣка высоко-образованнаго во всѣхъ отношеніяхъ, человѣка выдающихся военныхъ способностей и познаній, положившаго, въ сущности, начало въ Россіи правильно-организованной службѣ генеральнаго штаба..

Наиболѣе опаснымъ для насъ послѣдствіемъ неудачи зимняго похода была вспыхнувшая, начиная съ конца апрѣля, народная война. Первое проявленіе ея имѣло мѣсто уже 18-го апрѣля, т. е. три дня спустя послѣ Революкса, а затѣмъ, въ особенности послѣ упомянутыхъ выше событій на Аландѣ и Готландѣ,—пламя возмущенія быстро распространилось. Заимствуемъ у К. Э. Ордина нижеслѣдующія краснорѣчивыя строки для характеристики того положенія, въ которомъ очутились русскія войска:

„Шедшіе къ войскамъ транспорты атаковывались и большею частью расхищались; дѣса наполнились вооруженными людьми, дѣйствовавшими врасыпную и находившими убѣжище по деревнямъ; курьеры перехватывались и отряды оставались безъ свѣдѣній о взаимномъ положеніи... Ненависть къ русскимъ разжигалась еще присланными изъ Стокгольма прокламаціями, которыя начальникъ шведскаго отряда въ Куопіо Сандельсъ дѣятельно распространялъ. Прокламаціи были написаны въ самыхъ рѣзкихъ противъ русскихъ выраженіяхъ, а народнымъ движеніемъ руководили пасторы, офицеры и солдаты сдавшихся и отпущенныхъ на честное слово гарнизоновъ“.

Послѣднее обстоятельство особенно важно и на немъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться. Какъ уже упомянуто было военнопленныхъ въ Свеаборгѣ (и раньше въ Свартгольмѣ) раздѣлили на 2 группы: финновъ распустили по домамъ, а шведовъ отправили въ Россію. Такъ

какъ, при шведской военной организаціи, войска, оборонявшія Финляндію, комплектовались исключительно финляндцами, то плѣнныхъ 2-й категоріи было весьма мало,—только благодаря присылкѣ въ Свеаборгскій гарнизонъ, передъ началомъ войны, подкрѣпленій изъ коренной Швеціи. Конечно показанная главнокомандующимъ (въ вышеприведенномъ всеподданнѣйшемъ его донесеніи отъ 24-го апрѣля), цифра въ 10 тысячъ военноплѣнныхъ, отпущенныхъ по домамъ, можетъ считаться преувеличенною; но все же несомнѣнно, что при численности одного только взятаго въ плѣнъ гарнизона Свеаборга въ 6 съ лишнимъ тысячъ человекъ, общее число вернувшихся къ родному очагу финляндцевъ было никакъ не менѣе 6-ти тысячъ.

Полковникъ Турскій, польскій офицеръ, перешедшій въ русскую службу изъ войскъ Наполеона, доносилъ, между прочимъ Аракчееву: „Главкомаидующій (графъ Буксгевденъ) очень дурно сдѣлалъ, что послѣ взятія Свеаборгской крѣпости выпустилъ на волю 6.000 гарнизонъ вмѣстѣ съ ихъ офицерами, ибо каждый изъ насъ очень хорошо могъ предвидѣть, что всѣ сіи люди сдѣлаются опаснѣйшими для насъ непріятелями и что, будучи разсыяны во внутренностяхъ земли, они возставятъ мужиковъ и будутъ ихъ водителями, что и случилось“...¹⁾ Турскій возлагалъ отвѣтственность въ этотъ дѣлъ на графа Буксгевдена, но думается, что онъ ошибался: вѣроятнѣе, что эта мѣра была внушена изъ Петербурга. Да будь иначе, не стать-бы самъ Буксгевденъ въ своихъ донесеніяхъ указывать на этотъ фактъ, какъ на одну изъ причинъ неблагопріятно-сложившейся для насъ обстановки...

Пагубный результатъ этой мѣры не замедилъ сказаться. Она продиктована была несомнѣнно желаніемъ лишній разъ проявить гуманность и благоволеніе къ населенію покореннаго края, привлечь его къ себѣ изъявленіемъ довѣрія къ его покорности новой власти... Оказалось иное. Оказалось, что покорность эта, о которой такъ много говорили и писали Спренгпортень и его сотрудники,—была мнимой; она была только неизбѣжною тактикою со стороны населенія, оставленнаго на произволъ судьбы своими войсками и вынужденнаго отдаться на милость побѣдителя. Ничтожной въ сущности побѣды надъ незначительнымъ отрядомъ было достаточно, чтобы населеніе повсюду поднялось и чтобы партизанскіе отряды „какъ снѣжный комъ, постоянно росли отъ присоединявшихся къ нимъ вооруженныхъ крестьянъ и отпущенныхъ на свободу солдатъ крѣпостныхъ гарнизоновъ“.

Даже генералъ Кноррингъ, впоследствии смѣнившій Буксгевдена на посту главнокомандующаго и вообще склонный мирволить мѣстному населенію, не могъ скрыть истины въ этомъ отношеніи и, характеризуя положеніе дѣлъ на театрѣ войны, помѣстилъ въ одномъ изъ

¹⁾ Д. В. Уч. Арх. Гл. Шт. № 1664.

своих всеподданнѣйшихъ донесеній, что опущенные на волю офицеры и солдаты „разсѣивались по лѣсамъ и, будучи одобряемы губернаторами, священниками и комиссарами (т. е. всѣми тѣми органами мѣстнаго управленія, которые нами „гуманно“ оставлены были на своихъ мѣстахъ), взяли себѣ въ предметъ захватывать и грабить російскіе транспорты и магазейны“, сдѣлавъ вскорѣ возмущеніе „всеобщимъ“, а Куошоскую губернію—„зрѣлищемъ кровопролитія“.

Кноррингъ, положимъ, свое указаніе дѣлаетъ съ цѣлью обѣлить мѣстное населеніе и доказать, что народной войны, въ сущности, не было вовсе, а дѣйствовали только отпущенные на свободу военно-плѣнные; если же къ нимъ и примыкали крестьяне, то это-де вызвано было злоупотребленіями нашего военного начальства, неаккуратно разсчитывавшагося за подводы, а также вслѣдствіе производимыхъ войсками грабежей¹⁾... Это явно пристрастное заключеніе „русскаго“ главнокомандующаго опровергается цѣлымъ рядомъ документальныхъ свидѣтельствъ современниковъ, подтверждающихъ участіе въ возстаніи почти поголовно мужского населенія края. Если бы участвовали только распущенные плѣнные, или недовольные подводчики, то возстаніе никогда не приняло бы столь грозныхъ размѣровъ... Лучшимъ свидѣтельствомъ могутъ служить нижеслѣдующія строки уже помянутаго Паулуччи, заявленія котораго, какъ иностранца въ русской службѣ, мы въ правѣ считать уже вполне безпристрастными:

„Возмущеніе устроено въ окрестностяхъ нашихъ позицій,—шпешеть онъ,—и, покровительствуя непріятелю во всѣхъ его наступательныхъ и оборонительныхъ намѣреніяхъ, оно должно непременно ослабить наши средства и сдѣлать даже, если смѣю сказать, наше положеніе весьма сомнительнымъ. Я сомнѣваюсь, чтобъ сей народъ можно было ласкою привязать къ себѣ, и думаю, напротивъ того, что если бы силы наши здѣсь умножились такъ, чтобы можно было принять и насильственные мѣры, *употребивъ примѣры праведной строгости*, то тогда можно было бы возстановить порядковъ и спокойствіе въ такомъ народѣ, котораго кроткіе и человѣколюбивые поступки нашей арміи не были бы въ состояніи содержать въ тишинѣ“.

Крестьяне принимали въ народной войнѣ настолько широкое участіе, что какъ пишетъ (на основаніи помянутыхъ документовъ) К. Ф. Ординъ,—«стычки съ народнымъ возстаніемъ принимали характеръ настоящихъ сраженій и кучи труновъ вооруженныхъ крестьянъ оставались на мѣстѣ». Какъ только русскія войска удалились—возстаніе возгоралось съ новою силою, сопровождаясь жестокостями. Въ одномъ мѣстѣ найдено было 11 труповъ русскихъ солдатъ, забитыхъ по поясъ въ землю и съ отрубленными головами. На

¹⁾ Подлинный отчетъ Кнорринга помѣщенъ въ дѣлѣ В. Уч. Архива Главнаго Штаба № 4418.

островах устранивались склады оружія, переправы уничтожались, транспорты и курьеры перехватывались... Какъ увидимъ далѣе, мятежъ народный совершенно отрѣзалъ одно время войска, бывшія на сѣверѣ Финляндіи, отъ прочихъ силъ...

Исное дѣло, что такіе серьезные результаты не могли быть достигнуты только одними отпущенными военноплѣнными и только благодаря недовольству притѣсняемыхъ войсками крестьянъ... Роспускъ по домамъ военноплѣнныхъ имѣлъ, однако, существенно-важное значеніе, ибо этимъ мы сами послали въ среду финскаго населенія *готовые кадры* для вооруженнаго мятежа. Дѣйствительно, военная исторія показываетъ, что только при существованіи такихъ кадровъ народная война бываетъ успѣшна и трудноподавима: польскія возстанія, испанскіе гверильясы, наши и германскіе партизаны въ 1812—1813 гг. Всюду въ этихъ случаяхъ во главѣ партій и въ видѣ основного ядра ихъ оказывались люди съ военною подготовкой. Обратно, въ 1870 году французскіе *francs tireur*-ы, были именно «вольными» стрѣлками, въ обычномъ смыслѣ этого прилагательнаго въ устахъ нашего солдата, что несомнѣнно, являлось одною изъ причинъ, почему ихъ дѣятельность проявила себя слабо и разрозненно.

Итакъ, въ теченіе почти 3-хъ первыхъ мѣсяцевъ кампаніи, наши войска, вторгнувшись въ шведскую Финляндію по эксцентрическимъ направленіямъ и не встрѣчая нигдѣ сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія со стороны еще не сосредоточенныхъ и даже частью не укомплектованныхъ шведскихъ войскъ, быстро заняли южную и юго-западную часть Финляндіи вплоть до линіи Бьернеборгъ - Куопіо. Затѣмъ, вслѣдствіе одновременнаго преслѣдованія нѣсколькихъ плѣдъ, произошла разброска силъ во времени и пространствѣ, благодаря чему въ точкѣ удара мы оказались значительно слабѣе противника. Наши силы, не соотвѣтствуя ни предѣламъ захваченной территоріи, ни широтѣ поставленныхъ задачъ, — оказались не только не въ состояніи продолжать активныя дѣйствія, но даже очутились въ положеніи, близкомъ къ критическому. Разобсценныя другъ отъ друга огромными разстояніями, окруженныя чуть не поголовно возставшимъ, при первой-же ничтожной нашей неудачѣ, населеніемъ, 23-тысячныя силы финляндскаго корпуса уже не смѣли помышлять объ осуществленіи фантастическихъ плановъ Спренгпортена: они должны были бороться за собственное существованіе, ожидая тѣмъ болѣе съ часу на часъ по вскрытіи водъ Ботническаго залива высадки въ тылъ подкрѣпленій изъ Швеціи и притомъ раньше того, чѣмъ русскій флотъ, затертый льдомъ въ Кронштадтѣ могъ этому помѣшати!.

Чѣмъ же объяснить такой исходъ, какія же причины, какія же упущенія, ошибки или заблужденія довели насъ до такого положенія вещей?

Прежде всего — незнаніемъ своего противника, недостаткомъ точныхъ о немъ свѣдѣній и ненадежностью главныхъ источниковъ этихъ свѣдѣній.

До начала войны свѣдѣнія какъ о Финляндіи, такъ и подготовительныхъ мѣропріятіяхъ шведскаго правительства сводились: а) къ даннымъ, оставшимся отъ прежнихъ войнъ (напр. замѣчанія и записки генерала Бибикова и др.); б) къ воспоминаніямъ оставшихся въ живыхъ участниковъ послѣдней (Екатерининской) войны въ Финляндіи (къ числу которыхъ можно отнести, напримѣръ, генерала Кнорринга и того же Спренгпортена); в) къ донесеніямъ нашего Стокгольмскаго посланника Алопеуса, и г) къ свѣдѣніямъ, коими обязательно снабжали насъ финляндскіе перебѣжчики, явившіеся подъ сѣнью Русскаго Трона... Свѣдѣнія первыхъ трехъ категорій были отрывочны, неполны, неясны, неопредѣленны; данныя послѣдней категоріи отличались всегда полнотою, подробностями, доставленными всегда «съ мѣста» и изъ первыхъ рукъ; поэтому изъ нихъ всегда создавалась яркая и живая картина. Главное же, въ этихъ сообщеніяхъ было по большей части то, чему особенно охотно вѣрилось...

Предстоящее овладѣніе Финляндіей, по сообщеніямъ этихъ лицъ, изображалось дѣломъ чрезвычайно легкимъ, уповали не только на то, что само населеніе съ полною готовностью перейдетъ подъ власть Россіи, но что и самыя войска финляндскія, если и проявятъ сопротивленіе, то только для вида, чтобы не «быть обезчещенными»¹⁾.

Полагали, что финнамъ нужно лишь соблюсти известное приличіе, чтобы не заслужить клейма измѣнниковъ... Дѣлались попытки къ совращенію непріятельскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ: были изданы къ нимъ особыя прокламаціи, посылались переговорщики и т. п. Только въ Свеаборгѣ и Свартгольмѣ воздѣйствія эти увѣнчались успѣхомъ, благодаря полной изолированности крѣпостныхъ гарнизоновъ и неизмѣнью въ нихъ сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній о положеніи своихъ войскъ...

Далѣе преднамѣренное отступленіе шведскихъ войскъ на сѣверъ, приведшее въ смущеніе ихъ же гарнизоны и ускорившее ихъ сдачу — ввело въ заблужденіе и наше командованіе. Его объяснили себѣ страхомъ и приняли за бѣгство („la terreur panique de l'ennemi“, — какъ пишетъ маркизъ Паулуччи). Паулуччи признаетъ главною причиною неудачнаго исхода зимней кампаніи, что „не воспользовались паническимъ страхомъ непріятеля и не сохранили дивизіи Тучкова ея первоначальнаго направленія, а... съ войскамъ, очистившимъ отъ

¹⁾ См. въ одномъ изъ донесеній полковника маркиза Паулуччи: «Большіе затрудненія къ тому (т. е. къ сдачѣ) она (финская армія) врядъ ли представляла бы, такъ какъ въ этомъ случаѣ она могла бы положить оружіе, не будучи обезчещенной и вернуться къ своимъ очагамъ».

противника Тавастгусъ, затѣяли занимать большую часть побережья въ такое время, когда оттуда нечего было опасаться“. По мнѣнію Паулуччи, надлежало преслѣдовать финскую армію всѣми силами и она оказалась бы между двухъ огней.

Слѣдуетъ тутъ же указать, какъ на побочное обстоятельство, на отмѣченное не разъ слабое пользованіе конницею, какъ орудіемъ развѣдѣц, что отчасти объяснялось временемъ года (знама, глубокій снѣгъ), а затѣмъ—общою неналаженностью этого дѣла въ то время.

Отъ основной первопричины — вытекають и всѣ послѣдующія. Если бы главною цѣлью поставлено было уничтоженіе живой силы противника, то нѣтъ сомнѣнія, что, несмотря на необычайную быстроту отступленія шведовъ, особенно *при примѣненіи параллельнаго преслѣдованія*, мы имѣли бы не разъ случай нанести имъ пораженіе. На самомъ дѣлѣ, начиная отъ Тавастгуса, наши войска, стараясь не терять соприкосновенія съ противникомъ, гнались по пятамъ за его колоннами, причемъ силы преслѣдующихъ (за выдѣленіемъ войскъ для другихъ цѣлей) все болѣе и болѣе таяли. Отъ Бьернеборга и до Гамла-Карлебю (гдѣ присоединился Тучковъ) шведовъ преслѣдовали ничтожныя авангарды Раевского и Кульнева¹⁾, не имѣвшіе за собою ровно ничего. Правда, они преслѣдовали неотступно и столь энергично (особенно Кульневъ), что шведы (до боя у Сінгайоки), обладая значительно превосходными силами, ни разу не вязались въ рѣшительное столкновеніе и спѣшили выводить свои войска изъ боя. Можно полагать, какъ это и дѣлаетъ маркизъ Паулуччи, что глаза имъ раскрылъ впервые тотъ курьеръ, который везъ въ Стокгольмъ текстъ Свеаборгской каштуляціи...

Если бы отъ Тавастгуса наше преслѣдованіе было ведено не по пятамъ за врагомъ, а по одному изъ параллельныхъ путей Тавастгусъ—Таммерфорсъ-Ваза (черезъ Оривеси-Алаво-Лаппо или еще ближе по зимней дорогѣ Тавасткоро-Ильмола, а лучше по обѣимъ), *не сворачивая вовсе на Бьернеборгъ*, то едва ли войскамъ Клингспора удалось бы ускользнуть и уцѣлѣла бы только одна бригада Кронстедта, которая вынуждена была бы, вѣроятно, положить оружіе въ Улеаборгѣ, такъ какъ все равно до открытія навигаціи никакихъ подрѣпленій изъ Швеціи прибыть не могло. Съ окончательнымъ же пораженіемъ войскъ „финской арміи“, крѣпости, при условіи даже простого наблюденія за ними, достались бы самн въ наши руки еще легче.

Увлеченіе „окупаціей“ и затѣмъ дѣйствіями противъ Свеаборга объясняется, какъ уже указано, политическими побужденіями. Раз-

¹⁾ У перваго 12 ротъ, 1 эскадронъ, 40 казаковъ и 5 орудій; у втораго—баталіонъ, 1/4 эскадрона, 1 орудіе.

считывали, что фактического занятія страны войсками и затѣмъ торжественной присяги въ Або и созыва тамъ сейма, будетъ совершенно достаточно, чтобы привести Финляндію къ покорности. Спренгпортенъ 30-го марта писалъ: „La Finlande est à nous“; то же сообщалъ самъ Императоръ Александръ Наполеону еще 16-го того же мѣсяца, а между тѣмъ самая кровопролитная, самая тяжелая часть войны была еще впереди, предстояло еще немало трудовъ и усилій русскому воцнству, чтобы закрѣпить за собою Финляндію и оправдать на дѣлѣ преждевременное заявленіе Своего Монарха.

Обратимся теперь къ нашему противнику.

Планъ дѣйствій шведовъ былъ опредѣленъ заранее: королевская инструкція, составленная на основаніи мнѣнія „тайнаго военнаго совѣта“, преслѣдовала одну главную цѣль: *вытѣрнуть времени* до окончанія зимы, когда съ открытіемъ морскихъ сообщений можно было поддержать одиноко борющіяся въ Финляндіи слабыя силы „финской арміи“. Съ этою цѣлью, войска этой арміи должны были искать спасенія въ отступленіи къ крайнему сѣверу, а гарнизоны крѣпостей—отспживаться за верками до послѣдней возможности.

Русскіе вторглись въ Финляндію въ наименѣе благопріятный для ея обороны моментъ. Не говоря уже о неготовности войскъ, незакончившихъ укомплектованіе и сосредоточеніе, зимою Финляндія была наименѣе обороноспособна; ея главная сила—пересѣченность, зависѣвшая по преимуществу отъ прихотливости внутреннихъ водъ, низводплась почти къ нулю. Число путей и ихъ проходимость—въ значительной степени возрастали. Въмсто дальняго кружнаго обхода позицій, которому всегда не трудно было, при зоркомъ наблюденіи, оказать помѣху своевременнымъ передвиженіемъ узловыхъ резервовъ, сдѣлался возможнымъ обходъ ближній, по льду (чѣмъ и пользовался систематически Кульневъ). Мало этого, зимою Финляндія оторвана почти вовсе отъ Швеціи, ибо о передвиженіи подерѣпленій черезъ ледъ, такъ, какъ позднѣе поступилъ русскіе, шведы не помышляли. Королевская инструкція прямо такъ и говорила: „въ настоящую зиму помощь со стороны Швеціи, въ виду прекращенія сообщений, не можетъ быть подана“ а „пмѣющіяся въ Финляндіи сильныя позиціи, послѣ замерзанія болотъ и озеръ, не могутъ обороняться финской арміей съ достаточною выгодой противъ вторженія превосходныхъ силъ противника“; поэтому она и считала положеніе „особенно затруднительнымъ и опаснымъ“.

Однако, та же инструкція обязывала Клингспора „на сколько возможно препятствовать вторженію непріятеля“ и только „въ крайнемъ случаѣ“ разрѣшала „предпринять отступление“. Клингспоръ же понималъ свою задачу въ смыслѣ сосредоточенія всѣхъ силъ на край-

немъ сѣверѣ Финляндіи въ возможно короткій промежутокъ времени, что на первый взглядъ едва-ли вызывалось обстановкою. Последняя, наоборотъ, требовала выпрышка времени, т. е. затяжки зимняго похода до вскрытія водъ и прихода поддѣрпленій. Съ этой точки зрѣнія попытки нанести частные удары неосторожно высунувшимся русскимъ отрядамъ,—къ чему не разъ была полная возможность— были бы предпочтительнѣе такого безостановочнаго отступленія, которое у насъ принято было за „la terreur panique de l'ennemi“. Однако, напрашивается вопросъ: если бы шведы отступали съ боемъ, задерживаясь при каждой къ тому возможности, была ли бы допущена нами та разброска силъ, которая, собственно говоря, и привела насъ къ опасному стратегическому положенію? Врядъ ли, видя передъ собою стойкаго, упорно отстаивающаго каждую пядь земли противника, мы рискнули бы одновременно преслѣдовать этого противника, занимать различные пункты въ южной Финляндіи и блокировать Свартгольмъ и Свеаборгъ, всего съ 23-мя тысячами свободныхъ силъ? Именно эта паника, это поспѣшное бѣгство на сѣверъ и ввели насъ въ заблужденіе больше всего; благодаря имъ мы считали Финляндію *нашею* въ то время, какъ брошенъ былъ намъ, въ стремленіи „отрѣзать“ Клингспора, очищенный почти безъ боя противникомъ Саволакскій районъ, удержаніе котораго въ своихъ рукахъ не дало бы шведамъ возможности развить народнаго движенія въ опасныхъ для насъ предѣлахъ. За отдачу шведами Куопіо, Иденсалми и за отходъ бригады Кронстедта къ Улеаборгу ихъ можно было бы справедливо упрекнуть, если бы сами русскіе не предоставили имъ потомъ полной возможности возстановить утраченное положеніе, которое потомъ блестяще использовано было талантливымъ Сандельсомъ. Ни та, ни другая сторона не сознавали ясно значенія удержанія въ своихъ рукахъ центральной Финляндіи, разъ уже последняя сдѣлана была театромъ операций; но уже у Буксгевдена (въ рапортѣ отъ 24-го апрѣля) видно сознаніе необходимости „учредить въ Саволакскѣ обсервационный корпусъ“, чего безъ поддѣрпленія сдѣлать „не исчего“. Вполнѣ яснымъ это стало только тогда, когда сами событія указали на грозное значеніе этой природной твердыни, которая служила редюитомъ народному мятежу, парализуя наши наступательные планы и даже ставя насъ въ необходимость сжать сферу своей собственной обороны.

Быстрое бѣгство Клингспора и Кронстедта къ Улеаборгу, хотя и не отвѣчало королевской инструкціи и, быть можетъ, было не лестно для шведскаго оружія—но, въ конечномъ результатѣ, оказалось для шведовъ выгоднымъ. Почему? Да потому, что этимъ они *сбили съ толку* своего противника. Противникъ вообразилъ, что съ этими бѣглецами не стоитъ и считаться; онъ занялся совсѣмъ другими дѣлами

окупаціей края, торжественнымъ въѣздомъ въ Або, обѣщаніями созвать сеймъ, мѣрами касательно будущаго гражданскаго устройства края, а вслѣдъ противнику послалъ ничтожную часть своихъ войскъ, которая только потому не была разбита, что шведы никогда и представить себѣ не могли такой смѣлости. Они, несомнѣнно, были увѣрены, что ихъ преслѣдуютъ превосходныя силы, а на самомъ дѣлѣ во всѣхъ бояхъ до Сінкайоки включительно отступали передъ силами втрое меньшими, которымъ Кульневъ ловко придавалъ видъ значительныхъ, рассыпая чуть не послѣдняго солдата все въ стрѣлковую цѣпь...

Только съ проѣздомъ Свеаборгскаго курьера шведамъ открылась истина и они робко, неуверенно рискували съ тройными силами павалиться на Булатова, да и то дали уйти большей части отряда, вмѣсто того, чтобы послѣдовательно разбить сосредоточенными силами разрозненныя группы Булатова, Раевского и Тучкова. Но и этотъ незначительный по существу успѣхъ окрылялъ ихъ надеждою, поднимал упавшій духъ и возжегъ пламя народной войны въ населеніи. Непосредственно послѣ Револакского боя Паулуччи такъ формулировалъ невыгодныя для насъ послѣдствія этого дѣла: „Револакское дѣло болѣе важно по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ само по себѣ, ибо наши потери не превысили 400 человѣкъ, но непріятель могъ узнать наши силы... и во-2-хъ, *Куопіоскій районъ оказался совершенно открытъ, что требуетъ зрѣлаго обсужденія*“.

Вотъ почему Револакъ является рубежомъ, начиная съ котораго колесо фортуны повернулось для шведовъ благоприятно. Оставалось безотлагательно использовать выгодное стратегическое положеніе и не упускать русскія войска, оставленныя на произволь судьбы въ 500 верстахъ отъ своихъ и окруженныя возставшимъ населеніемъ...

Несомнѣнно важное значеніе для обѣихъ сторонъ капитуляціи Свеаборга. Для насъ освобожденіе блокаднаго корнуса, какъ разъ въ моментъ неблагоприятнаго для насъ поворота обстоятельствъ являлось весьма кстати. Для шведовъ же утрата крѣпости, помимо „удара по чести и по карману“, оказалась, при сложившихся затѣмъ условіяхъ, менѣе невыгодной, чѣмъ казалось съ перваго взгляда. Если мы съ паденіемъ Свеаборга освободили свои войска обложенія для дѣйствій въ полѣ, то и шведы не лишлись услугъ гарнизоновъ этой крѣпости (и Свартгольмской), которые, будучи выпущены на свободу, оказались въ роли *кадровъ вооруженнаго возстанія* и въ этой роли, пожалуй, принесли намъ болѣе вреда, чѣмъ оставаясь замурованными въ крѣпостныхъ стѣнахъ...

Если за частными для насъ неудачами при Сінкайоки, Револакѣ и Пулькилла не послѣдовало со стороны шведовъ болѣе рѣшитель-

ныхъ ударовъ, то, кромѣ общей нерѣшительности непріятельскаго главнокомандующаго, мы всего болѣе обязаны этимъ весеннему половодью. Въ 1808 году обиліе снѣга усилило обычный весенній разливъ настолько, что всякія движенія внѣ дорогъ сдѣлались безусловно невозможными, а по дорогамъ—крайне затруднительными. Военныя дѣйствія прекратились на цѣлый мѣсяць. Естественно, что этою отсрочкой должны были воспользоваться обѣ стороны; но если для насъ она являлась прямо спасительной, то для шведовъ, наоборотъ,—скорѣе досадною задержкой.

Время открытія навигаціи возстановляло прямую связь Финляндіи со Швеціей моремъ; можно было приступитъ къ выполненію основного плана дѣйствій, составленнаго еще передъ войною, т. е. предпринять рядъ высадокъ на Ботническомъ побережьѣ въ тылъ нашимъ войскамъ зарвавшимся въ глубь Финляндіи, одновременно съ рѣшительнымъ наступленіемъ «арміи» Клингспора въ разрѣзъ между нашими отдѣльными груннами и дѣйствіями на ихъ сообщенія партизанскою войною изъ сердца страны. Естественный плацдармъ для организаціи такого рода высадокъ,—Аландскій архипелагъ, былъ шведами только что обратно отвоеванъ. Для обезпеченія-же за собою обладанія моремъ шведы, кромѣ своего корабельнаго флота, ожидали прибытія англичанъ. Англійская эскадра должна была сверхъ того доставить 14-тысячный десантъ генерала Мура, что при сравнительной слабости вооруженныхъ силъ Швеціи и необходимости для нея одновременно дѣйствовать на 3 фронта, являлось весьма солиднымъ подкрѣпленіемъ.

Стратегическое положеніе Швеціи, помимо отряженія части силъ на Норвежскую границу, ухудшалось необходимостью удерживать довольно значительныя силы въ южныхъ провинціяхъ королевства, на случай франко-датскаго десанта. Существовалъ даже планъ (повидимому, исходившій отъ Наполеона)—направить главный ударъ именно сюда, въ Шонію, совокупными франко-дано-русскими силами и энергичнымъ наступленіемъ къ Стокгольму, принудить Швецію къ миру. Оккупация же русскими войсками Финляндіи въ этомъ случаѣ должна была играть роль демонстративную, оттягивая силы Швеціи и облегчая выполнение главной задачи. Какъ уступку именно этому плану, слѣдуетъ понимать и экспедицію подъ начальствомъ адмирала Бодиско на островъ Готландъ¹⁾. Захватъ этого острова дѣлался, надо думать, именно для того, чтобы впослѣдствіи двинуть въ этомъ направленіи болѣе сильный десантъ для совмѣстныхъ дѣйствій съ маршаломъ Бернадоттомъ, войска котораго (25.000) въ апрѣлѣ мѣсяцѣ вступили въ датскія владѣнія. Корпусъ Бернадотта

¹⁾ Подробности этой экспедиціи въ главѣ 9-й.

состоялъ изъ двухъ дивизій: одной голландской и другой испанской; послѣднюю начальствовалъ маркизъ Ла-Романа. Уже Вернадоттъ вступилъ въ переговоры съ датскимъ правительствомъ относительно переправы черезъ Зундъ, какъ вдругъ положеніе дѣлъ измѣнилось. Маркизъ Ла-Романа вошелъ въ тайныя сношенія съ англичанами и его дивизія, внезапно перейдя на сторону исконныхъ враговъ Наполеона, отплыла на англійскихъ транспортахъ въ Испанію. Такимъ образомъ, силы Вернадотта уменьшились на половину и онъ не рѣшался уже рисковать высадкою; а тѣмъ временемъ въ проливы прибылъ англійскій флотъ и самая переброска эта сдѣлалась вовсе невозможною. Наряду съ этимъ въ первыхъ числахъ мая шведы отобрали у насъ Готландъ. Все это, вмѣстѣ взятое, привело къ совершенному оставленію мысли о нанесеніи Швеціи главнаго удара съ юга.

Должно думать, что Императоръ Александръ и самъ предпочиталъ придерживаться исторически сложившагося у насъ въ шведскія войны образа дѣйствій, которымъ мы въ общемъ неизмѣнно почти руководствовались, начиная съ Петра Великаго. Такъ какъ цѣлью этихъ войнъ было всегда утвержденіе за собою балтійскихъ береговъ, а послѣ Ништадскаго мира,—закрѣпленіе за собою Финляндіи, то ближайшею задачею всякой войны со шведами, хотя бы возникшей и противъ нашей волѣ,—мы ставили себѣ всегда прочное овладѣніе этимъ краемъ; это давало намъ вмѣстѣ съ тѣмъ надежное основаніе для дальнѣйшихъ операцій въ сердце Швеціи, безъ чего „надменный сосѣдь“ не шелъ на уступки. Положеніе Финляндіи на флангѣ морскихъ операціонныхъ путей отъ Петербурга въ Швецію, въ связи съ извѣстными намъ естественными ея свойствами, не позволяло предпринимать чего-либо рѣшительнаго противъ самой Швеціи, не ставъ въ Финляндіи твердою ногою.

Такая традиція, исходившая изъ глубокаго пониманія природныхъ условій, естественно, привела къ тому, что, какъ только въ концѣ апрѣля и началѣ мая 1808 г. дѣла наши повернулись неблагопріятно, такъ тотчасъ-же главнымъ и основнымъ стремленіемъ нашимъ становится удержаніе въ своихъ рукахъ во что бы то ни стало Финляндіи.

Наоборотъ, шведскій король Густавъ IV Адольфъ отличался, повидному, въ значительной мѣрѣ отрицательнымъ свойствомъ „смотрѣть заразъ на слишкомъ много вещей“. Вмѣсто того, чтобы спѣшить воспользоваться благопріятно сложившеюся для него въ Финляндіи обстановкою, а также прибытіемъ англійскаго флота, и сосредоточить какъ можно больше войскъ на берегахъ Ботническаго залива съ тѣмъ, чтобы, подъ прикрытіемъ союзнаго флота, разомъ перебросить ихъ въ Финляндію, король, не оттянувъ ничего изъ Шоніи, проявлялъ преимущественно интересъ къ дѣйствіямъ на Норвежской границѣ.

Топографическія свойства мѣстности по этой границѣ въ гораздо большей степени способствуютъ оборонѣ, чѣмъ наступленію. Датчане, наши союзники, вполне правильно оцѣнили эти условія и, несмотря на численное превосходство (у нихъ было до 30.000 войскъ, частью регулярныхъ, частью милиціонныхъ),—дѣйствовали строго оборонительно. Что же касается направленаго сюда шведскаго 18-ти тысячнаго корпуса графа Армфельта, то его наступленіе, веденное къ тому-же разрозненно и безъ всякаго согласованія въ дѣйствіяхъ начальниковъ отдѣльныхъ колоннъ, нерѣдко получавшихъ приказанія прямо изъ Стокгольма помимо корпуснаго командира, не имѣло никакого успѣха и только привело къ затратамъ дорогого времени и напрасному расходу силъ. Однако Густавъ IV Адольфъ продолжалъ упорствовать въ намѣреніи „вознаградить себя въ Норвегіи“ за Финляндію и, не желая ослаблять войскъ графа Армфельта посылкою подрѣзанныхъ Клингспору, возымѣлъ намѣреніе направить съ послѣднею цѣлью *вспомогательный англійскій десантъ*. Десантъ этотъ, въ количествѣ 14.000, подъ начальствомъ генерала Мура, прибылъ въ Готеборгъ 14-го мая. Появленіе этихъ силъ на какомъ-либо изъ театровъ войны, при условіи, что „финская армія“ Клингспора не превышала въ общей сложности 14 тысячъ, а войска Армфельта—18-ти,—не могло не сыграть рѣшающаго значенія. Но на бѣду союзникамъ никакъ не удалось достигнуть согласія по вопросу объ употребленіи этого десанта.

Генераль Муръ имѣлъ отъ своего правительства опредѣленное, категорическое приказаніе: во-первыхъ, ни въ какомъ случаѣ не дробить своихъ силъ на отдѣльные отряды, а дѣйствовать непременно въ совокупности, а затѣмъ,—ни подъ какимъ видомъ не отходить далеко отъ побережья, дабы всегда быть въ готовности сѣсть на суда. Такія инструкціи становятся вполне понятнымъ, если вспомнимъ вообще двойственный характеръ поведенія Англій въ эту войну. Строго руководствуясь даннымъ ему наставленіемъ, начальникъ англійскаго десанта всегда имѣлъ возможность, въ случаѣ *перемены политическаго вѣтра*, распустить „послушныхъ вѣтрпла“ и отправиться съ войсками во свояси въ родимому Альбіону.

При извѣстномъ-же намъ стремленіи шведскаго короля гоняться одновременно за нѣсколькими зайцами, достигнуть соглашенія оказывалось положительно невозможнымъ. Король то хотѣлъ посылать англичанъ противъ Норвегіи, то соединять ихъ съ корпусомъ, стоявшимъ въ Шоніи, и оттуда, при поддержкѣ англійскаго флота, высаживаться въ Данію и обрушиваться на Копенгагенъ; наконецъ, когда въ Финляндіи дѣла стали поправляться, онъ вознамѣрился послать англичанъ вглубь Финскаго заліва, съ тѣмъ, чтобы выса-

дти ихъ тамъ тѣ-либо у Выборга и, захвативъ или въ крайнемъ случаѣ хотъ обложивъ эту крѣпость, пресѣчь сообщенія графа Бузсгевдена съ Россіей. Если-же такая дальняя высадка окажется невозможной, король предлагалъ ограничиться десантомъ въ дельтѣ рѣки Кюмени, откуда уже производить сильныя диверсіи намъ въ тылъ.

Генераль Муръ отнесся къ такому плану крайне отрицательно. Онъ нашелъ, что „предположеніе послать его корпусъ превосходно олько въ томъ случаѣ, если король имѣетъ въ виду доставить рускимъ нѣсколько тысячъ англійскихъ плѣнныхъ“¹⁾. Густавъ-Адольфъ и пришелъ въ крайнее раздраженіе и воспретилъ англійскому генералу выѣзжать изъ Стокгольма безъ его разрѣшенія. Муръ переодѣлся въ мундиръ своего адъютанта и съ его бумагами оставилъ Стокгольмъ, прибылъ въ Готенборгъ къ своему флоту и, снесясь со своимъ правительствомъ, получилъ вскорѣ повелѣніе везти войска въ Испанію, тѣ въ это время англчане вели войну съ Наполеономъ въ серьезъ. Въ помощь Швеціи оставленъ былъ только британскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Сомареца.

Приведенный эпизодъ имѣлъ весьма существенное значеніе. Не вдаваясь въ разборъ причинъ поведенія авглчанъ и не предрѣшая ихъ образа дѣйствій, если-бы участіе ихъ войскъ въ эту войну на финляндскомъ театрѣ фактически осуществилось, нельзя не отмѣтить, что отплытіе англійскаго десанта отразилось ровнымъ образомъ на операціяхъ того періода войны, который по справедливости можетъ быть названъ періодомъ «шведскихъ *поползновеній*». Дѣло организаціи шведскихъ высадокъ на финляндскіе берега король шведскій взялъ непосредственно въ свои руки; внослѣдствіи онъ выѣхалъ лично съ этою цѣлью на Аландскіе острова. При неустойчивомъ и въ то же время упрямомъ характерѣ этого монарха, замыслы для дѣйствій этого рода возникали ежеминутно, безъ всякой связи съ ходомъ событій на сухомъ пути и надлежащато между собою согласованія. Но въ то же время король уорно не желалъ отряжать сразу достаточно сильнато десанта, а ограничивался, какъ увидимъ ниже, отпавкою малыхъ партій, въ расчетѣ, что онѣ послужатъ „ядромъ“ для народнато возстанія „вѣрныхъ“ финновъ. Выходило какъ-будто, что Густавъ-Адольфъ, какъ бы предчувствуя непрочность своей власти, опасается выдѣлить побольше чисто шведскихъ войскъ въ Финляндію и стремится возложить всю тяжесть борьбы съ русскими войсками на плечи кореннато населенія края.

Въ свою очередь финляндскій главнокомандующій графъ Клинтспоръ представлялъ королю свои соображенія²⁾ по „обратному отвое-

¹⁾ См. Михайловскій-Данилевскій, стр. 125.

²⁾ Sv. kriget 1808—09, томъ 3-й, стр. 149 и слѣд. Всеподданнѣйшая записка представлена Канцлеромъ 1-го (12-го) мая.

ванію Финляндіи“. Въ основаніе этихъ соображеній полагалось указаніе на недостаточность наличныхъ силъ „финской арміи“ для предпріятія сколько-нибудь активныхъ. Выключая раненныхъ и больныхъ, Клингспоръ исчисляетъ боевую силу своихъ войскъ въ 10.513 человекъ съ 54-мя орудіями и считаетъ необходимымъ, для достиженія успѣха, „отвлечь“ вниманіе противника „на многихъ пунктахъ“. Съ этою цѣлью, онъ предлагаетъ: 1) направить англо-шведскій флотъ въ Финскій заливъ, дабы онъ, дѣйствуя противъ лифляндскихъ береговъ или побережья русской Финляндіи, или даже самаго Кронштадта, помѣшалъ русскимъ усилить свои войска въ Финляндіи; 2) двинуть въ Ботнической заливъ особую „легкую эскадру“ съ десантомъ отъ 4—5 тыс. чел., въ томъ числѣ 600 чел. „легкой конницы“; назначеніе ея—*угрожать* высадкою слѣдуя вдоль побережья, послѣ чего высадить десантъ гдѣ-либо около Нюстада, Бьернеборга или Раумо. Мѣры эти, по мнѣнію Клингспора, должны были „развлечь“ противника, пользуясь чѣмъ его армія, усиленная 5—6 тыс. пѣхоты и 600 конницы, должна была начать свои операціи. Но и сіи послѣднія, по плану главнокомандующаго „финскою арміею“, не носили рѣшительнаго характера; главное значеніе въ этихъ дѣйствіяхъ онъ придавалъ „большой диверсіи“ по Саволакской дорогѣ. „Диверсія“ эта должна была по мнѣнію Клингспора, произвести „огромнѣйшее впечатлѣніе въ Петербургѣ и возбудить безпокойство какъ среди Двора, такъ и всѣхъ министровъ“. Клингспоръ указывалъ при этомъ на важность занятія сильнымъ отрядомъ Тайвольской позиціи (сѣвернѣе Куопіо), опираясь на которую, особый „легкій“ отрядъ долженъ былъ продвигнуться въ Сердоболь, сердце Карелии, и поднять здѣсь народное возстаніе. Отсюда Клингспоръ надѣялся проникнуть даже въ предѣлы самой Россіи, въ промежутокъ между Ладожскимъ и Онежскимъ озерами, разрушивъ попутно Петрозаводскъ и т. п. Тотъ же самый планъ по словамъ автора, былъ имъ представленъ въ 1790 году Густаву III, но обстоятельства не дали тогда возможности осуществитъ его. Замѣчательно, что, излагая весьма подробно всѣ эти различныя „диверсіи“, имѣющія общую цѣль, — облегчить успѣхъ главной массы подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго, послѣдній почти что *ни единымъ словомъ не разъясняетъ, какъ же слѣдуетъ произвести этотъ главный ударъ?* Онъ ограничивается упоминаніемъ, что операціи войскъ подъ его личнымъ начальствомъ „будутъ сопряжены съ большими затрудненіями“.

Интересно отмѣтить, въ числѣ многихъ плановъ, соображеній и записокъ, представленныхъ въ это время шведскому королю, идеи его генераль-адъютанта Авъ-Тибелля. Этотъ Тибелль былъ личностью незаурядною. Послѣ участія въ финляндской войнѣ 1788—1790 гг.,

онъ перешелъ въ 1798 на французскую службу и оставался на ней 5 лѣтъ (до 1803 г.). За это время участвовалъ въ Альпійскомъ походѣ и въ сраженіи при Маренго. Сверхъ боевого опыта, приобрѣтеннаго во французскихъ войскахъ подъ начальствомъ самого Бонапарта, Тибелль обладалъ еще богатыми военно-научными познаніями. Онъ былъ членомъ Миланской академіи военныхъ наукъ, различныхъ ученыхъ обществъ, съ жаромъ занимался военно-историческими изслѣдованіями и военною литературой. Впослѣдствіе Тибелль (умершій въ 1832 г.) заявлялъ; „было несчастіемъ для отечества, что я, хотя и былъ высоко оцѣненъ королемъ, тѣмъ не менѣе могъ слишкомъ мало проявлять вліянія на ходъ войны 1808 г.“. И дѣйствительно, хотя Густавъ-Адольтъ IV и выслушивалъ Тибелля терпѣливѣе другихъ, однако, слѣдовалъ только своимъ собственнымъ планамъ.

Основная мысль плана Тибелля была: ограничиться противъ Норвегіи и для обороны береговъ Швеціи лишь минимальнымъ количествомъ войскъ, а все остальное освободить для поддержанія Клингспора. Регулярныя войска на норвежской границѣ и въ Шоніи онъ предлагалъ замѣнить 14 тыс. резервныхъ и 30 тыс. ландверныхъ войскъ, вполне пригодныхъ для пассивной обороны, которая только и нужна, по его мнѣнію, на этихъ двухъ фронтахъ. Такимъ образомъ, освобождалось для отправки въ Финляндію нѣсколько не меньше 30-ти баталіоновъ пѣхоты съ артиллеріей. Эти поддержанія, полагалъ Тибелль, слѣдуетъ попросту перевезти на тотъ берегъ возможно быстрѣе и высадить въ тылу Клингспора, безъ всякихъ „диверсій“; отдавъ затѣмъ всѣ войска въ распоряженіе послѣдняго; ему и надлежитъ предоставить разработку плана дальнѣйшихъ дѣйствій „въ зависимости отъ дѣйствій противника“ (сравни у насъ: „по непріятельскимъ обращеніямъ“ и „какъ Богъ вразумитъ“). Вниманіе Клингспора надлежало лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ (т. е., значитъ, принципъ *советта*, а не *приказа*) обратить на то, чтобы войска, оперирующія въ Саволакѣ, были усилены, такъ какъ движеніе впередъ въ этомъ направленіи должно было „оказать особенно сильное вліяніе“.

Къ сожалѣнію, король шведскій, хотя и внялъ этимъ здравымъ идеямъ, но, какъ уже усказано, имъ не послѣдовалъ. Основывая свои соображенія на видоизмѣненіи политическихъ соотношеній въ Европѣ благодаря, главнымъ образомъ, событіямъ въ Испаніи, онъ находилъ (какъ видно изъ его писемъ къ Клингспору), что „всѣ операціи и военныя приготовленія надо такъ рассчитывать, чтобы обезпечить оборону государства до тѣхъ поръ, пока Россія и Данія не отступятъ отъ своихъ требованій и не сблизятся со Швеціей“. Очевидно, Густавъ-Адольтъ попрежнему считалъ основною „пружиною“ войны — „апокалипсическаго звѣря“ и надѣялся на непрочность его союза

съ Императоромъ Александромъ. Быть можетъ, основанія къ тому и были; предвидѣнія этн, вѣдь, оправдались, хотя и позже, когда уже Финляндія была закрѣплена „въ собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской“. На предложеніе Тибелля ввести какъ можно больше войскъ въ Финляндію король согласія не изъявилъ; онъ выразилъ опасеніе, что это приведетъ лишь къ затяжкѣ военныхъ дѣйствій до слѣдующей зпмы. Основываясь на только что полученныхъ имъ донесеніяхъ о настроеніи финновъ послѣ успѣховъ шведскаго оружія, о первыхъ подвигахъ Сандельса и о начавшихся уже проявленіяхъ народнаго движенія въ Финляндіи, король, какъ уже сказано, рѣшилъ, для освобожденія Финляндіи отъ русской власти, лишь *поддержать* это возстаніе посылкою незначительныхъ десантныхъ отрядовъ, роль которыхъ— послужить населенію *опорою*. „Благодаря этому“,— пишетъ король Клигспоръ¹⁾— „успѣху главной финской арміи было бы оказано значительное содѣйствіе и облегченіе и не было бы необходимости прибѣгать къ отвлеченію сколько-нибудь значительныхъ силъ отъ преднамѣченныхъ въ Норвегіи или Зеландіи операцій“.

Такимъ образомъ, первоначальные широкіе планы по обратному отвоеванію Финляндіи съ наступленіемъ весны и открытіемъ навигаціи, намѣченные еще передъ войною въ королевской инструкціи отъ 3-го февраля, выродились въ слабыя попытки добиться успѣха одною вооруженною поддержкою народному движенію. Она должна была выразиться въ одновременной высадкѣ на берегахъ Финляндіи двухъ десантныхъ отрядовъ: одного близъ Вазы и другого— въ окрестностяхъ Або. Кромѣ того, нѣсколько военныхъ судовъ должны были „показаться“ противъ Каска. Главное ядро „финской арміи“ такъ и осталось безъ подкрѣпленій изъ Швеціи. Клигспоръ пришлось ограничиться пополненіемъ своихъ рядовъ, а также небольшими формированіямъ, но все это— исключительно, такъ сказать, мѣстными средствами. Правда, и самъ шведскій фельдмаршалъ въ значительной мѣрѣ уповалъ на содѣйствіе народныхъ ополченій; но крайней мѣрѣ населеніе было безостановочно забрасываемо прокламаціямъ, призывавшими его взяться за оружіе. Однако, въ своихъ представленіяхъ королю, Клигспоръ, добываясь присылки регулярныхъ подкрѣпленій, все время настойчиво указывалъ на малую пригодность вооруженныхъ крестьянъ къ сколько-нибудь серьезнымъ военнымъ дѣйствіямъ. Въ концѣ концовъ Клигспоръ (какъ видно изъ его переписки съ королемъ) не признавалъ возможнымъ предпринимать серьезное наступленіе съ бывшими въ его распоряженіи силами и возлагалъ надежды на прибытіе „могущественной поддержки“ въ Финскій заливъ, съ „его королев-

¹⁾ Sv. kriget 1808—09, томъ III, стр. 156.

скимъ величествомъ во главѣ своего флота“¹⁾, т. е. на то, отъ чего самъ король уже окончательно отказался.

Изложенное показываетъ, что въ высшемъ управленіи шведскими вооруженными силами не было ни единодушія, ни надлежащей, направляющей все дѣло связи. Возрѣнія главнокомандующаго, пользующагося почти полною самостоятельностью въ разрѣшеніи поставленной задачи, расходились со взглядами короля, принявшаго на себя высшее руководство тѣми операціями, которыя должны были оказать содѣйствіе войскамъ въ Финляндіи. Дѣйствія на морѣ и десанты шли поэтому у шведовъ, какъ увидимъ ниже, безъ должнаго согласованія съ положеніемъ дѣлъ на сушѣ и, вполнѣ естественно, часто пропадали впустую. Не мудрено, что они не сумѣли извлечь себѣ выгодъ изъ той исключительно благоприятной обстановки, которая сложилась для нихъ лѣтомъ 1808 года, особенно при медленности и неуспѣшности дѣйствій нашего корабельнаго флота.

Обратимся теперь къ планамъ и предположеніямъ графа Буксгевдена. Мы видѣли, что еще съ самаго начала зимняго похода онъ указывалъ на недостаточность силъ, назначенныхъ въ его распоряженіе и настойчиво просилъ о присылкѣ поддержекъ. Въ ходатайствахъ этимъ, крайне неблагоклонно принимаемымъ въ Петербургѣ, пришлось, однако, прислушаться, когда событія приняли неблагоприятную для насъ окраску.

„Для упроченія за Россією сей области (т. е. Финляндіи)“— пишетъ Михайловскій-Данилевскій стр. 111—„надобно было укротить возстаніе народное, привести жителей въ повиновеніе, разбить графа Клингсгора и Сандельса, содержать гарнизонъ въ Свеаборгѣ, имѣть команды въ разныхъ городахъ и этапахъ, и приготовиться къ отпору предвидимыхъ высадокъ изъ Швеціи“.

Первою заботою графа Буксгевдена было добиться назначенія себѣ поддержекъ. Ходатайство его на этотъ разъ было уважено и въ его распоряженіе назначено: а) 3.000 старослужащихъ рядовыхъ, только что прибывшихъ изъ французскаго плѣна; б) 2.000 самыхъ здоровыхъ рекрутъ—итого 5.000 пополненій. Заслуживъ въ поддерженіе назначена часть 6-й пѣхотной дивизіи генераль-лейтенанта Барклая-де-Толли (полки: Низовскій, Азовскій, Ревельскій и 3-й Егерскій, 2 баталіона Лейбъ-гренадеръ, баталіонъ Лейбъ-егерей, Уланскій Его Высочества полкъ, рота Гвардейской артиллеріи и 2 полка казаковъ). Съ прибытіемъ всѣхъ этихъ поддержекъ и укомплектованій, боевая сила финляндскаго корпуса возрасла до 34.000.

При обсужденіи плана послѣдующихъ операцій, графъ Буксгевденъ прежде всего принималъ близко къ сердцу необходимость пре-

¹⁾ Ст. кр. 1808—9, т. 3, стр. 157.

дотворить ту опасность, которая могла грозить изъ внутренней Финляндіи. Рѣшено было съ возможною успѣшностью сосредоточить у С.-Михеля подъ начальствомъ Барклая-де-Толли особый отрядъ, не менѣе 7.000 человекъ, и двинуть его вглубь Саволакса для вытѣсненія оттуда Сандельса (передовые отряды котораго проникали почти до С.-Михеля). Затѣмъ *часть* силъ надлежало отсюда направить въ тылъ графу Клингспорю. Последняя задача являлась, несомнѣнно, отраженіемъ *прежней идеи* зимняго похода; только вводилась поправка— оставленіе 3-хъ тысячнаго гарнизона въ Куоіо, для обезпеченія за собою внутренняго района.

Что же касается до бывшихъ войскъ Тучкова, пріостановившихъ свое отступленіе у Гамла-Карлебу, то командованіе ими было вручено Раевскому, а самъ Тучковъ, вызванный въ главную квартиру, былъ, по Высочайшему повелѣнію, преданъ военному суду¹⁾. Отрядъ этотъ, путемъ добавленія части 21-й дивизіи князя Багратіона и пришедшихъ изъ Петербурга двухъ полковъ 14-й дивизіи, Перновскаго и Петровскаго, доведенъ до численности въ 6.800 человекъ. Согласно данныхъ Раевскому инструкцій, онъ долженъ былъ дѣйствовать оборонительно, стараясь по возможности „избѣгать генеральнаго боя“; пользуясь мѣстностью и занимаемая сильныя позиціи, онъ долженъ былъ на каждомъ шагѣ задерживать противника и постепенно отходить въ Тавастгусу, стараясь не дать противнику себя обойти. Такимъ образомъ Раевскій долженъ былъ *тягивать за собою графа Клингспора*, давая тѣмъ время Барклаю-де-Толли утвердиться въ Саволаксѣ и двинуться шведамъ въ тылъ. Если-бы шведы обратились противъ Барклая-де-Толли, то Раевскому надлежало перейти въ наступленіе и выходить имъ въ тылъ, направляясь на Улеаборгъ. Остальнымъ войскамъ предлагалось охранять побережье отъ высадокъ (Графъ Каменскій отъ Гангута до Ловизы и князь Багратіонъ отъ Або до Бьернеборга), а близъ Выборга предположено стянуть по меньшей мѣрѣ 8 баталіоновъ и 5 эскадроновъ, въ роли стратегическаго резерва группъ Раевскаго и Барклая.

По свидѣтельству Михайловскаго-Данилевскаго (стр. 115) Императоръ Александръ не одобрилъ вышеприведенный планъ и, по Высочайшему повелѣнію, военный министръ графъ Аракчеевъ писалъ графу Буксгевдену: „Непріятель, сдѣлавъ сильное стремленіе, и опрокинувъ одного, Раевскаго или Барклая де-Толи, принудить отступать и другого, черезъ что соединеніе ихъ сдѣлается невозможнымъ, а 3.000 человекъ, оставшихся при Куоіо, будутъ въ слабомъ положеніи, чрезъ сіе и операція вся можетъ не имѣть предполагаемой

¹⁾ Вслѣдствіи (какъ доносили Гавердовскій Аракчеву 7-го мая)—Тучкову удалось совершенно оправдаться и между нимъ и главнокомандующимъ произошло примиреніе.

цѣли“. Однако, Буксгевдену было предоставлено поступать по собственному усмотрѣнію, и онъ остался при первоначальномъ мнѣніи о необходимости дѣйствовать двумя группами.

Послѣдующія событія подтвердили справедливость отрицательной оцѣнки плана Буксгевдена, но по нѣсколькимъ другимъ основаніямъ. Планъ графа Буксгевдена былъ, такъ сказать, чисто-геометрическимъ: онъ не былъ соображенъ *съ мѣстностью* театра военныхъ дѣйствій, а эта данная въ Финляндіи, какъ извѣстно, играетъ первенствующую роль. Буксгевденъ возлагалъ *активную* роль на колонну Барялая, т. е. на ту именно группу, которая направлена была во внутреннюю Финляндію, въ тотъ именно районъ, гдѣ мѣстность давала наиболѣе преимуществъ оборонѣ передъ наступленіемъ, и гдѣ со вскрытіемъ воды и съ удаленіемъ снѣжнаго покрова сравнительно слабый отрядъ можетъ и теперь, при искусномъ предводителѣ, во многихъ мѣстахъ надолго задержать наступленіе даже превосходныхъ силъ. Самое движеніе сколько нибудь значительной группы войскъ въ этомъ районѣ невозможно въ совокупности; необходимо дробиться на отдѣльные отряды или эшелоны, поддержаніе связи между которыми, при бѣдности и кружности путей, и безъ водоплавныхъ средствъ, чрезвычайно затруднительно.

Очевидно, что на колонну Барялая, по самой природѣ вещей, естественно было возложить задачу оборонительнаго характера: прикрытіе операціонной линіей главной группы ¹⁾; наоборотъ, главною, активною группой должны были быть именно войска Раевского, съ исходной точкой гдѣ-либо въ Таммерфорсѣ и Тавастгусѣ, имѣя на побережьи особый заслонъ для прикрытія отъ высадокъ. Впослѣдствіи *силою вещей* мы были приведены какъ разъ къ такому образу дѣйствій; но этому предшествовалъ почти двухмѣсячный періодъ напряженнаго положенія и ряда частныхъ неудачъ, который лишь вслѣдствіе нерѣшительности противника не навлекъ на насъ болѣе серьезныхъ неуспѣховъ.

Военныя дѣйствія этого періода естественно распадаются на:

1) дѣйствія вдоль побережья, куда относятся попытки шведовъ произвести десанты и дѣйствія наши по ихъ отраженію.

2) дѣйствія на восточномъ саволакскомъ театрѣ, включая сюда и поиски шведовъ въ Корелію;

3) дѣйствія въ средней части Финляндіи, т. е. операціи „финской арміи“ Клингспора и нашихъ противодѣйствующихъ ей отрядовъ.

Какъ операціи первой, такъ и второй группы, носятъ, по существу характеръ *покушеній противъ нашей операціонной линіи*, съ цѣлью, подорвать для насъ возможность серьезнаго противодѣйствія „финской арміи“ Клингспора. Послѣдняя должна была, въ сущности, сыграть главную роль, но въ дѣйствительности, оказалась наименѣ дѣятельной.

¹⁾ Такъ, примѣрно, и рекомендовалъ Суворовъ, см. гл. IV.

ГЛАВА VIII.

Періодъ шведскихъ „поползновеній“.

Отступленіе Раевского.—Положеніе его въ окрестностяхъ Вазы.—Планъ совместныхъ дѣйствій Клингспора и десантовъ.—Вой у Нью-Карлебу.—Отбитіе высадки Фегезака и Лемо.—Разгромъ Бергенстрале у Вазы.

Наступленіе Барклай-де-Толли.—Сандельсъ у Куопіо.—Налеты на наши сообщенія.—Отходъ Каевского на югъ.—Вой у Линтулакса, Перхо.—Наступленіе Клингспора, бой у Лаппо.—Военный совѣтъ въ Алаво.—Положеніе отряда Орлова-Денисова.—Оцѣнка стратегическаго положенія въ концѣ юля.—Взгляды графа Вуксгевдена.—Новыя командировки Баулучи.—Оборонительный планъ (кордонъ).—Возраженія главнокомандующаго.—Состояніе духа графа Клингспора.—Упорство шведскаго короля.

Первоначально дѣйствія арміи Клингспора и протвостоящей ей группы нашихъ войскъ, подъ начальствомъ Раевского, были въ нѣкоторой связи съ операціями на побережьѣ, а потому, прежде чѣмъ перейти къ обзору первыхъ неудачныхъ десантныхъ покушеній шведовъ, должно нѣсколько остановиться на взаимномъ положеніи вышеупомянутыхъ группъ обѣихъ сторонъ.

Николай Николаевичъ Раевскій къ этому времени уже былъ однимъ изъ выдающихся боевыхъ генераловъ нашей арміи; онъ съ отличіемъ участвовалъ во второй турецкой войнѣ при Императрицѣ Екатеринѣ, а затѣмъ въ наполеоновскихъ войнахъ; командовалъ на Кавказѣ Нижегородскимъ полкомъ и участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турціи. Въ командованіе 5-ю дивизіей, взамѣнъ Тучкова, онъ вступилъ 11-го мая, укомплектовалъ ее и первоначально рассчитывалъ, что возложенную на него задачу оборонительнаго характера ему удастся выполнить безъ особыхъ трудностей. Въ первыхъ донесеніяхъ своихъ Вуксгевдену¹⁾ Раевскій указывалъ на сильныя свойства позиціи у Гамле-Карлебу, которую рассчитывалъ удержать только частью своихъ силъ, а съ остальными—дѣйствовать активно. Однако, вскорѣ онъ долженъ былъ пзмѣнить свой взглядъ. Хотя противникъ и бездѣйствовалъ,—какъ оказалось впоследствии, цѣлыя шесть недѣль, т. е. гораздо дольше, чѣмъ это вызывалось распутицей,—но зато не бездѣйствовало населеніе. Къ выдвинутой далеко на сѣверъ 5-ой дивизіи запасы продовольствія достигали съ огромнымъ затрудненіемъ; требовалось для того не менѣе 25 дней пути, да и то транспорты безпрестанно либо перехватывались мятежниками, либо подводчики уводили лошадей и бросали подводы на дорогѣ. Добывать продовольствіе на мѣстѣ въ военное время, въ

¹⁾ См. Журналъ военныхъ дѣйствій Вуксгевдена за 13—15 мая 1808. (Дѣло В. Уч. Арх. Гл. Шт. № 1669).

край, уже истощенномъ непріателемъ—не представлялось возможнымъ и Раевскій считалъ необходимымъ отступить на югъ, къ Вазѣ, чтобы *сократить свою коммуникаціонную линію.*

Одновременно съ этимъ графъ Буксгевденъ (какъ видно изъ инструкціи, данной Раевскому 17-го мая) при посредствѣ мѣстныхъ обывателей шхеръ, нанятыхъ имъ за деньги ¹⁾ и проникавшихъ на своихъ лодкахъ до самаго шведскаго берега, получили свѣдѣнія о подготовлявшихся тамъ десантныхъ экспедиціяхъ. Изъ этихъ донесеній явствовало, что шведамъ изготовлено около 200 канонерскихъ лодокъ, изъ коихъ половина уже вышла въ море, а 50 транспортныхъ судовъ съ войсками, подъ прикрытіемъ 6 военныхъ кораблей, направляются къ финляндскому берегу Ботническаго залива. Буксгевденъ рекомендовалъ Раевскому, если высадка произойдетъ между Вазой и Гамла-Карлебю,—обратиться всѣми силами противъ десанта, атаковать его и сбросить въ море и только въ томъ случаѣ, если противникъ высадится у самой Вазы или гдѣ-либо южнѣе—собрать всѣ силы къ Лаппо и отступать къ Таммерфорсу.

Пока шель обмѣнъ всѣми этими соображеніями, о шведской высадкѣ ни слуху, ни духу не было; Раевскій продолжалъ оставаться у Гамла-Карлебю, а двинутыя къ нему подкрѣпленія, подъ начальствомъ командира Петровскаго мушкетерскаго полка генераль-маіора Демидова, приближались къ Вазѣ. Продолжая въ своихъ донесеніяхъ отстаивать необходимость отойти туда же со всѣмъ своимъ отрядомъ, Раевскій указывалъ на существованіе близъ Нюкарлебю и Перхостовъ черезъ широкіе протоки, разрушеніе которыхъ могло поставить его въ безвыходное положеніе. Въ тоже время стали поступать донесенія, указывающія на близость перехода шведовъ въ наступленіе; опасеніе, что они могутъ двинуться главными силами своими на Ювяскюля—Тавастгусъ, *въ разрывъ между Раевскимъ и Баркляемъ* (колонна котораго уже начала къ тому времени свое наступленіе), побудило графа Буксгевдена успать отрядъ Властова (24-й егерскій полкъ) двинутый въ этотъ промежутокъ для связи между обоими вышеназванными отрядами.

Возможность удержать Раевскаго у Гамла-Карлебю и тѣмъ выполнить основной свой планъ—задержать Клингспора до выхода ему въ тылъ колонны Баркляя—стала уже казаться Буксгевдену въ первыхъ числахъ іюня недостижимой, тѣмъ болѣе, что къ этому времени стали поступать тревожныя донесенія отъ Баркляя-де-Толли, показывающія, что его наступленіе вглубь Саволакса совершается далеко не такъ легко и просто, какъ думали. Тогда у Буксгевдена

¹⁾ Какъ видно, и такіе находились среди финновъ того времени, такъ же какъ и въ 1854—55 гг., когда ихъ услугами широко пользовались англичане.

возникаетъ новый планъ: оттянуть Раевского нѣсколько назадъ, къ Лаппо, а Баркляу, оставивъ часть силъ въ Куопіо, съ остальными двинуться черезъ Линтулаксъ на поддержку Раевского, стараясь выйти во флангъ шведамъ, а можетъ быть и въ тылъ, если они двинутся впередъ.

По сближеніи войскъ Раевского и Баркляя между собою, самъ графъ Буксегвденъ предполагалъ принять надъ ними командованіе¹⁾.

28-го мая Раевскій получилъ донесеніе о появленіи шведскихъ передовыхъ частей у Перхо²⁾. Пунктъ этотъ находился въ тылу праваго фланга его расположенія, на дорогѣ, связывающей его съ Куопіо, а также съ Таммерфорсомъ и Тавастгусомъ, если-бы береговая дорога была перехвачена. Извѣстіе это окончательно устранило всякія колебанія Раевского и онъ рѣшился отойти, но не къ Лаппо, а къ Лильчуро, въ 18 верстахъ восточнѣе Вазы. Расположеніе у Лаппо давало-бы ему значительныя преимущества; онъ находился-бы въ узлѣ четырехъ дорогъ—на Вазу, Нью-Карлею, Куопіо и Таммерфорсъ, и могъ-бы отсюда удобно принять любое, въ зависимости отъ обстановки, рѣшеніе. Но вѣсть о готовившейся высадкѣ непріятеля и именнно около Вазы невольно притягивали сюда его вниманіе. Самое отступленіе свое Раевскій совершилъ мастерскъ, въ два часа ночи на 2-е іюня, совершенно незамѣтно для шведовъ. Въ Нью-карлею былъ оставленъ арьергардъ генераль-майора Янковича, въ составѣ 23-го егерскаго полка, частей полковъ: Пермскаго, Могилевскаго (остатокъ отъ Револакса), Великолуцкаго, эскадрона гусаръ и казачьей полусотни,—всего около 1.300 человекъ съ 7-ю орудіями. Этотъ арьергардъ прикрывалъ и дорогу на Лаппо, пользуясь которой Клингспоръ угрожалъ-бы путемъ отступленія Раевского и отрѣзывалъ-бы его окончательно отъ Куопіо. Такое значеніе Лаппо заставило Раевского выдѣлить туда сейчасъ-же особый отрядъ генерала Козачковскаго (полки: Сѣвскій, Калужскій, баталіонъ Великолуцкаго, эскадронъ гусаръ и полсотни казаковъ)—около 2.000 человекъ. Такимъ образомъ, тяготѣніе Раевского къ Вазѣ привело и къ раздробленію его силъ на четыре отдѣльныя группы: у Ньюкарлею, Лаппо, Лильчуро и, наконецъ, у Вазы (Демидовъ).

Обратимся теперь къ дѣйствіямъ шведскаго главнокомандующаго.

23-го мая въ главную шведскую квартиру въ Брагестады прѣбылъ курьеръ съ извѣстіемъ о рѣшеніи короля Густава IV Адольфа послать въ Вазу экспедиціонный отрядъ подъ начальствомъ его генераль-адъютанта, полковника Бергенстрале, въ составѣ 1.000 человекъ

¹⁾ Всеподданнѣйшій рапортъ Буксегвдена отъ 30-го мая, д. В. ист. Арх. Ген. Штаба № 1651.

²⁾ Сюда, какъ увидимъ ниже, двинутьъ былъ Клингспоромъ отрядъ партизана фонъ-Финдта.

пѣхоты съ 4-мя орудіями. Виѣстѣ съ тѣмъ самъ Бергенстрале пзвѣщаль, что отплытіе экспедиціи можетъ, въ случаѣ благоприятныхъ вѣтровъ, состояться изъ Умео 1-го іюня. Въ тотъ же день Клингспоръ перенесъ свою главную квартиру впередъ, къ Химанко и вознамѣрился начать наступленіе, направивъ свой первый ударъ на Недерветплъ (между Гамла-Карлебю и Перхо), гдѣ у Раевского былъ отдѣленъ небольшой отрядъ. Такой ударъ, въ случаѣ успѣха, угрожалъ-бы тылу русскихъ. Какъ разъ во время приготовленій къ этому движенію, въ главную шведскую квартиру прибыло нѣсколько обывателей города Гамла-Карлебю и только отъ нихъ шведы узнали „неожиданную новость“: русскіе сами отступили. „Все зашевелилось въ главной квартирѣ (пишетъ оффиціальныи шведскій источникъ¹⁾). Выступленіе арміи было тотчасъ же рѣшено. Врага надлежало преслѣдовать. Но наиболѣе пригодныя для этой цѣли войска стояли еще южнѣ Улеборга, не закончивъ своего укомплектованія и снаряженія, и снова начато было „великое хлѣбопеченіе“ для наступленія. И уже 5-го іюня Клингспоръ доносилъ королю „что продовольственный вопросъ препятствуетъ мнѣ преслѣдовать непріятеля, какъ я-бы того хотѣлъ“. Какъ только хлѣбопеченіе будетъ организовано, Клингспоръ обѣщаль съ крайнимъ напряженіемъ продолжать движеніе арміи и преслѣдовать противника²⁾.

Однако, бездѣйствіе главнокомандующаго не отражалось на авангардѣ (3-я бригада Гринпенберга). Тамъ производили рекогносцировки, захватили даже въ плѣнь (у Сундбю) казачій постъ. Полученное отъ крестьянъ пзвѣстіе (оказавшееся впоследствии ложнымъ), что русскіе очищаютъ Нюкарлебю, побудило начальника 2-й бригады, энергичнаго фонъ-Дебельна, подошедшаго со своею бригадою къ авангарду, продвинуться въ ночь съ 8-го на 9-е іюня со всѣми войсками еще далѣе впередъ до Сундбю, гдѣ и завязалась вскорѣ перестрѣлка между передовыми постами. Прибывшій сюда 10-го числа Адлеркрейцъ принялъ въ свои руки дальнѣйшее руководство наступленіемъ, отъ котораго какъ видно, трудно было удержать частныхъ начальниковъ.

Силы Янковича не превышали 1.300 человекъ. Какъ только наступленіе шведовъ опредѣлилось, онъ отослалъ назадъ свои обозы, а самъ расположилъ свой авангардъ частью по окраинѣ города, частью по обѣ стороны переправы черезъ рѣчку, отдѣливъ баталіонъ для прикрытія своего праваго фланга уступомъ назадъ (здѣсь отходилъ путь отступленія). Шведскіе источники свидѣтельствуютъ, что артилерія Янковича была *замѣчательно маскирована* (черт. № 8).

¹⁾ Sv. kriget 1808—09, т. III, стр. 176.

²⁾ Тамъ-же, стр. 178.

Шведы намѣревались сперва отвлечь вниманіе Янковича съ фронта, со стороны станціи Сундбю; тѣмъ временемъ большая половина пѣхоты 2-й и 3-й бригадъ должна была обойти фланги его позиціи, особенно правый, стараясь отрѣзать путь отступленія. Последнее возложено было на бригаду фонъ - Дебельна, причемъ позицію Янковича шведы считали столь сильною, что ея атаку признали возможнымъ осуществить не иначе, какъ путемъ нечаяннаго ночного нападенія. Дебельнъ долженъ былъ выйти въ половинѣ перваго ночи по лѣсной, трудно проходимой тропинкѣ, прямо къ городу и, введя въ заблужденіе наши передовыя части, захватить мостъ у нихъ въ тылу. Объ успѣхѣ этого предпріятія условлено было возвѣстить звономъ церковнаго колокола, послѣ чего только должна была начаться фронтальная атака (разсчитывали, что это должно произойти часа въ четыре утра). Для отвлеченія же вниманія, особый отрядъ Лангеншельда еще раньше долженъ былъ переправиться черезъ рѣку на лодкахъ въ ея устье и напасть на лѣвый флангъ Янковича.

Такая сложная комбинація, конечно, на дѣлѣ не могла пройти по плану, особенно при дѣятельномъ противникѣ. Въ 4 часа утра голова главной колонны Адлеррейца уже столкнулась съ нашими сторожевыми частями, которыя оказались значительно сѣвернѣе рѣки. Условленный колоколъ, между тѣмъ, слышенъ не былъ. Тогда шведы, прождавъ около получаса, рѣшили продолжать наступленіе и начали тѣснить наши передовыя посты. Последніе легко подались назадъ, но въ тѣсу навели зарвавшихся шведовъ на засаду, которая нанесла имъ солидныя потери; еще серьезнѣе былъ уронъ отъ огня батареи, удачно скрытой на южномъ берегу и внезапно брызнувшей картечью по безпечно наступавшему неприятелю. Эффектъ этого огня былъ такъ великъ, что шведы „разстроеными рядами искали укрытія въ придорожныхъ канавахъ“. Однако подоспѣвали шведскія батареи и понудили нашу артилерію сняться съ позиціи и отойти.

Одновременно съ этимъ на западной окраинѣ города Пермскій полкъ велъ горячій бой съ отрядомъ Лангеншельда, ворвавшимся въ него. Янковичъ, въ виду превосходства неприятеля, рѣшилъ отступать еще до появленія колонны Дебельна; перевелъ всѣ войска за рѣку и зажегъ мостъ. Только въ этотъ моментъ появилась голова колонны Дебельна, задержанной трудною, тонкою дорогою. Ударъ его оказался впустую; русскіе успѣли отступить и отрѣзать ихъ не удалось.

Отступленіе Янковича ускорилося еще вслѣдствіе того, что баталіонъ, оставленный имъ (близъ Ютаса) для обезпеченія нутти отступленія, также подвергся атакѣ шведовъ. Здѣсь два баталіона выдѣленныхъ Дебельномъ, обойдя еще кружнѣе, переправились за рѣку

и должны были выйти совершенно въ тылъ. Несмотря на стремленіе этихъ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ фонъ-Оттера, охватить фланги и тылъ нашего баталіона, пользуясь возможностью укрыться въ лѣсу, послѣдній помня, важность своей задачи, упорно удерживалъ свою лѣсистую высоту, „съ выдающейся храбростью атакуя многократно въ штыки непріятеля“¹⁾ съ фронта благодаря чему обходъ фланговъ прерывался. Доблестное поведеніе этого баталіона обезпечило вполнѣ благополучный отходъ всего отряда Янковича, несмотря на энергичное преслѣдованіе, веденное Лангеншельдомъ и фонъ-Дебельномъ.

Самъ Клингспоръ прибылъ въ Нью-Карлебу къ концу боя. Необходимо было развить достигнутый успѣхъ и продолжать энергично наступленіе, въ особенности для того, чтобы войти въ связь съ ожидаемымъ въ тотъ же день десантомъ Бергенстрале у Вазы. Янковичъ продолжалъ отходить на Оровайсъ до Верро, гдѣ его подкрѣпилъ съ частью силъ Раевскій. Однако, Клингспоръ, несмотря на то, что не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о Бергенстрале, приостановилъ войска свои; онъ занялся возстановленіемъ разрушеннаго Янковичемъ моста, устройствомъ продовольственной части и подтягиваніемъ отставшихъ. Лучше того:—воспользовавшись наступившимъ Ивановымъ днемъ, шведскимъ войскамъ разрѣшено было ликовать и праздновать вмѣстѣ съ обывателями города „освобожденіе отъ русскаго ига“, для чего (какъ съ пропіей повѣствуютъ шведскіе историки) доставленъ былъ изъ Ляобштадта значительный грузъ табаку и по 6-ти боченковъ водки на каждую бригаду²⁾.

Обратимся теперь къ дѣйствіямъ десантныхъ шведскихъ отрядовъ.

Непремѣнное желаніе Густава-Адольфа IV дѣйствовать противъ Норвегіи наступательно приводило къ тому, что онъ очень скудно удѣлялъ въ Финляндію подкрѣпленія, уповая на то, что жители послѣдней, дружно взявшись за оружіе, въ значительной мѣрѣ будутъ способствовать освобожденію своей страны отъ ига русскихъ. Поэтому дѣло свелось къ отправкѣ двухъ незначительныхъ десантныхъ экспедицій: одной—изъ Умео къ Вазѣ, подъ начальствомъ полковника Бергенстрале, и другой—черезъ Аландъ къ Або, подъ начальствомъ генераль-маіора барона фонъ-Фегезакъ. Эти десанты, по мысли Густава IV Адольфа, должны были сыграть роль кадровъ для уже возгорѣвшагося въ населеніи Эстроботніи и Абоской губерніи народнаго возстанія.

Отрядъ фонъ-Фегезака доходилъ до 4.000 человекъ, изъ коихъ около 1.000 гвардейцевъ. Артиллеріи было всего 6 орудій. Высадка

¹⁾ Изъ донесенія Янковича отъ 14-го іюня.

²⁾ Sv. k. 1808—09 г.г. томъ III, стр. 188-я.

произведена была 8-го іюня у Лемо, въ 22 верстахъ отъ Або, причѣмъ рассчитывали воспользоваться, для организаціи въ широкихъ размѣрахъ народнаго движенія, наплывомъ народа къ городу по случаю ярмарки. Но противнику не было пзвѣстно, что ярмарка отмѣнена распоряженіемъ нашего военнаго начальства.

По выходѣ на берегъ, Фегезакъ оставилъ часть своихъ силъ близъ пункта высадки, гдѣ онѣ тотчасъ стали укрѣпляться, а остальные двинулись къ Або. На встрѣчу противнику двинуть былъ сперва одинъ лишь баталіонъ Либавскаго полка съ 1 орудіемъ, подъ начальствомъ полковника Вадковскаго, а прочимъ войскамъ (расквартированнымъ въ окрестностяхъ) спѣшно приказано стягиваться къ Або. Вадковскій довольно удачно задерживалъ превосходныя непріятельскія силы, пользуясь пересѣченною мѣстностью, а тѣмъ временемъ прибывшій къ полю битвы генералъ Багговутъ (временно замѣщавшій Багратиона) послалъ за остальными бывшими въ Або войсками. Находившійся какъ разъ въ это время здѣсь главнокомандующій, узнавъ о высадкѣ, приказалъ Коновницину принять начальство надъ прибывающими изъ окрестностей подкрѣпленіями и составить изъ нихъ резервъ, а 15-ти канонерскимъ лодкамъ двинуться моремъ и напасть на мѣсто шведской высадки. Между тѣмъ, шведы стали тѣснить Вадковскаго, который отступалъ шагъ за шагомъ до того мѣста, гдѣ расположена была Багговутомъ прискакавшая изъ Або батарея съ эскадрономъ Гродненскихъ гусаръ, въ которой постепенно пристраивалась спѣшившая оттуда же пѣхота (3 роты Либавскаго полка, Невскій полкъ); сюда успѣли присоединиться еще 6 ротъ Брестскаго полка и эскадронъ Финляндскаго драгунскаго полка. Багговутъ получилъ приказаніе остановить шведовъ до подхода остальныхъ войскъ. Онъ, поэтому, развернулъ всю свою пѣхоту, безъ резерва; бой шелъ въ лѣсу, между скаль; шведы отбили атаку Багговута, но онъ удержался и не сдавалъ до прибытія резерва Коновницина. 2 баталіона Невскаго и Перновскаго полковъ, шедшіе въ головѣ, ударили въ птыки; часть пѣхоты усилила стрѣлковъ, а артиллерія зажгла мызу, опорный пунктъ шведской позиціи. Шведы дрогнули и начали отступать; ихъ преслѣдованіе было доведено вплоть до Лемо, гдѣ наканунѣ они воздвигли укрѣпленія. Подъ прикрытіемъ пхъ огня, Фегезакъ сталъ спѣшно сажать свой отрядъ на суда, но атака нашихъ войскъ на укрѣпленія заставила шведовъ снова высадить часть силъ, дабы обезпечить орудія. Давъ отпоръ, противникъ, подъ прикрытіемъ пальбы съ судовъ, окончательно произвелъ амбаркацію, потерявъ одно судно, потопленное нашей артиллеріей. Нашъ обходныя канонерки не успѣли къ мѣсту дѣйствія; непріятельскія суда уже укрѣпились за островами Нагу и Корпо. Графъ Буксегвденъ, до-

нося объ этомъ дѣлѣ Государю, выдѣляли доблестное поведеніе войскъ и начальниковъ въ этомъ дѣлѣ. Генералы Багговутъ и Тучковъ (находившіяся подъ слѣдствіемъ) сами руководили стрѣлковыми цѣпями, щеголяя безстрашіемъ. Внезапность высадки, заставшей войска разбросанными и неподготовленными, никого не всполошила; взаимная выручка и распорядительность частныхъ начальниковъ сдѣлали то, что мы успѣли своевременно собрать достаточныя силы, чтобы привести предпріятіе шведовъ къ неудачѣ (черт. № 9).

Экспедиція Бергенстрале къ Вазѣ, по мысли короля Густава-Адольфа, должна была совпасть съ дѣйствіями фонъ-Фегезака. Бергенстрале, одинъ изъ генераль-адъютантовъ короля, находившіяся въ войскахъ, дѣйствовавшихъ противъ Норвегіи, самъ вызвался въ начальники десантной экспедиціи въ Финляндію. Согласно данной ему королевемъ секретной инструкціи, онъ долженъ былъ немедленно съѣхать па суда и съ головнымъ эшелономъ десанта двинуться къ Вазѣ, гдѣ, послѣ высадки, попытаться сперва овладѣть самымъ городомъ, а затѣмъ уже произвести диверсію въ тылъ противнику. Для согласованія своихъ дѣйствій съ сухопутными силами графа Клигснора, Бергенстрале долженъ былъ о времени *выступленія* экспедиціи предупредить главнокомандующаго путемъ отправки къ нему особаго посланнаго. Въ то же время Бергенстрале былъ освѣдомленъ о дѣйствіяхъ фонъ-Фегезака, а крейсировавшіи въ Ботническомъ заливѣ суда должны были поддерживать связь между обоими десантами и сухопутной арміей.

Съ 16-го мая Бергенстрале началъ хлопоты по организаціи порученной ему экспедиціи; но сборъ необходимыхъ войскъ, судовыхъ и продовольственныхъ средствъ и т. п. настолько замедлился, что раньше 1-го іюня нечего было и рассчитывать произвести посадку, о чемъ и послано было Клигснору увѣдомленіе. Бергенстрале энергично упражнял свои войска, поддерживая все время дѣятельныя сношенія съ финляндскимъ берегомъ, откуда ему мѣстные жители сообщали точныя свѣдѣнія о группировкѣ русскихъ войскъ и о настроеніи населенія, „которое ожидаетъ быстрой поддержки и готово, жертвуя кровью и жизнью, сбросить съ себя неприятельское иго“¹⁾. Выѣстѣ съ тѣмъ Бергенстрале вошелъ въ связь и съ Клигспоромъ, который далъ ему подробныя указанія о положеніи противника; онъ, въ то же время, протестовалъ противъ назначенія для десанта столь слабыхъ силъ (немного болѣе 1.000 человекъ), настаивалъ на добавленіи хотя бы 500 человекъ ландверптовъ, убѣждалъ не зарываться вглубь страны и, въ случаѣ встрѣчи

¹⁾ Изъ донесенія Бергенстрале королю отъ 12-го іюня и. ст.

съ превосходными силами, спѣшить съѣсть снова на суда и достигнуть моремъ расположенія арміи.

Когда уже было все готово, выходъ десанта въ море долгое время задерживался противнымъ вѣтромъ. Бергенстролле приходилъ въ отчаяніе отъ этихъ постоянныхъ задержекъ; не менѣе волновался и король, генераль-квартирмейстеръ котораго, Авъ-Тибель, съ послѣднихъ чиселъ мая началъ бомбардировать Бергенстролле предписаніями, побуждающими его скорѣе выйти въ море. Дѣло дошло до того, что 6-го іюня король повелѣлъ ему отплыть безотлагательно не смотря ни на что.

Тѣмъ не менѣе, десантъ тронулся только 11-го утромъ. Съ пути отправленъ былъ къ Клингспору посланецъ, съ которымъ сообщено, что высадка состоится въ тотъ же день вечеромъ, причемъ ближайшею цѣлью ставится захватъ города Вазы, а если возможно, то и ударъ на Лплъчуро, гдѣ сосредоточены главныя силы противника... Однако, высадка началась только въ 9 часовъ утра 12-го и окончилась къ часу ночи, совершенно безпрепятственно, хотя, какъ оказывается, наши начальники и были *предварены некоторыми финляндцами* о возможности такой высадки; о ней даже предупреждалъ самъ Буьгсвендъ, на основаніи полученныхъ имъ донесеній.

Къ моменту появленія на финляндскомъ берегу десантнаго отряда Бергенстролле, русскія войска, общая численность которыхъ достигала *5.000 человекъ*, при 19 орудіяхъ, были расположены слѣдующимъ образомъ:

На Квефлакскомъ полуостровѣ (въ сѣверо-западу отъ Вазы), гдѣ казаки наблюдали за побережьемъ, находились позади ихъ двѣ егерскія роты (заставы); въ самомъ городѣ Вазѣ—баталіонъ и рота съ двумя орудіями; 4 роты и 4 орудія—въ дер. Тобю; въ Лплъчуро—6 ротъ и, наконецъ, близъ Верро—войска Янковича. Въ городѣ Вазѣ, кромѣ коменданта полковника Книпера, находился генераль-маіоръ Демидовъ и русскій гражданскій губернаторъ Эминъ.

Несмотря на то, что мѣстные жители дали ему довольно точныя свѣдѣнія о расположеніи и силахъ русскихъ войскъ близъ Вазы, Бергенстролле, въ силу повелѣній короля, считалъ для себя обязательнымъ атаковать ихъ, даже не будучи увѣренъ въ содѣйствіи Клингспора.

Отъ пункта высадки (Эстерхамко) къ Вазѣ вели двѣ дороги. По одной изъ нихъ (черезъ Смедсбю) послана была небольшая демонстративная колонна, а главныя силы направились черезъ Вейкарсъ, съ тѣмъ, чтобы ударить на городъ съ восточной стороны. Ко всѣмъ колоннамъ, по мѣрѣ ихъ движенія вглубь страны, присоединялись болѣе или менѣе значительныя толпы вооруженныхъ крестьянъ.

Первое столкновение, по дорогѣ на Смедсбю, было удачно для шведовъ; передовыя наши части были захвачены врасплохъ и въ безпорядкѣ отступили. Однако, спѣшившему къ Вазѣ со своей ротой капитану Разнотовскому удалось собрать отступавшихъ около Смедсбю и здѣсь оказать сопротивление, и даже отбросить шведовъ къ берегу залива; это позволило нашимъ продолжать свое движеніе къ Вазѣ, куда въ это время Демидовъ спѣшилъ сосредоточить все, что можно.

Сначала Демидовъ, получивъ донесеніе о появленіи шведовъ на Смедсбюской дорогѣ, впалъ было въ ошибку и двинулъ свои резервы въ этомъ направленіи; но на полупути онъ получилъ новое донесеніе о томъ, что другая, гораздо болѣе сильная, колонна шведовъ, обойдя его скрытно, захватила у него въ тылу самый городъ. Тогда Демидовъ (это было уже около 4-хъ часовъ пополудни), оставя у Смедсбю сильный аррьергардъ, повелъ свои войска снова къ Вазѣ.

Бергенстрале производилъ свое движеніе вполне безпрепятственно, благополучно захватывая по пути наши патрули и посты. У деревни Мартойсь наша застава оказала сопротивление, но была сломлена. Все свое движеніе Бергенстрале старался произвести съ возможно большей скрытностью; такъ, охраняющимъ частямъ запрещено было стрѣлять, а при встрѣчѣ непріятельскихъ партій велѣно скрываться въ лѣсу и пропускать ихъ мимо себя, послѣ чего, окружая, захватывать. Впередѣ каждой колонны пущены были вооруженныя толпы крестьянъ; отъ нихъ высылались боковые дозоры и т. п. Подойдя къ городу всего на 3 мили, начальникъ шведскаго десанта получилъ донесеніе, что городъ очищенъ русскими войсками. Съ близлежащей высоты онъ произвелъ развѣдку города, пользуясь указаніями бѣжавшаго изъ Вазы нѣкоего инженера Хольма относительно расположенія улицъ и площадей. Одновременно замѣчено было движеніе какихъ то русскихъ войскъ къ городу по дорогѣ изъ Тобю (это были находившіяся тамъ 4 роты, которымъ приказано было Демидовымъ спѣшить въ Вазу). Бергенстрале двинулся форсированнымъ маршемъ и вступилъ въ городъ раньше ихъ, распространяясь по городскимъ улицамъ. Въ городѣ были только караулы, да казенная офицерская прислуга; но и эти отдѣльные люди (какъ свидѣтельствуютъ и шведскіе источники) самоотверженно сопротивлялись, обстрѣливая шведовъ изъ домовъ. Въ свою очередь наша колонна, шедшая по Тобюсской дорогѣ, ринулась бѣгомъ и закинулъ жестокой, беспощадный уличный бой. Бергенстрале пришлось скоро ввести въ дѣло всѣ свои силы и только повстанцевъ онъ остановилъ на юго-восточной окраинѣ города, какъ бы для обезпеченія своего отступленія. Наши орудія поставлены были на главномъ городскомъ перекресткѣ и продольно обстрѣливали

улицы въ двухъ направленіяхъ; всюду появились барикады изъ повозокъ обоза; шведамъ не было возможности продвигаться по городскимъ артеріямъ; они пытались укрыться въ домахъ, пробираться задворками—но и тутъ вездѣ и всюду были враги... Въ концѣ концовъ—всякая связь между частями у шведовъ была утрачена; войска вырвались изъ рукъ. Въ этотъ критическій моментъ подоспѣлъ къ городу самъ Демидовъ, возвратившійся отъ Смедсбю... Шведы приняли было его за своихъ, но увы! истина скоро обнаружилась... Бергенстрале и его сотрудники поняли, что дѣло проиграно, и стали хлопотать только о благополучномъ отступленіи... Демидовъ уже направилъ часть своихъ силъ на шведскіе резервы, а остальные ворвались въ городъ, гдѣ происходила неописуемая рѣзня. Бергенстрале тщетно пытался собрать и устроить своихъ, стремясь лишь вывести ихъ изъ боя; въ результатѣ—онъ оказался вынужденнымъ сдаться. Часть шведовъ все-таки ускользнула и успѣла добѣжать до берега, гдѣ сѣла на суда, которыя и доставили ихъ къ главному спламъ графа Клингспора; 17 офицеровъ, болѣе 250 нижнихъ чиновъ и 1 орудіе были взяты въ плѣнъ; остальные полегли на улицахъ города, гдѣ разсѣянные по всѣмъ направленіямъ Демидовымъ отдѣльныя небольшія группы людей постепенно подавляли сопротивленіе. Во время боя многіе вазаскіе жители стрѣляли по нашимъ войскамъ изъ оконъ; это, естественно, вызвало справедливое возмездіе; ожесточенные такимъ вѣроломствомъ, люди вторглись внутрь домовъ и, выбивая оттуда непріятельскихъ солдатъ и вооруженныхъ обывателей, оказались повинны и въ грабежѣ (черт. № 10).

Въ недавнее еще, екатерининское время, въ подобныхъ случаяхъ, „добычъ“ (по выраженію Суворова) признавалась дѣломъ обыкновеннымъ. „Обывателя не обижай“, училъ Суворовъ; но взятый штурмомъ городъ считалъ какъ бы законною наградою побѣдителей. Въ „дни Александровы“ взгляды измѣнились. Изъ Петербурга потребовали разслѣдованія, которое, однако, выяснило неопровержимо, что вмѣшательство самихъ вазасцевъ было главною причиною случившагося ¹⁾. „Могъ ли кто изъ частныхъ начальниковъ положить мѣры ожесточенію битвы? Не было возможности удержать солдатъ, находившихся во многихъ мѣстахъ безъ начальства“. Однако, до сихъ поръ преувеличенные рассказы о Вазаскихъ ужасахъ держатся въ Финляндіи, причемъ обыкновенно событіе стараются изобразить такъ, что русскіе солдаты безпричинно пущены были ихъ начальствомъ на разграбленіе города...

¹⁾ Томъ III, стр. 215 шв. офф. ист. свидѣтельствуетъ, что домовые обыски, произведенные распоряженіемъ Демидова, обнаружили не менѣе 80 человекъ горожанъ, вооруженныхъ ружьями, которые и были арестованы.

Примѣръ отбитія отряда Бергенстрале показываетъ, насколько гибко было тактическое искусство нашихъ войскъ, умѣвшихъ примѣняться къ самой разнообразной обстановкѣ. Разбросанный отрядъ Демидова, не теряясь отъ неожиданнаго появленія врага, быстро, по частному почину отдѣльныхъ предводителей, стягивается къ угрожаемому пункту и мастерски разыгрываетъ улчный бой, совершенно въ духѣ Суворовскихъ поставленій... Нарвавшійся на такого страшнаго противника Бергенстрале, даже при содѣйствіи мятежныхъ вазасцевъ, потерпѣлъ полный разгромъ.

Хотя, такимъ образомъ, шведамъ и не удалось высадить подкрѣпленій; хотя оба покушенія ихъ близъ Або и Вазы, благодаря находчивости и сноровкѣ нашихъ частныхъ начальниковъ,—и оказались отражены,—тѣмъ не менѣ попытки эти *разожгли народное движеніе* настолько, что сдѣлали невозможнымъ согласованіе дѣйствій группъ Раевского и Барклая; и той и другой приходилось заботиться единственно объ обезпеченіи собственной безопасности.

Обратимся теперь къ дѣйствіямъ колонны Барклая-де-Толли. По плану главнокомандующаго графа Буксгевдена, колонна или „корпусъ“ подъ начальствомъ Барклая-де-Толли должна была рѣшительно наступать изъ предѣловъ Выборгской губерніи въ Куопіо, утвердиться здѣсь и затѣмъ, оставивъ въ этомъ пунктѣ соответствующій гарнизонъ, съ остальными силами стараться выйти во флангъ или даже въ тылъ графу Клингспору, котораго тѣмъ временемъ Раевскій долженъ былъ задерживать съ фронта. Въ составъ колонны вошли полки 6-й дивизіи самого Барклая, два баталіона лейбъ-гренадеръ, баталіонъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, уланскій Его Высочества полкъ, рота гвардейской артилеріи, три казачьихъ сотни, съ добавленіемъ изъ Свеаборга Бѣлозерскаго пѣхотнаго полка и трехъ эскадроновъ Финляндскаго драгунскаго полка,—всего до 7.500 человекъ.

Такимъ образомъ на войска Барклая возлагалась двойственная задача: съ одной стороны—прочно овладѣть внутренней частью Финляндіи, такъ называемымъ Саволаксомъ, природныя свойства котораго создавали изъ него естественный редутъ народнаго мятежа; съ другой—оперировать противъ главной массы непріятельскихъ войскъ, причемъ, какъ видно, на эту группу возлагалась наиболѣе важная и рѣшительная роль. Нельзя не замѣтить, что планъ этотъ является повтореніемъ прежней предвзятой идеи зимняго похода, но съ еще меньшими шансами на успѣхъ, такъ какъ уже одни условія *мстности* по которой направленъ былъ Барклай-де-Толли, совершенно не отвѣчали возложенной на него активной задачѣ. Если въ зимнее время возможно было сравнительно легко и быстро преодолѣть лабиринтъ.

внутренней Финляндіи, особенно при отсутствіи серьезнаго противодѣйствія противника, то, по вскрытіи водъ и при существованіи у него обратнаго намѣренія—мѣстность здѣшняя предоставляла даже сравнительно слабымъ силамъ, при талантливомъ, конечно, предводителѣ, тысячу средствъ, чтобы сдѣлать этотъ районъ буквально неодолимымъ¹⁾.

А успѣхъ выполненія второй половины задачи, т. е. операціи въ тылъ Клингспору, всецѣло зависѣлъ отъ степени осуществленія первой. Такимъ образомъ, весь планъ Буксгевдена, въ сущности, не отвѣчалъ обстановкѣ, такъ какъ достигнуть поставленной имъ цѣли можно было только тогда, когда Барклай-де-Толли станетъ твердою ногою во внутренней Финляндіи, что оказалось недостижимымъ даже и для всѣхъ его силъ. Въ свою очередь, такой результатъ отразился немедленно и на положеніи отряда Раевского, а также войскъ, оставленныхъ на побережьи, которыя только вслѣдствіе инертности Клингспора отдѣлались сравнительно дешево.

Помимо топографическихъ условій, неудачный исходъ наступленія Барклай зависѣлъ еще и отъ счастливаго для противника обстоятельства — выдающейся талантливости вождя. Таковымъ оказался у шведовъ начальникъ ихъ 5-й бригады, генералъ Сандельсъ. По захватѣ въ концѣ апрѣля города Куоно своими передовыми частями, онъ утвердился здѣсь главными силами и приступилъ къ организаціи народныхъ ополченій. Тѣмъ временемъ, посланные имъ отдѣльныя легучія колонны въ теченіе мая заняли Варкаусъ и продвинулись даже до Юройса. Небольшія наши команды очищали всѣ пункты внутренней Финляндіи, кромѣ С.-Михеля, который оставался еще у насъ въ рукахъ²⁾. Все это происходило еще въ маѣ мѣсяцѣ, когда во внутренней Финляндіи оставались только наши этапныя команды. Энергіи и распорядительности военнаго губернатора старой Финляндіи Обрескова единственно обязаны мы, что не былъ захваченъ Нейшлотъ, — наша пограничная крѣпость. Обресковъ *по собственной инициативѣ* задержалъ Шлиссельбургскій гарнизонный баталіонъ, направленный въ Свеаборгъ и находившійся на дневѣ въ Выборгѣ, и усилилъ имъ гарнизонъ Нейшлота; затѣмъ въ Вильманstrandъ и С. Михель посланы были на подводахъ, на рысяхъ, части Вильманstrandскаго

¹⁾ Вотъ почему, вѣроятно, Суворовъ, въ своихъ «замѣткахъ» (см. гл. IV) не рекомендовалъ дѣйствовать здѣсь наступательно, считая достаточной, для обезпеченія операціевой линіи, активную оборону.

²⁾ Рапортъ Обрескова военному министру 4-го мая и всеподдавшѣйшее доведеніе 7-го мая. Характерно, что въ рескриптѣ отъ 13-го мая Императоръ Александръ выразилъ неудовольствіе Обрескову за сообщеніе слуховъ, которые являлись преувеличенны и ни съ чѣмъ несообразны. Вотъ до какой степени не допускали тогда въ Петербургѣ возможности неблагоприятнаго для насъ оборота дѣла и, главное, переѣмъ въ отношеніяхъ къ намъ населенія!

гарнизоннаго баталіона и Великолудскаго пѣхотнаго полка, прибывшія только что въ Выборгъ для несенія гарнизонной службы.

Войска, назначаемыя въ составъ колонны Барклая-де-Толли, прибывали медленно, по частямъ, въ окрестности С.-Михеля, гдѣ происходило ихъ сосредоточеніе, причѣмъ часть войскъ направлялась съ юга, а часть—съ востока, со стороны Нейшлота. Это навело Сандельса, освѣдомленнаго обо всѣхъ нашихъ передвиженіяхъ отъ мѣстнаго населенія, на мысль попытаться сперва нанести отдѣльное пораженіе ближайшей группѣ непріятеля; но полученныя имъ болѣе точныя свѣдѣнія о нашихъ силахъ заставили его отказаться отъ этого плана. Дѣло въ томъ, что въ рукахъ Сандельса было всего на всего около 3-хъ тысячъ регулярныхъ войскъ; все остальное были вооруженные жители, число которыхъ колебалось отъ 1½ до 2-хъ тысячъ, не считая отдѣльныхъ партизанскихъ партій. Расчитывать на нихъ въ открытомъ бою—не приходилось: этотъ матеріалъ годился только для малой войны. Въ свою очередь Барклай-де-Толли, прибывшій къ С. Михелю въ концѣ мая, получивъ свѣдѣнія о силахъ шведовъ и узнавъ, что Сандельсъ, имѣя главныя силы уже въ Локкасѣ¹⁾, отцѣпилъ его цѣлою сѣтью мелкихъ отрядовъ, не считая множества партій вооруженныхъ жителей,—рѣшилъ сперва выждать окончательнаго сосредоточенія всѣхъ своихъ силъ, обезпечить свои сообщенія и связь съ тыломъ и организовать подвозъ продовольствія. На мѣстныя средства, въ виду сравнительной бѣдности внутренней части края и, главное, враждебнаго настроенія населенія, которое частью устремилось съ оружіемъ въ рукахъ подъ знамена Сандельса, частью организовало самостоятельныя шайки, нечего было и думать хоть сколько-нибудь полагаться. Очевидно, приходилось исключительно уповать на подвозъ, который, по мѣрѣ углубленія колонны внутрь Финляндіи и удлиненія ея сообщеній, становился все болѣе и болѣе затруднителенъ и опасенъ. Къ тому же, перевозочныя средства района, и безъ того не обильныя, были въ значительной степени истощены въ предшествующій періодъ войны.

Заботы по обезпеченію отряда Барклая-де-Толли продовольствіемъ и организація подвоза возложены были военнымъ министромъ на военнаго губернатора Обрескова.

При этомъ обращалось вниманіе²⁾, чтобы движенія и дѣйствія корпуса согласованы были съ условіями его питанія, дабы избѣжать необходимости прибѣгать къ отступательнымъ движеніямъ, могущимъ произвести неблагоприятное впечатлѣніе на населеніе.

¹⁾ Два перехода къ сѣверу отъ С. Михеля.

²⁾ Предписаніе Обрескову отъ 8-го мая и Барклаю-де-Толли отъ 13-го мая.

На первое время войска Барклая-де-Толли могли довольствоваться изъ складовъ въ С. Михелѣ и Нейшлотѣ; кромѣ того, согласно особаго распоряженія главнокомандующаго, войска колонны должны были имѣть при себѣ продовольствія на 10 дней. Формированіе транспортовъ встрѣтило огромныя затрудненія, такъ какъ мѣстные жители уклонялись отъ поставки подводъ, и пришлось, по большей части, довольствоваться войсковыми обозами. По той же причинѣ не имѣла успѣха и попытка Обрескова сформировать транспорты изъ лодокъ, для перевозки грузовъ водою по Сайменскимъ озерамъ. Начали снаряжать для охраненія такихъ транспортовъ канонерскія лодки, но онѣ оказались готовыми только въ концѣ іюня и потребовалсь для другой цѣли.

Наконецъ, Барклая-де-Толли двинулъ свои войска нѣсколькими колоннами и 1-го іюня подступилъ къ Йоройсу ¹⁾ Здѣсь авангардъ лѣвой его колонны (въ составъ котораго входилъ, между прочимъ, баталіонъ лейбъ-егерей) натолкнулся на шведскій аріергардъ Гротенфельда, занявшій крѣпкую позицію за болотистой рѣчкой; выяснивъ невозможность обхода (топъ), наши войска открыли артиллерійскій огонь; тѣмъ временемъ пѣхота въ укрытомъ мѣстѣ сколачивала плоты, при помощи которыхъ, на утро 2-го іюня, форсировала рѣку такъ стремительно, что шведы не успѣли увезти свое орудіе, доставшееся намъ въ руки. Затѣмъ шведы попытались задержаться еще у Кутумяки, но обходъ лѣсомъ гвардейскихъ егерей, подъ командою полковника Потемкина, заставилъ ихъ очистить позицію.

Сандельсъ, видя црвосходство нашихъ силъ, началъ постепенно отходить на сѣверъ, но мелкія его партіи пользовались каждымъ случаемъ, чтобы нанести намъ вредъ. Магазины и транспорты наши безпрепятственно подвергались нападеніямъ; въ одномъ изъ нихъ истребленъ былъ цѣлый обозъ и понтонный паркъ, причемъ большая часть прикрытія переколота, а 400 лошадамъ подрѣзаны на ногахъ жили... Партизанская война настолько задержала наступленіе Барклая, что онъ занялъ Куоію лишь 8-го іюня уже послѣ того, какъ Сандельсъ успѣлъ спокойно переправить тяжести и артилерію за озеро Каловеси и утвердиться на сѣверномъ его берегу, на знаменитой Тайвольской позиціи. Позиція это съ фронта и фланговъ прикрыта озерами и, слѣдовательно, для насъ (безъ водоплавныхъ средствъ)—недоступна. Зато она позволяла самому Сандельсу, успѣвшему организовать, при помощи населенія, обширную озерную флотилію, производить, оставаясь неуязвимымъ, нападенія на нашъ тылъ. Позиція эта была намѣчена заблаговременно, еще до выступленія

¹⁾ Два перехода къ сѣверу отъ Юккаса и три перехода южнѣ Куоію.

Сандельса изъ Улеборга, такъ какъ свойства ея хорошо были извѣстны шведскимъ генераламъ—Адлеркрейцу, Сандельсу и самому графу Клингспору. Позиція была укрѣплена, возведены сильныя батареи, заграждены нѣкоторые проливы, а въ тылу устроены значительные склады и магазны... Образованы на озерѣ особые „лодочные патрули“, которые днемъ и ночью освѣщали водное пространство, слѣдя за возможнымъ появленіемъ нашихъ канонерокъ.

Такимъ образомъ, Сандельсъ имѣлъ возможность безнаказанно наносить удары по большому мѣсту Барклая,—его сообщеніямъ, имѣя свою базу непосредственно при себѣ, надежно обезпеченной.

Характерно, что вмѣстѣ съ отрядомъ Сандельса Куопіо было оставлено и мѣстными гражданскими властями, во главѣ съ куопіоскимъ губернаторомъ Вибеліусомъ¹⁾.

Во исполненіе извѣстнаго уже намъ плана главнокомандующаго Барклай-де-Толли, по занятіи Куопіо, оставилъ здѣсь трехтысячный отрядъ Рахманова, а съ остальными силами продолжалъ съ возможною быстротою движеніе въ направленіи на Липтулаксъ, съ тѣмъ, чтобы выйти во флангъ графу Клингспору. Оставленный у Куопіо отрядъ долженъ былъ дѣйствовать такъ, чтобы скрыть свою слабость и, наоборотъ, внушить противнику мысль о намѣреніи нашемъ форсировать водную преграду. Для этого Рахманову рекомендовалось производить разнаго рода ложныя передвиженія, собирать у жителей лодки, производить печальныя нападенія на шведовъ и т. п., причемъ (въ данной ему Барклаемъ инструкціи) подчеркивалось, что онъ долженъ исполнѣ самостоятельно выполнять поставленную ему задачу, не ожидая дополнительныхъ приказаній. Часть Сайменской флотилии должна была прибыть на озеро Калавеси для содѣйствія атакѣ Тайвольской позиціи. Наконецъ, ожидалось содѣйствіе колонны генераль-маіора Алексѣева (двинутой черезъ Сердоболь въ Корелію для усмиренія вспыхнушаго тамъ возстанія); отъ нея долженъ былъ быть выдѣленъ особый отрядъ, которому поручалось ввести Сандельса въ заблужденіе, что для обхода его позиціи съ восточной стороны назначены значительныя силы. Рахманову поручено попытаться войти въ связь съ этой колонной хотя-бы по внутреннимъ водамъ. Давая такія инструкціи Рахманову, Барклай-де-Толли рассчитывалъ на пассивность Сандельса; въ дѣйствительности, этотъ шведскій генераль отнюдь не намѣренъ былъ бездѣятельно ожидать непріятельскаго нападенія. Какъ только Сандельсу, изъ донесеній его „лодочныхъ

¹⁾ Это тотъ самый «Ландсгевдингъ», котораго впоследствии воспѣлъ Рунбергъ въ своихъ «Разказахъ прапорщика Столя», какъ образецъ гражданского долга. На самомъ дѣлѣ Вибеліусъ былъ просто однимъ изъ руководителей народнаго движенія и скрылся изъ Куопіо, опасаясь отвѣтственности (см. Sv. kr. 1808—09, ч. III, стр. 215—218, гдѣ приведено донесеніе Вибеліуса Королю).

патрулей“, сдѣлалось ясно, что подвозъ продовольствія русскимъ войскамъ къ Куопіо производится, главнымъ образомъ, водою изъ Нейшлота въ Варкаусъ, причемъ послѣдній пунктъ является, по современной терминологіи, головнымъ этапомъ, онъ тотчасъ-же рѣшилъ направить сюда свои главные удары. Въмѣстѣ съ тѣмъ, предвидя возможность направленія русскими какого-либо отряда по дорогѣ на Линтулакскъ, хотя бы для связи съ Раевскимъ, Сандельсъ приказалъ на этой дорогѣ уничтожить переваль у Рауталами и угнать далеко на сѣверъ всѣ лодки изъ ближайшихъ селеній. Это задержало здѣсь Барклая на недѣлю. Въ промежутокъ времени между 10-мъ и 18-мъ іюня, произведенъ былъ Сандельсомъ цѣлый рядъ удачныхъ нападеній на нашу коммуникационную линію. Первое изъ этихъ нападеній было произведено еще 10-го числа у самаго Куопіо, но оно было отбито лейбъ-егерями подъ командою полковника Потемкина¹⁾. Два дня спустя, 12-го числа, въ самый „Ивановъ день“ особый отрядъ подъ начальствомъ майора Дункера, раздѣленный на два эшелона, по 10-ти лодокъ въ каждомъ, скрытно спустился на лодкахъ къ Варкаусу. Кромѣ захвата непріятельскихъ транспортовъ, Дункеру поручалось произвести развѣдку и выяснить, какія мѣры приняты противникомъ для охраненія сообщений. Около Варкауса Дункеръ высадился на берегъ и расположилъ свой отрядъ въ засадѣ вблизи пути слѣдованія транспорта, пропустивъ который мимо себя, произвелъ одновременно внезапную атаку въ хвостъ, голову и средину обозной колонны. Часть прикрытія разбѣяна; остальные перебиты или захвачены въ плѣнъ. Повозокъ съ продовольствіемъ по нашимъ источникамъ захвачено 75, а по шведскимъ—200. Для отвлеченія вниманія одновременно произведено было опять нападеніе и у Куопіо; здѣсь шведскій отрядъ Арнвила, переправившись южнѣе города, скрытно подобрался къ нашимъ позиціямъ и завязалъ довольно серьезный бой, въ которомъ снова отличились гвардейскіе егеря и Низовскій полкъ, быстро собравшись по тревогѣ и успѣшно отбивъ нападеніе.

Всѣ эти событія внушили Барклаю-де-Толли серьезныя опасенія за свой тылъ. Опасенія эти усугублялись тѣмъ, что возставшее повсемѣстно внутри Финляндіи населеніе само вело безпощадную народную войну; наши отдѣльные посты, одиночные люди, подводы и т. п. безпрестанно подвергались нападеніямъ пзъ-за угла. Графъ Буксгевденъ называлъ въ своихъ всеподданнѣйшихъ рапортахъ эту войну „вандейскою“, а финляндцевъ унодоблялъ „добрымъ тирольцамъ“.

¹⁾ Такъ значится въ русскихъ источникахъ (журналъ военныхъ дѣйствій графа Буксгевдена отъ 16-го іюня). Въ шведскихъ источникахъ объ этомъ предпріятіи не упоминается; болѣе вѣроятнѣе считать, что оно имѣло мѣсто, чтобы отвлечь вниманіе отъ главной экспедиціи, цѣлью которой былъ Варкаусъ.

Такое положеніе вещей вынудило Барклая-де-Толли настаивать на скорѣйшей доставкѣ въ озеро Калавеси канонерскихъ лодокъ съ опытными морякамъ. Не достигнувъ полнаго господства на этихъ внутреннихъ водахъ, Барклай-де-Толли совершенно основательно не считалъ возможнымъ идти на западъ, на поддержку Раевского, и *взявъ на себя* рѣшеніе вернуться обратно въ Куопіо, куда и прибылъ къ 18-му іюня, оставивъ на прежнемъ пути слѣдованія лишь небольшой отрядъ (Азовскій полкъ съ 4 орудіями и взводомъ казаковъ). Михайловскій - Данилевскій (стр. 167) сильно осуждаетъ будущаго героя Кваркена и 1812 года за это рѣшеніе: оно, якобы, послужило причиною труднаго положенія, въ которомъ оказался Раевскій. Едва-ли лучше было бы, однако, положеніе послѣдняго, да и все наше положеніе на театрѣ войны, если-бы Сандельсу удалось отбросить Рахманова, вновь овладѣть Куопіо и оттуда угрожать тылу не только Барклая, но Раевского и прочихъ войскъ нашихъ, еще остающихся въ Финляндіи... Возвращеніе Барклая-де-Толли въ Куопіо, наоборотъ, позволило намъ удержаться въ этомъ районѣ и, несмотря на тяжелое положеніе здѣсь нашихъ войскъ, подвергавшихся постояннымъ ударамъ въ тылъ, не дало энергичному Сандельсу возможности далѣе распространяться, съ факеломъ мятежа, на югъ. Зажженный имъ пожаръ народной войны былъ, этимъ путемъ, до нѣкоторой степени локализованъ, и сообщенія главной массы нашихъ войскъ, бывшихъ въ юго-западной и западной части Финляндіи, опасности не подверглись.

На другой же день по прибытіи Барклая въ Куопіо, 18-го іюня, Сандельсъ вновь произвелъ ночное нападеніе; онъ высадилъ десантъ въ четырехъ различныхъ пунктахъ, на восточной сторонѣ города, подъ прикрытіемъ плотовъ, превращенныхъ въ плавучія батареи. Цѣлью атаки было — помѣшать Барклаю выдѣлить отрядъ противъ партизана фонъ-Фіандта, дѣйствовавшаго въ промежуткѣ между Раевскимъ и Барклаемъ и не допускавшаго связи между ними. Въ часъ ночи канонерскіе съ плотовъ открыли огонь по нашимъ позиціямъ, а одинъ изъ десантныхъ отрядовъ пробрался въ тылъ нашего лагеря. Нападеніе оказалось вначалѣ однимъ изъ наиболѣе удачныхъ для шведовъ; въ нашемъ лагерѣ начались суета и переполохъ. Другому шведскому отряду удалось разрушить часть нашихъ батарей, все это сперва вызвало въ лагерѣ нашемъ суматоху, результатомъ которой была полная разрозненность частей; роты дрались самостоятельно, отдѣленные другъ отъ друга врѣзавшимися въ наше расположеніе шведскими отрядами. Однако, послѣднимъ не удавалось войти въ связь и установить между своими дѣйствіями надлежащее согласованіе. Наоборотъ, наши войска, хотя и застигнутыя почти врасплохъ,

доблестно удержались на своих мѣстахъ до разсвѣта, съ наступленіемъ котораго осматрѣлись и, ударивъ повсюду на непріятеля, снова отбили его и удержали въ своихъ рукахъ Куопіо.

Нѣсколько дней спустя послѣ описаннаго нападенія, прибыли наконецъ, къ Куопіо давно ожидаемыя канонерскія лодки. Флотилія ихъ (такъ называемая „Саймская“) была съ давняго времени содержима на пограничномъ тогда Сайменскомъ озерѣ. Съ началомъ весенняго похода командовавшему флотиліей лейтенанту Колзакову приказано было перевезти свои лодки съ Саймы на озеро Калавеси, для чего приходилось тащить ихъ, по старорусскому обычаю, „волокомъ“ черезъ перешеекъ въ нѣсколько верстъ и въ обходъ тѣснины близъ Варжауса. Только къ 5-му іюля 15 канонерскихъ лодокъ, то переноскою на людяхъ, то перевозкою на лошадяхъ, то водою—появились, наконецъ, на водахъ Калавеси, откуда уже могли непосредственно достигъ Куопіо. Получивъ донесеніе о приближеніи канонерокъ, Сандельсъ рѣшилъ сдѣлать попытку завладѣть ими открытой силою. Съ этою цѣлью онъ отрядилъ 500 человекъ подъ начальствомъ майора Арнквиста, на 50 лодкахъ, при двухъ 3-фунтовыхъ пушкахъ. У пороговъ Коннусфорса (въ 6-ти верстахъ сѣвернѣ Леппявирты) рѣшено было устроить засаду, но Арнквистъ запоздалъ: канонерки уже прошли это труднопроходимое мѣсто. Тѣмъ не менѣе нападеніе не было отложено; за однимъ изъ мѣстныхъ острововъ Арнквистъ собралъ свои лодки и здѣсь скрытно поджидалъ подхода флотиліи Колзакова. Нападеніе это не увѣнчалось, однако, успѣхомъ. По собственному признанію Арнквиста¹⁾ его приказаніе броситься на абордажъ нашихъ канонерокъ выполнено было только тѣми немногими судами, на которыхъ были офицеры или унтеръ-офицеры; остальные же лодки, сбившись въ кучу, не двигались впередъ, являясь лишь легкой мишенью для картечнаго огня Колзакова. Арнквистъ рѣшился отступить, опасаясь, что „большинство его лодокъ неминуемо будетъ пущено ко дну“.

Послѣдствія прибытія канонерокъ сказались немедленно. Уже 8-го іюля Сандельсъ доносилъ, что русскіе въ теченіе послѣднихъ дней два раза *нападали на него и постояннымъ патрулированіемъ безпокоили его позицію*.

Прибытіе водоплавныхъ средствъ *уравновѣсило положеніе сторонъ*; Сандельсу пришлось думать уже не о предпріятіяхъ противъ насъ, а о собственной безопасности. Онъ началъ выдѣлать небольшіе отряды къ различнымъ пунктамъ у себя въ тылу, для обезпеченія своихъ сообщеній и вообще предусмотрительно готовиться на случай возможнаго отступленія. Въ тотъ-же день, 8-го іюля, Сандельсъ началъ

¹⁾ Его донесеніе приведено на стр. 256—57 т. III, Sv. krig. 1808—09.

свой приказъ слѣдующею фразой: „Въ случаѣ, если для бригады отступление станетъ неизбежнымъ, слѣдуетъ все, что только можетъ задержать маршъ, отправить заблаговременно въ тылъ“. Далѣе слѣдуетъ точная организація отступления. Одновременно Сандельсъ обратился съ воззваніемъ къ населенію тѣхъ приходовъ, которые лежали у него въ тылу, приглашая ихъ взяться за оружіе, „чтобы помѣшать противнику отрѣзать путь отступления войскъ и разорить край“. вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ продовольственные и боевые припасы (кромѣ десятидневной пропорціи), лазареты, тяжести и проч. были отодвинуты въ тылъ; равнымъ образомъ произведена тщательная рекогносцировка пути отступления и заранѣе намѣчены тѣ пункты, гдѣ возможно было принять бой.

Поучительность приведеннаго факта не подлежитъ сомнѣнію, наглядно подтверждая важное значеніе *озерной флотиліи* для дѣйствій во внутренней Финляндіи. Въ настоящее время, при существованіи желѣзныхъ дорогъ, эти хрупкія коммуникаціонныя линіи еще чаще могутъ подвергаться ударамъ неуволимыхъ противниковъ, а при увеличившейся зависимости отъ тыла, еще серьезнѣе могутъ быть послѣдствія такихъ ударовъ. Только *прочно* владѣя внутренними водами, можно пускаться въ какія-бы то ни было военныя предпріятія въ предѣлахъ внутренней финляндской котловины. Вотъ выводъ, къ которому неизбежно приводитъ изложенный эпизодъ кампаніи 1808 года. Та изъ враждующихъ сторонъ, которая лишена водоплавныхъ средствъ, обречена неизбежно на пассивную роль и даже на блужданіе въ потемкахъ, такъ какъ водные пути здѣсь являются не только лучшими коммуникаціонными путями, но и путями операціонными, въ частности,—*для разведокъ*.

Въ срединѣ іюля въ Куопіо произошла перемѣна начальствующихъ лицъ. Усиленные труды, заботы и невзгоды отозвались тяжело на здоровьѣ Барклая де Толли. Онъ серьезно заболѣлъ и былъ уволенъ въ Россію, какъ разъ во время усиленныхъ приготовленій къ намѣченной рѣшительной атакѣ Тайвольской позиціи. На мѣсто его сперва предполагался графъ Витгенштейнъ ¹⁾, а потомъ назначенъ тотъ-же Тучковъ I, который въ зимнемъ походѣ начальствовалъ въ Саволакскѣ. Онъ къ этому времени уже помирился съ Буксгевденомъ и, будучи освобожденъ отъ слѣдствія, прибылъ въ Куопіо какъ разъ въ то время, когда тамошнія войска уже дѣятельно строили плоты и суда подъ руководствомъ присланнаго изъ Петербурга корабельнаго мастера и обучались управляться на нихъ. Возобновлялся, такимъ образомъ, способъ, выработанный еще петровскими генералами для дѣйствій

¹⁾ Отзывъ къ нему военнаго министра отъ 26 іюня.

въ Финляндіи: ближній обходъ крѣпкихъ съ фронта позицій ¹⁾ вмѣсто дальняго маневра въ тылъ, почти всегда вызывающаго и соотвѣтствующій контръ-маневръ. Въ данномъ случаѣ, однако, это дѣлалось лишь въ силу исключительныхъ особенностей Тайвольской позиціи, требовавшей, для угрозы ея тылу, слишкомъ уже кружнаго и потому недостигающаго цѣли обхода.

Покамѣстъ Барклай-де-Толли въ Саволакскѣ былъ прикованъ дѣйствіями Сандельса, на прибрежномъ (западномъ) театрѣ происходило слѣдующее.

Послѣ столкновенія у Ньюкарлебу Клингсноръ остановился въ бездѣйствіи, не принявъ рѣшительно никакихъ мѣръ къ тому, чтобы войти въ связь съ десантомъ Бергенстрале, о предстоящей высадкѣ котораго имѣлъ извѣщеніе. „Я постараюсь сообщить Бергенстрале о положеніи арміи и о возможности нашего соединенія“, писалъ онъ королю по прибытіи въ Ньюкарлебу, но снѣшить съ этимъ не желалъ, не смотря на доклады приближенныхъ. Онъ ограничился высылкою 14-го іюня (на другой день послѣ боя при Вазѣ) двухъ авангардовъ по дорогамъ на Вазу и Ланно. Первый изъ нихъ выяснилъ положеніе дѣлъ какъ разъ въ то-же самое время (15-го іюня), когда слухи о пораженіи Бергенстрале достигли шведской главной квартиры. Непосредственно вслѣдъ затѣмъ прибыли въ Ньюкарлебу и тѣ остатки разбитаго десантнаго корпуса, которымъ удалось ускользнуть отъ разгрома. Наряду съ этимъ доставлены были и донесенія Сандельса объ очищеніи имъ Куонио и объ отходѣ на Тайвольскую полицію.

На впечатлительнаго и нерѣшительнаго Клингснора всѣ эти неблагоприятныя извѣстія произвели удручающее впечатлѣніе.

Ему казалось, что неудача высадки Бергенстрале (въ которой виновать во многомъ былъ онъ самъ) „отереть глаза“ русскимъ; это позволить имъ, игнорируя побережьемъ, сосредоточить противъ него значительныя силы; кромѣ того, Сандельсъ, продолжая свое отступленіе, долженъ будетъ присоединиться къ главной арміи и оставить открытыми пути на Улеборгъ, а это, въ свою очередь, позволить русскимъ выйти въ тылъ ему, Клингснору и т. п. Всѣ эти „каузы“ представлялись шведскому главнокомандующему „чрезвычайно опасными“.

„Фельдмаршалъ, повидимому, лишился всякаго мужества“, говорить о немъ оффиціальній шведскій источникъ. Переписка его съ королемъ за это время сводится къ тому, чтобы доказать необходимость (по его мнѣнію) „отказаться отъ счастья вторгнуться въ южную Финляндію“, опираясь на вышенприведенные доводы.

¹⁾ См. А. Мышлаевскій. Война въ Финляндіи 1712—1714 г.г.

Клингспоръ страшился дальнѣйшаго отступленія Сандельса, не зная и не предвидя, какъ искусно послѣдній сумѣетъ использовать выгоды Тайвольской позиціи. Онъ не видѣлъ другого исхода для финляндской арміи, какъ „защищаться до послѣдняго человѣка“ отъ неминуемаго нападенія русскихъ „главныхъ силъ“ со стороны Лапио, пока не послѣдуетъ новой „выручки“ со стороны моря.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, положеніе нашихъ войскъ на западномъ театрѣ войны оказывалось далеко не столь грознымъ, какъ представлялось Клингспору. Графъ Орловъ-Денисовъ со своимъ отрядомъ отрѣзанъ былъ вспыхнувшимъ на побережьѣ крестьянскимъ возстаніемъ отъ Раевского, который, имѣя лишь около 5-ти—6-ти тысячъ, въ свою очередь былъ изолированъ отъ Баркяла-де-Толли и постоянно подвергался нападеніямъ партизановъ на свои сообщенія.

Вслѣдствіе настояній короля, Клингспоръ все-таки сосредоточилъ въ 20-хъ числахъ іюня всѣ свои бригады; правильный подвозъ продовольствія моремъ въ Ньюкарлебу и Вазу (очищенную Демидовымъ и вновь занятую шведами) былъ установленъ, но еще протянулось около двухъ недѣль, пока шведскій главнокомандующій рѣшился, наконецъ, перейти въ наступленіе, теряя время на разнаго рода безплодные передвиженія отрядовъ съ мѣста на мѣсто. Шведскіе истощенныя войска сурово осуждаютъ нерѣшительность Клингспора; но не крылась ли она отчасти въ его стремленіи добиться отъ короля серьезнаго успленія своихъ войскъ, численность которыхъ не вполне соответствовала той крупной задачѣ (отвоеваніе Финляндіи), которую на него возлагали? Во всякомъ случаѣ съ Клингспора нѣкимъ образомъ нельзя снять упрека въ томъ, что онъ не пользовался разбросанностью и изолированностью нашихъ отдѣльных отрядовъ, которые легко могли быть имъ поочередно разбиты.

Въ свою очередь, даже и эти вялые передвиженія Клингспора безпокоили графа Буксгевдена, который опасался за участь Раевского и видѣлъ единственный исходъ въ скорѣйшемъ появленіи колонны Баркяла на сообщеніяхъ главной шведской „арміи“. Буксгевденъ считалъ силы Клингспора не менѣе 20 тысячъ¹⁾ и объяснял себѣ проволочку шведовъ съ начатіемъ наступленія только недостаткомъ у нихъ продовольствія.

Основная идея, которою руководствовался въ то время нашъ главнокомандующій,—это *выиграть время* до зимы. Буксгевденъ считалъ положительно невозможнымъ предпринимать что-либо рѣшительное въ Финляндіи безъ серьезныхъ поддержекъ и находилъ даже затруднительнымъ удержаться въ ней, если не сыграетъ рѣшаю-

¹⁾ Какъ видно изъ его донесенія Аракчееву отъ 7-го іюня.

щей роли Барклай-де-Толли, на успѣхъ движенія котораго онъ всего болѣе уповалъ. Мы уже видѣли, насколько расчеты эти были неосновательны; отсюда же вытекаетъ еще менѣе основательное оставленіе Раевского безъ всякой поддержки, обошедшееся сравнительно благополучно только благодаря Клингспору.

Бувстведенъ принадлежалъ къ числу тѣхъ генераловъ, которые, по выраженію Наполеона, „привыкли заразъ смотрѣть на много вещей“. Опасаясь за Раевского, онъ, тѣмъ не менѣе, не приходилъ къ рѣшенію придать ему устойчивость непосредственнымъ подкрѣпленіемъ его за счетъ войскъ, находившихся въ тылу и на побережьѣ. Стремясь все прикрыть, онъ всюду оказывался одинаково слабымъ...

Получивъ 17-го іюня свѣдѣнія о наступленіи шведовъ (пока еще — только авангардовъ), Раевскій отошелъ отъ Лилькоро къ Лаппо, приказавъ идти туда-же и Демидову¹⁾. Здѣсь былъ узелъ дорогъ на Таммерфорсъ и Куопіо, и, такимъ образомъ, Раевскій, приближаясь къ Баркляю, въ то же время преграждалъ Клингспору путь въ Южную Финляндію. Но въ это время пришло отъ Баркляя донесеніе, что возложенное на него движеніе на западъ онъ выполнить не можетъ и вынужденъ остаться у Куопіо. Такимъ образомъ, Раевскій, съ его малыми силами (около 5 тыс.), оказывался въ крайне трудномъ положеніи, рискуя отдѣльнымъ пораженіемъ.

Чтобы не быть раздавленнымъ шведскими главными силами, о численности которыхъ онъ, какъ и главнокомандующій имѣлъ преувеличенныя свѣдѣнія, Раевскій счелъ болѣе осторожнымъ отойти еще южнѣе, къ Сальми, оставя у Лаппо только арьергардъ. Получалось курьезное явленіе: Клингспоръ наступалъ крайне осторожно и нерѣшительно, опасаясь Раевского; въ то же самое время и Раевскій, опасаясь Клингспора, постепенно отходилъ все далѣе и далѣе на югъ, не принимая боя. Отступленіемъ своимъ Раевскій, впрочемъ, отчасти рассчитывалъ вовлечь шведовъ за собою, что могло дать ему случай выполнить инструкцію главнокомандующаго (отъ 20-го іюня) — „испытать послѣдній способъ, т. е. атаковать непріятеля, скрывая прежде сіе намѣреніе своимъ отступленіемъ“. Занявъ позицію у Сальми, Раевскій озаботился войти въ связь съ отрядомъ полковника Властова, который наступалъ въ промежуткѣ между Баркляемъ и Раевскимъ, служа между ними связью²⁾. Для этой цѣли посланъ былъ летучій отрядъ Кульнева.

Тѣмъ временемъ отрядъ шведскаго партизана фонъ-Фіандта, дѣйствовавшій въ районѣ между главными шведскими силами и Куопіо

¹⁾ Который вслѣдствіе этого и очистилъ Вазу.

²⁾ Отрядъ Властова былъ отдѣленъ Раевскимъ еще 12-го іюня въ направленіи на Койвисто-Сааріярви.

и незадолго передъ тѣмъ совершившей удачное нападеніе близъ Перхо на нашъ транспортъ, былъ, при возвращеніи своемъ къ побережью, усиленъ по распоряженію Клингсиора и двинуть снова на югъ, съ приказаніемъ наступать на Линтулакскъ, образуя собою крайнюю лѣвую колонну всей арміи.

Линтулакскъ было приказано захватить, съ цѣлью пересѣчь Раевскому сообщенія съ внутренней Финляндіей.

Имѣя въ своемъ распоряженіи около 1.000 человѣкъ. Фіандтъ, пробрався лѣсными дорогами и 16-го іюня занялъ Линтулакскъ. Высланные отсюда разъѣзды встрѣтились съ казаками, которые, какъ выяснилось впоследствии, принадлежали къ отряду Властова, достигшему Сааріярви. Здѣсь къ нему присоединился еще и тотъ отрядъ, который былъ выдѣленъ Баркелемъ-де-Толли для связи съ Раевскимъ (7 ротъ Азовскаго полка и 1 сотня казаковъ). Всего у Властова сосредоточилось 2 полка пѣхоты, 1 эскадронъ драгунъ, казачья сотня и 4 орудія,—всего 1.260 строевыхъ. Драгунскій эскадронъ прибылъ изъ Гельсингфорса и привезъ непосредственно отъ самого графа Буксгевдена приказаніе Властова: атаковать Линтулакскъ. Буксгевденъ, получившій свѣдѣнія о случайномъ сблуженіи двухъ отрядовъ, причемъ перевѣсъ силы оказывался на нашей сторонѣ, рѣшилъ воспользоваться этимъ и попытаться достичь хотя частнаго успѣха, хорошо зная, насколько важно бываетъ моральное значеніе такого успѣха для обѣихъ сторонъ, въ предвидѣніи болѣе рѣшительныхъ событій.

26-го іюня утромъ Властовъ подошелъ къ Линтулаксу (черт. № 11), гдѣ Фіандтъ уже занялъ на высотѣ близъ усадьбы позицію, правый флангъ которой, усиленный засѣками, упирался въ болото, а лѣвый—въ озеро Кюярви. Резерва у Фіандта не было, если не считать небольшой заставы, назначенной для защиты моста въ тылу позиціи. Прежде всего, Властовъ двинулъ егерей, подъ прикрытіемъ огня которыхъ восстановленъ былъ разрушенный шведами мостъ. Вслѣдъ затѣмъ баталіонъ Азовскаго полка повелъ энергичную атаку на центръ и въ охватъ праваго фланга шведской позиціи, при поддержкѣ огня артилеріи. Остальные войска, въ видѣ резерва, двигались укрыто, долиною рѣчки, впадавшей въ озеро Кюярви. Около двухъ часовъ дня пошелъ сильный дождь, стрѣльба понемногу затихала; попытка обойти правый флангъ шведовъ была предупреждена своевременно. Наконецъ, ливень заставилъ насъ совершенно пріостановить стрѣльбу и даже отвезти назадъ орудія. Это обстоятельство побудило фонъ-Фіандта рѣшиться переходомъ въ наступленіе „вырвать себѣ побѣду“. Пользуясь тѣмъ, что наша стрѣлковая цѣпь сильно растянулась, наступая по моховому болоту, фонъ-Фіандтъ попытался прорвать ее и сперва дѣйствовалъ удачно: выбилъ насъ изъ Линтулакской мызы

и даже захватилъ нѣсколько плѣнныхъ. Но, увы! развитъ одержанный успѣхъ было нечѣмъ; резерва не было. А Властовъ, какъ разъ въ этотъ критическій моментъ, смѣло повелъ свой резервъ въ контръ-атаку. Послѣ залпа на короткѣ, пѣхота наша бросилась въ штыки и выбила непріятеля изъ мызы. Натискъ былъ столь неударжимо-стремителенъ, что шведы не приняли удара и снѣжили сами очищать мызу и увозить свои орудія, опасаясь потерять ихъ. Отъ дождя они приведены были въ такое состояніе, что изъ нихъ нельзя было произвести ни одного выстрѣла. Этимъ замѣшательствомъ воспользовалась наша конница (финляндскіе драгуны и казаки), которая обсекала правый флангъ Фіандта. Послѣдній поспѣшилъ отъѣхать объ отступленіи и едва-едва успѣлъ отвести свой отрядъ по дорогѣ на Перхо. Отъ преслѣдованія на дальнее разстояніе шведы избавились, успѣвъ разрушить мостъ. Часть шведскихъ войскъ была отрѣзана отъ своихъ и лишь съ трудомъ, окольными троинками, ночью успѣла присоединиться.

Такимъ образомъ, Властовъ открылъ себѣ связь съ Раевскимъ и получилъ возможность поддержать послѣдняго.

Линтулаескій бой, хотя и между двумя незначительными, второстепенными отрядами, имѣлъ тѣмъ не менѣе существенное значеніе. На графа Клингспора онъ повліялъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ томъ смыслѣ, что онъ приостановилъ наступленіе своихъ силъ и поспѣшилъ поддержать фонъ-Фіандта, опасаясь, что русскіе разовьютъ одержанный успѣхъ и могутъ выйти въ концѣ концовъ на его сообщенія.

Въ свою очередь Буксгевденъ, подъ вліяніемъ извѣстія о побѣдѣ Властова, рѣшилъ немедленно использовать этотъ успѣхъ и приехалъ Раевскому перейти въ частное наступленіе. Результатомъ этого распоряженія была отправка поддержаній, подъ начальствомъ Янеовича, направленныхъ къ Линтулаксу. Янеовичъ, какъ старшій, вступилъ въ командованіе Линтулаескимъ отрядомъ. Послѣдній состоялъ изъ полковъ: Азовскаго, Сѣвскаго, Бѣлозерскаго и 24-го егерскаго, 2-хъ эскадроновъ и сотни казаковъ, а остальные войска подъ командою самого Раевскаго, образовали другую группу и должны были дѣйствовать противъ Лаппо, т. е. противъ главныхъ силъ шведовъ.

28-го іюня Янеовичъ достигъ Фіандта близъ Перхо, гдѣ послѣдній занялъ позицію за Ковонсаарскимъ болотомъ. Болото это, тянувшееся вплоть до рѣки Перхо, было очень топкое и поросшее мелкимъ лѣсомъ; тамъ, гдѣ послѣдній былъ гуще и почва тверже, онъ былъ непріятелемъ отчасти вырубленъ, но еще оставалось немало лѣсистыхъ островковъ и группъ кустарника. Фіандтъ расположился и здѣсь,

какъ раньше у Линтулакса, въ одну тонкую линію, безъ всякаго резерва; силы его превышали 1.000 чел. Янковичъ, имѣя въ своемъ распоряженіи около 3.000 чел., атаковалъ перхоскую позицію слѣдующимъ образомъ. Сперва авангардъ Властова (его прежній отрядъ) вошелъ въ соприкосновеніе съ противникомъ; тѣмъ временемъ выѣхала на позицію наша артилерія и отерыла огонь. Пока гѣхота авангарда разсыпалась на фронтѣ и вела стрѣлковый бой, отвлекая его вниманіе въ этомъ направленіи, двумя баталіонамъ главныхъ силъ приказано было принять вправо, попытаться перейти болото и ударить въ лѣвый флангъ шведовъ. Эта угроза побудила фонъ-Фіандта уклонить этотъ флангъ назадъ, передвинуть часть своихъ орудій такъ, чтобы анфилировать атакующихъ и, наконецъ, бросить 2 баталіона нюландцевъ и саволакцевъ въ штыковую контръ-атаку. Наступленіе нашихъ войскъ, взнузавшихъ въ топи болота, было приостановлено; гѣхота наша кое-какъ укрылась на омушкахъ отдѣльныхъ роцъ, мѣстами разсѣянныхъ по болоту. Тѣмъ не менѣе Янковичъ подкрѣпилъ свой правый флангъ изъ резерва и повторилъ наступленіе, на этотъ разъ такъ удачно, что нюландцы и саволакцы были водворены на прежнюю позицію. Не менѣе удачно продвигались мы и на лѣвомъ флангѣ, цѣпляясь за уцѣлѣвшія группы кустовъ и лѣса. Много нужно было доблести и выносливости, чтобы атаковать при такихъ ужасныхъ условіяхъ, „до колѣно въ водѣ и тинѣ“, какъ повѣствуетъ самъ нашъ противникъ, фонъ-Фіандтъ. Янковичу пришлось развести въ лѣсу, сзади боевыхъ линій, огромный костеръ, около котораго отогрѣвались и обсушивались, время отъ времени, промокшіе и пззавшіе люди. Но угорство въ атакѣ не ослабѣвало ни мало въ этихъ прямыхъ послѣдователяхъ Суворовскихъ чудо-богатырей! Янковичъ двинулъ послѣдній свой резервъ, около 3 часовъ пополудни, прямо черезъ болото въ долину рѣки Перхо, стараясь выйти на путь отступленія Фіандта. Послѣдній, почуявъ грозившую бѣду и видя, что ему не удержать позиціи, отступилъ къ Овсаоски, сжигая за собою все мосты. Этимъ только приостановилъ онъ преслѣдованіе русскихъ. Потери Фіандта въ этомъ кровопролитномъ бою были настолько значительны, что онъ вынужденъ былъ доносить о „критическомъ“ положеніи своего отряда, указывая, что „не можетъ отвѣчать за походъ“ если ему не дадутъ солидныхъ подкрѣпленій (черт. № 12).

Дѣйствія Янковича весьма поучительны и показываютъ умѣнье нашихъ частныхъ начальниковъ руководить боемъ, примѣняться къ своеобразной мѣстности и до послѣдней минуты настойчиво преслѣдовать поставленную цѣль въ правильно избранномъ направленіи.

Почти одновременно съ разгромомъ Фіандта у Перхо Раевскій наступалъ въ направленіи на Лаппо, въ цѣляхъ облегчить атаку Янко-

веча; когда же, 26-го июня, ему сдѣлалось яснымъ, что Лаппо занято только незначительнымъ шведскимъ авангардомъ Эрнрота, Раевскій рѣшилъ не упускать случая овладѣть этимъ пунктомъ¹⁾.

Его авангардъ быстро развернулся и новель атаку на селеніе съ фронта, а 2 роты Великолуцкаго полка, подъ начальствомъ маіора Платонова, пошли обходомъ въ тылъ. Шведы были сбиты со своей первоначальной позиціи; атака же Платонова въ тылъ была неудачна и самъ онъ раненъ. Эрнротъ снова сосредоточилъ свои силы на новой позиціи, намѣреваясь здѣсь обороняться до крайности, но, получивъ донесеніе о новомъ обходѣ русскихъ, счелъ за лучшее отступить. Подоспѣвшій начальникъ бригады, Кронстедтъ, видя свои баталіоны въ полномъ отступленіи, отвелъ ихъ къ проходу Ала-хярмя, гдѣ была крѣпкая съ фронта тѣснина. Но наши войска удовлетворились легко доставшимся имъ Лаппо. Здѣсь Раевскій пріостановился, ожидая результатовъ нападенія Янковича; но и донесеніе объ успѣхѣ послѣдняго не измѣнило его намѣреній. Зная превосходство силъ противника и предвидя его переходъ въ наступленіе, Раевскій пріостановилъ обѣ свои группы, оттянулъ главныя силы Янковича въ Линтулаксъ и рѣшилъ въ такомъ положеніи выждать дальнѣйшихъ дѣйствій со стороны врага. Такимъ образомъ, хотя при Линтулаксѣ, Перхо и Лаппо нами и были достигнуты тактическіе успѣхи, но стратегическая выгода свелась лишь къ нѣкоторой задержкѣ рѣшительнаго наступленія шведовъ. Это имѣло, однако, существенное значеніе, такъ какъ всякое промедленіе въ этомъ отношеніи было намъ на руку: мы имѣли возможность успѣть сосредоточить свои силы, сгруппировать ихъ болѣе выгоднымъ образомъ, наконецъ,—подкрѣпить. Несмотря на столь очевидную важность для шведовъ быстроты, ихъ главнокомандующій, поддаваясь каждому мало-мальски неблагоприятному извѣстію; медлилъ, „рисовалъ себѣ картины“ и терялъ то драгоценное время, упущеніе котораго, по выраженію Великаго Петра,— „смерти невозвратной подобно“.

Пораженіе Фіандта у Линтулакса, очевидно, не способствовало укрѣпленію въ Клингспорѣ рѣшимости наступать, но частныя шведскіе начальники, въ особенности начальникъ штаба Адлеркрейцъ и

¹⁾ Интересно, что для облегченія выполненія этого намѣренія Раевского прибѣгли къ слѣдующей военной хитрости. Была составлена главнокомандующимъ ложная инструкция Раевскому отъ 20-го июня и послана ему черезъ Кристинастадъ, съ расчетомъ на то, что она должна будетъ непременно достаться въ руки шведамъ. Въ этой инструкціи извѣщалось удовольствіе Раевскому по поводу его намѣренія отступить къ Тавастгусу и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщался фиктивный планъ „окруженія“ непріятельской арміи путемъ движенія изъ Сердобола особой колонны князя Голлицына и направленія Баркляя на Перхо. Изъ шведскихъ источниковъ не видно, попалъ-ли этотъ документъ дѣйствительно въ руки шведовъ и оказалъ ли онъ вліяніе на ихъ дѣйствія.

генераль Аминовъ ¹⁾, добились въ концѣ концовъ (по свидѣтельству шведскихъ историковъ) согласія главнокомандующаго на движеніе впередъ. Однако, рѣшеніе это приведено было въ исполненіе далеко не сразу, такъ что Раевскій, какъ мы уже видѣли, имѣлъ возможность произвести даже наступленіе всѣми силами, результатомъ котораго былъ новый ударъ, нанесенный Янковичемъ Фіандту у Перхо и захватъ Лаппо самимъ Раевскимъ (26-го и 28-го іюня). Движеніе на Перхо угрожало пути отступленія главныхъ силъ шведовъ; въ тоже время наступленіе русскихъ въ этомъ направленіи должно было, по мнѣнію Клингспора, имѣть результатомъ ослабленіе ихъ силъ у Лаппо. Это послѣднее соображеніе всего болѣе содѣйствовало тому, что атака на Лаппо была, наконецъ, окончательно рѣшена. Однако, сперва Клингспоръ полагалъ ограничиться посылкою подрѣвленія Кронстедту, дабы надежнѣе задержать русскихъ въ тѣснинѣ Ала-хярмя; потомъ, когда получено было донесеніе о новомъ пораженіи Фіандта, — фельдмаршалъ, озабоченный за свой тылъ, чуть было не отмѣнилъ принятаго рѣшенія. Только, когда его убѣдили, что силы Раевского уменьшились, — онъ, наконецъ, остановился на наступленіи къ Лаппо, ограничившись выдѣленіемъ части своихъ силъ на подрѣвленіе Фіандту. Это, вмѣсто съ тѣмъ, должно было обезпечить его собственный тылъ со стороны Перхоской колонны русскихъ. Въ то же время онъ отдалъ распоряженіе объ уничтоженіи мостовъ ²⁾ на береговомъ приболотническомъ трактѣ (на р.р. Калайоки, Пюхαιοки и Сипкайоки), въ случаѣ появленія здѣсь русскихъ, на его пути отступленія. Клингспоръ, въ случаѣ неуспѣха, располагалъ отходить уже не къ Улеборгу, а къ Вазѣ, въ расчетѣ получить именно здѣсь новыя подрѣвленія со шведскихъ береговъ или же, какъ послѣдній исходъ, перебросить свои силы „морскимъ путемъ“ на родину ³⁾.

Для обезпеченія выполненія такой мѣры онъ вошелъ въ соотвѣтствующія сношенія съ адмираломъ Раайлинымъ ⁴⁾.

Къ вечеру 1-го іюля передовыя части шведовъ вошли въ соприкосновеніе съ нашими и оттѣснили наши кавалерійскія заставы.

Характерно, что самъ Клингспоръ слѣдовалъ съ наступающими войсками только до Ала-Хярмя; отсюда онъ почему-то счелъ нужнымъ отправиться въ Нюкарлебу для распоряженій по устройству тыла, а командованіе арміей поручилъ Адлеркрейцу.

¹⁾ Еще при наступленіи Клингспора къ Нюкарлебу, передъ высадкой Бергенстрале Аминовъ убѣждалъ Клингспора рѣшительно оттѣснить русскихъ и перенести центръ операцій въ Южную Финляндію. Для этого, по его мнѣнію, слѣдовало небольшими силами наступать вдоль побережья, для поддержанія здѣсь крестьянскаго движенія, а главною массою атаковать Раевского у Лаппо. (Ср. кт. 1808—09, т. III, стр. 70).

²⁾ Начальникъ канонерской флотиліи капитанъ Мункъ долженъ былъ крейсировать съ этою цѣлью въ устьяхъ помянутыхъ рѣкъ.

³⁾ Такъ доносилъ онъ королю позже, 17-го іюля.

⁴⁾ Ср. кт. 1808—1809, III, 74.

На разсвѣтъ 2-го іюля обѣ стороны одновременно начали наступленіе. Раевскій приказалъ своему авангарду произвести усиленную развѣдку непріятельскаго расположенія, желая удостовѣриться, съ какими силами предстоитъ помѣряться.

Между 3-мя и 4-мя часами утра передовые шведскіе посты были атакованы, причѣмъ русскимъ пришлось отступить; шведы заняли лѣсъ, отдѣлявшій поляну у Каухавы отъ Лапской равнины. Дорога проходила здѣсь по совершенно пустынной, болотистой и каменистой мѣстности, поросшей густымъ лѣсомъ, съ непрерывнымъ наклономъ къ деревнѣ Лаппо. Здѣсь засѣлъ русскій авангардъ (1¹/₂ баталіона съ небольшою частью конницы); завязалась упорная стѣчка, окончившаяся отступленіемъ довольно основательно потрепанныхъ карельскихъ егерей. Адлеррейцъ, прибывшій около 7-ми часовъ утра со своимъ штабомъ на мѣсто боя, приостановилъ отходившихъ и приказалъ главнымъ силамъ спѣшить на поддержку. Первою подошла Саволакская бригада Кронстедта и первоначально штыковымъ ударомъ отбросила нашъ авангардъ, но послѣдній уцѣпился за мѣстные предметы и удержался впереди восточной окраины Лаппо. Поамѣсть здѣсь шелъ затяжной стрѣлковый бой, подошли остальные части главныхъ силъ шведовъ, и новою атакою сопротивленіе нашего авангарда было, наконецъ, сломлено превосходными силами.

Поле сраженія у Лаппо (черт. № 13) представляло изъ себя плоскую равнину, прорѣзанную рѣчкой того же наименованія; въ сѣверной части обширная луговина; ближайшая же къ деревнѣ часть поляны покрыта была волнующимся моремъ ржи. Наступающимъ рѣшительно негдѣ было найти укрытія, кромѣ канавы, рѣдкаго кустарника и нѣсколькихъ отдѣльныхъ хижинъ. Съ сѣверо-востока къ равнинѣ примыкала лѣсистая высота и далѣе отъ нея опушка лѣса, огибая равнину съ юга, упиралась въ рѣчной берегъ, вдоль котораго пролегалъ дорога изъ Сальми—путь отступленія русскихъ.

Въ деревнѣ Лаппо она соединялась съ путемъ наступленія Клингспора—дорогой изъ Нью-Карлебу, а на другомъ берегу отходила на Ильмола и Вазу (куда, какъ уже сказано, располагалъ отступать Клингспоръ въ случаѣ неудачи).

Первоначально Раевскій расположилъ свои войска впереди Лаппо, тыломъ къ рѣкѣ и правымъ флангомъ къ своему пути отступленія на Сальми. Для обезпеченія послѣдняго онъ ограничился тѣмъ, что выставилъ Великолуцкій полкъ съ 4-мя орудіями уступомъ впереди этого фланга, сѣвернѣе деревни Лухтари, и 2 баталіона еще болѣе впереди, на опушкѣ лѣса, игравшіе вмѣстѣ съ тѣмъ роль резерва. Еще далѣе къ востоку, возлѣ деревни Коіоля, расположены были, въ двухъ группахъ, еще 4 роты (Петровскаго полка). Послѣдніе три

баталіона прикрывали вмѣстѣ съ тѣмъ путь отступленія Раевского. Для лучшаго обезпеченія отступленія, былъ построенъ у деревни Ліухтари плавучій мостъ, а вдоль берега рѣки устроенъ колонный путь, въ топкихъ мѣстахъ укрѣпленный фашинникомъ. Впереди фронта всей позиціи тянулись густыя стрѣлковыя цѣпи, скрытыя частью высокою рожью, частью кустарникамп. Несмотря на сравнительную слабость своихъ силъ (около 4.100 чел. при 15 орудіяхъ, тогда какъ шведовъ участвовало въ бою болѣе 5 тыс.), русскія войска растянуты были на три съ лишнимъ версты по фронту. Повидимому, Раевскій принялъ такое расположеніе съ цѣлью заставить шведовъ принять бой на открытой равнинѣ, гдѣ легко бы ему было оцѣнить силы атакующихъ, послѣ чего отступить. Въ то же время, располагаясь впереди Лаппо, Раевскій прикрывалъ путь на Вазу и препятствовалъ, такпмъ образомъ, Клингспору имъ воспользоваться.

Адлеркрейцъ имѣлъ полную возможность поставить Раевского въ положеніе, близкое къ критическому, если бы направилъ главный свой ударъ либо на центръ его растянутой позиціи, либо, еще лучше, на правый его флангъ, чему способствовала и мѣстность: резервы могли скрытно пройти лѣсомъ и появиться только въ послѣднюю рѣшительную минуту. Въ обоихъ случаяхъ большая часть нашего отряда была бы отрѣзана отъ пути на Сальми и прижата къ рѣкѣ. Но Адлеркрейцъ повелъ атаку одновременно съ обоихъ фланговъ, вѣроятно, возлагая на части, атакующія нашъ лѣвый флангъ, демонстративную роль.

Обѣ стороны одновременно начали бой артилеріей, но позиціи были слишкомъ удалены другъ отъ друга, такъ что снаряды не долетали, а мѣстность, повидимому, не позволяла сблизить батареи. Когда Адлеркрейцъ убѣдился въ безрезультатности огня артилеріи, онъ двинулъ впередъ пѣхоту, и сперва на нашъ лѣвый флангъ. Такимъ образомъ, вышло, что атака шведами начата была, въ сущности, безъ всякой подготовки. Какъ только наступленіе непріятельской пѣхоты обозначилось—тотчасъ же наша артилерія бросила бесполезную стрѣльбу по батареямъ непріятеля и перенесла огонь на его цѣпи и колонны, нанося имъ существенныя потери. Наши егеря, рассыпанные по кустамъ и канавамъ, присоединились къ артилеріи; двѣ удачно замаскированныя наши батареи, на лѣвомъ флангѣ, неожиданно открыли картечный огонь вдоль фронта наступающихъ, а наша конница вынеслась, угрожая броситься въ атаку на длинную колонну пѣхоты. Дѣйствіе вышеупомянутыхъ фланговыхъ батарей ввело Адлеркрейца въ заблужденіе; ему показалось, что часть нашихъ силъ скрыта и намѣрена ударить въ рѣшительную минуту въ правый его флангъ, отрѣзывая его совершенно отъ пути

на Вазу и грозя пути на Ньюкарлебу. Это ложное опасеніе заставило Адлеркрейца задержать бригаду Гришпенберга, направленную на правый фланг нашей позиціи, и часть ея двинуть въ направленіи на Алапа, т. е. для прикрытія праваго фланга наступающей бригады Дебельна, а послѣдней приказать приостановить наступленіе. Это распоряженіе имѣло роковое значеніе: оно, можно сказать, свело на нѣтъ тактическую побѣду шведовъ при Лаппо.

Бригада Дебельна, между тѣмъ, переживала критическій моментъ. Задержанная въ своемъ порывѣ перекрестнымъ огнемъ обороняющагося, она уже испытывала состояніе извѣстнаго разложенія. „Какъ долго придется держаться такимъ образомъ? спрашивалъ себя войска въ тревожномъ безпокойствѣ, которое росло по мѣрѣ увеличенія убыли. Среди солдатъ стало распространяться неудовольствіе; начальники, во главѣ съ самимъ Дебельномъ, стали *открыто протестовать*“¹⁾. Наконецъ, не дождавшись капсъ либо распоряженій свыше, Дебельнъ послалъ приказаніе продолжать атаку; послѣднее не дошло по назначенію, такъ какъ адъютантъ былъ убитъ, однако атака всетаки возобновилась: войска сами ее начали, по инициативѣ младшихъ начальниковъ.

Во время приостановки атаки Дебельна егеря его бригады, уже вступивъ въ область густой ржи, и не имѣя возможности ориентироваться, оторвались совершенно отъ своихъ и вышли одни почти къ самой деревнѣ Сторбю (сѣверная часть Лаппо), въ средину нашего боевого порядка.

Здѣсь ихъ встрѣтили ожесточенный картечный огонь нашихъ батарей, расположенныхъ близъ Сторбю, а пѣхота наша стала охватывать ихъ съ обоехъ фланговъ, все время осыпая ихъ пулями. Положеніе шведовъ (это были пресловутые Бьернеборгцы), по собственному признанію ихъ историковъ, „стало критическимъ“. Баталіонные командиры рѣшили, въ качествѣ послѣдняго исхода,—броситься на штурмъ деревни. Однако, сперва они встрѣтили здѣсь упорное сопротивленіе нашего 23 егерскаго полка, поддержаннаго потомъ Калужскимъ, преодолѣть которое не удалось даже при помощи артиллеріи, подѣхавшей на самое близкое разстояніе. Только когда подошли остальные баталіоны Дебельна, наши начали отходить, на южный берегъ р. Лаппо но въ полномъ порядкѣ, по частямъ поддерживая другъ друга.

Успѣхъ, достигнутый шведами на этомъ флангѣ, благодаря энергіи Дебельна, естественно развивался, и уже совершенно исчезли всякіе слѣды первоначальнаго стремленія нанести ударъ на важнѣйшемъ

¹⁾ Sv. kriget 1808—1809, т. III стр. 284. Эпизодъ, характерный для войскъ нашего противника. Напомянемъ, что въ бригадѣ Дебельна были исключительно финляндцы.

правомъ флангъ нашего расположенія. Такъ какъ наши войска оказывали упорное сопротивленіе и отдавали позицію шагъ за шагомъ, то Адлеркрейцъ направилъ сюда поддержки, между прочимъ, и Гриппенберга, ошибочно двинутаго къ Аланя.

Что же касается лѣваго фланга шведовъ, то здѣсь происходило слѣдующее. Должно упомянуть, что начальникъ шведскаго авангарда, атакованнаго въ Лаппо Раевскимъ еще 26-го іюня, майоръ Эрнротъ, близко знакомый съ окрестною мѣстностью, обращалъ особое вниманіе Адлеркрейца на возможность лѣсными дорогами выйти на путь отступления русскихъ. Онъ настойчиво просилъ разрѣшенія, хотя бы съ двумя своими баталіонами, двинуться въ этомъ направленіи. Но Адлеркрейцъ почему, то не обратилъ на это должнаго вниманія и рѣшилъ ограничиться здѣсь простою атакою во флангъ. Когда же, какъ извѣстно, вслѣдствіе ложнаго свѣдѣнія объ обходѣ своего праваго фланга, онъ оттянулъ 3-ю бригаду Гриппенберга отъ ея первоначальнаго назначенія, то оказалось, что противъ праваго фланга русскихъ осталась только небольшая часть бригады Кронстедта, составившей общій резервъ на опушкѣ лѣса близъ дороги. Кронстедту указано было лишь „слѣдить за движеніями противника“, и онъ поручилъ это 2 ротамъ подъ начальствомъ того же Эрнрота. Послѣдній, двинувшись лѣсомъ, наткнулся на превосходныя силы бывшаго нашего авангарда (помянутый выше уступъ) и былъ отброшенъ.

Тогда Раевскій отдалъ приказаніе тѣснить эти роты и стараться обойти лѣвый флангъ шведовъ. Послѣдніе ввели въ дѣло уже цѣлыхъ 2 баталіона изъ резерва, но не могли держаться; густыя стрѣлковыя цѣпи 26 егерскаго и Петровскаго мушкатерскаго полковъ, прикрываясь лѣсомъ, угрожали имъ обходомъ.

Адлеркрейцъ получилъ донесеніе объ этомъ движеніи одновременно съ извѣстіемъ о занятіи шведами Сторбу и объ отступленіи оттуда лѣваго фланга русскихъ къ Ліухтарп. Тогда онъ отдалъ приказаніе Кронстедту съ резервомъ ударить на правый нашъ флангъ, т. е., наконецъ, въ важнѣйшемъ, опаснѣйшемъ для насъ направленіи. Выisto того, чтобы выполнить это приказаніе сразу, всѣми силами, Кронстедтъ ввелъ ихъ бой по частямъ. Если онъ и добился, въ результатѣ, отступления нашихъ войскъ, то отнюдь не потому, что преодолѣлъ ихъ сопротивленіе, а вслѣдствіе общаго отступления всего отряда. Раевскій удачно перевелъ свои войска на новую позицію впереди деревни Ліухтарп и здѣсь перешелъ даже въ частную контръ-атаку для прикрытія своего отступления. Послѣднее ускорено было тѣмъ обстоятельствомъ, что деревня Ліухтари зажжена была въ нашемъ тылу, повидимому, мѣстными жителями. Вполнѣ возможно также, что пожаръ произошелъ отъ подожженнаго нами моста черезъ рѣку, дабы

помѣшать шведамъ, наступавшимъ другимъ ея берегомъ, ударить намъ въ тылъ. Шведы слабо атаковали новую позицію Раевского и уже въ 7 часовъ вечера прекратили бой, расположившись на отдыхъ. Такимъ образомъ, Раевскій получилъ полную возможность безъ всякой помѣхи отступить къ Сальмп.

Сами шведскіе историки свидѣтельствуютъ ¹⁾, что отступление это произведено было „въ большомъ порядкѣ“, а что преслѣдованіе шведовъ продолжалось „не далѣе опушки лѣса восточнѣе д. Нью-Кюола, гдѣ русскіе изготовились къ новому сопротивленію“.

Довольно продолжительный 13-ти часовоі бой при Лаппо, длившійся съ разсвѣта до 7 часовъ вечера, обошелся обѣимъ сторонамъ сравнительно дешево. У шведовъ вышло изъ строя 162, а у русскихъ около 150 человекъ.

Въ Швеціи и особенно въ Финляндіи высоко чтятъ „побѣду“ при Лаппо; на полѣ битвы воздвигнуть *финляндцами*, казѣ и на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хоть сколько нибудь не повезло русскимъ, внушительный памятникъ. Тѣмъ не менѣе, военные историки, не исключая шведскихъ, не склонны придавать этому столкновенію столь выдающагося значенія. Въ официалномъ сочиненіи, издаваемомъ шведскимъ генеральнымъ штабомъ, результатъ боя при Лаппо признается ничтожнымъ въ тактическомъ отношеніи, а самое столкновеніе даже незаслуживающимъ названія „сраженія“. Адлеркрейца справедливо упрекаютъ въ томъ, что онъ велъ бой безъ достаточнаго знакомства съ мѣстностью и расположеніемъ противника, повидимому, даже предполагая большую часть силъ послѣдняго южнѣе рѣки, гдѣ, въ дѣйствительности, у Раевского не было ни одного солдата.

Стратегическія послѣдствія дѣла при Лаппо свелись къ необходимости для Раевского отходить на югъ. Овладевъ Лаппо, Клингспоръ получилъ въ свои руки кратчайшіе пути къ Вазѣ, откуда онъ ожидалъ новыхъ подкрѣпленій и могъ поддерживать связь съ флотомъ и со Швеціей. Достигнутый шведами успѣхъ необходимо было развивать безотлагательно, тѣмъ болѣе, что къ этому времени и на восточномъ театрѣ Сандельсъ своими удачными дѣйствіями окончательно приковалъ къ Куопіо отрядъ Баркляя-де-Толли.

Болѣе важны были моральныя послѣдствія: успѣхъ, хотя далеко не полный, ободрилъ шведовъ и укрѣпилъ въ нихъ надежду на возможность осуществленія плановъ отвоеванія Финляндіи. На мѣстное населеніе вліяніе было еще ощутительнѣе: народная война разгорѣлась съ новою силою и прежде всего—въ тылу самого-же Раевского.

¹⁾ Sv. kr. 1808—09, III, 106.

Бой у Лаппо самъ по себѣ весьма поучителенъ въ тактическомъ отношеніи. Онъ показываеъ, насколько велико было наше превосходство надъ шведами по этой части. Всѣ распоряженія Раевского цѣлесообразны и весьма искусны; они проникнуты отъ начала до конца основной идеей: *вести противника въ заблужденіе* и заставить его *напрасно потратить силы* и понести жертвы на маловажномъ участкѣ боя. Отступленіе Раевского, при данной обстановкѣ, было какъ бы предрѣшено имъ самимъ и къ его обезпеченію заблаговременно приняты мѣры, весьма искусно и послѣдовательно приводимыя въ исполненіе. Возможность частнаго успѣха на своемъ лѣвомъ флангѣ онъ также подготовилъ весьма умѣло, втянувъ непріятеля умышленно въ ожесточенный бой на этомъ менѣе важномъ участкѣ и только упрямый напоръ Дебельна съ его финнами не далъ ему этого достигнуть.

Что касается Адлеркрейца, то онъ, повидному, не оцѣнилъ значенія фланговъ позиціи русскихъ, не усвоилъ себѣ растянутости ихъ расположенія, попался на ту удочку, которую ему закинулъ Раевскій, и, въ сущности, велъ бой безцѣльно и безсвязно, поддаваясь случайнымъ впечатлѣніямъ.

Послѣ неудачнаго боя при Лаппо Раевскій отступилъ по Тавастгуской дорогѣ еще на два перехода къ Сальми, гдѣ остановился на той же самой крѣпкой позиціи, которую занималъ до своего наступленія къ Лаппо. Однако, онъ не рассчитывалъ на возможность удержаться здѣсь, о чемъ и доносилъ главнокомандующему. Уже спустя нѣсколько дней получены были донесенія о продолженіи наступленія шведовъ, причемъ часть силъ своихъ Клингспоръ направилъ проселочною дорогою, выводящею отъ Лаппо прямо на Алаво, въ тылъ Раевскому, на единственный путь его отступленія. Рисковать дальнѣйшимъ пребываніемъ у Сальми, несмотря на всѣ преимущества тамошней позиціи, Раевскій не рѣшился; предпринять что-либо активное самому, провѣривъ на дѣлѣ справедливость афоризма: „это обходить—тотъ самъ обойденъ“, не позволялъ ему недостатокъ продовольствія и необезпеченность его сообщеній въ волнуемомъ краѣ. Волей-неволей приходилось отступать дальше.

6-го іюля Раевскій отошелъ отъ Сальми къ Алаво, а Янковича оттянулъ отъ Линтулакса къ Сааріярви, такъ что онъ продолжалъ находиться въ промежуткѣ между нимъ и Куопіо. Здѣсь находилась, какъ извѣстно, колонна Барклая-де-Толли, которая должна была частью своихъ силъ угрожать сообщеніямъ главныхъ силъ „финской арміи“. Въ указанномъ положеніи Раевскій ежеминутно ожидалъ новаго наступательнаго маневра со стороны противника. Однако, графъ

Клингспоръ, достигнувъ Лаппо, дальше не пошелъ, ограничившись наблюдениемъ за Раевскимъ своими передовыми частями. Наблюдение это было, впрочемъ, весьма поверхностное, такъ какъ свѣдѣнія о силахъ непріятели продолжали быть у шведовъ весьма преувеличенными. Задержку свою графъ Клингспоръ впоследствии объяснялъ, съ одной стороны, получениемъ извѣщенія отъ короля о предстоящей высадкѣ на Ботническомъ берегу новыхъ десантовъ у Вазы, которые должны были непосредственно поддержать Клингспора, а съ другой — опасениемъ, что при дальнѣйшемъ движеніи шведовъ впередъ, Барелай-де-Толли отъ Куопіо двинется черезъ Линтулаксъ имъ въ тылъ.

Такое намѣреніе какъ разъ и было у нашего главнокомандующаго. Но выполнить его не удалось; Барелай вынужденъ былъ на полъ-пути къ Линтулаксу вернуться назадъ къ Куопіо, гдѣ озадался затѣмъ окончательно приковать Сандельсомъ. Поэтому, высказываемыя графомъ Клингспоромъ опасенія вѣрнѣе считать предлогомъ для оправданія своей нерѣшительности и, главное, средствомъ добиться отъ короля обѣщанныхъ подкрѣпленій. Вѣдь изъ донесеній Сандельса Клингспору не могло не быть извѣстно о затруднительномъ положеніи нашихъ войскъ въ Куопіо, не допускающемъ никакихъ активныхъ предпріятій.

Несмотря на извѣстное намъ прибытіе въ распоряженіе начальника Куопіоскаго отряда канонерокъ и начатую заготовку плотовъ, съ переходомъ Куопіоскаго отряда въ руки Тучкова, мысль о попыткѣ рѣшительно атаковать Тайвольскую позицію всеми силами, пользуясь водолазными средствами, была вскорѣ оставлена. Тучковъ доносилъ Буксгевдену, что изъ двухъ возможныхъ для него способовъ дѣйствій противъ Сандельса онъ отдаетъ предпочтеніе „диверсіи“ со стороны Сердобола на Юенсуу—Иденсальми, въ тылъ шведамъ, такъ какъ считаетъ отрядъ свой (5.000 съ лишнимъ чел.) слишкомъ слабымъ для атаки открытою силою. Къ тому же постройка судовъ шла чрезвычайно медленно: къ концу іюля ихъ было заготовлено только на 1.000 человекъ, несмотря на усиленный сборъ и наемъ лодокъ по всей Сайменской системѣ. Мало того, построенные плоты оказались ненадежными и даже опасными: при первомъ же опытѣ посаженные на нихъ люди едва не были потоплены. Въ результатѣ Тучковъ бездѣйствовалъ въ теченіе всего іюля и только осаждал главнокомандующаго ходатайствами о подчиненіи ему Сердобольскаго отряда г.-м. Алексѣева и направленіи этого отряда въ тылъ Тайволы, на Юенсуу. Ходатайство это было, наконецъ, уважено, но польза отъ него почувствовалась Тучковымъ не скоро. Ничтожному по численности отряду Алексѣева самому пришлось пережить тяжелые дни и главнымъ образомъ, по причинѣ бездѣятельности того же Тучкова,

не говоря уже о слабости силъ и несоотвѣтственномъ составѣ самого отряда ¹⁾. Инертность Тучкова позволила Сандельсу перебросить часть регулярныхъ силъ своихъ (подъ начальствомъ Мальма) въ Корелію, придавъ этимъ опору возгоравшемуся въ ней возстанію. Они послужили тамъ тѣмъ твердымъ ядромъ, которое необходимо для образованія снѣжнаго кома: повстанцы немедленно пристали къ кадру Мальма, и въ одно мгновеніе онъ оказался во главѣ чуть не 6-тысячнаго скопища....

Итакъ, въ десятихъ числахъ іюля нечего было и думать о появленіи нашихъ войскъ со стороны Куопіо, для оказанія содѣйствія Раевскому. Кромѣ того, отъ Куопіо до Лаппо было не менѣе 10—12 дней марша, и, слѣдовательно, шведы всегда имѣли время и возможность предупредить такое опасное для нихъ движеніе.

Несмотря на все это, Клингспоръ продолжалъ оставаться въ бездѣйствіи у Лаппо и ограничился партизанскою войною на сообщеніяхъ Раевского, рассчитывая однимъ этимъ принудить его къ отступленію. Онъ продвинулся лишь до Сальми и здѣсь простоялъ *ровно пять недѣль*, укрѣпивъ себѣ позицію. Занявшись организаціей поисковъ въ тылъ Раевскому, Клингспоръ, правда, весьма затруднилъ положеніе послѣдняго, но—и только! Силы наши, хотя и разбросанныя пакетами по всей площади Финляндіи, продолжали оставаться *нетронутыми*, и стоило, въ лицѣ Н. Каменскаго, явиться энергичному, талантливому и одаренному починомъ начальнику и стаять въ его рукахъ достаточно сильную, самостоятельную группу, какъ все быстро перемѣнилось...

Партизанскіе отряды, посланные Клингспоромъ, дѣйствовали довольно энергично и пробирались далеко въ тылъ войскамъ Раевского, вплоть до самаго Тавастгуса. Наибольше чувствительнымъ оказалось нападеніе на Вирдоисъ. Здѣсь, на сѣверной оконечности озеръ Сатакундской системы, въ точкѣ ея пересѣченія съ магистральною дорогою Ваза-Тавастгусъ, находился у насъ складъ продовольственныхъ и боевыхъ запасовъ, куда они свозились частью на подводкахъ, частью водою по озернымъ путямъ. Говоря современнымъ языкомъ—это былъ головной этапъ Раевского. Партизанскій отрядъ (подъ начальствомъ мѣстнаго уроженца, нѣкоего Рота), не рискуя напасть на прикрытіе склада, въ виду превосходныхъ силъ его, ухитрился обмануть его бдительность и нечаяннымъ нападеніемъ

¹⁾ Онъ сперва состоялъ всего изъ 4-хъ эскадроновъ и 1 сотни и только въ концѣ іюля усиленъ 4-мъ егерскимъ полкомъ и 4-мя эскадронами драгунъ съ 4-мя конными орудіями.... Оригинально, что отрядъ, составленный преимущественно изъ конницы съ конной артиллеріей посылался для усмиренія народнаго мятежа въ наиболѣе пересѣченной части Финляндіи! Объясняется это, конечно, только тѣмъ, что другихъ войскъ подъ руками не было: послали то, что подвернулось....

овладѣть нашими лодками и истребить ихъ. Подвозъ водою былъ, такимъ образомъ, пресѣченъ, а для перерыва подвоза по грунтовымъ дорогамъ Ротъ спустился озерами къ широкимъ проливамъ у Висувеси и Руовеси, сжегъ здѣсь два стосаженныхъ моста, перекопалъ и завалилъ дороги. Утвердившись затѣмъ на неприступномъ островкѣ посреди озера и собравъ къ себѣ всѣ окрестныя лодки, онъ производилъ оттуда набѣги, на манеръ предковъ своихъ, викинговъ, не пропуская къ Раевскому ни одного транспорта. Партизанскіе отряды все болѣе и болѣе смѣлѣли. Благодаря участию выпущенныхъ нами на свободу нижнихъ чиновъ Свеаборгскаго гарнизона, повстанцы получили извѣстную организацію; опираясь на полное сочувствіе и поддержку жителей, имѣя повсюду въ скрытныхъ мѣстахъ, преимущественно на островахъ по озерамъ, склады оружія¹⁾; партизаны перехватывали всѣ подводы наши, истребляли транспорты, задерживали курьеровъ, нападали изъ засадъ на небольшія команды. Ихъ дерзость дошла до попытки овладѣть путемъ нечаяннаго нападенія городомъ Таммерфорсомъ; но бывшія тамъ въ качествѣ гарнизона двѣ роты Петровскаго полка не растерялись и отбили нападеніе. Въ теченіе нѣсколькихъ дней Раевскій былъ совершенно отрѣзанъ отъ своего тыла, лишень подвоза продовольствія, не имѣя возможности ни снестись съ главнокомандующимъ, ни съ кѣмъ-либо изъ другихъ начальниковъ отрядовъ, ни получить свѣдѣній о происходящемъ вокругъ него. Принять какія либо дѣйствительныя мѣры противъ партизановъ было невозможно: они появлялись и исчезали, подобно метеорамъ. Все населеніе буквально было съ ними въ заговорѣ...

При такомъ тяжкомъ положеніи вещей, ожидая съ часу на часъ дальнѣйшаго наступленія графа Клингспора, Раевскій 11-го іюля, счелъ себя вынужденнымъ созвать военный совѣтъ. Насколько тяжело было матеріальное положеніе отряда, видно изъ того, что солдатамъ приходилось питаться найденнымъ въ опустошенныхъ поляхъ сырмъ, полусгнившимъ картофелемъ, кореньями, грибами и т. п. Въ запискахъ Оаддея Булгарина картинно описаны эти трудные дни...

На страницахъ 178 — 181 книги Михайловскаго-Данилевскаго приведенъ протоколъ военнаго совѣта 11-го іюля, въ составъ котораго вошли генералы: Демидовъ, Янковичъ и Казачковскій и полковники: Эриксонъ, Фроловъ, Штегманъ, Турчаниновъ и Кульневъ.

„Вамъ извѣстны обстоятельства,—обратился къ совѣту Раевскій,— побудившія меня отстунить къ Алаво; увѣренъ, что вы согласитесь свидѣтельствовать, что не страхъ непріятели, а предосторожность меня въ тому принудила. Извѣстіе, полученное о сожженіи мостовъ

¹⁾ Когда случалось обнаруживать въ Финляндіи такіе склады за послѣдніе годы,—они открывались, обыкновенно, тоже на островахъ.

по Тавастгуской дорогѣ непріателемъ, оправдало сей мой поступокъ... Вы видите, что прямая дорога на Тавастгусъ намъ закрыта, и хотя-бы мы могли построить истребленные по ней мосты, но не имѣемъ довольно провіанта, чтобы, по причинѣ остановокъ изъясненныхъ, могли мы съ онимъ дойти до Тавастгуса. Хотя бы отправлены были транспорты по приказанію главнокомандующаго водою въ Вирдойсь, могу-ль я быть увѣренъ, что шатающіяся непріятельскія партіи по сему озеру ко мнѣ его допустятъ? Последнее извѣстіе, полученное мною отъ главнокомандующаго, было отъ 3-го числа сего мѣсяца. Того-же числа, послѣ сраженія подъ Лаппо, отправленъ былъ мною съ пзвѣстіемъ курьеръ, съ которымъ я испрашивалъ разрѣшенія: прикажетъ ли онъ идти мнѣ къ Тавастгусу, ибо мои силы не позволяютъ мнѣ стоять противъ непріателя, въ случаѣ его атаки, а еще меньше по прежней диспозиціи дѣйствовать наступательно? Уже время получить мнѣ на мое представленіе отвѣтъ, и я полагаю, что посланный отъ главнокомандующаго курьеръ или попалъ въ руки непріателю, или, доѣхавъ до истребленныхъ мостовъ, возвратился опять въ Тавастгусъ. Если я буду еще его дожидаться въ Алаво, то употреблю провіантъ, съ которымъ едва можно дойти до магазиновъ, находящихся въ Ювяскюля. Если-бъ я былъ увѣренъ въ провіантъ, тогда моимъ присутствіемъ воспрепятствовалъ бы непріателю дѣйствовать всѣми силами на Таммерфорсь; но если отступлю, то даю ему свободу распространяться въ землѣ и прибавлять его силы. Оставаясь здѣсь, мы лишаемъ Тавастгусъ и Таммерфорсь сильнаго подкрѣпленія, и легко можетъ быть, что непріатель, оставя въ Лаппо малыя силы, можетъ скрыть свои главныя движенія на Таммерфорсь. Вамъ извѣстно,—заклучилъ Раевскій,—*что въ сей землѣ народъ, будучи преданъ непріателю, не можетъ дать никогда вѣрнаго свидѣнія о немъ, и что на свидѣнія, мною получаемыя отъ употребляемыхъ для того людей, полагаться не можно, хотя и нельзя ихъ презирать*¹⁾. По обсужденіи всѣхъ этихъ данныхъ, совѣтъ сдѣлалъ слѣдующее постановленіе: „Мы, нижеподписавшіеся генералы и полковники, войдя во всѣ причины, представленныя нашему разбирательству, единогласно положили, что необходимо корпусу, здѣсь находящемуся, слѣдовать черезъ Ювяскюля на Тавастгусъ, развѣ на путь будетъ прислано отъ главнокомандующаго предписаніе“.

Какъ-бы для того, чтобы укрѣпить Раевского и его подчиненныхъ въ принятомъ рѣшеніи, во время засѣданія совѣта пришло донесеніе о томъ, что транспортъ изъ 25-ти подводъ атакованъ и расщипенъ

---

¹⁾ Къ сожалѣнію, во всю эту войну мы практикуемъ всего больше этотъ неадекватный способъ развѣдки.

близъ Кеуро шайкою партизановъ, подъ предводительствомъ выпущенныхъ свеаборгскихъ плѣнниковъ.

Рѣшеніе, принятое Раевскимъ и закрѣпленное военнымъ совѣтомъ 11-го іюля, при данномъ положеніи дѣлъ было единственно возможнымъ. Движеніе на Ювяскуля, къ тому-же, сближало Раевского съ Тучковымъ, позволяя, въ случаѣ если дальнѣйшій путь на Тавастгусъ снова окажется прерванъ, возстановить свои сообщенія по восточной коммуникаціонной линіи, на Нейшлотъ или Сантъ-Михель—Вильманстрандъ. Правда, такое движеніе уже завѣдомо отдавало всю западную Финляндію въ руки непріятели и вынуждало отряды, обороняющіе побережье Ваза-Або, обнажить его совершенно.

Трудность положенія, въ какое попалъ Раевскій, во многомъ зависѣла отъ нѣсколько неосмотрительнаго оставленія безъ вниманія и безъ охраненія вышеупомянутыхъ переправъ на протокахъ у Висувеси и Руовеси. Если слабыя сравнительно силы отряда Раевского и не позволяли выдѣлять съ этою цѣлью особыхъ отрядовъ, то это могло быть сдѣлано по распоряженію главнокомандующаго, въ рукахъ котораго оставалось немало войскъ, распределенныхъ по различнымъ пунктамъ Финляндіи, для поддержанія въ край спокойствія.

Для того, чтобы составить себѣ вполнѣ ясное представленіе о положеніи дѣлъ въ Финляндіи въ періодъ, предшествовавшій побѣдамъ графа Н. Каменскаго, возстановившимъ блескъ нашего оружія и довершившимъ окончательное завоеваніе этого края, надлежитъ упомянуть о положеніи отряда графа Орлова-Денисова, составлявшаго крайнюю лѣвофланговую группу нашего стратегическаго фронта въ Финляндіи. Отрядъ его, первоначально совершенно незначительный, доведенъ былъ къ серединѣ іюня до 1¹/₂ баталіоновъ егерей, 4 эскадроновъ и сотенъ и 2 орудій. Ко времени производства неудачныхъ іюньскихъ высадокъ Фегезака и Бергенстрале, отрядъ графа Орлова-Денисова оборонялъ побережье между Бьернеборгомъ и Кристинестадомъ. Съ отходомъ Раевского и очищеніемъ нами города Вазы Орловъ-Денисовъ оставался одинъ среди объятаго пламенемъ народной войны прибрежнаго края, подъ угрозой ежечаснаго повторенія десанта шведскихъ регулярныхъ войскъ.

Какъ свидѣтельствуетъ офціальный шведскій источникъ¹⁾, несмотря на неудачу первыхъ шведскихъ высадокъ, достаточно было появленія на финляндскомъ берегу небольшого отряда шведовъ (часть десанта Бергенстрале, которая осталась на берегу и впослѣдствіи присоединилась къ арміи Клингсгора), чтобы въ средѣ населенія распространялись въ изобиліи благоприятныя шведскому оружію слухи, и

¹⁾ Sv. Kriget 1808—1809, с. III, стр. 219—233.

крестьяне толпами брались за оружіе. Казачьи посты Орлова-Денисова послѣдовательно подверглись цѣлому ряду нечаянныхъ нападеній, сопровождавшихся жестокостями. До 80 лейбъ-казаковъ было вѣроломно захвачено въ плѣнъ; прочіе изрублены. Пути къ Вазѣ были перехвачены; всюду устраивались засады. Крестьяне (подъ руководствомъ шведскихъ офицеровъ) мастерски пользовались мѣстностью; они избирали „непрístupныя мѣста“, „гдѣ нельзя было взять ихъ сплю“¹⁾, и оттуда безнаказанно поражали нашихъ. Графъ Буксгевденъ, по ходатайству Орлова-Денисова, усилилъ его отрядъ²⁾ и приказалъ принять строгія репрессивныя мѣры³⁾. Но еще до прибытія нашихъ подкрѣпленій повстанцы, выяснивъ слабость русскихъ на побережьи, сдѣлали попытку овладѣть городомъ Кристинстадомъ. Замыселъ этотъ былъ подготовленъ въ сосѣднемъ городѣ Каскѣ, куда подошелъ шведскій бригъ; здѣсь собралась многочисленная банда вооруженныхъ крестьянъ; во главѣ предпріятія сталъ командиръ брига, лейтенантъ Торнтонъ; на вельботахъ и лодкахъ все скопшце, въ ночь на 22-е іюня, шхерами пробралось къ мысу, на восточной части котораго расположенъ городъ. Небольшая команда наша, займавшая его, успѣшила отступить.

Очевидно, Орлову-Денисову съ его слабыми и разбросанными силами, нечего и думать было бороться съ возстаніемъ до ихъ сосредоточенія. Поэтому всѣ его отряды, успѣвшіе благополучно ускользнуть отъ мятежниковъ, стали отступать вглубь страны. Въ первыхъ числахъ іюля, собравъ всѣ свои силы у Ланифьерда и притянувъ посланныя главнокомандующимъ подкрѣпленія, Орловъ-Денисовъ перешелъ въ наступленіе. 3-го іюля онъ искусно выманилъ повстанцевъ изъ устроенныхъ ими на берегу укрѣпленій въ открытое поле, втянулъ подальше отъ берега умышленнымъ отступленіемъ, а затѣмъ, неожиданнымъ ударомъ во флангъ, разбилъ на голову близъ Пелакса. Крестьяне разсѣялись въ безпорядкѣ по лѣсамъ; часть успѣла спастись моремъ на лодкахъ. Захвативъ Кристинстадъ, Денисовъ пошелъ на Вазу и здѣсь на полу-пути нанесъ мятежникамъ новое пораженіе, во время котораго, въ тылу у него, Кристинстадтъ былъ снова захваченъ шведами. Едва только графъ Орловъ, возвратясь, снова очистилъ Кристинстадъ отъ непріятеля, какъ ему пришлось летѣть въ Кухаюки, на поддержку своей же партіи, бывшей подъ начальствомъ маіора Ягодина. Народное возстаніе было подобно лернейской гидрѣ: на мѣстѣ одной отрубленной головы выросло двѣ другихъ. Несмотря на необычайную энергію и дѣятельность графа Орлова-Денисова съ его молодцами

¹⁾ Михайловскій-Данилевскій 158.

²⁾ 4-мя ротами и 2-мя сотнями.

³⁾ Журналъ военныхъ дѣйствій Буксгевдена 17-го и 21-го іюня.

лейбъ-казаками,—бунтъ, утушенный имъ въ одномъ мѣстѣ, немедленно вспыхивалъ снова съ удвоенною яростью. Пришлось прѣбѣгнуть къ мѣрамъ строгости—повѣсить и разстрѣлять нѣсколько вожаковъ, сжечь нѣсколько деревень и т. п. Энергичная дѣятельность Орлова-Денисова по укрощенію народнаго мятежа удостоена была Высочайшаго благоволенія¹⁾. Финскіе крестьяне мстили съ утонченною, чисто монгольской жестокостью. Такъ, въ одномъ мѣстѣ найдено было 11 русскихъ солдатъ, закопанныхъ по поясъ въ землю съ отрубленными головами. Въ концѣ концовъ, Орлову-Денисову пришлось, одновременно съ отступленіемъ Раевского отъ Алаво къ Тавастусу, отступить на югъ къ Бьернебору.

Такимъ образомъ, къ концу іюля наши войска были въ полномъ отступленіи на лѣвомъ флангѣ (побережье) и въ центрѣ нашего стратегическаго фронта. Правый флангъ (Куопіо) былъ прикованъ къ мѣсту, и на скорый переходъ въ наступленіе здѣсь нельзя было рассчитывать; наконецъ, на крайнемъ правомъ флангѣ, въ Корелии, войска, высланныя изъ Петербурга и долженствовавшія содѣйствовать Тучкову, также были приостановлены мятежомъ, и скопища повстанцевъ грозили нашимъ собственнымъ предѣламъ....

Общее количество нашихъ войскъ въ Финляндіи къ этому времени достигало 26.000 человекъ способныхъ дѣйствовать оружіемъ. Но изъ нихъ только 13 тысячъ, т. е. половина выполняла чисто боевыя задачи; всѣ остальные войска предназначались, въ сущности, для прикрытія операционной линіи. Изъ этихъ 13-ти тысячъ у Раевского было 6 тыс., у Тучкова въ Куопіо тоже 6 тыс. и около 1.000 чел. на побережьѣ между Або и Кристинстадомъ, подъ начальствомъ сперва Орлова-Денисова, позже—Бибикова. Остальные войска распредѣлялись такъ:

1) Въ Сердобольскомъ отрядѣ и на старой границѣ	2.000 чел.	} Прикрытіе операционной линіи со стороны мятежниковъ въ Корелии.
2) Въ Сваборгѣ	3.500 »	
3) У Або	4.000 »	} Прикрытіе операционной линіи со стороны моря.
4) На судахъ гребной флотиліи	2.000 »	
5) Для сопровожденія транспортовъ, охраненія порядка внутри страны и т. п.	1.500 »	

Такимъ образомъ, большая часть наличныхъ войскъ нашихъ расходовалась для обезпеченія тыла; если-же принять во вниманіе, что отрядъ Тучкова въ Куопіо только сдерживалъ Сандельса, а Орловъ-Денисовъ былъ прикованъ къ побережью дѣйствіями мятежныхъ бандъ, подкрѣпленныхъ десантами,—такъ что обѣ эти группы, въ сущности прикрывали съ фланговъ сообщенія Раевского,—то ока-

¹⁾ М. Д. стр. 183.

жется, что только одна эта слабая группа въ 6 тысячъ человекъ могла, по условіямъ обстановки, дѣйствовать свободно. Несомнѣнно, что группировка силъ графа Буксгевдена была неправильна; онъ несравненно лучше прикрылъ бы свой тылъ, если бы сократилъ до мннмума число войскъ, оставленныхъ имъ у Свеборга и на побережьѣ, усиливъ насколько возможно центральную группу Раевского, активный успѣхъ которой въ важнѣйшемъ направленіи обезпечилъ бы ее отъ ожидаемыхъ угрозъ.

Для правильной оцѣнки событій въ этотъ періодъ войны и для надлежащаго выясненія той роли, которую суждено было сыграть графу Н. М. Каменскому, необходимо ознакомиться съ всеподданнѣйшими донесеніями графа Буксгевдена отъ 14-го и 19-го іюля. Въ нихъ выражены воззрѣнія нашей главной квартиры на положеніе дѣлъ и предложены необходимыя, по ея мнѣнію, мѣры ¹⁾. Изъ нихъ будетъ видно, какою представлялась обстановка нашему высшему командованію, а безъ этого трудно судить о степени правильности принимаемыхъ имъ рѣшеній.

„Дерзаю передъ трономъ Монарха моего, не обинуясь, говорить правду“—такъ приступалъ къ дѣлу графъ Буксгевденъ. Положеніе финляндской арміи, по его мнѣнію, таково, что „возможность достигъ ей нынѣ желаемой цѣли часть отъ часу становится затруднительнѣе и неопределимѣе“. Зимняя кампанія, говоритъ Буксгевденъ, „наградилъ насъ повсюду желаемымъ успѣхомъ“; противникъ потерялъ крѣпости, почти всю территорію края, свои флотиліи; одного не удалось сдѣлать—„уничтожить армію Клинтспора“, но только потому, что „не были присланы къ приращенію“ нашей арміи тѣ 18 баталіоновъ, о которыхъ главнокомандующій ходатайствовалъ еще 5-го февраля.

„Не имѣя ни способовъ, ни возможности разбить графа Клинтспора (продолжаетъ онъ), я хотѣлъ по крайней мѣрѣ взятыми заблаговременно мѣрами, умножа войска и шхерную флотилію, имѣть средство защитить Финляндію до будущей зимы“. Далѣе Буксгевденъ высчитываетъ всѣ свои ходатайства о подкрѣпленіяхъ, о скорѣйшей доставкѣ гребной флотиліи, позднее прибытіе которой изъ Кронштадта оказалось причиною того, что шведы успѣли раньше насъ захватить и укрѣпиться въ проходѣ Юнгферзундѣ ²⁾.

Приведа затѣмъ распредѣленіе по отрядамъ нашихъ войскъ (согласно указаннаго выше), главнокомандующій подчеркиваетъ, что „для препровожденія транспортовъ, содержанія внутренняго порядка и удержанія мѣтежа среди пятисотъ тысячъ народа на пространствѣ

¹⁾ Дѣло в.-ист. арх. Гл. Штаба № 1651.

²⁾ О дѣйствіяхъ шхернаго и корабельнаго флотовъ изложено въ слѣдующей главѣ.

300 тысячъ квадратныхъ верстъ“ остается „не болѣе 1¹/₂ тысячь рядовыхъ подъ ружьемъ“.

Указывая затѣмъ на „надежды“ непріятеля „отъ подрѣпленія со стороны англійскихъ войскъ“ и „ежеминутнаго умноженія милиціи“, графъ Буксгевденъ пишетъ:

„Предавая всѣ сии обстоятельства на Монаршіи судъ Вашъ, всеподданнѣйше прошу, да не оскорбится Величество Ваше, есть ли осмѣлюсь повторить сомнѣніе мое, съ сими способами едва-ли можно успѣть торжествовать надъ непріятелемъ“. Десятитысячное подрѣпленіе—это самое меньшее, чѣмъ полагаетъ возможнымъ удовлетвориться главнокомандующій, причемъ „сіе подрѣпленіе должно слѣдовать не теряя нисколько времени, которое для насъ крайне драгоцѣнно“. Предположенную еще раньше къ посылкѣ въ Финляндію 4-ю дивизію¹⁾ (князя Голицына), которую Императоръ Александръ приказалъ не вводить въ составъ дѣйствующихъ войскъ, а держать въ резервѣ, для отправленія на шведскій берегъ (что было, какъ извѣстно, съ самаго начала войны постояннымъ намѣреніемъ Государя), главнокомандующій въ этомъ представленіи проситъ прислать, не задерживая въ Петербургѣ, форсированными маршами, причемъ разбить ее на 3 части: 4 баталіона въ Куопіо, 4 къ Або и 4 въ видѣ резерва оставитъ въ Тавастгусъ; конницу же, два полка драгунъ и полкъ уланъ, разставить по-эскадройно внутри страны для поддержанія порядка.

Графъ Буксгевденъ, видимо, раздѣляетъ взлядъ Государя Императора, что „единственный и рѣшительный ударъ, какой только со славою оружія Вашего Императорскаго Величества и съ современнымъ изложеніемъ непріятеля произвести можно, будетъ состоять въ томъ, дабы предпринять переходъ въ Швецію“. Но осуществитъ такой переходъ онъ считаетъ возможнымъ только „согласно начертанію своему отъ 24-го апрѣля²⁾, по которому онъ считалъ необходимымъ назначить для этой операціи не менѣе 50-ти тысячь войскъ сверхъ того количества, которое состоитъ нынѣ въ Финляндіи“. Для обезпеченія же тыла экспедиціоннаго корпуса, по мнѣнію Буксгевдена, въ Финляндіи должно остаться не менѣе 20-ти тысячь, изъ коихъ 11 тысячь на сѣверѣ, дабы „противоборствовать усиліямъ арміи Клингспора“. Такимъ образомъ, по расчетамъ Буксгевдена

¹⁾ Согласно Высочайшаго рескрипта отъ 14-го іюля (см. Мнх. Дан. стр. 201-я). Дѣлая распоряженіе о послыкѣ ея въ Финляндію, а также объ отправленіи туда-же третьихъ баталіоновъ частей, уже вошедшихъ въ составъ корпуса графа Буксгевдена и оставшихся для обороны береговъ Выборгской губерніи подъ начальствомъ графа Витгенштейна, Императоръ Александръ писалъ графу Буксгевдену: «Болѣе сего числа войскъ, какъ и вамъ извѣстно, взять не откуда, то и слѣдуетъ по числу оныхъ располагать вашу операцію».

²⁾ См. выше глава 7-я.

выходить, что наличное число имѣющихся въ его распоряженіи силъ едва составитъ половину потребнаго количества. Въ дальнѣйшемъ изложеніи представленъ проектъ, какъ получить необходимыя подкрѣпленія. Такъ какъ экспедиція въ Швецію можетъ быть совершена только въ срединѣ зимы, т. е. въ такое время, когда южное побережье Финскаго залива и Петербургъ безопасны отъ покушеній противника, то Буксгевденъ вполне резонно предлагаетъ передвинуть въ Финляндію часть силъ изъ Эстляндіи и окрестностей столицы, а кромѣ того, укомплектовать 2-ю и 3-ю дивизію рекрутами, взаменъ нижнихъ чиновъ, выдѣленныхъ изъ нихъ на пополненіе всѣхъ частей финляндской арміи до полнаго состава.

„Не имѣя сильной арміи и не сосредоточа оной къ рѣшительному удару, сія важная экспедиція была бы только одинъ набѣгъ, сопряженный съ потерей людей безъ постоянныхъ выходовъ“. Эту фразу графа Буксгевдена полезно запомнить, ибо она оправдалась во многомъ въ слѣдующемъ 1809 году, уже при новомъ главнокомандующемъ, во время славной и многотрудной, но малоплодотворной экспедиціи нашей черезъ Кваркенъ и Аландъ на шведскіе берега.

Пять дней спустя, 19-го іюля, Главнокомандующій обратился къ Государю съ новымъ, еще болѣе обширнымъ всеподданнѣйшимъ представленіемъ, въ которомъ, повторяя отчасти прежніе доводы, онъ уже старается оправдать свои распоряженія и приводитъ цѣлый рядъ полученныхъ имъ свѣдѣній въ доказательство близости со стороны шведовъ рѣшительныхъ дѣйствій. Эта часть документа интересна въ томъ отношеніи, что по ней мы узнаемъ, какими свѣдѣніями о противникѣ располагала въ то время наша главная квартира въ Финляндіи. Не слѣдуетъ упускать изъ вида (повторяемъ вновь), что *главнымъ источникомъ* этихъ свѣдѣній были финляндцы. Кстати говоря—бросается въ глаза, особенно въ разбираемый періодъ войны, что *объ стороны* имѣли о противникѣ *преувеличенныя* свѣдѣнія и черезъ это дѣйствовали нерѣшительно, робко. Клингспоръ медлитъ, опасаясь Раевского, котораго считаетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, и измышляетъ всякія „диверсіи“ ему въ тылъ. Наши генералы также насчитываютъ у Клингспора силъ гораздо больше, чѣмъ въ дѣйствительности, и опасаются смѣло наступать, требуютъ подкрѣпленій и теряютъ драгоценное время. Естественно предположить, что преувеличенныя свѣдѣнія, доставляемыя *мѣстными* источниками обѣимъ враждующимъ сторонамъ, раздувались не просто, что въ этомъ существовалъ своего рода *скрытый расчетъ*.

Малочисленность русскихъ войскъ (предполагаетъ Буксгевденъ) уже извѣстна непріятелю, и операціонный планъ противника состоитъ въ томъ, чтобы, тревожа насъ на побережьѣ Або-Ваза малыми высадками

и привлекая сюда наше вниманіе, тѣснить главною массою графа Клингспора, вмѣстѣ съ вооруженными крестьянамъ, графа Каменскаго къ Тавастусу. Тѣмъ временемъ самъ король, подъ прикрытіемъ своего корабельнаго флота, съ 12-ти или 15-ти тысячнымъ десантомъ, въ составъ котораго входятъ „по увѣренію“ и англичане ¹⁾, долженъ произвести большой десантъ между Гельсингфорсомъ и Гангутомъ. „Слабость гарнизона въ Свеаборгѣ, великіе запасы наши въ Гельсингфорсѣ и малое число войскъ, защищающихъ берега Финляндіи, дѣлають намѣреніе непріятеля справедливымъ и возможнымъ“.

Буксгевденъ вновь настаиваетъ на скорѣйшей отправкѣ „какъ можно болѣе войскъ“ въ Финляндію ²⁾, на ускореніи выхода корабельнаго флота къ Гангуту, съ тѣмъ, чтобы „быть готову напасть на транспорты и фрегаты, съ которыми непріятель вознамѣревается дѣлать свое покушеніе, между Гангута и Свеаборга. А потомъ онъ съ пользою обратится въ Ботнику и можетъ истребить тамъ господство непріятеля“.

Мы увидимъ впоследствии, при изложеніи дѣйствій на морѣ, ³⁾ насколько упованія главнокомандующаго на то, что флотъ нашъ въ состояніи выполнить обѣ эти задачи, оказались тщетными.

Всѣ вышеприведенныя ходатайства графа Буксгевдена, кромѣ ускоренія послыки 4-й дивизіи и трехъ баталіоновъ графа Витгенштейна, остались безъ исполненія. Мало того, донесенія главнокомандующаго подверглись своего рода фактической провѣркѣ на мѣстѣ. Снова командированъ былъ уже извѣстный читателямъ сардинецъ русской службы, полковникъ маркизъ Паулуччи, „къ военнымъ дарованіямъ котораго (какъ проницески выражается Михайловскій-Данилевскій) имѣли тогда большую довѣренность“. Въ первую свою поѣздку (въ концѣ апрѣля) онъ посланъ былъ только на мѣстѣ изслѣдовать причины нашихъ неудачъ. Теперь же ему поручено войти въ оцѣнку положенія различныхъ отрядовъ, ихъ силъ и средствъ, мѣстности, состоянія продовольствія и т. п. Кромѣ затрудненій въ снабженіи войскъ продовольствіемъ, благодаря необезпеченности путей сообщенія и трудности образованія обывательскихъ транспортовъ, открылись, къ сожалѣнію, столь обычныя въ такомъ дѣлѣ злоупотребленія. Этого печальнаго факта не скрываетъ увы, самъ officialный историкъ Михайловскій-Данилевскій, который приводитъ даже (стр. 203) случай, что однажды въ куляхъ муки, доставленныхъ въ Финляндію, нашлись набитые кирпичемъ.

Въ общей сложности, данныя, доставленныя маркизомъ Паулуччи, произвели въ Петербургѣ впечатлѣніе неутѣшительное, и тамъ пришли къ заключенію о необходимости вести въ Финляндію до зимы оборо-

¹⁾ Читателямъ уже извѣстно, что англійскій десантъ генерала Мура покинулъ Швецію еще въ іюнь.

²⁾ Для ускоренія ихъ прибытія онъ даже проситъ ранды и амуницію вести на подводкахъ.

³⁾ Глава 9-я.

нительную войну. Отчасти это сходилось, какъ видно, и со взглядами графа Буксгевдена, который все время настаивалъ на необходимости дожидаться зимы, когда возможенъ переходъ въ Швецію по льду для нанесенія врагу окончательнаго удара въ самое сердце его могущества. Но въ отношеніи *способовъ осуществленія* этой основной идеи главнокомандующій съ Петербургомъ въ корни расходился.

По возвращеніи маркиза Паулуччи въ Петербургъ, тамъ составленъ былъ операціонный планъ, согласно которому войска наши въ Финляндіи должны были расположиться на зимнія квартиры вдоль оборонительной линіи, простиравшейся отъ Бьернеборга черезъ Таммерфорсъ, Оривеси, Рауталампи, Куопіо до Кемпи, всего длиною до 500 верстъ! На этомъ огромномъ протяженіи предполагалось поставить: на крыльяхъ, правомъ у Куопіо и лѣвомъ у Бьернеборга, по 5,000 человѣкъ; въ центрѣ у Тавастгуса, отъ 8 до 10 т. человѣкъ; около 2,000 человѣкъ въ Корелии, а остальные 10 т. въ резервѣ въ южной Финляндіи. Въ такомъ положеніи рассчитывали отбивать наступательныя попытки противника, а тѣмъ временемъ, удерживая занятый край въ повнovenіи, готовиться къ зимнему походу. Общая идея этого плана была одобрена Государемъ, но онъ не *желалъ брать на себя утвержденіе этого плана*, находясь вдали отъ театра военныхъ дѣйствій. „Мѣстный болѣе видитъ, нежели отдаленный“,—говаривалъ Суворовъ; какъ-бы исходя изъ этого правила, планъ посланъ былъ съ тѣмъ же маркизомъ Паулуччи главнокомандующему на разсмотрѣніе. При этомъ Императоръ Александръ собственноручно писалъ графу Буксгевдену:

„Если до полученія оборонительнаго плана успѣхи подвинутъ насъ впередъ, и позиція, занимаемая войсками, будетъ выгодна, то *не приводитъ плана въ исполненіе*, а, объяснивъ подробно всѣ обстоятельства маркизу Паулуччи, прислать его съ онымъ обратно ко мнѣ“¹⁾.

Графъ Буксгевденъ въ корни разошелся съ этимъ мнѣніемъ. Отлагая рѣшительный ударъ на зиму и требуя для него сосредоточенія значительныхъ силъ и, слѣдовательно, признавая необходимымъ до тѣхъ поръ дѣйствовать выжидательно, онъ категорически отвергалъ чисто-оборонительный пассивный образъ дѣйствій. Напротивъ, онъ торопился съ присылкою подерѣвленныхъ, ибо считалъ необходимымъ все остающееся до зимы время *не бездѣйствовать*, а наоборотъ—*вести рѣшительную борьбу за обладаніе Финляндіей*. Взглядъ, поучительный и въ наше время, когда въ тактикѣ и въ стратегіи мы такъ разочаровались въ системѣ терпѣливаго предоставленія почина непріятелю.

Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 18-го августа онъ пишетъ²⁾, что „планъ оборонительный“, ему предъявленный, „не можетъ быть

1) Высочайшій рескриптъ Буксгевдену отъ 12-го августа.

2) Дѣло В. Ист. Архив. Гл. Упр. Ген. штаба № 1651. Небольшія выдержки изъ этого документа приведены и у Михайловскаго-Данилевскаго, стр. 204—206.

выполненъ безъ послѣдствій довольно вредныхъ“. Считаая нужнымъ „обратиться къ источнику самой войны“, онъ ставитъ себѣ затѣмъ два вопроса: а) съ какою цѣлью мы воюемъ? б) съ какою цѣлью воюеть непріятель?

„Намѣреніе наше,—продолжаетъ онъ,—должно быть какъ можно скорѣе содѣлать Финляндію неприкосновенною отъ шведовъ, дабы тѣмъ рѣшительнѣе нанести ударъ для самой Швеціи. Намѣреніе непріятеля—дабы напрягать всѣ усилія задержать насъ въ Финляндіи, и тѣмъ замедлить поражение Швеціи, а притомъ, зная, что Россія довольно мощна, чтобы удержать край сей, если она на то непремѣнно рѣшилась, шведы будутъ раззорять сію землю, противопоставя намъ народъ и спасая тѣмъ свои войска.

„Наше намѣреніе должно быть—непремѣнно дать рѣшительный бой. Непріятельское—сколько можно отелоняться отъ боя, ибо шведы, потерявъ собранную ими теперь армію, едва ли успѣютъ скоро поставить другую, будучи увѣрены, что мы сіе содѣлать въ состояніи.

„Наше намѣреніе должно быть—не допустить организоваться толпѣ набраннаго и вооруженнаго народа; непріятелю, напротивъ, слѣдуетъ стараться сіе выполнить.

„Наше намѣреніе должно быть—не давать ему распространяться въ землѣ, въ которой каждый шагъ даетъ ему приращеніе въ силахъ и вліяніе на духъ и чувствованія народа.

„Мы обязаны отнять отъ него возможность продовольствовать многочисленныя его ополченія, зная, что Швеція сама по себѣ не имѣетъ сего средства. Непріятелю не должно смотрѣть на голодъ жителей, ибо они за сіе единственно на насъ же будутъ въ негодованіи, но стараться, дабы сыты были войска, которыя при томъ въ энтузіазмѣ будутъ сражаться за отечество“.

По мнѣнію Буксгевдена, занятіемъ искривленной линіи отъ Бьернеборга чрезъ Таммерфорсъ, Куопіо до Кеми, „мы дадимъ непріятелю... лишь землю, гдѣ получить онъ хлѣбъ, людей и—время, дабы пзъ худоустроенныхъ мужичьихъ бригадъ содѣлать добрыхъ воцновъ“. Непріятелю отероются при этомъ „многія воды, по коимъ онъ, соединясь съ жителями, на множествѣ лодокъ, занявъ всѣ острова и заливы, будетъ до самыхъ заморозковъ насъ тревожить и наносить вредъ“; онъ въ состояніи „распространять набѣги до самой Гейнолы“... „на Нейшлотъ и къ Сердобольской границѣ“, пстреляя наши запасы. „И въ самое то время, когда мы могли бы *концентрируясь дѣйствовать*, должны будемъ страшиться повсюду и кого? раздраженныхъ мужиковъ, между тѣмъ когда армія его будетъ спокойна или произведеть одну рѣшительную операцію тамъ, гдѣ мы слабѣ“...

Трудность въ подвозахъ будетъ зимою не меньше, нежели осенью, съ тою разницею, что тогда „найдемъ землю уже совершенно опустошенною и безъ жителей“. Построеніе предложенныхъ въ планѣ барачковъ для зимовки войскъ Буксгевденъ находилъ дорогимъ и неудобноисполнимымъ; также затруднительна будетъ и закладка магазиновъ, особенно, если не будемъ вполне владѣть внутренними водными сообщениями. Петербургскій планъ требовалъ многочисленныхъ перемѣщеній войскъ изъ одного отряда въ другой; главнокомандующій возсталъ противъ этого, особенно противъ такихъ передвиженій, до 500—600 верстъ, которыя только безъ пользы утомляли бы войска.

„Положимъ“, — заключаетъ Буксгевденъ, — „что, довольствуясь излучистою и столь обширною оборонительною линіею, всѣ покушенія непріятельскія на оную сдѣлались бы ничтожными; но къ чему все сіе ведетъ въ послѣдствіи? Ни къ чему иному, какъ должно зимою снова, чрезъ занятія уже нами мѣста отгрызать путь кровопролитіемъ и очищать Финляндію, а не нанести ударъ Швеціи, ибо тогда, собравъ наши войска противу арміи Клингспора, которая можетъ быть еще подкрѣплена войсками, набранными на Аландѣ, не будемъ ихъ имѣть для важнѣйшей операціи. Тогда Швеція, возложъ, такъ сказать, все бремя зимней кампаніи на Финляндію, сама будетъ спокойна, и театръ войны возобновится съ новою дѣятельностію и п жертвованіями на предбудущее лѣто¹⁾ вмѣсто того, что для блага Россіи, для пользы другихъ границъ нашихъ, нужно окончить ее нынѣшней зимою“.

Репортъ заканчивается предложеніемъ, „вмѣсто того, чтобы дробить теперь войска у Бьернеборга, Таммерфорса и Ювяскюля“, „доколѣ время дозволить, подвигаться впередъ и тѣснить непріятеля къ сѣверу за Гамла-Карлебу, дабы, запирая его на глубокую осень въ землѣ неплодородной, имѣть линію для обороны самую кратчайшую и на зиму дѣйствовать только однимъ сильнымъ корпусомъ отъ Иденсалмы, оставаясь съ другимъ въ положеніи оборонительномъ и только посредственно первому содѣйствующимъ, прочія же войска готовить къ переходу въ Швецію“.

Другими словами, графъ Буксгевденъ возвращается все къ той же прежней своей идеѣ дѣйствія двумя группами, изъ коихъ одна должна навлекать на себя главную массу шведовъ, а другая *черезъ внутреннюю Финляндію* выходить ей въ тылъ. Мы уже имѣли случай указывать, что планъ этотъ, — какъ показала первая половина лѣта 1808 года — не отвѣчалъ обстановкѣ, такъ какъ важнѣйшая активная

¹⁾ Эти слова оказались пророческими, такъ какъ мартовская экспедиція 1809 года черезъ Вотническій заливъ, предпринятая слишкомъ слабыми силами, осталась безрезультатной и война затянулась до 1-го октября 1809 года.

роль выпадала въ немъ на ту группу, которая направлялась черезъ внутреннюю котловину Финляндіи, мѣстность которой въ высшей степени облегчала оборону и не благопріятствовала наступленію. Еще зимою скорѣе можно было рассчитывать на то, что этой группѣ удастся преодолѣть всѣ препятствія и преграды и достигнуть цѣли; зимою, какъ извѣстно, оборонительная сила финляндскихъ позицій смягчалась снѣжнымъ и ледянымъ покровомъ; что же касается лѣта, то опытъ, дѣйствій противъ засѣваго на Тайвольской позиціи небольшого въ сущности отряда (не болѣе 3.000 регулярныхъ) Сандельса уже показалъ невозможнымъ съ успѣхомъ примѣнить этотъ приемъ. Наоборотъ, дѣйствія графа Каменскаго, вынесшаго рѣшительную борьбу снова на побережье, убѣдили въ томъ, что именно на Эстроботніи возможно хоть сколько-нибудь маневрировать и разыграть рѣшительныя столкновенія такихъ отрядовъ, для которыхъ во внутренней котловинѣ Финляндіи совершенно нѣтъ мѣста развернуться.

Во всякомъ случаѣ, планъ графа Буксгевдена, если и не вполне можетъ быть признанъ отвѣчающимъ главнымъ образомъ *мѣстнымъ топографическимъ* даннымъ, то *по идее* — безусловно пропущенъ активнымъ началомъ и преисполненъ сознаниемъ важности *времени*, чего отнюдь не было въ пассивномъ, навязанномъ ему пзъ Петербурга рѣшеніи, которое къ тому-же сводилось едва-ли не къ кордонному расположенію.

Какъ ни хлопоталъ графъ Буксгевденъ о приращеніи своихъ силъ еще съ самаго начала кампаніи, ему доставляли ихъ все время скупо, маленькими пакетами, которые сейчасъ же расходовались, по мѣрѣ расширенія площади нашихъ завоеваній, на разнаго рода тыловыя потребности. Когда же съ апрѣля обстоятельства перестали намъ благопріятствовать, населеніе края заволновалось, а вскорѣ явно примѣнуло къ нашему врагу и взялось за оружіе,—ясное дѣло, что расходъ на обезпеченіе тыла непомѣрно возросъ; сверхъ того, главная наша квартира волей неволей придавала слухамъ и свѣдѣніямъ о высадкахъ на побережьѣ подрѣпленій, быть можетъ, нѣсколько преувеличенное значеніе¹⁾. Теперь зная всѣ событія, мы склонны поставитъ ей въ укоръ удержаніе столь большого, сравнительнаго количества силъ близъ Або, въ Свеаборгѣ и т. д., тогда какъ достаточно было усилитъ центральную группу (какъ это сдѣлано было позже графомъ Н. Каменскимъ), чтобы получить право и возможность активно дѣйствовать противъ главнаго ядра непріятельскихъ силъ, т. е. „арміи“ графа Клингспора. Пораженіе этой „арміи“, какъ ока-

¹⁾ О значеніи въ этомъ отношеніи главнаго источника этихъ свѣдѣній,—мѣстныхъ угроженцевъ, „прислужившихся“ нашей главной квартирѣ подъ разными видами,—уже указывалось выше.

лось впоследствии, при посылкѣ Густавомъ-Адольфомъ IV своихъ подкрѣпленій безъ всякой системы и по частямъ, явилось рѣшительнымъ актомъ борьбы. Между тѣмъ, въ глазахъ нашего главнокомандующаго, вполне естественно, *опаснѣйшимъ* противникомъ являлся не графъ Клингспоръ, а войска, сосредоточенныя королемъ на Аландѣ, численность которыхъ, по доходившимъ до него свѣдѣніямъ, представлялась ему преувеличенной. Серьезный десантъ съ Аланда, если не приняты были бы надлежащіе мѣры противодействия, могъ утвердиться на побережьи гдѣ-либо въ сѣверной части нынѣшней Абоской губерніи и либо заставилъ бы насъ очистить захваченную сѣверную часть территоріи Финляндіи, либо поставилъ бы эти войска наши, совмѣстно съ Клингспоромъ, между двухъ огней¹⁾; войска эти могли затѣмъ или соединиться съ графомъ Клингспоромъ, или дѣйствовать въ согласованіи съ нимъ. Возможность такой операціи облегчалась для шведовъ проволочкою въ выступленіи изъ Кронштадта нашего корабельнаго флота, а также прибытіемъ по частямъ отрядовъ гребной флотиліи. Шведы, такимъ образомъ, несмотря на нѣсколько удачныхъ для насъ шхерныхъ боевъ, продолжали *удерживать въ своихъ рукахъ господство на морѣ*, въ Ботническомъ заливѣ; а въ Балтійскомъ морѣ находился могущій подоспѣть къ нимъ на помощь англійскій флотъ²⁾.

Главнокомандующему не было и не могло быть извѣстно, что еще 10-го августа ст. стилиа, т. е. когда наступленіе графа Каменскаго едва началось и шведы только что одержали успѣхъ надъ отрядомъ (авангардомъ) Эриксона у Алаво³⁾,—графъ Клингспоръ доносилъ королю о тяжеломъ, печальномъ состояніи арміи, о необходимости для нея, несмотря на самоотверженную храбрость воиновъ, предвидѣть неизбежность новаго отступленія, такъ какъ едва-ли удастся ей противостоять противнику. Все это писалось королю для того, чтобы исходатайствовать у него подготовку въ достаточномъ количествѣ въ г. Вазѣ транспортныхъ судовъ для обратной перевозки всей арміи съ ея артилеріей и запасами *черезъ Ботническій заливъ прямо въ Швецію*⁴⁾. Въ отвѣтъ на это представленіе графа Клингспора послѣдовало категорическое предписаніе шведскаго короля; финская армія должна защищать Финляндію, какъ то содержится въ инструкціи ея главнокомандующему. Фельдмаршалу-же разрѣшено оставить армію, если здоровье его того требуетъ и замѣстителемъ его въ этомъ случаѣ долженъ быть генераль отъ инфантеріи Клеркеръ.

¹⁾ Въ то время „финская армія“ находилась еще у Сальми и, слѣдовательно, значительно ближе (болѣе чѣмъ на 100 верстѣ) къ Аланду, чѣмъ то было въ сентябрѣ, когда она, послѣ Оровайса, отброшена была за Гамла-Карлебу, а шведскій король какъ разъ рѣшился на общую высадку близъ самаго Або, у Гельсинге.

²⁾ См. слѣдующую главу.

³⁾ См. главу 10-ю.

⁴⁾ См. Xylander Beitrag zur Geschichte des schwedischen Kriege 1808—09. Berlin, 1825 стр. 76—77.

Отсюда видно, что еще *до начала* наступательныхъ операцій графа Каменскаго, графъ Клингспоръ потерялъ духовное равновѣсіе и энергичный напоръ съ нашей стороны засталъ его въ такое время, когда онъ уже, въ сущности, призналъ дальнѣйшее сопротивленіе безилоднымъ. Всѣми послѣдующими операціями финской арміи фактически руководилъ его начальникъ штаба Адлеркрейцъ.

Что же касается короля Густава-Адольфа, то онъ нисколько не намѣренъ былъ влгать оружія въ ножны и столь же непреклонно, какъ въ началѣ войны, рассчитывалъ вести борьбу. Это подтверждается письмомъ отъ 9-го іюля, посланнымъ отъ него Императору Александру¹⁾. Приводимъ его здѣсь въ переводѣ.

„Шведскій король приглашаетъ Императора Всероссійскаго помыслить о поступкахъ Его въ отношеніи къ королю, старинному Его союзнику, царствующему надъ народомъ свободнымъ, вѣрность коего Императоръ хочетъ поколебать самымъ неслыханнымъ образомъ. Король объявляетъ, что онъ сдумѣетъ до послѣдней крайности защищать права свои и вѣрныхъ своихъ подданныхъ. Онъ употребитъ всѣ средства, ввѣренныя ему Провидѣніемъ, къ искорененію навсегда началъ, на коихъ Императоръ хочетъ упрочить силу Россіи. Прощая своему врагу, Король возлагаетъ мщеніе на Всемогущаго. Богъ вручилъ ему защиту Швеціи, независимости королевства и подданныхъ его, управляемыхъ на основаніи правъ столь же священныхъ, сколь неоспоримыхъ, а потому, призвавъ въ помощь Всевышняго, Король заставитъ трепетать враговъ своихъ“.

Письмо это, по Высочайшему повелѣнію, безъ всякаго отвѣта послано было графу Буксгевдену, которому приказано, черезъ передовые посты возвратитъ письмо обратно по принадлежности. Такъ и было исполнено.

Король продолжалъ пребывать на Аландѣ. 1-го августа (20-го іюля) состоялось его повелѣніе о наименованіи войскъ графа Клингспора „Сѣверно-финскою арміей“, а собранныхъ на Аландѣ — „Южно-финскою арміей“. Послѣдняя была затѣмъ подѣлена на два отряда, первый подъ начальствомъ генераль-маіора *фонъ-Фегезака* — изъ полковъ Упландскаго, Вестманландскаго, двухъ баталіоновъ Гельспингскаго полка и одной батареи; другой подъ начальствомъ генераль-маіора *Лантинсгаузена* — изъ 3-хъ баталіоновъ гвардіи, 2-хъ эскадроновъ конныхъ лейбъ-гвардейцевъ, 3-хъ резервныхъ баталіоновъ и двухъ батарей. Общая численность „арміи“ не превышала 6.000 человекъ.

¹⁾ Приведено на стр. 207—08 книги Михайловскаго-Данилевскаго.

ГЛАВА IX.

Дѣйствія на морѣ въ кампанію 1808 года.

Значеніе морскихъ операцій.—Морскія силы сторонъ.—Мѣры обезпеченія побережья.—Соображенія графа Буксгевдена.—Пререканія съ Чичаговымъ.—Отправка изъ Кронштадта и Свеаборга гребныхъ флотилій.—Соединеніе союзниковъ на морѣ.—Значеніе Готландской экспедиціи; ея выполненіе; причины неуспѣха.

Равнодочныя мѣры в.-адм. Сарычева.—Вой Невельскаго на «Опытѣ»; захватъ шведами Гавгутской позиціи.—Вой галерныхъ эскадръ у Ганго, Рунсало, Хривисало, Тавастешеръ и Саудо.

Выступленіе эскадры в.-адм. Ханькова.—Ея задачи.—Исходъ дѣйствій корабельнаго флота.—Подвигъ «Всеволода».—Оцѣнка.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію операцій въ Финляндіи во вторую половину лѣта 1808 года, когда рѣшительный образъ дѣйствій графа Н. Каменскаго въ корнѣ измѣнилъ положеніе нашихъ дѣлъ,—необходимо остановиться на ходѣ событій на морѣ. Такой порядокъ изложенія дастъ намъ возможность глубже и вѣрнѣе оцѣнить, какъ значеніе подвига названнаго военачальника, который по справедливости можетъ быть признанъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ „птенцовъ гнѣзда—Суворова“, такъ и распоряженій главнокомандующаго графа Буксгевдена, мѣропріятія котораго на сухомъ пути, въ этотъ періодъ кампаніи, находились въ тѣсной зависимости отъ положенія дѣлъ на морѣ.

Во всѣхъ нашихъ предшествующихъ войнахъ со Швеціей значеніе морскихъ операцій всегда бывало велико, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ мы обыкновенно воевали со шведами исключительно въ навигаціонный періодъ.

Кампанія 1808 года была первою попыткою воспользоваться слабою обороноспособностью Финляндіи зимою, попыткою, которая могла бы быть удачною, при назначеніи соответственныхъ средствъ и при надлежащемъ ихъ употребленіи. Тѣмъ не менѣе, даже успѣшный захватъ Финляндіи въ цѣляхъ превращенія ея затѣмъ въ базу для вторженія нашего на Скандинавскій полуостровъ,—не избавлялъ насъ отъ необходимости имѣть въ готовности солидныя морскія силы, такъ какъ послѣднюю операцію волей-неволей приходилось либо выполнять по вскрытіи водъ, либо тратить время до зимы¹⁾.

¹⁾ Припомнимъ, что графъ Бексговденъ, считалъ такое предпріятіе возможнымъ лишь при условіи *полной готовности нашей на морѣ* и требовалъ десантный корпусъ не менѣе 50-ти тысячъ, кромѣ войскъ, прочно занимающихъ всю Финляндію.

Скорѣйшее приведеніе въ готовность флотовъ, какъ галернаго, такъ и корабельнаго, было нужно еще и по другой причинѣ. Съ конца апрѣля въ Финляндіи „видъ дѣлъ перемѣнился“; наши войска вынуждены были перейти къ оборонѣ и даже пережить положеніе, близкое къ критическому. Приходилось слабыми силами (всего около 24 тысяць боеспособныхъ) одновременно: *удерживать* обширную территорію съ постепенно все болѣе и болѣе воспламеняющимся населеніемъ, *сдерживать* силы противника, ежеминутно грозяща наступленіемъ, наконецъ,—оборонять обширную полосу побережья—отъ Вазы почти до Петербурга, преграждая доступъ возможнымъ десантамъ непріятеля. Въ половинѣ мая въ Швецію, какъ извѣстно, прибылъ англійскій 14-тысячный десантъ генерала Мура и, разумѣется, невозможно было еще предвидѣть, что этотъ десантъ покинетъ союзника своего, неказавъ ему никакого содѣйствія. При умѣренной численности враждующихъ сторонъ, войска генерала Мура являлись весьма солиднымъ приращеніемъ (они почти равнялись тогдашнимъ силамъ Клингспора); принимая же во вниманіе вѣроятное присоединеніе къ шведскому флоту англійской эскадры у насъ естественно серьезно подумывали о послѣдствіяхъ смѣлой экспедиціи непріятеля вглубь Финскаго залива и высадки имъ десанта гдѣ либо вблизи Петербурга. При неготовности нашего флота, еще мобилизующагося въ Кронштадтѣ, это было вполнѣ осуществимо.

Такая высадка была бы для нашихъ войскъ въ Финляндіи чрезвычайно опасной: она могла бы совершенно отрѣзать ихъ отъ сообщеній съ главною базой—Петербургомъ, откуда тянулись въ Финляндію обильные транспорты съ продовольственными и боевыми припасами, снаряжаемые съ огромными затрудненіями.

Лучшіе грунтовые пути, связывающіе Финляндію съ коренною Россіей, идутъ и теперь отъ Петербурга, вблизи морскаго побережья, проходя у Выборга чрезъ сравнительно узкое дефиле между Выборгскимъ залвомъ и озерами, входящими въ систему рѣки Вуоксы. Съ перехватомъ этихъ путей сильный непріятельскій десантный отрядъ, опираясь на господствующій въ Финскомъ заливѣ флотъ, могъ ставить наши войска въ Финляндіи въ положеніе, близкое къ безвыходному, такъ какъ *никакихъ мѣръ по снабженію ихъ кружнымъ путемъ черезъ Ладожское озеро на Сердоболъ принято не было*. Такая коммунікація была вполнѣ возможной, но требовалось *время*, чтобы ее подготовить...

Графъ Буксгевденъ былъ сильно озабоченъ всѣми этими обстоятельствами и видѣлъ единственное спасеніе въ возможно скорѣйшей готовности нашего флота.

Предвидѣть необходимость заблаговременнаго изготовленія корабельныхъ и гребныхъ эскадръ было нетрудно. Опытъ предшествую-

щихъ войнъ со Швеціей въ этомъ отношеніи былъ богатый. Последняя изъ нихъ была всего двадцать лѣтъ назадъ и большинство ея дѣятелей были въ живыхъ. И морской министръ Чичаговъ, и главнокомандующій графъ Буксгевденъ—т. е. оба начальника, руководившихъ операціями 1808 года, принадлежали къ ихъ числу. Именно въ эту хорошо имъ знакомую войну 1788—1790 г.г. дѣйствія на морѣ получили особенное развитіе и значеніе. Вдобавокъ, союзницею Швеціи была Англія, первая морская держава міра, флотъ которой озаренъ былъ блескомъ славы Нельсона; дипломатическія сношенія съ ней были прерваны даже раньше, чѣмъ открылись враждебныя дѣйствія противъ Швеціи.

Приобрѣтеніе господства на морѣ являлось во всѣхъ нашихъ войнахъ со Швеціей однимъ изъ важнѣйшихъ стремленій. Зимній походъ 1808 года былъ исключеніемъ, но такъ какъ мы не использовали какъ должно его выгоды, особенно въ виду союза Швеціи съ такой классической морской державой, какъ Англія, то успѣхъ предстоящихъ лѣтомъ 1808 года операцій во многомъ зависѣлъ отъ состоянія и готовности морскихъ силъ сторонъ, а равно отъ умѣнья ими воспользоваться.

Къ началу 1808 года у насъ въ Балтійскомъ морѣ было 16 большихъ и 25 мелкихъ судовъ, съ 1.558 орудіями. Кромѣ того, имѣлся гребной флотъ (всего 168 судовъ), сосредоточенный, главнымъ образомъ, въ Петербургѣ, Роченсальмѣ и Вильманstrandѣ; съ паденіемъ же Свеаборга досталась въ наши руки и вся тамошняя шведская гребная флотилія (110 судовъ). Кромѣ того, шведамъ пришлось истребить гребныя суда въ Або и на озерахъ Финляндіи. Обстоятельства эти давали намъ довольно значительный перевѣсъ въ шхерномъ флотѣ; зато корабельный флотъ нашъ оказывался слабѣе.

Лучшія наши боевыя суда съ наиболѣе опытными командирами, офицерами и командами, входили въ составъ эскадры адмирала Сениавина, которая, непосредственно послѣ разрыва нашего съ Англіей, была врасплохъ застигнута въ одномъ изъ португальскихъ портовъ (при возвращеніи изъ Средиземнаго моря). Въ виду безвыходности своего положенія, она принуждена была сдаться на милость побѣдителя; суда ея отведены были въ Портсмутъ и здѣсь сданы на храненіе въ англійское адмиралтейство; офицеры же отпущены „на честное слово“ въ Россію. По окончаніи войны суда эти были намъ возвращены¹⁾.

Обстоятельство это отразилось весьма невыгодно на состояніи нашихъ морскихъ вооруженныхъ силъ. Если Суворовъ въ 1798 г. могъ (въ своихъ „Замѣткахъ“, диктованныхъ генералу Преводе-

¹⁾ Текстъ заключенной Сениавиннымъ по этому поводу «конвенціи» напечатанъ у Ф. Мартенса въ его «Сборникѣ трактатовъ», т. XIII.

Люмиану ¹⁾ съ полнымъ основаніемъ считать, что „на морѣ она (т. е. Россія) гораздо сильнѣе и разрушить флотъ шведскій“, то въ 1808 году положеніе было иное. Однако, собственно шведскій корабельный флотъ былъ все же значительно меньше нашего: у нихъ насчитывалось только 11 линейныхъ кораблей и 5 фрегатовъ; но они получили солидное приращеніе въ лицѣ союзной англійской эскадры адмирала Сомареца, изъ 16-ти большихъ и 20-ти средняго размѣра судовъ. Требовалось большое искусство со стороны флотоводца, чтобы бороться съ превосходными силами, къ тому же искуснѣйшихъ въ мірѣ моряковъ, имѣвшихъ еще недавно во главѣ знаменитаго Нельсона. Но эскадра эта еще находилась въ далекихъ водахъ и такимъ образомъ къ моменту открытія навигаціи въ Балтійскомъ морѣ и *до ея прибытія* мы могли еще имѣть превосходство даже въ корабельномъ флотѣ. Что же касается до галернаго флота, то достаточно было оборудовать Свеаборгскую флотилію и усилить ее подкрѣпленіемъ изъ Кронштадта, чтобы и въ этомъ отношеніи получился у насъ перевѣсъ.

Изъ изложеннаго видно, до какой степени важна была для насъ *быстрота* изготовленія нашихъ морскихъ силъ той и другой категоріи, такъ какъ всѣ шансы на успѣхъ зависѣли отъ того, чтобы успѣть *предупредить* сосредоточеніе силъ противника... Ясное дѣло, что наиболѣе важнымъ условіемъ достиженія этой быстроты было устраненіе начальственныхъ *трений* путемъ надлежащаго объединенія власти и правильнаго раздѣленія труда.

Эти важныя условія какъ разъ именно и не были соблюдены.

Оборона береговъ Финляндіи, какъ мы видѣли, съ открытіемъ навигаціи, нуждалась въ содѣйствіи корабельнаго и галернаго флотовъ, безъ которыхъ немислимы были и какія бы то ни было активныя предпріятія. Между тѣмъ, главнокомандующему нашему въ Финляндіи была подчинена (и то какъ-то случайно) только имъ же захваченная Свеаборгская флотилія; вся остальная морская вооруженная сила осталась всецѣло въ рукахъ морского министра Чичагова, не только въ качествѣ организатора и поставщика нужныхъ морскихъ силъ и средствъ, но и высшаго руководителя ихъ операціями. Мало этого, Чичагову подчинены были и всѣ сухопутныя силы, назначенныя для обороны Прибалтійскаго побережья ²⁾, кромѣ корпуса графа Буксгевдена, выполнявшаго главную активную задачу войны.

Надо сказать, что осенью 1807 и весной 1808 годовъ важнѣйшіе пункты Балтійскаго побережья были укрѣплены; усилены фор-

¹⁾ См. Петрушевскій, т. II, прил. VIII.

²⁾ Высочайшій указъ морскому министру отъ 20-го января 1808 года.

тификаціонныя сооружеія Выборга, Роченсальма и Фридрихсгама, и для обороны этихъ пунктовъ назначены особыя гарнизоны общео числительностью отъ 6 до 7 тысячъ человекъ. Сверхъ того, возведены батареи въ Нарвѣ, Балтійскомъ портѣ, Перновѣ, Ригѣ, Виндавѣ и Либавѣ. Двѣ пѣхотныя дивизіи (Лаврова и князя Долгорукова) расположены были въ Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи; въ нынѣшней Выборгской губерніи образованъ былъ особый подвижной корпусъ Барклай-де-Толли, изъ третьихъ баталіоновъ дѣйствующихъ въ Финляндіи войскъ и полковъ его 6-й дивизіи, съ добавкомъ нѣкоторыхъ другихъ. Когда Барклай-де-Толли съ полками 6-й дивизіи двинуть былъ на усиленіе финляндскаго корпуса графа Буксгевдена, то подвижной корпусъ отданъ былъ подъ команду графу Витгенштейну, причеъ усиленъ частью 14-й дивизіи и лейбъ-гусарами. Главныя силы подвижного корпуса вѣрно держать между Выборгомъ и Фридрихсгамомъ (предписаніе Чичагова Витгенштейну отъ 27-го мая) причеъ командиру корпуса подчинены все гарнизоны, укрѣпленія и войска побережья отъ Абборфорса (устье Кюменн) до Бьеркэ (южный берегъ Выборгскаго залива). Сверхъ всехъ этихъ мѣропріятій, на всякій случай озаботились обезпеченіемъ устья рѣки Невы, для чего возведены батареи въ Галерной гавани, Новой Деревнѣ, на островахъ: Крестовскомъ, Гутуевскомъ, Петровскомъ и Канонерскомъ. Кронштадтъ также усиленъ, а работы по вооруженію эскадры велись съ поспѣшностью, такъ что многія суда были готовы уже ко времени вскрытія рейда. Чтобы затруднить противнику доступъ въ шхеры вельно было снять все лоцманскія станицы, не исключая входовъ въ Аландскія шхеры; всехъ снятыхъ лоцмановъ отправили въ Кронштадтъ и размѣстили по неоднымъ судамъ на жительство.

Взятая въ Свеаборгѣ шведская гребная флотилія отдана была въ распоряженіе графа Буксгевдена. Такимъ образомъ, часть морской вооруженной силы отдана была въ вѣдѣніе сухопутнаго начальнпа, а морскому начальнику ввѣрена часть береговой обороны. *Должнаго же объединенія власти не было.* Въ рукахъ Чичагова оказался не только флотъ, но и сухопутныя войска; въ то же время графъ Буксгевденъ имѣлъ какой-то свой особый флотъ, слпшкомъ слабый, чтобы предпринять что-либо серьезное; согласованія же дѣйствій, какъ всехъ морскихъ силъ между собою, такъ и дѣйствій ихъ съ операціями на сушѣ—не удалось достигнуть. Независимо того, между начальствами тотчасъ же возникли пререканія. Такъ, Буксгевденъ настойчиво ходатайствовалъ о томъ, чтобы его флотилію усилили подкрѣпленіями изъ Кронштадта, желая, очевидно, дѣйствовать на морѣ самостоятельно и независимо отъ морского министра, а морской министръ, ревниво оберегая свой престижъ, старался доказать ненуж-

ность этого и убѣдить въ томъ, что для обороны береговъ Финляндіи отъ высадокъ достаточно соотвѣтственнымъ образомъ расположить сухопутныя войска.

Нельзя не воздать полной справедливости графу Буксгевдену въ томъ, что онъ (при несомнѣнномъ содѣйствіи своего начальника штаба П. К. Сухтелена) выказалъ большую предусмотрительность именно въ отношеніи обороны побережья и значенія морскихъ операций. Еще 18-го марта, т. е. когда еще не была заключена конвенція съ Свеаборгскимъ комендантомъ и на скорую сдачу въ этой крѣпости не было основаній рассчитывать, главнокомандующій доносилъ Государю о необходимости скорѣйшей постройки и оборудованія гребныхъ судовъ, съ цѣлю образованія на первое время хотя бы одной шхерной флотиліи. Графъ Буксгевденъ справедливо полагалъ, что эти подготовительныя работы должны быть возложены „на морской департаментъ, который по свойству сего дѣла, при пособіи со стороны войскъ мнѣ ввѣренныхъ, болѣе можетъ успѣть, нежели одна часть сухопутная¹⁾. Предусмотрительность главнокомандующаго простерлась до того, что онъ, не ожидая распоряженій морского вѣдомства, поручилъ князю Багратіону заняться скупкою въ г. Або готовыхъ судовъ и сдѣлать подрядъ къ постройкѣ новыхъ. Кромѣ того, морскіе офицеры и чиновники (изъ числа состоящихъ при штабѣ отдѣльнаго Финляндскаго корпуса) посланы были въ объѣздъ по побережью съ тою же цѣлю. Командировка эта имѣла тотъ результатъ, что многія купеческія суда, пригодныя для обращенія въ военныя, были приторгованы и найдены мастеровые для ихъ приспособленія. Главнокомандующій ходатайствовалъ, чтобы морское вѣдомство прислало въ Або компетентное въ кораблестроеніи должностное лицо, снабдя его нужными людьми, съ тѣмъ, чтобы начатыя въ указанномъ направленіи строительныя работы могли быть приведены къ окончанію. Для формированія экипажей этихъ судовъ главнокомандующій просилъ командировать офицеровъ и матросовъ, а для доставки орудій, пороха, снарядовъ и артиллеристовъ снеся съ военнымъ министромъ. Одновременно графъ Буксгевденъ просилъ, чтобы „изъ Роченсальма или откуда признано будетъ удобнѣе“ отражена была немедленно вооруженная эскадра, „которая, смотря по обстоятельствамъ, могла бы быть приближена къ сторонѣ Гангута“.

Гангуту графъ Буксгевденъ придавалъ огромное значеніе.

„Неоспоримо (писалъ онъ), что Гангутскій мысъ, составляющій съ прилежащими островами корабельную рейду, по положенію своему по идущему мимо фарватеру и по укрѣпленіямъ оной прикрываю-

---

¹⁾ Дѣло Департамента морского министра 1808 г. № 1079, стр. 2-я.

щимъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ военныхъ пунктовъ на берегахъ новопріобрѣтенной Финляндіи... По глубинѣ морскихъ залповъ, вдающихся съ обѣихъ сторонъ во внутрь твердой земли на дальнее разстояніе, по коимъ съ одной стороны фрегаты могутъ идти до Тенала, а по другой до Эвенеса, и по возможности самымъ большимъ кораблямъ приближаться къ нему съ фронта на близкую дистанцію цѣлою линією, Гангутъ подверженъ сплннымъ непріятельскимъ покушеніямъ"... Обезопасить себя отъ вреднаго вліянія Гангутской морской позиціи можно, по мнѣнію графа Буксгевдена, только имѣя сильныя гребныя эскадры впереди Гангута, въ Абовскихъ шхерахъ, у самаго Гангута и позади него, въ окрестностяхъ Свеаборга. Такое размѣщеніе шхерныхъ эскадръ не позволитъ противнику напасть на Гангутъ или покуситься на высадку прежде, нежели онъ не обратится противъ нихъ, такъ какъ всегда въ обоихъ случаяхъ будетъ угрожаемо съ фланга и даже тыла. Другая причина, по которой главнокомандующій считалъ необходимымъ имѣть около Або флотилію, это— для удержанія въ своей власти Аландскихъ острововъ, „въ которыхъ считается жителей обоого пола до 16.000 душъ, способныхъ же приняться за оружіе до 7.000“. „Безъ оной (т. е. флотиліи) сухопутное войско, расположенное по смъ островамъ, если непріятель займетъ шхеры хоть нѣсколькими военными судами, обезпечено быть не можетъ, тѣмъ паче, что и самые жители болѣе склонны къ шведскому правленію“. Последнее, увы! оказалось пророчествомъ, сбывшимся весьма скоро: 26—28 апрѣля, какъ извѣстно, Аландскіе жители возстали и захватили въ плѣнъ почти весь отрядъ Вуича, занимавшій архипелагъ.

Послѣ сдачи Свеаборга и неудачъ на сѣверѣ Финляндіи, послѣ захвата у насъ Аланда и Готланда (см. ниже) графъ Буксгевденъ снова настойчиво ходатайствуетъ передъ Государемъ о необходимости какъ можно скорѣе подкрѣпить добытую имъ въ качествѣ военнаго трофея Свеаборгскую флотилію высылкою судовъ изъ Кронштадта¹⁾.

„Мѣстоположеніе береговъ и множество острововъ лѣсами покрытыхъ, ихъ окружающихъ (ишетъ главнокомандующій), скрывая отъ насъ всѣ движенія непріятеля, способствуютъ ему въ покушеніяхъ его и облегчаютъ способы дѣлать нападенія въ одно время на разные пункты, заставляя тѣмъ посты наши соединяться во едино и потому оставлять ему безъ обороны свободное пристанище для сильной высадки, которое занявъ, онъ всегда будетъ имѣть твердое мѣсто для безпрепятственнаго доставленія высаженнымъ войскамъ своимъ достаточнаго подкрѣпленія всякаго рода, равно какъ и продоволь-

¹⁾ Дѣло департамента морского министра 1808 года № 1079, стр. 84.

ствія.. Хотя бы на берегахъ войско наше было многочисленно, то и тогда оборонять ихъ *безъ флота* не представляется возможности. Передовыхъ постовъ на островахъ содержать нельзя, не подвергая ихъ опасности быть взятыми гребною флотиліей ¹⁾, во всю зиму въ Стокгольмскихъ шхерахъ и Карльс-Кронѣ приготовленной, которая, кромѣ сего причиняемаго намъ вреда, имѣетъ способы занимать всѣ шхерные проходы и запирать ихъ для нашихъ военныхъ судовъ, а сверхъ того даже овладѣть самыми нужными береговыми мѣстами, какъ напримѣръ, гангутскими укрѣпленіями, которыя, какъ и прочіе берега, *при одномъ только достаточномъ флотѣ могутъ сдать недостижимы*. О всѣхъ же позиціяхъ нашихъ непріятель можетъ имѣть вѣрнѣйшія свѣдѣнія черезъ рыбаковъ, коимъ судоходство совершенно воспретить никакъ нельзя, потому что рыбная ловля есть единственный почти промыселъ для пропитанія ихъ, а возбранять имъ сообщеніе съ непріятелемъ можетъ съ нѣкоторою успѣшностью только достаточное количество судовъ по берегамъ крейсирующихъ“.

Приводя затѣмъ свои распоряженія по надлежащему устройству Свеаборгской флотиліи, графъ Буксгевденъ указывалъ, что силы ея совершенно недостаточны для того, „чтобы на обоихъ залпвахъ противиться непріятельскому флоту и оспорить у него господствованіе на оныхъ, а особливо на Аландскихъ островахъ, коихъ *близкое къ шведскимъ берегамъ расположеніе облегчаетъ движенія непріятелей и обезпечиваетъ снабженіе продовольствіемъ высадныхъ войскъ*“.

Всѣ эти обстоятельства побуждали графа Буксгевдена просить Государя о подкрѣпленіи Свеаборгской флотиліи „фрегатами или другими военными судами, а особенно гребною флотиліею, также и достаточнымъ числомъ сухопутныхъ войскъ для гребли на сіи суда, кои также необходимы могутъ быть для очищенія шхерныхъ береговъ и для содержанія непріятеля въ опасности взять его съ тылу во время покушенія онаго къ десанту“.

Донесеніе это писалось 12-го мая, уже послѣ того, какъ непріятельскія морскія силы проявили себя при отвоеваніи у насъ Готланда (см. ниже).

Такимъ образомъ, со стороны графа Буксгевдена проявлено глубокое пониманіе значенія флота для насъ при сложившейся обстановкѣ, особенно шхерныхъ флотилій; важности его скорѣйшаго изготовленія, чтобы предупредить противника, роли Гангута, значенія Аланда,—все это намѣчено и предугадано имъ въ общемъ совершенно вѣрно. Къ сожалѣнію такого пониманія не видно у морского министра

¹⁾ Графъ Буксгевденъ могъ бы здѣсь сослаться на недавній примѣръ Аланда и Готланда, захватъ которыхъ шведами именно и произошелъ легко вслѣдствіе того, что посланные туда отряды не были надежно обезпечены средствами сообщенія съ сушей.

Чичагова, со стороны котораго графъ Буксгевденъ на первыхъ же порахъ не только не встрѣтилъ поддержки, но даже противодѣйствіе своимъ начинаніямъ.

Изъ документовъ видно, что всѣ донесенія графа Буксгевдена по морской части, по Высочайшему повелѣнію препровождался Аракчеевымъ „министру морскихъ силъ“ въ подлинникѣ, *безъ какихъ-либо опредѣленныхъ Высочайшихъ указаній*¹⁾.

Пока дѣло ограничивалось укомплектованіемъ судовъ личнымъ составомъ²⁾, приведеніемъ въ порядокъ захваченной Свеаборгской флотиліи, — все шло гладко; но какъ только графъ Буксгевденъ (въ вышеупомянутомъ всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 12-го мая) сталъ просить о присылкѣ въ его распоряженіе еще и корабельнаго флота, — Чичаговъ рѣшительно этому воспротивился и вошелъ къ Государю Императору съ особою докладною запискою (отъ 19-го мая), въ которой доказывалъ, что въ этомъ нѣтъ никакой надобности *для обороны береговъ Финляндіи*. Записка эта (небольшая лишь часть которой напечатана Михайловскимъ-Данилевскимъ) обращаетъ на себя особое вниманіе, такъ какъ она привела къ окончательному устраненію связи въ дѣйствіяхъ между: сухопутными войсками и галернымъ флотомъ съ одной и корабельнымъ флотомъ съ другой стороны.

Ссылаясь на то, что вице-адмиралъ Сарычевъ (только что назначенный комендантомъ въ Свеаборгъ) надѣется черезъ недѣлю привести въ готовность половину Свеаборгской флотиліи, а также, что по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ изъ Стокгольма³⁾ число шведскихъ гребныхъ судовъ въ Стокгольмѣ и Карлскронѣ — незначительно (около 50), Чичаговъ приходилъ къ заключенію, что „для отраженія непріятельскаго нападенія, если-бы онъ покусился сдѣлать оное флотилію свою, кажется достаточно быть можетъ однихъ стоящихъ въ Свеаборгѣ судовъ“.

„Буде же (продолжаетъ морской министръ) корабельный флотъ непріятельскій для сего употребленъ будетъ, по совершенному имъ знанію финляндскихъ шхеръ, — тогда и увеличенное число флотиліи сдѣлалось бы равно недостаточно къ удержанію его дѣйствій“.

„Между тѣмъ, имѣя въ виду, что на случай прибытія къ Кронштадту англійскаго флота, онъ, расположась по близости онаго,

¹⁾ Препроводительныя письма графа Аракчеева заканчивались обыкновенно тою стереотипною фразою: „Его Императорское Величество Высочайше повелѣтъ соизволивъ препроводить оное отношеніе къ вашему высокопревосходительству, которое у сего пріобщая, имѣю честь извѣститъ васъ, что о семъ графъ Буксгевденъ мною нынѣ же увѣдомленъ“.

²⁾ Любопытно, между прочимъ, что гребцами на суда гребнаго флота Аракчеевымъ были посланы *военные арестанты*, по 56 человекъ на каждую лодку (см. Дѣло департамента морского министра 1808 г. № 1079, стр. 104).

³⁾ Отъ посланника Алопеус.

можетъ пресѣчь сообщеніе между Кронштадтомъ и шхерами, я призналъ за нужное отпривать благовременно въ шхеры нѣсколько военныхъ легкихъ судовъ, способныхъ ходить по онымъ и съ ними 2 плавучія батареи и 12 канонерскихъ лодокъ, которыя въ случаѣ надобности, могутъ всегда укрываться подъ защитою Выборгскихъ укрѣпленій или другихъ оборонительныхъ мѣстъ нашихъ и быть во всегдашней готовности слѣдовать по первому повелѣнію туда, гдѣ служба ихъ потребуется“.

Упомянувъ затѣмъ, что отрядъ легкихъ судовъ этихъ уже находится въ готовности, ожидая лишь Высочайшаго повелѣнія, Чичаговъ докладываетъ, что „отдѣлить сверхъ сего еще нѣсколько парусныхъ и гребного флота судовъ *безъ чувствительнаго ослабленія Кронштадтской обороны*,—онъ не считаетъ возможнымъ“.

„Впрочемъ (заключаетъ Чичаговъ) изъ донесеній морскихъ офицеровъ, кои нынѣ посылаемы были для обозрѣнія берега Новой Финляндіи, извѣстно, что оный во многихъ мѣстахъ весьма удобенъ къ высадкамъ, слѣдовательно ежели желать во всѣхъ пунктахъ оградить его, то судя по пространству сего берега потребовалась бы флотилія въ безчисленномъ множествѣ судовъ состоящая, но и за сймъ средствомъ была бы гораздо разсѣяна и обезсилена. По каковому уваженію, кажется мнѣ, что ближайшее и самое вѣрное средство къ защищенію своему должны мы избрать то самое, которое и для защиты вообще приморской границы государства принято; т. е. учредить по берегамъ надзоръ *и въ разныхъ пунктахъ имѣть потребное число сухопутныхъ войскъ* для уничтоженія непріятельскихъ покушеній, буде-бы ему удалось учинить высадку“.

Такимъ образомъ, взгляды Чичагова и главнокомандующаго нашего въ Финляндіи на значеніе морскихъ силъ и, въ частности, гребного флота при оборонѣ побережья, оказывались въ корнѣ различными. Характерно тутъ, что сухопутный генералъ, пользуясь опытомъ, вынесеннымъ изъ предыдущей финляндской кампаніи и близко зная особенности театра военныхъ дѣйствій, правильнѣе оцѣнивалъ роль обѣихъ категорій флота въ совмѣстныхъ съ сухопутными войсками операціяхъ при данной обстановкѣ. Вѣрно намѣчая значеніе Гангутской позиціи, онъ стремился опередить противника въ овладѣніи ею, съ тѣмъ, чтобы воспользоваться самому ея выгодами; стремился и къ тому, чтобы надежнѣе обезпечить удержаніе въ нашихъ рукахъ Аланда, но, въ сожалѣнію, послѣднее оказывалось невыполнимымъ по причинамъ природнымъ. Отрядъ Вуича—какъ извѣстно, былъ безнаказанно захваченъ возставшимъ населеніемъ еще тогда, когда никакая помощь съ материка не могла-бы туда прибыть, даже въ случаѣ полной своей готовности.

По мнѣнію адмирала Чичагова, какъ видно изъ вышеизложеннаго, оборону побережья надлежало основывать исключительно на сухопутныхъ войскахъ, такъ какъ для „прикрытія“ всего побережья понадобилось-бы „безчисленное множество“ гребныхъ судовъ. Упущалось совершенно изъ вида главное въ сущности назначеніе шхерной флотиліи,—развѣдочное. По существу суда должны были выполнять ту-же роль по отношенію къ отрядамъ, обороняющимъ побережье, какую конница выполняетъ впереди фронта войскъ на сушѣ. Десантныхъ пунктовъ на финляндскомъ побережьи, дѣйствительно, много,—за то фарватеры, ведущіе со стороны моря—немногочисленны и внѣ ихъ подходъ къ берегамъ безусловно невозможенъ. Занявъ узловые пункты этихъ водныхъ путей, шхерная флотилія, ведя бдительную развѣдку, могутъ предупреждать о движеніи десантныхъ отрядовъ, пытаться ихъ задерживать, а въ случаѣ успѣшнаго производства высадки,—какъ и конница—бить *на сообщенія*, т. е. обрушиваться на транспортныя суда.

При этомъ галерный флотъ, какъ гребной, могъ дѣйствовать только въ шхерахъ и, слѣдовательно, выполнялъ роль какъ-бы кавалерійской завѣсы впереди фронта войскъ, обороняющихъ юго-западное побережье Финляндіи. Что же касается корабельнаго флота, то онъ работалъ-бы на подобіе самостоятельныхъ „корволантовъ“, развивая свои операціи внѣ шхерной площади, связывающей Финляндію со Швеціей, т. е. либо по южную ея сторону, въ Балтійскомъ морѣ и Финскомъ заливѣ, либо по сѣверную, въ Ботническомъ заливѣ. Русскому корабельному флоту необходимо было стремиться проникнуть въ Ботнической заливъ, т. е. въ тѣ воды, которыя для шведовъ являлись какъ-бы внутреннимъ озеромъ, по которому онц,—какъ мы по Ладожскому—могли устанавливать прочную, непрерывную связь Финляндіи съ родною Швеціей. Перервать эту связь, изолировать Финляндію отъ источниковъ ея силы и отъ вліянія шведской власти (надо помнить, какъ играли во все время этой войны на струнахъ мечтаний финляндцевъ о политической самостоятельности)—вотъ главная активная задача, которую *долженъ былъ-бы* ставить себѣ нашъ корабельный флотъ. Для этого, прежде всего, нужно было овладѣть господствомъ на морѣ, т. е. одержать верхъ надъ флотомъ противника; одновременно гребныя эскадры должны были утвердиться въ шхерахъ, очистивъ ихъ отъ непріятельскаго галернаго флота, и уже тогда, опираясь на новопріобрѣтенные финляндскіе порты, флотъ нашъ могъ побѣдоносно вторгнуться въ Ботнику и стать на пересѣкающихъ ее водныхъ путяхъ изъ Швеціи въ Финляндію.

Графъ Буксгевденъ ставилъ, правда, флоту не столь широкія задачи, но, во всякомъ случаѣ, оцѣнивалъ его значеніе гораздо пра-

вильнѣ, чѣмъ Чпчаговъ. Вотъ, напримѣръ, какіе доводы приводилъ онъ въ отвѣтъ своемъ морскому министру¹⁾ возражая на вышеприведенную всеподданнѣйшую докладную его записку отъ 19-го мая: „миѣ было всегда извѣстно—писатьъ онъ,—что берега Финляндіи, слишкомъ на 1.500 верстѣ простирающіеся, неможно закрыть повсюду флотомъ и, слѣдовательно, сія мысль при донесеніи моемъ Государю Императору не могла существовать въ моемъ соображеніи.

„Ваше высокопревосходительство изъ опытовъ извѣстны, что тѣ берега, которые закрыты множествомъ острововъ, которые имѣютъ столь много заливовъ и превосходныхъ пристаней, гдѣ бдительные береговые посты не въ состояніи избѣжать сюрпризовъ и предупредить повсюду непріятеля; тамъ весьма опасны и малые непріятельскіе отряды морской его силы, которые, ударяя въ разныхъ пунктахъ, развлекутъ вниманіе войскъ, раззорятъ приморскіе города и успѣютъ прошевести десантъ тамъ, гдѣ его совсѣмъ не ожидаютъ. Чтобы избѣжать сего опаснаго положенія, нужно имѣть *равносильный* непріятелю гребной флотъ, дабы заставить непріятеля держать свои суда всегда въ соединеніи, бывъ въ опасности, что при покушеніи на берега, можно его въ то же самое время атаковать съ моря.

„Другая нужда во флотѣ состоитъ въ томъ, чтобы закрывать доставленіе транспортовъ для снабженія войскъ²⁾. Третья—препятствовать непріятелю сдѣлать диверсію съ тыла сухопутнымъ нашимъ войскамъ, дѣйствующимъ около береговъ, противу войскъ же сухопутныхъ непріятельскихъ. Четвертая—защитить острова, принадлежащіе къ Абовскому лену и присягнувшіе на вѣрное подданство Государю Императору, безъ чего жители оныхъ могутъ быть раззорены или возмущены, а сіе послѣднее будетъ имѣть вліяніе на жителей береговыхъ и внутренности Финляндіи. Я умалчиваю о другихъ причинахъ, увѣренъ будучи, что ваше высокопревосходительство, принявъ въ увѣреніе и всѣ сіи обстоятельства, согласитесь со мною въ нуждѣ флотилии“.

При оцѣнкѣ положенія дѣлъ на морѣ нельзя упускать изъ вида, что обстоятельства, какъ видно изъ вышеизложеннаго, отчасти намъ благоприятствовали. Но до половины мая только, пока не прибыли англичане. Подготовительная работа въ нашихъ портахъ подвигалась между тѣмъ весьма медленно, главнымъ образомъ по причинѣ обычныхъ техническихъ у насъ недочетовъ, а затѣмъ—вслѣдствіе того, что въ сущности поздно и вяло принялись за эту подготовку. Насколько можно судить по сохранившейся перепискѣ, *первымъ* къ тому толчкомъ послужили вышеприведенныя всеподданнѣйшія хода-

¹⁾ Отъ 27-го мая 1808 года № 149.

²⁾ Началось, слѣдовательно, тогда-же установленіе подвоза въ Финляндію изъ Петербурга водою, что и было впоследствии организовано *Аракчеевымъ*.

тайства графа Буксгевдена, предвидѣвшаго необходимость готовить къ веснѣ флоты еще съ половины марта... Между тѣмъ въ дѣйствительности первый отрядъ нашей гребной флотилии тронулся только 21-го мая, и то это былъ отрядъ изъ *Свеабора*, т. е. составленный изъ отобранныхъ у шведовъ судовъ, но укомплектованный частью морякамъ, частью пѣхотинцами¹⁾. Слабость этого головного (по существу) отряда зависѣла отъ недостатка въ личномъ составѣ и морской провизии, которой не могли добыть въ нужномъ количествѣ на мѣстѣ: ее приходилось подвозить (водою) изъ *Петербурга*. Кроме того, задержка въ отправкѣ слѣдующаго эшелона канонерокъ произошла вслѣдствіе взрыва въ *Свеаборгѣ* порохового погреба, какъ разъ на другой день по отплытіи перваго отряда гребной флотилии. Взрывомъ ранено 100 и убито 60 человекъ, поспорчено нѣсколько судовъ и зданій отъ продолжавшагося болѣе 10 часовъ пожара. Причины несчастія такъ и остались невыясненными. Въ результатѣ, второй отрядъ гребной флотилии могъ выступить изъ *Свеаборга* только 28-го мая²⁾.

Одновременно изъ *Кронштадта* вышелъ два небольшихъ отряда парусныхъ судовъ. Одинъ (капитанъ-лейтенантъ Тулубева) изъ 2-хъ корветовъ, катера и люгера, долженъ былъ крейсировать между *Кронштадтомъ* и *Голландомъ*. Задачею ему поставлено: съ одной стороны—развѣдывать противника, а съ другой—прикрывать нашу водную коммуникационную линію, которая устанавливалась вдоль сѣвернаго побережья Финскаго залива. Тулубеву предписано атаковать только слабѣйшія силы, а отъ сильнѣйшихъ—укрывать въ порты, преимущественно въ *Ревель*, *Балтійскій портъ* или *Нарву*, защищенные батареями. Другой парусный отрядъ, графа *Гейдена* (2 фрегата, 2 корвета, и два катера) присланъ былъ въ *Свеаборгъ*, съ тѣмъ, чтобы дать въ руки мѣстнаго начальства органы дальней развѣдки. Отрядъ этотъ поступилъ подъ начальство вице-адмирала *Сарычева*, который по взятіи *Свеаборга* былъ назначенъ его комендантомъ и вмѣстѣ командиромъ *Свеаборгскаго порта*. Нельзя не отмѣтить, что въ данномъ случаѣ существовало двойственное подчиненіе этого лица: какъ комендантъ крѣпости—онъ подчиненъ былъ главнокомандующему, а какъ командиръ порта—морскому министру.

Такимъ образомъ, только къ началу іюня, мы вывели въ море едва небольшую часть нашей гребной флотилии и нѣсколько парус-

¹⁾ Онъ состоялъ изъ 15-ти канонерскихъ лодокъ, 1 бота, 1 водоналивочнаго и 2 провiантскихъ судовъ. Личный составъ: 1 штабъ-офицеръ, 2 оберъ-офицера и 202 матроса военнаго флота и *Кременчугскій Мушкетерскій полкъ*, въ числѣ 741 человекъ нижнихъ чиновъ (*М. Дан.* стр. 186-я).

²⁾ Онъ состоялъ изъ 7-ми канонерокъ, 6-ти іоловъ, 1 водоналивочнаго и 1 провiантскаго судна. Моряковъ на немъ было 125 чел. и сухопутныхъ 463 человекъ, *Псковскаго гарнизоннаго баталіона*.

ныхъ судовъ. А къ этому времени опасное раздѣленное положеніе союзныхъ морскихъ силъ прекратилось: англійская эскадра присоединилась уже къ шведской.

Шведы значительно предупредили насъ въ отношеніи готовности на морѣ. Несмотря на то, что къ концу 1807 года ихъ корабельный флотъ находился по большей части въ плачевномъ состояніи¹⁾, они уже съ ноября этого года дѣятельно принялись за подготовительную работу. 5-го декабря н. ст. 1807 года король далъ предписаніе вице-адмиралу Иогану Пузе приступить съ возможною поспѣшностью къ приведенію военныхъ судовъ въ Карлскронѣ въ должный порядокъ, къ снабженію ихъ всѣмъ необходимымъ и пополненію личнымъ составомъ. Мобилизація шведскаго флота, корабельнаго и галернаго, дѣятельно продолжалась всю зиму не взирая на холода; уже къ концу февраля мѣсяца (нов. стilia) почти всѣ лучшія суда²⁾ были вооружены и готовы выйти въ море, какъ только оно вскрыется ото льда. Къ началу марта укомплектованъ былъ личный составъ, а также погруженъ порохъ, провіантъ и прѣсная вода. Такъ называемая „первая эскадра“, предназначенная въ Балтійское море, была въ полной готовности и ожидала только открытія навигаціи. Въ то же время усилена была англійская эскадра, находившаяся близъ западныхъ береговъ Швеціи. Эскадра эта, къ началу года, состояла всего изъ нѣсколькихъ фрегатовъ и бриговъ, и имѣла задачу прерывать сообщенія между Даніей и Норвегіей. 6-го января нов. стilia англійскій министръ Торнтонъ лично пріѣзжалъ въ Гетеборгъ для заключенія союзаго трактата, послѣ чего, къ концу февраля въ проливахъ между скандинавскимъ полуостровомъ и Даніей число англійскихъ судовъ увеличилось до 11-ти большихъ кораблей и фрегатовъ, при соответственномъ числѣ малыхъ судовъ. Переговорами въ Гетеборгѣ было установлено, что англійскій флотъ долженъ имѣть первою своею задачу—совмѣстно со шведскимъ флотомъ—препятствовать ожидаемой высадкѣ французскихъ войскъ изъ Помераніи въ Шонію. Соответственно сему дана была 7-го марта новаго стilia королемъ Густавомъ IV Адольфомъ инструкція начальнику своей 1-й эскадры, адмиралу Цедерстрему, уже готовому къ отплытію въ Карлскронѣ.

Съ половины марта мѣсяца суда первой шведской эскадры адмирала Цедерстрема крейсировали въ Балтійскомъ морѣ между Шоніей и Помераніей, оставляя, такимъ образомъ, совершенно безъ вниманія русское побережье Прибалтійскихъ губерній. Это обстоятельство облег-

¹⁾ «Sv. kriget året 1808—09» томъ IV стр. 79.

²⁾ А именно: 5 линейныхъ кораблей, 4 фрегата, 4 брига, 4 судна меньшей вѣстности (Sv. kr. 1808—09, т. IV стр. 93).

чло намъ выполненіе *экспедиціи на Готландъ*, о которой, какъ тѣсно связанной съ условіемъ *господства на морѣ*, надлежитъ упомянуть теперь же.

Еще передъ началомъ войны, при обсужденіи основнаго ея плана, сдѣлано было предложеніе, вносльдствіи оставленное, основная идея котораго заключалась въ слѣдующемъ: *отвлекая вниманіе шведовъ къ Финляндіи, главный ударъ направить изъ Лифляндіи черезъ Готландъ въ южную провинцію Швеціи—Шонію, откуда, совместно съ французскимъ десантомъ изъ Даніи, наступать къ Стокгольму.*

Это смѣлое рѣшеніе исходило отъ нашихъ союзниковъ, французовъ, и, быть можетъ, принадлежало самому Наполеону, въ обычаѣ котораго было всегда сразу бить въ самое чувствительное мѣсто своего врага; ¹⁾ но оно было, повидимому, отклонено Императоромъ Александромъ, вѣроятно потому, что удаляло насъ отъ главной нашей цѣли, изъ за которой предпринималась и вся война—отъ Финляндіи. Но извѣстное отраженіе этого плана нельзя не усматривать въ той, нѣсколько фантастической, экспедиціи, которая была предпринята изъ Риги на островъ Готландъ. Обширная переписка, сохранившаяся объ этой оригинальной экспедиціи въ архивѣ морского министерства, а также бумаги, оставшіяся послѣ генерала Брозина, бывшаго въ составѣ экспедиціи ²⁾ позволяютъ въ настоящее время составить обстоятельное представленіе о характерѣ этого предпріятія.

Мы ограничимся здѣсь, однако, лишь нѣкоторыми свѣдѣніями необходимыми для оцѣнки, какъ приведеннаго выше плана, такъ и болѣе узкаго послѣдующаго рѣшенія—ограничиться утвержденіемъ на Готландѣ. Цѣль послѣдняго намѣренія будетъ видна изъ дальнѣйшаго изложенія.

Экспедиція на Готландъ организована была совершенно независимо отъ нашего отдѣльнаго финляндскаго корпуса, и отрядъ, сформированный съ этою цѣлью, не былъ подчиненъ графу Буксгевдену, а, подобно всѣмъ силамъ, оборонявшимъ Балтійское побережье, *морскому министру адмиралу Чичагову*. Графу Буксгевдену о посылкѣ десанта на Готландъ было сообщено только для свѣдѣнія и повелѣно лишь, въ случаѣ нужды, оказывать ему поддержку (?). Какимъ образомъ послѣдняя могла быть имъ оказана—при существующихъ условіяхъ разстояній и положенія самой цѣли экспедиціи (островъ)—рекомендовано ему не было, да, надо полагать, и сами петербургскіе составители плана не сумѣли бы отвѣтить на этотъ вопросъ. Во главѣ отряда, составленнаго изъ 2-хъ баталіоновъ Копорскаго и одного 20-го егерскаго

¹⁾ А таковымъ у шведовъ, при постоянномъ политическомъ броженіи партій, была именно ихъ столица, центръ умственной, культурной и политической жизни страны.

²⁾ В.-Ист. арх. Гл. Упр. Ген. Штаба дѣло 1652 отд. 2.

полковъ, въ числѣ всего 1,657 чел. съ 6-ю орудіями, поставленъ *морякъ*, контръ-адмиралъ *Бодиско*. Въ секретномъ ему Высочайшемъ рескриптѣ, отъ 20-го марта 1808 года, цѣлью занятія Готландъ поставлено— *мишеть Англію, какъ морскую державу, возможности превратить его въ базу для своего флота.* „Бывъ во власти непріятеля, тѣмъ паче морской державы, какова Англія, островъ сей доставитъ ей значущія выгоды и преимущества. Положеніе его на самой срединѣ Балтійскаго моря, близость его къ устьямъ Финскаго и Ботническаго заливовъ, способность его портовъ и пристаней подаютъ всю удобность соединить и содержать въ оныхъ нарочитое мореходное ополченіе къ стѣсненію плавающихъ на водахъ сихъ и къ приобрѣтенію совершеннаго на оныхъ господства... Независимо отъ сихъ выгодъ, островъ Готландъ, есть-ли вѣрнѣ описаніямъ о немъ, пзобилуетъ вообще всякими удобствами и даже богатствами, достаточными не токмо къ пзбыточному продовольствію войскъ, коп высажены на оный быть могутъ и къ оживленію упавшей его промышленности и торговли. И такъ воздаваемое на Васъ порученіе относительно сего острова можетъ обращать на себя вниманіе не токмо въ видѣ предпріятія военнаго, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ“ ¹⁾.

Рескриптъ предписывалъ адмиралу Бодиско, посадивъ свой отрядъ на зафрахтованныя въ Мемелѣ, Либавѣ и Виндавѣ купеческіе корабли, совершить на Готландѣ въ подходящемъ мѣстѣ высадку и затѣмъ „обезпечить пребываніе свое на островѣ къ удержанію себя на ономъ, доколѣ обстоятельства того востребуютъ“. Для достиженія этой цѣли предлагалось занять на островѣ главные пункты, выяснить настроеніе жителей и ихъ точную численность, стараясь обласкать ихъ, но въ тоже время принявъ „всевозможныя осторожности отъ всякаго коварнаго или нечаяннаго ихъ нападенія“. Мало того, Бодиско предписано было „стараться сдѣлать неприступными“ главнѣйшія пристани на островѣ, а также „употребить всѣ услія“ къ отраженію англичанъ или шведовъ, если они попытаются занять островъ или воспользоваться его портами. Кромѣ того, нашъ адмиралъ долженъ былъ „объявить себя губернаторомъ острова“ и заняться гражданской дѣятельностью. При этомъ рекомендовалось, оставивъ дѣла въ прежнемъ ихъ положеніи, а должностныхъ лицъ на мѣстахъ, распредѣлить такъ своихъ собственныхъ чиновниковъ, чтобы они могли имѣть надзоръ за мѣстными властями, причемъ всѣ доходы съ острова, не псключая и налоговъ, обращать въ нашу пользу.

Адмиралъ Бодиско, призванный передъ отплытіемъ въ Петербургъ, обратился за указаніями къ морскому министру Чичагову и предста-

¹⁾ Рескриптъ этотъ полностью помѣщенъ въ вышеупомянутыхъ бумагахъ Брозина.

вплъ свои сомнѣнія, считая свое положеніе весьма затруднительнымъ „Я господину министру (пишетъ онъ въ своемъ „журналѣ“) представилъ слѣдующее: что, можетъ быть, мнѣ и удастся благополучно пробѣжать море; можетъ быть удастся удачно сдѣлать высадку, даже и занять островъ, но *тамъ какъ*?“ Послѣдовалъ отвѣтъ, что въ отношеніи высадки на островъ шведскихъ войскъ онъ „совершенно долженъ быть спокоенъ; что французскія войска на островѣ Зеландѣ находятся въ большомъ количествѣ, о чемъ имѣется достовѣрное извѣстіе, что министръ полагаетъ высадку ихъ на шведскій берегъ уже учиненной и что *непріятелю будетъ не до Готланда*“.

10-го апрѣля нашъ отрядъ прибылъ къ Готланду. „Туманная погода и мрачное время вспомоществовали мнѣ сдѣлать такъ высадку (писалъ впоследствии Бодиско), что мое прибытіе и самимъ береговымъ жителямъ было неизвѣстно“. „Употребивъ нѣкоторыя хитрости“, начальнику десанта нашего удалось обезоружить часть вооружившихся было жителей; что же касается до войскъ непріятеля, то ихъ на островѣ вовсе не было и къ оборонѣ его никакихъ мѣръ не было принято, но ежедневно ждали прибытія изъ Швеціи нѣсколькихъ ротъ въ качествѣ кадровъ для образованія изъ мѣстныхъ обывателей особаго ополченія. Бодиско двинулъ свой отрядъ форсированнымъ маршемъ къ главному городу Висбю, отстоявшему отъ мѣста высадки въ 65 верстахъ. Двигаясь безостановочно, онъ, недоходя 20 верствъ до города, встрѣченъ былъ властями, изъявившими покорность. 11-го апрѣля, послѣ форсированнаго перехода, городъ Висбю былъ занятъ нашими войсками, и адмиралъ Бодиско, объявивъ себя губернаторомъ острова, приступилъ къ гражданскимъ мѣропріятіямъ, возложеннымъ на него Высочайшею волею.

Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ двухтысячный отрядъ засланъ былъ, *безъ всякой поддержки боевого флота*, на обширный островъ, расположенный гораздо ближе къ непріятельскимъ берегамъ, чѣмъ къ нашимъ и никакихъ мѣръ на случай неудачи, для обезпеченія его отхода назадъ,—не было принято. Весь расчетъ адмирала Чичагова на успѣхъ былъ построенъ на томъ, что французы (маршалъ Бернадоттъ) своею высадкою въ Шоніи прибуютъ настолько вниманіе непріятеля, что ему будетъ „не до Готланда“.

Первоначально, повидимому, такъ и было. Появленіе нашихъ войскъ на Аландѣ и затѣмъ на Готландѣ (причемъ количество ихъ слухами, какъ всегда, значительно преувеличивалось) исполнило все населеніе Швеціи. Обыватели Стокгольма укладывали уже свое имущество для отправленія во внутрь страны, а придворные экипажи стояли готовые для отъѣзда королевскаго семейства. Такъ доносили 5-го мая еще не успѣвшій покинуть Стокгольма нашъ посланникъ

Алопеусъ. Но опасенія эти не оправдались. Въ Финляндіи, послѣ Ревоакса, удача отъ насъ отвернулась, а высадка французовъ въ Шоніи какъ мы знаемъ, не состоялась. Такимъ образомъ къ концу апрѣля войска адмирала Бодиско оказались въ опасномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что *на выходъ въ море нашихъ морскихъ силъ нечего было и рассчитывать въ ближайшемъ будущемъ*. Ободренные недавнею удачею на Аландѣ, гдѣ, какъ извѣстно, мѣстному населенію, при незначительной поддержкѣ извнѣ, удалось плѣнить почти весь отрядъ Вунча, и будучи спокойны уже за участь Шоніи, шведы вознамѣрились поступить также и съ Готландомъ.

Тѣмъ временемъ контръ-адмиралъ Бодиско, видимо, не сознавая своего крайне опаснаго положенія, спокойно занимался мирными дѣлами. Онъ собралъ мѣстный магистратъ, объявилъ себя отъ имени Императора Александра вступившимъ въ обладаніе островомъ и возложилъ на себя управленіе имъ. Въ точности слѣдуя данной ему инструкціи, онъ предупредилъ населеніе, что по волѣ Государя ему предоставляется свободное отправленіе религіи, неприкосновенность личности и собственности и управленіе на основаніи дѣйствующихъ шведскихъ законовъ. Должностнымъ лицамъ, продолжающимъ исполнять добросовѣстно свои обязанности, предоставлено было оставаться на своихъ мѣстахъ. Все это было изложено въ особомъ воззваніи адмпрала къ населенію, прочитанномъ во всѣхъ церквахъ съ амвоновъ.

„Увѣрился я (показывалъ впоследствии Бодиско на судѣ), что оный городъ, обнесенный только старою, развалившеюся каменною стѣною, нѣкогда противу стрѣлъ только выстроенною, которая отъ одного пушечнаго выстрѣла вовсе бы разрушилась, къ защищенію вовсе неудобенъ, почему и приказалъ свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части майору Шефлеру для подробнаго извѣщенія сдѣлать обстоятельныя наблюденія и, *соображаясь съ военнымъ искусствомъ*, меня извѣстить о главныхъ пунктахъ, которыхъ мѣстоположеніе къ защищенію было бы выгодно“. Другими словами, Бодиско, какъ морякъ, сомнѣваясь въ своихъ познаніяхъ въ дѣлѣ сухопутныхъ дѣйствій, поручилъ подлежащую развѣдку своему начальнику штаба. Но и послѣдній не нашелъ близъ Висбу сколько нибудь удобной для обороны позиціи. Тѣмъ не менѣе, Бодиско рѣшилъ здѣсь остаться, считая долгомъ своимъ, для успѣха управленія островомъ, пребывать тамъ, гдѣ сосредоточена вся мѣстная администрація.

Всякія сношенія мѣстныхъ жителей съ матеркомъ Швеціи были строжайше воспрещены; даже рыбаковъ, отправлявшихся въ море на рыбную ловлю, отпускали не иначе, какъ въ сопровожденіи вооружен-

ныхъ русскихъ солдатъ 1). Кроме того, жителямъ приказано обезоружиться и сдавать ружья въ городской арсеналь. Изъ свидѣтельскихъ показаній, сдѣланныхъ впослѣдствіи на военномъ судѣ командиромъ Копорскаго полка, видно, что ружья сдавались въ небольшомъ числѣ и только неисправныя 2)

Островъ Висбю имѣетъ 180 верстъ въ длину; на немъ 24 удобныхъ гавани и около 33.000 жителей. Ясное дѣло, что прочно занять его отрядомъ въ 1.600 человекъ не было никакой возможности. Какъ заявлялъ впослѣдствіи командиръ Копорскаго полка въ своемъ показаніи „прочимъ жителямъ острова возбранить сообщеніе съ другими мѣстами невозможно, ибо обширность острова не позволяла занять не только всѣхъ, но даже самыхъ нужныхъ мѣстъ по причинѣ малаго ополченія“. Посылая Чичагову донесеніе о своихъ дѣйствіяхъ п распоряженіяхъ, вмѣстѣ съ ключами отъ города Висбю и 4 найденными тамъ знаменами, Бодиско убѣдительно просилъ о скорѣйшей присылкѣ ему подкрѣпленій. Тотчасъ же въ Ригѣ стали готовить новую экспедицію, вооружать 5 купеческихъ кораблей, на которыхъ подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Менделя 3) должно было быть отправлено на Готландъ двѣ роты пѣхоты, 2 сотни казаковъ, 12-пушечная полевая батарея, поль-роты пионеръ и 12 орудій 24-фунт. калibra, не считая сотни матросовъ. Но, какъ и въ первый разъ, суда эти должны были перевезти второй десантъ *безъ всякаго обезпеченія* со стороны *боговаго флота*. Экспедиція эта 8-го мая должна была сняться съ якоря, но полученныя съ Готланда извѣстія сдѣлали всякую посылку туда, тѣмъ паче столь слабыхъ силъ, излишней.

О высадкѣ русскихъ на Готландъ было немедленно же донесено въ Швецію. Густавъ IV Адольфъ, по полученіи этого извѣстія приказалъ адмиралу Цедерстрему 4) съ 2.000 десантомъ 5), на 5-ти лпнейныхъ корабляхъ (съ малыми судами) отправиться съ цѣлью обратнаго завоеванія Готланда. Суда эти и войска выдѣлены были изъ числа тѣхъ, которыя предназначались на выручку Свеаборга, но задержаны были извѣстіемъ о сдачѣ крѣпости. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланы были подлежащія сношенія о присылкѣ хоть нѣсколькихъ англійскихъ судовъ, изъ числа находившихся въ датскихъ водахъ 6).

1) Т. IV. Шведской официальной исторіи войны, стр. 124 подпунктика.

2) Эти показанія имѣются въ бумагахъ генерала Бронна, бывшаго адъютанта Бодиско въ эту экспедицію, (д. В. Ист. Арх. Гл. Упр. Ген. Шт. № 1652 отд. 2).

3) Т. е. опять моряка!

4) Какъ только англійская эскадра въ датскихъ водахъ усладила п опасность высадки въ Шонін отпала, эскадра Цедерстрема была возвращена въ Карлскрону. Приказаніе ей идти на Готландъ послано тотчасъ же по полученіи извѣстія о высадкѣ Бодиско (См. Sv. кт. 1808—09, т. IV, стр. 116).

5) У Михайловскаго-Данилевскаго сказано 5.000; объясненіе этой цифры видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

6) Чего англичане не исполнили.

Дессантные войска посажены были на суда 26-го, 27-го и 28-го апрѣля, а 29-го при благопріятномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ эскадра тронулась въ путь. Еще раньше на Готландъ посланы были прокламаціи къ населенію, въ которой послѣднее приглашалось оказать десанту всяческое содѣйствіе.

Главную высадку рѣшено было произвести на восточномъ берегу острова, въ бухтѣ Сандвикенъ, весьма удобной и защищенной отъ вѣтровъ; главное же, русскій отрядъ лишился возможности успѣть очистить островъ и присоединиться къ своимъ. Въ то же время къ гавани Слитте, съ демонстративною цѣлью, направлено было 2 судна. Появленіе ихъ побудило Бодиско выслать роту Копорскаго полка съ двумя орудіями, дабы задержать здѣсь высадку, но уже на другой день Бодиско узналъ о томъ, что въ Сандвикенѣ—цѣлая эскадра и высадка въ значительныхъ силахъ уже произведена. Тогда Бодиско сталъ стягивать свой малочисленный отрядъ къ восточной окраинѣ города Висбю.

Посланный Бодиско на развѣдку лейтенантъ Вестингаузенъ былъ схваченъ жителями и отведенъ на эскадру. Въ ночь со 2-го на 3-е мая самъ Бодиско, повѣряя караулы, перехватилъ крестьянина съ „письмами“ къ жителямъ (это были прокламаціи Цедерстрема).

Извѣстіе о прибытіи шведовъ произвело полную метаморфозу на островѣ. „3-е мая—день незабвенный и радостный для города и всѣхъ жителей острова, когда газета возвѣстила о прибытіи шведскаго флота со шведскою вооруженною силою на выручку. Слезы радости и благодаренія текли изъ глазъ; рукопожатія обмѣнивались; благословляли имя короля за его заботу о беззащитныхъ по сердцемъ и душой вѣрныхъ подданныхъ“. Такія выраженія занесены въ протоколъ магистрата города Висбю отъ 24-го апрѣля.

Въ тотъ же день явился шведскій парламентарь, маіоръ Юлень, извѣстившій Бодиско о прибытіи шведскаго флота и десанта въ пять тысячъ (?) человекъ¹⁾ и предложившій сдаться на капитуляцію.

Бодиско отвергъ предложеніе и приказалъ готовиться къ бою. Но уже 3-го числа (пишетъ командиръ Копорскаго полка) „очень рано по утру имѣлъ я извѣстіе... что шведскія войска многими идутъ дорогами и что по той, которой мы въ городъ въ ступили идти не малый отрядъ, которой и незамедлительно притти и стать у насъ въ тылу за городомъ у лѣсу“. (Это былъ авангардъ; остальныя войска bivакировали въ 3-хъ миляхъ западнѣе мѣста высадки). Въ то же время получено было извѣстіе о движеніи войскъ и со стороны Слитте, а находившіяся тамъ наши двѣ роты оказывались между двухъ огней.

¹⁾ Превосходство въ силахъ войскъ шведскихъ, какъ видно теперь изъ опубликованныхъ шведскимъ генеральнымъ штабомъ данныхъ, было, въ сущности, небольшое; но *все населеніе острова* оказалось на сторонѣ непріятеля.

Положеніе становилось критическимъ. „Удержать острова за собою нельзя было, притомъ храбрость должна была быть побѣждена многолюдствомъ“. Бодиско созвалъ военный совѣтъ. Принявъ въ соображеніе слабость своихъ силъ, по сравненію съ непріателемъ, скудость въ продовольствіи, котораго при мятежѣ жителей достать было неоткуда, невозможность полученія поддержки и, наконецъ, неполученіе никакого отвѣта на посланныя донесенія, совѣтъ рѣшилъ отправить офицера для переговоровъ.

„Секурсу ожидать невозможно (говорилъ на совѣтѣ Бодиско), ибо непріатель занялъ море и окружилъ островъ. Отъ предѣловъ Россіи мы далѣе, нежели отъ шведскаго столичнаго города. Если бы мы вступили въ сраженіе съ тѣмъ, чтобы пробиваться до судовъ нашихъ, которые, вѣроятно, не существовали, то, разстрѣлявъ патроны, пришлось бы сражаться холоднымъ оружіемъ съ жителями, кои всѣ собраны по большей части у кирокъ, вооруженными по приказанію пришедшаго адмирала. Суда наши были пустыя, на оныя провіанту не было; также на морѣ отпору дать нельзя было, пбо у насъ *корабли были купеческіе*“... „Не трусость и животнлюбіе, измѣна или что нибудь сему подобное намъ руководствовало (показываетъ командиръ Копорскаго полка), но щптали единогласно полезнымъ зберечь знамена и людей и не вступать въ дѣло, коего слѣдствія могли быть безразсудны, щтетны и безъ всякой выгоды“.

Посланному къ шведамъ переговорщчку, адъютанту Бодиско, квартирмейстерской части подпоручику Брозину, дана была инструкція прежде всего осмотрѣть силы непріательскія и до того ни въ какіе переговоры не вступать. Доставленныя имъ свѣдѣнія только подтвердили безвыходность положенія и капитуляція заключена была на слѣдующихъ условіяхъ: шведамъ отдано было все оружіе и патронные ящики, а наши войска, сохранивъ знамена, отпущены были въ Россію, чему шведы обязались не препятствовать.

Тотъ же Брозинъ посланъ былъ съ донесеніемъ Бодиско къ Государю. Выслушавъ его докладъ Императоръ Александръ сказалъ: „*Tout ne peut pas réussir à la guerre. C'était un coup de main; du reste, l'honneur n'a pas été lésé*“¹⁾.

Судьба Готландскаго отряда вызвала распрю между военнымъ и морскимъ министрими, которые, желая каждый оправдать себя въ случившемся, обвиняли другъ друга (М. Д. 104). Чичаговъ указывалъ на ненадежность, якобы, войскъ, только что пополненныхъ рекрутами; Араччеевъ возражалъ, что, не имѣя морской силы, мы не могли воспрепятствовать высадкѣ шведовъ. Въ концѣ концовъ,

¹⁾ М. Д. стр. 103—«Все не можетъ удаваться на войнѣ. Это было нападеніемъ върасплохъ; однако, честь нарушена не была».

как пишет Михайловскій-Данилевскій, „Бодиско сдѣлался жертвою взаимной вражды министровъ“¹⁾. Онъ и офицеры его отряда преданы были суду, результатомъ котораго было отставленіе Бодиско отъ службы, съ высылкой на всегдашнее житіе въ Вологду и лишеніемъ орденовъ. Однако, дѣло этимъ не кончилось; Бодиско былъ помилованъ, возвращенъ на службу и обласканъ Государемъ.

Въ свою очередь, Густавъ IV Адольфъ былъ недоволенъ пріятными Цедерстремомъ условіями капитуляціи, считая, что онъ имѣлъ полную возможность взять русскій отрядъ въ плѣнъ, подобно тому, какъ это произошло на Аландѣ.

Несомнѣнно, что самая посылка отряда Бодиско на островъ Готландъ, по его малочисленности и по невозможности обезпечить его связь съ тыломъ, т. е. съ портами Лифляндіи и Курляндіи, носила въ себѣ напередъ зародышъ неуспѣха. Тѣмъ не менѣе, нельзя оправдывать и распоряженій самого начальника Готландскаго отряда.

Увлеченный своею ролью „губернатора“ острова и явно введенный въ заблужденіе мнимою покорностью жителей, онъ, пренебрегая соображеніями военными, держалъ свои войска въ городскихъ центрахъ, почти исключительно на западномъ побережьи, вдали отъ пункта своей высадки и оставленныхъ тамъ судовъ, ничѣмъ не обезпечивъ себѣ отходъ къ нимъ въ случаѣ неблагоприятнаго оборота дѣлъ. Ходатайствуя о скорѣйшей присылкѣ къ нему поддержаній, Бодиско заботился только о занятіи непремѣнно всѣхъ портовъ на островѣ (въ чемъ свазался морякъ). Стараясь обезоружить жителей, онъ въ тоже время простеръ свое довѣріе къ нимъ до того, что на нихъ возложилъ обязанность зажечь маяки на берегу, какъ только замѣчено будетъ приближеніе какихъ либо судовъ. Ясное дѣло, что никто изъ нихъ и не думалъ предварять русскихъ о приходѣ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемой всѣми ими шведской выручки.

Безвыходное положеніе, въ которое попалъ Бодиско, до нѣкоторой степени служить ему оправданіемъ, чѣмъ и объясняется милость къ нему Государя и полная его реабилитація. Въ силу особенностей положенія своего отряда, Бодиско лишенъ былъ, такъ сказать, физической, возможности прибѣгнуть къ тому послѣднему рѣшенію, которое, по словамъ Г. А. Леера, является единственнымъ честнымъ выходомъ изъ всякаго тактическаго окруженія. Будучи на островѣ и не имѣя военныхъ судовъ, прикрывающихъ транспорты и пункты посадки, Бодиско не могъ пробиваться такъ, какъ это сдѣлалъ Булатовъ подъ Револаксомъ или въ новѣйшее время Лаймингъ подъ Тюренченомъ: безвыходность положенія снимаетъ, дѣйстви-

---

¹⁾ Переписка эта сохранилась въ Архивахъ Морского Министерства.

тельно, съ него всякій упрекъ, тѣмъ болѣе, что имъ были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы сдача осуществилась безъ „поруки чести“.

Таиннымъ образомъ, попытка захватить въ Балтійскомъ морѣ опорные пункты для будущихъ морскихъ операцій и лишить противника приобретаемыхъ отъ того выгодъ, окончилась для насъ неудачею. Неудача эта была естественнымъ исходомъ, такъ оба эти наши предпріятія (захватъ Аланда и Готланда) нельзя иначе характеризовать, какъ примѣняя юридическій терминъ: „покушеніе съ негодными средствами“. Дѣйствительно, не только посланы были, въ видѣ какъ-бы авангардовъ нашему флоту, слабыя сухопутныя силы, но силы эти, не имѣя опоры во флотѣ, были безпомощны, какъ въ смыслѣ активномъ, такъ и пассивномъ. Не имѣя даже гребныхъ судовъ, они лишены были всякихъ развѣдочныхъ средствъ и потому (по выраженію фельдмаршала Румянцева) „уподоблялись слѣпому“ и не могли своевременно избѣгнуть окруженія превосходными силами.

Самый планъ, задуманный Наполеономъ, направитъ ударъ въ южную Швецію соединеннымъ франко-русскимъ десантомъ, могъ быть цѣлесообразенъ только въ случаѣ превосходства на морѣ. Французы вообще были слабы на морѣ, и не могли бы удѣлить сюда морскихъ силъ, привлеченныхъ къ другимъ театрамъ (въ это время развивалась ихъ борьба съ англичанами въ Испаніи); у насъ полная неготовность на морѣ и медлительность морской мобилизаціи препятствовали осуществленію не только этой рискованной идеи, но даже и болѣе узкой затѣи, выразившейся въ захватѣ Аланда и Готланда. Имѣя флотъ еще въ Кронштадтѣ недовооруженнымъ, а гребныя флотиліи—въ началѣ своего формировація, мы не имѣли, въ сущности, права обрекать свои два малочисленныхъ отряда на неизбежную при данныхъ обстоятельствахъ судьбу: быть легкимъ призомъ для противника.

Обратный захватъ Готланда и Аланда давалъ противнику, при послѣдующихъ дѣйствіяхъ на морѣ и десантныхъ операціяхъ, существенныя выгоды. Англійскій и шведскій флоты могли безпрепятственно соединиться и пользоваться Готландомъ, какъ опорой для операцій противъ Прибалтійскаго нашего побережья, если-бы таковыя были предприняты въ цѣляхъ отвлеченія нашихъ силъ отъ Финляндіи. Аландъ давалъ шведамъ въ руки естественный плацдармъ для организаціи высадокъ, на которыхъ основывался весь планъ задуманнаго ими отвоеванія Финляндіи. Въ тоже время, владѣя Аландомъ, пользуясь имъ, какъ опорой для корабельнаго и гребного флота, шведы всегда могли предупреждать наши попытки проникнуть изъ Финскаго въ Ботнической заливъ. Намъ нужно было теперь одолѣть изъ на морѣ, не теряя времени, пока еще силы ихъ

представлялись раздѣленными; пока еще не прибыли англійскія подкрѣпленія. Но, по состоянію нашихъ морскихъ силъ, по ихъ готовности, мы лишены были возможности это сдѣлать.

Всѣ отданныя въ распоряженіе главнокомандующаго графа Буксгевдена морскія средства были первоначально сосредоточены въ рукахъ вице-адмирала Сарычева, назначеннаго комендантомъ взятаго нами Свеаборга.

Высочайшее соизволеніе на это назначеніе послѣдовало 25-го апрѣля, и въ тотъ же день морской министръ далъ Сарычеву предписаніе отправиться въ Свеаборгъ и явиться графу Буксгевдену. вмѣстѣ съ тѣмъ на Сарычева возлагались нижеслѣдующія „главнѣйшія обязанности“: а) принять „въ главное начальство портъ и состоящую въ ономъ флотилію“, привести первую въ надлежащую исправность, а портъ—въ оборонительное состояніе, „стараясь защищать оный со всею дѣятельностью“ въ случаѣ покушенія непріятели; б) обо всемъ найденномъ въ портѣ сообщить свѣдѣнія съ показаніемъ годнаго и негоднаго къ службѣ имущества, и в) въ командованіи портомъ и флотиліею „поступать по общимъ правиламъ согласно съ постановленіемъ, изданнымъ для нашихъ главныхъ портовъ“¹⁾. Такимъ образомъ, никакихъ опредѣленныхъ указаній объ установленіи командныхъ отношеній къ главнокомандующему сдѣлано *не было*. Этотъ существенный вопросъ тщательно обходится и въ письмѣ Чичагова къ графу Буксгевдену отъ 2-го мая 1808 года за № 1070²⁾, въ которомъ лишь *сообщаются объ распоряженіи*, сдѣланныя морскимъ министромъ въ видахъ облегченія возложенной на новаго коменданта задачи³⁾.

Вице-адмиралъ Сарычевъ прибылъ въ Свеаборгъ въ ночь на 2-е мая 1808 г. На другой день, 3-го мая, уже онъ представилъ Чичагову свѣдѣнія о состояніи морского имущества въ крѣпости, а 9-го мая донесъ о томъ, что по распоряженію главнокомандующаго „предписано всѣмъ войскамъ, находящимся въ Свеаборгскихъ укрѣпленіяхъ, состоять подъ начальствомъ моимъ „по части гарнизонной“.

18-го мая графъ Буксгевденъ извѣстилъ Сарычева о полученныхъ имъ тревожныхъ извѣстіяхъ, рѣшительно убѣждающихъ его „о намѣреніяхъ непріятели дѣйствовать противу береговъ нашихъ со всею

¹⁾ Дѣло Департамента морского министра № 1079, 1808 г., стр. 33-я.

²⁾ Тамъ же, стр. 65.

³⁾ Характерно, между прочимъ, что въ этомъ письмѣ Чичаговъ рекомендуетъ недостающее въ Свеаборгѣ число морскихъ чиновъ и служителей «дополнить найденными въ Свеаборгѣ людьми, кои въ оной Финляндіи способными къ сему отыщутся, и на вѣрность копѣ по совершенномъ завладѣніи нами сего края положиться, думаю, можно». Не слѣдуетъ забывать, что это писалось еще 2-го мая, т. е. до начала констатцескихъ дѣйствій. Тѣмъ не менѣе лодчаны свеаборгскіе, въ числѣ 14 человекъ, поступили въ нашу службу, а также нѣкоторые мастеровые. (Рапортъ Сарычева морскому министру отъ 9-го мая 1808 г. № 30).

силою“, причѣмъ непріатели „раздаютъ жителямъ оружіе и дѣятельно возмущаютъ ихъ противу насъ, въ чемъ, по наклонности сихъ островитянъ къ шведскому правительству, весьма успѣваютъ“. Въ виду этого Буксгевденъ торопился съ отправленіемъ „первой части“ канонерскихъ лодокъ и давалъ наставленіе для дѣйствій этого авангарднаго эшелона. Ему надлежало, начиная отъ Гангута, повсюду снимать лоцмановъ, знающихъ шхерные проходы, съ тѣмъ, чтобы „черезъ сіе *лишить непріателя возможности имѣть у себя вѣрныхъ проводниковъ*“. На всѣхъ островахъ, особенно значительныхъ, высаживать команды для обезоруженія жителей; людей же, „имѣющихъ большую довѣренность и силу въ народѣ... брать въ аманаты и, при случаѣ, отсылать въ Або“, внушая при этомъ жителямъ, что „если обитатели не будутъ спокойны и не перестанутъ вмѣшиваться въ военныя дѣла, то дома ихъ будутъ сожжены и главные зачинщики растрѣяны и вѣшаны“. При этомъ надлежало усиленно распространять слухъ, что за первую эскадру слѣдуетъ еще нѣсколько, а затѣмъ—сильный гребной флотъ изъ Петербурга. Первый эшелонъ гребной флотилии долженъ былъ какъ можно быстрѣе пройти мимо Гангута въ Абоскія шхеры и занять Оминне, гдѣ сходятся фарватеры отъ Або и изъ сѣверныхъ шхер¹⁾.

Все это совпало по времени съ приведенной нами выше полемикой между Чичаговымъ и графомъ Буксгевденомъ по вопросу объ усиленіи морскихъ средствъ въ распоряженіи главнокомандующаго. Дабы убѣдить Чичагова въ необходимости энергичнѣе принимать мѣры по приведенію въ боевую готовность нашего флота, хотя бы только гребного, графъ Буксгевденъ сообщалъ ему 27-го мая о полученныхъ имъ изъ нѣсколькихъ источниковъ вполне согласованныхъ между собою свѣдѣніяхъ о томъ, что „на Аландѣ шведы имѣютъ уже болѣе ста однихъ канонерскихъ лодокъ, кромѣ множества перевозныхъ и рыболовныхъ довольно большихъ судовъ съ сухонутными войсками“²⁾. Опровергая мнѣніе Чичагова о возможности оборонять берега безъ достаточно сильной флотилии, Буксгевденъ настойчиво просилъ послѣдить съ подкрѣпленіями и требовать отъ Сарычева, чтобы онъ двигалъ все, что возможно изъ Свеаборга³⁾. Наряду съ этимъ изъ Кронштадта 26-го мая

¹⁾ Составъ этого 1-го эшелона приведенъ выше. Къ предписанію графа Буксгевдена была приложена карта, на которой были иллюминированы краснымъ цвѣтомъ острова, уже захваченные непріателемъ (собственно Аландскій архипелагъ), а бѣлымъ,—шхеры и острова, прилегающіе къ матеріку и «составляющіе удѣлъ Россіи».

²⁾ Тамъ же, стр. 154.

³⁾ Изъ всенеподданнѣйшаго доклада морского министра Государю отъ 12-го іюня видно, что Сарычевъ, сверхъ первыхъ двухъ эшелоновъ, изготовилъ еще флотилію въ 25 канонерокъ и 51 яловъ, съ добавкомъ транспортныхъ и 4-хъ парусныхъ судовъ.

посланъ былъ отрядъ парусныхъ судовъ подъ начальствомъ графа Гейдена, который прибылъ въ Свеаборгъ 28-го мая. Въ составъ этого отряда входили 2 фрегата („Аргусъ“ и „Быстрый“), 2 корвета („Шарлотта“ и „Помона“) и 2 катера („Соколы“ и „Опытъ“). 4-го іюня вице-адмиралъ Сарычевъ, получивъ свѣдѣнія о томъ, что въ виду Гангута показывалась 27-го мая непріятельская *корабельная* эскадра, рѣшилъ произвести рекогносцировку и провѣрить эти свѣдѣнія. Для этой цѣли онъ назначилъ корветъ „Шарлотту“ и катеръ „Опытъ“, давъ начальнику развѣдочнаго отряда предписаніе „отправиться для крейсированія отъ сего порта (т. е. Свеаборга) до Гангута, располагая плаваніемъ ваше по сей части Финскаго залива такъ, чтобы оба берега его были осматриваемы и для того одно изъ судовъ, вамъ поручаемыхъ, должно держаться ближе къ южнымъ берегамъ, но такъ, чтобы оба судна были въ виду одинъ отъ другого и могли взаимно черезъ сигналы имѣть сношеніе и въ случаѣ надобности соединиться вскорѣ“¹⁾.

Цѣлью отправленія ставилось: „примѣчать за движеніемъ непріятельскаго флота“, о которомъ изъ Гангута пзвѣщали, что тамъ показывалась непріятельская эскадра изъ 9-ти судовъ.

Корветъ „Шарлотта“, усмотрѣвъ у Гангута значительное количество непріятельскихъ судовъ, уклонился отъ столкновенія съ ними и, какъ двигавшійся южнѣе (см. предписаніе), укрылся въ Балтійскомъ портѣ. Въ свою очередь, вице-адмиралъ Сарычевъ, безпокоясь объ участи „Шарлотты“ и получивъ свѣдѣніе о появленіи сильной эскадры противника на меридіанѣ Свеаборгъ, послалъ катеръ „Опытъ“ (вернувшійся обратно какъ только утералъ корветъ изъ вида) на поиски „Шарлотты“ для возвращенія ея назадъ въ портъ.

Катеръ „Опытъ“ былъ подъ командою капитанъ-лейтенанта Невельскаго, имѣлъ въ качествѣ артиллеріи всего на всего 14 двѣнадцатифунтовыхъ карронадъ; судно было деревянное и даже не скрѣпленное металлическими болтами, а деревянными нагелями.... Миновавъ Наргенъ, Невельской увидѣлъ большое трехмачтовое судно, которое сперва принялъ за „Шарлотту“; но скоро ошибка обнаружилась; это былъ 50-пушечный англійскій фрегатъ, который быстро нагналъ наше утлое суденышко и началъ осыпать его ядрами. Видя, что на парусахъ не уйти, Невельской попытался спастись на веслахъ; вмѣстѣ съ офицерами и всею командою (45 человекъ), принялись они всѣ дружно грести, оглашая море кликами „ура!“. Замѣтивъ вблизи мель, Невельской направилъ свой катеръ на нее, думая разбиться на камняхъ, лишь бы только не сдаваться; но, на бѣду, ударилъ шквалъ,

¹⁾ Дѣло Департамента морск. мин. № 1079 1808 г., стр. 157.

весла частью переломало, катеръ отшвырнуло въ сторону; непріятель нагналъ. Команда бросила гресь и стала у пушекъ. „Флагъ долой!“, закричали по-русски съ англійскаго фрегата. Наши перекрестились и молчали. Тогда англичане открыли огонь изъ полевыхъ орудій, намѣренно щадя жизнь храбрецовъ. Но наши отвѣтили дружнымъ залпомъ своихъ пушечныхъ, и ядра ихъ дерзко вонзились въ корпусъ непріятельскаго судна. Англичане остервенѣли и начали обстрѣливать катеръ уже въ серьезъ, сокрушая на немъ всѣ мачты и такелажъ: но Невельской продолжалъ отчаянно сражаться и наносить противнику не малые потери. Наконецъ, полуразбитый катеръ сталъ тонуть; трюмъ наполнялся водою, палуба была покрыта убитыми и ранеными, въ числѣ послѣднихъ истекалъ кровью самъ Невельской. Фрегатъ прекратилъ огонь и снова потребовалъ сдачи. „Сдаемся“, крикнулъ офицеръ, заступившій мѣсто лишившагося чувствъ Невельскаго. Однако, флага спустить не согласился. Вооруженная шлюпка отвалила отъ фрегата, въ ней находился докторъ, который началъ перевязывать раненыхъ. Англійскій офицеръ отказался принять шпагу Невельскаго, заявивъ, что честь эта принадлежитъ только командру фрегата. Послѣдній же совершенно отказался лишиться Невельскаго оружія. Когда вступившіе на палубу „Оныта“ англичане пожелали спустить кормовой флагъ, то это оказалось невозможнымъ, до такой степени крѣпко прирученъ онъ былъ веревками къ флакштоку.

При разлѣнѣ плѣнныхъ Невельской со своею командою возвращенъ былъ въ Россію и уволенъ въ отпускъ для леченія болѣзни съ сохраненіемъ содержанія, а по излеченіи Высочайше повелѣно всегда назначать его командиромъ судна; ему выдано 3.000 рублей награды изъ суммъ Его Величества, офицерамъ не въ зачетъ годовое жалованье, а командѣ сокращена служба, и люди назначены на придворныя суда въ загородные дворцы.

Это было первое столкновеніе на морѣ, показавшее, что въ критическія минуты доблесть нашихъ моряковъ—выше всякой похвалы. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это же столкновеніе указало и на слабыя стороны нашихъ моряковъ: развѣдочная задача, намѣченная адмираломъ Сарычевымъ, такъ и не была выполнена, и точныхъ свѣдѣній о силахъ непріятельскаго флота въ районѣ Гангута такъ и не было добыто. Между тѣмъ, существенно важно было, для успѣха дальнѣйшихъ дѣйствій на морѣ, опредѣлить мѣсто сосредоточенія непріятельскаго корабельнаго флота, а также, успѣли ли англійскія суда придти на соединеніе со шведскими, и въ какихъ именно силахъ.

Чтобы судить о взаимномъ положеніи сторонъ на морѣ къ этому времени, необходимо обратиться къ нашему противнику.

По полученіи въ Стокгольмѣ извѣстія о захватѣ русскими войсками Готланда, а затѣмъ,—о паденіи Свеаборга, въ Швеціи сильно забеспокоились. Опасались, что занятіе нами Готланда есть признакъ намѣренія нашего, подкрѣпивъ этотъ головной отрядъ, учинить высадку непосредственно вблизи Стокгольма¹⁾. Поэтому, независимо отъ снѣжной посылки судовъ для отобранія у насъ Готланда раньше, чѣмъ мы успѣемъ изготовиться и поддержать этотъ отрядъ, шведы поспѣшили отрядить особое развѣдочное судно крейсировать между Аландомъ и Готландомъ, наблюдая выходъ изъ Финскаго залива, а Густавъ IV Адольфъ послалъ адмирала фонъ-Раялина въ Шонію, чтобы условиться съ начальникомъ англійской эскадры относительно будущихъ операцій противъ русскихъ морскихъ силъ.

Король желалъ направить часть англійскаго флота въ Финскій заливъ на Гангэ²⁾; но англичане уклонились отъ этого и тогда имъ былъ предложенъ такой планъ: весь шведскій флотъ сосредоточится и двинется на Гангэ, а англійскія суда должны замѣнить его крейсера эскадры, т. е. въ западной части Балтики, въ датскихъ водахъ, и въ южной части Балтійскаго моря, у побережья нашего Прибалтійскаго края. Первая эскадра, какъ уже мы знаемъ, имѣла цѣлью препятствовать высадкѣ датско-французскихъ войскъ въ Шонію, а вторая — наблюдать за нашимъ побережьемъ, на случай какой-либо новой съ этой стороны наступательной попытки. Когда, послѣ долгихъ переговоровъ, было, наконецъ, окончательно рѣшено, что активная роль въ Балтикѣ будетъ принадлежать шведскому флоту, а англійскому лишь вспомогательная, то шведскому адмиралу Цедерстрему было дано королемъ предписаніе³⁾ сосредоточить всѣ имѣющіяся въ Карлскронѣ суда, снабдить ихъ водою и провіантомъ и, какъ возможно скорѣе отплыть со всѣмъ корабельнымъ флотомъ къ Гангуту съ цѣлью помѣшать *русскому шхерному флоту* раньше пройтіи здѣсь, каковая цѣль является весьма важною для обезпеченія шведскихъ береговъ⁴⁾.

Одновременно Король сообщилъ, что русскихъ судовъ въ Балтійскомъ морѣ имѣется не болѣе 10⁴⁾ и, что англійскій адмиралъ Сомарецъ общалъ выслать часть своихъ линейныхъ кораблей къ Гангеудду, въ поддержку шведскому флоту, причемъ корабли эти *не подчиняются шведскому адмиралу, а образуютъ собою самостоятельную „легкую“ эскадру.*

Отсюда видно, что огромное значеніе Гангутской морской позиціи сознавалось обѣими сторонами и разыгрывалось какъ бы своего рода

¹⁾ Sv. kr. 1808—09, т. IV, стр. 143.

²⁾ Гангэ—весь полуостровъ; Гангеуддъ—его юго-западный мысъ.

³⁾ 23-го мая (11-го мая) 1808 г. (см. Sv. kr. 1808—09, т. VI, стр. 146—147).

⁴⁾ Въ дѣйствительности—и того не было.

состязаніе на скорость,—кто раньше ея завладѣтъ. Шведамъ захватъ ея былъ очень важенъ, такъ какъ они этимъ способомъ прерывали всякую возможность обоимъ нашимъ флотамъ, и корабельному, и особенно галерному, проникнуть въ Абоскія воды и, слѣдовательно, далѣе въ Ботнической заливъ.

Но задача захвата этой позиціи съ цѣлью воспрепятствованія нашимъ шхернымъ эскадрамъ выйти изъ Финскаго залива возложена была на весь шведскій *корабельный* флотъ. Единственнымъ правильнымъ употребленіемъ послѣдняго должно быть искать *корабельный же флотъ непріятеля* и стремиться его *обезвредить*, либо разбивъ въ открытомъ бою, либо заблокировавъ. Ставить же себѣ задачей преградить движеніе вдоль берега *гребнымъ* флотиліямъ,—являлось совершенно неподходящимъ дѣломъ для цѣлой сильной эскадры *парусныхъ* судовъ, къ тому же не отвѣчало и конструктивнымъ ея особенностямъ: глубокосидящіе корабли не могли даже подойти туда, гдѣ мелкосидящія галеры свободно и безпрепятственно могли проскользнуть у нихъ, такъ сказать, подъ носомъ.

Тѣмъ не менѣе Цедерстрему ничего не оставалось иного, какъ исполнить приказанное.

Къ началу 2-й половины мая англійскія суда стали показываться въ Балтійскомъ морѣ, и 11-го, какъ разъ въ день отдачи вышеупомянутаго предписанія, шведскіе крейсера вошли въ соприкосновеніе съ „легкою эскадрою“ адмирала Гуда, посланнаго съ 3-мя линейными кораблями и 3-мя мелкими парусными судами для „содѣйствія“ шведскому флоту.

Такимъ образомъ, помощь, оказанная англичанами своему союзнику, въ результатѣ сводилась къ весьма ничтожной поддержкѣ. Весь англійскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Сомареца, всего 36 вымпеловъ, остался въ южной части Балтійскаго моря, гдѣ роль его ограничилась захватомъ нѣсколькихъ русскихъ купеческихъ судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ. Незадолго передъ тѣмъ произошелъ уже извѣстный читателямъ эпизодъ съ внезапнымъ отплытіемъ союзнаго десанта генерала Мура, и въ результатѣ шведы на морѣ оказались предоставленными почти исключительно собственнымъ силамъ.

Двусмысленное поведеніе англичанъ въ эту войну слишкомъ очевидно даже безъ документальнаго на то подтвержденія.

Въ Стокгольмѣ, между тѣмъ, были весьма недовольны медленностью сборовъ Цедерстрема, и король все время побуждалъ его предписаніями. Въ концѣ концовъ, только 22-го мая, подъ вечеръ, эскадра Цедерстрема, изъ 7-ми линейныхъ кораблей, 3-хъ бриговъ и нѣсколькихъ развѣдочныхъ судовъ (приспособленныхъ изъ коммерческихъ), вышла въ море и направилась къ Гангуту, остальные суда

присоединилсь къ ней по одиночкѣ, по мѣрѣ готовности своей, такъ что полностью всѣ суда (11 линейныхъ кораблей, 2 фрегата и 8 меньшаго размѣра судовъ) собрались только къ 4-му юня. Цедерстремъ произвелъ отдѣльными судами рядъ рекогносцировокъ въ направленіи на Ганге, Ревель и Балтійскій портъ, которыя выяснили шведамъ, что главныя силы русскаго корабельнаго флота еще не выходили изъ восточныхъ портовъ Финскаго залива, а гребные эшелоны вышедшихъ изъ Свеаборга уже *устыли благополучно проскользнуть мимо Гангута*¹⁾.

Что же касается до англійскихъ судовъ адмирала Гуда, то одно изъ нихъ натенулось 4-го юня на нашъ „Опытъ“, результатомъ чего и былъ вышеописанный первый морской бой въ эту войну.

5-го юня Цедерстремъ получилъ отъ короля новыя приказанія, сущность которыхъ заключалась въ томъ, чтобы для прегражденія доступа русскому галерному флоту въ Абовскія шхеры *завладѣть Гангеудскими укрѣпленіями посредствомъ бомбардированія*, а если это „окажется невозможнымъ выполнить“, то попытаться задержать шхерныя суда непріятеля въ морѣ, по западную сторону Гангеудскаго полуострова, при содѣйствіи своего „армейскаго“ флота, который долженъ завязать съ непріятельскою флотиліею фронтальный бой²⁾.

Посланныя Цедерстремомъ развѣдочныя суда опрашивали мѣстныхъ лоцмановъ и рыбаковъ и отъ нихъ освѣдомились, что 31 непріятельскія канонерскія лодки съ значительнымъ количествомъ вооруженнаго экипажа уже прошли къ сѣверу. Такимъ образомъ, Цедерстремъ, собравшій къ этому времени всю свою эскадру, оказывается, не выполнилъ главной возложенной на него задачи. Почему же пришлось возлагать ее на корабельный, а не на галерный флотъ?

Начальнику „армейскаго“ флота адмиралу барону Лагербельке было еще въ концѣ 1807 года приказано войти съ предположеніемъ относительно расходовъ, необходимыхъ для приведенія въ готовность этой отрасли морскихъ вооруженныхъ силъ Швеціи, которой придавали столько значенія. Засимъ, въ январѣ 1808 года приказано было начать приводить „въ готовность къ оборонѣ шхерный флотъ и принадлежащія къ оному суда“, а затѣмъ сосредоточить воедино всѣ отдѣльныя шхерныя эскадры, дабы „въ совокупности съ большимъ (т. е. корабельнымъ) флотомъ сдѣлать попытку высадки“³⁾.

Общее количество судовъ галернаго флота въ Швеціи достигало 104 канонерокъ и 60 іоловъ, изъ коихъ 44 канонерки и всѣ іолы

¹⁾ 28-го мая. См. журналъ Воен. дѣйствій Буксгевдена стр. 146.

²⁾ Sv. kriget 1808—1809, т. IV, стр. 155. Приказъ короля отъ 9-го юня нов. стиля.

³⁾ Sv. kr. 1808—1809, т. IV, стр. 157.

были въ Финляндіи, въ Свеаборгѣ, Або и Варкоусѣ. Въ послѣднихъ двухъ пунктахъ суда были передъ отступленіемъ сожжены, а Свеаборгскій комендантъ не выполнилъ даннаго ему таковаго же приказания относительно Свеаборгской флотиліи, и она, какъ извѣстно, цѣликомъ досталась въ наши руки.

• Такимъ образомъ, сила армейскаго флота сократилась болѣе, чѣмъ на половину, хотя на всѣхъ верфяхъ, еще съ начала 1808 года строились и снаряжались новыя гребныя суда для усиленія галернаго флота, но только съ начала іюля мѣсяца начали они постепенно сходить съ эллинговъ и вооружаться. Заботами губернаторовъ (ландсгевдинговъ) собирались также суда реквизиціоннымъ способомъ, но такихъ набрано всего не болѣе 20 ¹⁾.

Затрудненія встрѣчались въ присканіи надлежащаго числа мастеровъ. Ихъ собирали чуть не со всей Швеции. А затѣмъ—надо было набрать экипажи на вновь сооруженныя канонерки. Все это въ общей сложности отражалось на готовности шхернаго флота, такъ что къ концу мая, когда первые эшелоны нашихъ шхерныхъ флотилій уже прошли къ Або, шведскій шхерный флотъ еще только сосредоточивался на Аландскихъ островахъ.

Отсюда видно, какое огромное значеніе имѣлъ захватъ намъ при сдачѣ Свеаборга въ полной неприкосновенности всей тамошней шхерной флотиліи. Это обстоятельство, съ одной стороны—*задержало, выходя въ море остальныхъ силъ шведскаго гребного флота изъ портовъ коренной Швеции*, а съ другой—дало намъ возможность *предупредить шведовъ* и раньше перебросить въ Або первые эшелоны нашей шхерной эскадры, *цѣликомъ сформированные изъ этой военной добычи*.

Согласно представленной шведскому королю адмираломъ фон-Раоялинымъ памятной записки (еще въ апрѣлѣ 1808 года) преградить доступъ въ Абовскія шхеры русскимъ гребнымъ судамъ должна была именно Свеаборгская флотилія, при *содѣйствіи* большого флота.

Остальная часть шхернаго флота, собравшись въ Стокгольмѣ, должна была опираться на Аландскіе острова съ цѣлю занять здѣсь „оборонительную позицію“ для защиты доступовъ къ берегамъ Швеции. Къ тому времени, когда пришлось шведскимъ морскимъ силамъ начать дѣйствовать, обстановка существенно измѣнилась не въ ихъ пользу, благодаря потерѣ Свеаборга; но все-таки можно было воспользоваться остальными силами шхернаго флота, чтобы, пользуясь кратчайшими разстояніями и знаніемъ мѣстности, успѣть загородить нашимъ гребнымъ судамъ путь на Або, да еще нанести имъ ударъ по частямъ, благо они, какъ въ дѣйствительности оказалось, шли туда пакетами, по мѣрѣ изготовленія.

¹⁾ Sr. Kr. IV стр. 162.

Но „дух обороны“, видимо, возобладал над нашим противникомъ. Сосредоточившійся въ водахъ Аландскаго архипелага во 2-й половинѣ мая главныя силы Стокгольмской эскадры гребного шведскаго флота получили такую инструкцію, по которой имъ надлежало „занять позицію“ въ Аландскихъ шхерахъ, выдѣливъ авангарды на Кумлинге съ цѣлью „воспрепятствовать превосходному въ силахъ непріятельскому шхерному флоту“ проникнуть къ берегамъ Швеціи. Такимъ образомъ, цѣль гребному флоту поставлена была *совершенно пассивная*, не обращая при этомъ вниманія на полное разногласіе этой задачи съ тою, которая (см. выше) почти одновременно ставилась корабельному флоту. Послѣдній, двинувшись къ Гангуту, оказался, такимъ образомъ, лишень поддержки своего шхернаго флота. Вскорѣ, однако, шведское морское начальство поняло свою ошибку и отдало было шхерной флотиліи новое приказаніе (5-го іюня, см. выше):—присоединиться къ своему корабельному флоту и обратиться противъ непріятельскихъ гребныхъ судовъ. Но—оказалось уже поздно. Тогда часть шведскихъ гребныхъ судовъ, при поддержкѣ нѣсколькихъ парусныхъ, произвели 31-го мая отдѣльный поискъ на Нюштадтѣ, цѣлью котораго было отвлечь вниманіе нашихъ сухопутныхъ войскъ, обороняющихъ побережье, на сѣверъ, въ цѣляхъ облегченія подготавливаемой уже въ то время на Аландѣ высадки фонъ-Фегезака. Независимо сего, содѣйствіе этой высадкѣ со стороны корабельнаго флота и главныхъ силъ шхерной флотиліи должно было выразиться въ направленіи Юнгферзунда и Гангеудда съ тѣмъ, чтобы обезнечить правый флангъ десантнаго отряда, на случай появленія новыхъ русскихъ морскихъ силъ изъ Финскаго залива. Опасеніе это было напрасно, такъ какъ въ это время ничего на морѣ мы еще не могли выставить, кромѣ бывшей Свеаборгской эскадры, которая *уже была* въ Або.

Десантная операція фонъ-Фегезака у Лемо, какъ извѣстно, окончилась неудачно. Между прочимъ, при своемъ отступленіи, фонъ-Фегезакъ получилъ извѣстіе, что новая непріятельская флотилія прослѣдовала черезъ Юнгферзундъ (это былъ уже второй эшелонъ Свеаборгской эскадры). Извѣстіе это, доведенное до свѣдѣнія Густава-Адольфа IV (который уже прибылъ лично къ тому времени на Аландѣ) побудило его приказать начальнику шхернаго флота адмиралу Гельмшернѣ произвести поискъ въ Абовскихъ шхерахъ въ направленіи на Або, съ цѣлью перехватить эту часть русской флотиліи и попытаться разбить ее отдѣльно. Тѣмъ временемъ Гельмшернъ уже узналъ о неудачномъ исходѣ предпріятія фонъ-Фегезака, а также о томъ, что обѣ наши шхерныя эскадры соединились и выдвинулись передъ Або. Поэтому Гельмшернъ, считая свои силы слабыми, а также подѣ

вляніемъ недавней неудачи десанта у Лемо и въ виду не прекращавшагося противнаго вѣтра, уклонялся отъ столкновения; тѣмъ болѣе— онъ 12-го іюля получилъ извѣстіе о томъ, что новая русская эскадра прошла Юнгферзундъ. Но на другой же день пришло отъ короля новое, еще болѣе категорическое приказаніе, въ которомъ выражалась увѣренность, что адмиралъ уже выступилъ „для уничтоженія своего противника“. Выдѣливъ тогда часть своихъ силъ къ Юнгферзунду, чтобы задержать въ этомъ узкомъ дефиле русскія подрѣпленія, если бы таковыя появились снова изъ Финскаго залива, Гельмшерна двинулся самъ въ направленіи къ Або, выслать впередъ развѣдочныя суда ¹⁾. Какъ разъ въ это самое время графъ Буксгевденъ рѣшилъ по дошедшимъ до него о передвиженіяхъ шведскаго флота свѣдѣніямъ что непріятель прежде всего намѣренъ перервать связь между Або и Гангеуддомъ, гдѣ-либо въ окрестностяхъ острова Кимпто, съ тѣмъ чтобы въ дальнѣйшемъ пытаться овладѣть именно Гангеуддомъ. Мы уже знаемъ изъ предыдущаго, какое важное значеніе придавалъ этому пункту Буксгевденъ. Онъ считалъ наступленіе Гельмшерны предпринятымъ съ цѣлью *помышлять русской Абовской флотиліи поддержать Гангеуддъ*. Съ захватомъ послѣдняго шведы, по мысли Буксгевдена, получали опору для производства новой высадки, но уже гдѣ-либо восточнѣе, положимъ, на полуостровѣ Поркалаудѣ, для угрозы съ тыла самому Гельсннгфору ²⁾.

Эти то опасенія и привели къ *раздѣленію силъ* нашей гребной флотиліи; часть ея послана была къ Юнгферзунду; часть поддерживала береговые посты; часть ушла на развѣдки.. Въ результатѣ въ рукахъ Мякниина (лейтенанта, временно заступившаго мѣсто начальника гребной флотиліи капитана 1 ранга Селиванова) оставалось всего 12 канонерокъ и 2 іола. Шведская гребная эскадра, подъ начальствомъ адмирала Гельмшерна, въ превосходныхъ сплахъ, появилась около полудня 18-го іюня въ виду нашей (близь о. Ганго южнѣе Або) и, двигаясь въ косвенномъ порядкѣ, открыла огонь; но отвѣтная стрѣльба нашей артилеріи была настолько успѣшна, что шведы пришли въ разстройство и отошли. Однако, нападеніе было повторено, причемъ противникъ, получившій подрѣпленіе, пытался прорвать нашу линію, но безуспѣшно. „Тщетно шведскій адмиралъ (какъ доносилъ впоследствии графъ Буксгевденъ) понуждалъ лодки къ порядку, тщетно многія изъ нихъ подходили на самое близкое разстояніе; общее смятеніе, крикъ, множество обломковъ, снастей, покрывавшихъ море, были яснымъ знакомъ ихъ большой потери“. Къ вѣщему неблагополучію шведовъ, задуть противный для нихъ вѣтеръ, и къ намъ

¹⁾ Sv. Kr. 1808—09, IV стр. 27.

²⁾ См. Журналъ военныхъ дѣйствій графа Буксгевдена отъ 13 и 16-го іюня 1808 г.

подоспѣли вернувшіяся изъ крейсерства 2 канонерки и 1 юль. У непріятели было разбито 4 судна, изъ коихъ одна канонерка приткнулась на мель у острова Ганго, гдѣ и была брошена, утопивъ свои орудія. Съ подходомъ къ вечеру подрѣвленія изъ 15-ти судовъ, шведы, пользуясь наступленіемъ сумерокъ, отошли къ востоку, прикрываясь островомъ Крампе. Капитанъ 1 ранга Селивановъ, по возвращеніи своемъ, отдалъ приказаніе флотиліи отходить ближе къ Або, такъ какъ вышеупомянутое движеніе шведовъ грозило отрѣзать наши суда отъ материка. Отходъ этотъ былъ мастерски исполненъ подъ покровомъ ночи, такъ что на утро шведы съ удивленіемъ замѣтили исчезновеніе противника. вмѣстѣ съ тѣмъ послано приказаніе всѣмъ отъомандированнымъ судамъ возвращаться къ Або.

Новая позиція для гребной флотиліи избрана была всего въ 8-ми верстахъ передъ Або, между островами Рунсало и Хирвисало. 20-го іюня гребной шведскій флотъ, въ количествѣ не менѣе 58 судовъ разнаго типа, подошелъ на 3 версты къ нашей флотиліи, но остановился и не предпринималъ никакихъ дѣйствій до вечера 22-го числа. Въ этотъ же день, въ 6 часовъ пополудни, сперва къ нашему авангарду приблизились шесть канонерокъ и завязали перестрѣлку, подъ прикрытіемъ которой двинулась длинная линія судовъ; на лѣвомъ крылѣ ея находились, сзади канонерокъ, баржи съ десантомъ. Повидимому, непріятель имѣлъ намѣреніе произвести высадку на островѣ Рунсало и, дѣйствуя оттуда во флангъ и тылъ нашей флотиліи, заставить ее прекратить бой. Находившійся здѣсь дежурный генералъ финляндскаго корпуса, генералъ-маіоръ Коновницынъ, разгадалъ это намѣреніе и успѣшилъ занять выдающійся мысъ на этомъ островѣ стрѣлками. Такимъ образомъ, этотъ маневръ шведовъ былъ парализованъ.

Флотилія наша, въ числѣ 26 судовъ, построилась въ одну линію въ продѣвъ между Рунсало и Хирвисало, выдѣливъ 3 канонерки уступомъ впередъ для прикрытія своего лѣваго фланга, противъ котораго шведы напрягали особыя усилія. Однако, мы удерживали ихъ все время безустаннымъ огнемъ съ самаго близкаго разстоянія. На тотъ же флангъ произведена была противникомъ атака 12-ю канонерками, а транспортныя суда двинулись къ острову Рунсало; но правый нашъ флангъ тотчасъ же подался впередъ, а стрѣлки, бывшіе на островѣ, открыли частый огонь и попытка десанта была отбита. Тогда шведы усилили огонь противъ обохъ нашихъ фланговъ, заставили ихъ нѣсколько отступить, послѣ чего обрушились на центръ. Но передовая шведская галера была встрѣчена, по распоряженію Коновницына, 5-ю нашими канонерками, подбита и выведена на буеспрѣ изъ подъ выстрѣловъ; та же участь постигла и слѣдую-

щія за нею въ кильватерѣ суда. Наступила ночь, но шведы и не думали прекращать своихъ атакъ и продолжали учащенно обстрѣливать нашу флотилію. Наконецъ, они тронулись впередъ всеѣмъ фронтомъ. Въ отвѣтъ всеѣ наши гребныя суда разомъ налегли на весла и съ громкимъ „ура!“ ринулись на встрѣчу шведамъ, осыпая ихъ картечью. Этотъ отвѣтный натискъ рѣшилъ дѣло. Противникъ, не ожидавшій столь смѣлаго контръ-удара, смѣшался, суда его пришли въ разстройство и стали по-одиночкѣ искать себѣ укрытія за островами. Послѣ преслѣдованія на протяженіи не болѣе версты, наши суда возвратились на свое прежнее мѣсто.

Этотъ молодецкій бой гребной эскадры у Хирвисало стоилъ намъ весьма небольшихъ потерь (10 убитыхъ и 15 раненыхъ); повреждено 9 канонерокъ и 2 юла, причемъ, согласно донесенію Коновницына, ни одно изъ этихъ судовъ не выходило изъ строя, производя исправленіе подъ огнемъ и затѣмъ снова вступая въ бой... У шведовъ всего повреждено до 20 судовъ.

Такимъ образомъ, покушеніе противника противъ нашего гребного флота окончилось на первый разъ неудачею. Это имѣло для насъ существенно важное значеніе, такъ какъ затрудняло противнику производство столь желательныхъ ему высадокъ, а у нашихъ моряковъ прибодрило духъ, ибо противникъ, столь кичившійся своимъ превосходствомъ на морѣ и въ особенности своей Шхерной флотиліей, оказалъ и въ этомъ родѣ боя не непобѣдимымъ. Бой мелкихъ судовъ въ связи съ берегомъ—это именно тотъ морской бой, который со времени Великаго Петра сродни нашему флоту; тѣсная связь гребного флота съ берегомъ, съ сухопутными войсками, въ Хирвисальскомъ бою выразилась особенно рельефно, не только въ содѣйствіи стрѣлковъ на Рунсало, сыгравшемъ столь существенную роль, но и въ общемъ управленіи боемъ, которое, оказавшись въ рукахъ сухопутнаго генерала, отъ этого не потерпѣло ни малѣйшаго ущерба.

Въ шведскихъ источникахъ эти неудачныя активныя попытки Гельмшерны приписываются преувеличенному представленію шведскаго адмирала о силахъ своего противника, что помѣшало-де ему нанести русской флотиліи болѣе рѣшительный ударъ¹⁾. Въ концѣ концовъ Гельмшерна остался только наблюдать за выходами отъ Або, съ цѣлью встрѣтить нашу флотилію новымъ боемъ, если она повторитъ активную попытку.

Извѣстіе о томъ, что русскій гребной флотъ, хотя и отбилъ направленные на него удары, но вынужденъ былъ снова вернуться въ Або, побудило короля Густава-Адольфа IV отправиться лично на

¹⁾ Sveriges kriget 1808—09, т. IV, стр. 293.

театръ шхерныхъ операций. Онъ назначилъ герцога Карла Зюдерманландскаго (впослѣдствіи король Карлъ XIII) главнокомандующимъ всѣхъ войскъ и крѣпостей Швеціи, а самъ на яхтѣ „Амадисъ“, отдавъ распоряженія объ успленіи войскъ на Аландѣ, 22-го іюня прибылъ къ гребной эскадрѣ Гельмшерны, намѣреваясь лично руководить дѣйствіями шхернаго флота.

Въ концѣ іюня 1808 г. изъ Свеаборга въ Або тянулись 3-й и 4-й отряды нашей гребной флотилии, въ составъ которыхъ вошли частью суда, захваченныя у шведовъ при капитуляціи Свеаборга, частью присланныя, наконецъ, изъ Петербурга и Роченсальма. 30-го іюня выступилъ изъ Свеаборга еще 5-й отрядъ; всѣ эти флотилии двигались тѣмъ же путемъ, что и первые два отдѣленія, т. е. мимо Гангута и черезъ Юнгферзундъ. Путь этотъ—кратчайшій и, сверхъ того, избавляетъ гребныя суда отъ движенія въ открытомъ морѣ. Какъ сказано выше, первые два отряда нашего галернаго флота благополучно проскочили въ Або, такъ какъ шведы упустили преградить имъ путь въ Юнгферзундѣ. Узнавъ о томъ, что намъ снаряжаются новыя флотилии, шведскій король приказалъ выдѣлить къ Юнгферзунду 25 гребныхъ судовъ и 2 фрегата изъ эскадры Цедерстрема. Сверхъ того, шведы высадили стрѣлковъ на острова по обѣ стороны пролива. 3-й нашъ гребной отрядъ, находившійся подъ начальствомъ капитана 1-го ранга графа Гейдена и шедшій въ головномъ эшелонѣ, вынужденъ былъ поэтому приостановиться. Не имѣя достаточно силъ, чтобы форсировать Юнгферзундъ и сбить преградившаго этотъ тѣсный проходъ непріятели, графъ Гейденъ рѣшился попытаться пройти такъ называемымъ „каналомъ Кимпто“, отдѣляющимъ этотъ большой островъ отъ материка. Еще по распоряженію Петра Великаго онъ былъ заваленъ каменными загражденіями, чтобы, въ интересахъ болѣе успѣшной обороны Абоскихъ шхеръ, лишить противника возможности обходить Кимпто. Теперь обстоятельства измѣнились и обходнымъ путемъ приходилось пользоваться намъ самимъ.

Оказалось, однако, что даже самыя мелкосидящія суда отряда не могутъ здѣсь пройти. Пришлось прибѣгнуть къ углубленію пролива. Послѣ двухдневныхъ, тяжелыхъ и утомительныхъ трудовъ 40 лодокъ и іоловъ протаскали по мелководью, оставивъ по южную его сторону болѣе крупныя суда и транспорты. Къ сожалѣнію, противные вѣтры нѣсколько дней задерживали графа Гейдена и не давали ему возможности обогнуть островъ Кимпто по сѣверному (Релакскому) проливу, чѣмъ воспользовались шведы, воспользовавшись съ частью капонеровъ къ выходу изъ Релаксъ-фіорда. Такимъ образомъ, непріятель преграждалъ оба шхерныхъ фарватера и водное сообщеніе

Гангута и Свеаборга съ Або было прервано. Для облегченія прорыва гребныхъ флотилій, по распоряженію графа Буегсведена, на оба берега Релакскаго пролива высланы были сухопутныя войска; по гранитнымъ скаламъ втащили на рукахъ орудія. Такимъ образомъ, съ сухого пути готовилась поддержка фланговымъ огнемъ атаки гребныхъ судовъ. Однако, шведы предупредили насъ: 9-го іюля, въ 4 часа пополудни, атаковали они нашу флотилію, отрядивъ часть своихъ лодокъ для дѣйствія противъ стоявшей на скалистомъ мысу южнаго берега пролива батарея. Бой на морѣ продолжася 4 часа, пока графъ Гейденъ не бросилъ на лѣвомъ своемъ крылѣ 5 канонерокъ на abordажъ. Этотъ ударъ рѣшилъ дѣло; непріятель смѣшался и, подъ пулями нашихъ стрѣлковъ, расположенныхъ по обоимъ берегамъ пролива, отступилъ. Преслѣдовать наша флотилія далеко не рѣшилась, такъ какъ фарватеръ намъ былъ совершенно неизвѣстенъ; приходилось все время дѣлать промѣры и подвигаться впередъ съ большою осторожностью. Что же касается противника, то ему содѣйствовали мѣстные лодмана и прибрежные жители, изучившіе свои окрестныя воды до мельчайшихъ подробностей.

На другой день послѣ описаннаго боя, названнаго боемъ у *Тавастениера* (по имени близлежащаго островка) въ каналу Кимито подошелъ слѣдующій эшелонъ канонерокъ, такъ называемый 4-й отрядъ гребной флотиліи. Восточные вѣтры согнали воду въ каналъ; онъ обмелѣлъ, такъ что только 19-го іюля эшелону удалось пробраться по сѣверную сторону канала и соединиться съ флотиліей графа Гейдена.

Оба отряда, вслѣдствіе полученной графомъ при Тавастеншерѣ раны, объединились подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Додта.

Въ свою очередь, шведы, будучи увѣрены, что наша гребная флотилія непременно станетъ пробиваться къ Або и пользуясь тѣмъ, что отъ острова Кимито фарватеръ, идущій къ Або, направляясь прямо на сѣверъ, проходитъ только между материкомъ и островомъ Сандо, не допуская никакого движенія даже мелкосидящихъ судовъ во всѣ прочіе проливы, рѣшили преградить снова намъ путь. На берегахъ острова Сандо и на островѣ Рефваренъ (посреди пролива) были выстроены батареи; второстепенные проходы завалены камнями, устроены стрѣлковые позиціи. Съ нашей стороны тоже готовились: выстроили батареи, на материкѣ и на островѣ Кимито (послѣдняя обстрѣливала проливъ анфиладнымъ огнемъ), расположили стрѣлковъ, наконецъ, заготовили подвижную батарею. Шведская флотилія была подъ начальствомъ самого адмирала Гельмшерна. 20 канонерокъ защищали проходы по сторонамъ Рефварена (гдѣ была батарея), а 20 лодокъ и 7 галеръ составляли резервъ, восточнѣе Сандо. Харак-

теперь дѣйствій обѣихъ сторонъ поразительно походило на атаку и оборону тѣснины на сухомъ пути, съ тою разницею, что роль штурмующихъ колоннъ играла флотилія. Самъ главнокомандующій графъ Буксгевденъ, желая видѣть морское сраженіе, прибылъ сюда вмѣстѣ съ генералами Коновницынѣмъ и Сухтеленѣмъ.

Въ 3 часа пополудни на 20-е іюля открытъ былъ огонь съ нашей батареи на Кимито по острову Сандо и шведскимъ судамъ, а по Рефварену—съ материка. Вслѣдъ затѣмъ флотилія наша пошла въ атаку; 40 канонерокъ было раздѣлено на 3 колонны. Одна шла берегомъ Кимито, другая—на Рефваренъ, третья—вдоль берега материка, на лѣвое крыло непріятели; 10 судовъ было оставлено въ резервѣ. Сперва упорный бой съ обѣихъ сторонъ былъ безрезультатенъ; но когда лѣвой гребной колоннѣ нашей удалось ударить въ тылъ Рефварена, одновременно съ фронтальнымъ на него ударомъ средней колонны, успѣхъ быстро склонился на нашу сторону. Минскаго полка капитану Скерлетову¹⁾ удалось высадиться на Рефваренъ и, захвативъ батарею, водрузить на ней русскій флагъ. Неприсятели, на всѣхъ парусахъ и усиливъ греблю, уходили въ проходы между шхерами. Двѣ роты съ Кимито (гдѣ начальствовалъ генералъ Тучковъ 3-й) перешли вбродъ на островъ Сандо, овладѣли засѣками и батареею. Еще одну егерскую роту послали осмотрѣть сосѣднія шхеры. Казалось все было кончено. Уже графъ Буксгевденъ, бывший на Кимито, успѣлъ съѣздить на Сандо и, возвратясь, расположился со штабомъ обѣдать на мызѣ Вестаншеръ. Войска Тучкова стали на биваекъ, запылали костры, запахло кашей; артиллерійскія лошади мирно пущены были на пастбище.... И вотъ, вся эта идиллія внезапно оказалась нарушена невѣдомо какъ и откуда явившимися шведскими войсками! Переполохъ, разумѣется, возгорѣлся страшный.

Непріятельскія колонны были впервые замѣчены изъ оконъ той мызы, гдѣ обѣдалъ главнокомандующій; это былъ отрядъ полковника Палена, около 1.000 чел. съ 6-ю орудіями, который былъ высаженъ на западномъ берегу Кимито, съ приказаніемъ пробраться въ тылъ нашимъ батареямъ. Палену вполне удалось, невѣдѣннымъ произведши въ назначенномъ мѣстѣ десантъ, такъ какъ обычный нарядъ казаковъ по наблюденію за побережьемъ былъ именно въ это время снятъ: казаки были назначены въ почетный конвой къ ставкѣ главнокомандующаго! Если бы Паленъ довершилъ свое внезапное появленіе быстрою и рѣшительною атакой, то успѣхъ дѣла былъ бы обезпеченъ и удачный для насъ исходъ боя галерной флотиліи могъ завершиться чуть-ли не захватомъ въ плѣнъ главнокоман-

¹⁾ Всѣ наши канонерки, кромѣ гребцовъ и рулевыхъ матросовъ, имѣли на себѣ, какъ уже упоминаю, и плевую пѣхоту.

дующаго со всѣмъ его штабомъ! Но шведы потеряли время на построение боевого порядка и высылку стрѣлковыхъ цѣпей. Благодаря этому, въ поддержку почетному караулу и конвою графа Буксгевдена успѣли бѣгомъ присоединиться четыре роты, бывшія на островѣ; подвезли и два единорога, калибра болѣе сильнаго, чѣмъ шведскія орудія. Завязался огневой бой. На выстрѣлы поспѣшила и та рота, которая, какъ выше сказано, отпавлена была для осмотра мелкихъ острововъ и, высажаясь на берегъ Кимито, *случайно* оказалась въ тылу шведскаго десанта. Ея появленіе сыграло рѣшительную роль: Паленъ побоялся быть окруженнымъ и началъ отступать. Къ довершенію неудачи, часть судовъ, на которыхъ приплыли шведы, вѣтромъ нагнало на мель. Пока противникъ бесплодно употреблялъ всѣ усилія, чтобы стащить ихъ, нагнавшій его Тучковъ безощадно разстрѣливалъ его съ самаго близкаго разстоянія. Положеніе было безвыходное и оставшіеся на берегу шведы положили оружіе (см. черт. № 14).

Этимъ поучительнымъ эпизодомъ завершился бой при Саидо, результатомъ котораго былъ отходъ флотиліи адмирала Гельмшерна и очищеніе ею фарватера къ Або. Наши гребные отряды 3-й, 4-й и 5-й соединились съ двумя прежними.

Такимъ образомъ, къ концу іюля завершилось сосредоточеніе близъ Або нашей гребной флотиліи ¹⁾, сосредоточеніе, потребовавшее цѣлаго ряда боевыхъ столкновеній, изъ которыхъ мы въ концѣ концовъ вышли побѣдителями, удачно пользуясь возможностью, при свойствахъ финляндскихъ шхеръ, оказывать содѣйствіе своимъ гребнымъ судамъ сухопутными войсками и даже полевой артилеріей. Только благодаря этому содѣйствію и беззапятной смѣлости своихъ атакъ, наши канонерки осиливали противника, несмотря на его превосходство въ искусствѣ маневрированія, на знаніе имъ всѣхъ фарватеровъ и мѣстныхъ особенностей...

14-го іюля выступилъ, наконецъ, изъ Кронштадта, нашъ корабельный флотъ, подъ начальствомъ адмирала Ханькова. Онъ состоялъ изъ 9-ти кораблей, 4-хъ фрегатовъ, 2-хъ корветовъ, 2-хъ шлюпокъ, 2-хъ катеровъ, 1 люгера и 2-хъ бомбардирскихъ судовъ, къ которымъ присоединился въ Финскомъ заливѣ крейсерскій отрядъ капитанъ-лейтенанта Зуева (2 фрегата, 2 корвета и 2 катера). 25-го іюля эскадра подошла къ Гангуту. Въ это время англійскій флотъ адмирала Сомареца, крейсировавшій только что на высотѣ Ревеля, ушелъ опять къ берегамъ Германіи. Въ подкрѣпленіе шведской эскадры остались, такимъ образомъ, только англійскіе корабли, подъ начальствомъ контръ-адмирала Гуда, одинъ изъ которыхъ уже сра-

---

¹⁾ Кромѣ судовъ, шедшихъ еще изъ Кронштадта вмѣстѣ съ корабельнымъ флотомъ.

жался съ „Опытомъ“. Шведская корабельная эскадра (10 кораблей и 6 фрегатовъ) находилась у Аландскихъ острововъ, имѣя небольшой авангардъ у Юнгферзунда. Цедерстремъ счелъ нужнымъ отойти и занять это новое положеніе, какъ только получилъ свѣдѣнія о появленіи Ханькова въ Финскомъ заливѣ отъ своихъ развѣдочныхъ судовъ.

Казалось бы, обстоятельства благоприятствовали Ханькову: силы противника были раздѣлены. Если бы ему удалось разбить шведскій флотъ до возвращенія англичанъ, то, проникнувъ въ Ботнической заливъ, онъ прерывалъ сообщенія шведскаго берега съ финляндскимъ и парализовалъ дальнѣйшій подвозъ подкрѣпленій и всего необходимаго къ графу Клингспорту, а также производство высадокъ. Пораженіе шведскаго флота могло бы отдать въ наши руки и самые Аландскіе острова, этотъ естественный помостъ между Швеціей и Финляндіей, служившій теперь королю Густаву IV Адольфу базой для подготовки десантныхъ экспедицій. Можно было исправить ошибку, сдѣланную весной, при посылкѣ сюда смѣхотворно-слабаго отряда Вуича: утвердиться здѣсь прочно, обезпечивая связь съ финляндскимъ берегомъ и преграждая немногочисленные проходы изъ Балтійскаго моря въ Ботнической заливъ посредствомъ превосходной въ силахъ гребной флотиліи... Можно было, наконецъ, самимъ отважиться совершить покушеніе противъ береговъ Швеціи.

Даннымъ Ханькову секретнымъ Высочайшимъ рескриптомъ отъ 27-го іюня 1808 года цѣлью операцій корабельнаго флота ставились „дѣйствія противъ шведскаго морскаго вооруженія“, причемъ говорилось далѣе, что „министръ морскихъ силъ нашихъ купно по сношенію съ вами начертаетъ планъ, какъ согласить дѣйствія раздѣленныхъ по разнымъ портамъ силъ нашихъ на предметъ къ предположенной цѣли ведущій“. Ханькову предписывалось „во время плаванія имѣть неослабную бдительность... дабы *англійскій флотъ начальнымъ соединеніемъ со шведскимъ* не поставилъ насъ превосходствомъ силъ своихъ въ опасность или затрудненія“, а „буде окажется шведскій флотъ крейсируетъ“ въ морѣ, „учинить надъ нимъ поискъ и, атаковавъ его стремительно, завладѣть имъ или истребить его“. Въ дополненіе къ этому рескрипту, Чичаговъ далъ Ханькову 4-го іюля подробнѣйшую инструкцію¹⁾; въ ней прямо указаны даже *способы дѣйствія*, которыхъ слѣдуетъ держаться. Въ этой инструкціи рекомендовалось, по прибытіи въ Свеаборгъ, снестись съ графомъ Буксгевденомъ и „сдѣлать планъ общихъ дѣйствій вашихъ“. Объ этомъ одновременно послано увѣдомленіе и главнокомандующему, въ которомъ выражена

---

¹⁾ И рескриптъ этотъ, и инструкція—въ дѣлахъ департамента морскаго министра (№ 4675 за 1809 г., стр. 7—10 и 20—25).

увѣренность, что „какъ помянутая эскадра по числу судовъ... не только можетъ быть равносильна состоящему въ морѣ шведскому ополченію, но находится въ возможности чинить надъ нимъ поискъ для возможнаго вреда или для истребленія его, то оныя кушно съ флотилією, усиливаемою нынѣ отправленнымъ отрядомъ гребныхъ судовъ, послужатъ, конечно, къ облегченію военныхъ сухопутныхъ дѣйствій“ ¹⁾).

Изъ данныхъ затѣмъ Ханькову морскимъ министромъ предписаній (отъ 24-го іюля, 6-го и 8-го августа) видно ²⁾, что Ханькову все время напоминалось, съ одной стороны, что „главнѣйшій предметъ“, для котораго его эскадра предназначена,—это „истребленіе шведскаго морскаго ополченія и завладѣніе онымъ“ (предписаніе 24-го іюля), а съ другой—что „при настоящемъ положеніи дѣлъ въ Финляндіи, при раздѣленіи непріятельскихъ судовъ и при достаточныхъ силахъ нашихъ, состоящихъ подъ начальствомъ вашимъ, во всякомъ рѣшительномъ дѣйствіи, *время для насъ дороже всего*“, Чичаговъ выражалъ увѣренность, что „только драгоцѣннаго времени вы, конечно, нисколько *не потеряете въ перепискахъ и развѣдываніяхъ о непріятель*, которыя бывають часто излишними“. „Дорожить временемъ“ побуждало еще и послѣднее извѣстіе отъ графа Буксгевдена (полученное имъ изъ Копенгагена) о томъ, „что бывшіе въ Готенбургѣ англійскіе транспортныя суда съ войсками и частью военныхъ судовъ... ушли въ Сѣверное море... а нѣсколько англійскихъ кораблей съ однимъ адмиральскимъ прошли Зундъ и вошли въ Балтику“ ³⁾ Достоинно замѣчанія, что 8-го августа Чичаговъ уже предостерегалъ Ханькова отъ близости англичанъ и рекомендовалъ ему „или учинить рѣшительное дѣйствіе со шведами, *не теряя ни мало времени или, буде сіе окажется невозможнымъ, по всей возможности предохранить себя отъ нападенія англійскихъ морскихъ силъ* и, смотря по обстоятельствамъ, войти въ Свеаборгъ или обратиться дѣйствія свои въ шхеры“. При этомъ указывалось на Порккалаудъ и Гангутъ, какъ на „главныя убѣжища“, и на опасность для эскадры *быть атакованною въ Ревель или Балтійскомъ портѣ* англичанами, гдѣ она рискуетъ подвергнуться истребленію. Отмѣчаемъ эти указанія, такъ какъ они имѣють значеніе для послѣдующихъ событій.

Кстати говоря, Ханькову предписывалось морскимъ министромъ *принять въ свое отдѣніе гребную флотилію въ Абосскихъ шхерахъ*, соединить ее и назначить надъ нею главнаго начальника. Такимъ образомъ, Чичаговъ упорно стремился къ тому, чтобы вырвать изъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 26.

²⁾ См. тамъ же, стр. 30, 31, 43, 44, 48—50.

³⁾ Это была эскадра Сомареца.

рукъ Буксгевдена всякую власть надъ морскими силами, хотя бы только шхерными. Ханыкову указывалось, чтобы онъ снесся съ главнокомандующимъ и „условился съ нимъ о дѣйствіяхъ“.

Такимъ образомъ, графу Буксгевдену оставалось лишь выразить свое *мнѣніе* о наилучшемъ способѣ употребленія корабельнаго флота, мнѣніе, для адмирала Ханыкова нисколько не обязательное. А совмѣстнаго, общаго плана дѣйствій для сухопутныхъ и морскихъ силъ въ Петербургѣ выработано *не было*. Всѣ указанія флоту давался Чичаговымъ Высочайшимъ именемъ, а взгляды Чичагова и Буксгевдена, какъ уже извѣстно, далеко не были согласны... Независимо сего, самая отдача распоряженій замедлялась тѣмъ обстоятельствомъ, что Чичаговъ изъ Петергофа увѣдомлялъ Ханыкова о томъ, что сообщалъ ему графъ Буксгевденъ изъ Або. И только по приходѣ Ханыкова въ Гангутъ начались между ними непосредственныя сношенія.

„Мнѣніе“ графа Буксгевдена состояло въ слѣдующемъ. Корабельному флоту надлежитъ „отрядить эскадру въ Аландскафъ и Ботническій заливъ перехватывать шведскія военныя и перевозныя суда и тѣмъ остановить непріятельскія высадки“ и, кромѣ того, дѣйствуя „совокупно съ гребною флотиліею, атаковать расположенную у Юнгферзунда непріятельскую эскадру“. Кромѣ того, графъ Буксгевденъ писалъ Ханыкову, что за направлениемъ большей части регулярныхъ шведскихъ войскъ въ Финляндію, на Аландъ, въ Шонію и на норвежскую границу, окрестности Стокгольма и ближайшая къ нему часть побережья остались почти вовсе обнажены. „Вы сдѣлали бы великую пользу нашему предпріятію (пріоблѣвая главнокомандующій), безпоякая шведскіе берега набѣгамъ. Для того вы можете употребить десантныя войска, которыхъ у насъ на флотѣ находится до 700 человекъ, высаживая ихъ на берега въ разныхъ пунктахъ.... Все сіе приведетъ шведскія войска и короля въ озабоченное положеніе, заставляя его переправляться изъ Аланда на матерой берегъ, причѣмъ суда наши могутъ нанести имъ значительный вредъ. Важнѣйшее же обстоятельство, что шведы, уже и такъ недовольные войною, еще болѣе будутъ негодовать на правительство; страхъ распространится въ жителяхъ и ропотъ въ Стокгольмѣ“.

Кромѣ того, Буксгевденъ, также какъ и Чичаговъ, обращалъ вниманіе Ханыкова на значеніе *быстроты*. „Сухопутная часть, при генеральномъ ея состояніи (писалъ онъ 24-го іюля)... должна ожидать единственно содѣйствія отъ морской силы и стараться до того удерживать до послѣдней капли крови берега около Або, дабы не дать непріятелю возможности поставить на нихъ твердую ногу и принудить насъ отступить во внутренность земли, черезъ что морское

ополченіе лишено было бы способа совершенно истребить непріятеля. *Все сіе зависитъ теперь отъ времени, которое для насъ дорого и тратитъ изъ онаго не должно ни часу, ни минуты*“.

Такимъ образомъ, Ханькову ставились совершенно двѣ различныя задачи: 1) „разбить шведскій флотъ до соединенія его съ англійскимъ, всячески избѣгая нападеній отъ англичанъ, и при наступательномъ ихъ движеніи укрыться въ шхеры или въ Свеаборгъ“, такъ предписывалось Чичаговымъ изъ Петербурга; 2) Буксгевденъ добивался сверхъ того „диверсіи“ противъ Стокгольма, а такъ же ставилъ задачу весьма существенную въ интересахъ успѣха сухопутныхъ дѣйствій: перерывъ шведскихъ морскихъ сообщеній.

Очевидно, обѣ вторыя задачи могли быть успѣшно выполнены только по достиженіи первой цѣли, которая, въ свою очередь, требовала проявленія быстроты, энергіи и дѣятельности, значеніе которой усиленно указывалось Ханькову и сухопутнымъ, и морскимъ начальствомъ. Несмотря на это, Ханьковъ все же остановился у Гангута въ выжидательномъ положеніи въ теченіе цѣлыхъ 2-хъ недѣль, теряя драгоцѣнное время. Изъ „Журнала движеній и дѣйствій флота“ ¹⁾ видно, что Буксгевденъ неоднократно торопилъ адмирала приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Такъ, 5-го августа, занесено въ журналъ: „Адмиралъ Ханьковъ увѣдомляетъ меня, что онъ, согласно моему отношенію, намѣревается: 1) дѣйствовать противу Юнгферзунда, для чего и послалъ *осматривать оный*, и 2) отдѣлить нѣсколько судовъ въ Аландсгафъ *для перерыванія комуникаціи Аландскихъ острововъ со шведскими берегами, дабы оттуда распространяться въ Ботнику*. Между тѣмъ, замѣчаетъ онъ, что движенія его должны быть крайне осторожны, ибо англійскій флотъ... по слухамъ, находится въ Бельгѣ. Находя заключенія адмирала справедливыми (прибавляетъ Буксгевденъ), я поставилъ, однако же на видъ, что какъ англичане устремятся въ наши воды, то *тѣмъ дѣятельнѣе искать шведовъ и такъ какъ парусный флотъ теперь раздѣленъ, то разбить его по частямъ, не давая соединиться, а особливо выждать подкрѣпленія союзниковъ*“.

Очищенію Юнгферзунда главнокомандующій придавалъ значеніе „въ числѣ первыхъ предметовъ морской части“, такъ какъ тогда „можно соединиться всему нашему гребному флоту“.

Для достиженія этой послѣдней цѣли Ханьковъ отдалъ приказанія бывшей при немъ гребной флотилии подъ начальствомъ капитана Новошениова „тревожить непріятеля“. Капитанъ Новошениовъ нѣсколько разъ подходилъ къ Юнгферзунду и пытался нанести вредъ

¹⁾ Дѣло департамента морского министра 1808 г. 1079, стр. 254—262.

стоявшему тамъ отряду шведовъ, но сперва бозуспѣшно. Получивъ 6-го августа подрѣзленіе, онъ въ ночь на 7-е пытался напасть на шведовъ снова, намѣреваясь поджечь суда ихъ брандскугелями, но подвергся на пути нечаянному нападенію превосходныхъ силъ. 20 канонерокъ, 25 катеровъ и баркасовъ, съ сильнымъ десантомъ на нихъ, вышли скрытно изъ за шхеръ и бросились на abordажъ, окруживъ наши суда со всѣхъ сторонъ; 5 нашихъ канонерокъ и іоловъ было потоплено вмѣстѣ съ экипажемъ. Гребной фрегатъ или геммамъ Стиръ-Борнъ, на которомъ перебиты были всѣ офицеры, былъ захваченъ въ плѣнъ. Шведы въ восторгѣ отъ такой добычи разграбили камбузъ фрегата и перепилились; въ туманѣ и темнотѣ они не замѣтили, что якорь зацѣпился и что фрегатъ, несмотря на греблю, не подвигался впередъ. Это дало возможность лейтенанту Демьянову, командовавшему другимъ геммамомъ, ударить картечью и отбить судно. На другой день прибыло отъ Гангута подрѣзленіе, посланное Ханьковымъ подъ начальствомъ контръ-адмирала Мясоѣдова. Оно принято было шведамъ за авангардъ нашего флота, и они посѣщали сами очистить Юнгферзундъ и отойти къ Аланду на соединеніе съ главными силами.

Другая часть гребной флотилии, бывшая въ Або, 18-го августа, подъ начальствомъ капитана Селиванова, встрѣтила у острова *Судсало* (между Нпштадтомъ и Або) шведскій отрядъ изъ 46 канонерокъ. Въ узкомъ проливѣ загорѣлся бой; сперва шведы имѣли перевѣсъ, потопили у насъ двѣ лодки и двѣ вывели изъ строя; команды и флаги удалось спасти. Часъ спустя, непріятель также потерпѣлъ значительный уронъ; 2 лодки у него было взорвано и 6 потоплено. Этотъ успѣхъ побудилъ насъ перейти въ наступленіе, но свѣжія силы противника, не введенныя еще въ дѣло по тѣснотѣ мѣста, отбили ударъ. Недостатокъ снарядовъ и сильныя поврежденія, полученныя почти всѣми нашими судами, заставили Селиванова отходить къ Або. Потери его 45 убитыхъ и 63 раненыхъ.

Послѣ неудачнаго судсальскаго дѣла графъ Буексгевденъ подчинилъ контръ-адмиралу Мясоѣдову всю гребную флотилию съ присоединенными къ ней парусными судами ¹⁾ и 20-го августа далъ ему предписаніе, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ: не рискуя силами своими, избѣгать рѣшительныхъ столкновеній съ противникомъ, а избрать центральную позицію, пользуясь которою наблюдать за фарватерами и ограждать свои берега отъ возможныхъ покушеній противника на десантъ; въ случаѣ же успѣшнаго выполненія таковаго, идти сосредоточенными силами истреблять

¹⁾ Т. е. ту ея часть, которая была въ Або.

суда непріятельскія. Отсюда видно, что бывший въ Або гребной флотъ *дѣйствовалъ совершенно независимо отъ корабельнаго, будучи подчиненъ сухопутной власти.* Ханыкову, отдѣленному отъ него шведскимъ флотомъ, владѣвшимъ входами въ Абовскія шхеры, фактически нельзя было объединить въ своихъ рукахъ власть надъ всеми морскими силами и выполнить въ этомъ отношеніи приказанія морского министра.

Въ концѣ концовъ Ханыковъ 9-го августа тронулся и со всею своею эскадрою вышелъ въ море. 10-го развѣдочныя суда донесли ему, что весь шведскій флотъ находится въ Юнгферзундѣ, заставивъ отступить нашу гребную флотилію. вмѣсто того, чтобы, не теряя времени, атаковать противника, Ханыковъ трое сутокъ крейсировалъ передъ нимъ ¹⁾; когда же, 13-го августа, получилъ отъ передовыхъ судовъ донесеніе, что непріятель снимается съ явора и выходитъ въ море, онъ повелъ весь свой флотъ къ востоку, рассчитывая выманить непріятеля изъ шхеръ и принять бой поближе къ своимъ портамъ „дабы не быть отъ нихъ отрѣзану“, какъ онъ доносилъ потомъ. На разсвѣтѣ 14-го августа русскій флотъ оказался вблизи Балтійскаго порта и увидѣлъ гнавшійся за нимъ непріятельскій флотъ, во главѣ котораго шли два англійскихъ корабля. Во время движенія ночью, съ потушенными огнями, наша эскадра разстроилась; передовые корабли сбились въ кучу, а задній 74 пушечный корабль „Всеволодъ“, тяжелый на ходу, старой постройки, отсталъ почти на 5 морскихъ миль. Англичане немедленно атаковали его. Ханыковъ просигнализировалъ тремъ судамъ поддержать „Всеволода“, но приказаніе это не было исполнено; тогда онъ самъ на адмиральскомъ кораблѣ „Благодать“ двинулся на выручку, приказавъ всей эскадрѣ слѣдовать за собою. Видя это движеніе, англійскія суда бросили „Всеволода“, уже зрядно поврежденнаго, и пошли на присоединеніе къ шведской эскадрѣ. Командиръ „Всеволода“, капитанъ 2-го ранга Рудневъ ²⁾, въ виду полученныхъ серьезныхъ поврежденій, просилъ разрѣшенія идти чиниться. Его отправили въ Балтійскій портъ, въ сопровожденіи одного изъ фрегативъ. Такое ослабленіе эскадры на два корабля, въ связи съ поврежденіями третьяго („Сѣверной Звѣзды“) заставило Ханыкова отойти туда же со своими силами, стать на явора и при-

¹⁾ Объясненіемъ такой нерѣшительности Ханыкова отчасти можетъ служить обстоятельство, указанное въ рапортѣ его отъ 7-го августа (д. д-та м. м-ра № 4675, стр. 51—52). «Буде по подробнѣйшему обзорнѣю шведскаго флота, найду возможность сдѣлать выгодное для насъ нападеніе, не подвергая опасности нашего флота въ шхерахъ, ибо при всемъ недостаткѣ шхерныхъ нашихъ картъ мы по сіе время не могли достать ни флотъ ни одного лоцмана». Обстоятельство важное, съ которымъ придется, быть можетъ, посчитаться и въ будущемъ.

²⁾ Предокъ Всеволода Федоровича Руднева, командира «Варяга» и героя Чемульпо въ 1904 году.

готовиться на мѣстѣ принять атаку непріятеля. „Всеволодъ“, ведомый на буксирѣ, былъ неосмотрительно оставленъ позади. Въ 6 миляхъ, не дойдя Балтійскаго порта, буксиръ лопнулъ; это было въ 11 часовъ вечера. Поврежденный корабль никакъ не могъ обогнуть острова Роте и войти въ портъ, почему вынужденъ былъ бросить якорь у самаго берега острова. Ханыковъ послалъ флотилію баркасовъ прибуксировать „Всеволода“; въ то время, какъ уже это производилось, на разсвѣтѣ, оба англійскихъ корабля бросились въ атаку на пораненный корабль, разсѣявъ предварительно картечью требныя суда. Положеніе было критическое. Рудневъ собралъ совѣтъ офицеровъ, положившій защищаться до послѣдней крайности, а въ послѣдній моментъ притенуться на мель, спасти команду, а корабль сжечь. Ставши на якорь на мельномъ мѣстѣ, Рудневъ заманивалъ туда же англичанъ. Ихъ корабль „Центавръ“, подъ флатомъ контръ-адмпрала Гуда, схватился съ „Всеволодомъ“ на бордажъ. Запѣлъ кровопролитный рукопашный бой, въ которомъ приняли участіе и команды уцѣлѣвшихъ нашихъ шлюпокъ, во главѣ съ лейтенантомъ Тулубевымъ и мичманомъ Лазаревымъ (впослѣдствіи знаменитый адмиралъ). Около часа продолжалась бойня и окончилась бы взаимнымъ истребленіемъ, если бы не подошелъ другой англійскій корабль, „Имплекабль“, который сталъ разстрѣливать „Всеволода“ въ упоръ и, наконецъ, овладѣлъ искалѣченнымъ остовомъ, наполненнымъ трупами; оставшіеся въ живыхъ защитники, чтобы не сдаться въ плѣнъ, бросились въ воду; изъ нихъ на доскахъ, веслахъ и т. п. спаслось 56 человекъ. Такъ какъ нельзя было стащить корабль съ мели—англичане подождли его, и онъ къ утру 15-го августа взлетѣлъ на воздухъ.

Штпль помѣшалъ другимъ кораблямъ эскадры оказать поддержку „Всеволоду“, который, несмотря на то, что команда его состояла большею частью изъ ратниковъ милиціи, безстрашно боролся до послѣдней крайности съ превосходнымъ въ силахъ врагомъ. Въ слѣдующіе дни Ханыковъ продолжалъ оставаться въ Балтійскомъ портѣ, соорудивъ даже на побережьи и на островахъ батареи для поддержки флота. 19-го августа къ непріятельской эскадрѣ присоединилась часть крейсировавшаго въ Балтійскомъ морѣ англійскаго флота, съ адмираломъ Сомарецомъ во главѣ. Теперь у непріятеля было 16 однихъ линейныхъ кораблей, не считая фрегатовъ и болѣе мелкихъ судовъ. На 21-е августа назначена была атака, но задуть свѣжій вѣтеръ съ юта, прямо на встрѣчу противнику, что продолжалось 8 дней. Тѣмъ временемъ на берегу успѣли у насъ возвести 25 батарей, вооруженныхъ 183-мя орудіями. Къ Балтійскому порту притянуто 4,000 человекъ сухопутныхъ войскъ. Словомъ, флотъ нашъ, упустивъ случай

помѣряться съ врагомъ въ открытомъ морѣ въ *выгодныхъ для себя* условіяхъ, обратился въ плавучія батареи, подъ прикрытіемъ береговой обороны, которую отчасти обслуживали экипажи тѣхъ же судовъ. Тяготѣніе нашего флота къ берегу и стремленіе вести оборонительную борьбу совоушно съ береговыми укрѣпленіями — есть явленіе постоянное, характеризующее собою тѣ періоды, когда флотъ нашъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, переживалъ состояніе сравнительнаго упадка. Однако англичанамъ все-таки не удалось нанести вреда Ханьковской эскадрѣ, а только заблокировать ее. Предложеніе Сомареца сдать половину флота, а съ остальною свободнойти въ Кронштадтъ было, разумѣется, оставлено безъ отвѣта.

Къ 17-му сентября, тѣмъ не менѣе, разыгравшіеся сильные осенніе вѣтры заставили непріятеля прекратить блокаду, и суда его постепенно скрылись въ западномъ направленіи. Ханькову приказано было сдать эскадру старшему по себѣ офицеру (контръ-адмиралу Ломену, который и привелъ эскадру въ Кронштадтъ), а самъ онъ, по Высочайшему повелѣнію, отданъ былъ подъ судъ за то, что „вмѣсто точнаго исполненія данныхъ ему предписаній, поступилъ онъ вопреки онымъ, отъ чего не тоемо не достигнута цѣль, для которой эскадра была послана, но еще понесенъ уронъ, потеряніемъ 74-хъ пушечнаго корабля“. Главными пунктами обвиненія были: во 1-хъ, — двухнедѣльная проволока у Гангута и второе — гибель „Всеволода“. Нерѣшительность Ханькова, его уклоненіе отъ боя въ открытомъ морѣ особенно ярко видны въ его отступленіи къ Балтійскому порту, когда преслѣдовали его только два англійскіе корабля, а весь шведскій флотъ отсталъ такъ, что даже не былъ виденъ. Результатомъ суда было разжалованіе Ханькова на 24 часа въ матросы и выключеніе изъ службы тѣхъ трехъ капитановъ, которые не исполнили его приказанія идти на помощь „Всеволоду“. Что же касается командира и офицеровъ послѣдняго, то всѣ они признаны пединовными.

Такъ окончились дѣйствія нашего корабельнаго флота. Послѣдній, такимъ образомъ, не оказалъ никакого содѣйствія сухопутнымъ операціямъ и только рѣшительные удары графа Каменскаго ускорили окончательное покореніе Финляндіи. Шведы сохранили за собою господство на морѣ, и Ботнической заливъ до наступленія зимы продолжалъ служить связующимъ звеномъ между Швеціей и Финляндіей. Этимъ выгоднымъ условіемъ наши противники не сумѣли, однако, воспользоваться: войска, обороняющія Финляндію, серьезныхъ поддержекъ и энергичнаго содѣйствія изъ Швеціи такъ и не получили до самаго конца войны.

При оцѣнкѣ неудачныхъ дѣйствій корабельнаго флота нельзя не принять во вниманіе, что лучшія суда и команды находились у насъ въ эскадрѣ, захваченной англичанами адмирала Сенявина. Половина командъ Ханькова состояла изъ милиціи, а на „Всеволодѣ“ эти ратники составляли даже большую ея часть.

Графъ Буксгевденъ такъ оцѣнивалъ послѣдствія неудачи адмирала Ханькова¹⁾.

„Ваше сіятельство изволили уже видѣть, что нашъ флотъ, вмѣсто дѣятельнаго крейсерства между шведскихъ береговъ и Юнгферзунда и вмѣсто того, чтобы предупредить непріятельскіе соединенія, простоялъ по большей части въ Гангутѣ, а потомъ, будучи преслѣдуемъ непріятельскимъ флотомъ, равныя силы съ нимъ имѣющимъ, ушелъ къ осту и неизвѣстно куда скрылся, какъ полагать должно, безъ бою.

„Появленіе на высотахъ Свеаборга и противу Гангута непріятельскихъ фрегатомъ и малыхъ судовъ свидѣтельствуетъ, что на водахъ финскихъ господствуютъ теперь шведскіе крейсеры, между тѣмъ когда главный ихъ флотъ отошелъ паки къ весту. Причина таковаго движенія силъ неизвѣстна; полагаю, что безъ важныхъ обстоятельствъ господину адмиралу Ханькову никакъ не должно бы рѣшиться на сіе предпріятіе... Умалчивая объ опасности береговъ по Финскому заливу, и проходя безъ изслѣдованія, что послѣ сего положеніе непріятеля въ Аландѣ сдѣлалось обезпечено и что онъ можетъ теперь дѣйствовать съ большимъ вредомъ для нашего гребного флота, я особенно своею обязанностью ставлю поставить вашему сіятельству въ виду *о плаваніи нашихъ транспортныхъ, которые содѣлаются теперь часто добычею непріятеля.* Главные запасы наши въ Свеаборгѣ... не составляютъ больше 3.000 кулей муки, между тѣмъ какъ армія, довольствующаяся изъ оныхъ запасовъ, требуетъ ежедневно до 330 кулей“.

Отсюда Буксгевденъ приходитъ къ заключенію, что „есть-ли водяная комунікація по Финскому заливу будетъ пресѣчена“, то армія „въ разсужденіи ея пропитанія“ подвергается великой опасности, ибо извѣстно, что „сухопутная перевозка провіанта болѣе нежели затруднительна“²⁾.

¹⁾ Въ отношеніи къ военному министру графу Аракчееву отъ 24-го августа 1808 г. за № 98. (Д. Д-та Морского Министра № 1079, стр. 276 и В. Учен. Арх. Глав. Штаба отд. 2. д. № 1659).

²⁾ Объ организаціи въ войну 1808—09 гг. у насъ подвоза водными путями какъ моремъ, такъ и по внутреннимъ оврагамъ, аркавы даютъ весьма интересныя и поучительныя данныя, которыя необходимо подвергнуть изученію. Во время русско-японской войны очень много говорилось о водныхъ путяхъ и мы сильно чувствовали на себѣ всю невыгоду пренебреженія къ нимъ. Что же касается Финляндіи, то здѣсь и въ будущемъ могутъ повториться случаи, когда, за невозможностью пользоваться желѣзными дорогами, придется прибѣгать къ воднымъ путямъ по примѣру 1808—09 года.

„Соображая причины удаленія нашего флота“, Буксгевденъ недоумѣваетъ, почему Ханьковъ уклонился отъ боя. Если нашъ флотъ, равный непріятельскому по числу судовъ и орудій, и уступалъ ему въ личномъ составѣ, а потому „не въ состояніи былъ-бы маневрами дѣлать рѣшительные поиски надъ непріателемъ“, то (полагаетъ главнокомандующій), все же долженъ былъ дать сраженіе, ибо, въ случаѣ поврежденія, близость портовъ Гангута, Ревеля и Свеаборга дала-бы ему вѣрное „пристанище“ для починокъ, противникъ-же (также, конечно, поврежденный), долженъ былъ бы уходить въ Карлскрону и „очистить не только воды Финскаго залива, но и Ботнику, чѣмъ для сухопутныхъ движеній принесена была бы существенная польза“.

Въ концѣ концовъ главнокомандующій находилъ, что если флотъ (корабельный) остатокъ навигаціоннаго времени думаетъ провести въ портахъ и такимъ образомъ оставить наши берега открытыми, то „буде отъ него нельзя уже получить той пользы, которую ожидать надлежало, и буде онъ опасается имѣть дѣло съ непріателемъ, *по крайней мѣрѣ онъ могъ-бы конвоировать наши транспорты*“.

ГЛАВА X.

Наступательная операція графа Н. М. Каменскаго.

Биографическія свѣдѣнія о Каменскомъ.—Его назначеніе вмѣсто Раевского и данная ему инструкція.—Полженіе страды и подготовка операціи.—Плавъ.—Бои у Алаво и Карстула.—Новое рѣшеніе Каменскаго.—Куортаве — Сальми.—Послѣдствія этого боя.—Отступленіе шведовъ черезъ Вау на сѣверъ.—Орвайсь.—Значеніе успѣховъ Каменскаго.

Описанныя въ предыдущей главѣ событія на морѣ совершались въ то время, когда въ самой Финляндіи „видъ дѣлъ перемѣнился“ и наше стратегическое положеніе изъ тяжелаго и затруднительнаго въ какой нибудь одинъ мѣсяць съ небольшимъ сдѣлалось снова прочнымъ и преобладающимъ. Этотъ „оборотъ фортуны“ произошелъ вслѣдствіе замѣщенія во главѣ центральной группы нашего стратегическаго фронта стойкаго, но недостаточно увѣреннаго въ себѣ Раевского смѣлымъ, самовластнымъ, рѣшительнымъ и талантливымъ графомъ Н. М. Каменскимъ.

„Умный, образованный, пышущій властію, самонадѣянный, врагъ совѣтовъ“—вотъ какъ характеризуетъ Каменскаго Михайловскій-Данилевскій. Будучи всего 32 лѣтъ отъ роду въ это время, Каменскій еще девять лѣтъ тому назадъ, въ Итальянскомъ походѣ, обратилъ на себя вниманіе Суворова, а въ Швейцаріи отличился, взявъ приступомъ Чертовъ мостъ.

Будучи младшимъ сыномъ фельдмаршала графа Михаила Ѳедоровича, сподвижника Румянцева, Потемкина и Суворова, и уже въ старѣлыхъ годахъ бывшаго короткое время во главѣ нашей арміи въ войну 1806—07 гг. противъ Наполеона, графъ Николай Михайловичъ, вступивъ на военную службу въ самыхъ молодыхъ годахъ, былъ въ 1795 году подполковникомъ Сибирскаго гренадерскаго полка. Въ 1799 году онъ былъ уже генераль-маіоромъ и шефомъ мушкетерскаго своего имени полка (нынѣ Архангелогородскій). Подвигъ при Чертовомъ мостѣ доставилъ ему орденъ св. Анны 1-й степени, особенно почитаемый, какъ извѣстно, Императоромъ Павломъ Петровичемъ. Въ это время Каменскому было *всего 23 года.*

Во время кампаніи 1805 года онъ состоялъ при графѣ Буксгевденѣ (отсюда ихъ близость) и былъ участникомъ Аустерлицкаго сраженія. Въ 1807 году подъ Прейсшпъ-Эйлау командовалъ бригадою, а затѣмъ получилъ въ командованіе особый отрядъ, назначенный для деблокады Данцига; но предпріятіе это успѣхомъ не увѣн-

чалось. Данцигъ уступленъ превосходному въ силахъ противнику, а Каменскій вернулся въ Кенигсбергъ, гдѣ вошелъ въ составъ отряда Лестока и блистательно заявилъ себя, въ качествѣ частнаго отвѣтственнаго начальника, въ бою подъ Гейльсбергомъ.

Въ Финляндскую войну Каменскій былъ начальникомъ дивизіи (17-й), которая сперва блокировала Свеаборгъ, а затѣмъ держала гарнизоны въ южной Финляндіи.

Отсюда видно, что до принятія на себя отвѣтственной роли, Каменскій, несмотря на свою относительную молодость, имѣлъ за собою блестящее боевое прошлое и, въ глазахъ всей арміи, какъ офицерскаго ея состава, такъ и нижнихъ чиновъ, подобно „князю Петру“ Вагратиону, былъ окруженъ ореоломъ не только славы своего безсмертнаго учителя Суворова, но и своей собственной. Поэтому уже одно его назначеніе на мѣсто Раевского произвело впечатлѣніе и приподняло духъ нашихъ войскъ, разочарованныхъ предшествовавшимъ періодомъ неудачъ.

Мы уже знаемъ, что въ Петербургѣ пришли къ убѣжденію въ необходимости до зимы держаться въ Финляндіи оборонительнаго образа дѣйствій. Это шло *свершено* *вразрѣзъ со взглядами главнокомандующаго*. Не соглашаясь дѣйствовать оцрометчиво, безъ надлежащей подготовки и безъ надежныхъ средствъ, онъ еще менѣе считалъ возможнымъ и допустимымъ тотъ чисто-пассивный планъ, который „сочиненъ“ былъ въ Петербургѣ поклонниками стратегіи à la эрцъ-герцогъ Карлъ, исключительно исходящей изъ одной данной— *мѣстнаго элемента* и возстановляющей типичный австрійскій кордонъ въ самомъ чистомъ видѣ.

Императоръ Александръ, съ умысломъ неподписавшій этого плана внесъ существенную поправку въ эту задуманную въ Петербургѣ врагами Буксгевдена попытку сковать главнокомандующаго въ Финляндіи по рукамъ и по ногамъ. Онъ приказалъ не *приводить плана въ дѣйствіе*, если до его полученія *устухи подвинуть насъ впередъ*“.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, неподписаніе плана придавало ему какъ-бы характеръ чего-то необязательнаго, что и подтверждаетъ въ своей книгѣ графъ Сухтеленъ (стр. 113), утверждающій, что весь проектъ посланъ былъ съ Паулуччи только на *разсмотрѣніе* Буксгевдена; съ другой стороны—собственноручное письмо Государя давало какъ бы понять, что только въ случаѣ достиженія успѣховъ до его полученія, планъ не долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ—онъ *связателенъ*.

Буксгевденъ первоначально держался за то, чтобы выждать зимы и тогда возобновить наступленіе при болѣе благопріятной обстановкѣ. Но, когда онъ увидѣлъ, куда его ведутъ подкопы Петер-

бургскихъ враговъ, онъ рѣшился на шагъ болѣе рискованный, не отвѣчающій его осторожной натурѣ, въ расчетѣ не только добиться *быстро*, хотя-бы и *частнаго устья*, но и поправить свое собственное положеніе. *Быстрый устьхъ* избавлялъ графа Буксгевдена отъ необходимости, выполнять соображенія петербургскихъ стратеговъ, возрождавшихъ до нѣкоторой степени, пресловутый австрійскій Гофкригератъ.

Графу Н. М. Каменскому и князю Петру Ивановичу Ваграціону, героямъ италіанской и швейцарской эпопей, было отлично, по личному опыту, извѣстно, къ чему приводитъ исполненіе плановъ подобнаго рода. Пока графъ Сухтеленъ, по порученію главнокомандующаго, съ терпѣніемъ, достойнымъ лучшей участи, по пунктамъ составлялъ опроверженія петербургскаго плана (эти труды его сохранились въ архивѣ), графъ Буксгевденъ вошелъ съ новымъ всеподданнѣйшимъ представленіемъ, въ которомъ доказывалъ невыгоду оборонительнаго плана и необходимость „наискорѣе содѣлать Финляндію неприкосновенною отъ шведовъ и тѣмъ рѣшительнѣе нанести ударъ самой Швеціи“, а для того „непремѣнно дать рѣшительный бой“. Переходя отъ словъ къ дѣлу, главнокомандующій ввѣрилъ командованіе отрядомъ Раевскаго графу Каменскому и предоставилъ ему *полную свободу дѣйствій*, съ одною только инструкціей—*побѣдить*.

Содержаніе вышеупомянутаго донесенія главнокомандующаго, столь отличное отъ прежнихъ его ходатайствъ, стремившихся лишь доказать необходимость доставки къ нему поддержекъ, — въ значительной мѣрѣ отражаетъ на себѣ вліяніе самого графа Каменскаго а можетъ быть—и его соратника Ваграціона.

Назначая Каменскаго замѣстителемъ Раевскаго, Буксгевденъ рѣшилъ вмѣстѣ съ тѣмъ усилить, насколько возможно, эту центральную группу за счетъ остальныхъ, дабы дать ей возможность дѣйствовать активно. „Атака ваша должна быть рѣшительна и устранить худыя послѣдствія, которыя насъ отъ отступленія Раевскаго ожидаютъ; словомъ, не взирая на малое число войскъ вашихъ, вы должны разбить непріятеля. Боже, помощи успѣхамъ вашимъ; отъ дѣйствія вашего. зависитъ теперь внутреннее положеніе Финляндіи въ разсужденіи спокойствія жителей, и виѣшнее положеніе войскъ для защиты береговъ. Буду съ нетерпѣніемъ ждать отъ васъ извѣстій. Взоры всей арміи устремлены на корпусъ вашъ“.

Для содѣйствія графу Каменскому: 1) изъ Куопіо выдѣлено 4 баталіона съ 2-мя эскадронами (подъ начальствомъ полковника Сабанѣева), которые должны были, черезъ Рауталампи, пройти къ Коивисто и соединиться съ Властовымъ, составлявшимъ авангардъ бывшаго отряда Раевскаго; 2) особый отрядъ (4 баталіона, сотня казаковъ и 5 орудій), подъ начальствомъ генералъ-маіора Ушакова,

образованъ былъ сѣвернѣ Таммерфорса (въ Кюро) и, при наступленіи Каменскаго, долженъ былъ облегчать его задачу, угрожая сообщеніямъ Клингспора съ побережьемъ; 3) въ то же время графу Орлову-Денисову приказано также наступать на Вазу и Каухаюккп несмотря на слабость его силъ; 4) наконецъ, генераль-маіору Миллеру приказано, занявъ Таммерфорсъ и Тавастгусъ, охранять тылъ графа Каменскаго, очищать его отъ партизановъ и исправлять мосты и переправы. Прежняя осторожная гуманность по отношенію къ шайкамъ народнаго ополченія смѣнена, наконецъ, тою „праведною строгостью“, о необходимости которой писалъ даже маркизъ Паулуччи. Отпущенныхъ на волю плѣнныхъ солдатъ приказано было прямо разстрѣливать, вѣшая тѣла близъ кирокъ, съ билетомъ, обозначающимъ имя преступника и полкъ, гдѣ онъ служилъ. Крестьянъ, пойманныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, велѣно нещадно наказывать и, выбривая половину головы, отпускать съ подтвержденіемъ, что при повтореніи вины будутъ повѣшены; пойманныхъ же на мѣстѣ преступленія прямо въ бандалахъ посылать въ Свеаборгъ. Необходимость безотлагательнаго примѣненія такихъ мѣръ всего лучше характеризуется тѣмъ фактомъ, что самъ графъ Каменскій, отправляясь къ мѣсту своего назначенія, едва не былъ схваченъ партизанами и только проселками ускользнулъ отъ плѣна.

Такимъ образомъ, главнокомандующій не только предоставляет „полную мочь“ частному начальнику, на котораго возлагается вся тяжесть отвѣтственности за исходъ операціи, но и принимаетъ всѣ возможные мѣры, чтобы обезпечить ему выполнение его трудной задачи.

Одобривъ рѣшеніе военнаго совѣта въ Алаво о необходимости отступитъ, дабы сблизиться со своимъ тыломъ, Каменскій продолжалъ движеніе на югъ отъ Ювяскюля, вдоль западнаго берега озера Пейяне. еще на 100 верстъ и остановился на высотѣ Таммерфорса, уперевъ свои крылья въ непроходимыя водныя преграды Пейянской и Сатакундской озерныхъ системъ, (правое у Кумойсь и лѣвое у Кумалакса). Это удалось выполнить безпрепятственно, такъ какъ шведы, послѣ полу-успѣха у Лаппо 2-го іюля, бездѣйствовали. Клингспоръ стоялъ на полѣ сраженія у Лаппо цѣлыхъ восемь дней; затѣмъ сдѣлалъ два перехода до Сальми и началъ здѣсь укрѣплять позицію, пользуясь тѣмъ, что съ занятіемъ Сальми онъ получилъ возможность по кратчайшимъ путямъ поддерживать связь съ Сандельсомъ у Куопіо и съ Вазою, гдѣ снова ожидались высадки, организуемая лично королемъ на Аландѣ. Попрежнему Клингспоръ отговаривался невозможностью наступать далѣе вглубь Финляндіи, безъ содѣйствія десантовъ.

Настоятельныя просьбы послѣдняго о присылкѣ ружей, въ количествѣ 10 тысячъ, для раздачи населенію, не привели ни къ чему. Шведское правительство, незадолго передъ войною распродавшее запасы своихъ ружей, вынуждено было прибѣгнуть къ покупкѣ ихъ въ Англію; оттуда прислали ихъ въ маѣ, но всѣ оказались негодными и были отправлены обратно. Наконецъ, кое-какъ набрано было 4.000 ружей, но доставка ихъ замедлилась вслѣдствіе недостаточной распорядительности.

Общая числительность шведскихъ войскъ въ Финляндіи къ этому времени (въ двадцатыхъ числахъ іюля) была слѣдующая¹⁾:

Главные силы Клингсгора у Сальми	5.000 чел.
Воковой авангардъ Дебельна у Каухаюки	2.300 „
Воковой авангардъ Гюленбюгеля	1.300 „
Воковой авангардъ Фіандта у Линтулакса	1.700 „
У Сандельса на Тайвольской позиціи	1.700 „
Въ Карелии у Мальма	300 „
На Азандѣ подъ личнымъ начальствомъ короля	4.000 „
Итого	16.300 чел.

Въ это число не включены команды шхернаго флота и тыловыя войска, бывшія въ Улеаборгѣ. Вообще означенный расчетъ слѣдуетъ признать нѣсколько преуменьшеннымъ²⁾; нельзя забывать сверхъ того, что здѣсь исчислены только регулярныя кадры, въ добавокъ къ которымъ слѣдуетъ присоединить значительныя скопища народныхъ финскихъ ополченій. Скопища эти, не считая многочисленныхъ отдѣльныхъ партизанскихъ шаекъ, составляли необходимое добавленіе къ каждому шведскому отряду; они были частью вооружены ружьями. О количествѣ ихъ можно судить по тому числу ружей, которое Клингсгоръ просилъ доставить для раздачи населенію³⁾ (см. выше). Въ общемъ, приведенныя Норденсваномъ цифры, даже вдвое увеличенныя, едва ли точно изобразятъ число бойцовъ, съ которыми въ это время предстояло имѣть дѣло. Крестьяне финскіе оборонялись весьма храбро, особенно за закрытіями, но къ наступательнымъ дѣйствіямъ не были способны и опасались артилеріи.

Расположеніе графа Клингсгора главными силами у Сальми съ авангардами у Линтулакса, Нернесъ и Каухаюки было приравнено

¹⁾ По подсчетамъ Nordensvan'a (Finska kriget 1808—09).

²⁾ По расчетамъ Михайловскаго-Данилевскаго (стр. 218), у шведовъ въ Финляндіи къ этому времени насчитывалось не менѣе 14,000 человекъ регулярныхъ при 59 орудіяхъ, изъ которыхъ главная масса (около 7 тыс. и 30 орудій) была подъ начальствомъ графа Клингсгора у Сальми, особый отрядъ фонъ-Дебельна (2.000) былъ отъ нея выдѣленъ на побережье къ Кристинестаду и для связи съ Куоно — такой же числительности отрядъ Фіандта у Линтулакса. Сандельсъ оставался попрежнему съ тремя тысячами у Тайволы.

³⁾ Михайловскій-Данилевскій (стр. 218) считаетъ ихъ у Клингсгора 6.000, у Дебельна 1.500 и у Сандельса 2.000, прибавляя тутъ же, что шведы находятъ эти цифры преувеличенными. А сколько партизановъ было въ Карелии и сколько дѣйствовало самостоятельно?

къ тому, чтобы, съ одной стороны, предупредить возможное движеніе со стороны Куопіо, т. е. на сообщенія шведовъ вдоль побережья (на Линдулаксъ — Гамлакарлебу) или же съ южной стороны, отъ Бьернеборга или Таммерфорса, если бы у насъ вздумали усилить отрядъ Орлова-Денисова.

Бездѣйствіе шведовъ дало графу Каменскому возможность организовать продовольствіе, пополнить свой отрядъ и подтянуть подкрѣпленія. Всего къ 1-му августа, графъ Каменскій сосредоточилъ у Ямсе (южнѣе Ювяскюля, на западномъ берегу оз. Пейяне)—10.500 человекъ съ 38 орудіями (см. черт. № 15).

Войска были обильно снабжены запасами, приобретенными покупкою на мѣстѣ, полки реорганизованы, пополнены, подтянуты, въ тылу пополнены магазины. Словомъ, въ двухнедѣльный срокъ къ 1-му августа, Каменскій былъ готовъ къ выступленію и въ этотъ день выдвинулъ свой авангардъ, подъ начальствомъ Властова, къ Сааріярви (на пути Ювяскюля—Гамлакарлебу), а два особыхъ передовыхъ отряда, Эриксона и Сабанѣева, къ переправамъ черезъ Сатаундскія озера у Руовеси и Кеуру. Идея плана графа Каменскаго заключалась въ томъ, чтобы, прикрывшись съ фланга отрядами Сабанѣева и Эриксона, долженствовавшими навлечь на себя вниманіе шведовъ, самому съ главными силами быстро устремиться черезъ Ювяскюля на Сааріярви — Линдулаксъ и атаковать Клингспора у Сальми съ обходомъ лѣваго фланга и угрозою его сообщеніямъ съ Вазою и Гамлакарлебу.

Такое рѣшеніе нельзя не признать въ высшей степени смѣлымъ и бывшимъ врага въ самое большое мѣсто, притомъ силами сосредоточенными.

2-го августа графъ Каменскій выступилъ на Ювяскюля, а Эрикссонъ, соединясь съ Сабанѣевымъ, пошелъ на Алаво, дабы своимъ наступленіемъ притянуть шведовъ къ ихъ фронту. 6-го августа, на пути изъ Ювяскюля къ Линдулаксу, получено было Каменскимъ неутѣшительное донесеніе о пораженіи Эриксона съ Сабанѣевымъ при Алаво что въ корнѣ измѣнило обстановку.

Произошло это слѣдующимъ образомъ. Графъ Клингспоръ, главные силы котораго продолжали занимать укрѣпленную Сальминскую позицію, одновременно получилъ донесенія какъ о появленіи русскихъ войскъ близъ Алаво, такъ и у Сааріярви; выводилъ отсюда, что противникъ грозитъ ему одновременно и съ фронта и въ обходъ лѣваго фланга, шведскій главнокомандующій, чувствуя, что рѣшительная минута близка, поступилъ подобно всѣмъ нерѣшительнымъ людямъ: онъ созвалъ военный совѣтъ. На этомъ совѣтѣ, послѣ долгихъ споровъ, было, наконецъ, принято, подъ вліяніемъ настояній Адлекрейца

и других частных начальниковъ, рѣшеніе *активнаго* характера; было рѣшено, сдерживая сѣверо-восточную группу русскихъ (т. е. Властова), ударить на другой ихъ авангардъ, т. е. Эриксона съ Сабанѣвымъ. Для этого наступленія назначено было двѣ трети всѣхъ бывшихъ у Клингснора войскъ (около 5 т.); но начальство надъ ними шведскій главнокомандующій на себя не принялъ, а ввѣрилъ своему начальнику штаба Адлеркрейцу.

На другой же день послѣ этого военнаго совѣта, 4-го августа, войска Адлеркрейца тронулись двумя колоннами; правую велъ Кронстедтъ, лѣвую Грипшенбергъ.

Первоначально войска Сабанѣва (пришедшія изъ Куопіо на усиленіе графа Каменскаго), присоединившись къ войскамъ Эриксона (выдѣленнымъ непосредственно изъ состава войскъ самого Каменскаго), расположились впереди Алаво, стараясь одновременно прикрыть, какъ дорогу на Вирдойсъ — Таммерфорсъ (т. е. — на югъ), такъ и на Тейсе-Кеуру-Ювясюля, пбо если первая была путемъ отступленія въ случаѣ неудачи, то вторая была путемъ *связи* съ своими главными силами, т. е. съ Каменскимъ (при условіи движенія послѣдняго, согласно плану, на Лптулаксъ). Трудность положенія усугублялась тѣмъ, что вторая изъ помянутыхъ дорогъ отходила отъ Алаво на сѣверо-востокъ къ сторонѣ противника и потомъ уже сворачивала на юго-востокъ къ Ювясюля, причемъ на всемъ почти протяженіи отдѣлялась отъ первой дороги непроходимыми водными преградами; связь можно было возстановить только въ 4-хъ переходахъ южнѣе (отъ Оривеспи къ Ямсе), уже почти на высотѣ Таммерфорса (черт. № 16).

5-го августа на разсвѣтѣ шведы стали тѣснить передовыя части, двухтысячнаго отряда Эриксона ¹⁾. Къ Эриксону стали поступать донесенія о томъ, что непріятель въ значительныхъ силахъ наступаетъ по двумъ дорогамъ. Такъ какъ Алаво примыкаетъ къ большому озеру Ала-ярви, а обѣ помянутыя дороги выводятъ на фланги позиціи, занятой Эриксонемъ, то послѣдній сталъ опасаться, что оставаясь на этой позиціи, онъ можетъ оказаться притиснутымъ къ водной преградѣ; поэтому онъ рѣшилъ отойти версты на 3 на югъ, къ деревнѣ Херкененъ, гдѣ и занялъ дефиле между озеромъ и скалистою высотой; полкъ Сабанѣва (3-й егерскій) сталъ впереди, два остальныхъ — въ резервѣ, въ колоннахъ; артиллерія — передъ деревней, а по сторонамъ ея рассыпалась двойная цѣпь стрѣлковъ; конница, дѣйствіямъ которой мѣстность совершенно не благопріятствовала, расположилась позади пѣхотныхъ резервовъ. Хотя такимъ образомъ

¹⁾ Въ него входили 3-й, 23-й и 26-й егерскіе полки, 5 орудій и 2 эскадрона улана Его Высочества и Гродненскихъ гусаръ.

Эриксонъ и бросилъ дорогу на Тейсе-Кеуру, связывающую его съ графомъ Каменскимъ, однако оставилъ у Тейсе двѣ роты.

Въ 2 часа дня противникъ занялъ Алаво и сталъ атаковать позицію Эриксона у Херкенена. Позиція эта была очень сильна, такъ что Адлеркрейцъ прибѣгъ къ обычному приему—къ обходу лѣсомъ. Къ сожалѣнію, у насъ между начальниками (командныя отношенія между которыми установлены *не были*) возникли пререканія, отразившія весьма невыгодно на успѣхѣ обороны. Эриксонъ стоялъ за отступление; Сабанѣевъ настаивалъ на необходимости упорно удерживать позицію. Несогласіе между начальствующими лицами нарушало должное единство въ ходѣ обороны, тѣмъ не менѣе, войска дрались храбро; артиллерія наносила противнику существенный ущербъ. Однако, движеніе по лѣсу обходной колонны шведовъ сдѣлало свое дѣло: Эриксонъ приказалъ отступать. Непріятель произвелъ смѣлый штыковый натискъ въ лобъ; фронтъ одного изъ нашихъ баталіоновъ былъ прорванъ. Несмотря на энергичную выручку сосѣдей, произошла сумятица; мы потеряли здѣсь около полуторы сотни плѣнными. Отступление отряда Эриксона затруднялась къ тому же мѣстностью; войскамъ приходилось втягиваться въ узкое горло между озеромъ и скалистыми высотами, а противникъ энергично насѣдалъ, преслѣдуя отступающихъ на протяженіи 13 верстъ... Такъ какъ единственно возможнымъ для Эриксона отступленіемъ былъ отходъ на югъ, къ Руовеси, и такъ какъ двѣ роты, оставленныя имъ у Тейся, очевидно не могли, по слабости силъ, выполнить своего назначенія, то выходило, что шведы получали возможность сами двинуться черезъ Кеуру—Ювяскюля въ тылъ графу Каменскому. Шведскіе писатели обыкновенно жестоко нападаютъ на Клингспора, что онъ не воспользовался этимъ выгоднымъ маневромъ. Однако Нордесванъ ¹⁾ приводитъ изъ королевскаго военнаго архива 2 письма Клингспора къ Адлеркрейцу свидѣтельствующія о томъ, что Клингспоръ *въ это время* не зналъ еще о движеніи Каменскаго впередъ, а считалъ его у Сааріярви, т. е. верстахъ въ 200 съ лишнимъ ²⁾. Клингспоръ ограничился направленіемъ Адлеркрейца во слѣдъ Эриксону; онъ рассчитывалъ, что Каменскаго заставить отступить уже одно это движеніе; но Каменскій не принадлежалъ къ числу военачальниковъ, которыхъ можно одними маневрами подчинить своей волѣ.

Получивъ донесеніе о пораженіи Эриксона подъ Алаво и объ отступленіи его на югъ, что обнажало его сообщенія, Каменскій рѣшилъ «по Суворовски» вопросъ объ обезпеченіи своей операціонной

¹⁾ См. Finska Kriget 1808—1809, стр. 280.

²⁾ Это объясненіе не оправдываетъ Клингспора отъ хроническаго, впрочемъ, въ эту войну пренебреженія къ *развѣдкѣ конницей*.

линіи. Опъ расчелъ, что лучшимъ для того средствомъ будетъ побѣдоносный бой и, бросивъ предположенный было по первоначальному плану «маневръ» на Сааріярви——Линдулаксь, рѣшилъ отъ Ювясьюля свернуть прямо всѣми силами чересь Кеуру—Этсери на Алаво и ударить на Клингспора *раньше*, чѣмъ послѣдній успѣлъ бы выиграть достаточно пространства для движенія ему въ тылъ. Такое рѣшеніе давало ему въ руки выгоды внезапности; въ то же время, сворачивая на Алаво, Каменскій, пользуясь кратчайшимъ разстояніемъ, достигалъ, быстротою своего появленія, облегченія положенія войскъ Эриксона. Пройдя *въ пять дней 170 верстъ*, графъ Каменскій 13-го іюля снова занялъ Алаво, опрокинувъ встрѣченный на пути передовой отрядъ. Одновременно съ наступленіемъ своимъ, Каменскій двинулъ отрядъ Властова по прежнему пути на Линдулаксь, съ приказаніемъ непремѣнно разбить бывшій тамъ отрядъ фонъ-Фіандта и тѣмъ прервать связь Клингспора съ Сандельсомъ и дѣйствовать затѣмъ оттуда во флангъ Клингспору, который, приостановивъ намѣченное было движеніе, снова стягивалъ всѣ силы у Сальми. Въ то же время Эриксону, отступившему на югъ, приказано было снова обратиться къ Алаво.

Въ Алаво графъ Каменскій нѣсколько приостановился, желая дать роздыхъ войскамъ, а главное—дать Эриксону время подтянуться; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выжидалъ результата наступленія Властова.

9-го августа послѣдній выступилъ изъ Сааріярви, настигъ Фіандта близъ Карстулы, гдѣ 2-хъ тысячный отрядъ его занялъ крѣпкую съ фронта позицію поперекъ перешейка между двумя заливами озера Пя-ярви (черт. № 17).

Узкій протокъ, съ перекинутымъ черезъ него мостомъ, прорѣзываетъ перешеекъ; за нимъ поставилъ Фіандтъ свой отрядъ, уперевъ оба фланга въ водныя преграды. Позиція была усилена съ фронта окопами и батареями, часть которыхъ устроена была уступомъ за лѣвымъ флангомъ.

Бой начался столкновеніемъ авангарда Властова со сторожевыми постами шведовъ, занимавшими впереди Карстулы засѣки поперекъ перешейка. Ихъ выбили изъ засѣкъ и преслѣдовали до самой кирки, гдѣ непріятель продолжалъ сопротивляться въ домахъ селенія. Тѣмъ временемъ главныя силы Властова подошли къ деревнѣ Скустямяки и начальникомъ отряда сдѣланы слѣдующія распоряженія: 3 баталіона съ 2-мя орудіями, подъ начальствомъ подполковника Лукова, двинуты цѣлиною, лѣсомъ, по краю окаймлявшей озерко Карстугла болотины, на лѣвый флангъ позиціи Фіандта, гдѣ черезъ узкій протокъ можно было завязать перестрѣлку; майоръ Риманъ съ 1½ баталіонами посланъ лѣсною тропою въ еще болѣе кружной обходъ того же фланга, на путь отступленія шведовъ, а всѣ остальные войска

самъ Властовъ повелъ по перешейку для атаки съ фронта. Несмотря на необходимость наступать здѣсь узкимъ фронтомъ, Властову удалось очистить деревню и утвердиться на высотѣ южнѣе моста, которая командовала непріятельскою позиціей. Сюда ввезено было 5 орудій и возгорѣлся жестокій пушечный и ружейный огонь съ обѣихъ сторонъ; въ тоже время колонна Лукова, вытѣснивъ противника изъ засѣкъ, вогнала его на главную позицію въ бродъ черезъ проливъ, но отъ дальнѣйшаго удара была удержана огнемъ артиллеріи. Упорный бой съ обѣихъ сторонъ продолжался безрезультатно до тѣхъ поръ, пока Фіандту не донесли о появленіи отряда Римана на Линтулакской дорогѣ. Не располагая достаточными силами для того, чтобы удержать этотъ отрядъ (Фіандтъ дрался, по своему обычаю, безъ резерва)—онъ рѣшилъ отступать. Какъ только у насъ замѣчено было попятное движеніе непріятели, тотчасъ же всей нашей линіи раздалось оглушительное «ура»; роты подъ предводительствомъ офицеровъ, соперничая другъ съ другомъ, ринулись впередъ, кто черезъ полусгорѣвшій мостъ, кто въ бродъ и, несмотря на картечные залпы, бѣгомъ ворвались въ непріятельскіе окопы, гдѣ пошла русская штыковая потѣха!

Бѣлозерскій и Сѣвскій полки, дѣйствовавшіе противъ лѣваго шведскаго фланга подъ начальствомъ Лукова, не желая уступать товарищамъ, также бросились въ воду и, перейдя черезъ заливъ, ударомъ во флангъ заставили непріятели окончательно очистить позицію. Верстахъ въ 3-хъ къ сѣверу дорогу пересѣкала небольшая рѣчка. Здѣсь Фіандтъ сталъ устраивать снова свой отрядъ, рассчитывая задержаться, такъ какъ по сторонамъ непроходимыя болота мѣшали обходу. Но Властовъ не далъ имъ тутъ устроится и снова ударилъ, а къ тылу подоспѣлъ Риманъ, такъ что и эта позиція была вскорѣ очищена. Подъ вечеръ Фіандтъ собралъ весь свой отрядъ за деревнею Метенень, позади моста, гдѣ заранѣе подготовлена была укрѣпленная позиція. Здѣсь подоспѣвшіе наши преслѣдователи встрѣчены были артиллерійскимъ огнемъ; въ отвѣтъ наша батарея выѣхала на картечь, а головныя части пѣхоты бросились въ штыки и уже въ сумеркахъ закончили бой, вынудивъ непріятели поспѣшно отступить. Темнота прекратила преслѣдованіе.

Карстувскій бой длился 10 часовъ, на протяженіи 18-ти верстъ, онъ является типичнымъ примѣромъ боевъ на финляндской мѣстности, гдѣ занятіе пассивно оборонительной позиціи неизбѣжно приводитъ къ отступленію, при появленіи хотя-бы самаго ничтожнаго отряда въ тылу.

Побѣда при Карстувѣ позволила Властову отдѣлить часть своихъ силъ для содѣйствія графу Каменскому; онѣ направлены были на

Сальми (2 полка—Бѣлозерскій и Сѣвскій, съ полуэскадронѣмъ Гродненскихъ гусарь). Самъ Властовъ продолжалъ тѣснить Фіандта далѣе на сѣверъ и достигъ уже Перхо. Потери Фіандта были весьма значительны; въ его рукахъ осталась едва треть прежняго отряда.

Авангардный бой при Карстулѣ сгладилъ неблагоприятное впечатлѣніе неудачи, понесенной Эрпесономъ. Дѣло это прозвано было у насъ въ войскахъ „офицерскимъ дѣломъ“, по необыкновенному ихъ одушевленію въ отрядѣ Властова. Стремительность атакъ, благодаря которой противнику не удалось удержаться ни въ одной изъ своихъ подготовленныхъ заранѣе позицій, зависѣла, главнымъ образомъ, отъ доблести и соревнованія офицеровъ отряда, наперерывъ другъ передъ другомъ увлекавшихъ свои части впередъ...

Графъ Клингспоръ не сумѣлъ воспользоваться успѣхомъ Адлеркрейца, и побѣда его надъ Эриксономъ такъ и не была эксплуатирована; шведскій главнокомандующій теперь, какъ и раньше, готовился принять оборонительный бой на укрѣпленной позиціи у Сальми. За то графъ Каменскій воспользовался успѣхомъ Властова и сумѣлъ, своевременнымъ выборомъ соответственнаго операціоннаго направленія, устранить неблагоприятныя послѣдствія первой неудачи. Противники, одинъ у Алаво, другой у Сальми, снова стояли лицомъ къ лицу другъ передъ другомъ, о „маневрахъ“ не было больше рѣчи, ни съ той, ни съ другой стороны. Шведы рассчитывали на силу своей позиціи и выражали увѣренность въ томъ, что русскіе о нее разобьются; въ свою очередь графъ Каменскій намѣренъ былъ искать окончательнаго рѣшенія въ безповоротномъ столкновеніи съ главными силами противника и заботился лишь о томъ, чтобы притянуть къ полю сраженія все, что только возможно.

Извѣстіе о пораженіи шведскихъ войскъ при Карстулѣ произвело въ шведской главной квартирѣ впечатлѣніе „громового удара“. Шведскій главнокомандующій, нетерпѣливо ожидавшій поддержанія со стороны Лаппфьерда (близъ Кристинестада), чтобы развить успѣхъ, достигнутый у Алаво и выйти всѣми силами на сообщенія графа Каменскаго,—былъ, по словамъ шведскаго историка, „близокъ къ потерѣ разсудка“, особенно въ виду преувеличенныхъ слуховъ, пущихъ отъ населенія, что „русскіе“ изъ Карстула „наступаютъ въ большихъ массахъ“. Онъ немедленно приказалъ всѣмъ передовымъ

---

¹⁾ Норденсванъ, стр. 288. При изложеніи дѣяній шведскихъ войскъ послѣ боя при Лаппо приходится довольствоваться этимъ источникомъ, такъ какъ послѣдующіе томы офиціальнаго изданія шведскаго генеральнаго штаба еще не вышли. Книга Норденсвана хотя и является иллюстрированнымъ популярнымъ изданіемъ, но во многомъ основывается на ненадлежащихъ документахъ и вообще на первоисточникахъ, такъ какъ авторъ—занимавшій должность начальника шведскаго генеральнаго штаба—въ свое время руководилъ и работами его военно-историческаго отдѣленія.

войскамъ, выдвинутымъ къ Этсери, Вирдойсь и Алаво, поспѣшно отходить къ Куортане и Сальми, гдѣ были заблаговременно укрѣплены позиціи, и выставилъ сильный заслонъ въ направленіи на Линтулаксь (откуда шель Властовъ).

Одновременно Клингспоръ донесъ королю Густаву-Адольфу свои сѣтованія по поводу опаснаго положенія арміи, такъ какъ послѣдняя, по его мнѣнію, несмотря на все необычайное свое мужество, не въ состояніи бороться съ тѣми превосходными силами, которыя готовы на нее обрушиться. Онъ описалъ затѣмъ въ яркихъ краскахъ всѣ невыгоды новаго отступленія на сѣверъ и ходатайствовалъ передъ королемъ о скорѣйшей присылкѣ въ Вазу транспортныхъ судовъ, для того, чтобы, въ случаѣ неудачи, спасти остатки арміи, перебросивъ ихъ черезъ Ботническій заливъ въ Швецію.

Финскій историкъ Даніельсонъ (*Finska kriget*, стр. 418) утверждаетъ, что какъ Адлеререйцъ, такъ и Аминовъ были убѣждены въ необходимости перевезти армію въ шведскіе предѣлы.

Всѣ эти писатели стремятся доказать, такимъ образомъ, что сознаніе *безнадежности* дальнѣйшей борьбѣ за Финляндію проникало собою *уже тогда* мозгъ шведской арміи,—ея лучшихъ генераловъ. Этимъ до извѣстной степени, какъ-бы умаляется значеніе подвига, совершеннаго графомъ Каменскимъ, который, къ тому же, во всѣхъ послѣдующихъ столкновеніяхъ со шведами вынужденъ былъ всегда атаковать съ силами меньшими, чѣмъ у противника. На самомъ дѣлѣ, самое упорство этихъ боевъ со стороны шведовъ (особенно Оровайскаго, какъ увидимъ далѣе), опровергаетъ приведенное мнѣніе шведо-финскихъ историковъ. Если Клингспоръ такъ поддавался игрѣ воображенія и по однимъ слухамъ „рисовать себѣ картины“, не провѣряя эти слухи *развѣдкою*, то въ этомъ выражались его личныя свойства, не распространявшіеся отнюдь на его сподвижниковъ. Если же и послѣдніе толковали о перевозкѣ арміи въ Швецію моремъ, то лишь какъ о лучшемъ рѣшеніи *въ случаѣ неудачи* по сравненію съ тяжелымъ и рискованнымъ отступленіемъ вдоль морского побережья.

Во всякомъ случаѣ безусловно вѣрно, что *если бы мѣры по подготовкѣ перевозки арміи Клингспора изъ Вазы на шведскій берегъ были приняты заранее, то это придадо бы большую свободу операціямъ шведовъ и избавило бы ихъ отъ необходимости все время дрожать за свой лѣвый флангъ, обходъ котораго ставилъ ихъ въ опасное положеніе*. А во всѣхъ послѣдующихъ боевыхъ столкновеніяхъ, Каменскій, *совершенно правильно оцѣнивая при сложившейся обстановкѣ* (отсутствіе подготовленнаго отступленія прямо черезъ море) значеніе для шведовъ ихъ *лѣваго фланга*, все время *бьетъ упорно этотъ флангъ*,

несмотря на труднодоступность мѣстности. Будь у шведовъ возможность отступить моремъ,—эти удары били бы въ пустую, и шведы могли бы дольше удерживаться на своихъ позиціяхъ, не очищая ихъ (какъ, напримѣръ, у Сальми) преждевременно.

Разбивъ Фіандта въ десятичасовомъ боѣ при Карстула, Властовъ продолжалъ на другой день тѣснить его въ направленіи на Линтулаксъ, выдѣливъ одинъ полкъ (Бѣлозерскій) на присоединеніе къ графу Каменскому. Послѣдній въ Алаво выжидалъ полного сосредоточенія всѣхъ силъ, т. е. какъ возвращенія войскъ Эриксона, такъ и подкрѣпленій, высланныхъ Властовымъ. Но еще до прибытія этихъ отрядовъ, Каменскій приказалъ полковнику Кульневу, не взирая на слабость силъ его, съ авангардомъ сбивать непріятельскіе форпосты, сперва до Сарвика, а затѣмъ и далѣе до Кухалампи. 17-го августа ожидаемые отряды прибыли и 19-го графъ Каменскій началъ наступленіе, имѣя въ виду рѣшительно атаковать графа Клингспора, продолжавшаго со всѣми силами пассивно стоять на укрѣпленной позиціи у Сальми.

Въ противоположность обычнымъ стремленіямъ графа Буксгевдена, возглавлявшаго всегда, во всѣхъ своихъ планахъ, главныя упованія на маневръ, на угрозу сообщеніямъ противника, часто не соразмѣряя этихъ расчетовъ съ условіями разстояній и времени, Каменскій крайне скупно удѣлялъ войска для кружныхъ движеній на пути отступленія противника, предпочитая имѣть въ своихъ собственныхъ рукахъ какъ можно больше силъ для рѣшительнаго удара.

Цѣлью Каменскаго, какъ доноситъ онъ потомъ Буксгевдену, было, между прочимъ, „открыть непремѣнно бомушкацію“ съ отрядомъ Властова. Такъ какъ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, послѣдній продолжалъ преслѣдовать Фіандта и къ 19-му успѣлъ уже продвинуться до Перхо, то Каменскій приказалъ ему выдѣлать еще одинъ полкъ (Сѣвскій) съ полу-эскадромъ Гродненскихъ гусаръ, которому свернуть отъ Линтулакса на западъ и выйти 20-го августа къ лѣвому флангу главной шведской позиціи. Указанное стремленіе еще усиливало для насъ значеніе лѣваго фланга шведовъ и служило лишнимъ побужденіемъ къ тому, чтобы атаковать именно этотъ флангъ.

Благодаря этому выдѣляемый Властовымъ отрядъ не только выполнилъ бы задачу *установленія связи* между обѣими группамп, но еще оказалъ бы большое содѣйствіе намѣчаемой атакѣ, такъ какъ, повторяемъ, лѣвый флангъ для шведовъ имѣлъ весьма важное стратегическое значеніе и притомъ двойное: 1) въ этомъ направленіи шли всѣ пути на сѣверъ, перехватывая которые мы могли предупредить шведовъ на побережьѣ и задержать ихъ отступленіе къ Улеаборгу, 2) могла быть прервана связь между Клингспоромъ и отрядомъ фонъ-

Фиандта, 3) установлена нами связь и взаимодѣйствіе между Каменскимъ и Властовымъ.

Графъ Каменскій двинулъ свои силы тремя эшелонами: впереди авангардъ Кульнева (3-й егерскій полкъ, 3 роты Петровскаго полка, 2 эскадрона Гродненскихъ гусаръ и казаки), затѣмъ отрядъ Эриксона (побѣжденный при Алаво)—полки 23-й и 26-й егерскіе, 3 роты Азовскаго полка и по эскадрону гусаръ и уланъ. Наконецъ, самъ Каменскій велъ главныя силы (полки: Бѣлозерскій, Петровскій и Азовскій, по баталіону отъ полковъ Калужскаго и Великолуцкаго, по 2 эскадрона уланъ и гусаръ и казаки). Такое *эшелонное* наступленіе вполне отвѣчало условіямъ финляндской мѣстности: узость полотна дорогъ и свойства мѣстности по сторонамъ ихъ удлиняютъ походныя колонны, движеніе большихъ силъ замедляется; дробленіе на эшелоны, увеличивая быстроту марша, позволяетъ вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться тыльными эшелонами, какъ резервами, направляя ихъ *прямо съ* пути въ обходъ нужнаго фланга, въ зависимости отъ результатовъ усиленной *разведки* головного эшелона.

Послѣдняя задача естественно выпала на долю Кульнева который зарекомендовалъ себя уже, какъ спецiалпстъ авангарднаго дѣла. Еще 19-го числа онъ тронулся впередъ¹⁾; одновременно Каменскій приеазалъ одной ротѣ Калужскаго полка (изъ шедшаго за авангардомъ 1-го эшелона Эриксона) двинуться лѣвымъ берегомъ рѣчки Ниссо, „дабы очищать и ту сторону отъ непріятеля“. Впослѣдствіи (вечеромъ 19-го числа) эта рота, дѣйствовавшая весьма энергично, поддержана была остальными силами баталіона и небольшою частью конницы, а весь отрядъ врученъ генералу Козачковскому.

Непріятельскій арьергардъ (одинъ баталіонъ съ двумя орудіями и эскадрономъ драгунъ) занималъ деревню Кухалампи. Кульневъ пустилъ свою пѣхоту въ атаку съ фронта, а конницу въ охватъ фланга при поддержкѣ огня нашихъ двухъ орудій, дѣйствовавшихъ весьма удачно. Не выждавъ атаки, шведы отступили, задерживаясь въ теченіе дня на нѣсколькихъ позиціяхъ за мелкими ручьями вплоть до самаго моста черезъ рѣчку Нисо.

Каменскій указываетъ въ своемъ донесеніи, что на одной изъ этихъ позицій,—такъ какъ пѣхота наша была задержана починкою разрушеннаго моста черезъ одинъ изъ ручьевъ и не могла скоро поспѣть,—конница, подъ командою л.-гв. Коннаго полка штабъ-ротмистра Гротуса, „бросилась на его шанцы, выбила его изъ оныхъ и преслѣдовала до лѣса“. Отмѣчаемъ этотъ фактъ, какъ доселѣ неиз-

¹⁾ Фактическая сторона послѣдующихъ боевъ основана на печатныхъ источникахъ, исправленныхъ по донесеніямъ самого Каменскаго главнокомандующему (В. ист. арх. гл. штаба, дѣла ген. ад. графа Закревскаго).

вѣстный случай *конной атаки на укрѣпленія*, да еще въ такой мѣстности, какъ Финляндія.

Непріятель при своемъ отступленіи жегъ всѣ мосты, но это не препятствовало нашему авангарду „сидѣть, такъ сказать, на плечахъ его и преслѣдовать съ удивительною быстротою. Мосты чинились столь скоро, что орудія отъ пѣхоты и кавалеріи почти не отставали“.

Дойдя до деревни, непріятель впереди моста оказалъ довольно упорное сопротивленіе, но, въ концѣ концовъ, былъ опрокинутъ; при преслѣдованіи наши егеря вбѣжали на самый мостъ, и только огонь батарей противоположнаго берега (гдѣ была уже главная позиція шведовъ) заставилъ ихъ отойти. Дѣло происходило уже въ сумерки; шведы зажгли мостъ. Кульневъ приостановилъ свой авангардъ на южномъ берегу рѣчки, ожидая подхода остальныхъ силъ Каменскаго котормя послѣдовательно подошли въ теченіе ночи.

Такимъ образомъ, стремленіе шведскаго арьергарда задержать насъ, пользуясь рядомъ мостовыхъ переправъ черезъ мелкіе протоки, не удалось, благодаря стремительности и сноровкамъ Кульнева, не остановившагося передъ посылкою конницы на окопы, лишь бы не упускать соприкосновенія съ противникомъ.

Дорога Алаво—Сальми—Лаппо, по которой наступалъ Каменскій, пролегаетъ по восточному берегу большого Куортанскаго озера. Между деревнями Куортане и Руона она пересѣкаетъ болотистую рѣчку, вытекающую изъ небольшого озера Нисо (версты полторы въ окружности), расположеннаго въ верстѣ восточнѣе большого Куортанскаго озера. Здѣсь, позади 100 саженнаго моста, шведы возвели батареи и укрѣпили (у деревни Руона) сильную передовую позицію, заваливъ засѣками всѣ тропинки черезъ лѣсъ, примыкающій съ востока къ ея лѣвому флангу. Главная позиція ихъ была у Сальми, близъ сѣверной оконечности озера, верстахъ въ пяти къ сѣверу отъ дер. Руона (черт. № 18).

Позиція графа Клингсгора у деревни Руона была очень сильна. Правый ея флангъ упирался въ Куортанское озеро, имѣя передъ фронтомъ болотистую рѣчку и озерко Нисо. Лѣвый флангъ позиціи тянулся вдоль берега той же рѣчки вплоть до деревни Такала, будучи прикрытъ окопами и засѣками ¹⁾. Три сильныя батареи обстрѣливали дорогу и мостъ. У Клингсгора здѣсь было свыше 7,000 регулярныхъ войскъ, при 30 орудіяхъ, не считая большихъ толпъ вооруженныхъ крестьянъ ²⁾.

¹⁾ «Всѣ маленькія дорожки (доносятъ Каменскій), по которымъ бы нашимъ войскамъ въ лѣсу можно было идти, были завалены засѣками и сдѣланы вовсе непроходимыми, и непріятель въ сей позиціи находился какъ въ крѣпости».

²⁾ Не менѣе 4—5 тыс.

Немедленно по своемъ прибытіи, въ ночь на 20-е августа, графъ Каменскій распорядился постройкою въ авангардѣ Кульнева трехъ батарей на (10 орудій), для дѣйствія по наиболѣе сильному правому крылу шведской позиціи ¹⁾. Батареи эти возводились спѣшно, въ потѣмкахъ, въ разстояніи картечнаго выстрѣла отъ непріятельской позиціи. Расположеніе войскъ противника не было намъ въ точности извѣстно; за то мѣстность будущаго поля сраженія отлично знали всѣ офицеры бывшаго отряда Раевского, шесть недѣль передъ тѣмъ занимавшаго ту же позицію. Пользуясь этимъ, графъ Каменскій рѣшилъ положиться на нихъ и начать атаку съ разсвѣтомъ, направивъ ударъ въ охватъ лѣваго фланга непріятеля, черезъ труднопроходимый, болотистый и каменистый лѣсъ. На авангардѣ Кульнева возлагались дѣйствія съ фронта; обходъ порученъ Раевскому, какъ близко знакомому съ мѣстностью. Сюда направлена большая часть отряда: всего 8 баталіоновъ; такъ какъ мѣстность не позволяла провезти орудія то два изъ нихъ было разобрано на части и ихъ понесли на рукахъ. Въ резервъ оставленъ былъ съ 3-мя баталіонами Демидовъ; онъ былъ расположенъ вдоль большой дороги, позади Кульнева, имѣя назначеніемъ, очевидно, лишь предупреждать случайности. Отряду Козачковскаго приказано продолжать движеніе по западному берегу Куортанскаго озера, и, сообразуясь съ дѣйствіями главныхъ силъ, направляться къ Сальмъ, въ тылъ непріятелю.

Въ 10 часовъ утра пришло донесеніе отъ подполковника Лужова (начальника отряда, выдѣленнаго Властовымъ). Онъ сообщилъ, что былъ задержанъ возстановленіемъ разрушенной переправы, и что теперь тѣснить находящійся передъ нимъ непріятельскій отрядъ и продвигается по направленію къ Сальми. Только тогда начато было наступленіе и двинута сперва только обходная колонна Раевского.

Шведскій главнокомандующій, уповая на силу своей позиціи, ожиданъ атаки за своими засѣками и укрѣпленіями. Никакой развѣдки впереди лѣваго фланга, для освѣщенія примыкающаго къ нему закрытаго лѣснаго пространства, не производилось.

Раевскій выступилъ въ 10 часовъ утра. „Всѣ препятствія, кои природа произвела только можетъ, лѣса, болота, горы и каменья задержали его цѣлые четыре часа, хотя разстояніе, которое онъ долженъ былъ проходить, только 5 верстъ составляло. А затѣмъ, въ 3-мъ часу пополудни, велѣлъ я (доносить Каменскій) отереть со всѣхъ нашихъ батарей сильную канонаду. Тогда генераль-лейтенантъ Раевской, вышедъ, наконецъ, къ дорогѣ, по которой надлежало атаковать непріятеля, нашель и тутъ засѣки и принужденъ былъ вести

¹⁾ Изъ нихъ одна, выстроенная на мысу, весьма удачно афилировала шведскія батареи.

по болотамъ и лѣсамъ“ головной своей эшелонъ, которымъ начальствовалъ Эриксонъ.

„Выпедъ на первое чистое мѣсто, онъ былъ встрѣченъ сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ“ съ укрѣпленной непріятельской позиціи, „которая, будучи прислонена къ лѣсу на всей ея дистанціи, была укрѣплена батареями, промежутки оныхъ были заняты крѣпкими шанцами и все такимъ образомъ, что *нидѣ намъ флангу дать не мога*“. Эриксонъ вынужденъ былъ остановиться на опушкѣ лѣса; замѣтивъ, что наши замаялись, шведы бросили на нихъ въ штыки двѣ сплывныя колонны. Отбивъ эту атаку контръ-ударомъ и вогнавъ непріятеля въ его окопы, Эриксонъ все же вынужденъ былъ вывести своихъ изъ подъ убійственнаго огвя и укрыть на опушкѣ лѣса. Однако, шведы, пользуясь крѣпостью своего праваго фланга, перенесли оттуда часть силъ на лѣвый и возобновили атаку. Подъ вліяніемъ Адлеркрейца оборона изъ пассивной превратилась въ активную. Ударъ намѣченъ былъ въ опаснѣйшемъ для насъ направленіи на деревню Херроя (на восточномъ берегу озера Нисо), т. е. клиномъ въ разрѣзъ между обѣими нашими группами. Съ захватомъ этой деревни обходная колонна Раевского была бы изолирована отъ остальныхъ силъ отряда, дѣйствующихъ съ фронта.

Положеніе стало критическимъ: три шведскія колонны смѣло атаковали Эриксона, четвертая двинулась на деревню Херроя, занятую лишь небольшою группою нашихъ егерей. Раевскій, быстро сообразивъ оласность этого наступленія, поспѣшилъ поддержать егерей въ Херроя цѣлымъ баталіономъ, съ приказаніемъ удержать деревню во что бы то ни стало. Покамѣстъ бѣлозерцы и егеря отчаянно боролись въ Херроя, Раевскій послалъ къ графу Каменскому просьбу о присылкѣ поддержанія. Оказалось, что уже послѣднее выслано самимъ начальникомъ отряда, который прослѣдилъ передвиженіе войскъ непріятеля съ праваго фланга на лѣвый. „На лѣвомъ флангѣ за это время шелъ бой исключительно артилерійскій“. „Жесточайшая“ канонада велась съ обѣихъ сторонъ. „Наша артилерія дѣйствовала съ особеннымъ искусствомъ и мужествомъ и наносила непріятелю величайшій вредъ“. Однако, Каменскій замѣтилъ увозъ нѣсколькихъ орудій и ослабленіе огня на фронтѣ, изъ чего заключилъ, еще прежде полученія донесеній Раевского, что шведы стягиваютъ противъ него свои силы. Прежде всего онъ бросилъ въ поддержку Раевскому два эскадрона конницы, во 1-хъ, для выпгрыша времени, а затѣмъ, такъ какъ „при удачномъ окончаніи дѣла оная ему весьма-бы нужна была“. Вслѣдъ за ними (уже по полученіи донесенія Раевского) поспѣшили ближайшія войска авангарда (около 2-хъ баталіоновъ), замѣненные, въ свою очередь, изъ резерва. Такимъ образомъ, въ

руках Каменскаго остался только одинъ баталіонъ Пермскаго полка. Для движенія конница могла пользоваться только одною тропинкою, да и та находилась подъ огнемъ непріятельскихъ батарей. Эскадроны ¹⁾, справа по одному, бросились по ней во всю прыть, прикрываемые огнемъ нашихъ батарей, сдѣлавшихъ по приказанію Каменскаго, три залпа, заставившихъ этимъ замолчать непріятельскую артилерію на *миновеніе*. Этимъ мгновеніемъ конница мастерски воспользовалась и лихо пролетѣла опасное пространство. Шведы въ окопахъ приготовились принять ея атаку, но конница наша пронеслась мимо подъ ихъ огнемъ такъ быстро, что потери ея ограничились одною убитою лошадей. Тѣмъ временемъ Раевскій продолжалъ уиорно отстаиваться у Херроя; здѣсь оказали большую помощь тѣ два орудія, которыя, какъ выше упомянуто, были въ разобранномъ видѣ перенесены вслѣдъ за обходной колонной. Огонь этихъ пушекъ удерживалъ картечью повторныя атаки шведовъ на деревню, это дало время подоспѣть остальнымъ подрѣвкамъ; съ ихъ подходомъ всѣ войска Раевскаго разомъ перешли въ общее наступленіе и отбросили непріятеля въ его окопы. „Непріятель (доносить Каменскій) въ беспорядкѣ принужденъ былъ отступить къ своей позиціи и занять свои укрѣпленія, оставивъ побѣдителемъ поле, покрытое своими тѣлами“.

Такъ, къ наступленію ночи, завершился этотъ упорный и кровопролитный бой, окончившійся, повидимому, въ пользу шведовъ, удержавшихъ по всему фронту свои позиціи. Однако, графъ Клингспоръ заблагодарасудилъ ночью очистить ихъ и отойти на главную свою позицію, къ Сальми. Причина тому—вѣковѣчный его страхъ за свои пути отступленія. Появленіе отряда Лукова на Линтулакской дорогѣ ²⁾ и Козачковскаго ³⁾ на западномъ берегу Куортанскаго озера, несмотря на слабость этихъ отрядовъ, казалось уже ему угрожающимъ. Въ полной темнотѣ снялись со своихъ мѣстъ шведы и, подъ прерывтіемъ бивачныхъ огней, отступили къ Сальми. Движеніе это такъ и осталось-бы до утра незамѣченнымъ, если-бы Кудльневъ, по своему обыкновенію, не отправился ночью повѣрять наше сторожевое охраненіе. Наблюдая за непріятельскимъ лагеремъ,

¹⁾ Уланскаго Его Высочества, майора князя Манделова и Гродненскаго гусарскаго, майора Силлина.

²⁾ Луковъ шелъ прямо на Сальми (т. е. въ тылъ Куортанской позиціи), но былъ задержанъ небольшимъ аръегардомъ, который, отступая, жегъ и ломалъ мосты, такъ что Луковъ не могъ ранѣ наступленія ночи добраться до непріятельской позиціи и остановился, пославъ немедленно Каменскому извѣщеніе о мѣстѣ своего пребыванія.

³⁾ Козачковскій, наступая по ту сторону озера, послѣдовательно выбилъ бывшихъ противъ него шведовъ изъ четырехъ деревень и загналъ ихъ въ густой, болотистый лѣсъ; по прекращеніи боя на фронтѣ,—остановился и послалъ развѣдки, проникшіе почти до Сальми: но противника на *томъ берегу* совершенно не обнаружилъ.

опытный глаз его замѣтилъ одновременное воспламененіе всѣхъ бивачныхъ костровъ, а затѣмъ не одинаковое ихъ поддерживаніе, ослабленіе густоты непріятельской сторожевой цѣпи, уменьшеніе шума и движенія и т. п. признаки, по которымъ вскорѣ можно было безошибочно судить объ уходѣ шведскихъ войскъ. Для провѣрки Кульневъ послалъ казаковъ вбродъ озеромъ и донцы вскорѣ донесли, что шведскій лагерь пустъ. Докладъ Кульнева вызвалъ немедленное приказаніе Каменскаго о возобновленіи авангардомъ наступленія на разсвѣтѣ слѣдующаго дня. Кульневъ тотчасъ же переправилъ на ту сторону въ бродъ часть казаковъ и егерей, которые захватили оставленные шведами окопы, а остальная пѣхота выдѣлила нарядъ для восстановленія моста, надъ чѣмъ проработали всю ночь. Кульневъ сейчасъ-же переправилъ конницу и отрядилъ часть ея для раскрытія противника, который и былъ обнаруженъ въ 2-хъ верстахъ къ сѣверу отъ прежней его позиціи.

Кульневъ назначилъ майора 3-го егерскаго полка Худинскаго съ 6-ю ротами того-же полка тѣснить шведовъ съ фронта, а двѣ роты того же полка, подъ начальствомъ конногвардейца штабсъ-ротмистра князя Кудашева послалъ вправо, по дорогѣ, выходящей на Линтулакскую, съ тѣмъ, чтобы охватить лѣвый флангъ шведовъ и въ то же время войти въ связь съ Луковымъ.

Посланные по Линтулакской дорогѣ разбѣды вошли въ соприкосновеніе съ подходившимъ отрядомъ Лукова, который вскорѣ и примкнулъ къ Кульневу.

Остальныя войска авангарда Кульнева расположились за Худинскимъ, занявъ прежнія шведскія укрѣпленія.

Худинскій, подерѣпленный еще 1¹/₂ баталіонами, оттѣснилъ шведскій авангардъ до перекрестка дорогъ на Линтулакскъ и Сальми. Шведы почти не сопротивлялись и отступали при малѣйшемъ натискѣ, оглачиваясь огнемъ.

Наступленіе остальныхъ войскъ графа Каменскаго задерживалось переправою черезъ длинный мостъ у Руона. Слѣдуя примѣру своего великаго наставника въ военномъ дѣлѣ, Суворова, графъ Каменскій понималъ, что самое отступленіе противника послѣ куортанскаго боя, окончившагося удержаніемъ всѣхъ позицій, показываетъ несомнѣнно что силы его надломлены. Это заключеніе подтвердилось и донесеніями Кульнева о ходѣ авангарднаго дѣла. А въ такихъ случаяхъ „время“ болѣе чѣмъ когда-либо „дороже всего“. Поэтому Каменскій, не ожидая подхода всѣхъ своихъ силъ, послалъ Кульневу приказаніе атаковать „съ чѣмъ Богъ послалъ“ или, какъ оны самъ доноситъ

„форсировать неприятеля, стараться непрерывно занять Сальми и гнать неприятеля за оное селеніе“. Кульневъ раздѣлилъ свои 5¹/₂ баталіоновъ и 2 эскадрона на двѣ части, изъ коихъ большая, подъ начальствомъ майора Худинскаго двинута была въ обходъ неприятеля слѣва, а остальные дѣйствовали огнемъ съ фронта.

„Сраженіе возобновились наиупорнѣйшее и продолжалось нѣсколько часовъ съ равнымъ успѣхомъ; наконецъ, неприятель былъ сбитъ и прогнанъ на свою позицію въ Сальми, укрѣпленную батареями и шанцами на возвышенномъ мѣстѣ“. Съ истинно-суворовскимъ упорствомъ Кульневъ, устроивъ свои войска вновь въ боевой порядокъ, повелъ атаку на третью позицію шведовъ тѣмъ же порядкомъ: Худинскій и Луковъ, соединясь вмѣстѣ, пошли обходить лѣвый флангъ, а остальные войска Кульнева пошли съ фронта. Какъ только обходъ былъ законченъ, данъ былъ „пушечный сигналъ къ атакѣ“ и всѣ войска одновременно бросились на послѣдній штурмъ. Истощенные трехдневнымъ боемъ и видимо извѣрившіеся уже въ успѣхѣ шведы только отбивались усиленнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, не помышляя больше о контръ-атакахъ, хотя противъ нихъ дѣйствовала едва третья часть нашихъ силъ. Каменскій берегъ, на случай необходимости дать рѣшительный ударъ, всѣ тѣ войска, которымъ пришлось наканунѣ, у Куортане, вынести на себѣ всю тяжесть боя и которые потому нуждались въ заслуженномъ отдыхѣ (войска Раевского и Эриксона). Однако, шведы „держались крѣпко и не хотѣли уступать“ своей позиціи, пока генералъ Козачковскій, двигавшійся западнымъ берегомъ озера, не показался въ тылу у неприятеля. Появленіе здѣсь неприятельскихъ войскъ (слабую численность которыхъ *не успѣли разобрать*) произвело потрясающее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что совпало съ рѣшеніемъ Кульнева произвести общій штурмъ позиціи. Какъ электрическая искра, разомъ отъ одного фланга до другого вспыхнуло и прокатилось могучее „ура“, и всѣ войска Кульнева разомъ, дружнымъ натискомъ бросились на врага, имѣя сзади, въ видѣ резерва, конницу штабсъ-ротмистра Гротуса, которая и преслѣдовала сбитыхъ съ позиціи шведовъ на протяженіи 10-ти верстъ...

Такимъ образомъ, такъ долго подготавливаемая Клинтспоромъ укрѣпленная позиція у Сальми была имъ брошена безъ особо упорнаго сопротивленія только потому, что крошечный нашъ отрядъ Козачковскаго (всего 1 баталіонъ!) *угрожалъ* огнемъ тылу его позиціи, даже не пути отступленія, отъ котораго Козачковскій былъ отдѣленъ непроходимымъ въ бродъ протокомъ! Дѣло рѣшено въ нашу пользу однимъ авангардомъ Кульнева, при содѣйствіи отряда Лукова; главные силы Каменскаго даже не были введены въ дѣло.

Шведскіе и финляндскіе источники обыкновенно сильно нападают на Адлеркрейца (которому Клингспором¹⁾ поручено было командование войсками при Куортане) за отступление от Куортане, несмотря на то, что шведам были отбиты всѣ атаки русских. Норденшванъ („Finska kriget“ стр. 301) защищает Адлеркрейца, объясняя это рѣшеніе полученными имъ отъ начальника карельской бригады Амнова точными донесеніями о движеніи колонны Лукова, угрожавшей его тылу. Во всякомъ случаѣ пассивность шведовъ, привязавшихся къ своимъ укрѣпленіямъ—виѣ спора. Если бой у Куортане еще ведется ими въ духѣ активной обороны,—но и то не далѣе частныхъ контръ-атакъ,—то уже у Сальми они почти только отсиживаются за валами, отбиваясь однимъ огнемъ отъ слабѣйшихъ силъ Кульнева. Для парирования обхода Лукова и Козачковскаго никакихъ мѣръ не принимается, а каждый изъ этихъ отрядовъ, особенно послѣдній, совершенно отдѣленный (преградой) отъ своихъ, легко поддавался отдѣльному пораженію. Бонапартъ при Риволи былъ приблизительно въ такомъ же положеніи, въ какомъ были шведы при Сальми, но конечно, Адлеркрейцу было далеко до Бонапарта, не говоря уже о Клингспорѣ.

Приказаніе очистить Сальминскую позицію было дано самимъ Клингспоромъ, который отправилъ его Адлеркрейцу изъ Лаппо, какъ только получилъ донесеніе о столкновеніи съ русскими войсками (изъ отряда Орлова-Денсова) одного изъ заслоновъ, поставленныхъ имъ для прикрытія своихъ сообщеній съ южной стороны. Этого извѣстія было достаточно, чтобы совершенно переполошить Клингспора (хотя у него стояли войска въ Лаппфердѣ и въ Каухіокки), и онъ немедленно далъ категорическій приказъ Адлеркрейцу отступить.

Норденшванъ отмѣчаетъ странность, что всѣ шведо-финскіе писатели, упрекая Адлеркрейца за отступление отъ Куортане, ни единымъ словомъ не промолвятся по поводу отступленія отъ Сальми.

Между тѣмъ здѣсь Адлеркрейцу, пользуясь бездѣйствіемъ главныхъ силъ Каменскаго, можно было скорѣе рассчитывать одолѣть Кульнева, не боясь обходовъ мелкими отрядами, для выясненія численности которыхъ никакихъ мѣръ не принималось. Вообще, по свойствамъ финляндскихъ дорогъ (являющихся почти всегда закрытыми тѣсннами) и вообще мѣстности, затрудняющей обзоръ и распознаваніе силъ противника, безъ хорошей развѣдки легко быть введеннымъ въ заблужденіе на счетъ количества тѣхъ войскъ, съ которыми приходится имѣть дѣло. Въ походной колоннѣ—видна только

¹⁾ Самъ главнокомандующій оставался почему то въ Лаппо, въ 1—1½, переходахъ отъ поля сраженія.

голова; хвостъ скрывается въ лѣсныхъ чащахъ или въ поросшихъ соснами скалистыхъ дѣбряхъ; въ боевомъ порядкѣ—видна только стрѣлковая цѣпь; резервовъ, при искусномъ примѣненіи къ мѣстности, также не увидишь, даже въ тогдашнюю эпоху гладкаго оружія и откровеннаго перемѣщенія по полямъ сраженій. Поэтому нужна тщательная и смѣлая развѣдка, чтобы спасти себя отъ многихъ неизбѣжныхъ недоразумѣній...

Графъ Каменскій мастерски угадалъ *психологію* своего противника, на котораго, съ одной стороны, рѣшительность, упорство и настойчивость дѣйствовали ошеломляющимъ образомъ, а съ другой—устрашающе вліяли угрозы сообщеніямъ. Покамѣстъ, до вступленія Каменскаго въ командованіе, у насъ изощрились въ сочиненія разнаго рода стратегическихъ вензелей, до тѣхъ поръ—шведамъ предоставлено было широкое поле дѣятельности и, если бѣда пронеслась мимо, то единственно благодаря нерѣшительности и бездѣйствію ихъ командованія. „Упущенные благоприятные случаи“—воротить трудно. Чувствительность шведовъ къ своему тылу использовалъ и Каменскій, но разница та, что до него *маневрамъ* придавали *рѣшающее* значеніе, на нихъ основывали *весь расчетъ* и *съ фронта* дѣйствовали *вяло*. Каменскій же употреблялъ обходы какъ средство вспомогательное, *демонстративное*, а весь успѣхъ основывалъ на фронтальномъ ударѣ, сочетая этотъ ударъ съ *ближнимъ* обходомъ. Каменскій на собственномъ опытѣ убѣдился въ началѣ своей операціи, что планы, основанные исключительно на угрозахъ сообщеніямъ, являются обоюдострыми. Поэтому онъ рѣшился дѣйствовать „по Суворовски“, „атаковать и бить“ противника „въ полѣ“. Суворовъ говаривалъ, „кто удивилъ—тотъ побѣдилъ“. Новые приемы Каменскаго поразили воображеніе шведовъ настолько, что они окончательно оставили всякіе наступательные помыслы и, даже пріостановивъ первый нашъ ударъ, подъ вліяніемъ воображаемыхъ опасностей, добровольно лишили себя плодовъ этого успѣха.

Стратегическія послѣдствія августовскихъ боевъ въ связи съ дѣйствіями Властова, весьма важны. Графу Клингспору приходилось продолжать свое отступленіе и такимъ образомъ вновь возвращаться на береговую прибогическую дорогу. „Фельдмаршалъ Клингспоръ (доносилъ Каменскій) послѣ онаго отступя въ Лильеюро и собравъ всѣ войска, которые находились въ Лаппфьердѣ и около Каухаюкъ, не сталъ и тутъ держаться противу побѣдоносныхъ Россійскихъ войскъ и отступилъ къ Оровайсу, поивнувъ намъ городъ Вазу и большую часть Вазаской губерніи, оставляя за скоростью отступленія своего въ городѣ Вазѣ и другихъ мѣстахъ часть своихъ раненыхъ и довольно значущій магазейнъ“.

Такое рѣшеніе Клингспора зависѣло еще отъ слѣдующихъ обстоятельствъ, неизвѣстныхъ Каменскому. Успѣшныя дѣйствія Властова, снова нанесшаго у Перхо поражение фонъ-Фіандту, грозили сообщеніямъ Клингспора съ Эстроботніей; съ другой стороны, онъ долженъ былъ не терять связи и съ Вазою, на которую опирался оставленный имъ на побережьи отрядъ фонъ-Дебельна, поддержанный успѣшною на этотъ разъ высадкою съ Аландскихъ острововъ подъ начальствомъ фонъ-Фегезага. Отступая въ Эстроботнію, Клингспоръ оставилъ бы этотъ отрядъ на произволъ судьбы, тѣмъ болѣе, что противъ него предпринять былъ, по распоряженію графа Буксгевдена, цѣлый рядъ операций прибрежныхъ отрядовъ, о которыхъ въ своемъ мѣстѣ будетъ нами упомянуто. Такимъ образомъ, побѣды графа Каменскаго вынудили шведовъ не только оттягивать на сѣверъ ихъ главные силы, но и тѣ отряды на побережьи, которые, по смыслу основнаго плана шведовъ, должны были дѣйствовать активно намъ въ тылъ.

Другая причина, побудившая Клингспора окончательно рѣшить отступать снова вдоль Вотническаго побережья,—было полученіе имъ повелѣнія короля, въ отвѣтъ на свое донесеніе, посланное послѣ боя при Карстулѣ (см. выше). Король въ этомъ письмѣ сперва поблагодаривъ въ пышныхъ выраженіяхъ свою „финскую армію“ за „храбрость и мужество въ бояхъ“, категорически повелѣвалъ: „Моя воля и неизмѣнное приказаніе состоятъ въ томъ, чтобы Финляндія оборонялась: способъ для того мною былъ ранѣе предписанъ“. Письмо заключалось фразою: „Я повторяю еще разъ, что жители Финляндіи должны готовиться къ возврату спокойнаго будущаго, должны выбросить этихъ варваровъ-московитовъ (*dessa barbariska Moscoviter*) изъ предѣловъ, до которыхъ они никогда не доходили и т. д.“ Въ отвѣтъ на ходатайство о перевозѣ арміи на судахъ изъ Вазы въ Швецію не было ни звука. Клингспору приходилось рѣшить вопросъ самостоятельно, и онъ рѣшилъ его, въ концѣ концовъ, въ пользу отхода на сѣверъ ¹⁾.

Еще одно весьма важное послѣдствіе августовскихъ боевъ—это ихъ вліяніе на народное движеніе въ краѣ. Царившее повсюду возбужденіе смѣнилось упадкомъ духа. Возстаніе, смирить которое не могли ни ласки, ни угрозы, стало само собою постепенно утихать, и тотчасъ же облегчились для насъ условія доставки продовольствія. Наконецъ, первая побѣда Каменскаго надъ главною группою противника отозвалась сейчасъ же и на всѣхъ другихъ частяхъ театра войны.

Послѣ сраженій при Куортане и Сальми, графъ Клингспоръ намѣренъ былъ сперва задержаться у Лаппо, но здѣсь онъ получилъ

¹⁾ См. Норденшанъ, стр. 307.

донесеніе, что Фіандтъ снова разбитъ Властовымъ у Перхо, послѣ чего вынужденъ спѣшно отступать по направленію къ Гамла-Карлебю. Такое отступленіе Фіандта обнажало сообщенія графа Клингспора съ Эстроботніей. Въ то же время онъ получилъ извѣстіе, что отрядъ подъ начальствомъ фонъ-Дебельна, оставленный имъ на побережьи для прикрытія своего тыла со стороны нашихъ войскъ, дѣйствующихъ южнѣ Вазы (Орловъ-Денисовъ), получилъ поддержаніе отъ короля съ Аланда, удачно атаковалъ русскихъ, отбилъ ихъ на югъ и продвинулся почти до Бьернеборга. Такимъ образомъ, Властовъ, выйдя на береговой трактъ, могъ угрожать даже и самой Вазѣ, т. е. не только сообщеніямъ Клингспора съ сѣверомъ, но и *съ моремъ*, ибо войска, назначенныя оборонять тылъ, увлеклись преслѣдованіемъ и ушли на югъ. Это побудило шведскаго главнокомандующаго отойти еще ближе къ Вазѣ, приказавъ фонъ-Дебельну медленно отходить къ той же Вазѣ, прикрывая правый флангъ арміи съ юга; для обезпеченія же стороны отряда Властова, угрожавшаго пути отступленія въ Эстроботнію, высланъ былъ особый отрядъ Гриппенберга въ направленіи на Нью-Карлебю. Распоряженія эти начали приводиться въ исполненіе 22-го августа, въ тотъ самый день, когда графъ Каменскій занялъ Лаппо.

По мнѣнію Аминова, если расчетъ на отплытіе моремъ не оправдается, то „въ подобномъ ужасномъ положеніи“ не оставалось ничего иного, какъ уходить на сѣверъ. Адлеркрейцъ считалъ этотъ планъ „единственно возможнымъ“¹⁾. Въ концѣ концовъ, повидимому, остановились на этомъ рѣшеніи и 25-го августа Адлеркрейцъ писалъ фонъ-Фіандту, чтобы онъ, не ввязываясь въ бой съ превосходными силами, отходилъ шагъ за шагомъ къ Нью-Карлебю. Однако, королю Клингспоръ донесъ 27-го, что „въ случаѣ, если противникъ атакуетъ и потѣснитъ меня, я могу легко сосредоточить армію вокругъ Вазы и по возможности обороняться въ ея окрестностяхъ“. Шведскіе писатели полагаютъ²⁾, что главнокомандующій „финской арміей“ все еще питалъ надежду на то, что король вышлетъ ему въ Вазу транспортныя суда и дастъ возможность спасти остатки арміи. Такое стремленіе Клингспора имѣло цѣлью *сохранить надежныя кадры* для будущихъ формированій, съ помощью которыхъ шведы могли, пожалуй, надѣяться *затянуть борьбу*. А эта затяжка, при тогдашнемъ политическомъ положеніи Европы (непрочность союза Александра I съ Наполеономъ) могла имъ сулить единственную, въ сущности, надежду на благопріятный исходъ борьбы.

¹⁾ Даниельсонъ, стр. 452.

²⁾ Норденсванъ, стр. 309.

Такимъ образомъ, отходъ на сѣверъ рѣшенъ былъ въ шведской главной квартирѣ далеко не сразу, послѣ многихъ колебаній...

Въ свою очередь Каменскій также не рассчитывалъ на отступление шведовъ къ сѣверу, готовясь встрѣтить съ ихъ стороны отчаянное сопротивление *по сосредоточеніи всѣхъ силъ*.

„Удостоверился я,—доносилъ онъ,—что на Илларо (на полпути между Лаппо и Лильяуро) пошли главныя силы съ самимъ фельд-маршаломъ Клингспоромъ и потому *долженъ былъ полагать*, что онъ имѣетъ намѣреніе стянуть къ себѣ свои войска, чтобы дать мнѣ рѣшительный отпоръ... Затѣмъ послалъ тотчасъ повелѣніе генералъ-маіору Козачковскому стараться пробраться до Нью-Карлебу, а полковнику Властову—до Гамла-Карлебу и потомъ искать открыть между собой соединеніе. Комунікація моя съ генералъ-маіоромъ Ушаковымъ¹⁾ была весьма дальная и я объ немъ никакого достовѣрнаго извѣстія не имѣлъ, а потому оставалось мнѣ на сей случай считать только на одинъ свой слабый корпусъ“.

Чтобы войти въ связь съ Ушаковымъ, Каменскій пошелъ медленно на Юлларо; здѣсь, 29-го августа, былъ арьергардный бой: послѣ упорнаго сопротивленія шведскій арьергардъ былъ сбитъ и отогнанъ. На другой день къ Каменскому присоединился съ 6-ю баталіонами Ушаковъ.

„Успленъ будучи столь знатною частью (числетъ Каменскій), пошелъ я въ Илларо, чтобы атаковать всѣ силы непріятельскія“. Но, „кромѣ пустыхъ батарей и шанцовъ“—тамъ ничего не оказалось.

Дѣло въ томъ, что въ шведской главной квартирѣ начали сперва укрѣплять позицію у Лильяуро, не доходя Вазы въ 1 переходѣ; но, отъ фонъ-Фіандта пришло новое извѣстіе, что онъ подъ натискомъ превосходныхъ силъ продолжаетъ отступление по береговой дорогѣ, а отъ Гриппенберга (высланнаго ему на поддержку), что онъ находится въ полномъ отступленіи къ Нью-Карлебу (подъ натискомъ Козачковскаго). Такимъ образомъ обѣ эти группы не могли соединиться и сообщенія Клингспора съ сѣверомъ были въ опасности... Шведскій главнокомандующій прибѣгъ къ обычному средству нерѣшительныхъ людей въ трудныхъ положеніяхъ; онъ созвалъ совѣтъ изъ ближайшихъ своихъ сподвижниковъ: Клерьера, Аминова, Фегезака и Адлер-

---

¹⁾ Это были подкрѣпленія, высланныя графомъ Буксгевденомъ на поддержку слабого отряда Орлова-Денисова, съ трудомъ удержавшагося, какъ извѣстно, въ Вазской губерніи. Какъ только графъ Каменскій одержалъ верхъ надъ Клингспоромъ въ бояхъ при Куортане и Салми, тотчасъ же обонявъ отрядомъ какъ Ушакова, такъ и Бибикова (замѣстителя Орлова-Денисова), приказано было спѣшить *соединенными силами* содѣйствовать Каменскому. Содѣйствіе это могло выразиться, конечно, въ давленіи на правый флангъ расположенія шведовъ, чему способствовало данное Клингспоромъ приказаніе фонъ-Дебельцу отходить на сѣверъ, несмотря на только что одержанные успѣхи.

крейца. Онъ изложилъ имъ свои мысли, и, въ концѣ концовъ, они совмѣстно пришли къ рѣшенію *продолжать отступленіе на сѣверъ*, „единственно возможному въ данное время“,—какъ говоритъ Аминовъ, „для спасенія арміи Его королевскаго величества и государства¹⁾).

Рѣшеніе это приводило, дѣйствительно, къ *спасенію* остатковъ „финской арміи“, но уже знаменовало собою *окончательный отказъ* отъ взаимодѣйствія съ десантными попытками короля, на чемъ, въ сущности, построенъ былъ весь планъ Густава IV Адольфа. Отступая на сѣверъ, Клингспоръ и его сподвижники, въ сущности, ставили крестъ надъ дальнѣйшими активными дѣйствіями въ Финляндіи, по крайней мѣрѣ, въ кампанію этого года.

Немедленно же отправляется распоряженіе на имя фонъ-Фіандта, чтобы онъ, вмѣсто того, чтобы *разрушать* мосты на береговомъ трактѣ, наоборотъ, *возстановлялъ* ихъ. Больныхъ и раненыхъ изъ вазаскаго госпиталя, а также собранные здѣсь въ довольно значительномъ количествѣ продовольственные и боевые припасы, съ огромными затрудненіями и усиліями отправили 31-го августа по береговой дорогѣ. Только 1-го сентября начали движеніе главныя силы арміи и, отойдя на переходъ къ сѣверу, остановились у Оровайса (черт. № 19).

Шведскіе военные писатели²⁾ весьма критикуютъ графа Каменскаго за медлительность его движеній и дѣйствій въ этотъ періодъ операціи. Если бы Каменскій воспользовался тѣми днями, во время которыхъ Клингспоръ оставался въ Лилькюро, пребывая въ нерѣшимости, какъ ему поступить, то, предпринявъ тогда же рѣшительное наступленіе и атаковавъ тамъ Клингспора, онъ, повидимому, могъ бы извлечь изъ своей побѣды гораздо болѣе *богатые* результаты, чѣмъ изъ послѣдующей Оровайской. Дѣло въ томъ, что путь на сѣверъ на Оровайскъ и далѣе вдоль побережья отходилъ отъ шведской позиціи у Лилькюро въ направленіи ея фронта и потому, атакою въ охватъ лѣваго фланга шведовъ, русскіе могли бы совершенно *лишить ихъ возможности отступить въ Эстроботнію*. Такой исходъ былъ бы, пожалуй, равносильенъ окончанію тутъ же зимней кампаніи.

Но такъ представляется дѣло только съ перваго взгляда...

Какъ доносилъ самъ Каменскій изъ Лаппо, онъ могъ избрать три способа дѣйствій: 1) идти со всѣми войсками (которыхъ въ то время, до присоединенія Ушакова, и за выдѣленіемъ Козачковскаго, у него было всего 6.000 человекъ), на путь отступленія шведовъ къ сѣверу, т. е. отъ Лаппо черезъ Нидергерме къ Нью-Карлебу, во слѣдъ Козачковскому; 2) наступать безотлагательно за противникомъ къ Вазѣ и,

¹⁾ Даниельсонъ, стр. 453.

²⁾ Напримѣръ Норденсванъ, стр. 310.

дать бой, и 3) подвигаясь слѣдомъ за Клингспоромъ, послать отрядъ на его сообщенія и тѣмъ заставить его отступить. Каменскій отказывается отъ перваго рѣшенія, какъ слишкомъ рискованнаго („это обходить, тотъ самъ обойденъ“); отвергаетъ второе, ссылаясь на слишкомъ значительную кровопролитность сраженій при финляндской мѣстности и останавливается на третьемъ, наименѣе энергичномъ рѣшеніи. Казалось-бы, такіа разсужденія не вяжутся съ характеромъ Каменскаго, у котораго рѣшительность и энергія, наоборотъ, стояли на первомъ планѣ. Но Каменскій въ данномъ случаѣ показалъ, что обладаетъ и тѣмъ „холоднымъ разумомъ“, тою „tête froide“, которую требовалъ отъ полководца Наполеонъ...

Одержавъ только что 2 блестящія побѣды надъ шведами, Каменскій, во первыхъ, не хотѣлъ безразсудно рисковать участіемъ своихъ войскъ и пеходомъ кампаіи; онъ располагалъ дожидаться прежде Ушакова, относясь съ уваженіемъ къ принципу *сосредоточенія силъ*, а затѣмъ—самая обстановка ему была далеко не ясной. Весьма вѣроятно было предположить, съ одной стороны, возможность прибытія къ шведамъ съ моря подкрѣпленій, наконецъ, надо было выяснитъ не намѣрены ли они совершить посадки на суда. Можетъ быть потому Каменскій и послалъ отряды на береговую дорогу, чтобы опредѣлить этимъ путемъ, насколько это подѣйствуетъ на Клингспора, чувствительность котораго ко всякимъ угрозамъ противъ его сообщеній уже была ему по опыту отлично извѣстна? Вѣдь первоначально фонъ-Фіандтъ, послѣдно отступая передъ Властовымъ, *уничтожилъ* мосты на береговой дорогѣ и только послѣ, по *приказанію* Клингспора, сталъ ихъ возстановливать. Не могло развѣ это обстоятельство навести на мысль, что шведы *отказались* отъ отступленія на сѣверъ?

Въ такомъ случаѣ, они могли держаться только за Вазу, и такъ какъ флотъ ихъ господствовалъ на морѣ, амбаркація ихъ была вполне возможна. Заставивъ же финскую армію отступать *на сѣверъ*, Каменскій окончательно лишалъ ее всякой возможности получить со стороны моря какъ поддержку, такъ и средства къ скорѣйшему отступленію подъ прикрытіемъ флота.

Не слѣдуетъ къ тому же забывать, что войска наши въ Вазаской губерніи *только что* потерпѣли неудачу (17-го августа) у Лапфьерда¹⁾ вслѣдствіе того, что дѣйствовавшій здѣсь противъ насъ отрядъ фонъ-Дебельна былъ *подкрѣпленъ* 5-ю баталіонами, 2-мя эскадронами и 6-ю орудіями, *высаженными* подъ начальствомъ фонъ-Фегезака *южнѣ Бьернеборга*. Фактъ этотъ несомнѣнно указывалъ

¹⁾ Какъ развѣ вслѣдствіе этого Буксгевдену пришлось подкрѣпить оба отряда и 20-го августа Ушаковъ выбилъ шведовъ изъ Хухаюки, Вибиковъ — изъ Лапфьерда и къ 30-му августа 6 баталіоновъ Ушакова соединились съ Каменскимъ у Юлестаро.

Каменскому на возможность повторения таких десантов, которые могли быть произведены и ближе къ Вазѣ и въ значительно больших размѣрахъ. Въдѣ точное количество войскъ, собранных королемъ на Аландѣ, не было намъ никогда извѣстно и мы, во всякомъ случаѣ, считали его больше дѣйствительнаго. Въ виду всего изложеннаго, критика шведскихъ писателей по адресу Каменскаго едва-ли можетъ быть признана справедливой.

Обнаруживъ 31-го августа очищеніе шведами Лилькюро, графъ Каменскій двинулъ Раевского съ 5-ю баталіонами и 2-мя эскадронами занять городъ Вазу, дабы этимъ прикрыть себя съ тыла на случай повторенія высадокъ, а самъ съ остальными силами свернулъ на сѣверъ. 1-го сентября авангардъ Каменскаго, подъ начальствомъ Кульнева (въ составѣ 4 бат., 2 эск. и 1 сотни) имѣлъ сторожевое охраненіе въ 5-ти верстахъ не доходя Оровайса. 1-й эшелонъ главныхъ силъ Каменскаго (полки: Пермскій и Петровскій), подъ начальствомъ Демидова, ночевалъ въ 4-хъ верстахъ южнѣе, а самъ Каменскій съ остальными войсками — въ Верро, въ одномъ переходѣ отъ Оровайса. Такое расположеніе было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что въ этотъ самый день 1-го числа, у Нидергерме, на полпути между Лаппо и Нью-Карлебо и въ одномъ переходѣ юго-восточнѣе Оровайса, произошло столкновеніе отряда Козачковскаго съ направленнымъ сюда шведскимъ отрядомъ Грипшенберга. До выясненія обстановки, т. е. пока Каменскому эта группировка неприятельскихъ силъ не сдѣлалась ясной, онъ предпочелъ самъ съ резервомъ нѣсколько задержаться, чтобы быть въ состояніи поддержать, въ случаѣ нужды, либо Кульнева съ Демидовымъ, либо Козачковскаго, которому, въ свою очередь, помогали Властовъ, пробиравшійся еще глубже въ неприятельскій тылъ!

Дѣло въ томъ, что Клинтспоръ могъ умышленно вовлечь Каменскаго за собою по береговой дорогѣ, съ тѣмъ, чтобы броситься главной массой черезъ Нидергерме на Лаппо и отрѣзать Каменскому путь отступленія.

Въ дѣйствительности, графъ Клинтспоръ, уже окончательно отбросивъ всякія наступательныя намѣренія, занялъ крѣпкую съ фронта позицію близъ кирки Оровайсь. Свой правый флангъ онъ уперъ въ морской берегъ, образующій здѣсь небольшую губу, выдающуюся слегка передъ фронтъ позиціи. Лѣвый флангъ занималъ крутые, обрывистые утесы, окаймленные дремучимъ, усѣяннымъ камнями, лѣсомъ. Впереди фронта протекала болотистая рѣчка, топкіе берега ея поросли мелкимъ кустарникомъ. Оборона праваго фланга облегчалась для шведовъ присутствіемъ на морѣ нѣсколькихъ, пришедшихъ изъ Улеаборга, канонерокъ; лѣвый флангъ усиленъ былъ многочисленными засѣками (см. черт. № 20).

У шведовъ было не менѣе 7 тыс. подъ ружьемъ, не считая толпы вооруженныхъ крестьянъ. Русскихъ было до 6 тыс. (по счету Михайловскаго-Данилевскаго). „Во всѣхъ же сихъ войскахъ не выводилось въ строѣ сполна пяти тысячъ человекъ“, доносить въ рапортѣ своемъ самъ графъ Каменскій. Въ 1½ верстахъ отъ главной позиціи шведы заняли дефиле у мельницы небольшимъ арьергардомъ. Утромъ 2-го числа Кульневу было приказано отбросить шведовъ за мостъ, но начать бой не ранѣе 10 часовъ и отнюдь не переходить рѣчи до подхода остального отряда, которому Каменскій желалъ дать набраться силъ. Нетерпѣливый Кульневъ отступилъ отъ этого приказанія, начавъ атаку двумя часами раньше, когда войска Каменскаго еще отдыхали. Мало этого, когда первая наша атака оказалась успѣшной и непріятель былъ „попаченъ за мостъ“, Кульневъ увлекся и пустил своихъ стрѣлковъ, частью черезъ мостъ, частью въ бродъ, на тотъ берегъ. Однако, со стороны шведовъ отступление было ловушкой: ихъ арьергардъ, втягивая за собой Кульнева къ главной позиціи, подвелъ его подъ анфиладный огонь съ канонерскихъ лодокъ, откуда даже высадился десантъ и ударилъ ему во флангъ. А съ фронта шведы были поддержаны съ главной позиціи и перешли въ штыковую контръ-атаку. Несмотря на самоотверженные дѣйствія нашего единственнаго орудія, стоявшаго на дорогѣ и осыпавшаго шведовъ картечью, пока не переранена была вся прислуга, Кульневу не удалось удержаться: онъ долженъ былъ отходить назадъ и послалъ къ Демидову просить о скорѣйшей поддержкѣ. Къ счастью, Демидовъ былъ близко: полки его, Пермскій и Петровскій, ударили съ обихъ фланговъ и отбросили противника снова на главную его позицію, чему значительную поддержку оказала 4-хъ-орудійная батарея штабсъ-капитана Башмакова. „Сей растропный офицеръ (сказано въ рапортѣ Каменскаго) своимъ искуснымъ дѣйствіемъ наносилъ непріятелю не малый вредъ“. Однако, превосходство въ силахъ позволило непріятелю повторить контръ-атаку, предварительно подготовленную огнемъ батарей, расположенныхъ на высотахъ. Изъ оеоповъ затѣмъ выступили густыя колонны и „съ большимъ стремленіемъ“ ударили на центръ и правый флангъ Кульнева, стараясь прорвать его боевой порядокъ и подвести лѣвое крыло подъ огонь канонерокъ, а правое загнать въ лѣсъ. Какъ разъ въ это время прибылъ на поле сраженія графъ Каменскій, услышавшій за 15 верстъ возгорѣвшуюся канонаду. Онъ потребовалъ головныхъ 1½ баталіона изъ колонны Ушакова, подкрѣпилъ ими центръ; остальнымъ же войскамъ приказалъ остановиться у мельницы и дальше не двигаться, до полученія приказанія.

„Не хотѣвъ еще (пишетъ Каменскій) пускаться въ дѣло остальной части отряда, дабы сберечь оное на рѣшительный ударъ, который

предполагалъ нанести непріятелю не прежде, какъ предъ вечеромъ; поставя 25-й егерскій баталіонъ у мосту близъ мельницы, велѣлъ я, между тѣмъ, стягивать за оной полки Петровской, Пермской и Сѣвской на дорогу и устраивать ихъ въ боевой порядокъ и снабжать людей патронами. Сіе было произведено въ дѣйствіе въ полномъ порядкѣ и устройствѣ, несмотря на сплнный натискъ непріятеля... Уже непріятель полагалъ, что одержалъ побѣду, посунувъ войска наши почти къ самому тому мосту, откуда сраженіе началось, но тутъ былъ встрѣченъ баталіономъ 25-го Егерскаго полка и другими разсыпанными по лѣсамъ войсками...

„Сіе происходило въ четвертомъ часу пополудни и я счелъ, что уже время нанести непріятелю рѣшительный ударъ“.

Моментъ былъ „психологическій“ и Каменскій, подобно своему великому учителю Суворову, рѣшился „обновить сраженіе“¹⁾. Очевидецъ боя, Михайловскій-Данилевскій, даетъ картину болѣе удручающую, чѣмъ цитируемое официальное донесеніе. „Шведы... ударили въ штыки на нашъ центръ и опрокинули его. Наши фланги, раскинутые на большомъ пространствѣ въ стрѣлкахъ, побѣжали, опасаясь быть отрѣзанными... вся наша боевая линія была въ полномъ отступленіи, а шведы и финны, оглашая воздухъ радостными восклицаніями, быстро подавались впередъ пожинать плоды побѣды, казавшейся имъ несомнѣнною... Всѣ (у насъ) полагали сраженіе конченнымъ и проиграннымъ. Одинъ Каменскій не отчаявался“.

Онъ зналъ, что есть еще у него въ тылу *свѣжія* войска, не подоспѣвшія къ полю битвы. То были: Литовскій полкъ, 6 ротъ Могилевскаго и конница (гродненцы и польскіе уланы). Адъютантъ за адъютантомъ посылались торопить ихъ.

Когда они подоспѣли *бгомъ* къ полю сраженія, Каменскій *самъ* ихъ встрѣтилъ и ободрилъ вдохновенными словами: „Покажемъ шведамъ, каковы русскіе; не выйдемъ отсюда живы, не разбивши шведовъ въ пухъ! Ружья на перевѣсъ! За мной! Съ нами Богъ! Ура!“ Войска, воспламененныя этимъ призывомъ, бросились съ громовымъ „ура“ на противника, ободряемыя криками офицеровъ и самого Каменскаго, который лично повелъ ихъ на первый штурмъ²⁾.

Въ своемъ рапортѣ онъ какъ бы изъ скромности умалчиваетъ объ этомъ эпизодѣ, свидѣтельствующемъ о его умѣннн въ критическую минуту поднять энергію своихъ войскъ до наивысшей точки. Онъ говорить тамъ только, что „пославъ нѣсколько свѣжихъ войскъ въ лѣсъ вправо и влево... приказалъ идти съ барабаннымъ боемъ со

¹⁾ Изъ реляціи Суворова о Клявбурнѣ: „Я обновилъ въ третій разъ сраженіе“.

²⁾ Михайловскій-Данилевскій, стр. 252—53.

всѣхъ пунктовъ атаковать непріятеля“. Послѣдній, „который даже не ожидалъ и отпору, каковой нашель у мельницы, еще болѣе удивился сей новой атакѣ; а дабы произвести оную съ большимъ натискомъ, сталь я помалу усиливать правый и лѣвый фланги остальными войсками, такъ что вскорѣ, кромѣ одного баталіона Могилевскаго полка, всѣ войска были въ дѣлѣ“. И тогда поручилъ я команду праваго фланга генераль-маіору Демидову, а лѣваго—генераль-маіору Ушакову. Быстрое стремленіе неожиданной атаки дало тотчасъ иной видъ всему дѣлу: непріятель былъ тотчасъ отброшенъ, сбитъ и въ большомъ безпорядкѣ прогнанъ болѣе 3-хъ верстъ до укрѣпленной его позиціи“.

Достигнувъ снова основной своей позиціи, шведы открыли ожесточенный огонь; несмотря на туманъ и наступившую темноту, кровопролитіе не прекращалось. Каменскій приказалъ „не переставать сраженія, пока непріятель не будетъ сбитъ съ своей позиціи“; Демидову, начальствовавшему правымъ крыломъ, велѣно обойти лѣвый непріятельскій флангъ. Пока на всемъ фронтѣ, уже во мракѣ, горѣла непрерывная огненная линія выстрѣловъ, Демидовъ съ страшными трудностями пробирался черезъ густой, усѣянный камнями избородженный засѣками лѣсъ. Какъ только къ Каменскому пришло донесеніе о завершеніи обхода, немедленно имъ дано было приказаніе штурмовать позицію всѣми силами. Клингспоръ въ темнотѣ не принялъ рукопашнаго боя и, видя наши приближающіяся штурмовыя колонны, отдалъ приказъ объ отступленіи. Но уже духъ его войскъ былъ надорванъ непрерывнымъ 17-ти часовымъ боемъ. Шведы и финны, безпорядочными толпами, солдаты въ перемѣшку съ крестьянами, побѣжали, бросивъ въ Оровайсѣ на милость побѣдителя всѣхъ своихъ раненыхъ.

Преслѣдованіе, по причинѣ темноты, было ведено Кульневымъ лишь на короткое разстояніе, не болѣе 2-хъ верстъ, и было остановлено сожженнымъ шведами мостомъ.

Сраженіе при Оровайсѣ было самымъ кровопролитнымъ и продолжительнымъ за все время войны. У шведовъ вышло изъ строя болѣе 1,000 человекъ ($\frac{1}{7}$ всѣхъ силъ); у насъ убито до 400 и ранено до 700 человекъ, т. е. также свыше 1,000 человекъ или болѣе $\frac{1}{5}$. Ожесточеніе и упорство съ обѣихъ сторонъ было страшное. Утомленіе войскъ было таково, что, завладѣвъ шведской позиціей, солдаты не желали даже варить пищи и бросались отдыхать прямо на голую землю; однако, восторженно привѣтствовали они Каменскаго, который обошелъ всѣ биваки, благодаря всѣхъ отъ мала до велика за одержанную побѣду. На разсвѣтѣ весь отрядъ былъ готовъ къ выступленію чтобы продолжать тѣснить противника, но оказалось, что послѣдній отступилъ поспѣшно еще до зари.

Причиною тому были донесенія о захватѣ Властовымъ, въ тылу у Клингспора, города Гамле-Карлебу, о чемъ, въ связи съ предшествующими событіями, происходившими на прибрежной дорогѣ, будетъ сказано ниже.

Ударъ, нанесенный графомъ Каменскимъ Клингспору подъ Оровайсомъ, былъ такъ могучъ, что оказался смертельнымъ; какъ раненый звѣрь, истекая кровью, отошли назадъ остатки «финской арміи» и могли только униженно просить о перемиріи... Народное возстаніе, пламеннымъ вихремъ охватившее весь край и перекидывавшее даже огненные языки свои въ сопредѣльную Корелію—быстро стало затихать, какъ только финны увидѣли, что питать какія-либо надежды на возможность отвоеванія ихъ родины шведами—нечего и думать. Хотя война со Швеціей, послѣ Оровайса, и длилась еще почти цѣлый годъ, но уже дѣйствія ея имѣли своимъ предметомъ только коренную Швецію и ея вооруженныя силы. Финляндія, послѣ боя 2-го сентября, могла считаться нашей. Дальнѣйшія въ ней операціи свелись къ выдворенію остатковъ оборонявшихъ ее непріятельскихъ войскъ за границу этой провинціи; уже войска эти утратили возможность, безъ посторонней помощи, оказывать намъ серьезное противодѣйствіе, а помощь эта такъ и не была имъ какъ слѣдуетъ подана...

Въ сраженіи подъ Оровайсомъ графъ Каменскій проявилъ качества выдающагося генерала и выказалъ себя достойнымъ своего великаго учителя Суворова. Принявъ передъ боемъ, въ силу не вполне ясной для него обстановки, выжидательное положеніе и эшелонировавъ свои войска въ глубину такъ, чтобы быть въ состояніи, въ любомъ возможномъ для Клингспора направленіи, встрѣтить его всѣми силами, Каменскій, какъ только окончательно выяснилось присутствіе главной массы шведовъ у Оровайса, стремится во что бы то ни стало добиться серьезнаго, рѣшительнаго боевого столкновенія. Сумѣвъ вѣрно разгадать психологію своего противника, склоннаго тотчасъ же отступать при сколько нибудь затруднительныхъ обстоятельствахъ, онъ заблаговременно принимаетъ мѣры къ тому, чтобы затормозить это отступленіе (высылка Властова и Козачковскаго), а самъ ведетъ бой, послѣдовательно вовлекая противника въ ожесточенную, упорную борьбу. Онъ умышленно скушится на выдѣленіе своему авангарду, преждевременно начавшему дѣло, подрѣпленій, даетъ ихъ только въ послѣднюю минуту, требуетъ отъ войскъ колоссальнаго напряженія физическихъ и духовныхъ силъ, возвращая въ огонь по нѣсколько разъ однѣ и тѣ же части, все это (какъ видно изъ его донесенія) для того только, чтобы сберечь какъ можно больше свѣжихъ силъ для „послѣдняго удара“. Нанести этотъ ударъ онъ къ тому же заранѣе рѣшилъ „не

прежде, какъ вечеромъ“, т. е. когда противникъ, даже при удачѣ его контръ-атакъ, окажется самъ не менѣе надорванъ, чѣмъ наши передовыя войска. Введеніе самимъ Каменскимъ подъ Оровайсомъ въ бой резервовъ являетъ собою примѣръ замѣчательной выдержки, мастерскаго пользованія внезапностью, проявленія чудодѣйственнаго умѣнья взвинтить моральное напряженіе своихъ войскъ до предѣла и тонкаго воздѣйствія на духовную сторону противника, уже мечтавшаго, что побѣда—его. Въ этомъ отношеніи дѣйствія Каменскаго подъ Оровайсомъ, его умѣнье захватить въ свои руки ходъ сраженія, начало котораго разыгралось въ разрѣзъ съ его предположеніями, составляютъ положительный примѣръ и заслуживаютъ быть внесенными въ разрядъ выдающихся образцовъ роднаго военнаго искусства.

ГЛАВА XI.

Перемиріе и „конвенція“.

Положеніе дѣлъ на восточномъ театрѣ.—Положеніе нашихъ войскъ въ Кореліи.—Наступленіе князя Долгорукова.—Отходъ Сандельса къ Иденсальми.—Вой при Ютасѣ.—Дѣйствія у Гамла-Карлебю.—Дессантъ у Варанпя и бой у Локколакса.—Вой у Гельсинге.—Планъ Дебельна.—Перемиріе въ Лохтео.—Поступокъ Комитета Министровъ.—Вой у Иденсальми (Вирта).—Оттисненіе Клингсгора къ Улеборгу.—Ночная атака Сандельса у Вирта.—„Конвенція“ въ Ольніоки.—Недовольства Императора Александра.—Увольненіе графа Буксгевдена.—Оцѣнка его дѣятельности.

Вліяніе рѣшительныхъ успѣховъ графа Каменскаго сказалось и на восточномъ театрѣ военныхъ дѣйствій.

Не будучи въ состояніи за весь іюль мѣсяць предпринять что либо рѣшительное противъ Сандельса, Тучковъ ходатайствовалъ передъ Буксгевденомъ, чтобы въ его распоряженіе отданъ былъ отрядъ генераль-маіора Алексѣева, не входившій въ составъ отдѣльнаго финляндскаго корпуса, а посланный въ Корелію прямо изъ Петербурга для усмиренія тамъ народнаго возстанія. Тучковъ имѣлъ въ виду направить эти войска изъ Сердоболя черезъ Іоенсу въ тылъ Тайволы, рассчитывая этимъ маневромъ побудить Сандельса къ отступленію... Ходатайство Тучкова было уважено, но не скоро еще пришлось ему воспользоваться содѣйствіемъ Сердобольскаго отряда.

Дѣло въ томъ, что послѣднему въ Кореліи, вмѣсто выполненія возложенной на него задачи прикрытія нашихъ границъ со стороны вооруженныхъ непріятельскихъ шаекъ и укрощенія мятежа, пришлось, такъ сказать, вести борьбу за собственное существованіе. Силы Сердобольскаго отряда были сперва прямо-таки ничтожны: 4 эскадрона Мятавскаго драгунскаго полка и сотня казаковъ. По переходѣ нашей границы Алексѣевъ долженъ былъ обратиться къ жителямъ съ воззваніемъ, приглашая ихъ къ спокойствію; задерживаемыхъ съ оружіемъ въ рукахъ повстанцевъ ему предписывалось предавать смертной казни; онъ долженъ былъ все время поддерживать связь съ Выборгскимъ военнымъ губернаторомъ и съ нашими войсками въ Куоіо, причемъ въ населеніи распускать слухи, что его отрядъ двигается только на соединеніе съ войсками генерала Тучкова.

Разумѣется, выхолнить всѣ эти многочисленныя задачи ничтожному пятиэскадронному конному отряду не было ни малѣйшей возможности.

О броженіи въ Кореліи и о начавшемся вооруженіи тамошняго населенія извѣщали насъ еще заранѣе православные священники

Тайпальскаго и Иломантскаго приходовъ. Тѣмъ не менѣе отрядъ Алексѣева тронулся изъ Сердоболя въ первоначальномъ составѣ 4-го іюля; 10-го онъ достигъ рѣки Пиелисъ, ширина которой доходитъ до 200 сажень. Здѣсь паромная переправа оказалась испорченной, а на противоположномъ берегу обнаружена значительная партія вооруженныхъ поселанъ. Въ то же время выяснилось присутствіе большихъ скопищъ вправо отъ отряда Алексѣева, близъ озера Пиелисъ-Ярви. Кромѣ того Сандельсомъ, который давно уже оцѣнилъ для себя значеніе возстанія въ Корелии (обезпеченіе фланга и тыла), отряженъ былъ въ Корелию одинъ изъ его офицеровъ, Мальмъ, во главѣ партизанскаго отряда. Алексѣеву, такимъ образомъ, враги грозили съ фронта и съ обѣихъ фланговъ. Опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ своего тыла, послѣдній остановился на южномъ берегу рѣки Пиелисъ. 16-го іюля на противоположномъ берегу ея появился Мальмъ; его прибытіе послужило сигналомъ къ общему возстанію окрестныхъ крестьянъ; въ то же время распуцены были слухи о пораженіи нашихъ войскъ близъ Куоіо, скоромъ появленіи значительныхъ силъ шведовъ и ожидаемомъ наступленіи въ Корелию самого графа Клингспора съ главными силами шведской арміи. Слухи эти дошли до Алексѣва, были приняты имъ на вѣру, и онъ поспѣшилъ отступить къ границамъ старой Финляндіи, уничтожая за собою переправы. Во время отступленія повстанческія банды тревожили нашихъ драгунъ, устраивая засады и занимая тѣснины. Мальмъ искусно придавалъ вооруженнымъ крестьянамъ видъ регулярныхъ войскъ: онъ велѣлъ имъ обвязать шляпы тесьмою и придѣлать къ нимъ коварды изъ березовой коры, а къ охотничьимъ ружьямъ прицѣпить деревянные крашенные шткыи. Это придавало крестьянамъ сходство съ Саволакскими егерями, носившимъ такія же сѣрыя сермяжныя свитки, какъ и мѣстное населеніе.

Въ Петербургѣ донесенія Алексѣева о наступленіи въ Корелию большихъ силъ непріятеля побудили поспѣшить съ отправкою къ нему подкрѣпленій. Взяты были находившіяся *подъ руками* ¹⁾ въ предѣлахъ старой Финляндіи войска: 4-й Егерскій полкъ, четыре эскадрона ямбургскихъ уланъ и нѣжинскихъ драгунъ и четыре *конныхъ* орудія. 29-го іюля, еще до похода всѣхъ этихъ подкрѣпленій, Алексѣевъ былъ отгѣсненъ Мальмомъ къ самому Сердоболу: Мальмъ заставилъ его отступить, выславъ сильный отрядъ на его сообщенія. Скопища возставшихъ такъ тѣсно обложили въ Сердоболѣ Алексѣева, что послѣдній уже распорядился погрузкою на суда

¹⁾ Этими именно только и можно объяснить, что для дѣйствій въ такой пересѣченной мѣстности, какъ сѣверо-восточная Финляндія, послали преимущественно конницу и конную артилерію.

всѣхъ своихъ запасовъ съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ наступленія непріятели, отправить всѣ тяжести Ладожскимъ озеромъ. Но Мальмъ не рѣшился атаковать Сердоболь; онъ только перешелъ русскую границу и расположился въ двухъ верстахъ за нею, а узнавъ о подкрѣпленіяхъ, подошедшихъ къ Алексѣеву, поспѣшилъ отойти назадъ. Къ этому побудило его также и то обстоятельство, что большинство вооруженныхъ имъ крестьянъ начали расходиться по домамъ, какъ въслѣдствіе недостатка въ продовольствіи, а также желанія принять участіе въ уборкѣ хлѣбовъ, такъ и потому, что съ вытѣсненіемъ русскихъ войскъ изъ своихъ предѣловъ они считали задачу выполненною.

Отступленіе Алексѣева изъ шведской Корелии открыло непріятелю, кромѣ путей на Сердоболь, также дороги къ Нейшлоту, гарнизонъ котораго Тучковъ вынужденъ былъ подкрѣпить за счетъ своего и безъ того не особенно многочисленнаго отряда.

Неудачныя дѣйствія Алексѣева навлекли на него отрѣшеніе отъ командованія отрядомъ. Императоръ Александръ замѣнилъ его своимъ генераль-адъютантомъ, княземъ Долгорукимъ, который былъ подчиненъ со своимъ отрядомъ Тучкову. Такимъ образомъ дѣйствія нашихъ войскъ во всей восточной Финляндіи наконецъ были объединены.

1-го августа князь Долгоруковъ прибылъ въ Сердоболь, а 6-го выступилъ въ направленіи шведской границы, исполняя данное ему Тучковымъ предписаніе: выйти черезъ Юенсуу въ тылъ Сандельсу и тѣмъ заставить его очистить Тайвольскую позицію.

Наступленіе Долгорукова было непродолжительно: онъ вскорѣ получилъ свѣдѣнія о сосредоточеніи на флангѣ у себя огромнаго скопища повстанцевъ, по слухамъ до 6,000 человекъ, съ регулярными при немъ войсками. Такіе слухи были, конечно, преувеличены; тѣмъ не менѣе, начальникъ Сердобольскаго отряда не рисенуль продолжать движеніе и *укрѣпился* у Рускіала, поджидая подкрѣпленій. Въ это время (половина августа) въ Финляндію начала вступать, наконецъ 4-я дивизія князя Голицына ¹⁾ и головные эшелоны ея (2 баталіона Тенгинскаго, баталіонъ Навагинскаго полковъ и 3 роты Выборгскаго гарнизона) были двинуты на подкрѣпленіе Долгорукову ²⁾. Съ при-

¹⁾ Дивизія эта была назначена въ Финляндію послѣ многократныхъ усердныхъ просьбъ графа Буксендена о присылкѣ подкрѣпленій.

²⁾ По усерднымъ просьбамъ послѣдняго, адресованнымъ *прямо* въ Петербургъ. Такимъ образомъ вышло, что война, долженствовавшая идти туда, гдѣ рѣшалась судьба войны, т. е. въ *западную* часть Финляндіи, попали прежде всего на второстепенный театръ, въ *восточную* ея часть. Если бы просьбамъ не вняли въ Петербургѣ, то, вѣроятно, графъ Каменскій имѣлъ бы въ своихъ рукахъ подъ Ороайсомъ силы, если не превосходныя, то хоть равныя Клингспору, и рискъ для насъ этого важнаго боевого столкновенія былъ бы менѣе великъ.

бытіемъ ихъ 14-го августа, онъ выступилъ изъ Рускіала, у Кеми разбилъ довольно значительную банду; оставивъ здѣсь гарнизонъ, немедленно укрѣпившійся, онъ дошелъ до рѣки Шелись, черезъ которую благополучно переправился *при содѣйствіи нашихъ канонеровъ*, присланныхъ изъ Вильманстранда и пробравшихся сюда по озерамъ. Дойдя до Іоенсуу, князь Долгоруковъ пріостановился, въ виду извѣстія о занятіи сильнымъ скопищемъ противника тѣснины на дальнѣйшемъ пути его слѣдованія. Укрѣпляясь въ Іоенсуу, Долгоруковъ началъ производить широкую развѣдку для болѣе точнаго выясненія степени справедливости первоначальныхъ свѣдѣній и тѣхъ трудностей, которыя могъ неприятель ему противопоставить. Это уже было 1-го сентября, канунъ Оровайса. Развѣдка выяснила, что противникъ вовсе не столь многочисленъ и при появленіи нашихъ партій—отступаетъ. Въ дальнѣйшемъ, дѣло осложнилось размовкою Долгорукова съ Тучковымъ: послѣдній, какъ бы помѣнявшись ролю съ Буксгевденомъ въ отношеніи къ самому къ себѣ въ началѣ похода, понуждалъ Долгорукова быстрѣе двгаться впередъ, не желая ничего слышать о затрудненіяхъ и препятствіяхъ. Пререканія эти могли бы отразиться весьма невыгодно на успѣхѣ дѣла, если бы, благодаря удару, нанесенному подъ Оровайсомъ графомъ Каменскимъ шведскому главнокомандующему, всѣ махнаціи, направленныя противъ Сандельса, не оказались излишними. Когда 17-го сентября, князь Долгоруковъ, пройдя 260 верстъ *въ мѣсяцъ и 11 дней*, наконецъ достигъ Меланьеми, въ одномъ переходѣ отъ *тыла* Тайвольской позиціи, и Тучковъ изготавился атаковать послѣднюю на другой день съ нимъ совмѣстно—оказалось, что Сандельсъ, уже наканунѣ 16-го, самъ отступилъ къ Иденсальми. Отступление это вызвано было, конечно, не дѣйствіями Тучкова съ Долгоруковымъ, которые никакъ не могли спѣться, а побѣдою графа Каменскаго. Отступление Клингспора, послѣ Оровайса, вдоль побережья вновь на сѣверъ уже псключало для Сандельса возможность удерживаться въ сердцѣ Финляндіи, и онъ волей-неволей долженъ былъ разстаться съ Тайвольской позиціей и отходить на Иденсальми.

Отсюда видно, до какой степени рѣшительно было вліяніе успѣховъ графа Каменскаго. Побѣды его, одержанныя надъ источникомъ шведской силы, отдали намъ въ руки дѣйствительно всю Финляндію. Какъ обезматочившій улей, всѣ отряды и банды, доселѣ грозныя и дѣятельныя, сперва растерянно метались въ разныхъ направленіяхъ, а затѣмъ постепенно таяли. Въ Корелии волненіе еще держалось нѣкоторое время подъ предводительствомъ нѣкоего Тіанена. Отдѣльныя подвижныя колонны изъ оставленныхъ княземъ Долгоруковымъ гарнизоновъ на этапахъ въ Іоенсуу, Кеми и Рускіалѣ, избородивъ

край по разнымъ направлѣніямъ, привелъ его въ концѣ концовъ къ полному спокойствію.

Возвратимся къ событіямъ на Ботническомъ побережьи.

Ночь послѣ Оровайской побѣды 2-го сентября, русскія войска, страшно утомленныя непрерывнымъ шестнадцатичасовымъ боемъ, провели близъ мѣстной кирки. Однако уже на разсвѣтѣ графъ Каменскій поднялъ свой отрядъ, намѣревался безостановочно преслѣдовать противника. Послѣдній, какъ оказалось, отступилъ поспѣшно еще до зари, вслѣдствіе донесеній о событіяхъ, совершившихся въ тылу его.

Еще 1-го сентября генералъ Козачковскій, направленный, какъ извѣстно, Каменскимъ, черезъ Каухава на Ньюкарлебу, въ тылъ Клингспору, дойдя до Каухавы, нашелъ здѣсь мостъ разрушеннымъ; тогда, наведя плавучій мостъ, Козачковскій перешелъ протокъ и атаковалъ Ютасъ, гдѣ находился арьергардъ бригады фонъ Дебельна, игравшей роль заслона для обезпеченія слѣва сообщеній шведской арміи. Бой при Ютасѣ оказался для насъ неудачнымъ, ¹⁾ и Козачковскій долженъ былъ отойти къ Нидергерме, гдѣ и вошелъ въ связь съ главными силами графа Каменскаго.

Этотъ частный успѣхъ надъ небольшимъ нашимъ отрядомъ при Ютасѣ сравнительно мало отразился на общемъ успѣшномъ ходѣ нашихъ дѣлъ. Значеніе побѣды Дебельна свелось къ тому, что онъ, своею смѣлою контръ-атакою при Ютасѣ, обезпечилъ благополучный проходъ по береговой дорогѣ обозныхъ колоннъ графа Клингспора наканунѣ Оровайскаго боя и прикрылъ путь отступленія самой арміи послѣ этого боя. Но кромѣ отряда Козачковскаго въ тылъ Клингспору двигался еще Властовъ, который, послѣ боя при Карстулѣ, не переставалъ гнать передъ собою безостановочно остатки разбитаго нмѣ тамъ отряда фонъ-Фіандта. Это неустанное преслѣдованіе продолжалось весь августъ мѣсяцъ, причемъ утомленный и утратившій будрость духа Фіандтъ уже не дѣлалъ никакихъ попытокъ къ сопротивленію, а довольствовался лишь уничтоженіемъ переправъ и порчею дорогъ. Какъ сказано было выше, онъ продолжалъ тоже и на прибрежномъ трактѣ, до тѣхъ поръ, пока окончательно созрѣвшее рѣшеніе Клингспора отступить на сѣверъ не по-

¹⁾ Бой при Ютасѣ описанъ въ «Разказахъ прапорщика Столя» Рунебергомъ и весьма чтится въ Финляндіи. На полѣ битвы водвигнутъ монументъ съ изображеніемъ фонъ-Дебельна, который въ этомъ бою, будучи одержимъ жестокой лихорадкой, спѣшно при-
былъ на поддержку арьергарда со своимъ бьернеборгцемъ и отбилъ атаку русскихъ. Распѣ-
ваемый лонинѣ всю Финляндіей востановленный «Бьернеборгскій маршъ», призывающій къ
вооруженной борьбѣ за отечество противъ «насилія», приуроченъ именно къ этой контръ-
атакѣ; онъ же изображаетъ извѣстную картину художника Эдельфельдта подъ тѣмъ же на-
званіемъ.

будило отмѣнить это и, наоборотъ, приказать возстановлять всё мосты. Тѣмъ не менѣе, въ своей поспѣшности, бросивъ Гамла-Карлебю, онъ не успѣлъ возстановить разрушенный имъ мостъ у Химанко, на прибрежномъ трактѣ. Властовъ занялъ Гамла-Карлебю 2-го сентября, въ день Оровайскаго сраженія, и, такимъ образомъ, путь отступления шведскихъ главныхъ силъ былъ *перехваченъ*. Указанное обстоятельство,—т. е. разрушеніе Химаньскаго моста,—по свидѣтельству графа П. К. Сухтелена ¹⁾, заставило шведскаго главнокомандующаго „поневоля“ принять бой подъ Оровайсомъ; иначе весьма возможно, что онъ, въ силу личныхъ свойствъ своихъ, и на этотъ разъ постарался бы отъ него уклониться.

О занятіи Властовымъ Гамла-Карлебю и объ отбитой атакѣ Козачковскаго Клингспоръ узналъ нѣсколько часовъ спустя послѣ Оровайскаго боя. При свойственной ему преувеличенной заботливости о своихъ сообщеніяхъ, такого извѣстія было достаточно для того, чтобы заставить его сняться съ бивака и отступить еще до восхода солнца. 3-го сентября онъ благополучно миновалъ Нью-Карлебю, сжегъ здѣсь мостъ и занялъ позицію у Сундбю, располагая задержать здѣсь наши передовыя войска, а тѣмъ временемъ успѣть вывезти изъ Якобштадта запасы и госпитали. Послѣ этого Клингспоръ рассчитывалъ *сбить* Властова и продолжать отступление на сѣверъ. Задача для него облегчалась существованіемъ въ Эстроботніи цѣлаго ряда рѣкъ и протоковъ, впадающихъ въ Ботнической заливъ и, особенно въ устьяхъ своихъ, представляющихъ собою довольно солидныя препятствія, хотя и не такія, какъ весною во время половодья. Тамъ, гдѣ во время зимняго похода Кульневъ насѣдалъ на отступавшихъ шведовъ, не стѣняясь этими преградами и пуская свою конницу въ обходъ фланговъ по льду Ботническаго залива,—теперь Клингспоръ успѣшно прикрывалъ свое отступление, уничтожая мосты и *пользуясь моремъ для отправки водою въ тылъ всего того, что подлежало эвакуаціи*.

Узнавъ о захватѣ Гамла-Карлебю Властовымъ, Фіандтъ остановилъ свой бѣгъ на сѣверъ и попытался черезъ Недерветиль войти въ связь съ подходящими съ юга головными эшелонами арміи Клингспора. Властовъ перешелъ въ наступленіе, но, угрожаемый съ двухъ сторонъ, долженъ былъ очистить Гамла-Карлебю, и отойти на югъ къ Недерветиль. Путь отступления шведовъ оказался опять *свободенъ* и они, пройдя Гамла-Карлебю, продолжали отходъ на сѣверъ.

Отсюда видно, что захватъ пути отступления противника отдѣльнымъ отрядомъ, что постоянно стремились дѣлать въ эту войну обѣ

¹⁾ («Картины военныхъ дѣйствій 1808—09 г. стр. 152»).

стороны, только тогда действителенъ, когда силы такого отряда достаточно внушительны, чтобы онъ могъ сдержатъ натискъ отступающихъ въ теченіе пужнаго времени.

10-го сентября Гамла-Карлебу было занято уже графомъ Каменскимъ, а Кульневъ, опять очутившійся въ авангардѣ и непрерывно удерживавшій соприкосновеніе съ противникомъ, возстановивъ разрушенную мостъ, продолжалъ преслѣдованіе; но въ 3-хъ верстахъ сѣвернѣе оказалась новая разрушенная переправа, а на другомъ берегу—непріятельскій аррьергардъ, укрѣпившій позицію. Графъ Каменскій двинулъ отряды Властова ¹⁾ и Козачковскаго въ обходъ этой позиціи, а самъ рѣшилъ форсировать съ фронта широкой протокъ, для чего приступлено было къ заготовкѣ плотовъ. Но на другой день, 12-го сентября, прибылъ сюда главнокомандующій графъ Буксгевденъ, выѣхавшій изъ Або 4-го сентября, по полученіи донесеній графа Каменскаго объ Оровайсѣ. Видя, что дѣла приняли совершенно иной оборотъ, онъ призналъ свое личное присутствіе здѣсь болѣе необходимымъ.

Узнавъ о пріѣздѣ главнокомандующаго, графъ Клингспоръ обратился къ нему съ предложеніемъ заключить перемиріе. Чтобы понятъ ясно побудительныя причины такого обращенія, необходимо имѣть въ виду, что послѣ отъѣзда изъ Або графа Буксгевдена, тамъ произошли слѣдующія событія.

Какъ извѣстно читателямъ, Шведскій король уже съ іюля мѣсяца находился на Аландскихъ островахъ, намѣреваясь лично руководить высадками на финляндскомъ побережьи для содѣйствія графу Клингспору. Неудача первыхъ попытокъ въ этомъ направленіи въ началѣ іюня побудила его забрать это дѣло въ свои собственныя руки; это понятно, если принять во вниманіе, что идея содѣйствія Клингспору не непосредственнымъ усиленіемъ его войскъ, а путемъ десантовъ въ тылу у непріятеля, повидимому, принадлежала самому Густаву Адольфу IV. Однако, сосредоточеніе войскъ, сборъ необходимыхъ техническихъ средствъ и обученіе дѣйствию на гребныхъ судахъ шли далеко не успѣшно. Тѣмъ не менѣе, какъ только пришло извѣстіе о пораженіи Клингспора при Куортане и Сальми, король рѣшилъ немедленно оказать содѣйствіе „сѣверно-финской арміи“ и отрядилъ изъ имѣвшихся въ его распоряженіи войскъ ²⁾—2,600 человекъ подъ начальствомъ генерала Лантингстаузена, которые должны были высадиться въ окрестностяхъ Або. Кромѣ того, изъ порта Гефле должна

¹⁾ Присоединившагося опять къ главнымъ силамъ.

²⁾ Войска, собранныя на Аландѣ, съ 20-го іюля получили, какъ уже упомянуто, громкое наименованіе «Южно-финской арміи»; одновременно войска графа Клингспора названы арміей «Сѣверно-финской». Численность первой не превышала, однако, 6,000 человекъ.

была отплыть эскадра, съ двумя бригадами отборныхъ шведскихъ войскъ, въ число которыхъ входила и королевская гвардія. Эскадра эта имѣла приказаніе идти къ сѣверной части Аландскихъ острововъ и здѣсь ожидать приказанія короля относительно мѣста, гдѣ производить высадку.

Въ дѣйствительности только Лантинггаузенъ достигъ своей цѣли. Онъ высадился въ Варанпяя, въ 70-ти верстахъ отъ Або; передовые посты и заставы наши, руководимые молодыми офицерами, неосмотрительно ввязались въ бой съ превосходными силами и были разбиты. Непріятель продвинулся впередъ до Локколаса, но здѣсь встрѣченъ былъ отрядомъ генерала Чоглокова, которому князь Багратионъ (оставшійся здѣсь старшимъ по отъѣздѣ графа Бузгевдена) поручилъ съ баталіонами Перновскаго и Невскаго полковъ, полуэскадрономъ гусаръ и 4-мя орудіями задержать высадившихся. Въ то же время посланы приказанія всѣмъ ближайшимъ войскамъ идти на поддержку Чоглокову. Вечеромъ 3-го сентября стороны столкнулись у Локколаса передовыми частями, а на утро завязалось серьезное дѣло, окончившееся отступленіемъ шведовъ къ своимъ судамъ, такъ какъ князь Багратионъ, шедшій лично во главѣ подкрѣпленій, направилъ послѣднія въ разрѣзъ между моремъ и непріятельскимъ десантомъ, чѣмъ вынудилъ послѣдній къ послѣдному отступленію на суда. Что же касается шведской эскадры, вышедшей изъ Гефле, то она попала въ туманъ и противные вѣтры; обѣщанныхъ крейсеровъ съ лоцманомъ на сѣверной оконечности Аланда она не встрѣтила, а тѣмъ временемъ разразившаяся буря разбросала суда въ разныя стороны, и они отдѣльными группами разновременно достигли шведскихъ береговъ. Только самое незначительное число десантныхъ войскъ этого отряда достигло береговъ Финляндіи и присоединилось къ „Сѣверно-финской арміи“, суда же съ артилеріей затонули.

Вѣсти объ этой неудачѣ достигли до короля одновременно съ донесеніями о пораженіи Клингспора подъ Оровайсомъ. Разгнѣванный, онъ рѣшилъ сразу выбросить всѣ бывшія въ его распоряженіи на Аландѣ силы на материкъ. Свыше 5,000 человекъ подъ начальствомъ генерала Боіе было посажено на суда; имъ велѣно высадиться у Гельсинге, причемъ самъ король сопровождалъ десантный отрядъ на яхтѣ „Амадисъ“, желая присутствовать при этой операціи, на которую возлагалъ свои послѣднія упованія. Какъ и при высадкѣ Лантинггаузена, передовыя наши части были легко опрокинуты; въ теченіе двухъ сутокъ шведы оттѣсняли ихъ, причемъ, выполняя заранее отданное княземъ Багратиономъ приказаніе, наши отряды отходили концентрически къ узловому пункту, Хнмойсу, гдѣ заранее укрѣплена была тѣснина. 16-го сентября это сосредоточеніе совер-

шилось; послѣ произведенной лично развѣдки, князь Багратионъ убѣдился въ томъ, что на этотъ разъ высажены силы довольно значительныя, что подтверждалось и личнымъ присутствіемъ короля. Несмотря на то, что слухи сообщали о количествѣ войскъ непріятеля свѣдѣнія преувеличенныя, князь Багратионъ, какъ истый „суворовецъ“, и не думалъ о пассивномъ образѣ дѣйствій, хотя именно этому болѣе отвѣчала мѣстность. Онъ рѣшилъ *предупредить* готовящуюся атаку противника и самъ атаковать шведовъ. Раздѣливъ свои войска (всего 6 съ небольшимъ баталіоновъ) на 3 колонны, онъ направилъ правую, подъ начальствомъ Бороздина, противъ лѣваго крыла непріятеля, вдоль озера, откуда только что двинулась шведская колонна въ 4 баталіона въ обходъ нашей позиціи; центръ, порученный Багговуту, долженъ былъ удерживаться близъ большой дороги, а лѣвую колонну, маіора Бека, онъ послалъ въ тылъ праваго непріятельскаго фланга, черезъ цѣпь утесовъ, по едва проходимой тропинкѣ, какъ когда-то не разъ самъ ходилъ у Суворова въ швейцарскомъ походѣ.

Въ теченіе четырехъ часовъ боролся съ непріателемъ Бороздинъ и, наконецъ, отбросилъ противника къ деревнѣ Ярвенпяя, которую вскорѣ и занялъ. Багговуть не далъ развернуться двигавшейся противъ него шведской колоннѣ и началъ тѣснить ее вдоль большой дороги, а наша артилерія разстроила ряды непріятеля; увлекшись одержаннымъ успѣхомъ, обѣ наши колонны постепенно продвигались впередъ и между ними образовывался все болѣй и болѣй промежутокъ. Этимъ именно и рѣшилъ воспользоваться генераль Боіе и двинулъ туда сильную колонну, которая должна была разобщить наши войска между собою. Но эта контръ-атака была отбита Багратиономъ, который, какъ подъ Шенграбеномъ, повелъ самъ пѣхоту въ штыки и отразилъ ударъ, въ то время какъ подъ руководствомъ его начальника штаба, генерала Адеркаса, рассыпавшіеся по скаламъ стрѣлки наши осыпали шведскую колонну продольнымъ огнемъ съ обонхъ фланговъ. Этотъ отпоръ былъ успѣшенъ, и даже, на плечахъ отбитаго непріятеля, наши солдаты ворвались на мызу Віансъ, составлявшую тактическій ключъ непріятельской позиціи, и овладѣли ею.

Тѣмъ временемъ маіоръ Бекъ пробирался по скаламъ и дебрямъ въ тылъ шведовъ. Какъ только войска его показались на гребняхъ утесовъ и стали съ нихъ спускаться,—тотчасъ же въ рядахъ противника обнаружился безпорядокъ, замѣченный Багратиономъ, который прямо направилъ Бороздина къ мѣсту высадки непріятеля, не заботясь о связи съ остальными войсками. Шведы стали послѣшно отступать къ Гельсинге. Гродненскіе гусары, съ маіоромъ Лидерсомъ во главѣ, воспользовавшись небольшою равниною, произвели атаку,

и удачный удар этой лихой конницы (отсутствовавшей у шведовъ) обратилъ ихъ отступление въ полное бѣгство. Въ самомъ Гельсингге генераль Боје попытался дать еще отпоръ, дабы хоть сколько-нибудь прикрыть посадку своихъ войскъ на суда, но подоспѣвшая наша артилерія осыпала ихъ градомъ снарядовъ и привела въ полнѣйшій беспорядокъ. Около 1.000 труповъ непріятельскихъ—почти $\frac{1}{2}$ всего отряда—успѣли поле сраженія; 15 офицеровъ, 350 нижнихъ чиновъ, 1 знамя, 5 пушекъ, боевые припасы и весь обозъ достались въ руки побѣдителя, потерявшаго до 400 человекъ... Бѣгство шведовъ происходило на глазахъ короля, который на своей яхтѣ показался въ виду Гельсингге, какъ разъ въ минуту разгрома. Онъ пытался ободрить бѣглецовъ и восстановить порядокъ, но вспыхнувшій отъ огня нашей артилеріи въ селеніи пожаръ, раздуваемый вѣтромъ, грозилъ серьезной опасностью флотилии шведовъ. Поэтому суда шведскія, не исключая и королевской яхты, успѣли удалиться. По возвращеніи на Аландскіе острова, король всею силою своего гнѣва обрушился на злосчастную свою гвардію и въ наказаніе лишилъ ее знаменъ и другихъ преимуществъ. Несомнѣнно такія мѣры породили глухое недовольство и содѣйствовали успѣху совершившагося черезъ полгода переворота, лишившаго короля престола его предковъ. Извѣстія съ Аланда пришли въ Швецію почти одновременно съ вѣстями объ Оровайскѣ и, разумѣется, еще усилили угнетенное настроеніе.

Дѣйствія Багратіона въ этомъ бою высоко поучительны. Они пронизаны духомъ истинно-суворовской активности, при направленіи главнаго удара въ самое чувствительное мѣсто противника. Погромъ у Гельсингге довершилъ то, что сдѣлано было Каменскимъ подъ Оровайсомъ: неудача десантныхъ операцій и невозможность ихъ возобновить въ ближайшемъ будущемъ—лишала шведовъ всякой надежды на задержку вторичнаго и на этотъ разъ окончательнаго завоеванія Финляндіи.

Главнокомандующему Клингспорю стало яснымъ, что онъ окончательно и всецѣло предоставленъ собственнымъ силамъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что предложеніе заключить перемиріе сдѣлано было графомъ Клингспоромъ еще *до отбитія высадки* у Гельсингге. Главнокомандующій, видимо, не рассчитывалъ даже на возможность повторенія такой попытки послѣ неудачи Лантингаузена у Варанья-Локаласа, а надлежащей *связи* между нимъ и королемъ, надо полагать, не было; иначе трудно себѣ представить, какимъ образомъ близъ Або производилось рѣшительное предпріятіе въ то самое время, когда сѣвернѣе Гамла-Карлебю завязались уже переговоры о приостановкѣ военныхъ дѣйствій. Безполезность затѣи швед-

саго короля въ данномъ случаѣ ясна уже изъ одного взгляда на карту: съ отступленіемъ Клингспора *сѣверныя* Вазы высадка въ окрестностяхъ Або становилась такъ далека отъ района операций главныхъ массъ обѣихъ сторонъ, что даже при успѣхѣ она не могла бы существенно измѣнить положенія вещей. Во всякомъ случаѣ она имѣла бы только моральное значеніе, тогда какъ придача этихъ пяти тысячъ непосредственно Клингспору давала бы ему столь значительный перевѣсъ въ силахъ, что наше дальнѣйшее наступленіе могло бы быть приостановлено.

Графъ Клингспоръ искалъ перемирія, чтобы поѣхать въ Стокгольмъ яе-бы для поправленія разстроеннаго здоровья, а на самомъ дѣлѣ — чтобы уклониться отъ той тяжелой и отвѣтственной роли, которая выпала на его долю. Клингспоръ намѣревался лично убѣдить короля въ необходимости отказаться отъ намѣренія отстоять Финляндію. Мы знаемъ уже, что Клингспоръ еще въ первой половинѣ августа добивался отъ короля разрѣшенія *переправиться со всею своею арміею, артилеріею и обозомъ, черезъ сѣверный Кваркенъ въ Швецію*, для чего просилъ прислать достаточное количество транспортныхъ судовъ. Въ послѣдующихъ донесеніяхъ онъ продолжалъ описывать яркими красками тяжелое положеніе арміи, которая, несмотря на всю свою храбрость, не въ состояніи противиться „превосходнымъ силамъ“. Предвидя тяжкія послѣдствія новаго отступательнаго марша на сѣверъ, во время котораго армія, двигаясь въ осеннюю непогоду по дурнымъ дорогамъ, рискуетъ потерять свои тяжести и орудія, а также опасаясь безкормицы, особенно для лошадей, Клингспоръ настойчиво убѣждалъ короля прибѣгнуть къ этому рѣшенію. Пока противникъ долженъ будетъ предпринять продолжительное кружное движеніе черезъ Торнео, шведскій главнокомандующій (очевидно не предвидя возможности нашего будущаго смѣлаго марша черезъ ледъ) рассчитывалъ реорганизовать, пополнить и дать отдыхъ на родинѣ своимъ истомленнымъ войскамъ. Король по прежнему стоялъ на своемъ: армія финская обязана защищать Финляндію, какъ-то и значитъ въ королевской инструкціи ея главнокомандующему; самому фельдмаршалу, если того требуетъ состояніе его здоровья, не возбраняется вернуться въ Швецію, съ тѣмъ, чтобы его въ этомъ случаѣ замѣшалъ генераль-отъ-инфантеріи Клеркеръ.

Чѣмъ въ дѣйствительности вызывалось это стремленіе Клингспора прекратить вооруженную борьбу въ Финляндіи и перенести ее на территорію коренной Швеціи? Не былъ ли онъ въ сношеніяхъ съ тѣми лицами, которыя въ то время уже подготавливали государственный переворотъ? Какъ бы то ни было, выгоды перемирія были

всецѣло на сторонѣ шведовъ, истомленныхъ физически и нравственно, лишенныхъ продовольствія въ опустошенномъ краѣ и уже поколебленныхъ духомъ. „Надежда возвратиться въ отечество съ мечемъ въ рукахъ совершенно исчезла (пишетъ шведскій ген. Аминовъ, участникъ похода). Можно ли послѣ того удивляться, что болѣзни, неудовольствія и равнодушіе мало-по-малу вкрались въ нашу храбрую армію и вскорѣ оказалось въ ней величайшее зло—побѣги“.

Однако, не всѣ шведскіе генералы находили положеніе безвыходнымъ и перемиріе—единственнымъ средствомъ спасти армію. Смѣлый и энергичный фонъ-Дебельнъ, изнуряемый жестокою лихорадкою, вслѣдъ за боемъ у Ютаса, подалъ Клигспорту записку (полученную имъ во время Оровайскаго сраженія), въ которой предлагалъ *броситься всеми силами* въ направлеиіи одержаннаго успѣха, т. е. вслѣдъ за отступившимъ Козачковскимъ, по дорогѣ на Лаппо—Алаво—Вирдойсь—Таммерфорсь. Этимъ движеніемъ всѣ наши войска въ южной и юго-западной Финляндіи отрѣзывались отъ сообщеній съ Россіей и даже могли очутиться между двухъ огней, если король съ Аланда повторилъ бы свою высадку.

„Русскій Императоръ никогда болѣе не услышалъ бы объ своей арміи и принужденъ былъ бы навсегда отказаться отъ завоеванія Финляндіи“. При всемъ уваженіи къ имени генерала Дебельна, какъ одного изъ наиболѣе отличившихся въ эту войну шведскихъ генераловъ—*тактиковъ*, нельзя серьезно относиться къ этому плану, полному благороднаго порыва, но совершенно не соображенному съ обстановкою. Ни силы, ни главное, качественное состояніе шведской арміи, особенно въ данный моментъ, не отвѣчали такому наступленію. Къ тому же, вторгаясь въ центръ района нашего расположенія, Клигспортъ, несомнѣнно былъ бы весьма скоро окруженъ нашими отдѣльными дѣйствующими отрядами и могъ быть самъ поставленъ въ безвыходное положеніе въ смыслѣ питанія.

Несомнѣнно, что дальнѣйшее рѣшительное наступленіе наше сулло намъ быстрое окончаніе войны; поэтому соглашаться на перемиріе было съ нашей стороны безусловно ошибочно. Въ оправданіе графа Буьсгевдена должно сказать, что ему не было извѣстно о новомъ положеніи вещей въ Куопіоскомъ районѣ, гдѣ Сандельсъ какъ разъ къ этому времени очистилъ Тайвольскую позицію, а главною выгодною перемирія нашъ главнокомандующій именно и считалъ условіе отвода Сандельса назадъ къ Иденсалми. Кромѣ того, нашъ главнокомандующій располагалъ дать отдыхъ войскамъ, подтянуть продовольствіе, а съ наступленіемъ зимы приступить къ выполненію давно задуманнаго перехода въ Швецію, возможнаго сравнительно легко только въ это время года. Да и самое наступленіе вокругъ

Ботническаго залива облегчалось зимою, когда главныя преграды здѣсь—широкія и быстрыя рѣки—замерзали.

Переговоры состоялись въ Лохтео 17-го сентября, и перемиріе было подписано. Шведы отошли къ Химанко, по сю сторону котораго проведена демаркаціонная линія; между Тучковымъ и Сандельсомъ она прошла черезъ селеніе Иденсальми. Срокъ перемирія установленъ не былъ, и лишь постановлено извѣстить другъ друга за 8 дней о возобновленіи военныхъ дѣйствій.

Донесеніе о соединеніи войскъ Тучкова съ Сердобольскимъ отрядомъ, о занятіи ими Тайвольской позиціи и объ отступленіи Сандельса къ Иденсальми получено было въ Петербургъ одновременно съ донесеніемъ графа Буксгевдена о заключеніи перемирія. Императоръ Александръ Павловичъ находился въ то время въ Эрфуртѣ и на время своего отсутствія уполномочилъ комитетъ министровъ объявлять Высочайшія повелѣнія въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства. По предложенію военнаго министра графа Аракчеева назначено было экстренное засѣданіе комитета, въ которое приглашенъ генераль Кноррингъ, бывшій генераль-квартирмейстеромъ нашихъ войскъ въ Финляндіи въ войну 1788—1790 г.г. и поэтому весьма часто являвшійся въ качествѣ какъ бы „петербургскаго эксперта финляндскихъ дѣлъ“. Генераль Кноррингъ самъ мѣтилъ въ главнокомандующіе финляндской арміи (онъ и замѣстилъ вскорѣ графа Буксгевдена) и потому всегда охотно критиковалъ всѣ дѣйствія и распоряженія своего предмѣстника.

Совѣщаніе комитета приняло въ соображеніе: а) успѣхи графа Каменскаго и разстроенное состояніе войскъ графа Клигспора, тогда какъ нашъ отрядъ Тучкова „находился еще въ совершенномъ устройствѣ“; б) что предложеніе о перемирії послѣдовало отъ Клигспора, когда онъ занялъ крѣпкую позицію за широкой рѣкою,—что подтверждаетъ разстройство его войскъ; в) что выгода отъ перемирія—отходъ Сандельса—уже и такъ достигнута, и г) что, наоборотъ, только рѣшительнымъ наступленіемъ Тучкова къ Улеаборгу можно добиться окончанія войны, отрѣзавъ отступленіе въ Швецію остаткамъ войскъ Клигспора. Поэтому комитетъ, именемъ Государя Императора, предписалъ главнокомандующему *„немедленно разрушить перемиріе“* и *„причиненную тѣмъ въ дѣйствіяхъ остановку вознаградить поступнымъ движеніемъ корпуса Тучкова“*.

Кромѣ того, комитетъ одобрилъ предположеніе военнаго министра послать въ Финляндію, кромѣ уже вступившей туда (съ половины августа) 4-й дивизіи князя Голицына, съ приходомъ которой общая численность нашихъ войскъ въ Финляндіи доведена была до 45 тысячъ человекъ,—еще два „резерва“: одинъ изъ 3-хъ баталіоновъ

(въ Ловизу), а другой (изъ двухъ баталіоновъ преображенцевъ и измайловцевъ)—въ Вильманстрандъ.

Графъ Буксгевденъ, въ пространномъ донесеніи на Высочайшее Имя, оправдывалъ свои распоряженія и доказывалъ необходимость перемирія; однако, комитетъ министровъ не призналъ его доводовъ уважительными и 4-го октября снова повторилъ ему Высочайшее повелѣніе немедленно возобновить военныя дѣйствія. Обо всемъ этомъ Государь получилъ донесенія въ Эрфуртѣ и вполне одобрилъ распоряженія комитета, а заключенное перемиріе (въ письмѣ къ государственному канцлеру графу Румянцеву) назвалъ „ошибкою непростительною“.

Во время перемирія часть войскъ изъ колонны графа Каменскаго была передвинута графомъ Буксгевденомъ на усиленіе Тучкова, въ силу того особаго значенія, которое онъ упорно придавалъ этой колоннѣ; туда же направлены были гвардейскіе баталіоны Преображенскаго и Измайловскаго полковъ, назначенные въ Финляндію согласно постановленія комитета министровъ отъ 25-го сентября. Остальныя прибывшія подкрѣпленія были посланы частью въ отрядъ Каменскаго, частью (подъ начальствомъ князя Голицына) эшелонированы между Гамла-Карлебу и Вазою, служа ему ближайшими резервами. Такое расположеніе, очевидно, вызывалось непрекращающимся ожиданіемъ повторенія казыхъ-либо болѣе рѣшительныхъ десантныхъ операцій короля съ Аланда, направленныхъ ближе къ тылу нашихъ наступающихъ на сѣверъ войскъ.

Шведскій главнокомандующій, какъ только подписано было перемиріе, тотчасъ же уѣхалъ въ Стокгольмъ, сдѣвъ армію престарѣлому, но не по лѣтамъ энергичному Клерверу. Послѣдній укрѣпилъ цѣлый рядъ позицій у себя въ тылу, пополнилъ ряды своихъ войскъ, а также послалъ подкрѣпленіе Сандельсу (было прислано около 3.000 человекъ изъ Швеціи); свое расположеніе у Химанко онъ усилилъ такъ, что по словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, превратилъ его „въ настоящую крѣпость“; шведскіе инженеры приложили здѣсь все свое искусство и стараніе; силы Клеркера достигли 9.000 пѣхоты при 500 человекъ конницы и 37 орудіяхъ; у Сандельса было до 4.000.

Такимъ образомъ, шведы использовали подаренную имъ нами передыжку, насколько было возможно. Густавъ IV Адольфъ, несмотря на всѣ понесенныя неудачи, упорствовалъ и ни подъ какииъ видомъ не соглашался очистить Финляндію; онъ, наоборотъ, требовалъ отъ Клеркера удержать во что бы то ни стало оставшуюся въ его рукахъ часть края.

По полученіи повторнаго Высочайшаго повелѣнія (изданнаго комитетомъ министровъ) о прекращеніи перемирія, главнокомандующій

приказалъ графу Каменскому перейти нейтральную черту и, войдя съ противникомъ въ соприкосновеніе, развлекать его вниманіе, не переходя въ рѣшительное наступленіе, чтобы дать колоннѣ Тучкова время сбить Сандельса и затѣмъ выиграть достаточно пространства для того, чтобы вѣрнѣе удалось его движеніе въ тылъ отступавшимъ вдоль побережья войскамъ Клинтспора. Графъ Буксгевденъ держался, какъ сказано, за свою первоначальную идею „поставить между двухъ огней“ главную группу непріятельскихъ войскъ. Но и третья по счету попытка его въ этомъ направленіи окончилась снова неудачно: „рѣшителемъ похода“ (по выраженію Михайловскаго-Данилевскаго) оказался, волею судьбы, опять-таки графъ Каменскій).

Для успѣха замысла графа Буксгевдена нужно было, чтобы Тучковъ началъ свое наступленіе раньше Каменскаго; поэтому Тучкову было приказано извѣстить Сандельса о прекращеніи перемирія нѣсколькими днями раньше послышки однороднаго увѣдомленія графомъ Каменскимъ Клеркьеру. Тучковъ сообщилъ Сандельсу, что военныя дѣйствія будутъ начаты нами снова 15-го октября въ полдень¹⁾. Позиція, занятая шведами сѣвернѣе Иденсальми, у деревни Вирта, имѣла пассивный характеръ. За протокомъ, длиною около 9-ти верстъ, связывавшимъ озера: Иярви и Поровеси, въ томъ мѣстѣ, гдѣ оба берега соединялись длиннымъ мостомъ около 200 шаговъ длины, шведы устроили двѣ линіи окоповъ, а на вершинѣ, близъ деревни Линна, выстроили сплывную батарею, продольно обстрѣливавшую мостъ. Восточный (русскій) берегъ протока командовалъ шведскою позиціей и охватывалъ ее кольцомъ, но былъ по большей части покрытъ лѣсомъ; фронтъ расположенія Сандельса суживался еще небольшимъ озеркомъ, примыкавшимъ съ запада, а отступленіе отъ деревни Линна затруднялось присутствіемъ въ тылу второго протока, съ небольшимъ мостомъ, спуски къ которому были весьма круты. Такія невыгоды занимаемой имъ позиціи побудили Сандельса (по словамъ шведскихъ источниковъ) рѣшиться на принятіе здѣсь только арьергарднаго боя, тѣмъ паче, что силы непріятеля, какъ доподлинно ему было извѣстно, по крайней мѣрѣ вчетверо превосходили его собственныя. Онъ полагалъ лишь задержать русскихъ какъ можно долѣе на переправѣ; обозъ свой заранѣе отослалъ къ Пулькилло, а тяжести и раненныхъ къ Вулюоки на озерѣ Улео, а оттуда водою въ Улеаборгъ (черт. № 21).

Утромъ 15-го октября войска колонны Тучкова сосредоточились къ протоку. Князь Долгорукій, начальникъ авангарда, безпрестанно

¹⁾ Шведскіе источники увѣряютъ, что условлено было начать военныя дѣйствія съ часъ пополудни.

вынималъ часы, горя нетерпѣніемъ начать дѣло, въ надеждѣ отличиться и оправдать возлагаемыя на него Государемъ и петербургскимъ обществомъ надежды. Ровно въ полдень ¹⁾ онъ повелъ лобовую атаку прямо на мостъ, причемъ егеря наши, вмѣсто того, чтобы, быстро перебѣжавъ на ту сторону, помѣшать шведамъ разобрать настилку,—разсыпались цѣпью по бокамъ моста и завязали перестрѣлку. Непрiятельская команда, заранѣе для того назначенная, успѣла мостъ испортить. Долгорукову пришлось послать пионерную роту возобновлять настилку подъ жестокимъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Пионеры наши самоотверженно и быстро выполнили это рискованное дѣло, и 4-й егерскій полкъ дружнымъ натискомъ перебѣжалъ мостъ, смѣло атаковалъ передовые шведскіе окопы и взялъ ихъ. Подъ прикрытіемъ этой атаки, поддерживаемой огнемъ батареи, занявшей выдающійся мысъ восточнѣе моста, послѣдній перешли еще два полка, Тенгинскій и Навагинскій. Егеря бросились въ атаку на батарею, Навагинцы подкрѣпили ихъ, а Тенгинцы взяли уступомъ влѣво, переграждая шведамъ доступъ къ мосту. Деревня Линна была зажжена нашею артилеріею, егеря ворвались уже во второй рядъ окоповъ; шведскія орудія замолчали и, казалось, недоставало небольшого лишь послѣдняго усилія для довершенія побѣды. Но тутъ Сандельсъ, который до того съ присущимъ ему хладнокровіемъ слѣдилъ за ходомъ битвы съ холма, неожиданно двинулъ скрытыя имъ за сѣвернымъ его склономъ сомкнутыя колонны въ штыки навстрѣчу русскимъ. Узость позиціи сыграла ему въ руку: атакующіе столпились на тѣсномъ перешейкѣ между протокомъ Вирта и озеромъ Ала-Тисма, всего шириною около 100 сажень. Передовыя цѣпи егерей были опрокинуты на головы сзади идущихъ колоннъ Навагинцевъ, а Тенгинскій полкъ, будучи отдѣленъ озеркомъ, не могъ оказать поддержки; смятеніе сдѣлалось всеобщимъ; князь Долгорукій, пытавшійся водворить порядокъ, былъ убитъ шальной пулей. Преслѣдуемые шведами наши полки въ ужасномъ безпорядкѣ перебѣжали обратно на тотъ берегъ, причемъ многіе попадали въ воду и утонули.

Мостъ былъ усѣянъ трупами и ранеными, а подведенные Тучковымъ резервы (полки Ревельскій и Азовскій) были на мгновение смяты бѣжавшими. Шведы подвезли артилерію и открыли огонь

---

¹⁾ Шведскіе источники, къ слову сказать, обвиняютъ князя Долгорукова въ томъ, что онъ началъ атаку *часомъ раньше* условленнаго времени. Въ нихъ приводится обыкновенно разсказъ о посылкѣ Сандельсомъ, въ 10 часовъ утра, своего адъютанта къ нашимъ аванпостамъ для передачи письма, причемъ адъютантъ, передавая это письмо ординарду князя Долгорукова, былъ удивленъ замѣчаніемъ послѣдняго, что «переміріе истекаетъ черезъ нѣсколько минутъ». Шведскій адъютантъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ, что у него около двѣнадцати, и получилъ въ отвѣтъ, что по русскимъ часамъ—скоро часъ и что русскіе будутъ атаковать по своимъ часамъ, такъ какъ по близости нѣтъ астронома, чтобы ихъ испрaвить*.

вдоль моста; однако, при помощи свѣжихъ войскъ у насъ довольно быстро устроились, и завязалась черезъ протокъ живая перестрѣлка, прекращенная только съ наступленіемъ темноты.

Князь Долгорукій, убитый въ этомъ бою при Вирта (какъ называютъ его шведскіе источники), пользовался расположеніемъ Императора Александра и предназначался въ замѣстители Тучкову, дѣйствіями котораго въ Петербургѣ по прежнему были недовольны. Приказъ объ этой перемѣнѣ полученъ былъ двумя днями позже сраженія.

Неуспѣхъ 15-го октября отразился существенно на характерѣ дальнѣйшихъ дѣйствій. Графъ Буксгевденъ рѣшилъ опять поддѣрпитъ Тучкова частью силъ Каменскаго и, такъ какъ онъ продолжалъ упорно придавать Саволакской колоннѣ активное значеніе, то задержалъ наступленіе по всему стратегическому фронту. Задержка эта могла весьма невыгодно отразиться на положеніи нашихъ дѣлъ.

Что же касается, въ частности, причинъ Виртовской неудачи, то главною слѣдуетъ считать—пренебреженіе къ развѣдкѣ, тѣмъ болѣе удивительное, что времени было слишкомъ достаточно: все перемиріе. Въмѣсто смѣлаго натиска въ лобъ на Виртовскій мостъ, можно было легко обойти все дефиле и даже высоту у д. Линна, направившись вдоль протока на сѣверъ къ мысу Лаппиньема, гдѣ протокъ суживался всего до 25-ти сажень. Переброшенные здѣсь на непріятельскій берегъ наши силы выходили прямо на единственный путь отступленія шведовъ къ Улеаборгу, до котораго было не больше полуверсты.

Удача при Виртѣ впила новые лавры въ побѣдннй вѣнокъ Сандельса, но выгодъ ощутительныхъ не доставила. „Если принять во вниманіе (пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ), что непріятельскихъ войскъ было по крайней мѣрѣ отъ 7 до 8 тысячъ, а шведскихъ не болѣе 1.200 человекъ..., то нельзя не признать, что дѣло это было однимъ изъ важнѣйшихъ, выпавшихъ на долю шведскаго оружія въ это кампанію“...

Впечатлѣніе, однако, нѣсколько ослабляется, если мы примемъ въ расчетъ *условія мѣстности*, въ силу которыхъ Сандельсъ, въ сущности говоря, имѣлъ дѣло только съ *головой* нашей штурмующей колонны, причемъ почти *половина* нашего отряда такъ и не приняла участія въ дѣлѣ.

Безрезультатность же тактическаго успѣха Сандельса (непосредственно для его отряда) видна уже изъ того, что продолжать отступленіе къ Улеаборгу онъ призналъ попрежнему необходимымъ. Онъ обратился даже съ просьбою о 36-ти часовомъ перемиріи подѣ предлогомъ необходимости уборки нашихъ раненныхъ. Затѣмъ Сандельсъ отошелъ на одинъ переходъ къ сѣверу и у Салахми занялъ снова вѣршнюю позицію, на которой оставался около двухъ недѣль.

Тучкову было приказано выждать съ дальнѣйшимъ наступленіемъ, пока не подойдетъ къ нему двинутыя графомъ Каменскимъ подрѣзленія (егерскій полкъ, Азовскій полкъ и баталіонъ Низовскаго), а также до подвоза продовольственныхъ запасовъ, съ трудомъ продвигавшихся водою по запутаннымъ фарватерамъ сѣверной части Сайменской системы. Сперва графъ Буксгевденъ придержалъ войска и на береговой дорогѣ, но доставленныя ему свѣдѣнія (оказавшіяся впоследствии ложными) о выдѣленіи Клеркеромъ значительныхъ силъ на помощь Сандельсу, побудили его пустить впередъ и колонну графа Каменскаго. Нельзя не замѣтить, что прибытіе осторожнаго главнокомандующаго самолично къ войскамъ этой колонны отражалось на образѣ ея дѣйствій. Нерѣшительность и колебанія, наоборотъ, не были вовсе свойственны графу Каменскому. Получивъ, наконецъ, разрѣшеніе наступать, онъ быстро тронулся впередъ 20-го октября изъ окрестностей Гамла-Карлебу, намѣреваясь рѣшительно атаковать позицію у Химанко, сильно укрѣпленную шведскими инженерами.

Надъ Буксгевденомъ все время тяготѣла первоначальная предвзятая идея—добиться рѣшительнаго успѣха приданіемъ активной роли Саволакской колоннѣ. Ослабляя графа Каменскаго, Буксгевденъ рисковалъ *не добить* главную непріятельскую группу, а именно къ этому и слѣдовало стремиться, чтобы окончательно завладѣть Финляндіей и лишить непріятели *кадровъ* для образованія новой арміи въ будущей кампаніи.

Съ другой стороны, причина медлительности Буксгевдена та,— что онъ выждалъ *наступленія зимы*. Главнокомандующій зналъ по опыту первыхъ мѣсяцевъ похода, какъ облегчалось преодоленіе чередующихся на побережьѣ Эстротнии широкихъ водныхъ преградъ, благодаря возможности *обходить* эти крѣпкія съ фронта позиціи, *двигаясь по льду залива*. Но способность шведовъ къ сопротивленію была настолько подорвана, что въ этомъ облегченіи не было надобности. Каменскій лучше угадалъ *психологію* противника. Уныніе и безнадежность царили въ шведскихъ рядахъ. При такихъ обстоятельствахъ всякое промедленіе съ нашей стороны являлось *спасительнымъ* для противника: оно давало ему возможность отдохнуть, оправиться, собрать свои разрозненныя силы. Наоборотъ, при неотвязномъ, настойчивомъ *преслѣдованіи*—одной *угрозы сообщеніямъ* оказывалось достаточно.

Не имѣя возможности обходить шведовъ по льду, какъ это дѣлалъ Кудльневъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1808 года,—Каменскій примѣняетъ обратный приѣмъ: онъ продвигаетъ часть силъ къ верховьямъ рѣкъ, гдѣ преграда легче одолима, и маневромъ во флангъ вмѣстѣ съ

давленіемъ на фронтъ вынуждаетъ шведовъ *безъ боя* отдавать намъ всѣ эти крѣпкія позиціи, которыя, при иныхъ условіяхъ, пришлось бы одолѣвать съ затратой огромныхъ усилій.

Клеркеръ поставилъ себѣ цѣлью *сохранить для Швеціи возможно большее количество воиновъ*. Онъ понималъ, что дальнѣйшее сопротивленіе *въ предѣлахъ Финляндіи* не можетъ уже имѣть никакихъ шансовъ на успѣхъ. А такъ какъ со стороны моря, несмотря на то, что шведы владѣли Ботническимъ заливомъ, не было ни малѣйшей попытки облегчить отступавшихъ,—имъ приходилось, не взирая на истощеніе матеріальныхъ и духовныхъ силъ, добираться до крайнихъ сѣверныхъ предѣловъ Финляндіи. „У насъ нѣтъ другого выбора (писалъ Клеркеръ Сандельсу ¹⁾), кромѣ того, что шагъ за шагомъ оснаживать у противника путь въ Улеборгу, не рискуя арміей и обезпечивая свое отступление за Улеборгъ. Это не будетъ пріятнымъ путешествіемъ въ данное время года, но другого выхода нѣтъ для спасенія арміи и прикрытія Швеціи съ этой стороны“. Одновременно съ этимъ Клеркеръ предписывалъ Сандельсу такъ сообразовать свое отступление съ движеніемъ главныхъ силъ, чтобы соединеніе обѣихъ колоннъ совершить въ Лиминго, не допуская отнюдь русскихъ отрѣзать кому либо изъ нихъ сообщенія или перервать связь между ними. Такимъ образомъ, Клеркеръ отчасти предвидѣлъ именно тотъ образъ дѣйствій непріятели, котораго придержался Каменскій.

Нельзя не удивляться тому упорству, съ которымъ шведскій король Густавъ-Адольфъ держался предвзятой идеи объ отвлеченіи нашихъ силъ и нашего вниманія высадками въ юго-западной Финляндіи. Эти высадки еще имѣли нѣкоторый смыслъ и значеніе въ то время, когда раіонъ главныхъ операцій на сушѣ не переходилъ сѣвернѣ Вазы. Но съ уходомъ шведскихъ войскъ на Улеборгъ, обусловленнымъ, какъ извѣстно, отказомъ Густава IV Адольфа въ отвозѣ арміи моремъ въ Швецію—всякая связь между „сѣверо-финской“ и „южно-финской“ арміями фактически утрачивалась. Возстановить эту связь можно было, пользуясь ничѣмъ ненарушимымъ господствомъ на Ботническомъ заливѣ, лишь посадивъ всѣ войска съ Аланда на суда и, подъ прикрытіемъ флота, высадивъ ихъ на побережьѣ гдѣ либо въ сѣверной части Ботники, поближе къ раіону операцій, чтобы оказать на нихъ *непосредственное* вліяніе.. Но объ этомъ и не думали; король возобновлялъ безъ всякаго вниманія къ общей обстановкѣ, свои десантныя попытки къ юго-западной Финляндіи, а когда всѣ онѣ не удались, бросилъ все и уѣхалъ въ

¹⁾ См. Danielson. Finska kriget, стр. 537.

Шведію... Такимъ образомъ, Клеркеру приходилось выносить исклю-чительно на своихъ истощенныхъ силахъ всю тяжесть отступленія.

Кульневъ, шедшій въ авангардъ Каменскаго, быстро продвинулся въ Химанко, но, къ удивленію своему, обнаружилъ, что непріятель покинулъ эту позицію, не принявъ боя. Михайловскій-Данилевскій объясняетъ оставленіе этой позиціи Клеркеромъ опасеніемъ послѣд-няго, что его обойдутъ съ тыла, а также упадкомъ духа шведскихъ войскъ. Върнѣе искать причину этого отступленія въ стремленіи Клеркера скорѣе сблизиться съ Сандельсомъ и, сосредоточивъ всѣ оставшіяся силы, прикрывать ими шведскую границу. Это подтверж-дается тѣмъ, что еще 17-го октября Клеркеръ отправилъ бригаду Гриппенберга черезъ Сикайоки къ Теммесъ, чтобы принять на себя отступающаго Сандельса. Самъ Клеркеръ съ остальными силами, сжигая за собою мосты, отошелъ за рѣку Калайоки и здѣсь снова укрѣпился на высотахъ. Съ трудомъ подвигаясь впередъ черезъ испорченныя переправы и по осенней грязи, Кульневъ достигъ 25-го числа непріятельскій арьергардъ въ 4-хъ верстахъ впереди Калайоки, — сбиль его и преслѣдовалъ вплоть до главной позиціи. Шведы отсту-пали передъ нимъ по-эшелонно, взаимно прикрывая другъ друга, пока всѣ ихъ силы не соединились у Калайоки. На другой день 26-го числа, подошелъ съ главными силами графъ Каменскій. Необходи-мость сбить шведовъ съ позиціи для него обуславливалась еще недостаткомъ продовольствія: транспорты, задержанные испортивши-мися дорогами, отстали, и Каменскій вынужденъ былъ искать базу *впереди себя*. Истощивъ всѣ мѣстныя средства въ окрестномъ районѣ, Каменскій рассчитывалъ, отгнанивъ шведовъ, занять большее про-странство края и воспользоваться новыми припасами отъ жителей.

Позиція у Калайоки, прикрытая широкимъ устьемъ рѣки, была трудноодолима съ фронта. Каменскій, озаботившійся еще во время перемпрія заготовкою моста изъ легкихъ платформъ, перевозимаго въ особыхъ фурахъ (Сухтеленъ, стр. 163), перешелъ со своей колон-ной по этому мосту¹⁾ потокъ Саппо близъ селенія Куриэка, послѣ довольно сильной канонады, заставившей отступить шведскій арьер-гардъ; для продолженія же Калайоковской позиціи, начальникъ отряда отдѣлилъ обходную колонну Эриксона (3 полка съ 1 эскадрономъ и 5-ю орудіями), которая двинулась вверхъ по рѣкѣ, чтобы перейти ее поближе къ верховьямъ. Ступенувшій въ ночь морозъ подалъ рѣ-шительному Каменскому мысль еще болѣе упростить дѣло: онъ оста-вилъ передъ фронтомъ шведской позиціи авангардъ Кульнева (5 ба-

¹⁾ Это показываетъ, между прочимъ, что мысль Каменскаго о наипростѣйшемъ спо-собѣ продолженія непріятельскихъ позицій за рѣками сѣверной Эстроттиа, не возникла случайно, а была обдумана заранее.

таліоновъ, 2 эскадрона и 2 орудія), подкрѣпленный двумя полками Демидова, а со всѣми остальными войсками двинулся вслѣдъ за Эриксономъ, прямо по замерзшимъ болотамъ. Но это движеніе оказалось крайне труднымъ: ледъ былъ еще слабъ, люди и лошади проваливались по поясъ въ воду; всѣ генералы и офицеры шли пѣшкомъ. Движеніе было крайне медленно: въ 8 часовъ прошли только 5 верстъ и на другой день добрались до селенія Питкейсь, гдѣ предполагалось переправиться черезъ рѣку. Тѣмъ временемъ Эриксонъ уже успѣлъ перейти на ту сторону вбродъ значительно выше и шель вдоль Калаіоки, тѣсня передъ собою шведскіе передовые посты. Лишь утромъ 28-го Каменскій совершилъ переправу по наведенному мосту и пошелъ вслѣдъ за Эриксономъ, а Кульневъ съ Демидовымъ уже возстановливали мостъ на фронтѣ и намѣревались форсировать п эту переправу.

Только при абсолютной пассивности непріятеля можно было позволять себѣ такъ дерзко раздѣлять свои силы въ его непосредственной близости, причемъ почти двое сутокъ противникъ имѣлъ возможность разбить отдѣльно любую изъ нашихъ трехъ группъ. Но наши генералы знали, что дѣлали: они ясно понимали, что противникъ уже въ такомъ угнетенномъ состояніи, что можно отважиться почти на все.

Вмѣсто того, чтобы попытаться воспользоваться рискованнымъ нашимъ положеніемъ, Клеркеръ ограничился постепеннымъ оттягиваніемъ своихъ передовыхъ частей, а когда Эриксонъ продвинулся настолько, что грозилъ уже шведскому тылу,—Клеркеръ очистилъ и эту позицію, сдерживая нашъ напоръ до ночи арьергардомъ. Въ ту же ночь Кульневъ исправилъ мостъ и, перейдя на другой берегъ, обогналъ Эриксона, а затѣмъ, помня данный ему приказъ „не выпускать изъ вида непріятеля“, устремился, какъ рьяный охотникъ по слѣду, за отступавшими шведами.

Главнокомандующій графъ Буксгевденъ слѣдовалъ съ колонною графа Каменскаго только до Гамла-Карлебу, гдѣ остался для того, чтобы озаботиться доставкою продовольствія къ двигающимся слѣсно по пятамъ противника войскамъ. Однако, не смотря на всѣ хлопоты и старанія, транспорты застрѣвали, задерживаемые осеннею распутицею, мѣстныя же средства были истощены противникомъ, который только что здѣсь прослѣдовалъ. Какъ ни велики были, описываемыя въ самыхъ трогательныхъ краскахъ шведскими историками, лишенія шведскихъ войскъ при этомъ вторичномъ ихъ отступленіи къ сѣвернымъ предѣламъ Финляндіи, они далеко не могутъ идти вровень съ тѣми испытаніями, которыя выпали на долю нашихъ героевъ, пытавшихся, въ концѣ концовъ, чуть не одними остатками мерзлаго

картофеля, выкапываемыми тесачами на заброшенных полях ¹⁾. Шведы имѣли, все-таки, запасы въ Улеборгѣ, получали продовольствіе изъ Швеціи моремъ, наконецъ,—къ ихъ услугамъ была сѣверная часть Улеборгской губерніи, хотя и скудная по природѣ, но еще войной не истощенная. Окрестности Улеборга шведы успѣли сильно укрѣпить; всѣ тяжести, продовольствіе и магазины ихъ были уже переправлены на правый берегъ рѣки Улео, являющейся сильной оборонительной линіей до 400 сажень ширины. Для переправы войскъ шведскихъ заготовлено было нѣсколько сотъ судовъ, а на сѣверномъ берегу устроена сильная укрѣпленная позиція, въ которой шведская армія имѣла возможность долго сопротивляться.

Иное было положеніе нашихъ войскъ. „Безпрерывныя донесенія о неуспѣшномъ ходѣ транспортовъ (доносили Буксгевденъ Государю) довершали мое безпокойство. Посланные комисіонеры и чиновники единогласно утверждали, что хотя на собираемыхъ въ Гельсингфорсѣ съ большимъ затрудненіемъ подводахъ отправляется провіантъ, но доставленіе его, по мѣрѣ отдаленія отъ Гельсингфорса, дѣлается совершенно невозможнымъ.

„Опустошеніе на 150 верстѣ въ ширину, встрѣчаемое по всѣмъ дорогамъ, по причинѣ бывшаго въ краю семь волненія, брошенныхъ нежатыхъ полей, несжоженныхъ луговъ и разбѣянныхъ жителей, не только отнимаетъ способы дѣлать перемѣну транспортнымъ лошадямъ, но даже сыскать имъ кормъ, отъ чего изнуряемыя такимъ образомъ подводы дѣлаютъ въ сутки не болѣе 10 или 15 верстъ, а наконецъ и вовсе останавливаются. Между тѣмъ изъ каждаго киркшпила (прихода), черезъ которые отступали шведы, вводили они по 900 и болѣе лошадей и рогатаго скота, собирали отъ 800 до 900 бочекъ разнаго хлѣба, такъ что со всякимъ шагомъ вслѣдъ за непріателемъ мы болѣе и болѣе вдавались въ опустошенную землю, лишаясь послѣднихъ способовъ пропитанія себя. Скрывая по возможности отъ войскъ сіе положеніе, я предписалъ продолжать движеніе согласно операціонному плану, усугубляя между тѣмъ поиски мои, уже отъ бывшаго перемирія начатыя, дабы имѣть вліяніе на умы, если не шведскаго войска, то финскаго и ихъ начальниковъ. Но при всей наклонности нѣкоторыхъ чиновниковъ въ пользу нашу, кромѣ умноженія числа дезертировъ, невозможно было поколебать чести, съ которою всѣ они готовы омытъ кровію каждый шагъ ихъ отступленія“.

Такимъ образомъ, графъ Буксгевденъ опасался, что продовольственные затрудненія помѣшаютъ побѣдоноснымъ войскамъ нашимъ

¹⁾ См. записки Фаддея Булгарина.

довершить свою побѣду и пытался даже (хотя и безуспѣшно) склонить финновъ къ измѣнѣ своимъ знаменамъ.

Подобныя попытки „воздѣйствія на умы“ происходили главнымъ образомъ подъ вліяніемъ совѣтовъ тѣхъ шведскихъ перебѣжчиковъ, клевретовъ Спренгтпортена, которые въ довольно большомъ числѣ пристроились къ главной квартирѣ.

Тѣмъ временемъ войска графа Каменскаго, бодро перенося неслыханныя лишения, тѣснили противника все дальше и дальше. 30-го октября Кульневъ достигъ шведскій арьергардъ у рѣки Пюхяюки; разрушенный до основанія мостъ остановилъ наступленіе; Кульневу, съ присоединеніемъ головного эшелона главныхъ силъ подъ начальствомъ Демидова, приказано было дѣйствовать съ фронта, а остальные войска свернули вверхъ по рѣкѣ, для обхода. 2-го ноября пришелъ на помощь морозъ; на ледяную кору, затянувшую рѣку, набросали соломы и доски, полили все это водою, и черезъ этотъ зыбкій помостъ, по одиночкѣ, перебрались пѣхотинцы, а рядомъ конница, прорубивъ во льду каналъ, переходила рѣку вплавь, переправляя сѣдла на лодкахъ. Смѣлый этотъ обходъ заставлялъ шведовъ очистить Пюхяюки безъ боя.

Отсюда Каменскій послалъ двѣ колонны въ разрѣзъ между Клеркеромъ и Сандельсомъ, на Франсила и Пулькилла. Это движеніе заставило Сандельса послѣ неудачной ночной атаки на наши войска 30-го октября, поспѣшить отступленіемъ къ Улеаборгу, а Клеркеръ очистилъ Брагештадтъ и дошелъ до Синеаюки, т. е. до того пункта, который въ апрѣлѣ былъ предѣльною точкою нашего наступленія.

Скажемъ попутно нѣсколько словъ о событіяхъ въ колоннѣ Тучкова и о вышеупомянутой смѣлой ночной попыткѣ Сандельса, бывшей, такъ сказать, его „лебединою пѣснью“.

Послѣ дѣла у Иденсальми, отрядъ Тучкова въ теченіе двухъ недѣль бездѣйствовалъ, руководствуясь даннымъ главнокомандующимъ приказаніемъ. Только авангардъ Тучкова перешелъ Виртовскій мостъ и продвинулся на 5 верстъ къ сѣверу, уперевъ правый флангъ въ моховое болото. Болото это прикрывало съ праваго фланга и главныя силы Тучкова, расположившагося спокойно по квартирамъ, считая себя и свой отрядъ въ полной безопасности. Правда, черезъ болото проходила тропинка, но развѣдавшій ее офицеръ призналъ ее непроходимой. Однако, съ наступленіемъ ночныхъ морозовъ было обращено вниманіе на возможность движенія по замерзшему болоту; къ тому же замѣчено было, что противникъ производитъ развѣдки въ этомъ направленіи, и потому въ лѣсу, у начала болота, поставлена была сильная застава (въ двѣ роты).

Дѣйствительно, Сандельсъ не упустилъ никогда случая воспользоваться малѣйшей оплошностью противника, чтобы нанести ему вредъ, рѣшилъ въ данномъ случаѣ, что разбросанное квартирное расположеніе Тучкова можетъ оказаться уязвимымъ. Онъ вознамѣрился попытаться произвести печальное ночное нападеніе съ тыла на нашъ авангардъ, разрушивъ Виртовскій мостъ, связывавшій его съ главными силами и, если возможно, захвативъ въ плѣнъ начальствующихъ лицъ авангарда, квартировавшихъ, какъ было ему отлично извѣстно, въ деревушкѣ Фредриксдалъ, въ верстѣ сѣвернѣе помянутого моста. Для производства ночной атаки назначенъ былъ Дункеръ, уже прославившійся своими смѣлыми набѣгами и ночными дѣлами; въ его распоряженіе дано около 1,000 отборныхъ людей изъ всѣхъ полковъ. По лѣсамъ и болотамъ долженъ былъ пробраться этотъ отрядъ и, совершивъ пятидесятиверстный обходъ, ударить на мостъ, разрушить его и, напавъ на авангардъ нашъ съ тыла, уничтожить его и плѣнить генераловъ Ершова и Алексѣева.

Содѣйствовать атакѣ одновременнымъ ударомъ съ сѣвера долженъ былъ Аминовъ съ 500 человекъ, по спущенной Дункеромъ ракетѣ. Къ вечеру 30-го числа Дункеръ добрался до д. Свенинмяки, оттуда выступилъ съ такимъ расчетомъ времени, чтобы подойти къ мосту около полуночи. Шедшій въ авангардѣ извѣстный шведскій партизанъ Мальмъ ¹⁾ наткнулся неожиданно на вышеупомянутую нашу заставу на краю болота. Видя, что весь планъ можетъ изъ за этого рухнуть, онъ рѣшилъ спасти дѣло *быстротой*: смѣло навалился на наши роты, застигнутыя врасплохъ неожиданностью, смялъ ихъ, прогналъ ихъ вилоть до моста, гдѣ оказались землянки полковъ Ревельскаго и Низовскаго. Въ темнотѣ мрачной осенней ночи началось всеобщее смятеніе и жестокая, беспощадная штыковая работа, воспѣтая очевидцемъ, поэтомъ Батюшковымъ:

„Помнишь ли, питомиць славы,
Иденсальми страпну ночь?..“

Рѣзня началась свирѣпая; бились грудь съ грудью на тѣсномъ мосту, сталкивая другъ друга въ ледяныя волны; шведамъ уже удалось пробиться къ поставленной у моста батарее, но въ это время гвардейскіе егеря, баталіонъ которыхъ, какъ извѣстно, пришелъ еще съ Барелаемъ-де-Толли, бросились на выручку, приведенные адъютантомъ начальника отряда барономъ Паленомъ. Будущіе герои Кульма мастерски ориентировались, не взирая на почти полную тьму, ударили на торжествовавшего уже врага съ тыла и придали этимъ смѣлость нашимъ авангарднымъ баталіонамъ; послѣдніе опра-

. ¹⁾ Дѣйствовавшій раньше въ Корелин.

вились, и Дунберъ съ Мальмомъ, во главѣ своихъ смѣльчаковъ, оказались между двухъ огней. Обоюдоострое значеніе формулы: *кто обходитъ—тотъ самъ обойденъ*, сказалося и тутъ, на этомъ маленькомъ, но весьма поучительномъ примѣрѣ. Темнота спасла шведовъ отъ полнаго уничтоженія; отчаянно пробивались они съвозъ наши ряды и уходили отъ преслѣдованія въ чащу лѣса. Шестеро офицеровъ и свыше 200 человѣкъ полегло ихъ; въ числѣ плѣнныхъ оказался и знаменитѣйшій изъ непріятельскихъ партизановъ Мальмъ. Условенной ракеты не было спущено, а потому Амнновъ такъ и не произвелъ атаки съ сѣвера.

На другой день къ Сандельсу пришло какъ разъ приказаніе отступать какъ можно быстрѣе къ Улеаборгу. Дождавшись присоединенія остатковъ отряда Дунбера, онъ двинулся, уничтожая за собою переправы. Тучковъ медленно слѣдовалъ за нимъ, задерживаемый дурными дорогами, по причинѣ которыхъ запаздывали транспорты съ продовольствіемъ. Такимъ образомъ дальнѣйшій отходъ бригады Сандельса до Франтспы совершился безпрепятственно.

Здѣсь Сандельсъ готовился къ оборонѣ, и уже завязалась перестрѣлка аванпостовъ, какъ пришло извѣщеніе о заключенной Клеркеромъ и Каменскимъ въ Олькюби „конвенціи“¹⁾.

Изнуренные безпрерывнымъ отступленіемъ, войска Клеркера, по приходѣ въ Сикайоки, были поставлены въ затруднительное положеніе изъ-за мороза. Ботнический заливъ затянуло льдомъ, и суда съ продовольствіемъ, присланныя изъ Швеціи, не могли пристать къ финскому побережью. Это обстоятельство ставило шведовъ въ положеніе, близкое къ безвыходному. Шведскіе генералы собрались на совѣтъ и рѣшили вступить съ непріятелемъ въ переговоры. Графъ Каменскій, который уже велъ войска въ наступленіе противъ новой позиціи шведовъ, былъ приглашенъ въ ихъ передовую цѣль, куда выѣхалъ къ нему Адлеркрейцъ. Послѣдній предложилъ заключить перемиріе, при условіи очищенія Улеаборга въ 14-ти дневный срокъ. Такъ какъ Каменскій имѣлъ отъ главнокомандующаго секретное полномочіе не отвергать выгодныхъ для насъ предложеній, и такъ какъ ему отлично было извѣстно состояніе нашего тыла, то онъ и согласился прервать военныя дѣйствія, отправивъ, однако, условія перемирія на утвержденіе главнокомандующему. Послѣдній уполномочилъ Каменскаго подписать „конвенцію“, но только при условіи очищенія всей Финляндіи и притомъ въ срокъ болѣе короткий. Переговоры велѣно было Каменскому окончить въ три дня,

¹⁾ Въмѣсто боя Тучковъ, по русскому обычаю, устроилъ въ ближайшей деревнѣ завтракъ, на который пригласилъ Сандельса и многихъ шведскихъ офицеровъ.

а войска тѣмъ временемъ такъ направить, чтобы склонить непріателя къ согласію на наши требованія. Пока шелъ къ Каменскому этотъ отвѣтъ Буксгевдена, на помощь намъ пришла сама природа: бурнымъ вѣтромъ и оттепелью взломало ледъ на рѣкѣ Сінкайоки, снесло деревянннй мостъ, и, такимъ образомъ, шведы оказались отрѣзанными отъ своего тыла. Буря превратила рѣку въ грозный потокъ, черезъ который устроить временную переправу не представлялось никакой возможности. Если бы Каменскій не былъ связанъ даннымъ Адлегрейцу словомъ, онъ могъ бы притиснуть непріательскія войска къ рѣкѣ и поставить въ совершенно безвыходное положеніе.

5-го ноября привезенъ былъ отъ Буксгевдена отвѣтъ, и 7-го, въ тотъ самый день, когда Тучковъ занялъ Пулькилла, графъ Каменскій заключилъ съ Клеркеромъ въ Олькйоки перемиріе на неопредѣленный срокъ, главныя условія котораго заключались въ слѣдующемъ.

1) Шведская армія должна отойти за границу тогдашней Улеборгской губерніи, т. е. за рѣку Кеми, оставивъ оба берега этой рѣки во власти русскихъ; 2) шведская армія должна очистить Улеборгъ черезъ 10 дней по подписаніи „конвенціи“, т. е. не позже 17-го ноября; 3-го декабря русскіе должны занять Кеми, т. е. расположиться отъ Торнео всего въ 27 верстахъ; 3) все, что будетъ оставлено шведами потому, что не успѣютъ вывезти, признается военною добычей; 4) шведы обязаны ничего не продавать, раздавать или уничтожать; 5) они не должны трогать ни архивовъ, ни чиновъ гражданскаго управленія, которые всѣ должны быть возвращены на свои мѣста.

Вслѣдъ за подписаніемъ конвенціи, графъ Каменскій уволенъ былъ въ Петербургъ, въ отпускъ для поправленія здоровья. Сдавая свой отрядъ Тучкову и прощаясь съ войсками, онъ произнесъ слова, ставшія отнынѣ историческими: „Мы завоевали Финляндію—*сохраните ее*“.

20-го ноября графъ Буксгевденъ вступилъ въ Улеборгъ. Авангардъ нашъ и казаки подавали помощь изможденнымъ непріательскимъ отсталымъ и съ истинно-русскимъ добросердечіемъ дѣлались съ ними послѣднимъ кускомъ. Въ Улеборгѣ оставлено было непріателемъ 1.200 больныхъ, нѣсколько орудій (18) и 200 ружей. Жители гѣрода были немедленно приведены къ присягѣ на подданство Россіи.

Дойдя до назначенной демаркаціонной линіи, за рѣкой Кеми, нашъ авангардъ разставилъ передовую цѣпь и расположился на бивакахъ, не взирая на стужу, такъ какъ селенія здѣсь рѣдки и крайне малы. Шведы отвели свой авангардъ въ Торнео, а главныя ихъ силы стали въ Каликсѣ.

Такимъ образомъ, основная цѣль войны—завоеваніе Финляндіи оказывалась фактически достигнутой: вся шведская Финляндія была въ нашей власти. Но Швеція еще не была побѣждена, она еще имѣла средства къ дальнѣйшему сопротивленію; мы даже сохранили ей остатки бывшей „финской арміи“, испытанные въ бояхъ и тягостяхъ походной жизни и потому являющіеся великолѣпными кадрами для новыхъ формированій. Заключеніе перемирія, тѣмъ болѣе на неопредѣленный срокъ, давало возможность шведамъ воспользоваться подареннымъ временемъ, оправиться отъ пораженій и, оказавъ снова сопротивленіе, добиться болѣе выгодныхъ для себя условій мира. Съ этой точки зрѣнія вполне понятно неудовольствіе, съ которымъ Императоръ Александръ I принялъ извѣстіе объ Олькюкской конвенціи.

„Не могу я признать (писалъ онъ графу Буксгевдену), чтобы конвенція, съ остатками шведскихъ войскъ заключенная, удовлетворяла и въ полной мѣрѣ моимъ желаніемъ и цѣли вѣреннаго вамъ начальства. Войско непріятеля, не болѣе какъ изъ восьми тысячъ состоящее, болѣзнями и недостаткомъ продовольствія изнуренное и тѣснимое, какимъ образомъ могло бы противустать силамъ нашимъ въ три краты его превосходящимъ? Бывъ преслѣдуемо продолженіемъ военныхъ нашихъ дѣйствій, какимъ образомъ могло бы оно избѣжать конечнаго расторгненія? Большая его часть разсѣялась бы не достигнувъ Улеборга; остальная, если бы и спаслась, то въ разстроенномъ, изнуренномъ и ничтожномъ положеніи. Конвенція, вами заключенная, похитила у насъ сіи надежды. *Войска наши должны быть въ готовности противъ новыхъ покушеній*, а сіе одно въ настоящее время года, сколь должно быть тягостно, сами вы можете быть свидѣтелемъ“.

Заключеніе Олькюкской конвенціи было послѣдней каплею, переполнившей чашу неудовольствія, уже почти съ самаго начала войны скопившагося противъ графа Буксгевдена въ Петербургѣ. Недовольствіе это привело сперва къ охлажденію, а затѣмъ и къ прямому нерасположенію къ нему самого Императора Александра, чему дѣятельно содѣйствовали лица, такъ или иначе заинтересованныя въ сверженіи главнокомандующаго съ поста. На выясненіи причинъ увольненія Буксгевдена отъ командованія и характеристикѣ его, какъ начальника, считаемъ необходимымъ нѣсколько остановиться.

Увольненіе Буксгевдена состоялось при явно выраженномъ неудовольствіи Императора Александра, обусловившемъ собою проявленіе къ бывшему главнокомандующему ничѣмъ несерываемой немилости. Немилость эта накапливалась постепенно и зависѣла отъ многихъ причинъ. По словамъ К. Ф. Ордина („Покореніе Финлян-

дія" I, 403), Буксгевдену „почти съ самаго начала войны пришлось вести другую едва ли не болѣе еще трудную войну съ интригой, которая пустила въ Петербургѣ глубокіе корни и широко разрослась“. Съ первыхъ же шаговъ дѣйствія Буксгевдена какъ военныя, такъ и гражданскія (по управленію занятымъ краемъ), подверглись рѣзкой критикѣ Спренгтпортена, который сообщалъ объ этомъ безъ стѣсненія Государю то непосредственно, то черезъ канцлера Румянцова. Для выясненія на мѣстѣ обстоятельствъ дѣла въ Финляндію посланъ былъ самъ военный министръ Аракчеевъ и, хотя его личныя впечатленія и ослабили нѣсколько значеніе доносовъ Спренгтпортена, но положеніе главнокомандующаго не улучшилось, а скорѣе ухудшилось, такъ какъ между нимъ и Аракчеевымъ, что называется „пробѣжала черная кошка“. Аракчеевъ, какъ извѣстно, былъ весьма злопамятенъ и мстителенъ; достаточно было Буксгевдену, по одному мелочному замѣчанію, отвѣтить ему рѣзкимъ письмомъ, чтобы военный министръ затаилъ противъ него вражду, которая, конечно, была для Буксгевдена гораздо болѣе опасна, чѣмъ интриги Спренгтпортена. Увѣренія послѣдняго, лейтъ-мотивомъ которыхъ было, что военныя дѣйствія въ Финляндіи должны вестись только для виду, что все сдѣлается преданностью финляндцевъ къ Россіи и ея Императору,—вскорѣ утратили подъ собою почву, какъ только положеніе дѣлъ въ Финляндіи измѣнилось, и мѣстное населеніе возстало съ оружіемъ въ рукахъ. Но и здѣсь нашлось средство подорвать довѣріе къ главнокомандующему; враги его воспользовались нѣсколькими бывшими злоупотребленіями, чтобы приписать огульно все крестьянское движеніе *войскамъ*, ихъ притѣсненіямъ и грубому обращенію съ населеніемъ. По крайней мѣрѣ такую точку зрѣнія мы встрѣчаемъ въ обширной запискѣ (на французскомъ языкѣ), поданной уже новымъ главнокомандующимъ Кнорингомъ о положеніи дѣлъ въ Финляндіи¹⁾. Послѣдній, бывший генераль-квартирмейстеромъ русскихъ войскъ въ Екатерининскую войну 1788—1790 г.г., считалъ себя знаткомъ Финляндіи, имѣющимъ гораздо больше правъ, чѣмъ Буксгевденъ, на званіе главнокомандующаго. Поэтому онъ и его сторонники подвергали въ Петербургѣ каждый шагъ Буксгевдена самой злостной критикѣ. Мало того, изъ архивныхъ дѣлъ видно, что Аракчеевъ приставлялъ къ Буксгевдену особыхъ соглядатаевъ, въ лицѣ квартирмейстерскихъ офицеровъ пѣз *поляковъ*, Гавердовскаго и Турскаго, которые оба доносили ему за спиною главнокомандующаго...²⁾ Такимъ образомъ, въ Петербургѣ противъ Буксгевдена интриговали съ двухъ сторонъ. Кноринга постоянно приглашали въ военное министерство, а затѣмъ,

¹⁾ Д. В.-Уч. Арх. Ген. Штаба. № 4418.

²⁾ Д. В. Уч. Арх. Г. Ш. №№ 4418 и 1665.

по отъѣздѣ Государя въ Эрфуртъ, въ комитетъ министровъ, для разъясненій и совѣтовъ по финляндскимъ военнымъ дѣламъ. Очевидно, эти совѣты и разъясненія не были согласны со взглядами и ходатайствами главнокомандующаго и его штаба. Кнорингъ, не ограничиваясь этимъ, завелъ переписку съ частными начальниками въ Финляндіи, давая имъ изъ Петербурга свои указанія: такъ архивъ сохранилъ его письмо Тучкову I (постоянно враждовавшему съ Буксгевденомъ), съ совѣтами относительно военныхъ дѣйствій его колонны ¹⁾.

При такихъ условіяхъ положеніе главнокомандующаго было довольно труднымъ. Средства для веденія войны, предоставленныя въ его распоряженія, были ничтожны (едва 24,000 корпусъ); просьбы о присылкѣ поддержаній принимались съ плохо скрываемымъ неудовольствіемъ; самыя поддержанія высылались пакетами и съ большимъ запозданіемъ, а нерѣдко и съ указаніемъ не расходовать ихъ, а беречь для будущихъ операцій въ коренной Швеціи. А, между тѣмъ, со своими силами главнокомандующій долженъ былъ одновременно удерживать огромную захваченную территорію, наносить удары противнику и дѣйствовать противъ крѣпостей. Хотя послѣднія и капитулировали къ концу апрѣля, но съ наступленіемъ весны дѣло осложнилось еще болѣе; готовился выступить на сцену флотъ; необходимо было защищать побережье на значительномъ протяженіи отъ возможныхъ покушеній съ моря, а возникшая народная война грозила нашимъ сообщеніямъ съ другого фланга.

Отличительными свойствами Буксгевдена были осторожность и предусмотрительность, которыя, видимо, преобладали въ немъ надъ рѣшительностью. Не будучи первокласснымъ военнымъ талантомъ, онъ обладалъ, однако, вѣрнымъ военнымъ взглядомъ и богатымъ боевымъ опытомъ. Непосредственнымъ помощникомъ его, въ должности начальника его штаба, являлся инженеръ-генераль Сухтеленъ, человѣкъ съ солидными по тому времени военно-научными познаніями... Предвидя заранѣе неизбежность значительнаго расхода войскъ въ цѣляхъ закрѣпленія за собою территоріи Финляндіи, и, главное, необходимость защиты ея береговъ, Буксгевденъ заблаговременно сталъ указывать на слабость силъ финляндскаго корпуса и просить о скорѣйшей присылкѣ къ нему поддержаній. Заявленія эти принимались въ Петербургѣ, какъ уже сказано, очень неблагосклонно, а когда въ первой половинѣ лѣта, слабымъ нашимъ силамъ пришлось одновременно бороться съ непріятельскими войсками, возставшимъ населеніемъ и недостаткомъ пропитанія, ожидая ежеминутно

¹⁾ Д. В. Уч. Арх. Ген. Шт. № 1645.

высадки сильныхъ шведскихъ подерѣпленій на берегахъ,—тогда стали всё неудачи взваливать на главнокомандующаго, приписывая ихъ неумѣлымъ его распоряженіямъ. Императоръ Александръ все время желалъ и настаивалъ на переносѣ военныхъ операцій въ сердце Швеціи. Объяснивъ объ этомъ Наполеону еще въ мартѣ 1808 года, онъ, разумѣется, былъ крайне непріятно пораженъ, когда осуществленіе этого предпріятія оказалось совершенно невыполнимымъ.

Извѣстно его соперничество съ Наполеономъ, особенно въ военномъ дѣлѣ. Императору Александру желательно было щегольнуть быстрыми и блестящими успѣхами своихъ войскъ въ Финляндіи, тѣмъ болѣе тогда, когда французскимъ войскамъ въ Испаніи приходилось претерпѣвать непривычныя имъ неудачи. Это стремленіе ясно слышится въ тонѣ извѣстнаго письма, которое написано было Наполеону по взятіи Або. ¹⁾ Понятно, что неудачи въ Финляндіи и открывшаяся тамъ народная война, которую тотчасъ-же, въ параллель событіямъ въ Испаніи, назвали войною «гверильясовъ», раздражали Государя, и неудовольствіе его естественно обращалось на то лицо, которое являлось въ данномъ случаѣ передъ нимъ отвѣтственнымъ, т. е. на главнокомандующаго. Этимъ настроеніемъ Монарха немедленно воспользовались всё тѣ, кому по тѣмъ или другимъ причинамъ нужно было свалить Буксгевдена, и стало чувствоваться, что послѣднему—не сдобровать...

Графъ Буксгевденъ вполне правильно полагалъ, что со вскрытіемъ водъ нельзя опрометчиво пускаться со слабыми силами и не овладѣвъ моремъ въ такую фантастическую экспедицію, какъ задуманное Императоромъ Александромъ вторженіе въ Швецію, безъ всякой подготовки и прежде уничтоженія той живой силы, которая еще пребывала въ предѣлахъ Финляндіи. Онъ считалъ необходимымъ, либо отложить этотъ планъ до зимы, когда переходъ возможенъ прямо по льду и не потребуетъ уже никакихъ техническихъ водоплавныхъ средствъ, либо сосредоточить *своевременно* надежныя морскія силы и одержать *предварительно* верхъ надъ шведскимъ флотомъ, послѣ чего только можно думать о переброскѣ силъ черезъ Ботнику.

Не вина графа Буксгевдена въ томъ, что наши морскія силы, поставленныя внѣ всякой зависимости отъ сухопутныхъ, дѣйствовали несоотвѣтственно и, господство на морѣ, не смотря на ошибки шведовъ и двусмысленное поведеніе англичанъ, все таки оставлено было въ рукахъ нашего противника. Можно, пожалуй, упрекнуть главнокомандующаго въ томъ, что онъ слишкомъ много обращалъ вниманія

¹⁾ См. выше стр. 65.

на побережье, придавая первенствующее значение *опаснѣйшаго и важнѣйшаго* противника не войскамъ „финской арміи“ графа Клингспора, а ожидаемымъ высадкамъ свѣжихъ войскъ, формируемыхъ и направляемыхъ лично волею короля Густава IV Адольфа. Можно, пожалуй, указать, что только рѣшительность графа Н. Каменскаго, энергично поведшаго наступленіе противъ главной группы неприятельскихъ сухопутныхъ войскъ, привела къ окончательному покоренію Финляндіи, такъ какъ разгромъ этой группы обезсилилъ и народный мятежъ; но едва-ли справедливо будетъ винить графа Буксгевдена, который не могъ, вѣдь, предвидѣть ошибокъ непріятеля на морѣ, а также—что шведскія десантныя попытки поведутся послѣдовательными паветами, благодаря чему и самое ихъ отраженіе окажется для насъ доступнымъ. Вѣдь если бы шведскій король сосредоточилъ сразу всѣ бывшія въ его распоряженіи силы на Аландскихъ островахъ, бросивъ держать войска и въ Шоніи и на границахъ Норвегии, и одновременно перебросилъ ихъ въ Финляндію, пользуясь запозданіемъ, а затѣмъ бездѣйствіемъ нашего флота,—то врядъ-ли даже графу Каменскому удалось бы спасти положеніе...

По характеру своему графъ Буксгевденъ, конечно, не былъ способенъ, подобно выдающимся полководцамъ, въ критическія минуты „сжигать свои корабли“ и ставить все на карту. Въ этомъ отношеніи Каменскій безусловно стоитъ гораздо ближе къ великимъ образцамъ искусства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ взваливать наши неудачи перваго періода кампаніи 1808 г. только на отвѣтственность главнокомандующаго, приписывая успѣхи второй ея половины исключительно Каменскому (какъ это дѣлаетъ на примѣръ, Михайловскій-Данилевскій) будетъ вопіюще несправедливостью...

Недовѣріе къ графу Буксгевдену, между тѣмъ, простерлось до того, что изъ Петербурга неоднократно былъ командированъ въ Финляндію полковникъ (потомъ генералъ) маркизъ Паулуччи, сардинскій выходецъ, который сперва, по Высочайшему повелѣнію, „обслѣдовалъ“ положеніе дѣлъ въ Финляндіи, а потомъ уже сталъ составлять и операціонные планы, находившіе одобреніе въ Петербургѣ. Понятна горечь обиды, которая звучитъ въ письмахъ Буксгевдена министру иностранныхъ дѣлъ Румянцеву¹⁾, когда онъ пишетъ о „непріятностяхъ“, „двигатели“ которыхъ, укрываясь „подъ эгидой власти“, лишаютъ его „возможности открыто доказать ихъ неправду“. Эти люди нашли способы дать ему „невозможныя инструкціи, при Высочайшемъ повелѣніи въ точности сообразоваться съ ними, а для большаго еще моего униженія автору этихъ инструкцій предоста-

¹⁾ См. Ординъ, т. I, стр. 408—410.

вили быть и подателемъ мнѣ самого повелѣнія... Я слишкомъ хорошо вижу, откуда идутъ всѣ эти оскорбленія, но меня очень мало знаютъ, предполагая, что честолюбіе побудитъ меня сохранить мѣсто во что бы то ни стало; напротивъ, я охотно уступаю его всякому, кто лучше меня будетъ заботиться о пользѣ отечества... Пусть генералы въ родѣ Спренттпортеновъ и Кнорринговъ меня заступятъ; можетъ быть, они будутъ имѣть болѣе успѣха; по крайней мѣрѣ, если они сотрудничали въ составленіи инструкцій, то найдутъ ихъ и удобнѣе исполнимыми... Поэтому если инструкціи должны быть непременно исполнены, я твердо рѣшился принести отечеству послѣднюю жертву, уступивъ мое мѣсто генералу, болѣе покорному наставленіямъ, которыя неизвѣстный иностранецъ даетъ главнокомандующему русской арміи⁴.

Одновременно Буксгевденъ писалъ и Государю и просилъ объ увольненіи отъ должности. За отъѣздомъ Императора въ Эрфуртъ, рѣшеніе этого дѣла отложилось, а тѣмъ временемъ въ Финляндіи Каменскій своими ударами быстро склонилъ вѣсы на нашу сторону. Вопросъ объ устраненіи Буксгевдена отъ командованія временно былъ отсроченъ. Но самъ главнокомандующій отнюдь не забывалъ обиды и, несмотря на блестящія побѣды, упорствовалъ въ своемъ рѣшеніи, какъ видно изъ его переписки съ Румянцевымъ. Тѣмъ временемъ, враги его въ Петербургѣ не дремали. Заключеніе перемирія въ Лохтео послужило новымъ поводомъ къ тому, чтобы обрушиться на главнокомандующаго. Мы уже знаемъ, что перемиріе это было прервано по распоряженію комитета министровъ, что Императоръ Александръ призналъ его „непростительною ошибкой“, которая, однако была снова повторена уже 7-го ноября графомъ Каменскимъ въ Олькюки.

Конвенція эта привела Императора Александра въ негодованіе, которое цѣлкомъ отразилось на главнокомандующемъ. 8-го декабря, возвращаясь съ сѣвера Финляндіи, Буксгевденъ получилъ въ Або Высочайшій указъ объ увольненіи отъ командованія... Скорбными нотами звучатъ послѣднія его всеподданнѣйшія донесенія¹⁾, въ которыхъ ветерану екатерининскихъ войнъ приходилось даже указывать, что имъ не свершено „ничего безславнаго“ и умолять о предоставленіи ему возможности лично представить Монарху своему всѣ необходимыя разъясненія... Силы Буксгевдена были окончательно потрясены и здоровье въ корень подкошено тяжкими ударами, павшими на его голову и уже два года спустя, въ 1811 г., его не стало... Безпристрастной исторіи принадлежитъ теперь произнести свой спра-

¹⁾ См. Д. В.-Уч. Арх. Гл. Шт. № 1651.

ведливый приговоръ надъ этимъ военачальникомъ, однимъ изъ „стаи славной екатерининскихъ орловъ“, который, въ мѣрѣ данныхъ ему природой силъ и способностей, искренно и безкорыстно радѣлъ о пользѣ государственной.

Личность графа Буебсгедена несомнѣнно принадлежитъ къ числу величавыхъ образовъ нашего прошлаго, образовъ, трагическая судьба которыхъ невольно влечетъ къ нимъ и заставляетъ спускаться къ вольнымъ и невольнымъ ихъ прегрѣшеніямъ. Но, если и могутъ быть подмѣчены у Буксгедена, какъ полководца и администратора, упущенія и даже ошибки, неизбѣжныя при тѣхъ исключительно-трудныхъ обстоятельствахъ, въ которыя онъ былъ поставленъ, то всѣ они безусловно искупаются его уваженіемъ вездѣ и во всемъ къ интересамъ Россіи.

ГЛАВА XII.

Зимняя за-Ботническая операція.

Итоги лѣтней кампаніи.—Положеніе сторонъ зимою 1808—09 г. г.—Общая идея зимняго перехода въ Швецію.—Планъ графа Каменскаго.—Роль Аракчеева.—Видоизмѣненіе плана.—Положеніе Швеціи.—Дѣйствія колонны Багратиона.—Захватъ Аланда.—Переворотъ въ Стокгольмѣ.—Вѣроломство фонъ-Дебельна и легковѣріе Аракчеева.—Положеніе Барклая-де-Толли въ Вагѣ.—Побудительныя мѣры Аракчеева.—Организація марша черезъ Кваркенъ.—Захватъ Умео.—Возвращеніе.—Значеніе перехода.—Наступленіе графа Шувалова къ Каленксу.—Капитуляція Гриншенберга.—Оцѣнка зимней за-Ботнической операціи.

Съ заключеніемъ Олькюкской конвенціи Финляндія была, наконецъ, покорена цѣлкомъ. Но это еще не значило, что война окончена. Чтобы принудить Швецію согласиться на миръ, для насъ выгодный,—а такимъ могъ быть только миръ, сопряженный съ передачей въ наши руки *всей* Финляндіи,—нужно было настойчиво и безотлагательно продолжать военныя дѣйствія; нужно было спѣшить внести побѣдоносное оружіе наше въ шведскіе предѣлы, дабы истощить у противника всѣ средства для веденія борьбы, и, угрожая его столицѣ, вырвать у него согласіе на уступку намъ всего захваченнаго нами края, безъ чего не могло быть достигнуто съ увѣренностью то „полное граду Петрову безопасіе“, о которомъ мечталъ его Великій Основатель...

Этого именно и добивался Императоръ Александръ, который, очевидно, понималъ, насколько, при тогдашнихъ внутреннихъ политическихъ условіяхъ Швеціи, всякая, даже легкая угроза столицѣ королевства, Стокгольму, должна отозваться на состояніи умовъ и броженіи партій, враждебныхъ королю. Вотъ почему нашъ Государь продолжалъ требовать отъ новаго главнокомандующаго Кнорринга, какъ прежде отъ графа Буксгевдена, выполненія своего первоначальнаго плана, заключавашагося въ переброскѣ нашихъ войскъ тѣмъ или инымъ способомъ на шведскій берегъ, хотя бы въ небольшомъ сравнительно числѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ этой операціи, необходимо остановиться на предшествующемъ періодѣ войны и сдѣлать оцѣнку дѣйствій сторонъ въ этотъ періодъ.

Условія обстановки къ веснѣ 1808 года были всецѣло на сторонѣ шведовъ. Попытка направить ударъ соединенными русско-франко-датскими силами въ Шонію, превративъ эту часть коренной Швеціи въ главный театръ военныхъ дѣйствій, не удалась. Съ нашей стороны неуспѣхъ Готландской экспедиціи пресѣкъ это предпріятіе въ

самомъ зародышѣ; со стороны Даніи дѣло затормозилось рознью въ войскахъ, вѣренныхъ маршалу Бернадотту. Англійскій флотъ овладѣлъ проливами и сдѣлалъ исполненіе указаннаго сложнаго замысла невозможнымъ...

Такимъ образомъ, для Швеціи исчезла серьезная опасность удара съ юга, грозившаго ея столицѣ, средоточію политическихъ страстей... У Швеціи, въ сущности говоря, руки сдѣлались развязанными въ отношеніи Финляндіи, сохранившей за собою значеніе главнаго театра борьбы, являясь въ то же время ея предметомъ, ея цѣлью, такъ какъ Россія вела войну исключительно за ея обладаніе. Шведскій король, получившій къ тому-же довольно солидное приращеніе въ видѣ вспомогательнаго четырнадцатитысячнаго корпуса англійскихъ войскъ генерала Мура, имѣлъ полную возможность стяннуть противъ насъ въ Финляндіи превосходныя силы. Но для этого нужно было сознавать, что весь исходъ войны зависитъ отъ исхода борьбы *именно въ предѣлахъ Финляндіи* и, не увлекаясь никакими другими побочными цѣлями, устремить туда все, что только было возможно... Условія мѣстности на Норвежской сухопутной границѣ съ Даніей вполнѣ допускали надежное ея прикрытіе слабыми силами; да къ тому же датскія войска и не выказывали здѣсь агрессивныхъ намѣреній... Шведскій флотъ, потерпѣвъ нѣкоторый ущербъ съ утратой финляндскихъ гребныхъ флотилій, былъ изготовленъ значительно раньше нашего; море было въ его власти. Такимъ образомъ, нашъ противникъ могъ пользоваться свободою дѣйствій на морѣ и развивать свои наступательные планы, связанные съ десантными дѣйствіями, безъ опасенія серьезной помѣхи съ нашей стороны...

Изъ сказаннаго видно, что если въ періодъ зимняго похода *инициатива* цѣликомъ была на нашей сторонѣ, а шведскій „гарнизонъ“ Финляндіи могъ безнаказанно подвергнуться отдѣльному пораженію, по причинѣ почти полной физической невозможности подать ему помощь изъ Швеціи, то съ наступленіемъ весны положеніе вещей радикально измѣнялось. Починъ, бывшій только что въ нашихъ рукахъ, сразу перекачнулся на чашу вѣсовъ нашего противника. Мало этого, мы, съ нашими слабыми силами, должны были удерживать въ своихъ рукахъ всю захваченную территорію, оберегать длинную линію побережья, да сверхъ того прикрывать сообщеніе съ Россіей отъ ударовъ изнутри края, гдѣ быстро сформировался очагъ партизанскихъ дѣйствій...

Грозная дѣйствительность не замедлила разсѣять радужный миражъ мечтаній о мнимой приверженности финляндцевъ русской власти. Тысячеголовая гидра народнаго движенія внезапно разъединила наши разрозненные отряды, которые очутились въ положеніи остро-

вовъ среди взбаламученнаго моря... Сосредоточенію силъ препятствовала необходимость удерживать въ своихъ рукахъ рядъ пунктовъ на побережьи и прикрывать свой тылъ. При такихъ условіяхъ, и съ вмѣвнимися въ распоряженіи силами, казалось бы, нечего было и думать о наступательныхъ дѣйствіяхъ...

Однако, какъ мы видѣли, главнокомандующій графъ Буксгевденъ не намѣренъ былъ уступать такъ легко инициативу противнику. Онъ предполагалъ снова повторить уже два раза неудавшуюся ему зимою комбинацію: заманувъ главные силы съ фронта одною группою своихъ войскъ, вывести другую имъ въ тылъ.

Въ данномъ случаѣ попытка эта не удастся, какъ несоображенная съ условіями *мѣстности*. Активная роль возлагается на свѣжую колонну Барлея-де-Толля, наступательный порывъ которой вынужденъ изсякнуть въ дебряхъ Саволакса; колонна эта прикована къ мѣсту искусною активной обороною Сандельса.

Мастерскія дѣйствія послѣдняго этнмъ не ограничиваются; онъ подымаетъ противъ насъ всю Корелію, серьезно вредитъ нашимъ сообщеніямъ, забрасываетъ факель народнаго мятежа въ наши предѣлы, на берега Ладожскаго озера, притягивая сюда послѣднія наши свободныя силы, а затѣмъ заставляя насъ отдѣлять въ этомъ, сравнительно второстепенномъ, направленіи даже часть послѣдующихъ подкрѣпленій...

Не таковы были дѣйствія главной шведской группы, предводимой фельдмаршаломъ графомъ Клингспоромъ. Его наступленіе носило робкій, нерѣшительный, характеръ. Всѣ свои планы и соображенія онъ подгонялъ такъ, чтобы, такъ сказать, отыграться на диверсіяхъ, а когда дѣло доходило до неизбежности серьезнаго боевого столкновения, сдавалъ командованіе Адлеркрейцу и подъ разными предлогами отлучался въ тылъ... Въ результатъ самый опасный для насъ періодъ—іюнь и іюль мѣсяцы—былъ шведами *упущенъ*. Упущенъ онъ былъ, съ одной стороны, по причинѣ бездѣятельности графа Клингспора, а съ другой, благодаря недостаточно энергичному и несогласованному съ операціями „финской арміи“ содѣйствію со стороны шведскаго короля, вниманіе котораго не было всецѣло обращено въ ту сторону, гдѣ собственно рѣшалась участь войны, т. е. въ сторону Финляндіи.

Первыя высадки шведовъ на наши берега были отражены, какъ благодаря умѣлымъ и находчивымъ дѣйствіямъ нашихъ войскъ, такъ и вслѣдствіе слабости самыхъ десантовъ, являвшихся, по идеѣ короля, только *кадрами*, къ которымъ должно было присоединиться мѣстное народное ополченіе. Полезнымъ для противника результатомъ этихъ десантовъ былъ единственно только тотъ, что мятежныя шайки на

побережья Ботническаго залива развили такую дѣятельность, которая оттянула на себя особыя наши отряды...

Высадки эти не сопровождались наступленіемъ главнаго ядра шведскихъ силъ. Клингспоръ, видимо, воздерживался отъ рѣшительныхъ дѣйствій до полученія болѣе серьезной поддержки извнѣ, и, такимъ образомъ, драгоценное время утрачивалось въ безплодныхъ попыткахъ и въ частныхъ столкновеніяхъ, отдѣльные тактическіе успѣхи которыхъ въ пользу шведовъ не приносили никакого серьезнаго стратегическаго результата...

Безсвязность въ дѣйствіяхъ шведовъ, совершенно между собою несогласованныхъ и къ тому же не направляемыхъ, въ сущности, единою волею,—вотъ главная причина бесполезной утраты этого выгоднаго для нихъ періода войны... Точно также и на морѣ преимущество ихъ господства на немъ не было использовано; не было организовано ни одного серьезнаго десантнаго предпріятія. Дѣло ограничилось отдѣльными поисками шхерныхъ флотилій, имѣвшими общую цѣлю не допустить сосредоточенія нашихъ гребныхъ судовъ въ Абовскомъ районѣ и, въ результатъ, завершившимися для противника полною неудачею. Что же касается корабельнаго флота, шведскаго и англійскаго, то, несмотря на всѣ преимущества своей силы и своего положенія, онъ удовлетворился сравнительно легко доставшимся ему успѣхомъ надъ эскадрой адмирала Ханькова и, заперевъ ее, не сдѣлалъ ни одной серьезной наступательной попытки; поэтому организованный Аракчеевымъ къ половинѣ лѣта подвозъ продовольствія Финскимъ заливомъ изъ Петербурга къ Свеаборгу производился все время безпрепятственно...

Такой характеръ дѣйствій шведовъ зависѣлъ въ значительной мѣрѣ отъ стремленія короля Густава IV Адольфа добиться одновременно достиженія нѣсколькихъ цѣлей, что являлось для него, при сравнительно ограниченныхъ силахъ и средствахъ для веденія борьбы, безусловно непосильнымъ. Король не внималъ разумнымъ совѣтамъ болѣе разсудительныхъ и свѣдущихъ въ военномъ дѣлѣ людей (какъ, напримѣръ, своему генераль-квартирмейстеру Авъ-Тибеллю) и желалъ непременно „вознаградить себя въ Норвегіи“. Это приводило къ удержанію въ предѣлахъ коренной Швеціи гораздо большаго количества войскъ, чѣмъ требовалось бы для обороны противъ датчанъ, и сокращало размѣръ удѣляемыхъ для Финляндіи подкрѣпленій... Мало того, король, какъ извѣстно, лишилъ себя содѣйствія англійскаго десанта...

Тѣмъ не менѣе, несмотря на все это, обстановка въ періодъ лѣтнихъ мѣсяцовъ 1808 года продолжала оставаться на сторонѣ шведовъ и даже съ наличными силами, при болѣе рѣшительности

и согласованности въ дѣйствіяхъ, они могли достигнуть результата для насъ гораздо болѣе неприятныхъ.. Въ сущности, у нихъ не было ясно сознанаго предмета дѣйствій. Оперативныя соображенія Клингспора, какъ извѣстно, предусматривали только рядъ диверсій для облегченія успѣха главныхъ силъ его „арміи“, не говоря ничего о цѣли и направленіи ея собственныхъ операцій. Одинъ Сандельсъ какъ бы инстинктивно понималъ, что, покамѣстъ силы русскихъ слабы и разбросаны, а море для нихъ ненадежно въ смыслѣ коммуникаціи,—самымъ чувствительнымъ объектомъ, центромъ всего ихъ могущества въ Финляндіи—являются ихъ сообщенія; и вотъ, какъ мы знаемъ, онъ упорно наноситъ по нимъ удары, смѣло производя поиски по водной сѣти Сайменской системы озеръ. Но Сандельсу въ руки даны были, въ сущности, ничтожныя средства: отъ 2 до 3 тысячъ регулярныхъ войскъ, усиленныхъ вооруженными народными бандами, которыя, разумеется, могли производить только мелкіе набѣги..

Набѣги эти могли затормозить наступленіе колонны Барклая, но—и только.. Народныя ополченія, не взирая на смѣлость отдѣльныхъ предводителей, по самой природѣ своей неспособны къ рѣшительнымъ активнымъ предпріятіямъ, требующимъ извѣстной выдержки въ исполненіи, что лишній разъ подтверждаютъ событія этой войны..

Если бы Клингспоръ былъ одаренъ большею рѣшительностью и могъ страхнуть съ себя бремя той инертности, которая все время надъ нимъ роковымъ образомъ тяготѣла, онъ, вѣроятно, воспользовался бы тѣмъ вынужденнымъ временемъ бездѣйствія, которое вызвано было весеннимъ половодьемъ, и измѣнилъ бы группировку своихъ силъ въ духѣ приданія Саволакской группѣ болѣе рѣшительнаго, активнаго значенія. Онъ имѣлъ на то право, такъ какъ возможность пользованія внутренними водными путями устраняла для Сандельса главное затрудненіе, мѣшавшее наступательнымъ дѣйствіямъ внутри края. Нельзя къ тому же не замѣтить, что вообще побережье притягивало къ себѣ Клингспора роковымъ образомъ.. Онъ ждалъ отсюда помощи и поддержки, чувствовалъ свой тылъ болѣе обезпеченнымъ въ непосредственной къ нему близости и потому, вѣроятно, такъ неохотно отдѣлился отъ него вслѣдъ за Раевскимъ, особенно когда первые десанты не удались.. Мало того, даже одержанные частныя успѣхи онъ опасался использовать, бездѣйствуя почти весь іюль и давая широкою рукою намъ то, что было для насъ якоремъ спасенія—*время*.

Время это дало намъ возможность, прежде всего, сознать, что дѣло еще поправимо; что, несмотря на крайнюю невыгоду нашего положенія до наступленія зимы, можно еще обойтись безъ примѣ-

ненія той мѣры, которую уже начали въ то время обсуждать и проектировать въ Петербургѣ, т. е. безъ перехода къ пассивной оборонѣ по всему фронту...

Здѣсь, между прочимъ, бросается въ глаза явленіе весьма характерное для той *переходной эпохи* состоянія нашего военного искусства, которую являетъ собою у насъ Александровское царствованіе...

Въ Петербургѣ Императора Александра окружаютъ, по преимуществу, иностранцы, среди которыхъ многіе (тотъ же маркизъ Паулуччи, Пфуль, Опперманъ, Вольцогенъ и др.) получили впоследствии печальную извѣстность въ 1812 году, при составленіи первоначальныхъ плановъ этой кампаніи. Многіе изъ этихъ лицъ пропитаны были ученіями тѣхъ *одностороннихъ* кабинетныхъ теоретиковъ стратегіи, которые какъ разъ въ это время стали появляться въ западной Европѣ (Бюловъ, Эрцгерцогъ Карлъ, Ксиландеръ и др.¹⁾... Результатомъ теоретическихъ измышленій этихъ лицъ, въ ряду которыхъ дѣятельную роль игралъ и будущій главнокомандующій Кноррингъ, было составленіе того пресловутаго оборонительнаго (къ счастью невыполненнаго) плана, по которому наши войска должны были растянуться кордономъ на 500 верстъ отъ Бьернеборга до Кемі.

На театрѣ военныхъ дѣйствій, во главѣ войскъ, оказываются генералы друго типа, преимущественно сподвижники и вскорыши еще Суворовской школы, не искушенные въ теоретическихъ умозрѣніяхъ, но прокаленные, такъ сказать, въ горнилѣ боевого опыта, подъ руководствомъ такого генія, какимъ былъ неподражаемый „чудо-вождь“. Люди эти понимали военное дѣло чутьемъ, любили его, просвѣщали себя „помощью чтеніевъ“ (какъ совѣтовалъ имъ ихъ учитель), воспитываясь на классическихъ походахъ древности²⁾, и на ближайшихъ дѣяніяхъ славнаго вѣка Екатерины...

Въ Петербургѣ, повидимому, относятся къ нимъ съ плохо скрываемымъ недоверіемъ; подвергаютъ ихъ при всякомъ удобномъ случаѣ контролю, навязываютъ имъ свои планы (напримѣръ „совѣты“ Кнорринга Тучкову I, постоянныя вмѣшательства Спренгпортена и того же маркиза Паулуччи). Архивы сохранили цѣлыя груды донесеній, соображеній, даже доносовъ, цѣлью которыхъ было, между прочимъ, оклеветаніе главнокомандующаго гр. Буусгефдена, для чего искусно пользовались враждою къ нему Аракчеева... Отсюда видно, что вести войну приходилось не только съ врагомъ, но и съ интригой всякаго рода, тормозившей дѣло управленія военными дѣйствіями... Мало этого, главнокомандующему приходилось бороться еще, какъ

¹⁾ См. Стратегія Р. А. Леера, т. I, прил. № 1.

²⁾ Напримѣръ, Я. П. Кульневъ съ театра войны писалъ въ 1808 году брату. «Чтеніе Квинта Курція есть безпрестанное мое упражненіе!»

мы знаемъ, съ треніями по части согласованія дѣйствій на морѣ съ сухопутными операціями. Графъ Буксгевденъ смотрѣлъ на флотъ, какъ на органъ служебный, какъ на *одно изъ средствъ* веденія борьбы при тѣхъ мѣстныхъ условіяхъ, которыя предоставляла намъ захваченная нами Финляндія. Такъ какъ въ навигаціонный періодъ противникъ могъ грозить намъ преимущественно со стороны моря, то главнокомандующій, считая себя вынужденнымъ охранять берега Финляндіи отъ подобныхъ покушеній, смотрѣлъ на флотъ, съ одной стороны, какъ на орудіе развѣдки, а съ другой—какъ на средство нанесенія ударовъ флотиліямъ или десантнымъ отрядамъ противника, дабы пресѣчь въ самомъ корнѣ его попытки пропзвести высадку. При этомъ флотъ корабельный долженъ былъ работать въ болѣе дальнемъ разстояніи отъ береговъ и, отыскивая таковой же флотъ непріятели, мѣшать послѣднему выполнять свои стратегическія задачи и, слѣдовательно, *искать* съ нимъ рѣшительнаго столкновенія; флотъ галерный,—вести развѣдку *ближнюю* и, укрываясь въ въ засадахъ, производить нападенія на транспортныя суда, какъ только они выбросятъ войска на матерію, съ тѣмъ чтобы поставить послѣднія въ безвыходное положеніе.

Обстоятельства отчасти благопріятствовали нашему флоту; силы противника были раздѣлены, но, какъ извѣстно, адмиралъ Ханьковъ затаилъ свой выходъ изъ Кронштадта, потерялъ время въ Гангэ и, въ результатѣ, по какому-то плохо объяснимому недоразумѣнію, уклонился отъ рѣшительнаго боя со шведами, успѣвшими получить лишь небольшое англійское подкрѣпленіе. Въ результатѣ корабельный флотъ нашъ, безъ особыхъ усилій со стороны противника, оказался „выведенъ изъ строя“ и закупоренъ въ Балтійскомъ портѣ, откуда уже къ зимѣ перебрался въ Кронштадтъ. Счастье наше, что противникъ не догадался воспользоваться благопріятно сложившеюся обстановкою и не проникъ въ Финскій заливъ. Здѣсь могла бы быть на время прервана морская комуникація Петербурга со Свеаборгомъ, чего справедливо опасались и графъ Буксгевденъ, и Аракчеевъ; а это обстоятельство, очевидно, весьма невыгодно отразилось бы на положеніи нашихъ войскъ, занимающихъ Финляндію. Намъ безспорно помогалъ нѣсколько двусмысленный образъ дѣйствій англійскаго флота; будь иначе,—неуспѣхъ на морѣ отразился бы на сухопутныхъ операціяхъ гораздо внушительнѣе. *Если бы шведы сумѣли именно въ это время использовать какъ должно свое господство на морѣ, пресѣчь нашъ подвозъ моремъ и одновременно мѣтко направить на финляндскій берегъ тѣ свободныя силы, которыми они еще располагали, то даже победы графа Каменскаго надъ Клинспоромъ едва ли сыграли бы столь рѣшительную роль.*

Въ общемъ, дѣйствія на морѣ въ кампанію 1808 года существеннаго вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій не оказали, несмотря на успѣшный для насъ тактической исходъ большинства столкновеній въ шхерахъ. Офіціальный историкъ нашъ, Михайловскій-Данилевскій (стр. 316—17), усматриваетъ недостаточную успѣшность дѣйствій нашихъ на морѣ въ устарѣлости типовъ нашихъ судовъ, въ недостаточной обученности экипажей, въ привлеченіи на гребныя суда сухопутныхъ солдатъ, составлявшихъ тамъ даже большинство, а главное—въ трудности плаванія по шхерамъ. „Въ семь лабиринтѣ острововъ (пишетъ онъ) начальнику гребныхъ судовъ недостаточно быть только морскимъ офицеромъ. Положеніе острововъ и утесовъ, фарватеры и проходы должны быть ему знакомы... У насъ не было надежныхъ картъ: мы нуждались и въ лоцманахъ; всѣ жители уходили при приближеніи русскихъ судовъ, оставались только женщины и дряхлые старики, а ни тѣ, ни другіе не могли быть проводниками“¹⁾. Превосходство шведовъ въ смыслѣ знанія своихъ водъ и въ отношеніи подготовки—неоспоримо. Ихъ „армейскій флотъ“, созданіе Августина Эрэнсверда, готовился болѣе полустолѣтія; нашъ былъ въ значительной степени импровизаціей. И все-таки, въ большинствѣ столкновеній шхерныхъ флотовъ мы, оказываясь почти всегда слабѣйшими и даже чувствуя хроническій недостатокъ въ огнестрѣльныххъ припасахъ, неизмѣнно одерживали верхъ. Къ сожалѣнію, дѣло ограничивалось лишь отбитіемъ удара; довершить его преслѣдованіемъ, добиться полного разгрома непріятеля, мы не могли, опасаясь рисковать движеніемъ по незнакомымъ фарватерамъ. Вотъ почему всѣ эти шхерныя наши побѣды, въ сущности, были бесполезны; потери въ личномъ составѣ непріятелю недолго было пополнить, а поврежденія—починить. Первоначальной основной цѣли дѣйствій гребного флота, пріобрѣтенія господства въ шхерахъ, мы такъ и не достигли. Мало того, столкновенія шхерныхъ эскадръ происходили все время совершенно независимо отъ дѣйствій на сушѣ, мало руководствуясь стремленіемъ оказать существенное вліяніе на ходъ десантныхъ операцій. Въ этомъ смыслѣ почти одинаково грѣшили обѣ стороны. Шхерныя флотилии тягались другъ съ другомъ, а высадки бывали отбиты обыкновенно одними усиліями сухопутной обороны.

Всѣ вышеуказанныя обстоятельства дали намъ возможность благополучно переждать трудное время и возстановить свое положеніе въ Финляндіи даже ранѣе, чѣмъ настала новая зима, облегчившая намъ эту задачу. Убѣдясь, что наступленіе правымъ флангомъ нашего стратегическаго фронта немислимо, главнокомандующій, желая

¹⁾ Зависимость, которая и по днесь отчасти сохранила свою силу, такъ какъ лоцманская часть Финляндіи вся въ мѣстныхъ рукахъ.

вмѣстѣ съ тѣмъ избавиться отъ пассивно-оборонительныхъ плановъ, составляемыхъ въ Петербургѣ, вручаетъ полную мочь графу Каменскому, возлагая на него лишь задачу одержать рѣшительный успѣхъ надъ главною группою Клингспора...

Къ этому времени, очевидно, въшему командованію нашему стало яснымъ, что шведскія войска, сосредоточиваемыя королемъ на Аландѣ, вовсе не являются,—какъ это казалось прежде,—опаснѣйшею для насъ группою противника. И это убѣжденіе, въ связи съ окончательнымъ отказомъ дѣйствовать наступательно противъ Сандельса, приводитъ къ тому, что въ рукахъ графа Каменскаго собираются если не превосходныя силы, то такія, которыя позволяютъ серьезно мѣряться съ неприятелемъ... Въ сущности, десятитысячный корпусъ Каменскаго,—это какъ разъ то нормальное для Финляндіи количество войскъ, которое, по мѣстнымъ условіямъ, можетъ дѣйствовать *совокупно*, въ рукахъ одного вождя. Прибавка Каменскому войскъ сверхъ этой нормы уже была бы, пожалуй, для него малополезна, такъ какъ уменьшала бы его подвижность, вынуждая даже, быть можетъ, не пользоваться этимъ излишкомъ, такъ какъ тѣснота полей сраженія не позволяла бы развернуть одновременно болѣе значительныя силы...

Каменскій выказалъ въ эту кампанію большія военныя дарованія. Онъ всецѣло оправдалъ выборъ и довѣріе къ нему главнокомандующаго и прозрѣніе Суворова, отмѣтившаго его способности еще въ Швейцарскомъ и Итальянскомъ походахъ. Кое-что „суворовское“, несомнѣнно, сквозитъ и въ образѣ дѣйствій молодого вождя, героя Куртана и Оровайса.

Правильный выборъ *предмета* дѣйствій и *способа* дѣйствій противъ него сразу перемищаетъ центръ тяжести успѣха въ нашу сторону. Графъ Букстевденъ, опасаясь за побережье, все время придавалъ большее значеніе отраженію высадокъ и войскамъ короля на Аландѣ, поэтому боялся выдѣлить противъ Клингспора достаточно силъ; кромѣ того, самыя эти дѣйствія строилъ на идеѣ кружной угрозы дальнему тылу шведской арміи, не осуществимой, какъ оказалось, по условіямъ мѣстности. Каменскій, собравъ въ свои руки отрядъ такой числительности, который давалъ ему право на самостоятельныя дѣйствія, намѣчаетъ себѣ цѣлью *главную* группу неприятельскихъ войскъ Клингспора, а способомъ дѣйствій избираетъ рѣшительный ударъ по возможности всѣми силами. При этомъ, неудачно испробовавъ въ самомъ началѣ операциі излюбленное Букстевденомъ давленіе на сообщенія, онъ сразу бросаетъ этотъ затяжный способъ, приводящій только къ *уклоненію противника отъ боя* и переходитъ къ способу ближняго фланговаго удара, соединеннаго съ фронтальнымъ наступленіемъ, отражая лишь небольшія группы на

тылъ противника для отвлеченія его вниманія. Такимъ именно манеромъ нанесены Каменскимъ тѣ удары при Куортане, Сальми и Оровайсѣ, которые сразу измѣнили положеніе дѣлъ на всемъ театрѣ войны и, въ сущности, рѣшили судьбу кампаніи. Шведскія войска окончателно пали духомъ, народная война быстро угасла, остатки войскъ Клингспора и Сандельса были снова отброшены на сѣверъ и отдѣлены отъ такъ называемой „южно-финской“ Аландской арміи короля, которая не была своевременно придвинута моремъ къ нимъ на помощь и только въ пустую затратила свои силы на бесполезныя высадки.

Помимо этого, шведы не подумали поддержать съ моря отходъ арміи Клингспора и заблаговременно передвинуть на сѣверъ болѣе значительную часть своего шхернаго флота, бесполезно таявшего въ абовскихъ водахъ въ постоянныхъ стычкахъ съ нашими гребными флотиліями... Подъ Оровайсомъ у Клингспора оказалось случайно подъ руками пять канонерскихъ лодокъ (пришедшихъ изъ Улеборга); и тѣ, какъ мы знаемъ, оказали весьма вредное для насъ вліяніе на ходъ сраженія. Если бы этихъ канонерокъ было здѣсь больше; если бы часть шведскихъ войскъ была перевезена на нихъ южнѣе вдоль побережья, тамъ высажена и выведена внезапно въ тылъ атакующихъ войскъ Каменскаго какъ разъ въ рѣшительный моментъ боя, когда всѣ резервы успѣли добѣжать и были введены въ дѣло? Наконецъ, если бы въ оровайскомъ бою принялъ участіе шведскій корабельный флотъ, который, съ уходомъ эскадры адмирала Ханькова, бездѣйствовалъ? Исходъ кампаніи, несомнѣнно, могъ бы быть для насъ инымъ, и пришлось бы (какъ это и предвидѣлъ Буксгевденъ) завершать завоеваніе Финляндіи зимою, быть можетъ цѣною новыхъ тяжелыхъ усилій.

Отсутствіе надлежащаго объединенія власти надъ сухопутными войсками и флотомъ сыграло, безусловно, рѣшающее вліяніе на неблагоприятный для насъ исходъ морскихъ операцій. Петръ Великій дѣйствовалъ въ Финляндіи примѣрно въ такихъ же условіяхъ ¹⁾, но у него совмѣстныя операціи сухопутныхъ силъ и галернаго и корабельнаго флотовъ направлялись единою могучею его волею и мыслью; сухопутныя войска его были вполне освоены съ дѣйствіями на гребныхъ судахъ; при немъ армія и флотъ составляли даже не двѣ руки одного туловища, а нѣчто единое, нераздѣльное. Поэтому и совмѣстная работа ихъ шла дружно, рука объ руку, чего уже не замѣтно въ позднѣйшихъ финляндскихъ войнахъ.

Весьма поучительно, что въ одномъ изъ предписаній морского министра Чичагова, данныхъ начальству морскихъ силъ въ Финляндіи, читаемъ подтвержденіе „известной истины, что *согласіе есть*

¹⁾ См. А. З. Мышлаевскій. «Война въ Финляндіи 1712—1714 гг.».

душа всякаго дѣла, кольми паче военнаго, и что усилія и подвиги воинскіе только тогда бываютъ благоуспѣшны, когда они управляются единодушіемъ и, истекая отъ сосредоточенія главнокомандующей власти, стремятся къ единой общей цѣли“. Однако, тотъ же Чичаговъ самъ нерѣдко подавалъ обратный примѣръ, вступая въ пререканія съ графомъ Буксгевденомъ и желая управлять самостоятельно изъ Петербурга морскими операціями, внѣ зависимости отъ общаго хода дѣла на главномъ театрѣ войны. Даже шхерную флотилію контръ-адмирала Мясоѣдова онъ не признавалъ возможнымъ подчинить всецѣло главнокомандующему, а только обязалъ его „всѣ движенія свои начинать и располагать *по совѣщанію и согласію*“ съ нимъ.

У шведовъ точно также не было согласованности въ дѣйствіяхъ сухопутной арміи, оборонявшей Финляндію, десантовъ, долженствовавшихъ ее поддержать, и облегчавшаго имъ эту задачу флота, хотя фактическое объединеніе высшаго руководства всѣми этими органами вооруженной борьбы у нихъ существовало въ лицѣ короля, самолично явившагося на театръ военныхъ дѣйствій. Но Густавъ-Адольфъ IV оказался совершенно не на высотѣ принятой имъ на себя роли. вмѣсто общаго, планосообразнаго руководства всѣми операціями въ духѣ основной ихъ идеи, установленной еще въ февралѣ и вполне соображенной съ обстановкою, король то вмѣшивался въ частныя распоряженія отдѣльныхъ начальниковъ, то принималъ на себя руководство такимъ специальнымъ дѣломъ, какъ организація десантовъ, не заботясь о связи своихъ намѣреній и распоряженій съ дѣйствіями графа Клягспора. Въ результатѣ—у нашего противника операція на морѣ и высадка производилась совершенно почти независимо отъ того, что совершалось на сушѣ, а потому оказали на эти послѣднія событія вліяніе почти неощутимое.

По заключеніи перемирія, войска наши были раздѣлены на четыре „корпуса“ и отдѣльный отрядъ (1-й Улеаборгскій Тучкова, 2-й Вазаскій князя Голицына, 3-й Абоскій князя Багратіона и 4-й Нюландскій графа Витгенштейна; отдѣльный Куопіоскій отрядъ былъ подчиненъ выборгскому военному губернатору Обрескову). Въ общей совокупности своей они именовались теперь уже „арміею“; были укомплектованы, снабжены и доведены до общей численности въ 52,439 человекъ, считая съ нестроевыми, а безъ нихъ—48,418 человекъ. Изъ нихъ въ улеаборгскомъ корпусѣ было свыше 11 т. въ вазаскомъ—13 т., въ абоскомъ—10 т. и въ нюландскомъ—9 т. Такова была численность финляндской арміи въ 1-му января 1809 г.

Новая организація имѣла цѣлью по возможности устранить допущенное нарушеніе нормальныхъ войсковыхъ соединеній, свести

дивизіи и бригады вмѣстѣ, расположивъ ихъ при этомъ такъ, чтобы, съ одной стороны, группировка силъ ближе соотвѣтствовала намѣчаемому плану дальнѣйшихъ дѣйствій, а съ другой—давала наибольшія удобства въ смыслѣ снабженія войскъ продовольствіемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ старался размѣстить войска въ тѣхъ частяхъ края, которыя менѣе потерпѣли отъ войны, заботясь такимъ образомъ объ облегченіи мѣстныхъ жителей. Кромѣ того, время перерыва въ военныхъ дѣйствіяхъ было посвящено мѣрамъ по упорядоченію продовольственной и санитарной части. Въ Гельсингфорсѣ, Свеаборгѣ, Або, Вазѣ, Куопіо и Тавастгусѣ устроены большіе госпитали (отъ 300 до 400, а первый даже на 700 мѣстъ); въ Ловизѣ, Экнесѣ, Бьернеборгѣ и Гамла-Карлебю—малые (на 100 мѣстъ). Главные продовольственные магазины (на 18 тыс. челов. и 3,000 лошадей) устроены въ Гельсингфорсѣ, Або, Лилькюро и Улеборгѣ, а расходные—въ Тавастгусѣ (на 35 т. чел. и 8 т. лощ.) и Куопіо (25 т. чел. и 5 т. лощ.). Кромѣ того заложенъ рядъ небольшихъ магазиновъ (на 2—5 тыс. челов.) въ Ловизѣ, Экнесѣ, Ньюштадтѣ, Бьернеборгѣ, Нерпесѣ, Гамла-Карлебю и Брагестаadtѣ и на этапныхъ пунктахъ по главнымъ коммуникаціоннымъ путямъ, для проходящихъ командъ.

Таковы были послѣднія мѣры графа Буксгевдена, уволеннаго въ началѣ декабря отъ командованія и замѣщеннаго генераломъ Кноррингомъ.

Цѣлью дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій ставилось немедленное и рѣшительное перенесеніе операций на шведскій берегъ. Неоднократно было уже указано на тѣ выгоды, которыя давала намъ зима, уменьшавшая обороноспособность мѣстности въ Финляндіи и Швеціи съ замерзаніемъ внутреннихъ водъ, устранявшая содѣйствіе непріятельскихъ морскихъ силъ и возможность ихъ поддержки со стороны англійскаго флота. Мало того зима создавала *естественный помостъ* между Финляндіей и Швеціей. Съ наступленіемъ весны шведы могли снова пополнить свои войска, получить болѣе рѣшительную помощь Англій, повторить совмѣстныя дѣйствія съ флотомъ, и возобновить десантныя операціи по финляндскимъ берегамъ, которыя на этотъ разъ, подъ вліяніемъ недавнихъ уроковъ, могли быть уже произведены съ исправленіемъ прежнихъ ошибокъ. Короче говоря, зимнія дѣйствія *позволяли намъ непрерывно удерживать за собою починъ* и, пользуясь преимуществами положенія, не давать противнику времени оправиться и собраться съ новыми силами; наоборотъ;—отсрочка операций—*до весны*—играла во всѣхъ смыслахъ въ руку противнику и вела къ затяжкѣ борьбы, намъ безусловно нежелательной.

Не слѣдуетъ забывать, что весь расчетъ Густава IV Адольфа на успѣхъ былъ построенъ на *непрочности* нашего союза съ Наполео-

номъ; а намъ, обратно, эта самая непрочность (надо думать, предвидимая и нашими государственными людьми), повелѣвала *спѣшить* поскорѣ закончить войну, дабы извлечь изъ нея тѣ выгоды, необходимость приобрѣтенія которыхъ предписывали намъ одновременно и географія, и исторія...

Императоръ Александръ, сознавая всю невыгоду для насъ веденія операций въ навигаціонный періодъ, писалъ объ этомъ новому главнокомандующему Кноррингу и повелѣвала „усилить наши военныя дѣйствія въ настоящее зимнее время“. Общая идея плана заключалась въ томъ, чтобы двинуть одновременно на шведскій берегъ три группы войскъ: отъ Або черезъ Аландскіе острова и Аландсгафъ; отъ Вазы черезъ Сѣверный Кваркенъ и изъ Улеаборга черезъ Торнео. Цѣлью такого наступленія ставилось: 1) „Одновременнымъ дѣйствіемъ нашихъ войскъ на мѣста между собою отдаленныя, раздѣливъ силы непріятеля, озаботить и разстроить его и пользуясь превосходствомъ нашимъ въ числѣ, приобрѣсть болѣе надежды къ припужденію шведскаго короля на миръ; 2) занятіемъ Вестро - Ботни имѣть въ рукахъ нашихъ залогъ къ миру, основывая окончательныя постановленія его на обратной уступкѣ шведамъ сей области ¹⁾ и 3) во всѣхъ случаяхъ, предполагая даже, что переходъ черезъ заливъ не принудитъ непріятеля къ миру, выгоды наши требовали, пользуясь зимнимъ временемъ, поставить твердую ногу на той сторонѣ Ботническаго залива, чтобы впослѣдствіи можно было усиливать тамъ наши предпріятія, уже не опасаясь быть отрѣзанными при весеннихъ трудныхъ переправахъ“.

„Таковы суть причины — прибавлялъ Государь — побуждающія *ускорить* сямъ предпріятіемъ“; онъ не скрывалъ отъ себя всѣхъ трудностей, сопряженныхъ съ его выполненіемъ, но убѣждалъ Кнорринга, что они „исчезаютъ при сравненіи съ тѣми пріятствіями, которыя должны будутъ встрѣтиться весной“ и что „лучше однимъ кратковременнымъ, но рѣшительнымъ напряженіемъ силъ положить конецъ дѣлу“, чѣмъ „вести войну тягостную и продолжительную“.

Въ заключеніе подтверждалось, что Высочайшія намѣренія усилить зимою военныя дѣйствія — „непремѣнны и рѣшительны“.

Инициатива перехода нашихъ войскъ въ Швецію по новѣйшимъ изслѣдованіямъ ²⁾, исходила отъ нашей союзницы Франціи. Изъ переписки Коленкура, французскаго посла въ Петербургѣ, видно, что еще въ мартѣ 1808 года главнымъ исходнымъ пунктомъ для пере-

¹⁾ Отсюда видно, что въ сущности, дальнѣйшія операціи на шведскомъ берегу должны были обезпечить за нами обладаніе *всєю Финляндіей*, совершенно также, какъ Петръ Великій въ 1712—1714 гг. завоевывалъ ту же Финляндію для того, чтобы „было что при мирѣ уступить“ (см. главу 1-ю).

²⁾ См. М. М. Бородинъ „Исторія Финляндіи, время Императора Александра I, гл. VI, 191—194.“

броски нашихъ войскъ черезъ Ботнику намѣчалась Ваза, причѣмъ полагали даже совершить десантъ на судахъ, если не удастся воспользоваться льдомъ. Какъ извѣстно расчеты эти не оправдались: 1-го мая 1808 года быть въ Стокгольмѣ (какъ писалъ Александръ Наполеону) русской арміи не удалось, отчасти вслѣдствіе двуличія того же Наполеона, который старался затянуть вооруженную борьбу своего союзника, чтобы вѣрнѣе его ослабить, и строго корилъ Коленкура за его непродуманные совѣты; „не переставайте быть французомъ“, писалъ онъ ему...

Въ концѣ 1808 года переходъ нашихъ войскъ въ Швецію былъ безповоротнo рѣшенъ, и первоначально Императоръ Александръ намѣренъ былъ возложить общее командованіе этою экспедиціей на графа Н. Каменскаго. Въ архивахъ¹⁾ сохранился черновикъ всеподданнѣйшаго донесенія Каменскаго, въ которомъ послѣдній отклонялъ отъ себя это назначеніе, ссылаясь, съ одной стороны, на слабое состояніе здоровья, „не соотвѣтствующее усердію“ его къ службѣ, а съ другой—предвидя „не только большія затрудненія, но почти невозможность къ выполненію предполагаемаго плана“; поэтому „малая надежда въ успѣхѣ“ заставляла его опасаться, что „неудача, которой легко ожидать, можетъ приписаться „ему въ вину“.

Однако, Каменскій считалъ своимъ долгомъ, „яко вѣрноподданный“, повергнуть на благоусмотрѣніе Императора Александра свои мысли объ этой экспедиціи, несомнѣнно, легшія въ основаніе послѣдующаго операціоннаго плана, но съ довольно существенными отъ него отличіями, безусловно повліявшими на сравнительно слабый стратегическій успѣхъ всего предпріятія.

Прежде всего по мнѣнію Каменскаго, „если для понужденія шведовъ къ миру благоудно будетъ Вашему Императорскому Величеству сдѣлать нападеніе на самую Швецію, то должно *на сіе употребить силы значительныя, которыя бы могли дѣйствовать рѣшительно и привести то дѣло въ короткомъ времени къ окончанію*“.

Каменскій предлагаетъ направить черезъ Ботническій заливъ въ Швецію также три корпуса²⁾ одинъ берегомъ черезъ Торнео въ западную Ботнику; другой черезъ Кваркенъ на Умео и третій черезъ Аландъ. Но, по мысли Каменскаго, каждый изъ этихъ самостоятельныхъ корпусовъ играетъ особую роль, и соотвѣтственно этому опредѣлены и ихъ силы. Сѣверный корпусъ, въ 10.000 человекъ, имѣетъ назначеніе демонстративное. Онъ долженъ начать наступленіе первый, еще до

¹⁾ Д. В.-Уч. Арх. Гл. Шт. № 4419.

²⁾ Первоначальная мысль о зимнемъ переходѣ въ Швецію выражена была Буксегденомъ, еще въ мартѣ 1808 г., въ его «Предположеніи о переходѣ въ Швецію»; такъ намѣчалось уже наступленіе тремя колоннами (Д. В.-Уч. Арх. Гл. Шт. № 1651).¹⁾

зимы, „быстро атакуя вездѣ противящагося непріятеля“; въ виду невозможности доставки за нимъ продовольствія, онъ долженъ быть снабженъ, по меньшей мѣрѣ, на три мѣсяца, короче—имѣть базу при себѣ, передвигая ее послѣдовательно за собою.

„Главная армія“ тѣмъ временемъ должна собраться къ Вазѣ; въ ней слѣдуетъ имѣть не менѣе 30.000 строевыхъ рядовыхъ, она должна дожидаться замерзанія Кваркеня, имѣть при себѣ готовый 10-дневный провіантъ и мѣсячную пропорцію сухарей, съ заготовленнымъ для нея транспортомъ. Переправу черезъ Кваркенъ слѣдуетъ совершить такъ, чтобы послѣ того *соединиться* съ наступающимъ отъ Торнео корпусомъ и общими силами (т. е. 40.000) „дѣйствовать по обстоятельствамъ, имѣя главное свое направленіе на Штокгольмъ“.

Третій корпусъ (10.000-ный) долженъ очистить Аландскіе острова отъ непріятеля и, утвердись тамъ, если Аландсгафъ замерзнетъ (что, вообще, рѣдко бываетъ), перейти тоже въ Швецію и „содѣйствовать прочимъ корпусамъ“.

Каменскій настоятельно требовалъ, чтобы „всѣ сіи три корпуса были въ полной командѣ назначеннаго начальника сей экспедиціи, который, завися единственно отъ Вашего Императорскаго Величества, долженъ имѣть полномочіе дѣйствовать по обстоятельствамъ и по своему благоусмотрѣнію и имѣть, сверхъ того, полномочіе заключить миръ, не испрашивая уже предварительно о томъ, а для того долженъ онъ заблаговременно имѣть наставленіе, на какихъ кондиціяхъ можетъ онъ приступить къ заключенію онаго“.

„Чѣмъ болѣе будетъ онъ имѣть власти и чѣмъ болѣе будетъ онъ удостоенъ довѣренностью Вашего Величества (прибавляетъ Каменскій), тѣмъ болѣе можетъ онъ дѣйствовать съ успѣхомъ, а паче всего не должны войска или чиновникъ, подъ нимъ состоящіе, не получать ни отъ кого никакихъ повелѣній, кромѣ его“.

Въ заключеніе своего рапорта Каменскій все таки считаетъ нужнымъ признать „таковую экспедицію весьма сомнительною“. „Необходимо, чтобы Кваркенъ замерзъ твердо и на нѣкоторое время, что не каждый годъ случается. При сильномъ вѣтрѣ съ моря ледъ на Кваркенѣ часто взламывается“. „Сей переходъ болѣе 60 верстъ, гдѣ должно будетъ идти по компасу, въ одинъ день перейти не можно, и можетъ въ самое время перехода сдѣлаться переимѣна погоды. Большой морозъ можетъ большую часть корпуса истребить, при вьюгѣ же можетъ и весь корпусъ занести и заморозить“, наконецъ, противникъ „можетъ опустошить свой собственный край“ и этимъ поставить наши войска въ критическое положеніе, особенно, если проливъ какъ разъ въ это время очистится отъ льда и придется отступать черезъ Торнео.

Такимъ образомъ, Каменскій откровенно излагалъ Государю всё опасности и трудности задуманнаго прдпріятія... Уже то обстоятельство, что онъ не бралъ его на себя, показывало всю его рискованность, такъ какъ Каменскій былъ смѣлъ и рѣшителенъ и отъ опасныхъ прдпріятій не имѣлъ привычки уклоняться...

Заболѣли и еще 3 корпусныхъ командира: Тучковъ, князь Голицынъ и графъ Витгенштейнъ, замѣненные гр. Шуваловымъ, Барклаемъ и Багговутомъ. Такимъ образомъ, во главѣ своего корпуса остался неизмѣнно только одинъ князь Багратионъ.

Составленный въ Петербургѣ окончательный планъ, хотя по внѣшности и былъ сходенъ съ приведенными соображеніями графа Каменскаго, однако весьма существенно отъ нихъ отличался. Сила корпусовъ была уменьшена *одвог*, причемъ *самымъ сильнымъ* долженъ былъ быть не Вазаскій, а Абовскій корпусъ (20 т.), которому Каменскій придавалъ всего менѣ значенія. Затѣмъ, не было установлено той *последовательности*, при которой у Каменскаго наступленіе начиналъ сѣверный корпусъ, навлекая на себя вниманіе противника, по приближеніи его къ Умео—совершалъ переправу главный корпусъ, а затѣмъ уже южный корпусъ оттягивалъ силы противника на Аландъ, для ослабленія обороны столицы, къ которой должна была идти сорокатысячная масса съ сѣвера.

Наоборотъ, какъ видно изъ приведеннаго выше предписанія Императора Александра главнокомандующему Кноррингу, мы разсчитывали „*одновременнымъ* дѣйствіемъ напихъ войскъ на мѣста между собою отдаленныя *раздѣлить* силы непріятеля“. Но, какъ видно будетъ изъ послѣдующаго, именно одновременности этой трудно было достигнуть; а кромѣ того она (по условіямъ разстояній между корпусами) приводила къ извѣстной разрозненности, изолированности, а потому и—*неуверенности* ихъ дѣйствій.

Подготовка всего необходимаго для экспедиціи замедлилась до чрезвычайности. Съ наступленіемъ зимы прекратился подвозъ продовольствія моремъ къ Гельсингфорсу, а подвозъ сухимъ путемъ встрѣтилъ огромныя затрудненія, особенно въ дѣлѣ сбора подвозъ. Между тѣмъ основнымъ условіемъ успѣха экспедиціи было обезпеченіе ея всѣмъ необходимымъ. Поэтому главнокомандующій Кноррингъ, опасаясь, что продовольственный вопросъ затормозитъ дѣло, сталъ добиваться разрѣшенія *еще болѣе сократить* численность экспедиціонныхъ корпусовъ.

Въ результатѣ возникла переписка съ Петербургомъ; время шло; проходили декабрь, январь и начало февраля—лучшіе мѣсяцы для выполненія плана. Государь 12-го февраля выразилъ, наконецъ, свое неудовольствіе Кноррингу довольно рѣзко. „Съ удивленіемъ увидѣлъ

я (писалъ онъ ему), что только нынѣ вознамѣрился вы приступить къ сбору войскъ для пріуготовленія ихъ къ дѣйствіямъ, и теперь только собираете вы нужныя для того свѣдѣнія, тогда какъ съ самаго отъѣзда вашего къ вѣренному вамъ начальству извѣстны уже вамъ были рѣшительныя предположенія мои касательно зимнихъ операций. Не менѣе того удивляетъ меня, что приведеніе въ дѣйствіе Аландской экспедиціи производится столь медленно, что и понынѣ, къ сожалѣнію моему, не влзу. Я даже п начала онаго, когда надлежало бы уже въ сіе время послѣдовать окончательное сей экспедиціи исполненіе. Я привыкъ требовать точности въ исполненіи моихъ повелѣній и не люблю ихъ повторять.

Надѣюсь, что въ послѣдній разъ вы къ оному меня принуждаете“.

Въ отвѣтъ на это Кноррингъ откровенно признался въ своемъ безсиліи исполнить Высочайшую волю и просилъ объ увольненіи отъ службы. Тогда Императоръ Александръ (по совѣту Коленкура, какъ удостовѣряетъ М. М. Бородинъ, стр. 195) прибѣгъ къ крайней мѣрѣ: послалъ въ Финляндію человека, пользующагося полнымъ его довѣріемъ и извѣстнаго своею энергіей—военнаго министра Аракчеева. Послѣдній 20-го февраля прибылъ въ Або и, имѣя въ рукахъ Высочайшій Указъ, предоставляющій ему „неограниченную во всей Финляндіи“ власть (тамъ же), меньше чѣмъ въ двѣ недѣли устранилъ всѣ затрудненія, тормозившія дѣло.

Въ письмѣ къ нему отъ 7-го марта Государь не скупится на благодарность своему „безъ лести преданному“ любимцу, а поведение Кнорринга называетъ прямо „безстыднымъ“...

Изъ всѣхъ частныхъ начальниковъ, одинъ князь Багратионъ не проявлялъ неувѣренности и унынія. „Прикажите—пойдемъ“, коротко отвѣчалъ онъ Аракчееву. Наоборотъ, Барклай-де-Толли, а также графъ Шуваловъ, засыпали послѣдняго, какъ градомъ, представленіями, доказывающими неисполнимость ихъ задачи...

Барклай доносилъ о некомплектѣ имѣющихся войскъ, о замедленіи въ движеніи остальныхъ частей отряда, о недостаткѣ боевыхъ патроновъ, неимѣніи картъ, отсутствіи связи съ Шуваловымъ, а также о неизвѣстности относительно непріятеля.

„Однимъ почеркомъ пера“ (пишетъ Михайловскій-Данилевскій) уничтожилъ Аракчеевъ всѣ эти затрудненія, указавъ источники пополненія недостающаго и, въ заключеніе, писалъ: „на сей разъ желалъ бы быть не министромъ, а на вашемъ мѣстѣ, ибо министровъ много, а переходъ Кваркена Провидѣніе предоставляетъ одному Барклаю-де-Толли“. Понятно, что такое заключеніе должно было подѣйствовать на самолюбиваго генерала и вызвать въ немъ крайнее напряженіе энергіи.

Заслуга Аракчеева въ отношеніи *организаци* за-Ботнической экспедиціи безусловно велика; онъ вдохнулъ энергію въ исполнителей и добился того, что воля его Повелителя могла быть осуществлена... Но, вмѣсто рѣшительнаго по послѣдствіямъ предпріятія, намѣчаемаго Каменскимъ (а еще прежде Бувсгеденомъ), что только и могло привести къ желанному результату, т. е. къ понужденію Швеціи сдаться на выгодныя для насъ условія мира,—дѣло свелось какъ бы къ *поиску*, къ кратковременной угрозѣ, которая, даже при томъ полномъ внутреннемъ развалѣ, въ которомъ находилась Швеція, не могла быть и не была дѣйствительной.

Тяжелое положеніе послѣдней извнѣ осложнялось крупною безурядицей внутри государства. Неудачный исходъ кампаніи въ Финляндіи, условія Олькюкской конвенціи, болѣзненность въ войскахъ и неустройство санитарной части, непомѣрные военные расходы, далеко превзошедшіе размѣры отпущенной англичанами денежной субсидіи, — все это возбуждало крайнее недовольство въ населеніи, которымъ, конечно, пользовались враждебные королю политическіе элементы.

Рядомъ съ этимъ начались несогласія у короля съ его единственнымъ союзникомъ, Англіей: англичане не хотѣли увеличить денежное пособіе Швеціи, считая, вѣроятно, это предпріятіе невыгоднымъ и даже посовѣтовали Густаву IV Адольфу прервать съ ними союзъ и заключить съ Россіей отдѣльный миръ... Дѣло дошло до того, что разгнѣванный шведскій король собирался уже наложить запрещеніе на англійскія торговыя суда, отъ чего его насилу отговорили министры и представители купечества...

Упрямый король рѣшилъ, все-таки, продолжать войну, хотя по смѣтѣ военныхъ издержекъ на 1809 годъ требовалось 26 милліоновъ талеровъ, т. е. въ 2½ раза больше, чѣмъ обращалось въ Швеціи наличныхъ денегъ. Пришлось наложить чрезвычайную подать, объявить рекрутскій наборъ: это вызвало повсемѣстный ропотъ, тѣмъ болѣе, что эти экстренныя мѣры были приняты королемъ единолично, безъ созыва государственныхъ чиновъ...

Въ январѣ 1809 года Густавъ IV Адольфъ обратился съ письмомъ къ нашему Государю, въ которомъ ставилъ Императору Александру прямой вопросъ: *на какихъ справедливыхъ условіяхъ Финляндія можетъ быть возвращена Швеціи?* Въ отвѣтъ на это содержатся слѣдующія знаменательныя, Собственноручно приписанныя Государемъ слова, смыслъ которыхъ не утратилъ своего значенія и до настоящаго времени:

„Финляндія присоединена къ Россіи по праву завоеванія и по жребію битвъ и не можетъ быть отдѣлена отъ нея иначе, какъ оружіемъ“.

Къ срединѣ зимы въ Швеціи не было сдѣлано еще никакихъ серьезныхъ военныхъ приготовленій. Послѣ Олькюкской конвенціи генераль-квартирмейстеръ Авъ-Тибелль представлялъ королю свои соображенія, предусматривая въ нихъ возможность, въ случаѣ суровой зимы, перехода русскихъ войскъ по льду¹⁾; онъ предлагалъ сосредоточить всѣ остающіяся силы въ двухъ группахъ, которыя держать, одну сѣвернѣе, а другую непосредственно близъ Стокгольма, на случай нашего перехода черезъ Аландсгафъ²⁾, приче́мъ Аландскіе острова считалъ необходимымъ очистить. Король на это не соглашался; онъ чувствовалъ какое-то особое пристрастіе въ Аланду и требовалъ непременно его оборонять.

Въ результатъ, даже ко времени приближенія весны, никакихъ мѣръ по организаціи обороны страны не было еще принято. Главная группа шведскихъ войскъ, нетронутый еще 15-тысячный корпусъ, бывший въ Шоніи для обезпеченія со стороны франко-датскихъ высадокъ, продолжалъ оставаться тамъ же въ бездѣйствиіи, когда отсюда уже опасности никакой не грозило и не могло быть. Войска, дѣйствовавшія противъ Норвегін, стояли на границѣ на широкихъ зимнихъ квартирахъ; большая часть войскъ, вернувшихся изъ Финляндіи, была распушена по домамъ, и только главнымъ образомъ финскіе полки размѣщены были по берегу Вотническаго залива, подъ начальствомъ Клеркера, между Торнео и Умео. Въ этой части арміи развились страшная болѣзненность и дезертирство³⁾. Съ сентября 1808 г. по конецъ года въ Умео было не менѣе 4.000 больныхъ, изъ которыхъ 1.115 умерло. Въ одеждѣ былъ страшный недостатокъ. Бѣглыхъ было такъ много, что въ декабрѣ Клеркеръ опасался, что къ веснѣ придется совершенно расформировать его армію⁴⁾.

Для непосредственной обороны столицы король набралъ едва 4—5 тыс. человекъ, да сверхъ того около 6 тыс., вмѣстѣ съ вооруженными жителями, выдвинуто было для защиты Аланда.

Настроеніе населенія и арміи было враждебно королю, который нигдѣ не показывался и жилъ уединенно въ своемъ замкѣ Галгѣ. Датчане рассылали въ народѣ и въ войскахъ прокламаціи, подстрекавшія шведовъ къ тому, чтобы свергнуть Густава и провозгласить монархомъ датскаго короля, что приводило бы къ восстановленію Кальмарской уніи. Дѣло дошло до того, что въ войскахъ, бывшихъ на норвежской границѣ, вспыхнулъ бунтъ, и они пошли на Стокгольмъ, подстрекаемыя своими начальниками... Это случилось въ послѣднихъ

1) Nordensvan, стр. 397.

2) Пролитъ между Аландскими островами и Швеціей.

3) Весьма понятное, такъ какъ финнамъ, въ сущности, дальнѣйшая борьба была чужда и не ясна.

4) Тамъ же, стр. 400.

числахъ февраля, какъ разъ въ то время, когда у насъ, наконецъ, приступили къ выполнению наступательнаго плана и тронулись изъ Або на Аландъ...

Этимъ внутреннимъ состояніемъ шведскаго государства, несомнѣнно хорошо извѣстнымъ Императору Александру и его совѣтникамъ, только и можетъ быть оправданъ тотъ смѣлый планъ наступленія въ Швецію, который былъ нами составленъ. При другихъ условіяхъ, такой планъ слѣдовало бы признать ничѣмъ неоправдываемымъ рискомъ, такъ какъ основнаго условія его успѣха—*своевременности* появленія всѣхъ трехъ колоннъ въ Швецію—было почти невысказано достигнуть при огромномъ разстояніи между колоніями и неминуемыхъ трудностяхъ и случайностяхъ ихъ движенія.

Войска, назначенныя въ составъ колонны Багратіона, сосредоточились между Або и Ништадтомъ въ послѣднихъ числахъ февраля. Общая численность отряда: пѣхоты 15¹/₂ тысячъ и около 2 тысячъ конницы, артилеріи и пионеры; всего до 17 тысячъ. Такимъ образомъ, эта группа оказывалась самою сильною. Въ составъ ея входили: по баталіону отъ полковъ гвардіи Преображенскаго, Измайловскаго и Егерскаго; полки 1-й, 2-й, 30-й и 31-й егерскіе, Бѣлозерскій, Петровскій, Перновскій, Либавскій, Невскій, Брестскій, Вильманстрандскій, Рязанскій, Кексгольмскій и баталіонъ Великолукскаго. Конницу составляли лейбъ-казаки, 4 эскадрона Гродненскихъ гусаръ, Уральская сотня и Донскіе казаки полки Исаева и Лащилина. Сборнымъ мѣстомъ всей колонны былъ назначенъ островъ Кумлинге, одинъ изъ наиболѣе крупныхъ острововъ Аландскихъ шхеръ, отстоявшій отъ восточнаго побережья Большаго Аланда въ 1¹/₂—2 переходахъ. Согласно даннаго ему плана, Багратіонъ долженъ былъ идти 5-ю колоннами, причемъ четыремъ изъ нихъ надлежало угрожать противнику разомъ въ нѣсколькихъ пунктахъ, сохраняя, однако, между собою связь, съ тѣмъ, чтобы сосредоточиться, если понадобится совокупныя усилія; что же касается пятой (нѣсколько болѣе сильной) колонны, то ей предназначено было обойти Аландскій архипелагъ съ юга и стараться выйти къ западному берегу крайняго острова Эккеръ-э, чтобы отрѣзать защитникамъ Аланда отступление къ Стокгольму.

Оборона Аланда возложена была на генерала фонъ-Дебеля, въ распоряженіи котораго находилось не болѣе 6 тысячъ регулярныхъ войскъ и до 4 тысячъ вооруженныхъ жителей. Дебель въ предвидѣль, что удержать ему Аландскіе острова врядъ ли удастся ¹⁾ и, принимая дѣятельныя и энергичныя мѣры къ упорной ихъ оборонѣ, не забывалъ объ обезпеченіи своевременнаго отхода своихъ силъ на

¹⁾ Что и выразилъ довольно ясно королю при своемъ представленіи ему въ концѣ января (Норденшанъ, 406).

шведскій берегъ. Опасаясь ненадежности льда въ Аландсгафѣ, который, въ случаѣ южнаго вѣтра, легко могъ быть взломанъ, Дебельнъ пытался сперва убѣдить короля въ томъ, что Аландъ надо вовсе очистить, не жертвуя лучшими остающимися у Швеціи войсками (въ его отрядъ входила вся королевская гвардія). Однако, согласія на то со стороны Густава-Адольфа не послѣдовало и велѣно его оборонять во что бы то ни стало. „Непремѣнно отстаивать Аландъ“ писалъ король въ собственноручномъ рескриптѣ своему военному министру. „Весьма важно имѣть по ту сторону залива военный пунктъ. Прикажете сосредоточить армию и отправить на Аландъ нужныя подкрѣпленія“. Характерно, что предписаніе это, данное за 6 дней до низверженія Густава съ престола, не было исполнено, но—только въ отношеніи *второй* его половины, т. е. сбора войскъ и отправки подкрѣпленій на Аландъ; первая же половина отиѣнена *не была*, и Дебельну предоставили оборонять Аландъ какими угодно способами и средствами ¹⁾.

Опасаясь, что наши войска могутъ обойти архипелагъ съ юга, Дебельнъ вывелъ все населеніе южныхъ острововъ въ полосу 140 верстъ шириною, сжегъ и опустошилъ въ ней всѣ селенія, кромѣ церквей, а самъ сосредоточился исключительно на Большомъ Аландѣ, преградилъ всѣ пути засѣками, устроилъ въ важнѣйшихъ прибрежныхъ пунктахъ морскія батареи, а островъ Экеръ-э укрѣпилъ въ качествѣ редюита, рѣшивъ держаться до послѣдней крайности.

Получивъ распоряженіе быть готовымъ къ выступленію по первому приказанію, князь Багратіонъ выслалъ два авангарда: генераль-маіора Шепелева (правый) и Кульнева (лѣвый) ²⁾, которые продвинулись впередъ на переходъ, занявъ подходящіе острова и выславъ по льду разъѣзды нащупать противника. Уже 22-го февраля казаки имѣли удачное столкновеніе съ передовыми шведскими постами и захватили 20 плѣнныхъ.

26-го февраля Багратіонъ, получивъ приказаніе выступать, тронулся на ледъ и пошелъ на островъ Кумлинге, назначенный сборнымъ мѣстомъ всей колонны. Войска были обильно снабжены теплою одеждою (полушубками, теплыми фуражками и валенками); транспортъ саней, нагруженныхъ продовольствіемъ, виномъ и дровами, безконечною черною змѣей тянулся за войсками по ослѣпительной снѣжной пустынѣ. 28-го присоединился къ колоннѣ военный министръ графъ Аракчеевъ, въ сопровожденіи главнокомандующаго Кнорринга и

¹⁾ За очищеніе Аланда ратоналъ передъ королемъ и генераль-квартирмейстеръ Анъ-Тибель, но король былъ непреклоненъ и—прибавляетъ проиически Норденснагъ (409)—«Аландъ пришлось оборонять до послѣдняго дня пребыванія Густава IV Адольфа на тронѣ Швеціи».

²⁾ Кульневъ былъ въ авангардѣ 5-й (обходной) колонны.

бывшаго нашего посланника въ Стокгольмѣ Алопеуса. Кноррингъ игралъ роль безсловесной куклы. Аракчеевъ распорядился всѣмъ полновластно, опираясь на волю Государя. Алопеусъ былъ снабженъ Государемъ особыми полномочіями, на случай, если со стороны шведовъ послѣдуетъ поползновеніе вступить въ переговоры. Для облегченія этого желаннаго исхода предписано было сторожевымъ частямъ нашимъ оповѣщать непріятельскія, что въ главной квартирѣ нашей имѣется такое лицо, которое уполномочено, въ случаѣ надобности, возобновить дипломатическія сношенія.

2-го марта войска сосредоточились на Кумлинге, а 3-го выступили 5-ю колоннами, черезъ поляны и сугробы; пѣхота шла рядами, конница гдѣ по два, а гдѣ и по одному... Первый переходъ совершенно былъ безпрепятствененъ; передовыя части шведовъ очищали мелкіе острова и уходили къ западу.

Къ вечеру этого дня первыя четыре колонны заняли остр. Варде, противъ большого Аланда, а пятая прошла черезъ островъ Соттунга на островъ Бенё, гдѣ столкнулась съ непріятельскимъ арьергардомъ.

Казаки атаковали его, а Кульневъ съ остальными своими войсками, т. е. всею конницею и двумя ротами (одна изъ нихъ—лейбъ-гвардіи Егерскаго полка) пошелъ по льду въ обходъ острова. Это заставило шведовъ поспѣшно отступить, увозя отрядъ на заранѣ подготовленныхъ обывательскихъ подводахъ. Конница ихъ преслѣдовала неотступно, но шведы быстро ускользнули, такъ какъ фонъ-Дебельнъ, выяснивъ наше наступленіе съ двухъ сторонъ, велѣлъ всѣмъ своимъ отдѣльнымъ передовымъ и боковымъ прирывающимъ отрядамъ стягиваться на Большой Аландъ, гдѣ онъ намѣревался оказать сопротивленіе.

Какъ разъ въ это время начальникъ Аландскаго отряда получилъ изъ Стокгольма извѣстіе о совершившемся тамъ государственномъ переворотѣ... Произошелъ онъ слѣдующимъ образомъ: 28-го февраля въ Стокгольмѣ принесли слухъ о бунтѣ въ войскахъ на норвежской границѣ, бывшихъ подъ начальствомъ Адлерспарре, и о наступленіи, ихъ къ столицѣ съ цѣлью низложенія короля. Положеніе послѣдняго стало критическимъ. Съ минуты на минуту ожидалось появленіе русскихъ войскъ съ одной стороны, а въ то же время съ другой стороны внезапно нагрянула новая гроза—измѣна своихъ. Сперва Густавъ Адольфъ думалъ ударить на бунтовщиковъ съ войсками стокгольмскаго гарнизона (всего 4,500 человекъ), затѣмъ рѣшилъ вывести послѣдній на соединеніе съ 15 тыс. корпусомъ, стоявшимъ въ Шоніи и всѣми силами сокрушить мятежниковъ. Ближайшіе совѣтники короля отговаривали его отъ такого рѣшенія и убѣждали вступить въ мирныя переговоры съ Россіей и созвать государственныхъ

чиновъ, для выясненія мѣръ по облегченію народа. Когда же король отвергъ это наотрѣзъ, онъ былъ схваченъ и обезоруженъ собственными же совѣтниками и генералами, въ числѣ которыхъ были и графъ Клингспоръ, и его начальникъ штаба Адлеркрейцъ. Густавъ IV Адольфъ (по слухамъ, уже собиравшійся бѣжать въ Англію) былъ взятъ подъ стражу, низложенъ, и правленіе королевствомъ вручено его дядѣ, герцогу Карлу Зюдерманландскому. Позднѣе, уже въ маѣ, созванный риксдагъ официально объявилъ Густава и его потомство лишеннымъ престола, а корону вручилъ регенту, принявшему имя Карла XIII.

Извѣстіе о случившемся въ Стокгольмѣ пришло къ генералу Дебельну 3-го марта, почти одновременно съ донесеніемъ о наступленіи русскихъ. Дебельнъ, желая очевидно воспользоваться неожиданнымъ поворотомъ событій для отвращенія опасности отъ столицы Швеціи, которая въ такую сумятицу могла быть легко захвачена русскими войсками (отъ Аланда до Стокгольма 5—6 переходовъ), послалъ къ намъ переговорщика, полковника Лагербринка, для извѣщенія о случившемся. На бѣду при колоннѣ Багратиона находились и Аракчеевъ, и главнокомандующій; такимъ образомъ, неизбѣжно было направить къ нимъ этого парламентаря. Такъ Багратионъ и поступилъ, а самъ взглянулъ на дѣло съ чисто военной точки зрѣнія, т. е. призналъ попытку Дебельна ничѣмъ инымъ, какъ только способомъ *выиграть время*; поэтому онъ далъ своимъ колоннамъ толчекъ насѣдать смѣлѣе на непріятели. Колонны наши наводнили Большой Аландъ, уже отчасти очищенный шведами, отступившими къ его западному краю. Только лѣвая колонна графа Строгонова, въ предшествіи неутомимаго Кульнева, нагнала у Лемланда непріятельскій арьергардъ, который послѣ небольшой стычки обратился въ бѣгство, бросивъ свои орудія. Въ двое сутокъ занятъ былъ почти безъ боя весь архипелагъ. „Войска Его Императорскаго Величества (доносилъ Багратионъ) ознаменовали себя неограниченною ревностью и явили примѣръ неутомимости. Дѣлая переходы денно и ночью для достиженія бѣгущаго ихъ непріятели, они... преодолѣли всѣ препоны, натурою поставленныя“.

4-го марта въ нашу главную квартиру пріѣхалъ самъ генералъ фонъ-Дебельнъ, которому изъ Стокгольма было приказано всѣми средствами добиться остановки нашего наступленія. Онъ завязалъ переговоры, сперва съ Кноррингомъ и Сухтеленемъ, а затѣмъ и съ графомъ Аракчеевымъ.

Последній сперва не согласился на перемиріе, настаивая на томъ, что „дѣла Императора Александра состоятъ не въ покореніи Аландскихъ острововъ, но въ принужденіи Швеціи подписать миръ въ Стокгольмѣ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Аракчеевъ предложилъ Кноррингу

ускорить наступленіе нашихъ войскъ, что, какъ извѣстно, уже исполнялось ими по *почину* самого Багратиона...

Итакъ, 5-го марта наступленіе поперекъ Аланда продолжалось; всѣ колонны имѣли рядъ арьергардныхъ боевъ со шведами, захватили нѣсколько трофеевъ, въ томъ числѣ одно знамя. Къ вечеру 5-го Дебельнъ сосредоточилъ всѣ свои силы на крайнемъ западномъ островѣ Эккеръ-э, которому съ юга уже угрожала колонна Строгонова. Въ ночь съ 5-го на 6-е марта шведы пошли черезъ Аландсгафъ, прерывая внутри огромныхъ каре то казенное и частное имущество, которое успѣли увезти. Большая часть его, однако, была брошена; Дебельнъ пытался сжечь часть запасовъ, но быстрота нашего преслѣдованія не позволила это выполнить. Въ наши руки попадали оставленные батареи съ орудіями и боевымъ комплектomъ, лазареты, повозки, магазины и т. п. На утро конница авангарда Кульнева, который уже 5 сутокъ не сходилъ со льда, не выдавъ никакого жилья, настигла арьергардъ непріятеля у Сигнальшера (маленькая группа острововъ посреди Аландсгафа). Казаки Исаева окружили одну колонну, свернувшуюся въ каре, вѣзались въ нее и отбили 2 орудія и 144 плѣнныхъ; потомъ нагнали далѣе другое каре, и здѣсь взяли еще двѣ пушки; гродненскіе гусары изолпровали послѣдній баталіонъ Зюдерманландскаго полка и совершенно его окружили. 14 офицеровъ, 442 нижнихъ чина съ баталіоннымъ командиромъ Энгельбрехтенomъ во главѣ, послѣ непродолжительной перестрѣлки, вступили въ переговоры и скорѣ положили оружіе. По расчету самихъ *шведскихъ* источниковъ, это отступленіе, не считая сдавагося цѣликомъ баталіона, стоило Дебельну около 1.200 человекъ, большею частью попавшихъ въ руки русскихъ отсталыми.

Въ общемъ число плѣнныхъ, забранныхъ Кульневымъ на льду, *превысило силы его отряда*, а все пространство снѣжной пелены Аландсгафа было усыяно брошенными повозками, зарядными ящиками, предметами вооруженія и снаряженія и т. п.

Тѣмъ временемъ фонъ-Дебельну были пересланы Аракчеевымъ тѣ *мирныя условія*, съ принятіемъ которыхъ могутъ быть прекращены военныя дѣйствія. Условія эти были: а) уступка Финляндіи съ Аландомъ въ вѣчное владѣніе Россіи; б) отказъ отъ союза съ Англіей, и в) обѣщаніе защитить Швецію отъ англичанъ вспомогаельнымъ корпусомъ. Графъ Аракчеевъ сдѣлалъ крупную ошибку, приостановивъ дальнѣйшее наступленіе черезъ Аландсгафъ *въ ожиданіи* полученія отвѣта изъ Стокгольма. Впоследствии онъ передъ Государемъ обвинялъ нашихъ генераловъ „въ худомъ желаніи отправиться въ Швецію“ (М. Д., стр. 189), но врядъ ли можно допустить, чтобы отданное имъ категорическое приказаніе не было бы исполнено. А на

отдачу подобныхъ приказаній онъ былъ уполномоченъ. Вѣрнѣе предположить (какъ это и дѣлаетъ К. Ординъ, I, 425), что самъ всемогущій военный министръ почувствовалъ неувѣренность въ себѣ въ виду того риска, которому подвергся бы весь 16-ти тысячный корпусъ Багратиона, если бы онъ оказался въ Швецію отрѣзаннымъ отъ своей базы въ случаѣ взлома льда въ проливѣ Аландсгафъ... Противникъ экспедиціи Кноррингъ, главнокомандующій только номинальный въ эту минуту, разумѣется все время выставялъ всѣ возможные устрашающіе доводы...

Въ результатѣ черезъ Аландсгафъ посланъ все тотъ же неизмѣнный, ничего и нигдѣ не боявшійся и ни передъ чѣмъ не остававшийся Кульневъ. Онъ повелъ за собою лейбъ-уральскую сотню, по 2 сотни казаковъ полковъ Исаева и Лапилина и 3 эскадрона гродненцовъ. Ночь съ 6-го на 7-е марта отрядъ этотъ провелъ на Сигнальшерѣ; передъ ночлегомъ Кульневъ отдалъ свой знаменитый приказъ¹⁾: „Богъ съ нами! Я предъ вамъ; князь Багратионъ за вами. Въ ночь, въ два часа собраться у мельницы. Походъ до шведскихъ береговъ вѣнчаетъ всѣ труды наши. Сія волна истинная награда, честь и слава безсмертная! Имѣть съ собою по 2 чарки водки на человѣка, кусокъ мяса и хлѣба и по два гарнца овса. Море не страшно тому, кто уповаеть на Бога. Отдыхайте, товарищи!“

Выступивъ въ 3 часа утра, Кульневъ, имѣя пѣсенниковъ впереди, въ 8 часовъ прошелъ разстояніе отъ Сигнальшера до шведскаго берега, представлявшее собою безформенныя груды другъ на друга нагроможденныхъ льдинъ. Сторожевые посты шведовъ, бывшіе на берегу, пораженные появленіемъ русской конницы, были мигомъ съ налета атакованы казаками; они засѣли за каменьями и оттуда выбиты сѣшенными уральцами. Кульневъ такъ разбросалъ свой отрядъ, что онъ казался гораздо многочисленнѣе, и кромѣ того черезъ переговорища увѣрилъ шведовъ, что главныя силы наши наступаютъ южнѣе, направляясь къ Нортелье, городу, лежащему въ двухъ переходахъ сѣвернѣе Стокгольма. Грисслегамнъ былъ сданъ Кульневу безъ боя, и онъ доносилъ оттуда Багратиону: „честь и слава российскаго воинства на берегахъ Швеціи. Я съ войскомъ въ Грисслегамнѣ воспѣваю: Тебѣ Бога хвалимъ!“

Появленіе Кульнева, въ ста верстахъ отъ столицы на шведскомъ берегу, вызвало переполохъ въ ея населеніи: многіе бросали городъ и вывозили свое имущество. Но вскорѣ обѣщаніе герцога Зюдерманландскаго, переданное черезъ Дебельна, прислать уполномочен-

¹⁾ Приказы генерала Я. П. Кульнева, оригинальные по стилю, во многомъ интересны и поучительны. Изъ можно найти въ старинной ннжегкѣ изданія 1817 г. «*Душъ генерала Кульнева или черты и анекдоты, изображающіе великія свойства его*».

ныхъ для начатія переговоровъ, побудило Кнорринга и Аракчеева, чтобы доказать искренность своихъ стремленій къ миру, пойти навстрѣчу желаніямъ новаго правителя Швеціи и приказать нашимъ войскамъ *возвратиться въ Финляндію*. Распоряженіе это коснулось не только Кульнева, но и другихъ колоннъ, уже достигшихъ къ этому времени извѣстныхъ успѣховъ.

Какъ оказывается, Дебелнъ ввелъ съ умысломъ нашихъ генераловъ *въ заблужденіе*: все это было съ его стороны ловкою стратегіею. Онъ нарочно обусловилъ передъ ними присылку уполномоченнаго тѣмъ, чтобы „ни одинъ русскій отрядъ не вступалъ на шведскую землю“; этимъ онъ избавилъ Стокгольмъ отъ неминуемо грозившей ему участи, ловко провелъ хитраго Аракчеева и вынудилъ насъ еще цѣлые полгода вести войну...

Барклай-де-Толли, назначенный командиромъ Вазаскаго корпуса вмѣсто князя Голицына, по прибытіи своемъ въ Вазу въ 20-хъ числахъ февраля, не нашелъ тамъ не только необходимыхъ приготовленій къ предстоящему переходу корпуса на шведскій берегъ, но даже продовольствіе войскъ, бывшихъ на мѣстѣ, не было обезпечено. „Магазины пусты“ (донесилъ онъ Кноррингу 23-го февраля), „полки и команды, кромѣ 25-го егерскаго полка, не имѣютъ ни на одинъ день запаснаго сухарнаго провіанта и едва удовольствованы на сей мѣсяць... Навагинскій полкъ, расположенный въ Гамле-Карлебу, удовлетворенъ только по 18-е число сего мѣсяца; въ тамошнемъ магазинѣ ничего нѣтъ, слѣдственно до прибытія туда отправляемыхъ транспортовъ онъ терпитъ совершенный голодъ. Въ лейбъ-Гренадерскомъ, Полоцкомъ и Тульскомъ полкахъ, которые близко и могутъ собраться въ Вазу въ два или три дня, подъ ружьемъ рядовыхъ только 3.462 человекъ... Остальные полки могутъ прибыть сюда: Навагинскій черезъ 12, 25-й егерскій черезъ 18—20 дней, а по сборѣ сихъ полковъ буду я имѣть 5.468 человекъ подъ ружьемъ. О полкахъ, назначенныхъ изъ Улеборгскаго корпуса, свѣдѣній еще не имѣю; едва ли они черезъ три недѣли сюда придутъ. Въ Тульскомъ и Полоцкомъ полкахъ недостаетъ 34.000 боевыхъ патроновъ...“ „... Не имѣю я вартъ, ни здѣшнихъ мѣстъ, ни Швеціи. Связи въ дѣйствіяхъ съ корпусомъ графа Шувалова установлено быть не можетъ. Не имѣемъ никакихъ вѣрныхъ извѣстій о непріятелѣ, а знаемъ, что онъ собираетъ силы свои близъ Умео...“ Въ концѣ концовъ, Барклай приходилъ къ заключенію, что при такихъ условіяхъ идти къ Умео съ 5.000 человекъ—невозможно ¹⁾.

Аракчеевъ указалъ Барклаю средства быстро пополнить недостатокъ продовольствія и боевыхъ припасовъ. Недостающее количество

¹⁾ Изъ донесенія Барклая Кноррингу отъ 23-го февраля № 3. (Д. В. Уч. Арх. упр. гл. шт., № 1675).

муки было пополнено отправкою 1,000 четвертей добавка, организованною еще прежде Араччевымъ, что вмѣстѣ съ наличною мукою, примѣрно въ томъ же колпчествѣ, давало запасъ продовольствія для всего отряда на 1½ мѣсяца. Недостатокъ боевыхъ патроновъ Араччевъ рекомендовалъ пополнить отъ людей, несостоящихъ въ комплектѣ и изъ запаснаго артилерійскаго парка въ Гамла-Карлебу (140 верстъ отъ Вазы). „Поставляя сіе на видъ“ Бареляу, Араччевъ заключалъ свое предписаніе слѣдующими словами, долженствовавшими, такъ сказать, „пришпорить“ самолюбіе послѣдняго.

„На счетъ объясненія вашего, что вами очень мало получено наставленій отъ главнокомандующаго, то *генералъ съ вашими достоинствами въ оныхъ и нужды не имѣеть*. Сообщу вамъ только, что Государь Императоръ къ 16-го марта прѣбудетъ въ Борго, то я увѣренъ, что вы *доставите ему на сеймъ шведскіе трофеи*. На сей разъ я желалъ бы быть не министромъ, а на вашемъ мѣстѣ, ибо министрвъ много, а *переходъ Кваркена Провидѣніе предоставляетъ одному Баркляу-де-Толли*“.

При такихъ обстоятельствахъ, Бареляу-де-Толли, которому было Араччевымъ строжайше предписано „скорѣе приступить къ исполненію воли Государя Императора“, непременно донесъ объ исполненіи, и немедленно идти къ Умео, ничего иного не оставалось, какъ двинуться съ тѣми войсками, которыя были близъ Вазы, не дожидаясь другихъ. Къ тому же, откладывать походъ не позволяло и приближеніе весны, заставлявшее опасаться возможнаго всерытія залива. Въ составъ отряда, назначеннаго для совершенія единственнаго въ своемъ родѣ подвига, тащмъ образомъ вошли: лейбъ-Гренадерскій ¹⁾, Тульскій и Полоцкій мушкетерскіе, три сотни казаковъ, 8 орудій; всего числомъ до 3,500 человекъ. Пермскій полкъ оставленъ въ Вазѣ для обезпеченія операціонной линіи. По прибытіи остальныхъ войскъ корпуса (т. е. полковъ Тенгинскаго, Навагинскаго, 24-го и 25-го егерскихъ) приазано ихъ отправлять *эшелонами* на присоединеніе къ первоначально переправившейся группѣ, которая, тащмъ образомъ, выполняла задачу авангарда.

Ботническій заливъ между Умео и Вазою суживается до 100 верстъ; этотъ проливъ и называется Кваркеномъ. Близъ береговъ Швеціи и Финляндіи имѣются группы по большей части необитаемыхъ шхеръ, которыя суживаютъ ледяное поле до 60-ти верстъ. Тѣмъ не менѣе въ *одинъ* переходъ совершить переброску отряда съ одного берега на другой было невозможно; ночевка на льду была неизбежною. Трудность и опасность перехода заключались въ томъ, что вслѣд-

¹⁾ Инфъ Л.-Гв. Гренадерскій.

ствіе постоянно повторяющихся юго-западныхъ вѣтровъ ледъ въ Кваркенѣ нѣсколько разъ въ зиму взламывается; поэтому при движеніи здѣсь всегда грозитъ опасность быть поглощеннымъ пучиною или попасть въ остающіяся повсемѣстно трещины и полыньи во льду, не видныя подъ снѣгомъ. Въ зиму 1808—1809 годовъ разрушеніе ледяного покрова происходило здѣсь уже два раза. Такія условія приводятъ къ тому, что скольконибудь ровной ледяной поверхности здѣсь никогда не бываетъ, а наоборотъ, льдины нагромождаются другъ на друга, напоминая—груды осколковъ сахара, но только съ болѣе острыми, рѣжущими краями...

Отсюда видно, что этотъ 60-ти верстный переходъ былъ дѣломъ величайшей опасности и трудности, нужна была великая сила духа чтобы на это рѣшиться и привести это отважное рѣшеніе въ исполненіе...

Военная исторія знаетъ лишь одинъ еще зимній переходъ войскъ черезъ море: это переходъ шведскаго короля Карла X черезъ Большой и Малый Бельты въ 1658 году. Но уже одного взгляда на карту и сравненія разстояній достаточно, чтобы видѣть огромную разницу между этимъ событіемъ и тѣмъ, что сдѣлалъ наши войска въ 1809 году. Вотъ почему мы и рѣшаемся назвать дѣяніе Барклай-де-Толли съ его отрядомъ „единственнымъ въ своемъ родѣ“ подвигомъ. Справедливость, однако, не позволяетъ скрывать отъ себя, что подвигомъ этимъ мы обязаны въ значительной мѣрѣ энергіи Аракчеева, по собственному его выраженію, „столепнувшего“ Барклай на ледь...

Кстати говоря, Датчане, наши союзники, подумывали переправить корпусъ въ Шонію по пути Карла X, но ледъ былъ взломанъ въ Зундѣ, и они ограничились разсѣяніемъ въ южной Швеціи прокламацій при помощи воздушныхъ шаровъ. Въ этихъ прокламаціяхъ шведскій народъ приглашался избрать въ короли свои, взаимно отрѣшеннаго Густава IV Адольфа, — датскаго короля, чтобы возстановить такимъ образомъ Кальмарскую унію.

Еще до вступленія въ командованіе Барклай-де-Толли предварительныя развѣдки, произведенныя по порученію его предмѣстника, князя Голицына, л.-гв. Преображенскаго полка капитаномъ графомъ Толстымъ и войсковымъ старшиною Киселевымъ, выяснили возможность перехода, но и крайнюю рискованность его; въ то же время развѣдчики узнали, что шведскихъ войскъ близъ Умео немного.

Барклай-де-Толли раздѣлилъ свои силы на 2 колонны („отдѣленія“); одна, полковника Филисова, 2 баталіона, 2 орудія и сотня казаковъ; другая, генераль-майора Берга, — лейбъ-Гренадерскій и Тульскій полки, 2 сотни и 6 орудій. 5-го и 6-го марта обѣ колонны сосредоточились на островахъ близъ Вазы, Вальгрунтѣ и Бьерге; войсковою старшина Киселевъ съ полусотней и посаженными на сани 40 мушкет-

терами былъ отправленъ на острова Гольменъ и Гадденъ близъ шведскаго берега, съ цѣлью напасть врасплохъ на непріятельскіе посты (если они тамъ имѣются) и развѣдкой выяснитъ силы и расположеніе шведовъ на берегу.

1-я колонна должна была идти на Гольменъ, 2-я—на Гадденъ, а отсюда съ двухъ сторонъ, съ сѣверной и южной, обѣ должны были двинуться на Умео. Войска снабжены были 10-ти дневнымъ запасомъ сухарей и 4-хъ дневнымъ фуража; обозовъ взято не было, только патронные ящики на полозьяхъ и сани для отвоза раненныхъ ¹⁾).

7-е марта проведено было отрядомъ Барклая на бивакѣ на необитаемыхъ скалахъ, окруженныхъ ледяною пустынею, 8-го, въ 5 часовъ, начался незабываемый въ нашихъ лѣтописяхъ переходъ. Борьба съ природою началась съ первыхъ же шаговъ. Къ счастью, погода была тихая и морозъ не превышалъ 15°. То карабкаясь на утесистые обломки, то обходя и дѣлая извилины, знобя и засѣкая ногъ обь острые края льдннхъ, бодро шли впередъ наши воины... Особенно страдали лошади... Артиллерию, хотя и везомую на полозьяхъ, въ концѣ концовъ пришлось оставить на полу-пути подъ прикрытіемъ. Движеніе было крайне медленное; несмотря на все значеніе *быстроты*, приходилось давать людямъ частые короткіе отдыхи, иначе они едва не падали отъ изнуренія, такъ утомительно было движеніе по изломанной и изборожденной поверхности льда... Тѣмъ не менѣе къ 6-ти часамъ вечера въ теченіе 12 часовъ пройдено было 40 верстъ, и войска добралась до отдѣльныхъ бесплодныхъ острововъ Гольмена и Гаддена, предварительно занятыхъ Кнселевымъ. Послѣдній, со своимъ казакамъ и отборными стрѣльцамъ Полоцкаго полка, неожиданно напалъ, еще днемъ раньше, на занимавшію островъ Гольменъ шведскую заставу, разбилъ ее на голову, но, въ сожалѣнію, не смогъ захватить всѣхъ людей въ плѣнъ: спасшіся, очевидно, должны были предупредить своихъ о движеніи русскихъ. Поэтому, какъ ни устали у Барклая люди,—времени терять было нельзя. Онъ передохнулъ только до полуночи; костровъ развести было нечѣмъ; въ полночь Барклай выступилъ и повелъ колонну Берга прямо къ Умео, а Филисовъ пошелъ черезъ островъ Гольменъ и далѣе на Умео съ сѣвера. Достигнувъ устья рѣки Умео, ранимъ утромъ Барклай далъ рогъ. Къ счастью, у берега во льду оказались два торговыхъ судна; ихъ немедленно раскололи на дрова; костры, наконецъ, запылали и иззябшіе люди смогли отогрѣться. Послѣдній этотъ переходъ пришлось идти выше колѣна въ снѣгу, и остановка въ устьѣ Умео вызвана была полнымъ изнеможеніемъ отряда послѣ 18-ти часового марша... Какъ доносилъ Барклай впоследствии, „понесенные въ семь переходѣ труды единственно русскому преодолѣть только можно“.

¹⁾ См. диспозицію Барклая въ томъ же дѣлѣ № 1.675.

Вблизи Умео находился шведскій отрядъ графа Кронштедта, численностью не болѣе 1.000 человекъ; онъ стоялъ себѣ на мирномъ положеніи, ничего не подозрѣвая. 9-го числа только приближали нѣсколько людей, спасшихся съ захваченныхъ нами аванпостовъ, и сообщили о томъ, что русскія войска уже вблизи шведскаго берега. Спѣшно сталъ стягиваться Гриппенбергъ, но уже на разсвѣтѣ 10-го его передовая дѣль была опровергнута нашими стрѣлками и спѣшенными казаками; на плечахъ у непріятеля они скоро были уже у воротъ Умео. Видя, что ему не успѣть сосредоточиться и чувствуя, что русскіе въ превосходныхъ силахъ, Гриппенбергъ вошелъ въ переговоры ¹⁾. Въ концѣ концовъ заключено было перемиріе, по которому шведы обязались сдать Умео и всю Вестро-Вотнію до рѣкъ Эре, передавъ въ наши руки всѣ *запасы продовольствія*.

Последнее обстоятельство было самымъ важнымъ. То, что Барклай захватилъ въ Умео, обезпечивало его наличныя силы болѣе чѣмъ на мѣсяць, а заключенное перемиріе давало ему крупную выгоду: онъ могъ спокойно дожидаться остальныхъ эшелоновъ (сосредоточеніе силъ). Поисками Филисова въ направленіи къ Торнео обнаружено еще значительное число запасовъ и захвачено нѣсколько транспортовъ.

Хотя силы Барклай и превосходили то, что имѣлъ въ своемъ распоряженіи Кронштедтъ, но шведы имѣли войска свѣжія, а наши были изнурены тяжкимъ переходомъ, да къ тому же *артиллерія* была оставлена позади, а у непріятеля она имѣлась. При такихъ условіяхъ пойти на перемиріе, въ дѣляхъ выигрыша времени для подтягиванія артиллеріи и остальныхъ эшелоновъ, для подкрѣпленія силъ и, наконецъ, для того, чтобы успѣлъ проявить себя на сѣверѣ графъ Шуваловъ, со стороны Барклай было рѣшеніемъ вполне благоразумнымъ и обстановкѣ отвѣчающимъ.

10-го марта совершилось торжественное вступленіе нашихъ войскъ въ Умео; 11-го марта подошелъ Навагинскій полкъ; Барклай рассчитывалъ скорѣе подтянуть и остальные, а затѣмъ двинуться въ направленіи къ Стокгольму; но 12-го пришло приказаніе Кнорринга, извѣщавшее о заключенномъ на Аландѣ перемиріи и предписывавшее вернуться обратно въ Вазу. Исполнено это было Барклаемъ только 15-го числа, такъ какъ нужно было дать продолжительный отдыхъ людямъ, среди которыхъ было до 200 человекъ съ отмороженными ногами, а затѣмъ Барклай не желалъ, чтобы „обратный походъ имѣлъ видъ принужденнаго отступленія“. Все захваченное имущество и продовольствіе было возвращено обратно шведамъ. „Увезти съ собою взятую добычу“—писалъ Барклай—„походило бы единственно на корыстолюбіе, а истребить и привести въ негодность... не было.

¹⁾ Ссылаясь на происшедшій въ Стокгольмѣ переворотъ.

бы знакомъ миролюбя съ нашей стороны“... Большимъ облегченіемъ при обратномъ походѣ были 120 обывательскихъ подводъ, которыми могли пользоваться солдаты; кромѣ того усталыхъ подсаживали казаки на своихъ коней...

Въ результатъ подвига, совершенный 8-го—10-го марта отрядомъ Баркляя-де-Толли, свелся лишь къ безпримѣрному преодолѣнію природы. Но понесенные этими доблестными войсками тяжкіе труды не были испытаны совсѣмъ даромъ: они оказали *важное вліяніе на событія, совершившіяся одновременно на крайнемъ сѣверѣ.*

По заключенной 7-го ноября предшествующаго 1808 года въ Олькюки конвенціи демаркаціонною линіею между обѣими сторонами назначена была рѣка Кемп. Наши передовые посты располагались всю зиму на лѣвомъ берегу этой рѣки, укрываясь въ отдѣльныхъ хижинахъ, еде защищавшихъ людей отъ ужасныхъ морозовъ. Главныя же силы Улеборгскаго корпуса стояли на широкихъ квартирахъ между рѣкою Кемп и городомъ Улеборгомъ. Шведы, подъ общимъ начальствомъ Клеркера, раздѣлены были на двѣ группы, пзъ коихъ меньшая, графа Кронштедта, располагалась въ окрестностяхъ Умео и, какъ мы знаемъ, захвачена была врасплохъ Баркляемъ-де-Толли; большая (свыше 7-ми тысячъ) группа Гриппенберга расквартирована была между Торнео и Питео. Такъ какъ селенія здѣсь на крайнемъ сѣверѣ весьма бѣдны и рѣдки, то пришлось войска Гриппенберга, состоявшія преимущественно изъ финновъ, весьма разбросать. Вслѣдствіе истощенія силъ послѣ всѣхъ перенесенныхъ тягостей бѣдственнаго отступленія, въ войскахъ этихъ широко распространились болѣзни; офицеры и солдаты были одѣты въ лохмотья; жалованья нигде не получали уже шестой мѣсяць. Число лошадей было уменьшено до мннпума, а то, что оставалось (главнымъ образомъ конскій составъ артиллеріи), пришлось размѣстить, въ поискахъ фуража, далеко вглубь страны отъ расположенія отряда.

Къ концу фѣвраля графъ Шуваловъ стянулъ у Кемп около 4,000 человекъ. По общему плану на его колонну возлагалось наступленіе на Торнео, причемъ надлежало разбить близъ границы шведскія войска, захватить магазины и какъ можно быстрѣе продолжать движеніе къ Умео, на соединеніе съ Баркляемъ-де-Толли. „Никакія извиненія не будутъ приняты въ уваженіе и всѣ препятствія должны вы преодолѣть, дабы не быть послѣ въ отвѣтственности. Такова есть Высочайшая воля Государя Императора“—предписывалъ ему 2-го марта Аракчеевъ.

6-го марта графъ Шуваловъ извѣстилъ Гриппенберга о прекращеніи перемирія. Гриппенбергъ тотчасъ же принялъ мѣры къ тому, чтобы сосредоточиться въ Каллпксѣ, въ 70-ти верстахъ за Торнео;

последнее было занято небольшим авангардомъ, расположение котораго было усилено укрѣпленіями, сдѣланными изъ льда...

Сборъ шведскаго отряда съ квартиръ шелъ крайне медленно; помимо значительной разброски, задерживалъ недостатокъ продовольствія и, главное, запозданіе въ прибытіи лошадей, которыя были далеко въ тылу. Гриппенбергъ упорствовалъ въ своемъ рѣшеніи собрать свои войска непременно въ Калликсѣ. Какъ пишутъ шведскіе авторы (напримѣръ, Норденшванъ, стр. 446) сосредоточеніе корпуса съ отходомъ назадъ „противорѣчило его храбрымъ, рыцарскимъ понятіемъ“. А между тѣмъ, „рыцарство“ Гриппенберга нарушало извѣстный совѣтъ Наполеона — „никогда не назначать для сбора своихъ войскъ такой пунктъ, въ которомъ противникъ могъ предупредить въ значительныхъ силахъ“. Въ данномъ случаѣ—это оправдалось въ полной мѣрѣ. Пока шведы медленно стягивались къ Калликсу, нашъ Улеборгскій корпусъ быстро двигался къ Торнео двумя дорогами; правая колонна самого Шувалова шла по сушѣ, а лѣвая, генераль-маіора Алексѣева, направилась по льду залива прямо на островъ Біоркенъ, т. е. выходила въ тылъ непріятельскому авангарду. Въ войскахъ Алексѣева роздано было до 800 паръ лыжъ, но жестокой 30-ти-градусный морозъ не позволялъ ими пользоваться.

Торнеоскій авангардъ не принялъ боя и спѣшно отступилъ, бросивъ болѣе 200 больныхъ, часть оружія и продовольствія. Последний передъ Торнео переходъ Шуваловъ сдѣлалъ болѣе 30-ти верстъ въ 6 часовъ, не имѣя почти отсталыхъ; что же касается Алексѣева, то его колонна прошла 50 верстъ. На другой день преслѣдованіе продолжалось тѣмъ же порядкомъ. Пройдя 35 верстъ за Торнео, авангардъ графа Шувалова, бывший подъ начальствомъ Эриксона, настигъ шведскій аріергардъ; завязалась слабая перестрѣлка; солдаты при 27° мороза не могли стрѣлять—у нихъ коченѣли руки. Шведскій аріергардъ (находившійся впереди Калликса въ 18 верстахъ) — 2 баталіона подъ начальствомъ извѣстнаго уже намъ подполковника фонъ - Фіандта — отстрѣливался слабо и уже собирался очищать позицію и отступать, какъ со стороны Шувалова послѣдовала попытка войти съ непріателемъ въ переговоры. Онъ послалъ полковника Ансельма-де-Жибори предложить Гриппенбергу сдаться, указывая на бесполезность сопротивленія, такъ какъ Умео занято Барклаемъ. Немедленно военныя дѣйствія были прекращены, и авангарды остались другъ противъ друга въ ожиданіи результата сношеній нашего переговорщика съ начальникомъ шведскаго корпуса, находившимся въ Калликсѣ. Дѣло было подъ вечеръ, такъ что свиданіе состоялось уже около по-

луночи. Гриппенбергъ и Пальмфельдъ сошлись съ Ансельмомъ въ деревушкѣ Сангисъ, близъ расположенія шведскаго арьергарда. Нашъ парламентаръ весьма искусно смущалъ и вводилъ въ заблужденіе шведовъ, что силы графа Шувалова въ нѣсколько разъ превосходятъ ихъ собственныя и могутъ легко подавить ихъ, имѣя тѣмъ болѣе возможность все время обходить ихъ по льду Ботническаго залива, а сверхъ того—путь отступленія вглубь страны будетъ прегражденъ Вазаскимъ русскимъ корпусомъ. Но Гриппенбергъ, не имѣя еще свѣдѣній о переходѣ Кваркена, отвергъ предложеніе. Тогда атака была возобновлена. Войска наши надвинулись съ фронта, артилерія открыла огонь, а Алексѣевъ продолжалъ обходить свой по льду залива. Но уже вскорѣ отъ шведскаго генерала прибылъ парламентаръ съ предложеніемъ войти въ переговоры. Объясняется эта перемѣна тѣмъ, что въ Калликсѣ, куда Гриппенбергъ снова вернулся, его ожидало извѣстіе о занятіи Умео нашими войсками. Такимъ образомъ, путь отступленія былъ Гриппенбергу дѣйствительно перехваченъ. При этомъ извѣстія дошли преувеличенныя, а именно—что Умео занято 9—10 тыс. чел. пѣхоты съ 700—800 конницы... Тревожныя вѣсти эти побудили храбраго и непреклоннаго, но малоискуснаго Гриппенберга созвать военный совѣтъ. Не встрѣтивъ сочувствія на совѣтѣ своему намѣренію сопротивляться, Гриппенбергъ ушелъ съ совѣта, разразившись проклятіями, и не дождавшись какого-либо рѣшенія.

Графъ Шуваловъ на перемпріе согласія не изъявилъ, а потребовалъ сдачи, давъ сроку четыре часа на принятіе поставленныхъ имъ условій. 13-го марта подписана была въ Калликсѣ капитуляція, по которой: а) корпусъ Гриппенберга обязывался положить оружіе; б) финны отпускаются домой, давъ честное слово не служить до мира; шведы должны также присягнуть, что не будутъ служить въ эту войну, и ихъ отпустить тогда въ Швецію; в) все оружіе и боевыя припасы должны быть сданы; г) обозъ оставленъ при войскахъ; д) всѣ магазины вплоть до Умео передаются русскому комисару.

Всего сдалось шведовъ, съ нестроевыми, свыше 7 тысячъ¹⁾; изъ нихъ 1.600 больныхъ; орудій взято 22, знаменъ 12.

Калликская капитуляція (по словамъ Михайловскаго - Данилевскаго) „разрушила послѣднее звено, соединявшее Финляндію съ Швеціей“, такъ какъ съ этого дня финны прекратили участіе въ войнѣ, и оборона Швеціи легла исключительно на ея коренныя войска. Въ шведской литературѣ высказывались нерѣдко предположенія, что

¹⁾ По шведскимъ свѣдѣніямъ 2 тысяч; въ доказательство приводятся точныя арметическіе подсчеты. См. Норденшанъ стр. 431. Въ свою очередь, Михайловскій-Данилевскій основываетъ свою данную на шведской же строевой запискѣ, подписанной Гриппенбергомъ и врученной Шувалову.

капитуляція являлась слѣдствіемъ подкупа; любопытно, говоря кстати, что подобныя обвиненія возникаютъ у шведовъ чрезвычайно легко. На самомъ дѣлѣ, состояніе войскъ Гриппенберга, составъ ихъ (преимущественно изъ рвущихся домой финновъ) и изолированное положеніе на крайнемъ сѣверѣ страны,—причины вполне достаточныя для объясненія совершившагося. Надобно еще прибавить извѣстія о государственномъ переворотѣ, неизвѣстность въ отношеніи ближайшаго будущаго и т. п.

Крупный успѣхъ, достигнутый графомъ Шуваловымъ, не получивъ, однако, развитія, такъ какъ пришло извѣстное уже распоряженіе Аракчеева, въ силу котораго, въ виду заключеннаго имъ перемирія, сѣверный корпусъ нашъ отведенъ былъ въ Торнео и здѣсь задержался до весны. Одновременно съ этимъ въ самой Финляндіи произошли не лишеныя важности событія въ политическомъ отношеніи, въ связи съ которыми находились отчасти, какъ смѣна главнокомандующаго, такъ и составленіе новыхъ наступательныхъ плановъ.

Итакъ, зимняя заботническая операція, благодаря легковѣрію графа Аракчеева, разыгралась почти въ пустую и не привела къ желанному для насъ результату. Шведы на миръ не пошли, добившись только нужной имъ проволоочки, вслѣдствіе отвода назадъ нашихъ трехъ колоннъ. А между тѣмъ обстановка для насъ сложилась исключительно благопріятная, какою не могъ предвидѣть первоначальный составитель плана операціи, графъ Каменскій. Переворотъ и смута въ Стокгольмѣ, при слабости въ немъ войскъ и сравнительной близости Багратіона къ шведской столицѣ; водвореніе Барелая въ Умео; успѣвшаго захватить продовольствіе въ размѣрѣ обеспечивающемъ его наступленіе до Стокгольма, не преграждаемое никѣмъ; наконецъ,—капитуляція Гриппенберга въ Калликсѣ, обнажившая всю сѣверную Швецію—все это создавало условія, способствовавшія проявленію быстроты, смѣлости, даже дерзости въ исполненіи задуманнаго предпріятія. Такъ именно и понимали это, благодаря природнымъ военнымъ качествамъ, такіе отъ мозга костей и до конца ногтей военные люди, какъ Кульневъ и Багратіонъ, нетерпѣливо и стремительно гнавшіе передъ собою шведовъ. Ихъ замыселъ заключался въ томъ, чтобы *съ налета*, вися на хвостѣ у противника, захватить и самую его столицу; при томъ безначаліи, которое въ данную минуту царило въ Швеціи, такой захватъ дѣлалъ насъ господами положенія, и намъ оставалось только диктовать побѣжденнымъ свои условія... Тогда, само собою разумѣется, наши стремленія закрѣпить за собою Финляндію съ Аландомъ побазались бы всѣмъ только умѣренными...

ГЛАВА XIII.

За-Ботническая операция 1809 года.

Наступление гр. Шувалова.—Вой у Шелефтё.—Перерывъ морскихъ сообщений черезъ Ботнику.—Наступление Сандельса.—Дѣло при Вернефорсё.—Начатіе мирныхъ переговоровъ въ Фридрихсгамб.—Графъ Каменскій въ Вестротни.—Наступательный замыселъ шведовъ.—Соображенія Каменскаго.—Его наступленіе и положеніе къ 5-му августа.—Вой у Севра 7-го августа и у Ратана 8-го августа.—Отступленіе Вреде.—Результатъ оцераціи.—Дѣйствія на морѣ въ 1809 году.—Ихъ значеніе.—Оцѣнка лѣтней кампаніи 1809 года.

18-го апрѣля графъ Шуваловъ началъ свое наступленіе въ Вестротнию четырьмя „колоннами“ (правильнѣе—эшелонами), изъ коихъ первая (авангардъ) подъ начальствомъ Эриксона, вторая и третья—Алексѣева и Тучкова 4-го, а четвертая (слѣдовавшая изъ Улеаборга)—Готовцева. Прибытія послѣдней графъ Шуваловъ не сталъ дожидаться и пошелъ изъ Торнео только съ первыми тремя, общемо численностью въ 5.000 человекъ. Частною задачею Шувалову былъ поставленъ *захватъ шведскихъ продовольственныхъ магазиновъ*; изъ нихъ ближайшимъ къ границѣ и наиболѣе снабженнымъ запасами былъ находившійся въ Шелефтё, примѣрно на полу-пути между Лулео и Умео, на параллели финляндскаго города Брагестада. Въ валликской „конвенціи“ собственно говоря значилось, что русскимъ уступаются всѣ магазины, находящіеся между Калликсомъ и Умео, другими словами—и Шелефтинскій. Но новый главнокомандующій шведскихъ войскъ, Вреде, не призналъ этого условія и приказалъ охранять магазинъ войсками.

Отряду полковника Фурумарка было приказано усилить гарнизонъ въ Шелефтё и прекратить вывозъ запасовъ русскими. Всего тамъ набралось около 800 человекъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ Фурумарку было велѣно какъ можно скорѣе вывозить изъ Шелефтё всѣ бывшіе тамъ запасы и имущество на югъ.

26-го апрѣля графъ Шуваловъ форсированнымъ маршемъ пришелъ въ Питео, оставивъ на пути этапныя команды для обезпеченія подвоза, такъ какъ отбирать припасы у крестьянъ онъ не находилъ выгоднымъ, опасаясь вызвать возстаніе, которое могло бы грозить серьезно нашему тылу. Однако, и подвозъ организовать было мудрено, такъ какъ крестьяне прятались по лѣсамъ, уводя лошадей и повозки, и сборъ перевозочныхъ средствъ былъ весьма затруднителенъ.

Въ свою очередь Фурумаръ не успѣлъ выполнить возложенной на него задачи по очищенію Шелефтѣ и ему волей-неволей пришлось принять здѣсь бой... 2-го мая графъ Шуваловъ сосредоточилъ свои войска въ деревнѣ Сторкуге (верстахъ въ десяти отъ Шелефтѣ) и распорядился слѣдующимъ образомъ: генераль-майоръ Алексѣевъ, съ четырьмя полками пѣхоты (Ревельскимъ, Сѣвскимъ, Могилевскимъ и 3-мъ егерскимъ) и небольшою частью казаковъ, посланъ по еще державшемуся у береговъ льду Вотническаго залива на Итервикъ, прямо въ тылъ непріятелю (черт. № 23). Пушки этой колонны были разобраны, положены на сани и по сторонамъ пѣхъ шли особо назначенные люди, придерживавшіе въ виду слабости льда орудія на длинныхъ веревкахъ (отъ 10 до 15 сажень). Алексѣевъ долженъ былъ выступить 3-го мая рано утромъ, но такъ какъ это число падало на понедѣльникъ, то онъ не хотѣлъ начинать въ „тяжелый день“ столь рискованнаго марша и выговорилъ себѣ у Шувалова разрѣшеніе выступить за $\frac{1}{4}$ часа до полуночи, т. е. еще въ воскресенье. Съ остальными 4-мя полками (Низовскимъ, Азовскимъ, Калужскимъ и 20-мъ Егерскимъ) самъ Шуваловъ пошелъ большою дорогою.

Шведы получили наканунѣ свѣдѣнія о силахъ русскихъ и о направленіи ихъ наступленія и Фурумаръ тотчасъ-же донесъ о томъ главнокомандующему. Шведскіе источники ¹⁾ утверждаютъ, что послѣдній, предвидя возможность обхода русскимъ фланговъ всѣхъ шведскихъ позицій ²⁾, торопилъ вооруженіе военнаго флота, съ тѣмъ, чтобы, выславъ его какъ можно скорѣе въ море, успѣть преградить русскимъ возможность одолѣвать оборонительныя линіи при содѣйствіи высадокъ... Но Вреде не ожидалъ, чтобы кампанія могла начаться ранѣе конца мая; такимъ образомъ, быстрое наступленіе Шувалова въ Вестроботнію застало непріятеля въ неготовности и, главное, въ невозможности успѣть исправить свою разброску.

Обратимся къ боевому столкновенію у Шелефтѣ...

Шедшій въ авангардѣ Шувалова Эриксонъ долженъ былъ прежде всего овладѣть длиннымъ мостомъ на рѣкѣ Шелефтѣ, раньше чѣмъ противникъ истребитъ его. Назначенный для этой атаки подполковникъ Карпенковъ, свернувъ съ дороги, пошелъ лѣсомъ, вплотную подходившимъ къ Шелефтѣ съ сѣверо-востока. Спѣшенные казаки, подъ начальствомъ есаула Орѣхова, составлявшие головной отрядъ первые пробрались, совершенно незамѣченными непріятелемъ и, какъ свѣтъ на голову, на него бросились. Противникъ, уже начавшій ломать мостъ, былъ ошеломленъ до того, что быстро отступилъ по дорогѣ къ

¹⁾ Норденшанъ, 448.

²⁾ Обширныя приготовленія въ прибрежныхъ финляндскихъ портахъ по подготовкѣ водоплавныхъ средствъ, затѣянныя нами еще зимою, очевидно, не могли быть въ Швеціи тайной.

Итервику (откуда должна была появиться обходная колонна). Благодаря смѣлому налету Карпенкова (которому впоследствии графъ Шуваловъ приписывалъ весь послѣдующій успѣхъ), мы почти безнаказанно овладѣли переправой и весь отрядъ Шувалова, неотступно идя за своимъ авангардомъ, вскорѣ перешелъ на западный берегъ рѣки, тѣсня непріятеля къ морю. Шведы тянулись длинною колонной, прикрывая транспортъ орудій, припасовъ и проч. имущества, вывозимаго изъ Шелефте. Вдругъ, на полу-пути до Итервика, приходитъ къ нимъ извѣстіе о приближеніи русскихъ войскъ по заливу. Въ первую минуту Фурумаркъ не повѣрилъ и даже арестовалъ доставившаго донесеніе офицера. Дѣйствительно, смѣлость этого движенія была изумительна! 3-го мая повсюду пробивалась свѣжая трава, ледъ на заливѣ еле-еле держался и былъ покрытъ полыньями, черезъ которыя набрасывали помосты. Достаточно сказать, что два дня спустя, т. е. 5-го мая, заливъ былъ совершенно свободенъ ото льда! Войскамъ мѣстами пришлось идти по колѣна въ водѣ, нагнанной на ледъ вѣтромъ; близъ берега ледъ отошелъ отъ него на полверсты и болѣе; пришлось удлинить обходъ на нѣсколько верстъ, чтобы получить возможность выбраться на сушу...

Наконецъ, Алексѣевъ вышелъ на берегъ, авангардомъ атаковалъ голову шведскаго прикрытія, разбилъ его и овладѣлъ обозомъ.

Когда же подошли главныя силы Фурумарка (прикрывавшія обозъ, понятно, съ сѣвера, откуда шелъ Шуваловъ) они нашли путь прегражденнымъ колонною Алексѣева, расположенною въ боевомъ порядкѣ. Зажатому въ елещи, Фурумарку оставалось только капитулировать, что онъ и сдѣлалъ, сдавъ намъ 691 человекъ плѣнныхъ, 22 орудія и 4 знамени...

Шведскіе источники объясняютъ нѣсколько иначе захватъ Фурумарка. Предупрежденный о появленіи русской колонны на льду онъ, будто бы, лишь въ силу необходимости долженъ былъ идти по дорогѣ на Итервикъ и далѣе берегомъ моря, такъ какъ иначе двигаться ему препятствовали *тяжести*. Путь отъ Шелефте на юго-западъ,—спасавшій отрядъ отъ окруженія—былъ плохую, едва проѣзжей дорогою и притомъ еще занесенною снѣгомъ: нагруженные повозки тамъ пройти не могли. Замѣтимъ, однако, что вывозъ тяжестей можно было начать *гораздо ранѣе*, какъ только стали поступать донесенія о наступленіи русскихъ. О занятіи ими Питео (въ 5 переходахъ сѣвернѣе Шелефте) Фурумаркъ имѣлъ свѣдѣнія *за недѣлю* почти до боя...

Смѣлый ударъ при Шелефте является однимъ изъ типичныхъ, наиболѣе поучительныхъ и интересныхъ боевъ этой войны. Рискъ былъ, правда, большой,—главнымъ образомъ, въ отношеніи *опасности*

24-верстного перехода по ненадежному льду; но, въ случаѣ удачи этого движенія, успѣхъ былъ несомнѣненъ и притомъ полный. Нельзя не видѣть въ этомъ бою полного уваженія къ значенію *внезапности*, этой рѣшающей данной на войнѣ... Не ограничиваясь впечатлѣніемъ обхода, наши частные начальники (Эриксонъ, Карпенковъ, Орѣховъ) не брезгаютъ возможностью воспользоваться тою же внезапностью и при фронтальной атакѣ, разъ мѣстность и безпечность противника этому способствуютъ... Значительное превосходство силъ нашихъ особенной роли при этомъ не играло: по условіямъ мѣстности (лѣсные дефиле) все было сдѣлано одними головными частями; болѣе $\frac{3}{4}$ корпуса Шувалова оставалось въ походной колоннѣ и не приняло участія въ бою.

Графъ Вреде, донося герцогу Карлу Зюдерманландскому объ этомъ дѣлѣ, высказалъ, между прочимъ, что несчастье Шелефтинскаго отряда принадлежитъ къ разряду событій, которые не зависятъ отъ власти человѣческой". Но заблаговременное очищеніе магазина вполне зависѣло отъ распоряженій если не самого главнокомандующаго, то хотя бы начальника отряда. Послѣ Калликса прошло больше мѣсяца, поэтому времени на приведеніе въ исполненіе такихъ распоряженій было вполне достаточно. Но даже и непосредственно передъ боемъ, когда наступленіе русскихъ вполне обозначилось и притомъ въ превосходныхъ силахъ, Фурумарку, если бы онъ яснѣе представлялъ себѣ обстановку, нечего было долго раздумывать, а надлежало не теряя ни минуты, вывозить тяжести и прикрывать ихъ своимъ отступленіемъ. Средствъ для выполненія этого у него было вполне достаточно: онъ былъ въ родной странѣ—этимъ все сказано. Разъ тяжести остались при отрядѣ, онъ понятно, задержали выступленіе шведовъ изъ Шелефте, ибо самое оставленіе отряда въ этомъ пунктѣ, на отлетѣ отъ района общаго сосредоточенія шведскихъ войскъ, объясняется только ошибочнымъ оставленіемъ запасовъ подъ самымъ носомъ у русскихъ... Очевидно, шведы еще не усваивали себѣ того условія данной обстановки, въ силу котораго для насъ *продовольственный вопросъ* являлся важнѣйшимъ; слѣдовательно, лучшимъ способомъ затормозить намъ наступленіе было бы очищеніе пограничной части Вестроботни отъ *всякихъ средствъ*, не останавливаясь даже передъ разореніемъ края, какъ это дѣлывалъ Петръ Великій въ Сѣверную войну, что, казалось бы, шведамъ должно было быть хорошо памятно...

А между тѣмъ, ихъ столь поспѣшно вооружаемый флотъ изготовливался не для перерыва нашихъ морскихъ сообщеній, чтобы, съ прекращеніемъ подвоза запасовъ моремъ, поставить наши войска въ Западной Ботни въ трудное положеніе, а только съ цѣлью чисто-

оборонительной: помѣшать намъ производить на шведскомъ берегу высадки для содѣйствія своему наступленію.

Получивъ печальную вѣсть о капитуляціи Фурумарка при Шелефте, Вреде приказала фонтъ Дебельну ѣхать въ Умео и вступить въ командованіе войсками, оборонявшими сѣверную Швецію. Предметнику его, Кронстедту, страдавшему отъ послѣдствій тяжелой раны и потому не имѣвшему возможности проявить необходимой дѣятельности, разрѣшено было уѣхать въ тылъ. Въ этотъ періодъ войны вообще замѣчается стремленіе прибѣгать къ назначенію фонтъ Дебельна всякій разъ, какъ обстоятельства осложняются на немъ, какъ на единственномъ не утратившемъ силы духа генералѣ, сосредоточиваются послѣдніе лучи шведскихъ уюваній...

Въ наставленіи фонтъ Дебельну было указано, не вовлекаясь по возможности въ бой съ противникомъ, дабы не рисковать остатками вооруженныхъ силъ, стараться выиграть время, чтобы благополучно отступить изъ Вестро-Ботніи и вывезти оттуда все продовольствіе. Самъ Вреде опасался возможныхъ высадокъ нашихъ войскъ на побережьѣ Средней Швеціи, какъ только очистится окончательно море (въ эту весну ледъ долго держался у береговъ); поэтому онъ держалъ свои силы сосредоточенными въ предѣлахъ провинціи Онгерманландъ (Angermanland) ¹⁾.

По прибытіи въ Умео, фонтъ Дебельнъ увидѣлъ всю трудновполнимость предстоящей ему задачи. Запасовъ было огромное количество ²⁾; вывезти ихъ грунтовыми путями потребовало бы много времени, да и не удалось бы скоро собрать потребнаго числа лошадей; заливъ у береговъ еще былъ покрытъ льдомъ, а купеческія суда не снаряжены...

Шведскому генералу понадобилось проявить всю присущую ему энергію и настойчивость, чтобы заставить судохозяевъ немедленно принятыя за работу и приготовить десять транспортовъ для погрузки всего бывшаго въ Умео военного имущества... „Неусынно слѣдилъ за всѣмъ его бдительный глазъ“ ³⁾. Но всетаки едва ли удалось бы ему достигнуть желанной цѣли, если бы не придуманная имъ уловка для задержанія наступленія русскихъ. И всего удивительнѣе, что графъ Шуваловъ поддался здѣсь на ту же удочку, на которую недавно, и съ тѣмъ же Дебельномъ, попался Аракчеевъ на Аландѣ. Шведскій генералъ не постѣснлся повторить свой кунштюкъ, на-

¹⁾ Норденсванъ, стр. 450. Онъ основываетъ свое описаніе Вестро-Ботнѣйской операціи на оффиціальныхъ бюлетеняхъ, запискахъ Монгомери, Бурмана и Аминова и на замѣткахъ самого фонтъ Дебельна.

²⁾ Шведскіе источники опредѣляютъ цѣнность всего спасеннаго Дебельномъ имущества въ 300,000 риксдалеровъ, не считая 31 орудія.

³⁾ Норденсванъ, 451.

дѣясь на легковѣріе противника и игралъ на „благородныхъ чувствахъ“. И эти надежды его вполнѣ оправдались...

Къ счастью для Дебельна, дальнѣйшее наступленіе графа Шувалова послѣ Шелефте къ югу не могло совершаться быстро, такъ какъ его задерживали переправы черезъ рядъ широкихъ рѣкъ, устья которыхъ еще болѣе разлились во время половодья... Не будь этого невольнаго промедленія, слабымъ силамъ шведовъ (по показаніямъ ихъ источниковъ, всего не болѣе 1,200 чел.) не пришлось бы противиться вчетверо сильнѣйшему русскому отряду и Умео съ его запасами былъ бы безусловно отданъ побѣдителю. Но, чтобы еще вернѣе заручиться временемъ, фонтъ Дебельнъ написалъ 11/23 мая графу Шувалову письмо, въ которомъ сообщалъ, что заключеніе мира между Россіей и Швеціей близко, что уже назначенъ для переговоровъ уполномоченный, который готовъ къ отъѣзду въ Россію и ждетъ лишь присылки паспортовъ изъ Петербурга... Поэтому, такъ какъ дальнѣйшее кровопролитіе является совершенно бесполезнымъ, шведскій генералъ предлагалъ заключить перемиріе до 20-го мая (6-го іюня), обязываясь къ этому сроку постепенно очистить Вестро-Ботнію, оставивъ губернатора ея въ нашихъ рукахъ въ видѣ заложника... „Устарѣвъ въ военной службѣ, приближался къ концу моего поприща и увѣренный въ скоромъ подписаніи мира, я руководимъ только человѣколюбіемъ; въ настоящемъ случаѣ оно должно взять верхъ надъ бесполезною славой“.

Нельзя не пожалѣть, что во главѣ нашего Вестро-Ботнійскаго корпуса, вмѣсто молодого сравнительно царедворца, не искушеннаго въ горнилѣ военнаго опыта, не стоялъ, можно сказать, „травленный волкъ“, подобный „князю Петру“ Багратиону... Если бы послѣдняго не остановили въ мартѣ Аракчеевъ съ Кноррингомъ—онъ несомнѣнно дошелъ бы до воротъ Стокгольма, пока старшіе рѣшали бы вопросъ о томъ, какъ отвѣтить на предложеніе о перемиріи... Что же касается графа Шувалова, то онъ въ данномъ случаѣ совершилъ крупную ошибку, сильно умалившую тотъ блескъ, который только что доставило ему успѣшное плѣненіе шведскаго отряда въ Калликсѣ...

Отвѣтивъ сперва, какъ и слѣдовало, что не будучи облеченъ правомъ рѣшать политическіе вопросы, онъ не можетъ брать на себя заключеніе перемирія, а потому отправилъ письмо фонтъ Дебельна главнокомандующему, Шуваловъ тѣмъ не менѣе „равномѣрно желая шадить кровь“ (какъ писалъ онъ Дебельну) *приостановилъ* наступленіе. Переговоры *завязались*—того только и было нужно шведамъ. Пока присланный Шуваловымъ въ Умео квартирмейстерскій офицеръ уславливался со шведами о срокѣ очищенія ими Умео, и о томъ чтобы наши передовыя войска продвинуты были до южной границы

провинці Вестро-Ботніи, въ томъ же Умео, съ лихорадочной поспѣшностью заканчивалось снаряженіе и нагрузка транспортныхъ судовъ и выводъ ихъ въ море черезъ прорубленные во льду каналы... Наконецъ, въ тотъ самый день 14 мая, когда заключена была Шуваловымъ, *не дожидаясь разрѣшенія главнокомандующаго*, конвенція о передачѣ намъ 17-го мая Умео,—семь кораблей вышло изъ Умеоскаго порта и 18-го мая прибыло въ Гернезандъ... Такимъ образомъ, всѣ запасы и все имущество шведовъ были благополучно вывезены, а войска получили возможность безнаказанно уйти отъ ударовъ превосходныхъ силъ противника и, избѣгнувъ весьма вѣроятнаго отдѣльнаго пораженія, приблизиться къ главнымъ силамъ барона Вреде... Дебельнъ расположилъ свои силы за рѣкою Эре, уперевь правый флангъ въ море, на которомъ вскорѣ появилась флотилія канонерокъ; лѣвый же его флангъ прикрывался обширными труднопроходимыми лѣсами, пространными до границъ Норвегіи.

Получивъ донесеніе графа Шувалова о переговорахъ съ Дебельномъ главнокомандующій Барклай-де-Толли немедленно отвѣчалъ ему, что „перемирія заключать не нужно“. „Предметъ движенія нашихъ войскъ къ Умео—пояснялъ онъ дальше—заключается въ угроженіи неприятелю *дѣятельнѣйшею* войною въ самой Швеціи, ежели держава сія не скоро согласится на миръ. Занявъ Вестро-Ботнію, неосновательно идти далѣе, *не обезпечивъ себя продовольствіемъ*, почему самое главное дѣло состоитъ въ снабженіи войскъ съѣстными припасами, и быть потомъ готовыми къ дѣйствіямъ, какія укажутъ обстоятельства“¹⁾.

Нельзя яснѣе и точнѣе опредѣлить особенности обстановки, при которой приходилось дѣйствовать нашему наступающему корпусу... Но увы! Предупрежденія Барклая запоздало и самонадѣянный Шуваловъ уже совершилъ ту ошибку, которая, вслѣдствіи неготовности нашихъ морскихъ силъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ отразилась на послѣдующемъ ходѣ кампаніи... Самъ Шуваловъ „по болѣзни“ сдалъ начальство надъ войсками генералу майору Алексѣеву и, такимъ образомъ, лично избѣжалъ тѣхъ тяжелыхъ послѣдствій, которыя повлекъ за собою его недостаточно обдуманнй образъ дѣйствій...

Вступивъ въ Умео, Алексѣевъ продвинулъ, какъ было условлено, свои передовыя части къ южной границѣ Вестро-Ботніи и занялъ отдѣльными отрядами рядъ пунктовъ по побережью Ботническаго залива...

Мѣстными средствами довольствоваться не было возможности; край былъ уже истощенъ долговременнымъ въ немъ пребываніемъ швед-

¹⁾ Изъ всеподданнѣйшаго донесенія Барклая-де-Толли № 72. Курсивъ нашъ.

скихъ войскъ, а всѣ бывшіе въ магазинахъ запасы были увезены распоряженіемъ фонъ-Дебелна, или уже использованы ранѣе нами... Приходилось организовать кружный подвозъ сухимъ путемъ черезъ Улеборгъ и Торнео. Дѣло это было налажено съ огромными затрудненіями. Такъ какъ въ Финляндіи собрать потребное количество подводъ даже за плату не удавалось, то еще въ февралѣ мѣсяцѣ, въ предвидѣніи открытія весною наступленія въ Швецію, была организована поставка повозокъ съ упряжью и лошадьми въ губерніяхъ Новгородской и Тверской; оттуда вытребовано до 500 подводъ и собрано по наряду 250 ямщиковъ въ собственной одеждѣ. За каждую подводку, платилось изъ казны по 150 рублей, да сверхъ того по 10 рублей на каждую починку. Довольствіе лошадей и подводчиковъ до Петербурга производилось на мірской счетъ, а отъ Петербурга онѣ поступали уже на содержаніе провіантскаго департамента. Нарядъ поронщиковъ былъ засчитанъ въ рекрутскую повинность, а подводки и лошади съ упряжью были впоследствии, по минованіи въ нихъ надобности, отданы ямщикамъ въ собственность.

Несмотря на такія огромныя затраты, доставка запасовъ, частью черезъ Торнео, частью къ финляндскимъ портамъ для перевозки затѣмъ черезъ Ботническій заливъ моремъ, производилась съ задержками; но все же до половины іюня Алексѣевъ спокойно располагался въ Швецію и, если не предпринималъ ничего, то и не испытывалъ никакихъ существенныхъ неудобствъ.

А между тѣмъ, вниманіе шведовъ въ это время было поглощено жаркими преніями собравшихся въ Стокгольмѣ государственныхъ чиновъ по вопросу о престолонаслѣдіи.. Расчеты на поддержку со стороны Наполеона, съ которымъ враждебная свергнутому Густаву IV Адольфу партія думала завязать сношеніе—не оправдалась. Императоръ французовъ пока еще держалъ руку своего союзника и не имѣлъ еще поводовъ на него претендовать... Наши войска не воспользовались смутнымъ состояніемъ непріятельской страны и бездѣйствовали; это придало смѣлости противнику и, такъ какъ новое правительство, провозглашеннаго, наконецъ, королемъ Карла Зюдерманландскаго нуждалось въ укрѣпленіи своего престижа, то было рѣшено предпринять что-либо активное. Обстановка какъ разъ благоприятствовала этому; отрядъ Алексѣева, далеко забравшійся вглубь Швеціи, было нетрудно изолировать, при условіи захвата въ свои руки господства на морѣ.

Въ 20-хъ числахъ іюня въ Ботническомъ заливѣ появился 2 шведскихъ фрегата и 1 бригъ. Появленіе этихъ судовъ, хотя и въ небольшомъ покамѣсть числѣ, послужило тѣмъ не менѣе „первымъ предостереженіемъ“, изрядно встревожившимъ наше высшее командованіе.

Дѣло въ томъ, что несмотря на всё настоянія главнокомандующаго, морскія наши силы до сихъ поръ не были въ надлежащей готовности. Гребная флотилія только 24-го мая вышла изъ Або на Аландъ. Морскія вооруженія въ Або и Улеборгѣ для организаціи правильнаго подвоза черезъ заливъ, шли такъ медленно, что Барклауде-Толли пришлось жаловаться Государю, на морское министерство. „Вазская флотилія—доносилъ онъ 23-го Іюня—строеніемъ кончена, но вооруженіе доставлено ей только 19-го сего мѣсяца, а такелажъ еще необдѣланный, огнестрѣльные же заряды и морскимъ служителямъ провіантъ еще не доставлены, почему флотилія не прежде можетъ выступить, какъ въ началѣ іюля, и только когда заряды и провіантъ къ тому времени привезутся въ Вазу. Улеборгская флотилія едвали окончена будетъ нынѣшнимъ лѣтомъ. По сіе время недоставлено въ Улеборгъ, ни морской команды, ни такелажа, ни парусовъ, ни другихъ матеріаловъ. По вступленіи моемъ въ командованіи арміею, я многократно требовалъ отъ морского начальства нужныхъ пособій въ послѣднемъ окончанію сихъ флотилій, отъ *коихъ зависитъ безопасность войскъ въ Вестро-Ботніи*, но медлительность распоряженій морского департамента не соотвѣтствуетъ ни обстоятельствамъ ни моимъ предначертаніямъ“¹⁾. Изъ круинныхъ судовъ въ Вазу прибылъ только одинъ фрегатъ „Богоявленіе“ подъ командой капитана-лейтенанта Менцеля, но въ довершеніе бѣды это единственное наше судно, послѣ столкновенія съ двумя непріятельскими судами, оказалось „выведено изъ строя“... Фрегатъ „Богоявленіе“ производя развѣдку въ направленіи шведскихъ береговъ, наткнулся въ Кваркенѣ на 2 шведскихъ сорока-восми пушечныхъ фрегата. Избѣгая неравнаго боя, командиръ нашего судна пошелъ назадъ къ Вазѣ; шведы погнались зади, но вслѣдствіе наступившаго безвѣтрія,—отстали. Засвѣжѣвшій въ 6 часамъ вечера снова вѣтеръ позволилъ непріятельскимъ фрегатамъ нагнать „Богоявленіе“ близъ входа въ проливъ ведущій къ городу Вазѣ и здѣсь завязался бой... Одному изъ фрегатовъ удалось сдѣлаться бортъ о бортъ съ нашимъ; другой, къ счастью, приткнулся къ мели и не могъ помогать товарищу; это позволило командиру „Богоявленія“ выйдти благополучно изъ боя, хотя и съ поврежденіями. На другое утро послѣднія были исправлены и наши моряки рассчитывали возобновить бой, но непріятельскій фрегатъ, снявъ съ мели товарища ушелъ съ нимъ вмѣстѣ въ море...

Это единственное въ эту войну чисто-морское дѣло имѣло то отрицательное для насъ значеніе, что шведы окончательно овладѣли моремъ и стали перехватывать наши транспортныя суда: мало того,

¹⁾ Въ архивахъ морского министерства имѣется обширная переписка, освѣщающая эти пререканія.

отдѣльные небольшіе отряды на канонерскихъ лодкахъ прошли вверхъ по рѣкамъ, тревожили отдѣльные отряды корпуса Алексѣева, расквартированного широко, захватили нѣсколько постовъ и т. п. Нашимъ войскамъ приходилось быть постоянно на чеку и они молодецки отражали нападенія такого рода, хотя, надо сказать правду, шведы дѣйствовали довольно осторожно и даже нерѣшительно, — настолько велико было ихъ уваженіе къ противнику послѣ ряда предшествовавшихъ его побѣдъ... Мало этого, повторены были прежнія попытки организовать народное движеніе въ тылу у Алексѣева; но характерно, что *населеніе коренной Швеции оказалось въ этомъ смыслѣ гораздо менѣе податливымъ, чѣмъ въ Финляндіи*; въ сущности, попытку эту слѣдуетъ здѣсь признать совершенно неудавшейся...

Тѣмъ не менѣе г.-м. Алексѣевъ придавалъ слухамъ о народномъ движеніи въ своемъ тылу весьма большое значеніе и вообще находился въ состояніи чрезвычайно озабоченномъ и даже взволнованномъ. На такое душевное его состояніе оказалъ безусловно извѣстное вліяніе и неудачный опытъ его недавнихъ дѣйствій въ Корелин, гдѣ ему съ очень слабыми силами довелось оказаться, можно сказать, въ самомъ пеклѣ финляндскаго народнаго движенія, да еще имѣя отрядъ, состоящій преимущественно изъ конницы...

„Будучи отъ Улеборга въ разстояніи 600 верстъ (доносилъ онъ 16-го іюня), не имѣя никакой надежды не только получать провіантъ изъ Улеборга, по причинѣ находящагося непріятельскаго флота какъ въ Кваркенѣ, такъ и въ сѣверной части Ботническаго залива, гдѣ вся коммуникація съ Финскимъ берегомъ прекращена, но даже уже и опасно курьеровъ посылать сухимъ путемъ, поелику жители начинаютъ чинить неудовольствіе намъ, увидѣвши своихъ. Посланный курьеръ черезъ Кваркенъ былъ уже перехваченъ. Изъ сего изволите усмотрѣть, что можно ли держаться мнѣ въ непріятельской землѣ по мѣстному ея положенію, не имѣвши до сихъ поръ ни единого какого-нибудь военнаго судна, съ помощію котораго, по крайней мѣрѣ, коммуникація не была бы прекращена, и тогда мы могли бы надѣяться получить провіантъ, котораго у насъ болѣе нѣтъ, а на контрибуцію нельзя ужъ надѣяться“... Алексѣевъ уже предвидѣлъ „ту минуту“, когда будетъ „принужденъ оставить сей завоеванный край“... Интереснѣе всего, что все это доносилось не главнокомандующему, а прямо графу Араччеву, т. е. военному министру и отъ послѣдняго же непосредственно передано было Алексѣеву Высочайшее повелѣніе „держаться въ Умео до послѣдняго человѣка“, съ предупрежденіемъ, что „если оставить Умео безъ повелѣнія главнокомандующаго, то отданъ будетъ подъ судъ“¹⁾...

¹⁾ Предписаніе Алексѣеву военнаго министра 27-го іюня, № 139.

А между тѣмъ, трудность положенія Алексѣева съ его отрядомъ все усугублялась... Настала весна съ ея обычнымъ въ этихъ мѣстностяхъ сильнымъ половодьемъ, вздувающимъ непомерно всѣ рѣки и ручьи вслѣдствіе обилія воды отъ тающего снѣга. Это особенно относится до рѣкъ, берущихъ начало въ горахъ Лапландіи... На этотъ разъ половодье было особенно бурное, плавучій мостъ на рѣкѣ Умео, устроенный нашими войсками съ невѣроятными затрудненіями, оказался разрушенъ.

Обстоятельство это побудило Алексѣева сблизить отдѣльныя группы своего отряда и онъ подтянулъ ближе къ Умео свой авангардъ, прежде продвинувшійся почти вплотъ до рѣки Эре, составлявшей какъ бы демаркаціонную линію между враждующими сторонами...

Въ это время у непріятели окончательно созрѣлъ планъ наступательной операціи противъ отряда Алексѣева. Добившись отправления въ сѣверный Кваркенъ эскадры, состоявшей изъ 4-хъ фрегатовъ и гребной флотилии, обезпечивавшей флангъ предполагаемаго наступленія, шведскій главнокомандующій Вреде далъ, наконецъ, Сандельсу (смѣнившему Дебельна во главѣ авангарднаго корпуса шведовъ) согласіе на производство нападенія, главнымъ пниціаторомъ котораго именно и былъ недавній смѣлый и талантливый руководитель обороны Саволакса...

Сандельсъ рѣшилъ перейти въ наступленіе и очистить отъ русскихъ отрядовъ пространство между рѣками Эре и Умео. Черезъ Эре былъ переброшенъ плавучій мостъ у Хокнэса и въ ночь на 19-е іюня авангардъ Сандельса перешелъ на сѣверный берегъ, а на слѣдующій день—и главные его силы. Весь отрядъ Сандельса, по шведскимъ источникамъ, не болѣе 2.000 чел.; Михайловскій-Данилевскій (455) показываетъ его въ 3.000.

Внезапность задуманнаго Сандельсомъ нападенія не удалась благодаря измѣнѣ шведки, уроженки одного изъ занятыхъ нами селеній, имѣвшей родственника въ шведскомъ лагерѣ и, при посѣщеніяхъ его узнававшей о томъ, что тамъ дѣлается. Когда начальнику нашего авангарда, извѣстному уже намъ подполковнику Карпенкову, было сообщено ею о готовящемся на насъ нечаянномъ нападеніи, послѣдній успѣшилъ донести объ этомъ Алексѣеву, который рѣшилъ предупредить атаку противника и броситься на него самому. Онъ распорядился окончить какъ можно скорѣе исправленіе моста черезъ рѣку Умео и назначилъ отрядъ Козачковскаго (5 полковъ пѣхоты, $\frac{1}{2}$ эск. драгунъ и $\frac{1}{2}$ сотни казаковъ, съ 4-мя орудіями) для выполнения задуманнаго предпріятія.

Въ свою очередь Сандельсъ, получивъ свѣдѣніе о томъ, что русскіе исправили Умеоскій мостъ и переходятъ на южный берегъ рѣки,

повелъ свою бригаду имъ на встрѣчу. Густой лѣсъ, окаймлявшій съ обѣихъ сторонъ путь слѣдованія шведовъ, побудилъ Сандельса приостановить свой отрядъ за рѣкою Гёрне близъ Гернефорса, выславъ впередъ небольшой сторожевой отрядъ маіора Эрнота. (черт. № 24).

Козачевскій раздѣлилъ свои силы на двѣ колонны; самъ съ полками Сѣвскимъ, Калужскимъ и 24 егерскимъ пошелъ большою дорогою, а подполковника Карпенкова, „по его храбрости и благоразумію“, выдѣлилъ въ обходъ лѣваго фланга шведовъ, черезъ лѣсъ, по едва проходимой тропинкѣ. По окончаніи обхода Карпенковъ долженъ былъ выстрѣлами дать о томъ знать фронтальной колоннѣ (за которой въ резервѣ слѣдовалъ Низовскій полкъ), послѣ чего Козачевскій долженъ былъ броситься съ двумя полками на противника съ фронта, а 24-й егерскій полкъ Властова атаковать непріятельскій правый флангъ.

Еще съ вечера 21-го іюня шведскія передовыя части¹⁾ были сбиты у Седермьеле и подъ покровомъ лѣса присоединились къ своимъ. На слѣдующій день утромъ снова завязался бой на фронтѣ и наши войска здѣсь были отбиты. Но Сандельсъ, видя, что русскіе сами перешли въ наступленіе и что, такимъ образомъ, задуманное имъ предпріятіе выполнено быть съ успѣхомъ не можетъ, рѣшилъ, что самымъ благоразумнымъ въ его положеніи, какъ слабѣйшаго, поступкомъ—будетъ возвращеніе на прежнюю позицію за рѣкою Эре, такъ какъ у Гернефорса, по мѣстнымъ условіямъ, никакихъ удобствъ для веденія боя не было. Открытое пространство вдоль лѣваго берега рѣки не превосходило шириною ста шаговъ, а вокругъ облегалась совершенно плоская мѣстность, сплошь покрытая лѣсомъ, который мѣстами прилегалъ вплотную къ берегамъ рѣки... Только на западномъ берегу, близъ моста, на большой дорогѣ лѣсъ отступалъ нѣсколько отъ рѣки; на восточномъ берегу, правѣе моста, высилась церковь, а южнѣе, примѣрно въ 2.000 шагахъ, располагался Гернефорскій лѣсопильный заводъ съ многочисленными строеніями. Лѣсная дорожка шла вверхъ по рѣкѣ и тамъ, близъ д. Гернехаммаръ, былъ еще небольшой мостикъ. Кромѣ того, можно было обойти всю позицію по дорогѣ, выводившей на береговой трактъ въ 5-ти верстахъ южнѣе Гернефорса.

23-го и 24-го іюня Сандельсъ простоялъ споейно у Гернефорса, пополняя въ войскахъ запасы продовольствія при посредствѣ прибывшаго въ устье рѣки транспортнаго судна. Сторожевыя заставы были расположены: одна восточнѣе устья рѣки, силою въ 50, другая

¹⁾ Вой при Гернефорсѣ въ русскихъ источникахъ изложены настолько кратко, что мы въ значительной мѣрѣ прибѣгли къ содѣйствию шведскихъ...

же, на большой дорогѣ и третья—впереди мостика у Гернехаммаръ, въ 100 человекъ. Одинъ баталіонъ бивакировалъ у кирки, два—за мостомъ вдоль дороги, вмѣстѣ съ артилеріей (6 орудій). *О противники точныхъ свѣдѣній не имѣли; знали только, что онъ близко, т. е. патрули, державшіе въ лѣсу связь между заставами, безпрестанно натывались на наши дозоры и то перехватывались ими, то кружными путями должны были присоединяться къ своимъ...*

Вечеромъ 25-го іюня тронулись наши войска отъ Седермьеле, причеиъ Карпенковъ съ 26 егерскимъ полкомъ, каеъ было условлено, свернулъ по дорогѣ на Гернехаммаръ.

На шведскихъ бивакахъ только что пробили вечернюю зорю и проиѣли установленные псалмы, каеъ раздались выстрѣлы въ заставѣ, стоявшей на большой дорогѣ.

Сперва въ шведскомъ лагерѣ приняли это за обычную перестрѣлку передовыхъ постовъ, но вскорѣ трескотня выстрѣловъ такъ участилась, что уже не могло быть сомнѣнія въ серьезномъ нападѣніи противника. Сандельсъ въ это время каеъ разъ ужиналъ со своими офицерами; всѣ повыскакали изъ-за стола и бросились къ окнамъ, выходящимъ на Умеоскую дорогу: несмотря на лѣсъ и надвигавшуюся темноту, не трудно было убѣдиться въ истинѣ. Всѣ бросились по мѣстамъ; въ лагерѣ былъ полный безпорядокъ; офицеры, обозные поитонѣры, солдаты, крестьяне—все смѣшалось въ толпу... Въ то же время изъ Гернехаммаръ прискакалъ гонецъ съ извѣщеніемъ, что русскіе тѣснятъ и тамошнюю заставу.

Раздосадованный Сандельсъ поснѣшилъ къ мосту, близъ котораго кнѣгла свалка. Оказалось, что застава на большой дорогѣ была захвачена врасплохъ Калужскимъ полкомъ; на огонь шведовъ наши отвѣтили еще болѣе энергичнымъ обстрѣливаніемъ и, смявъ противника, по пятамъ его преслѣдовали до самаго моста. Здѣсь шелъ ожесточенный штыковой бой; вскорѣ и Карпенковъ появился съ сѣверо-запада, наступая вдоль рѣки и тѣсня баталіонъ эстроботнїйцевъ. Сандельсъ попытался устроить свои войска за мостомъ, дабы прикрыть отступление своего обоза; но наши напирали со всѣхъ сторонъ, неудержимо, стараясь окружить непріятеля съ обѣихъ фланговъ; отступление—вѣрнѣе говоря бѣгство, дѣлалось для шведовъ неизбежнымъ исходомъ. Сандельсъ началъ отводить свои войска назадъ съ обѣихъ фланговъ, а для прикрытія отступления назначилъ баталіонъ подъ командою извѣстнаго партизана Дункера. Послѣдній мужественно отстаивалъ каждую пядь земли, пока, наконецъ, не оказался окончательно отрѣзанъ отъ своихъ. Сандельсъ уже послалъ своего адъютанта Монгомерри передать Дункеру приказаніе уходить каеъ можно скорѣе; но уже колонна Карпенкова отрѣзала Дункеру

отступление. На предложеніе сдаться послѣдній отвѣчалъ командою для новаго залпа... Отвѣтнымъ залпомъ смѣльчакъ былъ сраженъ и нѣсколько часовъ спустя скончался на рукахъ у русскихъ солдатъ...

Шведы потеряли въ этомъ безцѣльномъ для нихъ бою много плѣнныхъ (5 офицеровъ и 125 нижнихъ чиновъ) и часть обоза. Багажъ самого Сандельса и его собственный столовый сервизъ достался въ руки нашимъ казакамъ, которые во время суматохи и штыковой свалки вынырнули изъ лѣса и, по всегдашнему своему обыкновению, занялись добычей...

„При Гернефорсѣ съ трудомъ узнаешь Сандельса, котораго мы научились знать въ Саволакѣ“, пишетъ Норденшанъ (457)...

Дѣйствительно, разъ замыселъ его оказался разгаданъ русскими и послѣдніе сами перешли противъ него въ наступленіе, разъ онъ уже принципиально рѣшилъ возвращаться,—его трехдневное выжиданіе у Гернефорса, да еще безъ основательнаго развѣдыванія, является положительно непонятнымъ. Неужели же нужно было непременно дожидаться продовольствія съ моря и нельзя было отойти назадъ на свои же магазины?..

Если бы Сандельсъ выждалъ нѣсколько и началъ свое наступленіе хотя бы недѣлю позднѣе, когда въ Ботнической заливъ прибыло на усиленіе шведской эскадры еще 2 фрегата, 1 англійскій корветъ и 6 меньшаго ранга судовъ, то, надо полагать, не ему бы пришлось искать перемирія, а, наоборотъ, сами русскіе вынуждены были бы это сдѣлать. А теперь инициатива переговоровъ исходила отъ шведовъ и нашего уполномоченнаго барона Тейль-фонъ-Сераскергена пригласили даже къ самому главнокомандующему Вреде: такъ велико было моральное впечатлѣніе Гернефорскаго дѣла... На перемиріе у насъ опять не согласились, опять послали къ главнокомандующему, но опять только формально, такъ какъ мы сами нуждались въ томъ, чтобы выговорить себѣ поскорѣе такія условія, которыя давали бы намъ обезпеченный подвозъ съѣстныхъ припасовъ... Условія эти были установлены слѣдующія: а) шведамъ и русскимъ оставаться неподвижно въ занимаемыхъ позиціяхъ и предупреждать другъ друга за три недѣли о возобновленіи военныхъ дѣйствій... б) отъ Умео до Вазы провести поперекъ Ботническаго залива демаркаціонную линію, южнѣе которой не ходитъ русскимъ, а сѣвернѣе—шведскимъ военнымъ кораблямъ, до начала военныхъ дѣйствій¹⁾; в) по полученіи отвѣта нашего главнокомандующаго—извѣстить о томъ Сандельса.

Перемиріе это давало намъ возможность получить безпрепятственно въ Умео продовольствіе, безъ чего въ Вестроботніи хватило бы хлѣба

¹⁾ Не принимая въ расчетъ тѣхъ судовъ, которыя уже находились южнѣе этой черты.

только до 16-го августа... Условія перемирія представлены были главнокомандующимъ на Высочайшее усмотрѣніе и были утверждены, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, а именно: предупреждать о возобновленіи военныхъ дѣйствій только за четыре дня, вмѣсто трехъ недѣль, а затѣмъ, обусловить намъ свободу судоходства въ южной части Ботническаго залива по берегамъ Финляндіи...

Заключить перемиріе на этихъ условіяхъ долженъ былъ уже не Алексѣевъ, а графъ Каменскій, назначенный вмѣсто него начальникомъ Улеборгскаго корпуса. Одновременно съ этимъ назначеніемъ съѣхались и уполномоченные обѣихъ сторонъ въ Фридрихсгамѣ для начатія мирныхъ переговоровъ.

Въ назначеніи графа Каменскаго въ Вестротнію нельзя не видѣть желанія Императора Александра имѣть въ своихъ рукахъ надежное средство для оказанія давленія на успѣхъ Фридрихсгамскихъ переговоровъ, въ случаѣ какихъ-либо тамъ несогласій или заминокъ.

Весеннія операціи наши въ Вестротніи, несмотря на тактическіе успѣхи при Шелефтѣ и Гернефорсѣ, велись, въ общемъ, довольно вяло и даже съ нѣкоторою робостью. Небезпечность сообщеній, зависѣвшая отъ невыполненія морскимъ министерствомъ необходимыхъ приготовленій и потому отъ невозможности для насъ прочно утвердиться въ сѣверной части Ботническаго залива, порожидала въ нашихъ начальникахъ неувѣренность, какъ бы связывавшую ихъ по рукамъ и по ногамъ. Поэтому одерживаемые нами на поляхъ сраженій успѣхи пропадали совершенно даромъ; время уходило понапрасну на переговоры, а слишкомъ явная въ нимъ склонность наша достаточно прозрачно обнаруживала противнику, насколько мы, въ сущности, неловко себя чувствовали „за моремъ“...

Между тѣмъ, для достиженія такихъ условій мира, которыя были намъ нужны, необходимо было показать противнику непреклонную рѣшимость и настойчивость, нужно было поразить его воображеніе новыми сокрушительными ударами... Для этой цѣли, конечно, трудно было сдѣлать лучшій выборъ, такъ какъ Каменскій уже успѣлъ достаточно отрекомендовать себя именно въ указанномъ смыслѣ...

Конечно, вопросъ рѣшался бы гораздо легче, если бы мы могли двинуть въ сѣверную часть Ботническаго залива достаточно сильный флотъ, который, постепенно очищая заливъ отъ судовъ непріятеля и прикрывая сообщенія нашего шведскаго корпуса, обезпечивалъ бы ему свободу дѣйствій въ Швеціи... Но уже въ началѣ іюня выходъ нашему флоту изъ Кронштадта (какъ увидимъ ниже) былъ окончательно закрытъ.

Такимъ образомъ, графу Каменскому пришлось дѣйствовать въ Вестротніи при исключительно-трудныхъ обстоятельствахъ.

Графъ Каменскій прибылъ въ Умео 23-го іюля. Тремя днями позже, 26-го іюля, прибыли въ Або шведскіе уполномоченные для веденія мирныхъ переговоровъ ¹⁾, которые тотчасъ-же отправилсь въ Фридрихсгамъ, гдѣ ожидали ихъ русскіе уполномоченные во главѣ съ канцлеромъ графомъ Румянцовымъ.

Такимъ образомъ, операція графа Каменскаго въ Вестро-Ботніи происходила во время переговоровъ о мирѣ и самымъ существеннымъ образомъ повліяла на ихъ исходъ, съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ. Къ этому собственно говоря, сводится ея значеніе въ общемъ ходѣ войны.

Въ ожиданіи введенія въ дѣйствіе условія, дозволявшаго перевести продовольствіе на шведскій берегъ прямо водою, Каменскій засталъ свой корпусъ на сокращенной дачѣ. Люди получали всего $\frac{2}{3}$ провіанта; правда, недостающую часть пополняли путемъ увеличенія количества мяса, но скоро и это стало невыполнимымъ, за его истощеніемъ на мѣстѣ. Между тѣмъ шведы съ умысломъ затягивали отвѣтъ на поставленные нами условія перемирія, пользуясь чѣмъ суда ихъ продолжали преграждать намъ подвозъ черезъ море: тѣ изъ бумесескихъ кораблей, которые рискнули совершить этотъ рейсъ, попались въ руки непріятеля...

Итакъ, противникъ обращалъ всецѣло въ свою пользу ту неизбежную проволочку, которая простилака всякій разъ, какъ происходилъ обмѣнъ условій для перемирія ²⁾. Для шведовъ въ особенности важно было поставить нашъ корпусъ въ самыя стѣснительныя условія, такъ какъ это способствовало бы осуществленію зародившагося у нихъ новаго замысла. Замыселъ этотъ заключался въ томъ, чтобы послѣднимъ усиліемъ попытаться вырвать изъ нашихъ рукъ хотя бы частный успѣхъ съ цѣлью добиться менѣе тяжелыхъ условій мира.

Въ томъ, что Финляндіи прѣдется лишиться,—нечего было и сомнѣваться; но шведы надѣялись удержать въ своихъ рукахъ Аландскіе острова и Вестро-Ботнію, уступивъ Россіи только земли южнѣе рѣки Кеми, составлявшей въ то время границу между Эстро-Ботнійской и Вестро-Ботнійской провинціями.

Важнымъ условіемъ, игравшимъ въ руку шведамъ, было положеніе на морѣ, гдѣ всюду господствовали наши противники.

Поэтому морскія силы въ сѣверной части Ботническаго залива, организуемая нами съ такимъ стараніемъ и напряженіемъ, были совершенно разобщены отъ источниковъ своего пополненія, т. е. отъ

¹⁾ Вышій шведскій посланникъ въ Петербургѣ баронъ Стедингъ и полковникъ Шельдебрантъ.

²⁾ Напомнимъ требованіе Каменскаго, высказанное имъ еще въ проектѣ зимняго перехода въ Швецію, чтобы начальникъ экспедиціи былъ облеченъ правомъ даже заключенія мира. Такое право было дано въ 1774 году Румянцову и это принесло огромную пользу.

единственной нашей морской базы—Кронштадта. Вотъ, въ сущности, главная причина (кромѣ техническихъ недочетовъ и несовершенствъ, въ значительной мѣрѣ тормозившихъ дѣло), помѣшавшая намъ довести до конца начатое дѣло морскихъ вооруженій въ Вазѣ и Улеборгѣ...

Пользуясь полною, такъ сказать, свободою передвиженія по Ботническому заливу, шведы рѣшили на слѣдующій планъ. Они вознамѣрились бросить всѣ оставшіяся въ ихъ распоряженіи силы, одновременно съ фронта и съ тыла, на изолированный корпусъ Каменскаго сочетавъ наступленіе сухимъ путемъ съ переброскою на судахъ восьмьтысячнаго десанта.

Кромѣ „сѣвернаго“ корпуса, авангардомъ котораго начальствовали Сандельсъ, у шведовъ оставался еще такъ называемая „западная“ и „береговая“ арміи, общою численностью въ 17,000 человекъ, за вычетомъ больныхъ и командированныхъ ¹⁾. „Береговая“ армія насчитывала всего 3,000 чел., по большей части ландверистовъ. Какъ только съ Норвегіей заключено было перемиріе, и опасенія за западный фронтъ ослабли, тотчасъ же береговая армія была усилена за счетъ западной, и сталъ зарождаться планъ новаго активнаго предпріятія противъ русскихъ.

Первую мысль о наступательной операціи въ Вестро-Ботнію подалъ извѣстный Густавъ-Морницъ Армфельтъ ²⁾, вносилъ дѣла въ свѣтъ и былъ совѣтникомъ Императора Александра по финляндскимъ дѣламъ и родоначальникъ финляндскихъ министровъ статсъ-секретарей, еще въ то время не перебѣжавшій на русскую службу. Руководить всѣмъ дѣломъ взялся Адлерспарре, недавній предводитель военнаго возстанія противъ Густава IV Адольфа, теперь пользующійся большимъ вліяніемъ въ государствѣ... Наибольшая трудность заключалась въ томъ, чтобы избрать начальника для той смѣлой экспедиціи, которая, по мысли инициаторовъ плана, должна была сыграть наиболѣе рѣшительную роль, захвативъ сообщенія русскихъ войскъ и тѣмъ поставивъ ихъ въ безвыходное положеніе.. Сперва намѣчали Адлеркрейца, который въ предшествующей финляндской кампаніи показалъ способность къ самостоятельному командованію; но Адлерспарре опасался его соперничества въ дѣлахъ государства (оба были въ числѣ главныхъ дѣятелей недавняго переворота). Поэтому послѣдній добился того, что общее начальствованіе надъ десантною экспедиціей было ввѣрено адмиралу Пуке, а генераль графъ Вахтмейстеръ, командующій арміей береговой обороны, поставленъ во главѣ десантнаго корпуса...

¹⁾ Nordensvan, 461.

²⁾ Тамъ же, 462.

Баронъ Пуке, 58-ми лѣтъ, былъ человѣкъ отъ природы весьма одаренный, и какъ флотоводецъ, выказалъ себя предводителемъ искуснымъ и хладнокровнымъ. Таковъ, по крайней мѣрѣ, о немъ отзывъ шведскихъ историковъ. Но онъ совершенно не былъ знакомъ съ условіями веденія сухопутныхъ операций и потому, въ качествѣ высшаго руководителя всего предпріятія, долженствовавшего объединить дѣйствія двухъ сухопутныхъ „армій“¹⁾, едва ли могъ считаться на своемъ мѣстѣ. Что же касается графа Вахтмейстера, то онъ принадлежалъ къ одному изъ лучшихъ дворянскихъ родовъ Швеціи, былъ королевскимъ генераль-адъютантомъ и считался однимъ изъ способнѣйшихъ генераловъ шведской арміи.

Въ составъ ввѣреннаго ему десантнаго корпуса было назначено 17 баталіоновъ линейной пѣхоты, 3 егерскихъ баталіона и только $\frac{1}{6}$ эскадрона лейбъ-гвардейской конницы (Lifgarden till häst) для штабной службы. Артилеріи взято только двѣ 6-орудійныхъ пушечныхъ батареи и 4 гаубицы; рассчитывали, что удастся, послѣ высадки, снять еще нѣсколько пушекъ съ судовъ.

Общая численность десантнаго корпуса: 234 офицера, 7,375 н. чиновъ, 229 верховыхъ и артиллерійскихъ лошадей²⁾. Государственные чины ассигновали 200,000 риксдалеровъ въ недѣлю на пополненіе всѣхъ расходовъ по этой экспедиціи. Для перевозки корпуса было назначено изъ состава корабельнаго и шхернаго флота въ общей сложности 52 судна съ 2,500 чел. экипажа; сверхъ того на особыхъ транспортныхъ судахъ погружено было продовольствіе на 2 мѣсяца, и устроено было два корабля-госпиталя на 90 мѣстъ.

Мѣстомъ посадки войскъ назначенъ былъ Гернезандъ, гдѣ 2-го августа состоялся, подъ предсѣдательствомъ адмирала Пуке, военный совѣтъ, въ которомъ участвовали: Вахтмейстеръ, Вреде, Дебельнъ и др., для окончательной разработки плана экспедиціи. Общая цѣль ея была всѣмъ одинаково ясна; десантный корпусъ долженъ такъ высадиться, чтобы перехватить тылъ графа Каменскаго и отрѣзать ему сообщенія съ сѣверомъ по единственной береговой дорогѣ. Но какъ только коснулось подробностей исполненія, то возникли существенныя разногласія. Вреде считалъ, что ему, съ его корпусомъ, нужно завлечь Каменскаго на югъ какъ можно дальше, и только, когда это удастся, Вахтмейстеру произвести десантъ сѣвернѣе Умео, съ тѣмъ, чтобы высадившіяся войска быстро овладѣли этимъ городомъ и, такимъ образомъ, выполнили свою задачу. Наоборотъ, Вахтмейстеръ и Лагербринкъ находили, что высадку слѣдуетъ произвести нивкакъ на южнѣе Шелефтѣ, съ тѣмъ, чтобы на сѣверномъ берегу

¹⁾ Ему подчинялся и корпусъ Вреде.

²⁾ Nordensvan, 463.

рѣки занять здѣсь крѣпкую позицію, преграждая Каменскому отступленію, тогда какъ Вреде долженъ былъ напирать на него съ фронта. Пуке придавалъ главное значеніе быстротѣ и внезапности появленія высадившихся войскъ въ тылу у непріятеля, а потому стоялъ за высадку близъ Умео, на сѣверномъ берегу рѣки, будучи увѣренъ, что Каменскій съ главными силами будетъ наступать въ рѣкѣ Эре, о чемъ, однако, покамѣстъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній еще не было. Дебельнъ считалъ необходимымъ, чтобы флотъ произвелъ сильную демонстрацію гдѣ-либо у Ратана, съ цѣлью отвлечь сюда вниманіе русскихъ. Какъ водится, на военномъ совѣтѣ единодушія и согласія достигнуто не было, и Пуке въ концѣ концовъ остановился на „среднемъ“ рѣшеніи: произвести высадку у Ратана, въ 50 верстахъ сѣвернѣе Умео, а Вреде не начинать наступленія ранѣе трехъ дней по отплытіи экспедиціи изъ Гернезанда.

Тѣмъ временемъ графъ Каменскій, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ Вестро-Ботніи, пришелъ къ заключенію о невозможности для его корпуса продолжать оставаться въ бездѣйствіи. „Если перемиріе и состоится (доносилъ онъ), то мнѣ долго на мѣстѣ стоять невозможно, и я долженъ буду *искать продовольствія у самаго непріятеля*. Сосѣдняя съ Вестро-Ботніею Онгерманландская область, гдѣ стоитъ Сандельсъ съ войскамъ, изобильна, и можетъ прокормить нѣкоторое время ввѣренный мнѣ корпусъ. Потому полагаю я, въ случаѣ незаключенія перемирія, начать тотчасъ наступательныя дѣйствія и вытѣснить непріятеля изъ занимаемой имъ провинціи, необходимой для продовольствія нашихъ войскъ“.

Такииъ образомъ, принятіе шведами нашихъ условій для перемирія (о которыхъ упоминалось въ предыдущей статьѣ), избавляло бы нашъ корпусъ отъ необходимости наступать, такъ какъ открывало подвозъ моремъ черезъ Ботнику. Каменскому не было и не могло быть еще извѣстно о замыслѣ шведовъ избрать его корпусъ объектомъ съ цѣлью вырвать у насъ частный успѣхъ; поэтому онъ покамѣстъ еще довѣрялъ искренности ихъ намѣренія заключить перемиріе и еще не успѣлъ заподозрить въ этомъ только уловки для выигрыша времени. Тѣмъ не менѣе, въ ожиданіи отвѣта на наши условія, онъ озабочился размѣщеніемъ своего корпуса такъ, чтобы быть, на всякій случай, возможно болѣе готовымъ къ отраженію всякихъ случайностей. Протяженіе береговой линіи отъ Умео до Улеборга доходило до 500 верстъ, а силы Каменскаго, въ общей сложности, не превышали тѣхъ же 10 тысячъ, которыя были первоначально даны въ распоряженіе его предшественниковъ. Чтобы по возможности избѣжать дробленія своихъ силъ и, въ то же время, не оставлять побережья безъ охраны, Каменскій распорядился слѣдующимъ образомъ.

Въ Улеборгѣ онъ оставилъ по прежнему два баталіона Кременчугскаго полка; въ Торнео расположилъ баталіонъ Могилевскаго полка, охранявшій побережье отъ Кеми до Калликса; Тульскій полкъ охранялъ пространство отъ Калликса до Шелефтѣ, 23-й егерскій—отъ Шелефтѣ до Умео, приче́мъ главныя свои силы оба держали близь середины отведеннаго имъ участка побережья. Бригаду пзъ полковъ Тенгинскаго и Навагинскаго Каменскій осадилъ нѣсколько назадъ, въ видѣ сильнаго арьергарда, долженствовавшаго прикрывать его тылъ отъ возможныхъ высадокъ; что же касается главной массы корпуса, то она, въ числѣ 6.000 штыковъ, назначалась исключительно для наступленія. „Стоя въ Умео, худо грозить непріятелю въ самыхъ нѣдрахъ его края и мудроно имѣть вліяніе на тѣхъ обывателей, которые находятся позади непріятельской линіи“. Такъ доносилъ Каменскій Аракчееву 21-го іюля, сообщая свои предположенія для доклада Государю¹⁾. Императоръ Александръ сдѣлалъ на этомъ донесеніи слѣдующую, весьма характерную помѣтку. „Всѣ разсужденія Каменскаго нахожу весьма здравыми. Одного боюсь Я, чтобы баталіоны, оставленные имъ на разныхъ пунктахъ между Улеборгомъ и Умео, не пострадали. Но сіе многое зависѣть будетъ отъ тѣхъ предписаній, какія онъ имъ далъ, и отъ образа исполненія частныхъ командировъ“. Помѣтка эта показываетъ, насколько развито было въ Императорѣ Александрѣ уваженіе къ истиннымъ принципамъ военнаго искусства, такъ какъ несомнѣнно видно, что Онъ чувствовалъ въ расположеніи Вестротнѣйскаго корпуса недостаточное уваженіе къ принципу сосредоточенія силъ.

Вскорѣ по прибытіи графа Каменскаго со шведами снова завязались переговоры. На самомъ дѣлѣ шведы, видимо, умышленно тянули время, чтобы успѣть закончить необходимыя приготовленія. Они сперва сообщили намъ о полученіи отвѣта на наши требованія; когда же нашъ переговорщикъ баронъ Тейль, по приказанію Каменскаго, не согласился ни на какія уступки и предварилъ, что въ случаѣ отказа въ принятіи нашихъ условій, мы возобновимъ военныя дѣйствія, Сандельсъ выговорилъ все-таки, чтобы сдѣлана была отсрочка до 28-го іюля, съ тѣмъ, чтобы успѣть получить отъ короля изъ Стокгольма разрѣшеніе. О возобновленіи военныхъ дѣйствій надлежало предварить другъ друга за 24 часа. Каменскій далъ сперва согласіе на эту проволочку, нуждаясь самъ во времени для сбора войскъ въ назначенные пункты; когда же наступилъ срокъ, и Сандельсъ извѣстилъ, что все еще не имѣетъ отвѣта изъ Стокгольма, Каменскій рѣшилъ лично переговорить съ Сандельсомъ. 31-го іюля

¹⁾ Любопытно, что въ этотъ періодъ войны Каменскій все время доносилъ о своихъ дѣйствіяхъ непосредственно въ Петербургъ военному министру, минуя главнокомандующаго.

последній прибылъ въ назначенное для свиданія мѣсто; онъ увѣрялъ, что король не изъявилъ согласія на наши условія, но что главнокомандующій вновь обратился къ Его Величеству съ просьбою не отвергать перемирія; отвѣтъ на это ходатайство ожидается вскорѣ, и потому шведскій генераль просилъ не возобновлять до тѣхъ поръ военныхъ дѣйствій. Графъ Каменскій соглашался на это только при условіи немедленнаго для насъ открытія судоходства сѣвернѣе Кваркена или отступленія шведовъ къ Гернезанду. Такъ какъ Сандельсъ на это не могъ дать положительнаго отвѣта, то обѣ стороны разстались на томъ, что каждая вправе дѣйствовать, когда захочетъ.

Въ тотъ самый день, 4-го августа, когда въ Фридрихсгамѣ начались, наконецъ, мирные переговоры, графъ Каменскій началъ наступленіе отъ Умео по направленію къ Гернезанду, сдѣлавъ предварительно слѣдующія размѣненія въ группировкѣ тѣхъ силъ, которыя назначены были имъ для обезпеченія операціонной линіи. 23-й Егерскій полкъ (охраняющій побережье отъ Шелефте до Умео), усиленный баталіономъ Навагинскаго полка, составилъ отрядъ полковника Фролова, поставленный близъ Ратана. Тенгинскій полкъ, съ другимъ баталіономъ Навагинцевъ, подъ командою г.-м. Ершова, занялъ Умео. Баталіонамъ Пермскаго и Могилевскаго полковъ, расположеннымъ—первый въ Питео, а второй—въ Торнео, приказано было при извѣстіи о высадкѣ непріятеля, немедленно идти къ нему навстрѣчу. „Въ такомъ положеніи (доносилъ Каменскій Араччеву 5-го августа) сзади себя десанта никакого не боюсь, тѣмъ болѣе, что ожидаю прибытія первой эскадры изъ Улеборга. Съ остальными войсками рѣшился я переправиться черезъ Эре и тѣснить непріятеля, пока могу то дѣлать, не оголяя берегу. Для меня движеніе впередъ необходимо; въ новомъ краю надѣюсь найти продовольствіе и, угрожая непріятелю вторженіемъ въ нѣдра его края, ускорить можетъ быть черезъ то заключеніе мира“.

Изъ Умео войска Каменскаго выступили 4-го августа двумя колоннамъ, изъ которыхъ первая, подъ начальствомъ г.-м. Алексѣева, состояла изъ двухъ эшелоновъ, по 3 баталіона въ каждомъ, и вторая, подъ личнымъ начальствомъ Каменскаго, тоже изъ двухъ эшелоновъ по 4 баталіона въ каждомъ. Кромѣ того, за второю колонной шелъ особый резервъ подъ начальствомъ Сабанѣева, изъ 4 баталіоновъ. Такая дробная организація марша, способствуя быстротѣ движенія, облегчала возможность обратиться въ нужную минуту въ любомъ направленіи.

Первой колоннѣ приказано было перейти рѣку Эре въ 15 верстахъ выше устья и затѣмъ надавливать на лѣвый флангъ шведовъ; остальные силы должны были форсировать переправу на Эре по

главному береговому тракту и тѣснить непріятеля за кирку Олофсборъ. Приказомъ по корпусу, отданнымъ наканунѣ, Каменскій назначилъ свою главную квартиру въ селеніи Нордмалингенъ, расположенномъ въ пяти верстахъ южнѣе непріятельской позиціи, стремясь заранѣе внушить войскамъ увѣренность въ побѣдѣ...

Первый переходъ законченъ былъ безпрепятственно, и головы колоннъ приблизились уже къ рѣкѣ Эре, какъ изъ Ратана, отъ полковника Фролова пришло донесеніе о появленіи тамъ многочисленнаго непріятельскаго флота „болѣе нежели изъ 100 судовъ“ и началіи съ него высадки.

Такимъ образомъ, войска графа Каменскаго оказались между двухъ огней: съ фронта, за рѣкою Эре, былъ Вреде по крайней мѣрѣ съ 6 тысячами и, а съ тыла у Ратана высаживался Вахтмейстеръ съ 8-тысячнымъ корпусомъ. Разстояніе между Ратаномъ, мѣстомъ высадки шведовъ, и рѣкою Эре, къ которой подходили головные эшелоны графа Каменскаго и за которой были войска Вреде и Сандельса,—отъ 5 до 6 нормальныхъ переходовъ. Пользуясь своимъ внутреннимъ положеніемъ, Каменскій рѣшился сосредоточить большую часть своихъ силъ противъ десантнаго корпуса, удерживая Вреде демонстративными движеніями. Такъ какъ Вахтмейстеръ являлся не только *сильнѣйшимъ*, но, главное,— *опаснѣйшимъ* для насъ противникомъ (захватъ единственнаго пути, связывавшаго насъ съ Фипляндіей), то рѣшеніе Каменскаго обратиться назадъ и, измѣнивъ въ корнѣ первоначальный планъ, раздавить сперва эту группу, должно быть признано образцовымъ. Исполненіе облегчалось тѣмъ искуснымъ эшелонированіемъ силъ корпуса, о которомъ мы уже говорили. Тотчасъ же, на 5-е августа, отдаются приказанія: а) „резерву“ Сабанѣева, едва прошедшему Умео, немедленно обратиться вспять, на поддержку Фролова; б) головному эшелону лѣвой колонны, подъ начальствомъ Эриксона, остаться на берегахъ рѣки Эре, все время демонстративно атакуя на ней переправы и привлекая на себя вниманіе Сандельса въ теченіе всего дня, послѣ чего, подъ покровомъ ночной темноты отступить къ Умео, истребляя за собою мосты, и в) всѣмъ остальнымъ войскамъ форсированнымъ маршемъ слѣдовать назадъ за Сабанѣевымъ, который, такимъ образомъ, изъ резерва превращался въ авангардъ корпуса.

Всѣ эти передвиженія происходили 5-го августа. Въ этотъ день утромъ, шведы успѣли высадить у Ратана авангардъ изъ 3 егерскихъ баталіоновъ и одной бригады съ батареей, который былъ подъ начальствомъ Лагербринка. Послѣдній съ частью силъ пошелъ дѣломъ прямо на Дьекнебоду, занятую Фроловымъ, направивъ остальные силы съ фронта. Послѣ непродолжительнаго боя, русскіе очистили Дьекнебоду, и селеніе это было занято непріятелемъ, который къ вечеру

того же дня былъ подкрѣпленъ и главнымъ силами десанта. Съ захватомъ Дьекнебоды, расположенной на главномъ береговомъ трактѣ, сообщенія Каменскаго уже были перехвачены. Для обезпеченія пункта высадки немедленно начаты были у Ратана укрѣпленія, причемъ въ качествѣ рабочей силы употреблены экипажи транспортныхъ судовъ.

Медленность высадки шведовъ у Ратана, затянувшейся на цѣлыя сутки, произошла вслѣдствіе сильнаго тумана, заставившаго прервать ее на нѣсколько часовъ. По очищеніи Дьекнебоды, Фроловъ оттянулъ свои войска назадъ къ Тефтѣ и здѣсь 6-го утромъ соединился съ Сабанѣевымъ. Всего образовалось, такимъ образомъ, здѣсь около 3 тыс. противъ 8 тысячъ шведовъ. Очевидно, обстановка требовала отъ Вахтмейстера крайней быстроты и энергіи; надо было *устыть* превосходящими силами разбить втрое слабѣйшій русскій отрядъ до подхода остальныхъ силъ Каменскаго. Въмѣсто этого, шведскій генераль, продвинувшись до Севара (20 верстъ сѣвернѣе Умео) и оттѣснивъ отсюда бывшія здѣсь передовыя наши части, остановился и сталъ выжидать дальнѣйшихъ приказаній адмирала Пуке. Шведскіе историки сильно упрекаютъ графа Вахтмейстера за эту остановку, подарившую русскимъ все 6-е число августа. Если бы Вахтмейстеръ продолжалъ наступленіе къ Умео, тѣсня Фролова съ Сабанѣевымъ, то могъ бы нанести рядъ послѣдовательныхъ ударовъ свѣжно подходившимъ эшелонамъ нашихъ войскъ. Если же, наоборотъ, онъ желалъ принять оборонительный бой, то ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало ему избрать для того мѣстность у Севара, не представлявшую никакихъ выгодъ, а либо остаться у Дьекнебоды, либо продвинуться впередъ къ Тефтѣ. Во всякомъ случаѣ даже у Севара, имѣя сутки въ своемъ распоряженіи, можно было укрѣпиться, изучить мѣстность и т. п. Ничего этого сдѣлано не было.

Норденсванъ (стр. 466) утверждаетъ, что дивизія у Севара была вызвана съ одной стороны полученнымъ шведами ложнымъ извѣстіемъ о томъ, что Каменскій сосредоточивается близъ самаго Умео, а съ другой—утомленіемъ войскъ послѣ высадки и 30-ти километровой марша. По словамъ участника этой операціи Лагербринна, остановивъ у Дьекнебоды вмѣсто Севара, гдѣ мѣстность была гораздо выгоднѣе для обороны, помѣшалъ категорическій приказъ адмирала Пуке „быстро наступать впередъ“. Самъ Лагербриннъ былъ посланъ въ адмиралу 6-го числа послѣ полудня за распоряженіями, но вернулся онъ лишь на другой день около 10 часовъ утра, когда бой былъ въ полномъ разгарѣ.

За то у Каменскаго день 6-го августа былъ днемъ лихорадочной дѣятельности. Не смотря на то, что всѣ три предшествующіе дня почти весь его корпусъ находился въ непрерывныхъ маршахъ, онъ

потребовалъ отъ войскъ колоссальнаго напряженія, лишь бы достигнуть необходимаго сосредоточенія. Пока Фроловъ соединялся съ Сабанѣвымъ, остальные эшелоны спѣшили къ Умео, черезъ которое и прослѣдовали между 7-ю и 12-ю часами вечера. Въ Умео, на лѣвомъ берегу рѣки, войскамъ давался роздыхъ на нѣсколько часовъ, послѣ чего они возобновляли маршъ, и на зарѣ 7-го числа большая часть войскъ уже была въ Тефте. Вечеромъ 6-го числа отрядъ шведскихъ канонеровъ произвелъ опасное для насъ покушеніе разрушить мостъ черезъ рѣку Умео; если бы этотъ замыселъ удался,—корпусъ Каменскаго былъ бы на долгое время разрѣзанъ на двое и сосредоточить силы противъ десанта своевременно не смогъ бы... Къ счастью, противный вѣтеръ долго мѣшалъ канонеркамъ войти въ устье рѣки, такъ что только въ 5 часовъ вечера 6-го числа оказалось возможнымъ начать подыматься вверхъ по теченію. Въ 10 часовъ вечера флотилія изъ 10 судовъ приблизилась къ городу и открыла картечный огонь, но колонна ген.-м. Алексѣева, проходившая въ это время черезъ Умео, не растерялась. Алексѣевъ рассыпалъ по берегамъ рѣки своихъ егерей, открывшихъ жестокой огонь по лодкамъ, а артиллерійскій полковникъ Аргунъ (отличившійся въ прошломъ 1808 году подъ Свеаборгомъ) быстро установилъ подъ городомъ батареи, стрѣльба которыхъ разсыяла окончательно шведскія канонерки...

Въ теченіе того же дня Эриксонъ, оставшійся на р. Эре, все время производилъ демонстративныя попытки къ переправѣ черезъ рѣку, отражаемая шведами, а съ наступленіемъ ночи, укрываемый темнотою, отступилъ къ Умео, не преслѣдуемый Вреде.

7-го августа Каменскій намѣревался рѣшительно атаковать графа Вахтмейстера, дабы прежде всего освободить себя отъ угрозы съ тылу. Придавая въ данномъ случаѣ первостепенное значеніе *быстротѣ*, дабы не давать десанту собраться и устроиться на берегу, онъ располагалъ атаковать съ тѣми войсками, которыя успѣли подойти, всего около 5.000 штыковъ и 8 орудій. Сюда вошелъ авангардъ Сабанѣва и эшелонъ, бывшій подъ начальствомъ Алексѣева; остальные войска, съ большею частью артиллеріи, подъ командою Козачковскаго, задержались въ Умео, по вышеуказаннымъ причинамъ, но имъ предписано немедленно спѣшить на поддержку главной группы корпуса, какъ только присоединится аррьергардъ Эриксона; послѣднему надлежало принять отъ Козачковскаго оборону Умео, съ тѣмъ, чтобы удержать здѣсь корпусъ Вреде, если онъ появится.

Между Умео и Ратаномъ дорога идетъ все время между отдѣльными холмами и пригорками, большею частью съ поросшими лѣсомъ вершинами; только кое-гдѣ образуются небольшія открытыя прогалины; такая прогалина была и у Севара. Широкой протокъ, развѣтвляющійся

южнѣ деревни, прикрывалъ расположеніе шведовъ; черезъ него перебросенъ мостъ длиною до 40 шаговъ по большой дорогѣ; южнѣ имѣлся бродъ, по которому можно было перейти протокъ, пользуясь небольшою тропинкой; еще южнѣ, болѣе труднопроходимая лѣсная тропа выводила, черезъ другой бродъ въ верховья залива, къ деревнѣ Юттербода, отгуда можно было пробраться въ обходъ лѣваго фланга и даже въ тылъ позиціи шведовъ.

Въ противность своимъ прежнимъ взглядамъ, но, вѣроятно, въ виду слуховъ о приближеніи русскихъ къ Тефте, Вахтмейстеръ вечеромъ 6-го числа отдалъ слѣдующія распоряженія: а) 1 баталіонъ и часть егерей были выставлены къ Твермарку, отуда шла дорога въ обходъ праваго фланга шведовъ; б) другой баталіонъ поставленъ на перекресткѣ дорогъ сѣверо-восточнѣ Севара, въ качествѣ поддержки; в) передъ фронтомъ, на возвышенности западнѣ моста, поставленъ сторожевой отрядъ, силою въ 1 баталіонъ, съ добавкомъ егерей; въ поддержку ему, въ видѣ сторожевого резерва, назначенъ другой баталіонъ; непосредственно впереди моста, какъ бы въ видѣ дежурной части,—поставлено еще два баталіона съ двумя орудіями. На все это израсходована цѣлая первая бригада; отъ второй бригады выдѣленъ баталіонъ въ видѣ заслона въ направленіи на Юттербоду, и отъ него выслана къ броду небольшая застава. Остальныя силы 2-й бригады и 3-я бригада бивакировали въ деревнѣ Севаръ.

Силы графа Каменскаго для атаки расположенія шведовъ были распределены слѣдующимъ образомъ: 2 баталіона подъ командою г.-м. Ансельма де-Жпборп направлены были къ броду черезъ заливъ, для обхода затѣмъ лѣваго фланга шведовъ. Остальныя силы, въ предшествіи авангарда Сабанѣва, раздѣлены были на 2 колонны и резервъ и направлены для атакъ съ фронта.

Въ 7 часовъ утра Сабанѣвъ потѣснилъ сторожевой шведскій отрядъ, находившійся впереди командующей высоты Крутбронетъ, прикрывавшей, верстахъ въ 3-хъ впереди Севара, расположеніе шведовъ. Шведы отошли на высоту, за которую завязался упорный, двухчасовой бой, потребовавшій съ обѣихъ сторонъ поддержекъ. Наконецъ, высота была захвачена нами, и тотчасъ же Каменскій приказалъ водрузить на ея вершинѣ всѣ свои 8 орудій. Вахтмейстеръ попытался помѣшать нашему успѣху, атаковавъ двумя баталіонами нашъ лѣвый флангъ, но они разстроились при наступленіи по густому лѣсу, а затѣмъ столнулись тамъ съ 23-мъ егерскимъ полкомъ, которому было приказано ихъ сбить и преслѣдовать. Находя, что егеря ведутъ это преслѣдованіе недостаточно энергично, Каменскій приказалъ дать два картечныхъ выстрѣла имъ въ тылъ. Шведы снова повторили попытку свѣжими силами вырвать изъ нашихъ рукъ

высоту Крутбронетъ. Три раза достигали они вершины и всякій разъ были нами отброшены. Атака велась съ охватомъ обонхъ фланговъ, причемъ охватывающія части подверглись, въ свою очередь, ударамъ во флангъ и тылъ со стороны нашихъ резервовъ. Оба генерала, предводившіе этми контръ-атаками, Алексѣевъ и Готовцевъ, были ранены, послѣдній—смертельно. Въмсто ихъ на лѣвое крыло назначень Сабанѣевъ, а въ центрѣ—Аргунъ.

Тѣмъ временемъ Ансельмъ-де-Жиборп, послѣ короткой ожесточенной схватки съ заставой, оборонявшей бродъ, переправился здѣсь въ водѣ по поясъ, п, отогнавъ шведовъ, пошелъ лѣсною дорогою, которая, черезъ лѣсистыя высоты, между заливомъ и болотами, выводила въ тылъ лѣваго шведскаго фланга. Но тутъ, на высокой вершинѣ Финнбергъ уже были шведскіе егеря и баталіонъ лейбъ-полка королевы, которымъ приказано было Вахтмейстеромъ обороняться до послѣдней крайности.

Къ 12-ти часамъ дня положеніе атакующихъ сдѣлалось затруднительнымъ. Обходная колонна, отдѣленная отъ главныхъ силъ заливомъ, была задержана непріятельскими войсками, несмотря на посланную Жибори поддержку отъ баталіона Пермскаго полка, подошедшаго изъ Умео. Графъ Каменскій, чтобы облегчить положеніе Ансельма де-Жибори, велѣлъ на фронтѣ атаковать оба непріятельскіе фланга; Ревельскому полку—правый, а Сѣвскому—лѣвый. Это привело къ отступленію шведовъ за мостъ, который они и разломали. Тѣмъ не менѣе противникъ стойко удерживалъ обѣ позиціи на нашемъ пути отступленія, а съ юго-восточной стороны можно было ожидать появленія корпуса графа Вреде.

Огонь шведовъ съ противоположнаго берега рѣки былъ такъ силенъ, что форсировать рѣку съ фронта стоило бы огромныхъ жертвъ. „Если не пробьемся,—заявилъ Каменскій—сбросимъ ранцы и пойдемъ въ Россію черезъ Лапландскія горы“. Дѣлу помогъ *частный починъ ротнаго командира*. Въ самомъ началѣ боя одна рота Сѣвскаго полка подъ командою штабсъ-капитана Шрейдера, была поставлена у брода черезъ рѣку Севаръ для наблюденія за флангомъ нашего боевого порядка. По прибытіи сюда, Шрейдеръ донесъ, что противъ него ничего нѣтъ и просилъ разрѣшенія перейти рѣку и двинуться въ разрѣзъ между обѣими группами противника, для чего ходатайствовалъ о подкрѣпленіи. Это донесеніе пришло въ то время, когда въ резервѣ у Каменскаго оставалось всего 5 ротъ, не бывшихъ въ дѣлѣ, которыя и были отряжены подъ команду Шрейдера, съ приказаніемъ, по переправѣ 3 роты двинуть въ тылъ Финнберга, а другія 3—на Севаръ. Перейдя рѣку вбродъ, Шрейдеръ выполнилъ это приказаніе; появленіе обонхъ отрядовъ было совершенно неожиданнымъ для непріятеля,

такъ какъ въ этомъ промежуткѣ не было у шведовъ ни одного дозора. У страха глаза велики, какъ водится: три роты, появившіяся въ тылу Финнберга, были приняты за „множество баталіоновъ гренадеръ“... Все шведское лѣвое крыло пришло въ полное разстройство, чѣмъ немедленно воспользовался Ансельмъ и началъ настойчиво продвигаться впередъ. Одна шведская гвардія еще сохраняла нѣкоторое время порядокъ и прикрывала отступление; всѣ остальные въ смятеніи бросились бѣжать отдѣльными кучками по лѣснымъ тропинкамъ и потеряли много плѣнныхъ.

Въ то же время Каменскій, подрѣзавъ Аргуна изъ войскъ Сабанѣва, приказалъ ему переходить вбродъ южнѣе разломаннаго моста.

Начальникъ шведскаго десанта графъ Вахтмейстеръ находился со своимъ штабомъ на высотѣ восточнѣе моста, внимательно слѣдя за ходомъ боя. Онъ съ удовольствіемъ видѣлъ, что войска его удерживаютъ съ успѣхомъ обѣ занимаемыя позиціи. Цѣлыхъ 5 баталіоновъ не было еще введено у него въ дѣло, не считая баталіона и егерей, выставленныхъ къ Тверомарку, притянуть которые своевременно было уцущено.

Разочарованіе не замедлило, въ лицѣ прискакавшаго ординарца, который донесъ, что видѣлъ русскую колонну по дорогѣ отъ Юттербоды наступающую на Севаръ берегомъ рѣки. Это были вторыя три роты отряда Шрейдера, но Вахтмейстеръ и не подумалъ принять какихъ либо мѣръ для провѣрки полученнаго извѣстія и для выясненія, какія силы и откуда двигаются тамъ. Вѣроятно рѣшивъ, что обходъ его лѣваго фланга удался и опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ своихъ судовъ, Вахтмейстеръ немедленно отводитъ всѣ свои силы къ самому Севару, гдѣ уже были расположены не бывшія въ дѣлѣ войска. Въмѣсто того, чтобы воспользоваться имѣющимися свѣжими силами и ударить на обходящихъ, пользуясь ихъ изолированнымъ положеніемъ, Вахтмейстеръ возложилъ на эти свѣжія войска обязанность арьергарда, а самъ началъ въ полномъ порядкѣ отступление. Подъ прикрытіемъ артилерійскаго и ружейнаго огня съ высоты Севара, шведы спокойно вытянулись въ колонну и пошли въ направленіи къ Дьекнебодѣ. Наши войска слабо преслѣдовали, утомленные продолжительнымъ маршемъ и боемъ; графъ Каменскій собралъ свой корпусъ на бывшей позиціи непріятеля, и только казаки направлены были по его пятамъ, а баталіонъ Ревельскаго полка двинуть за ними для исправленія разрушаемыхъ переправъ.

Бой при Севарѣ продолжался съ 7 часовъ утра до 4-хъ пополудни; къ 11 часамъ вечера шведы достигли уже Дьекнебоды, гдѣ предполагали сперва остановиться и возобновить оборону. Каменскій къ концу боя получилъ отъ Эриксона донесеніе, что графъ Вреде перешелъ

черезъ рѣку Эре и приближается къ Умео. Разстояніе между обѣими шведскими группами было, такимъ образомъ, отъ 2 до 3 переходовъ.

Графъ Каменскій совершенно правильно рѣшилъ добывать Вахтмейстера, уже ослабленнаго боемъ и болѣе опаснаго по своему положенію въ нашемъ тылу. „Не дамъ Вахтмейстеру покоя (донесилъ онъ), пока не заставлю его покинуть Ратанскую гавань“. У Дьекнебоды мѣстность чрезвычайно благопріятствовала пассивной оборонѣ. Дорога проходила между двумя озерами, Ратутрѣскъ на югѣ и Дьекнебода на сѣверѣ; далѣе еще 2 озера, окруженныя болотами, протягивались до берега; не было ни единой дороги или тропинки, по которой можно было бы обойти позицію, развѣ отдѣльные пѣшеходы могли пробраться черезъ болото. Однако Вахтмейстеръ отказался отъ первоначальнаго рѣшенія обороняться на этой позиціи. Причиною тому,—по шведскимъ источникамъ¹⁾—былъ ложный слухъ, доставленный офицерами, посланными для рекогносцировки позиціи у Дьекнебоды, о движеніи, якобы, Каменскаго прямо на Ратанъ лѣсами вдоль берега. Вахтмейстеръ, не потрудившись провѣрить справедливость этого извѣстія, испугался того, что непріятель выйдетъ къ Ратану раньше его и отрѣжетъ его отъ моря, и спѣшно продолжалъ отступление къ Ратану. Отходъ къ Ратану, т. е. къ морскому берегу, прикрывая сообщенія шведскаго десанта съ флотомъ, въ то же время отрывалъ намъ перехваченныя шведами сообщенія графа Каменскаго съ сѣверомъ. Отступление шведовъ продолжалось всю ночь; 8-го къ утру они сосредоточились къ Ратану, и флотъ ихъ приблизился къ берегу для дѣйствія по нашимъ войскамъ въ случаѣ ихъ наступленія.

Шведскіе историкъ (Норденсванъ, 473) прямо приписываютъ рѣшеніе Вахтмейстера отступить къ Ратану „робости и страху передъ побѣдоноснымъ врагомъ“ и находятъ, что отданное ему адмираломъ Пуке категорическое приказаніе оборонять во что бы то ни стало Дьекнебоду при такомъ настроеніи не могло имѣть никакого вліянія...

Когда послѣднія шведскія войска очищали Дьекнебоду, начали появляться передъ нею передовыя части наступающихъ русскихъ колоннъ. Каменскій не рассчитывалъ, что шведы отступятъ отъ Дьекнебоды и только на пути получили донесеніе объ этомъ. Удивленный, что шведы не удержались у Дьекнебодскаго дефиле, Каменскій выслалъ казачьи развѣзды нащупать непріятеля вдоль большой дороги; пройдя до Бюгдео, послѣдніе нигдѣ не обнаружили противника. Тогда Каменскому сдѣлалось яснымъ, что шведы отступили къ Ратану, и онъ рѣшилъ безотлагательно всѣми силами двн-

¹⁾ Nordensvan, стр. 472—73.

нуться туда, уже не стѣсняясь съ противникомъ, явно выказывающимъ нерѣшительность и страхъ. Одну часть своего корпуса, подъ начальствомъ Сабанѣва, онъ направилъ по тропинкѣ, непосредственно ведущей къ морю, а другую, въ предшествіи отряда Казачковскаго (притянутого пзъ Умео и не участвовавшего въ Севарскомъ бою) двинулъ по другой тропѣ, выводившей къ правому флангу шведовъ. Чтобы облегчить движеніе по этимъ лѣснымъ тропамъ, всю артилерію, кромѣ двухъ орудій, приданныхъ къ первой колоннѣ, онъ вмѣстѣ съ обозами продвинулъ, подъ прикрытіемъ, по большой дорогѣ до Бюгдео, съ приказаніемъ ожидать здѣсь полнаго очищенія намъ пути на сѣверъ... Къ этому побудило Каменскаго и другое важное обстоятельство: снаряды были на исходѣ.

Сабанѣвъ вскорѣ достигъ арьергардъ непріятеля, сбиль и отѣснилъ его къ Ратанской гавани; къ 2-мъ часамъ подошелъ Козачковскій, а слѣдомъ за нимъ—и остальные наши силы, кольцомъ охватившія шведовъ. Положеніе послѣднихъ было безвыходное.

Генераль-маіоръ Ансельмъ-де-Жиборн посланъ былъ Каменскимъ къ Вахтмейстеру съ приглашеніемъ положить оружіе, грозя въ противномъ случаѣ, что немедленно атакуютъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Вахтмейстеръ отвѣтилъ, что „шведская армія не можетъ принимать предписаній отъ своихъ враговъ и готова принять ихъ нападеніе“¹⁾. Тогда Каменскій въ 4 часа дня повелъ атаку въ направленіи обѣихъ дорогъ, по которымъ пришли части его корпуса; онъ рѣшился на эту атаку, имѣя всего 2 пушки противъ всей шведской артилеріи и орудій шведскаго флота. Цѣпп. нашихъ егерей разсыпались по окраинамъ лѣса и повели наступленіе, тѣсня шведскихъ стрѣлковъ; послѣдніе поспѣшили отойти, чтобы очистить мѣсто для своихъ орудій. Послѣднія заговорили и съ сухого пути, и съ флота; конечно, нашимъ двумъ пушкамъ нечего и думать было съ ними состязаться, а пѣхотѣ нашей пришлось удерживаться близъ опушки, и только на флангахъ люди продвинулись, по колѣно въ водѣ, вдоль берега и открыли огонь по лодкамъ. Такое взаимное и, въ сущности, мало-дѣйствительное обстрѣливаніе продолжалось до наступленія темноты.

Такимъ образомъ, противникъ освободилъ нашъ путь отступленія и былъ прижатъ къ морю; но нанести ему большій вредъ, а тѣмъ болѣе принудить къ капитуляціи мы фактически возможности не имѣли: въ нашемъ корпусѣ почти совершенно изсякли огнестрѣльные припасы, а шведы имѣли въ своемъ распоряженіи сильную артилерію и могли пользоваться поддержкою огня своихъ судовъ.

¹⁾ Такъ пишутъ шведскіе историки. По М. Д. (478) Вахтмейстеръ просилъ о томъ, чтобы разрѣшено ему было свободно сѣсть на суда, но Каменскій отказалъ въ этомъ.

На другой день шведы, услышавшие за ночь погрузить часть войск на суда, уже могли, въ сущности, не опасаться дальнѣйшаго преслѣдованія; однако, впечатлѣніе, произведенное на нихъ смѣлымъ натискомъ Каменскаго, было такъ велико, что они сами сдѣлали первый шагъ къ переговорамъ, подъ предлогомъ необходимости предать землѣ тѣла убитыхъ. Каменскій отказалъ въ этомъ. „Предоставьте побѣдителямъ заботиться о погребеніи“, отвѣтилъ онъ, „а ежели имъбете нужду переговорить о чемъ-либо важнѣйшемъ, то пріѣзжайте на мою передовую цѣпь, но торопитесь уходить изъ гавани; иначе найду средство сжечь вашу флотъ“¹⁾. Конечно, средствъ такихъ въ рукахъ Каменскаго не было, и быть не могло, но психическое вліяніе успѣха гипнотизировало шведовъ, и для побѣдителей, казалось, все было возможно..

Графъ Вахтмейстеръ лично пріѣхалъ на наши аванпосты, и здѣсь, въ 7 часовъ вечера 9-го августа, произошли переговоры между нимъ и графомъ Каменскимъ. Послѣдній поставилъ категорическимъ условіемъ перемирія отплытіе шведскаго флота изъ Кваркена и полную свободу судоходства для насъ въ сѣверной части Ботническаго залива. Въ свою очередь Пукъ и Вахтмейстеръ выговаривали себѣ право свободной амбаркаціи и выхода въ море. На этихъ условіяхъ заключено было перемиріе, и на слѣдующій день флотъ непріятельскій сталъ уходить въ море..

Потери шведовъ въ бояхъ у Севара и Ратана, по шведскимъ источникамъ²⁾, доходятъ до 29 офицеровъ (изъ нихъ 6 убитыхъ и 5 плѣнныхъ), 877 нижнихъ чиновъ (изъ нихъ 399 убитыхъ и 80 плѣнныхъ) и, кромѣ того, 6 офицеровъ и 112 н. чиновъ флота. По Мих.-Данилевскому потери шведовъ исчисляются въ 2.000 чел., а число плѣнныхъ—въ 270 чел. и 300 поднятыхъ на полѣ битвы раненныхъ. Наша потеря показана до 1.500 чел., изъ коихъ громадное большинство приходится на бой подъ Севаромъ..

Такимъ образомъ, графу Каменскому удалось избавиться отъ наиболѣе опасной группы противника, „усадивъ“ ее на собственные суда (какъ выражался онъ самъ въ донесеніи). Оставалась другая группа, предводимая графомъ Вреде. Послѣдній поджидалъ подхода подкрѣпленій подъ предводительствомъ фонъ-Дебелна изъ Емтланда и не рассчитывалъ, чтобы высадка Вахтмейстера могла совершиться такъ скоро. Онъ задался цѣлью привлечь на себя вниманіе противника и, совершенно не замѣчая, что имѣетъ передъ собою только слабый отрядъ Эрксона, началъ показывать намѣреніе переправиться

¹⁾ М. Д., стр. 479.

²⁾ Соч. Lindström. „Экспедиція адмирала Пукъ въ Вестроботнію“.

черезъ рѣку Эре. Только въ это утро (6-го августа) узналъ онъ объ уходѣ на сѣверъ большей части русскихъ силъ; предполагая что высадка уже произведена, но не имѣя о томъ ровно никакихъ извѣстій, Вреде рѣшилъ попытаться перейти рѣку, но дѣлалъ это столь медленно и нерѣшительно, что потратилъ почти цѣлыхъ 2 дня. Только 8-го августа, т. е. въ день Ратагскаго боя, отрядъ Вреде началъ наступленіе къ Умео, имѣн въ авангардѣ Саволакскихъ егерей. Движеніе замедлялось необходимостью возстановлять всѣ переправы черезъ многочисленныя водныя потоки, предусмотрительно разрушенныя русскими. Къ полудню 9-го шведы подошли къ берегамъ Умео. Дебельнъ присоединился, и всн численность отряда превышала 4.000 человекъ. На южномъ берегу рѣки виденъ былъ русскій редутъ, и грозно торчали дула четырехъ орудій. Это былъ аррьергардъ, оставленный Эриксономъ, подъ командою подполковника Карпенкова, — всего баталіонъ съ казаками, прикрывавшій голову плавучаго моста. Не имѣн артилеріи, Карпенковъ пустился на хитрость, — выкрасилъ четыре бревна и поставилъ на подобіе пушекъ... Это обстоятельство удерживало шведскихъ стрѣлковъ, переправившихся черезъ рѣку, а тѣмъ временемъ подоспѣли главныя силы Эриксона; выѣхавшая настоящая батарея брызнула картечью по канонеркамъ, входившимъ въ устье Умео, чтобы поддержать переправу, Карпенковъ успѣлъ благополучно отойти за мостъ, который былъ нами разведенъ. Черезъ рѣку завязался артилерійскій огонь, затянувшійся до вечера; къ утру 10-го Эриксонъ былъ уже подкрѣпленъ 7-ю бат., высланными Каменскимъ, а Вреде получилъ извѣстія объ участи Вахтмейстера и приостановилъ переправу.

И такъ, замыселъ шведовъ покончить съ изолпрованнмъ корпусомъ графа Каменскаго, нанесн ему ударъ одновременно съ фронта и тыла, окончился полною неудачею. Казалось бы, достигнутый графомъ Каменскимъ блестящій успѣхъ надлежало немедленно развивать дальше, и побѣдоноснымъ войскамъ его, не взвран на утомленіе и многодневныя тяжкіе марши, неотступно идти за послѣднею организованною группою непріятеля, преслѣдуя ее чуть не до воротъ Стокгольма... Если Каменскій годъ тому назадъ рисенулъ, позднею осенью, не будучи снабженъ теплою одеждою, преслѣдовать по пятамъ Клингспора (потомъ — Клеркера) до сѣверныхъ границъ Финляндіи, по мѣстности скудной и уже разоренной непріятелемъ, то теперь, повидному, условін были гораздо благопріятнѣе. Тогда каждый шагъ вводилъ преслѣдователей все глубже и глубже въ суровыя, негостепріимныя и малолюдныя страны, близкія къ полярному кругу; тогда каждый день возвѣщалъ наступленіе жестокой зимы, грозный призракъ которой, по мѣрѣ движенія на сѣверъ, становился все болѣе и болѣе

угрожающимъ. Наоборотъ,—теперь было начало августа, еще почти цѣлый лѣтній мѣсяцъ былъ впереди; двигаться предстояло не на сѣверъ, а на югъ, навстрѣчу болѣе мягкому климату и болѣе богатымъ производительностью провинціямъ шведскаго королевства.

Несмотря на это, Каменскій счелъ слишкѣмъ рискованнымъ дальнѣйшее наступленіе на югъ, не возобновивъ своихъ запасовъ. Очевидно, что главную роль играло тутъ не продовольствіе,—которое возможно было достать на мѣстѣ и чѣмъ южнѣе, тѣмъ вѣроятнѣе,—а припасы огнестрѣльные. „Одинъ разъ, при большихъ напряженіяхъ, удалось мнѣ пробиться съвозъ непріятелей; другой разъ, если они успѣютъ обогнать меня моремъ, можетъ быть, опять пробьюсь; но на третій разъ уже и патроновъ не станетъ. Сколь ни критическое мое положеніе, но я всѣ старанія употреблю вывести изъ онаго корпусъ съ честью; однако, признаюсь, прискорбно отступать послѣ столь рѣшительной побѣды, какая одержана въ сѣн два дня, гдѣ не только я разбилъ непріятеля и гналъ его до самихъ лодокъ его, но, такъ сказать, на нихъ его усадилъ“.

Великій учитель Каменскаго, Суворовъ, въ Швейцаріи былъ, какъ извѣстно, въ неизмѣримо болѣе критическомъ положеніи, но и тамъ никогда, даже въ самые трагическіе моменты, не помыслилъ даже о „ретирадѣ“. Рѣшеніе Каменскаго отступить послѣ Ратана представляется во многихъ отношеніяхъ загадочнымъ, и надо надѣяться, что быть можетъ, будутъ отысканы новые документы, которые прольютъ свѣтъ на это странное обстоятельство... Самый расчетъ Каменскаго пополниться въ Питео изъ транспорта, посланнаго туда изъ Улеборга подъ прикрытіемъ канонерскихъ лодокъ, представляется въ достаточной степени эфемернымъ. Непріятельскіе корабли продолжали все время крейсировать въ сѣверной части Кваркена, а у насъ, кромѣ импровизированныхъ канонерокъ и одного фрегата, никакихъ крупныхъ судовъ здѣсь не было, да и не могло прибыть. Англичане со своимъ флотомъ совершенно преграждали нашему выходъ изъ Финскаго залива...

12-го августа корпусъ графа Каменскаго тронулся въ обратный походъ къ сѣверу. Черезъ шесть дней, 18-го августа, прибывъ въ Питео, онъ засталъ здѣсь, къ счастью, благополучно прибывшій изъ Улеборга транспортъ съ боевыми и продовольственными припасами. Людямъ данъ былъ трехдневный отдыхъ; все необходимое въ частяхъ было пополнено, и 21-го августа, корпусъ снова обратился въ Умео, въ намѣреніи продолжить прерванную задачу.

Такимъ образомъ, *ненадежное устройство тыла* заставило Каменскаго отказаться отъ развитія одержаннаго успѣха и сдѣлать свыше чѣмъ двухнедѣльный перерывъ, который, очевидно, могъ быть всецѣло использованъ *дѣятельнымъ противникомъ*...

Но состояніе духа шведскихъ войскъ и шведской націи въ этотъ тяжелый для нихъ историческій моментъ не отвѣчало отнюдь условіямъ, необходимымъ для проявленія дѣятельности. Упадокъ духа и сознаніе безцѣльности всѣхъ усилій, предпринимаемыхъ противъ Россіи, съ цѣлью хоть немного смягчить неизбѣжно-суровыя условія мира, окончательно овладѣли всѣми умами... Немногіе оставшіеся энергичные люди, вродѣ, напримѣръ, фонъ-Дебельна—и тѣ склонились передъ неумолимымъ рокомъ...

Съ уходомъ Каменскаго на сѣверъ въ Питео шведы, 12-го августа, заняли Умео небольшимъ авангардомъ. Въ то же время адмиралъ Пуке передвинулъ сюда шхерный и транспортный флотъ со всѣми бывшими на немъ войсками (т. е. остатокъ отряда Вахтмейстера), а затѣмъ выслалъ фрегатъ съ 6-ю канонерками подъ начальствомъ майора Хаусвольфа къ Питео, чтобы напасть на двигавшійся туда нашъ транспортъ и помѣшать ему пополнить корпусъ Каменскаго. Но острова, лежащіе впереди порта Тусо, оказались заблаговременно занятыми русскою пѣхотою, и нападеніе на транспортъ не удалось.

Всѣ шведскія войска, къ 17-му августа, соединились въ Умео. Неудача попытки Хаусвольфа окончательно подорвала вѣру въ возможность какого бы то ни было успѣха. Поэтому адмиралъ Пуке рѣшился снова просить перемирія у русскихъ. Посланный имъ съ этою цѣлью Сандельсъ захватилъ Каменскаго уже на первомъ переходѣ отъ Питео къ Умео, въ 19-ти километрахъ сѣвернѣе Шелефте; здѣсь въ постояломъ дворѣ Фросткоге, послѣ непродолжительныхъ переговоровъ, заключено было опять перемиріе на слѣдующихъ условіяхъ ¹⁾.

1) Перемирію существовать все время, пока продолжаются переговоры въ Фридрихсгамѣ.

2) Русскимъ войскамъ стать въ Питео, имѣя авангарды въ Іефре (20 верстъ южнѣе); шведскимъ расположиться въ Умео, а авангарду—въ Раклео.

3) Пространство между Іефре и Раклео почитать нейтральнымъ.

4) Шведскій флотъ отойдетъ отъ Кваркена и въ перемиріе не будетъ дѣйствовать ни противъ Аландскихъ острововъ, ни противъ береговъ Финляндіи.

5) Во время перемирія обоюдные корпуса не будутъ умножать числа войскъ своихъ.

6) Невооруженнымъ судамъ свободно плавать по всему Ботническому заливу.

---

¹⁾ Мих.-Дан. стр. 482—83.

Въ случаѣ разрушенія переговоровъ въ Фридрихсгамѣ, обоюдныя войска предупредить другъ друга за двѣ недѣли о воспріятіи дѣйствій. Графъ Каменскій, не имѣя полномочія на заключеніе такого перемирія, обязывается, если оно не будетъ утверждено главнокомандующимъ Барклай-де-Толли, увѣдомить о его отказѣ начальника шведскихъ войскъ и не начинать дѣйствій прежде 15-ти дней послѣ извѣщенія о прекращеніи перемирія.

8) Для скорѣйшаго полученія отвѣта отъ Барклая-де-Толли, перевезти на шведскомъ переговорномъ суднѣ носылаемаго къ нему съ донесеніемъ русскаго офицера.

Въ этомъ донесеніи ¹⁾—адресованномъ Каменскимъ не главнокомандующему, а непосредственно военному министру графу Аракчееву, главными причинами, вызывавшими, по мнѣнію Каменскаго, необходимость въ принятіи перемирія на этихъ условіяхъ, выставлены: съ одной стороны,—трудность въ добываніи и доставкѣ продовольствія и боевыхъ припасовъ, а съ другой—соединеніе всѣхъ силъ непріятеля въ одну группу, что дѣлало войска, бывшія теперь въ Умео подъ общимъ начальствомъ адмирала Пуке, почти вдвое сильнѣе нашего Улеборгскаго корпуса ²⁾...

Барклай-де-Толли, не считая себя вправе утверждать перемирія, представилъ его Государю; но въ Петербургѣ сочли за лучшее оставить его безъ отвѣта, дабы „продля смѣ время, можно было дать разрѣшеніе, сходное съ обстоятельствами и видами, какія откроются при мирныхъ переговорахъ въ Фридрихсгамѣ“, какъ писалъ 30-го августа Аракчеевъ главнокомандующему. вмѣстѣ съ тѣмъ Каменскому приказано было готовиться къ новому наступленію съ полною дѣятельностью. Въ то же время въ Торнео стали сосредоточивать особый резервъ съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же двинуть его на поддержаніе Улеборгскому корпусу, какъ только возобновятся военныя дѣйствія. Пользуясь выговоренною свободою плаванія по Кваркену, успѣли перебросить въ Штео пзъ портовъ Финляндіи значительное количество продовольствія и боевыхъ запасовъ.

Вся эта дѣятельность имѣла очевидно цѣлью произвести давленіе на шведскихъ уполномоченныхъ, показать шведамъ нашу рѣшимость продолжать войну во что бы то ни стало, лишь бы добиться такихъ условій мира, которыя намъ необходимы...

Наиболѣе яркимъ выразителемъ такихъ ясныхъ и трезвыхъ государственныхъ возрѣній, не загуманенныхъ тѣми космополитическими либеральными идеями, которыя возымѣли таеую силу въ тогдашнее

¹⁾ Отъ 24-го августа за № 50.

²⁾ На самомъ дѣлѣ, послѣ понесенныхъ шведами потерь, едва ли было даже и полоторное превосходство.

время и которыхъ, какъ извѣстно, не чуждъ былъ и самъ Императоръ Александръ, являлся государственный канцлеръ графъ Н. П. Румянцевъ. Онъ, который только что горячо благодарилъ Каменскаго за побѣды при Севарѣ и Ратанѣ, какъ оказавшія непосредственную помощь успѣху переговоровъ, теперь негодовалъ и настойчиво требовалъ, чтобы приязано было Каменскому какъ можно скорѣе наступать впередъ; онъ даже настаивалъ на необходимости организовать высадку близъ Стокгольма, лишь бы достигнуть необходимаго ему воздѣйствія на шведовъ, какъ разъ въ это время упорствовавшихъ и не соглашавшихся уступать намъ Аландскихъ острововъ. За Каменскаго пришлось даже заступаться Барклаю-де-Толли, который старался доказать въ своихъ всеподданиѣйшихъ донесеніяхъ, что „рѣшимостью отступить отъ превосходнаго непріятели графъ Каменскій вывелъ войска съ большимъ успѣхомъ изъ затруднительнаго положенія“, „избѣгнулъ быть окруженнымъ непремѣнно, если бы шведы были дѣятельнѣе и искуснѣе“; что онъ этимъ „предупредилъ голодъ въ войскахъ и недостатки въ патронахъ и снарядахъ“.

„Я единственно надѣялся“,—писалъ онъ далѣе,—„на военныя достоинства графа Каменскаго, что корпусъ его не пострадаетъ въ столь тѣсномъ положеніи. Счастливо войско, имѣя предводителемъ столь искуснаго, дѣятельнаго и храбраго генерала. Положеніе войскъ нашихъ при Питео, когда непріятели обратилъ всѣ свои силы на сѣверъ, ни мало не перемѣняетъ обстоятельствъ угрожать шведскому правительству дѣятельною войною въ его областяхъ; но корпусъ выведенъ съ честью и знаменитою побѣдою изъ столь тѣснаго положенія, оставаясь безъ продовольствія и военныхъ запасовъ, имѣя противъ себя превосходнаго непріятели въ силахъ и средствахъ, находясь въ опасности быть окружену и не имѣя ни малѣйшей флотилии охранять берега. По прибытіи въ Питео графъ Каменскій оживилъ войско; патроновъ и снарядовъ теперь у него достаточно; хлѣба хоть привезено немного, но по 1-е сентября достанетъ, а между тѣмъ прібудутъ изъ Улеборга безопасно новые транспорты съ провіантскими запасами; онъ присоединилъ къ себѣ нѣсколько канонерскихъ лодокъ, которыя приносить ему будутъ большую выгоду. По мнѣнію моему, сіе отступленіе превосходило побѣды, не имѣющія полезныхъ послѣдствій“.

Заступничество Барклая возымѣло свое дѣйствіе. Императоръ Александръ отвѣчалъ ему въ такихъ выраженіяхъ: „Признаю въ полной мѣрѣ всю основательность распоряженій графа Каменскаго, достойныхъ всякой похвалы и открывающихъ въ немъ искуснѣйшаго генерала“. Въ награду за побѣду при Севарѣ и Вестротнѣйскій походъ Каменскій удостоенъ былъ брилліантовыми знаками ордена св. Александра Невскаго.

По замыслу шведовъ, какъ мы уже упоминали раньше, совокупное нападеніе графа Вреде и Вахтмейстера на Каменскаго должно было доставить имъ возможность выторговать у насъ болѣе выгодныя условія мира, главнымъ образомъ въ отношеніи Аландскихъ острововъ, которые Швеція желала во что бы то ни стало оставить за собою. Мирясь съ неизбежнымъ и неотвратимымъ фактомъ потери Финляндіи, уже присягнувшей Россійскому Престолу на подданство, а затѣмъ на Боргоскомъ сеймѣ удостоенной Императоромъ небывалыхъ милостей, посредствомъ которыхъ рассчитывали вѣрнѣе расположить къ себѣ сердца новыхъ подданныхъ,—Швеція опасалась лишиться еще и Аланда, считая его оплотомъ своей столицы.

Когда главнымъ уполномоченнымъ со стороны шведовъ въ Фридрихсгамѣ барономъ Стедингомъ, бывшимъ до войны шведскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, было заявлено въ самомъ началѣ переговоровъ, что Швеція не можетъ отдать Россіи Аландскихъ острововъ, а только согласна дать обязательство не содержать на нихъ ни войскъ, ни укрѣпленій, графъ Румянцевъ твердо отвѣтилъ, что Императоръ Александръ ни въ какомъ случаѣ не отступитъ отъ своихъ первоначальныхъ требованій, неоднократно прежде сообщенныхъ Швеціи. Тогда баронъ Стедингъ предложилъ Румянцеву условную уступку Аландскихъ острововъ, съ обязательствомъ для Россіи не имѣть тамъ войскъ и не возводить фортификаціонныхъ сооруженій. На это предложеніе послѣдовалъ полный достоинства отвѣтъ, что „Императоръ Александръ никогда не согласится на какое-либо условное обладаніе краемъ, къ Его державѣ присоединеннымъ“. Переговоры затянулись. Пренія коснулись еще и вопроса объ опредѣленіи границы на сѣверѣ. Императоръ Александръ лично провелъ на картѣ краснымъ карандашомъ²⁾ линію установленной имъ между Россіей и Швеціей границы и послалъ эту карту къ графу Румянцеву для руководства.

Неуспѣхъ операціи Пуке противъ Каменскаго и побѣды послѣдняго у Севара и Ратана заставили шведовъ значительно сбавить тонъ. Помогло этому еще и слѣдующее соображеніе. Приближалась осень, съ наступленіемъ которой англичане непременно, какъ и въ прошломъ году, должны были удалиться изъ финскихъ водъ со своимъ флотомъ; слѣдовательно, шведы оставались одни, на попеченіи только своихъ собственныхъ силъ...

Чтобы оцѣнить значеніе этого обстоятельства, нужно нѣсколько остановиться на дѣятельности англійскаго флота въ эту кампанію.

¹⁾ На самомъ дѣлѣ, послѣ понесенныхъ шведами потерь, едва ли было даже и полоторное превосходство.

²⁾ Эта карта хранится въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Англійская эскадра адмирала Сомареца прибыла 24-го апрѣля 1809 г. въ Готенбургъ, причѣмъ ей поставлено цѣлью, охраняя торговлю въ Балтійскомъ морѣ, дѣйствовать противъ русскаго корабельнаго флота, стараясь либо заблокировать его, какъ это сдѣлао было въ прошлую кампанію, либо если это не удастся, то атаковать его въ открытомъ морѣ...

Въ Готенбургѣ Сомарець условился съ шведскимъ правительствомъ относительно слѣдующаго. Часть судовъ своихъ онъ обѣщаль выдѣлить, какъ и въ предыдущемъ году, для крейсировки въ Зундѣ, чтобы не позволить датчанамъ произвести высадку на южные берега Швеціи. Французовъ теперь уже не было, такъ какъ новая война съ Австріей отвлекла всѣ силы и все вниманіе Наполеона. Главныя же силы флота должны были идти въ Финскій заливъ и преграждать русскому флоту доступъ оттуда къ берегамъ Швеціи. Этимъ способомъ парализовалась для насъ возможность не только организовать какое-либо десантное предпріятіе въ сердце непріятельской территоріи, но, какъ мы видѣли, стоило даже огромныхъ усилій добиться возможности доставлять запасы черезъ Вотнический заливъ прямо въ Швецію.

Морскія силы послѣдней, хотя въ кампанію 1808 года почти и не дѣйствовали, если не считать шхернаго флота, въ 1809 году находились въ чрезвычайномъ разстройствѣ. Недостатокъ въ личномъ составѣ, главнымъ образомъ офицеровъ, большая болѣзненность и смертность привели къ тому, что только 2 линейныхъ корабля участвовали въ экспедиціи къ Ратану, да нѣсколько фрегатовъ крейсировали въ Кваркенѣ, причѣмъ пмѣли только разъ столкновение съ нашимъ фрегатомъ „Богоявленіе“ въ концѣ іюня, о чемъ было въ свое время упомянуто.

Что же касается англичанъ, то они, вслѣдствіе бездѣйствія, а потомъ неблагопріятныхъ вѣтровъ, могли выйти изъ Готенбурга только въ концѣ мая. Прѣдя въ Карлерюу, Сомарець въ началѣ іюня съ 10-ю линейными кораблями и 17-ю судами разнаго типа меньшей величины, пошелъ въ Финскій заливъ. 8-го іюня англичане, искусно замаскировавъ свои гребные суда такъ, что ихъ можно было принять за рыбацкія лодки, скрытно подобрались къ одной изъ Гангутскихъ батарей, ворвались на нее и даже успѣли заклепать 2 орудія, пока подоспѣвшію ротой Псковскаго гарнизоннаго баталіона не были выбиты и вынуждены бѣжать обратно на суда, которыя преслѣдовалъ нашъ отрядъ шхерной флотиліи... Покушеніе это было благополучно отбито, но за недостатокъ бдительности начальнпкъ соотвѣтствующаго отряда береговой обороны былъ отдакъ подъ судъ...

Нашъ корабельный флотъ, послѣ злосчастной кампаніи адмирала Ханькова, рѣшено было назначить *только для обороны Кронштадта*. Очевидно, состояніе флота было таково, что мѣряться въ открытомъ

морѣ съ превосходными силами перваго въ мѣрѣ англійскаго флота онъ не рѣшался... Морскіе архивы свидѣтельствуютъ (насколько можно судить изъ бѣглаго осмотра документовъ) о полнѣйшей неготовности и колоссальныхъ недостаткахъ по всѣмъ статьямъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи нашъ флотъ, несмотря на численное превосходство въ судахъ и экипажахъ, немногимъ превосходилъ шведскій...

Только къ концу мая суда начали понемногу выходить на рейдъ и только въ исходѣ іюня сосредоточились на немъ полностью. Развѣдочныя суда (3 корвета и 1 люгеръ) были высланы въ половинѣ мая въ направленіи къ Гохланду, Соммерсу и Сескару. Имъ было предписано развѣдывать о мѣстѣ пребыванія непріятельскихъ судовъ и по обнаруженіи ихъ сообщать немедленно слѣдующему за собою крейсеру; неравнаго боя избѣгать, укрываясь въ надежныя порты.

Въ началѣ іюня 5 мелкихъ судовъ было назначено для охраны транспортовъ, слѣдовавшихъ съ припасами изъ Петербурга въ Або для Финляндской арміи. До Гохланда суда эти слѣдовали моремъ, а далѣе—шхерными фарватерами, укрываясь отъ англичанъ. 18-го іюня близъ острова Тютерса фрегатъ „Быстрый“ столкнулся съ двумя англійскими кораблями и благополучно ускользнулъ отъ нихъ въ шхеры, отстрѣливаясь на ходу. Опасаясь войти въ неизвѣстныя имъ шхеры, англичане ограничились дальнимъ обстрѣливаніемъ „Быстраго“, а по дорогѣ захватили близъ Гохланда нѣсколько транспортовъ, шедшихъ изъ Кронштадта въ Финляндію... Отъ Гохланда англичане направились къ Поркалауду; къ 23-му іюня собралось тамъ 9 англійскихъ военныхъ кораблей. Здѣсь они вознамѣрились обосноваться, для производства отсюда поисковъ въ цѣляхъ уничтоженія и захвата нашихъ транспортовъ. Начальникъ гребной флотиліи въ Поркалаудѣ, лейтенантъ Балле, отбилъ первую попытку англичанъ проникнуть на мелкихъ судахъ въ шхерный фарватеръ, по которому и слѣдовали наши транспорты. Въ ночь на 24-е іюня захваченъ былъ англичанами Поркалаудскій маякъ, а затѣмъ, узнавъ отъ мѣстныхъ жителей о слабости здѣшней русской флотиліи (всего 2 канонерки и 6 іоловъ) они рѣшили атаковать и уничтожить ее. На двадцати баркасахъ, съ 270 чел. экипажа, подъ начальствомъ лейтенанта Гоекъ, подошли они въ полночь 26-го іюня къ маяку и, разомъ изъ четырехъ, ведшихъ на рейдъ, проливовъ, молодецки атаковали нашу флотилію. Бросившись на abordажъ, они, несмотря на все мужество оборонявшихся, овладѣли судами, кромѣ двухъ, которыя, какъ вдали расположенныя, успѣли уклониться отъ боя и скрыться въ Свеаборгъ.

Мы потеряли 2 офицеровъ и 39 нижнихъ чиновъ убитыми и 106 человекъ плѣнными, изъ коихъ половина раненыхъ...

1-го іюля изъ Кропштадта вышелъ отрядъ канонерокъ (числомъ 25), предназначенный для усиленія финляндской флотиліи. Онъ направился въ Або и былъ подъ начальствомъ капитана 2-го ранга фонъ-Дезина. При немъ было 7 транспортныхъ судовъ, про которыя въ данномъ ему предписаніи было сказано, что „въ случаѣ невозможности защищать транспорты отъ непріятельскихъ покушеній—потопить или истребить ихъ, но не отдавать англичанамъ“. Идя шхерами, фонъ-Дезинъ все время подвергался надзору со стороны трехъ непріятельскихъ судовъ; когда же, 9-го іюля, онъ подошелъ къ острову Питкопасу, противный свѣжій вѣтеръ заставилъ стать на якоря.

10-го іюля вѣтеръ стихъ, и отрядъ готовился идти дальше, какъ увидѣлъ 5 трехмачтовыхъ кораблей, лавировавшихъ ему на перерѣзъ. Канонерка, прикрывавшія транспорты, съ трехъ сторонъ обстрѣляли головной изъ этихъ кораблей и такъ удачно, что онъ сталъ уходить отъ выстрѣловъ, наши же лодки вернулись въ Питкопасъ.

Дальнѣйшее плаваніе фонъ-Дезина продолжалось благополучно, задерживаемое лишь мелями и безвѣтріемъ. 13-го іюля одинъ изъ транспортовъ, оставшій нѣсколько отъ флотиліи, былъ атакованъ превосходными силами англичанъ (19 баркасовъ и катеровъ); транспортъ былъ абординованъ и долженъ былъ спустить флагъ, когда изъ 20-ти бывшихъ на немъ людей болѣе половины было убито или ранено, а свыше 100 англичанъ хозяйничали на палубѣ. Затѣмъ англичане обратились противъ ближайшей канонерки и также взяли ее на бордажъ послѣ отчаяннаго сопротивленія, когда въ живыхъ на ней осталось только 7 человѣкъ. Затѣмъ столь же усѣбно атакованы были и еще 2 лодки ¹⁾. Остальные канонерки благополучно прошли въ Гангутъ.

Съ половины іюля англійскій флотъ распространилъ свои дѣйствія по всему Финскому заливу, открылъ широкое крейсерство и, можно сказать, завладѣлъ имъ вполне. Самъ адмиралъ Сомарецъ съ главными силами изъ 5-ти линейныхъ кораблей стоялъ на якорѣ между островомъ Наргенъ и мысомъ Суропомъ. Въ Рижскомъ заливѣ крейсировалъ фрегатъ. Близъ Моонъ-Зунда—корабль съ нѣсколькими мелкими судами; корабль и фрегатъ у Поркалауда; два корабля и 2 фрегата у Гохланда и, наконецъ, корабль и фрегатъ у Сескара.

Въ Рижскомъ заливѣ было захвачено 6 судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ; на островѣ Руно разрушенъ маякъ. Во многихъ мѣстахъ англичане высаживались на побережье, грабили скотъ, истребляли лѣсъ. Въ Поркалаудѣ они построили батарею, такъ что судамъ на-

---

¹⁾ Изъ англійскихъ описаній явствуетъ, что сдача эта произошла только послѣ отчаяннаго сопротивленія. На одной изъ лодокъ, изъ 44 человѣкъ всего экипажа, не было ни одного оставшагося невредимымъ...

шимъ нельзя уже было проходить здѣсь... Суда, крейсировавшіе близъ Сескара, послали десантъ въ Бьеркз-зундъ, но онъ былъ отогнанъ нашимъ отрядомъ береговой обороны. Въ теченіе всего лѣта англичанами всего захвачено 35 купеческихъ судовъ съ казеннымъ и частнымъ имуществомъ и сожжено 20 лайбъ и лодокъ.

Такимъ образомъ, дѣятельность англійскаго флота въ кампанію 1809 года выразилась въ томъ, что *прервано было сообщеніе между Кронштадтомъ и портами Финляндіи и прегражденъ былъ доступъ нашему флоту въ Ботнической заливъ*. Обстоятельство это отражалось самымъ чувствительнымъ образомъ на ходѣ кампаніи 1809 г.

Опасеніе за побережье вновь захваченной Финляндіи побуждало насъ держать для его охраны значительныя силы; такимъ образомъ, едва четвертая часть Финляндской арміи могла быть выдѣлена въ составъ такъ называемаго Улеборгскаго корпуса, т. е. той группы, которая предназначалась для активнаго наступленія сухимъ путемъ въ Швецію... Но и помимо этой причины, т. е. необходимости „расположить наши военныя мѣры въ Финляндіи къ отраженію непріятельскихъ покушеній“ ¹⁾ было другое основаніе, не позволявшее намъ увеличивать силы наступающаго корпуса: это—вопросъ о его снабженіи. Изъ предшествующаго изложенія видно, что корпусъ этотъ по самымъ свойствамъ лежавшей на немъ задачи и по обстановкѣ выпадавшихъ на его долю дѣйствій былъ осужденъ находиться какъ бы въ нѣкотораго рода заколдованномъ кругѣ.. Стоило усилить его,—какъ тотчасъ возрастали немовѣрно затрудненія, какъ по снабженію его съ тыла, такъ и по изысканію мѣстныхъ для него средствъ; стоило, наоборотъ, ослабить его, какъ тотчасъ же падала въ немъ способность къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ и усиливалось опасеніе въ отношеніи покушеній съ тыла...

Отсюда понятна та принужденность, та связанность въ дѣйствіяхъ, которую проявляетъ Улеборгскій корпусъ во всю эту заботническую кампанію. Отсюда объяснима эта постоянная и на первый взглядъ странная для побѣдителей склонность къ постояннымъ переговорамъ съ побѣжденными и черезчуръ предупредительная готовность заключать перемирія... Перемирія эти, конечно, только затягивали борьбу и, слѣдовательно, оттягивали разрѣшеніе той основной задачи, которая поставлена была для наступленія въ коренную Швецію...

Интересно сравнить условія лѣтней кампаніи 1808 и 1809 годовъ для обѣихъ враждующихъ сторонъ. Въ первомъ случаѣ Шведы намѣревались наступать въ Финляндію, имѣя уже тамъ свои вооруженныя силы, возставшую въ ихъ пользу противъ русскихъ значительную часть мѣстнаго населенія и полную свободу дѣйствій на морѣ

¹⁾ Выс. рескриптъ Барклаю-де-Толли отъ 31-го мая 1809 г., № 114.

съ сѣверу отъ Аландскаго архипелага... Шведы могли по произволѣнiю комбинировать бывшія въ ихъ распоряженіи силы и средства и, скопивъ насъ на побережьи, изыскать наивыгоднѣйшее направленіе для удара и нанести его.. Въ 1809 году, когда намъ пришлось отчасти помѣняться съ ними ролями; когда понадобилось дѣйствовать активно въ коренной Швеціи, хотя бы съ ограниченою цѣлью давленія на ходъ мирныхъ переговоровъ, мы живо и болѣзненно ощутили всю невыгоду, все неудобство оперированія въ такихъ условіяхъ, не имѣя свободы дѣйствій на морѣ...

И если результатъ кампаніи 1809 г. всетаки оправдалъ наши ожиданія, то это слѣдуетъ приписать съ одной стороны, упорству и настойчивости нашей въ преслѣдованіи поставленной цѣли, всегдашней стойкости и выносливости войскъ и, главное, подавленному моральному состоянію противника. По справедливости можно обратить упрекъ по адресу нашихъ предводителей, не исключая и графа Каменскаго, въ излишней снисходительности къ противнику, какъ бы въ какомъ то чрезмѣрномъ „джентльменствѣ“, если позволительно такъ выразиться... Независимо того, мы, видимо, не давали себѣ полного отчета въ томъ, насколько въ сущности уже подорвана въ шведахъ вѣра въ себя и въ свою способность къ сопротивленію... Князь П. И. Багратионъ, наступая въ мартѣ 1809 г. черезъ Аланды къ Стокгольму, видимо, чувствовалъ лучше всѣхъ своимъ „суворовскимъ“ чутьемъ эту психологію противника, когда, оттягивая отвѣтъ на предложенія фонъ-Дебельна, торопилъ свои колонны; чувствовалъ это и Я. П. Кульневъ, пѣвшій въ Грислахамнѣ „Тебѣ Бога хвалимъ“ и равнвшійся со своимъ гусарамъ и уральцами къ стѣнамъ шведской столицы... И положеніе дѣлъ было таково, что эти гусары и уральцы могли вполнѣ свободно тутъ же, съ маху, овладѣть этою столицею, какъ овладѣвали наполеоновскіе кавалеристы прусскими крѣпостями три года передъ тѣмъ...

Къ сожалѣнію, какъ мы знаемъ, высшее начальство ввѣрилось обману и на этотъ разъ... Кампанія затянулась, и потребовался еще цѣлый рядъ усилій, чтобы достигнуть *выходной* пограничной черты, прочертивъ которую передъ Государемъ на картѣ, генераль Сухтеленъ, какъ извѣстно, сперва ужаснулъ Императора, но которая впоследствии Имъ же была воспроизведена и настойчиво поддерживаема...

5-го сентября 1809 г., наконецъ, Фридрихсгамскій миръ былъ подписанъ. Разъяснить значеніе этого событія, столько разъ уже разъясненнаго было бы, пожалуй, излишне, если бы жизнь не выдвинула цѣлаго ряда непредвидѣнныхъ или, вѣрнѣе, запущенныхъ нами вопросовъ, въ силу которыхъ сто лѣтъ спустя, мы стоимъ еще,

пожалуй, дальше от разрѣшенія вѣковой задачи обезпеченія Петербурга, чѣмъ стояли въ то время... Не входитъ въ нашу цѣль углубляться въ область внутренней политики, но мы всегда держались убѣжденія, что всякая исторія, а тѣмъ паче исторія военная, никогда не изучалась и не должна изучаться только для „пользы науки“, иначе, говоря—только для возстановленія прошлаго.

Исторія вся—это лучший и, пожалуй, единственный источникъ поученій для внесенія поправокъ въ настоящее, для огражденія себя отъ ошибокъ въ будущемъ... Вотъ съ этой то точки зрѣнія и слѣдуетъ намъ, заканчивая теперь фактическій ходъ событій послѣдней войны нашей со Швеціей, бросить ретроспективный взглядъ на все изложенное и попытаться извлечь оттуда и сгруппировать тѣ поученія, которыя могутъ пригодиться либо сейчасъ, либо—впослѣдствіи.

ГЛАВА XIV.

З а к л ю ч е н і е.

Политическіе результаты Фридрихсгамскаго мира.—Одѣнка ихъ манифестомъ 1-го октября 1809 года.—Общій характеръ нашихъ военныхъ дѣйствій въ 1808—09 гг.—Что тормозило наши успѣхи?—Какъ обезопасить себя отъ народной войны?—Связь сухопутныхъ и морскихъ дѣйствій.—Выводы на будущее.

Тактическія указанія.—Боевые порядки.—Глубкость тактическихъ приемовъ.—Частный починъ.—Значеніе связи.—Воп въ шхерахъ.—Роль различныхъ родовъ войскъ.—Заключеніе.

Фридрихсгамскій мирный договоръ 5-го сентября 1809 года завершилъ собою, наконецъ, ту вѣковую борьбу, которую мы вели со Швеціей за преобладаніе на балтійскихъ берегахъ. Ништадскій миръ поднялъ Россію на небывалую дотолѣ высоту, введя ее въ ряды европейскихъ державъ и давъ ей вѣскій голосъ во всѣхъ международныхъ вопросахъ, а Швецію низвелъ въ разрядъ державъ второстепенныхъ. Теперь, съ завоеваніемъ нами всей Финляндіи, окончательно исчезла самый поводъ для шведовъ впутываться въ „большую политику“. Теряя Финляндію, которая, въ силу своего географическаго положенія, была неизбѣжно яблокомъ раздора между двумя сосѣдями, Швеція возвращалась въ границы, намѣченныя для нея самою природою и получала возможность тратить народныя силы и производительность страны исключительно на самое себя.

Благой результатъ совершившейся перемены въ послѣдствіи признали даже многіе шведы. Они пришли къ заключенію, что Швеція никогда не достигла-бы того благосостоянія и той степени культуры, какъ теперь, если бы продолжала обладать Финляндіей; ей пришлось бы, для удержанія послѣдней, нести непосильные военные расходы, отъ чего, безспорно страдало бы народное образованіе, просвѣщеніе, благоустройство и многія другія отрасли внутренней государственной жизни, все то, что теперь, за цѣлое столѣтіе безмятежнаго труда въ сторонѣ отъ безпрестанно сталкивающихся крупныхъ политическихъ интересовъ, достигло у нашихъ за-ботническихъ сосѣдей высокой степени процвѣтанія...

Въ настоящее время, какъ разъ на порогѣ второго столѣтія послѣдней вооруженной борьбы нашей со шведами, въ Швеціи какъ будто начинаютъ яснѣе сознавать пользу сближенія съ Россіей въ интересахъ обѣихъ странъ; недавній брачный союзъ шведской королевской семьи съ Россійскимъ Императорскимъ домомъ, несомнѣнно, способствуетъ исчезновенію тѣхъ послѣднихъ остатковъ вражды и

отчужденности, которыя поддерживались и насаждались въ Швеціи нашими врагами, пользуясь поверхностнымъ знаніемъ тамъ условій русской жизни... Вмѣстѣ съ тѣмъ, событія послѣднихъ лѣтъ въ Финляндіи начинаютъ убѣждать болѣе разумные элементы шведскаго общества въ томъ, что утрата „финляндскихъ губерній“ совершившаяся сто лѣтъ тому назадъ, представляетъ собой для Швеціи еще иного рода выгоду: всѣ современныя политическія притязанія финляндцевъ пришлось бы расклебывать уже не русскимъ, а шведамъ. А притязанія эти, какъ показываетъ прошлое, зародились еще за много лѣтъ до перехода Финляндіи въ русскія руки. Нельзя не обратить также вниманія на то, что сравнительное спокойствіе въ области внутренней политики водворилось въ самой Швеціи именно послѣ утраты Финляндіи...

Въ виду всего сказаннаго, въ настоящее время, едва ли въ Швеціи, среди лицъ сколько-нибудь серьезныхъ и вліятельныхъ, читаютъ какія-либо мечты о „реваншѣ“, подобныя, напримѣръ, существующимъ во Франціи по отношенію къ Рейнскимъ провинціямъ... Въ нынѣшней Швеціи, повидимому, хорошо понимаютъ, какою обузой явилась бы для нея Финляндія сейчасъ и, если бы даже предположить участіе шведовъ въ какой-либо коалиціи противъ Россіи, то, въ случаѣ успѣха такой войны, они, думается, извлекли бы отъ насъ какія-либо нныя выгоды...

Мы уже указывали въ началѣ нашихъ статей на то, какія цѣли преслѣдовала Россія, добиваясь отвоевать отъ Швеціи Финляндію. „Географическій врагъ“ былъ, наконецъ, послѣ долгихъ усилій, сломленъ, и „шесть губерній“, „съ городами, портами, селеніями и островами“, вошли „въ собственность и державное обладаніе *Имперіи Россійской*“. Такъ гласитъ статья IV международнаго акта, Фридрихсгамскаго мирнаго договора, опредѣлившаго собою юридическое положеніе Финляндіи.

Тотъ путь, по которому впоследствии пошла Финляндія подъ русской властью, нѣкимъ образомъ нельзя вмѣнить въ вину главнымъ дѣятелямъ, способствовавшимъ этому важному приращенію русской территоріи... Военачальники, стоявшіе во главѣ войскъ нашихъ, дипломаты, ведшіе переговоры со шведскими уполномоченными, не мудрствуя лукаво, блюли лишь интересы Россіи, хлопотали лишь о достиженіи „безопасія“ Петербурга. Графъ Каменскій говорилъ: „мы завоевали Финляндію — сохраните ее!“ Графъ Румянцевъ сдалъ въ Фридрихсгамѣ Россіи „въ собственность и державное обладаніе“ — шесть губерній... Никто изъ нихъ непричастенъ дѣлу образованія „Великаго Княжества Финляндскаго“ изъ прежней Петровской отчины, насильственно снятой въ 1811 году съ новопріобрѣтенными землями..

Чаянія и надежды въ отношеніи выгодъ отъ приобрѣтенія шведской Финляндіи,—лучше всего видны изъ текста Высочайшаго Манифеста отъ 1-го октября 1809 года по случаю заключенія мира со Швеціей. Воздавая должное доблести русскаго воинства, по́томъ и кровью котораго, можно сказать, добыта каждая пядь „суроваго“ финляндскаго края, манифестъ пытается намѣтить тѣ преимущества, которыя будутъ или могутъ быть для насъ результатомъ новаго завоеванія...

„Всевышній положилъ конецъ войнѣ, между Россіей и Швеціей возникшей. Миръ, столько же славный для исторіи, сколько и сообразный стремленіямъ Нашимъ, возстановленъ на основаніяхъ твердыхъ.

„Въ теченіе седми столѣтій непрерывныя почти войны потрясали спокойствіе народовъ, предуставленныхъ природою хранить доброе и мирное сосѣдство.

Отъ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ до дней нашихъ, отъ славныхъ побѣдъ благочестиваго Предка Нашега Св. Великаго Князя Александра Невскаго до настоящаго мира рѣдко проходило двадцать лѣтъ сряду и никогда почти не протекало полвѣка, чтобы война между нами не возникла.

„Колькратно миръ, кровію народовъ запечатлѣнный, вскорѣ послѣ того былъ по стеченію обстоятельствъ снова расторгаемъ. Колькратно Финляндія, всегдашній предметъ и позорище сей войны, страдала, пстреляема огнемъ и мечемъ!

„Успѣхамъ оружія славныхъ нашихъ предковъ, превозможеніемъ ихъ и твердостью духа, троекратно присоединяемы были къ Россіи разныя части пограничныхъ шведскихъ владѣній. Часто постановляемы и многократно подтверждаемы были мирные трактаты. Взапныя и ощутительныя пользы сдѣлали для обоихъ народовъ миръ драгоценнымъ. Но причины войны были неизсякаемы. Споры о границахъ безпрестанно возрождались, и среди мира Россія не обрѣтала въ нихъ твердой ограды своему спокойствію. При сей нетвердости предѣловъ, противоположность въ видахъ политическихъ всегда новую и непрерывную предоставляла войнѣ пищу.

„Провидѣнію угодно, наконецъ, было сію долголѣтнюю и всегда возрождающуюся прю сосѣдственныхъ народовъ рѣшить окончательно во дни Наши.

„По слѣдамъ древнихъ побѣдъ, въ странахъ гдѣ Петръ Великій приучалъ Россовъ къ воинской славѣ, доброе Наше воинство, мужественно подвизаясь, преоборая всѣ препятствія, по глыбамъ льда проицая въ мѣста непроходимыя, отъ предѣловъ, къ столицѣ Нашей близкихъ, простерло славу Россійскаго оружія до самыхъ отдален-

ныхъ странъ сѣвера: покорило Финляндію, завладѣло всѣми ея провинціями, одержало знаменитые острова Аландскіе и, объявъ Ботнической заливъ, перейдя западную Ботнію, на отдаленныхъ предѣлахъ ея утвердило свое обладаніе. На семь великомъ пространствѣ всѣ города, порты, укрѣпленія, самыя твердыни Свеаборга пали во власть его.

„Путь къ побѣдамъ, не взирая на всѣ сопротивленія, еще былъ отверзтъ; но, какъ скоро надежда къ прочному миру представилась возможною, мы съ удовольствіемъ, оставивъ всѣ выгоды воинскаго Нашего положенія, обратились къ миру.

„Сею твердою надеждою, постановленіемъ Имперіи нашей *непреложныхъ и безопасныхъ границъ*, измѣряемъ Мы наипаче выгоды *сего мира*. *Новыя владѣнія Наши*, съ одной стороны огражденныя Свеаборгомъ и другими крѣпостями, обезпеченныя *весьма важнымъ для морской силы положеніемъ Аландскихъ острововъ*, съ другой окруженныя отъ сосѣдей большими рѣками Торнео и Муоніо, *всегда будутъ составлять твердую и незыблемую ограду Имперіи нашей*.

При таковыхъ существенныхъ выгодахъ сего мира не можетъ быть для сердца Нашего равнодушно присоединеніе къ числу вѣрныхъ нашихъ подданныхъ народа финскаго. Бѣдствіями войны доселѣ почти непрерывно обуреваемый, отнынѣ станетъ онъ на чредѣ народовъ подъ сѣнью престола Нашего покоящихся въ тишинѣ и безопасности. Шесть губерній со всѣми принадлежащими къ нимъ городами и селеніями приобрѣтаютъ симъ новое бытіе и благословляютъ уже Промыслъ Вышняго, судьбу ихъ такъ устрояющій.

„Обладая *всѣми портами и пристанями въ Финскомъ заливѣ, на Аландскихъ островахъ и во всей восточной части Ботническаго залива до самаю Торнео, въ странѣ плодородной, изобилующей лѣсами и всякими произведеніями земли, населенной народомъ трудолюбивымъ и къ мореходной промышленности издревле приобыкшимъ, торговля наша восприметъ новое расширеніе, купеческое мореплаваніе получитъ новую дѣятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и воинское Наше морское ополченіе приобрящетъ новыя силы*¹⁾.

Въ какой мѣрѣ осуществились всѣ эти упованія, предоставляемъ судить самимъ читателямъ...

Въ кампанію 1808 года мы впервые отступили отъ того способа дѣйствій, которымъ неизмѣнно руководствовались въ Финляндіи въ прежнія войны со Швеціей. Въ основаніе плана завоеванія этой окраины положенъ былъ, въ сущности говоря, отказъ отъ совмѣст-

---

¹⁾ Курсивы наши.

ныхъ операцій сухопутныхъ вооруженныхъ силъ съ морскими: рѣшено было вторгнуться въ Финляндію зимою и притомъ широкимъ фронтомъ „захвативъ какъ можно больше пространства *земли*“. Предполагалось, что Финляндія окажется въ нашихъ рукахъ, какъ плодъ зимней кампаніи, а морскія силы понадобятся уже только для дѣйствій противъ самой Швеціи...

Положимъ, ошибочность нашихъ расчетовъ на успѣхъ зимней кампаніи въ Финляндію зависѣла, какъ мы и указывали въ своемъ мѣстѣ, въ значительной степени отъ неосновательныхъ упованій на *приверженность мѣстнаго населенія идее отдѣленія отъ Швеціи и присоединенія къ Россіи*; но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что тяжелое положеніе, въ которомъ мы оказались къ началу весны 1808 г., пронстевало и отъ слишкомъ опрометчиваго расходованія наличныхъ силъ въ погонѣ за *разрѣшеніемъ нѣсколькихъ задачъ одновременно*... Очевидно, слишкомъ низкая оцѣнка степени способности противника къ сопротивленію и нѣкоторая самоувѣренность играли здѣсь также извѣстную роль.

Хроническая ошибка большей части нашихъ войнъ,—чрезмѣрная экономія въ силахъ въ началѣ кампаніи, зависящая отъ неправильной оцѣнки обстановки и пренебреженія противникомъ—повторена была и здѣсь. Положимъ, если бы мы рѣшили собрать большія силы, то пришлось бы отсрочить начало кампаніи и, слѣдовательно, упустить наиболѣе благоприятный для того моментъ; но, по мѣрѣ постепеннаго занятія территоріи шведской Финляндіи надлежало постепенно придвигать съ тылу свѣжія войска для закрѣпленія захваченнаго за собою, не ослабляя для того дѣйствующаго корпуса. Обстоятельство это роковымъ образомъ повліяло на теченіе всей кампаніи. Увѣренность въ томъ, что легкой захватъ беззащитной Финляндіи въ зимнее время повлечетъ за собою ея *отложене* отъ Швеціи, не побудила насъ позаботиться своевременною подготовкою резервовъ въ тылу; это повлекло за собою, съ одной стороны, затяжку войны на полтора съ лишнимъ года, а съ другой вызвало гораздо большую затрату силъ и средствъ, чѣмъ потребовалось бы, если бы съ самаго начала ихъ было назначено достаточно...

Уже въ мартѣ 1808 года Императоръ Александръ намѣревался перенести свое оружіе въ Швецію и, не оцѣнивая надлежащимъ образомъ обстановки, требовалъ отъ графа Буксгевдена выполненія этой задачи съ наличными силами. Общая идея, тяготѣвшая надъ нами во все время войны, заключалась въ томъ, чтобы, угрозой Стокгольму, принудить шведовъ къ скорѣйшему заключенію мира. Захватъ вооруженною рукой Финляндіи долженъ былъ служить для того лишь подготовительнымъ средствомъ; въ то же время Финляндія явилась бы,

въ случаѣ успѣха предпріятія, уже готовымъ, фактически захваченнымъ въ наши руки, призоумъ. Первоначально намѣревались вестп обѣ операціи одновременно, такъ какъ ударъ на Стокгольмъ предполагалось наносить не изъ Финляндіи, а черезъ островъ Готландъ въ Шонію, одновременно съ франко-датскимъ десантомъ изъ Помераніи. Судьба, постигшая отрядъ Бодиско, и участь войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ Бернадотта, помѣшала осуществленію этого плана, который, разумѣется, былъ исполнимъ только при наличіи своевременно подготовленныхъ *морскихъ средствъ*.

Иначе дѣйствовали и совѣтовали геніальные наши полководцы... Петръ Великій въ 1713 году, какъ извѣстно, началъ кампанію въ Финляндіи съ быстрого захвата Гельсингфорса, и, только утвердившись прочно въ южной части края, вплоть до Або, при помощи совокупной работы сухопутныхъ войскъ и флота, его генералы повели энергичное наступленіе вглубь страны, нанеся рядъ послѣдовательныхъ рѣшительныхъ ударовъ (при Пелькяне, Лаппола) *живой силой* противника. Наступленіе это ведено было при этомъ насколько возможно *сосредоточенно*, избѣгая одновременно погони за нѣсколькими пѣльями и дробленія войскъ на отдѣльныя значительно удаленныя другъ отъ друга группы... Суворовъ, въ своихъ „замѣчаніяхъ объ оборонительной и наступательной войнѣ въ Финляндіи“ (см. глава IV), держится, примѣрно, того же взгляда. Онъ считаетъ, что „незнатные набѣги“ должно „презирать“, а самими „таковыхъ иррупціевъ нечинить, ибо онѣ опасны“. „Малая война *обоядно равна* и не полезна, изнуряетъ войско“; поэтому Суворовъ предостерегаетъ отъ дробленія на мелкіе отряды и совѣтуетъ „лучше усыплять, нежели тревожить— и *дѣлать большой ударъ*“. Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ болѣе опредѣленнымъ наброскамъ плановъ, Суворовъ,—если припомнить читатели—рекомендуетъ оперировать (либо на Свеаборгъ, либо на Або, заслонившись отъ перваго) исключительно въ предѣлахъ прибрежнаго раіона, явно предпочитая совокупныя дѣйствія съ флотомъ. Обезпеченія нашей операціонной линіи со стороны внутренней Финляндіи онъ счптаетъ вполне возможнымъ достигнуть, имѣя „внутри границъ“ (т. е. въ своей, „Старой“ Финляндіи), обсерваціонный корпусъ, не сильнѣе десяти тысячъ, которому назначалась „позиція при Савитайполѣ¹⁾ и вниманіе на Саволакскъ, съ содѣйствіемъ Саймской флотиліи“ и высылкою въ стороны „легкихъ отрядовъ“. Какой-либо серьезной диверсіи намъ въ тылъ изъ Саволакскъ-Кореліи Суворовъ не опасался, считая, что такой непріятельскій отрядъ „самъ казненъ, окруженъ острыми горами, незащитенъ“

¹⁾ Къ С.-З. отъ Вильманстранда на дорогѣ въ С. Михель.

и „самъ пришелъ къ побѣнiю соединенiемъ на него корпусовъ“, да къ тому же „отдаляетъ свою субсистенцію“; а сверхъ того „быстрая рѣка Вокша“ (Вуокса) „весьма обороняема“...

Отсюда видно, что Суворовъ, съ одной стороны, признавалъ вредными всякое увлеченiе какими-либо побочными, частными цѣлями внутри Финляндiи, кромѣ „большого удара“ *по живой силѣ*, а съ другой— не считалъ такого удара рискованнымъ, такъ какъ, по мѣстнымъ условiямъ, и послѣ имъ же созданнаго фортификаціоннаго усиленiя нашей границы, онъ рассчитывалъ сдержатъ всякія покушенiя изъ внутренней Финляндiи на нашъ тылъ даже безъ особенной затраты силъ... Намѣчая же *ближайшею* цѣлью операцій такіе пункты какъ Свеаборгъ и Або, онъ сходится вполне съ Петромъ, такъ какъ для обезпеченiя успѣха „большого удара“ надо предварительно подготовить таковой.

Суворовъ въ своихъ соображенiяхъ велъ операціи въ Финляндiи параллельно побережью и совокупно съ флотомъ, корабельнымъ и галернымъ, т. е. совершенно также, какъ *на практикѣ* до него сдѣлалъ это въ 1712—14 годахъ Петръ Великій. Что же касается внутренней Финляндiи, этого „редюпта“ мѣстной обороны, то Суворовъ совершенно не намѣренъ былъ тратить силы на его преодоленiе, а ограничивался лишь принятiемъ мѣръ къ тому, чтобы насколько возможно оградиться отъ покушенiй, которыя предвидѣлись отсюда противъ сообщенiй нашихъ главныхъ силъ... Суворовъ отлично изучилъ мѣстность по тогдашней русско-шведской границѣ, исполняя данное ему Императрицей Екатериной порученiе по ея укрѣпленiю... Онъ подмѣтилъ ту особенность, что изнутри Саволакса, т. е. внутренней части Финляндiи, можно проникнуть въ Корелію, т. е. въ нынѣшнюю Выборгскую губернію, только по очень немногимъ строго опредѣленнымъ *перешейкамъ* между прихотливыми развѣтвленiями Саймы. Достаточно прочно преградить эти корридоры, а затѣмъ—занять тѣ немногіе пункты на оборонительной линіи Вуоксы, въ которой послѣдняя пересѣкается дорогами, чтобы быть сравнительно спокойнымъ за участь своего тыла. Цѣлью главныхъ операцій ставилось Суворовымъ очищенiе отъ непріятельскихъ войскъ всей страны до Або и захватъ Свеаборга съ моря и съ суши. Дальнѣйшее наступленiе на сѣверъ Суворовъ считалъ излишнимъ. Дѣйствительно, достаточно овладѣть страной вплоть до оборонительной линіи рѣкп Кумо, захватить такіе важные узлы, какъ Таммерфорсъ и Тавастгусъ, чтобы обезпечить себѣ возможность дальнѣйшихъ операцій въ западномъ направленiи, т. е. противъ Швеціи, не опасаясь серьезно за свои сообщенiя. Расходъ силъ по удержанiю въ своей власти занятой части края былъ бы значительно меньше, чѣмъ при захватѣ почти всей

Финляндіи вплоть до Вазы и Куопіо, какъ было въ 1808 году, въ особенности потому, что сообщенія въ этомъ случаѣ (особенно, разъ Свеаборгъ былъ въ нашей власти), могли бы быть направлены вдоль самаго побережья, пользуясь моремъ и шхерными его фарватерами, какъ *коммуникаціонными путями*...

Вообще, вопросъ о *снабженіи* войскъ, дѣйствующихъ въ Финляндіи, всѣмъ необходимымъ, являлся данною вліяющею самымъ существеннымъ образомъ на характеръ всѣхъ стратегическихъ соображеній... Поэтому надежная связь оперирующихъ войскъ съ ихъ тыломъ, съ главною базой въ Старой Финляндіи (которую Суворовъ искусно прикрылъ сооруженными имъ крѣпостями и укрѣпленіями), являлась въ данномъ случаѣ вопросомъ первостепенной важности.

На мѣстныхъ средства рассчитывать было нечего, а сообщенія по грунтовымъ дорогамъ, не смотря на ихъ сравнительно хорошія качества, происходили крайне медленно и затруднительно, особенно, если бы понадобилось доставлять тяжести вглубь страны. Въ этомъ случаѣ, опять таки, веденіе операций *вдоль побережья* крайне облегчало задачу (конечно въ навигаціонный періодъ); коммуникаціонные пути легко переходили на гораздо болѣе удобные водные фарватеры. Хотя мы и не обладали господствомъ на морѣ, но все же можно было пользоваться съ этою цѣлью шхерными путями, какъ сравнительно малодоступными покушеніямъ противника. Даже въ тѣ времена, при отсутствіи парового флота, преимущества водныхъ путей для передвиженія грузовъ были настолько очевидны, что шведы (какъ мы знаемъ изъ дошедшихъ до насъ различныхъ проектовъ и плановъ по оборонѣ Финляндіи) намѣчали цѣлый рядъ водныхъ сообщеній изъ Швеціи вглубь Финляндіи, думая приспособить и внутреннія воды послѣдней, какъ для перемѣщенія тяжестей, такъ даже и для маневрированія войскъ ¹⁾.

Для насъ пользованіе внутренними водными путями Финляндіи, было малодоступно, хотя уже Суворовъ предвидѣлъ содѣйствіе „Саймской флотиліи“...

Въ кампанію 1808 года только подъ конецъ (по мысли Аракчеева) начали практиковать подвозъ моремъ къ Гельсингфорсу и даже къ Або; но только для надобностей шхерныхъ флотилій и отрядовъ, занимавшихъ прибрежные пункты; всѣ же войска, игравшія наиболѣе дѣятельную роль въ кампаніи, дѣйствовали во внутренней Финляндіи: Барылай (потомъ Тучковъ) въ районѣ Куопіо; Раевскій (потомъ Каменскій) между Вазой, Ювяскуля и Тавастгусомъ. Очевидно, подвозъ къ нимъ могъ производиться только сухимъ путемъ. Внутреннія воды были использованы, и то подъ ко-

¹⁾ См. въ гл. III планъ анонимнаго автора для наступленія изъ Саволакса къ Кексгольму.

нецъ, только для Куопіоской группы. Понятно, что сообщенія, протранутыя въ глубинѣ самой пересѣченной части Финляндіи, являлись заманчивымъ объектомъ для партизанскихъ шаекъ, и можно только удивляться, что шведы не наладили этого дѣла болѣе систематично, совершенно притомъ не пользуясь для этой цѣли *конницей*. Нѣсколько бывшихъ удачныхъ нападеній, явившихся результатомъ частнаго почина Сандельса и его сподвижниковъ, не смогли, всетаки, настолько затруднить положеніе нашихъ отрядовъ, чтобы вынудить ихъ къ очищенію внутренней части Финляндіи.

Борьба за послѣднюю, въ сущности, поглотила собою всѣ усилія обѣихъ сторонъ до тѣхъ поръ, пока во главѣ нашей главной группы не сталъ графъ Каменскій, который энергичнымъ ударомъ вытѣснилъ графа Клингспора изъ озерной области и вынудилъ его, сверхъ того, отказаться отъ всякой связи съ десантными попытками, руководимымъ королемъ, и снова отступить на дальній сѣверъ. Если бы съ самаго начала лѣтней кампаніи мы удовольствовались захватомъ южной Финляндіи со Свеаборгомъ и обратили свои усилія къ тому, чтобы подготовить заблаговременно зимній переходъ въ Швецію черезъ Аландъ, то, по всей вѣроятности, кампанія могла бы быть окончена еще къ новому году. Захватъ столицы противника, Стокгольма, почти беззащитнаго въ зимнее время, такъ какъ почти всѣ войска, оставшіяся еще въ Швеціи, были частью на норвежской границѣ, частью въ Шонни, оказалъ бы на успѣхъ мирнаго договора давленіе болѣе существенное, чѣмъ фактический захватъ нашими войсками сѣверной Финляндіи. Да послѣднее, вѣроятно, осуществилось бы въ этомъ случаѣ безнаказанно, такъ какъ съ водвореніемъ нашихъ войскъ на шведскомъ берегу, надо думать, шведы потянули бы изъ Финляндіи всѣ оставшіяся еще тамъ силы на защиту метрополіи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что если зимняя кампанія въ Финляндіи ¹⁾ и сушила намъ быстрый и легкій успѣхъ надъ врагомъ,

¹⁾ Въ настоящее время условія нѣсколько иные, и, если въ зимнее время тактическая, такъ сказать, доступность Финляндіи осталась въ прежнемъ положеніи, то вѣшняя невыгодность ея въ томъ видѣ, какъ столѣтіе назадъ, уже не будетъ имѣть мѣста.

На Финляндію въ военномъ отношеніи всегда смотрѣли и доселѣ смотрятъ, какъ на охрану, доступную для десанта, но въ зимнее время обезпеченную самою природою, такъ какъ кто-же изъ нашихъ серьезныхъ противниковъ можетъ попасть сюда зимой; развѣ одна только Швеція? А Швецію у насъ давно уже привыкли довольно основательно игнорировать въ военномъ отношеніи.

Но за послѣднее время приходится придти къ убѣжденію, что *зимняя недоступность Финляндіи вѣчному вторженію уже отошла въ область преданій... Не будетъ простымъ афоризмомъ сказать, что Финляндія зимою скорее можетъ быть отрѣзана отъ Россіи, чѣмъ отъ сообщеній съ Западомъ*. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ правительственное и пассажирское сообщеніе поддерживается (отъ Або и Ганга) всю зиму съ портами Швеціи и Германіи, при помощи ледорѣзовъ. При такихъ условіяхъ имѣть рѣшительно ничего невѣроятнаго въ томъ, чтобы любой изъ нашихъ возможныхъ противниковъ, изъ числа обладающихъ сильными флотомъ, еще до исхода зимы, слѣдуя безпрепятственно по постоянно поддерживаемымъ ледорѣзными путямъ, высадилъ въ юго-западной Финляндіи достаточныя силы.

то этою легкостью осторожнѣе было бы не увлекаться въ смыслѣ распространенія по всей территоріи Финляндіи этимъ мы ослабили себя и сыграли въ руку противнику, который именно и рассчитывалъ на такую нашу растяжку, чтобы въ послѣдствіи дѣйствовать на наши фланги и тылъ.

Итакъ, война 1808—1809 года ярко подтвердила, до какой степени прозорливо намѣчены были гениальнымъ старцемъ основныя черты будущей войны со Швеціей... Единственное, въ чемъ не оправдались его расчеты, это—относительно нашего флота²⁾. Онъ, правда, не могъ предвидѣть союза Швеціи съ Англіею, а также того состоянія неготовности, которое вынуждало нашъ флотъ запаздывать своимъ выходомъ въ море и потому упускать благоприятныя минуты для раздѣльнаго нападенія на союзниковъ, не говоря уже объ ошибкахъ его командованія.

Здѣсь мы подходимъ, къ одной изъ главныхъ причинъ, тормозившихъ наши успѣхи въ эту войну. Будучи на сухомъ пути фактически сильнѣе противника и ослабляясь лишь благодаря разброскѣ, мы на морѣ, обладая по размѣру флотомъ немного меньшимъ, чѣмъ соединенныя эскадры шведовъ и англичанъ, не могли никогда своевременно противопоставить противникамъ надлежащія силы, не говоря уже о томъ несоответственномъ образѣ дѣйствій, который привелъ адмирала Ханькова къ блокадѣ въ Балтійскомъ морѣ... Вѣдь, въ сущности, предварительная засылка нами своихъ гарнизоновъ на Аландскіе острова и Готландъ объяснялась желаніемъ лишить шведовъ, къ наступленію навигаціи, удобныхъ морскихъ базъ и плацдармовъ для активныхъ дѣйствій противъ нашего побережья, а самимъ приобрести таковыя... Расчетъ на успѣхъ могъ быть при этомъ основанъ только на немедленной поддержкѣ этихъ войскъ флотомъ. А это даже физически не было выполнимо, такъ какъ изъ Финскаго залива суда могли выйти въ море всегда значительно позже, чѣмъ шведы съ западныхъ береговъ Балтики, гдѣ ледъ всерывается гораздо

«Помѣшать такой операціи, особенно при современномъ положеніи нашихъ морскихъ силъ, мы врядъ ли будемъ въ состояніи. Да и какъ бы ни были увелпчены и улучшены эти силы, все равно онѣ въ такое время года будутъ обречены на бездѣйствіе...

«Утвердившись безнаказанно въ Финляндіи, такой десантъ едва ли можетъ быть надолго задержанъ малочисленными войсками, въ ней квартирующими, ибо зимою финляндская мѣстность способствуетъ оборонѣ лишь въ самой незначительной степени. На прибытіе же подкрѣпленій,—если даже принять, что таковыя могутъ быть туда выдѣлены, потребуется время, особенно, если свободное пользованіе финляндскими желѣзными дорогами для военныхъ надобностей встрѣтитъ для насъ затрудненія»...

Наоборотъ «противникъ получить возможность получать все необходимое моремъ по продолженнымъ ледорѣзамъ путямъ, а затѣмъ по желѣзнымъ дорогамъ Финляндіи»...

Н. Каменскій, «Современное положеніе Финляндіи съ точки зрѣнія обороны государства». Спб. 1908 г. стр. 19 и слѣд.

²⁾ Въ замѣткахъ, диктованныхъ ген. Прево-де Люмюану, онъ говоритъ: «a la mer elle (la Russie) sera beaucoup plus forte et ruintera la flotte suédoise».

раньше. Хотя и у шведовъ подготовка морскихъ силъ шла съ большими неисправностями и затрудненіями, тѣмъ не менѣе ко второй половинѣ апрѣля они успѣли вывести въ море нѣсколько судовъ, чего оказалось вполне достаточнымъ для поддержанія возставшаго на вышеназванныхъ островахъ населенія, уже начавшаго расправляться съ русскими. Въ то же время англійскій флотъ завладѣлъ водами, отдѣлявшими Швецію отъ Германіи, и десантъ нашихъ союзниковъ оттуда сдѣлался невозможнымъ. Такимъ образомъ, стремленіе Императора Александра внести оружіе наше какъ можно скорѣе въ Швецію парализовалось, такъ сказать, самою природою вещей и не въ нашей власти было измѣнить въ данномъ отношеніи обстановку въ свою пользу.

Если бы въ 1808 году ближе держались совѣтовъ Суворова, о которыхъ, вѣдъ всякаго сомнѣнія, никто въ то время и не вспомнилъ,— то, несомнѣнно, многіе тяжелые для нашего самолюбія моменты этой кампаніи, искупленные только доблестью русскаго воинства и офицерства, были бы, вѣроятно, избѣгнуты.

Вмѣсто одновременной погони за нѣсколькими цѣлями въ зимнюю кампанію, приведшей къ извѣстному намъ кризису весны 1808 года, изъ котораго мы вышли благополучно только благодаря ошибкѣмъ и нерѣшительности противника, и то цѣною огромныхъ усилій, Суворовъ, надо полагать, удовлетворился бы въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ захватомъ южной Финляндіи, со Свеаборгомъ, до Або и Тавастгуса включительно и, уже во всякомъ случаѣ, предпринялъ бы дальній поискъ на сѣверъ не прежде, какъ подтянувъ съ тыла достаточныя силы для утвержденія въ занятой части края. Имѣя въ виду, въ качествѣ конечной цѣли, „большой ударъ“ по непріятельской живой силѣ, Суворовъ не могъ бы почти игнорировать ея существованіе и такъ разбросаться по всей площади Финляндіи, какъ это сдѣлали войска графа Буксгевдена... Можно съ увѣренностью предполагать, что Суворовъ, считавшій достаточнымъ вглубь Финляндіи лишь поиски для дѣйствія въ тылъ шведамъ, если бы они что-либо предприняли противъ гранпчныхъ крѣпостей, едва ли заслалъ бы колонну Тучкова I (а позднѣе Барклая) къ Куопіо. Во всякомъ случаѣ онъ не основывалъ бы никогда, какъ Буксгевденъ, всѣхъ своихъ наступательныхъ плановъ, на совмѣстномъ дѣйствіи противъ намѣченнаго объекта двухъ отдѣльныхъ группъ, раздѣленныхъ иной разъ 300—400 верстнымъ разстояніемъ и трудно проходимою, изрѣзанною озерами и скалами мѣстностью...

Это стремленіе дѣйствовать непремѣнно двумя отдѣльными группами—одной съ фронта, а другой на сообщенія, является типичною особенностью финляндской кампаніи 1808 г., и притомъ—у обѣихъ

сторонъ. Нельзя не подозрѣвать здѣсь вліянія стратегическихъ идей извѣстнаго теоретика Бюлова, какъ разъ въ это время получившихъ распространеніе и, какъ извѣстно, впоследствии, при помощи пресловутаго Пфуля, отразившихся на нашемъ стратегическомъ развертываніи въ Отечественную войну.

Пфуль уже состоялъ въ это время на русской службѣ и, какъ было нами въ своемъ мѣстѣ указано, принималъ участіе въ разработкѣ первоначальнаго плана нашего вторженія въ Финляндію. Весьма возможно, что идеи стратегической геометрии приобрѣли уже тогда достаточное право гражданства въ нашихъ высшихъ военныхъ кругахъ; по крайней мѣрѣ ихъ несомнѣнное вліяніе чувствуется на всѣхъ стратегическихъ соображеніяхъ, запискахъ и планахъ, подписанныхъ Буксегвеномъ и составленныхъ въ его штабѣ, начальникомъ котораго былъ извѣстный П. К. фонъ-Сухтеленъ... Въ настоящее время трудно установить, кто являлся истиннымъ творцемъ этихъ плановъ, за осуществленіе которыхъ такъ упорно держался Буксегвенецъ и которымъ такъ не сочувствовалъ Тучковъ I, что и привело къ размолвкѣ между нимъ и главнокомандующимъ...

Воззрѣнія Суворова на дѣйствія въ Финляндіи въ примѣненіи къ фактамъ 1808 г., между прочимъ, весьма поучительны въ томъ отношеніи, что наглядно опровергаютъ многія, такъ сказать, предвзятія у насъ понятія о способахъ военныхъ дѣйствій въ Финляндіи... Обыкновенно принято думать, что въ Финляндіи значительныя силы не могутъ дѣйствовать въ совокупности, что нужно дробить войска непремѣнно на отдѣльные самостоятельныя отряды, дѣйствующіе *эрозъ* и что, въ общемъ, въ Финляндіи слѣдуетъ скорѣе всего ожидать чего-либо вродѣ партизанской войны... Суворовъ какъ разъ именно и предостерегаетъ отъ этого заблужденія и, несомнѣнно, подъ впечатлѣніемъ недавняго прошлаго. Вѣдь его „замѣчанія“ писаны были на другой годъ по окончаніи войны нашей съ Густавомъ III, во время которой серьезныя дѣла были только на морѣ, а на сухомъ пути велась только, въ сущности, малая война. Весьма понятно, что эта кампанія и осталась, по существу, безрезультатной.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Суворовъ, вѣрно оцѣнивая своеобразныя свойства финляндскаго театра, требовалъ, чтобы операціи какъ оборонительныя, такъ и наступательныя велись не только возможно болѣе сосредоточенно, но и *совмѣстно* сухопутными и морскими силами, рука объ руку... Образцовый примѣръ такой операціи въ Финляндіи былъ уже данъ при Петрѣ; въ кампанію 1808—09 года, наоборотъ, мы совершенно отступились, какъ отъ этихъ классическихъ уроковъ прошлаго, такъ и отъ совѣтовъ гениальнаго прозорливца-Суворова, повторившаго, въ сущности, почти тоже, что было до него на практикѣ продѣлано при Петрѣ...

Соображенія, которыми руководился Великій Петръ и его „птенцы“, разыгрывая финляндскую кампанію, а также идеи Суворова, проникнуты тѣмъ истиннымъ методизмомъ, который, какъ говорилъ нашъ общій учитель Г. А. Лееръ, создается изъ гармоническаго сочетанія рѣшительности съ осторожностью... Наши дѣйствія въ войну 1808—09 гг., наоборотъ, носятъ на себѣ въ значительной степени отпечатокъ той стратегіи, которую тотъ же Лееръ называлъ авантюристическою, противопоставляя ее истинному (а не ложному) методизму... Истинный методизмъ исходитъ всегда изъ уваженія къ обстановкѣ; ложный методизмъ всегда носитъ съ какою-нибудь модной односторонней теоріей и, такъ сказать, насильственно стремится вдвинуть ходъ событій въ заранѣе заготовленныя рамки, которыя сплошь да рядомъ оказываются неподогнанными къ данному случаю и—ломаются...

Такъ было и тутъ. Стремленіе поскорѣе захватить какъ можно болѣе „пространства земли“ привело къ дробленію силы на отдѣльныя мелкія независимыя группы, число которыхъ все болѣе и болѣе умножалось по мѣрѣ наростанія частныхъ цѣлей... Съ другой стороны, съ захватомъ края, войска все болѣе и болѣе таяли—нужно было удерживать захваченное... Въ результатѣ, имѣя всегда абсолютное и притомъ значительное превосходство въ силахъ надъ противникомъ, мы никогда не могли стянуть, не говорю уже въ одной группѣ и въ однѣхъ рукахъ, но для одной *цѣли* болѣе $\frac{1}{4}$ всѣхъ наличныхъ силъ... Даже подъ конецъ войны, когда вмѣсто корпуса въ Финляндіи собралась уже цѣлая почти 60-тысячная армія, активную дѣятельность проявлялъ, въ сущности, только одинъ, едва десятитысячный, вестротнѣйскій корпусъ...

Излюбленная Буксегвденомъ система совмѣстнаго давленія на избранную объектъ непріятельскую группу съ фронта и съ тыла оказалась несостоятельною; этотъ чисто теоретическій куштокъ въ жанрѣ Бюлова оказывался совершенно непригоднымъ въ Финляндіи, гдѣ всякое обходное движеніе, по прихоти причудливо-извивающихся озерныхъ пространствъ, растягивается на многія версты, неизбежно затягивается надолго и потому всегда можетъ быть заблаговременно раскрыто и предупреждено... Когда наши колонны, въ началѣ зимняго похода, не будучи стѣснены водными препятствіями, по-просту неотступно тѣснили непріятеля и дѣйствовали (особенно Кульневъ), *ближними обходами*, часто даже по льду, причемъ нерѣдко пускалась съ этой цѣлью конница,—они неизмѣнно имѣли быстрый и рѣшительный успѣхъ... То же повторилось и лѣтомъ, когда Каменскій, сразу убѣдившись въ началѣ своего наступленія, что давленіе на сообщенія ведетъ только къ взаимной затяжной игрѣ, перешелъ къ

энергичному натиску сосредоточенными силами и сталъ добиваться успѣха ближнимъ обходомъ, не стѣняясь трудностями мѣстности...

Если тѣснота полей сраженія въ Финляндіи и препятствуетъ совмѣстному разворачиванію крупныхъ боевыхъ единицъ, то всетаки, вполне возможенъ и законенъ будетъ здѣсь, такъ сказать, параллельный бой нѣсколькихъ колоннъ, на разныхъ путяхъ, образуя прерывчатый, но все же *общій* фронтъ, дѣйствія котораго можно направлять известнымъ образомъ къ достиженію опредѣленной цѣли... Надо принять во вниманіе, что при современныхъ боевыхъ порядкахъ, тамъ гдѣ сто лѣтъ тому назадъ могла драться дивизія, теперь съ трудомъ развернется баталіонъ... За то теперь мы имѣемъ въ рукахъ другія средства, позволяющія объединять дѣйствія такихъ разрозненныхъ колоннъ; разумѣю средства для поддержанія связи, почти отсутствовавшія въ тогдашнее время...

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ самой Финляндіи, по сравненію съ 1808 годомъ, значительно увеличилось число путей. Необходимо, конечно, тщательное ихъ знаніе и пользованіе не только проѣзжими дорогами, но, и иной разъ, даже тропами, лишь бы провести колонну въ желаемомъ, болѣе короткомъ направленіи, дабы, избѣгая кружнаго обхода раздѣляющихъ на десятки верстъ озерныхъ пространствъ, выйти внезапно для противника въ непредвидѣнномъ имъ мѣстѣ...

Многочисленные примѣры изъ войны 1808 г. показываютъ наглядно, какое огромное преимущество даетъ въ Финляндіи заблаговременное знаніе мѣстности, притомъ такое знаніе, которое можно приобрѣсти только изученіемъ на мѣстѣ... Шведы, особенно въ первое время, имѣли надъ нами въ этомъ отношеніи огромное преимущество, и можно указать рядъ примѣровъ (начиная съ нечаяннаго нападенія при Револакѣ), когда знаніе мѣстности и услуги проводниковъ изъ мѣстныхъ жителей являлись главнымъ основаніемъ ихъ успѣха... Возможность пользоваться большимъ чѣмъ прежде количествомъ дорогъ, въ связи съ появленіемъ рельсовыхъ линій, облегчающихъ разрѣшеніе вопроса о питаніи войскъ, несомнѣнно допустить дѣйствіе въ Финляндіи болѣе крупныхъ силъ, чѣмъ было въ 1808—09 г.г. и даже наступленіе ихъ болѣе-широкимъ стратегическимъ фронтомъ, чѣмъ допускалъ Суворовъ. Необходимо только помнить основное свойство желѣзныхъ дорогъ, ихъ чрезвычайную хрупкость. Суворовъ могъ основательно рассчитывать обезопасить свой тылъ съ соблюденіемъ строгой экономіи въ силахъ при отсутствіи желѣзнодорожныхъ линій; но, во всякомъ случаѣ *связь водю* Петербурга съ Финляндіей намѣчалась и имѣ, что видно изъ самыхъ его операціонныхъ направленій, никогда не отдалявшихся отъ побережья. Необходимость установленія такой связи, какъ мы

знаемъ, создавалась въ 1808 и 1809 г.г., и попытки къ тому дѣлались, несмотря на то, что непріятель удержалъ за собою господство на морѣ во все время войны...

Обезпеченіе снабженія всѣмъ необходимымъ съ тыла,—вотъ коренное условіе, которое въ Финляндіи, болѣе чѣмъ гдѣ либо, обязательно, и поэтому характеръ всѣхъ стратегическихъ комбинацій въ Финляндіи будетъ особенно зависѣть отъ *степени увѣренности въ своемъ тылу*. Достаточно припомнить, что смѣлое преслѣдованіе Каменскимъ шведовъ до крайнихъ предѣловъ сѣвера было возможно только *при условіи того полного спокойствія всей страны въ его тылу*, которое наступило почти мгновенно послѣ рѣшительнаго удара при Оровайсѣ, отбитія десанта Багратиономъ у Хельсинге и очищенія Сандельсомъ Тайволы... Точно также и въ зимнемъ походѣ 1808 г., въ началѣ кампаніи, мы гнали шведовъ такъ увѣренно только потому, что, уповавъ на приверженность финновъ, не заботились о безопасности сообщеній.

Финляндская война безусловно и съ полною убѣдительностью подтверждаетъ то мудрое правило, которому слѣдовали въ отношеніи *народной войны* наиболѣе выдающіеся военные вожди... Гидру народнаго мятежа нужно уничтожить ударомъ *въ сердце*, а не по очереди рубить ей безостановочно выростающія головы... „Надо дѣлать большой удар“, какъ выражался Суворовъ, не заниматься „иррунціями“ и „презирать незнатные набѣги“, отвѣчая на нихъ только „репресалиями“. Въ Финляндіи народныя шайки жили и дѣйствовали до тѣхъ поръ, пока за ними гонялись регулярные отряды (вродѣ дѣйствій Орлова-Денпсова въ Вазаской губерніи, особенно хорошо иллюстрирующихъ „выростаніе отрубленныхъ головъ гидры“). Народную войну всегда бодритъ и питаетъ надежда на успѣхъ своихъ регулярныхъ войскъ и на поддержку съ ихъ стороны... Надо разбить послѣднихъ на голову и тогда только народное волненіе, не имѣя себѣ лица, быстро утихнетъ... Во Франціи 1870—71 года такъ называемые „франтиреты“ скорѣе всего имѣли такъ мало успѣха и значенія именно потому, что во второй періодъ войны уже не было во Франціи регулярной арміи, на которую они могли бы опереться. Наоборотъ, у насъ въ 1812 г., партизанская и народная война могли такъ успѣшно развиваться вслѣдствіе того, что въ Бородинскомъ сраженіи мы разбиты, въ сущности, не были. Армія наша, отойдя за Москву, быстро могла залѣчить свои раны и снова подготовиться къ борьбѣ съ врагомъ...

Графъ Каменскій правильно оцѣнивалъ это значеніе рѣшительнаго успѣха надъ живою силою противника; вотъ почему онъ такъ настойчиво и искалъ послѣдовательнаго ряда столкновеній съ нею, стремясь довести ее до полнаго изнеможенія... Такъ въ сущности и вышло послѣ Оровайса, когда шведы послѣдовательно бросали цѣлый рядъ

прекрасно оборудованных оборонительныхъ позицій только подъ угрозою *возможности* новаго рѣшительнаго боя. Доведя противника до состоянія полнаго отказа отъ дальнѣйшаго сопротивленія и тѣмъ достигнувъ основной цѣли кампаніи—покоренія всей Финляндіи, Каменскій *попутно* достигъ и *полнаго* замиренія края.

• Отсюда выводъ: какія бы враждебныя дѣйствія мѣстнаго населенія Финляндіи ни сопровождали операціи войскъ въ ея предѣлахъ,—они не должны отнюдь отвлекать значительныхъ силъ отъ прямого дѣла... Въ войну 1877—78 года на Кавказскомъ театрѣ поднятое магометанскими эмиссарами въ Чечнѣ и Дагестанѣ возстаніе горцевъ отвлекало у насъ цѣлыя дивизіи, и какъ разъ въ такое время (послѣ снятія 1-й осады Карса), когда каждый лишній баталіонъ въ составѣ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса былъ, буквально, на вѣсъ золота... Дивизіи, посланныя усмирять возстаніе, подавили бы его гораздо лучше, усиливъ войска, дѣйствующія противъ Мухтара-паши и давъ имъ возможность раньше перейти въ наступленіе...

Графъ Каменскій, очевидно, понималъ это, такъ какъ, вставъ во главѣ своего корпуса, прежде всего стремился стянуть въ своихъ рукахъ какъ можно больше силъ, ослабить отдѣльно дѣйствующіе отряды, имѣющіе особое назначеніе и привлечь къ себѣ, въ частности, войска, безуспѣшно боровшіяся на Вазаскомъ побережьи противъ народнаго движенія... И его усилія дали ему, если не превосходство въ силахъ надъ шведами, то все же возможность дѣйствовать рѣшительно, а не уклоняться отъ столкновеній, какъ вынужденъ былъ дѣлать передъ нимъ Раевскій. Кромѣ того, въ этотъ періодъ войны брошена была въ отношеніи партизанскихъ шаекъ та ложная гуманность, которая только потворствовала смѣлости организаторовъ народнаго движенія. Отъ снисходительнаго заигрыванія съ мѣстнымъ населеніемъ, внушаемаго расчетами привлечь его на свою сторону, мы перешли, наконецъ, къ заслуженнымъ карамъ по адресу повстанцевъ. „Гдѣ лѣсъ рубятъ—тамъ щепки летятъ“, и „репрессалии“ въ подобныхъ обстоятельствахъ являлись только мѣрою неизбѣжной, вполне справедливой и даже болѣе гуманной, чѣмъ добродушная уступчивость и слабость... Затяжная малая война, „обоюдно равная и не полезная“, особенно ярко выказалась въ дѣйствіяхъ нашихъ въ іюнѣ и іюлѣ 1808 г. въ предѣлахъ Вазаской губерніи, а также въ Кореліи, до тѣхъ поръ, пока серьезные успѣхи надъ регулярными войсками шведовъ не привели къ естественному ослабленію финскаго народнаго движенія.

Остается, въ заключеніе, упомянуть еще о крайне важномъ и особенно рѣзко проявившемъ себя въ эту войну вопросѣ объ управленіи войсками на театрѣ войны... Высшее командованіе, въ лицѣ

графа Буксгевдена, а позже—Кноррига, не пользовалось въ Петербургѣ довѣріемъ, а близость столицы къ театру военныхъ операцій облегчала вмѣшательство въ нихъ свыше. Опытъ кампаніи 1805 и 1807 годовъ не подсказалъ правильнаго въ этомъ отношеніи рѣшенія; достаточно было первыхъ неудачъ Буксгевдена, поставленнаго обстановкою въ крайне трудное, чтобы не сказать болѣе,—безвыходное положеніе, чтобы на него обрушилось ие довѣріе, выразившееся сперва въ тайномъ и явномъ контролѣ, а затѣмъ—и во вмѣшательствѣ... Неиормальность въ послѣдствіи установившагося порядка управленія, когда, въ періодъ зимней заботливческой операціи, главнокомандующій былъ только номинальнымъ, а всѣмъ распоряжался Аракчеевъ, или въ періодъ командованія Барклая-де-Толли, когда графъ Каменскій въ Вестротніи самостоятельно сносился съ Петербургомъ—въ поясненіяхъ не иуждается.

Другимъ крупнымъ тормазомъ, препятствовавшимъ успѣшному ходу совмѣстныхъ сухопутно-морскихъ операцій, на которой мы въ своемъ мѣстѣ указывали, было отсутствіе единоначалія надъ ними... Галерный флотъ частью находился въ полиомъ вѣдѣніи главнокомандующаго графа Буксгевдена (то, что составило нашу военную добычу) частью былъ какъ бы откомандированъ въ его распоряженіе (то, что послаио на театръ войны изъ Кронштадта). Въ послѣдствіи, обѣ части эти соединились вмѣстѣ и находились въ распоряженіи сухопутнаго командованія, но подчинялись также специальнымъ распоряженіямъ своего морского начальства. На этой почвѣ возникалъ рядъ пререканій (о которыхъ упоминалось въ своемъ мѣстѣ), по причинѣ коихъ гребной флотъ, послѣ того какъ благополучно пробился въ Або, въ сущности, ограиичилъ свою дѣятельность развѣдывательною службой по обезпеченію юго-западнаго побережья Финляндіи отъ высадокъ; а въ кампанію 1809 г. продолжалъ заниматься тѣмъ же, нимало не содѣйствуя трудной задачѣ организаціи питанія нашихъ войскъ, оперпровавшихъ въ западной Ботніи.

Что же касается корабельнаго флота, то его неудачное выступленіе въ 1808 году, завершившееся закупоркой въ Балтійскомъ портѣ, не оказало сухопутнымъ операціямъ нужнаго имъ содѣйствія: противникъ сохранилъ за собою всецѣло господство на морѣ, наши морскія силы не могли безпрепятственно проникать изъ Финскаго залива въ Ботнической, и поэтому къ побережью приковывалось все время несоразмѣрно значительное количество нашихъ войскъ. Въ результатѣ—затяжка мирныхъ переговоровъ и необходимость произвести рядъ повторныхъ и, въ сущности, робкихъ наступательныхъ операцій въ Вестротніи, имѣвшихъ цѣль весьма ограниченную: частными успѣхами повліять на ходъ дипломатическихъ пререканій въ Фридрихсгамѣ...

Если бы дѣйствія обѣихъ категорій флота были болѣе слажены съ сухопутными операціями и если бы адмиралъ Ханьковъ дѣйствовалъ болѣе быстро и энергично, то рѣшительный успѣхъ, хотя бы надъ однимъ только шведскимъ флотомъ (до прихода англійскаго), создалъ бы намъ на морѣ совершенно другое положеніе, которое въ значительной степени развязывало бы намъ руки на сушѣ. Вѣдь, собственно говоря, въ кампанію 1809 года противникъ не использовалъ какъ слѣдуетъ своего благоприятнаго на морѣ положенія только въ силу того страннаго способа содѣйствія своему союзнику, который избралъ англичане. Дѣйствія ихъ въ Балтійскихъ водахъ совершенно напоминаютъ одновременныя дѣйствія нашихъ войскъ противъ Австріи въ качествѣ союзниковъ Наполеона... Не будь этого, обстановка лѣтней кампаніи 1809 года была бы для насъ гораздо болѣе сложной и трудной, чѣмъ въ предшествующемъ году, и не успѣхъ зимней экспедиціи былъ бы весьма чувствителенъ.

Сводя все вышензложенное, можно, какъ представляется намъ, сдѣлать слѣдующіе выводы:

1) Основаніемъ всякаго плана операцій въ Финляндіи, оборонительнаго или наступательнаго, является *прочное устройство тыла и надежныя сообщенія съ базой*. Поэтому приходится, пожалуй, придти къ заключенію, что *зимняя кампанія въ Финляндіи не такъ уже для насъ была-бы соблазнительна*, какъ это первоначально казалось на основаніи опыта 1808 года. Если обороноспособность Финляндіи зимою и уменьшается, а доступность ея—увеличивается, то это условіе идетъ одинаково на руку обѣимъ сторонамъ, такъ какъ вторженіе внѣшняго врага и поддержаніе его связи съ внѣшнимъ миромъ возможно теперь и зимою.

2) Каждая операція въ Финляндіи должна вестись, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, методически-последовательно, и нанесеніе рѣшительныхъ ударовъ врагу нельзя предпринимать очертя голову, не заручившись надежно вышеуказанными условіями; въ противномъ случаѣ потребуются сразу притянуть сюда такія силы, которыя едва ли отвѣчаютъ общему значенію этого, во всякомъ случаѣ, второстепеннаго театра военныхъ дѣйствій.

3) Естественныя условія, затрудняющія доступъ изъ Финляндіи въ ближайшіе къ Петербургу предѣлы, приходятъ на помощь обороняющемуся; мы видимъ уже изъ трудовъ Суворова по укрѣпленію бывшей русско-шведской границы, насколько доступъ въ такъ называемый „перешеекъ“ между Финскимъ заливомъ и Ладожскимъ озеромъ можно было уже тогда затруднить сравнительно легко, ибо мѣстность на „перешейкѣ“ не даетъ даже превосходному въ силахъ противнику средствъ воспользоваться этимъ своимъ превосходствомъ;

короче говоря—это тѣснина, надежная и умѣлая защита которой можетъ быть затянута надолго, впредь до болѣе благопріятнаго оборота дѣлъ... Съ другой стороны, опытъ изслѣдованной русско-шведской войны показываетъ, что всякій десантъ, высадившійся на побережъ такой „тѣснинной“ страны, какъ Финляндія, даже въ тѣхъ псключительно-благопріятныхъ условіяхъ, которыя имѣли мѣсто тогда для шведовъ (полное сочувствіе мѣстнаго населенія и господство на морѣ), чувствуетъ себя неувѣренно, неохотно отдалается отъ побережья и непобѣдимо тяготеетъ къ своему флоту...

4) Съ пріобрѣтеніемъ полного господства на морѣ, наступающему выгоду высаживаться какъ можно ближе къ Петербургу... Объ этомъ, какъ мы знаемъ, помышляли и въ 1808 году, но Густавъ IV Адольфъ предусмотрительно сваливалъ эту довольно таки рискованную задачу на своихъ союзниковъ—англичанъ, которые, какъ извѣстно, отъ предложенной имъ высадки въ Бьеркѣ уклонились... Послѣдующія десантныя попытки шведовъ не выходили изъ предѣловъ Ботническаго залва, не заходя южнѣе г. Або; въ то же время отдаленность избранныхъ десантныхъ пунктовъ отъ района расположенія „финской арміи“ гр. Клингспора приводила къ неуспѣху и отдѣльному пораженію этихъ отрядовъ... Нуженъ очень сильный и вполне самостоятельный десантъ, нужно полное господство на морѣ, чтобы увѣренно и методично вести дальнѣйшія операціи на побережъ ¹⁾...

5) Если при стратегической оборонѣ слѣдуетъ, согласно вышеуказаннаго, возможно болѣе избѣгать дробленія своихъ силъ какъ-бы ни былъ великъ соблазнъ въ зависимости отъ перѣдко весьма важнаго частнаго значенія отдѣльныхъ пунктовъ, то не менѣе важно держаться того же принципа при наступленіи. Последнее слѣдуетъ считать возможнымъ, по прежнему, при содѣйствіи флота, опираясь на побережье и морскія силы, главнымъ образомъ для того, чтобы *не зависть отъ сухопутныхъ сообщений...* ²⁾

6) Сосредоточеніе силъ не слѣдуетъ понимать въ Финляндіи въ смыслѣ стремленія осуществлять извѣстный принципъ: „врознь двигаться и вмѣстѣ драться“: последнее невыполнимо уже потому, что нѣтъ такихъ достаточно открытыхъ мѣстъ, гдѣ можно было бы развернуть для современнаго боя больше нынѣшней бригады пѣхоты (и то въ очень рѣдкихъ случаяхъ; нормально—отъ 2 до 4 баталіоновъ). Но *рядъ* отдѣльныхъ параллельныхъ колоннъ могутъ, одновременно наступая, завязать *рядъ* боевъ въ опредѣленномъ *общемъ* направленіи и съ опредѣленною *общей* цѣлью.

¹⁾ Какъ было, напримѣръ, въ послѣднюю русско-японскую войну.

²⁾ Ихъ надежность будетъ въ прямой зависимости отъ того—на чью сторону станетъ населеніе, и во всякомъ случаѣ охрана ихъ поглотитъ несоразмѣрно много силъ.

Всякій бой начинается со столкновѣнія передовыхъ частей сталкн-
вающихся колоннъ, и только внослѣдствіи промежутки между ними
постепенно заполняются со вводомъ въ дѣло остальныхъ силъ... Въ
Финляндіи этого заполнения сдѣлать нельзя, такъ какъ *промежут-*
ковъ-то этихъ не будетъ, а могутъ быть только отдѣльныя, оторван-
ныя другъ отъ друга поля битвъ. Въ 1808 году операціи раскину-
лись на широкомъ пространствѣ всей Финляндіи, причѣмъ средствъ,
подобныхъ современнымъ, для поддержанія связи и, слѣдовательно,
одновременнаго управленія дѣйствіями такихъ параллельныхъ колоннъ
не было... Тѣмъ не менѣе уже нѣчто подобное, намекающее на такого
рода образъ дѣйствій, мы видимъ хотя бы въ бояхъ у Алаво и
Каретула, имѣвшихъ тѣсную между собою связь, являясь какъ бы
отдѣльными участками одного поля сраженія, или въ бояхъ при
Оровейсѣ и Ютасѣ и т. п.

При тогдашнемъ неимѣннн техническихъ средствъ сношеній при-
ходилось, разумѣется, ограничиваться только *общими указаніями*
начальникамъ такихъ отдѣльныхъ отрядовъ, предоставляя имъ въ
дѣлѣ исполненія почти полную самостоятельность. Такое положеніе
вещей въ данномъ случаѣ, въ 1808—09 г.г., оказалось выгоднымъ
потому, что этимъ путемъ съ наибольшимъ для дѣла успѣхомъ могла
выработаться та школа способныхъ къ принятію самостоятельныхъ и
отвѣтственныхъ рѣшеній частныхъ начальниковъ, которая принесла
свои плоды уже въ 1812 и послѣдующихъ годахъ... Но нѣтъ сомнѣнія,
что многихъ недоразумѣній и неудачъ не случилось бы вовсе, если бы
въ то время управленіе имѣло въ рукахъ современныя средства
взаимныхъ сношеній и передачи воли начальника подчиненнымъ...

Съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія и на то, что
современное развитіе въ Финляндіи средствъ сношеній, въ особен-
ности телефоновъ, можетъ оказаться обстоятельствомъ скорѣе вред-
нымъ, чѣмъ полезнымъ. Въ 1808 году, когда никакихъ телефоновъ
еще не было, шведы пугли всегда самыя точныя и заблаговременныя
свѣдѣнія о нашихъ движеніяхъ отъ мѣстныхъ жителей; намъ же
зачастую давали ложныя и, когда нужно, умѣли ловко усыплять наше
вниманіе, особенно въ первую половину войны (напримѣръ, печаль-
ныя нападенія на Аландѣ и Готландѣ)... Всѣ мѣстные чиновники и
духовенство были нами оставлены на своихъ мѣстахъ, а они всего
больше и держали руку шведовъ, за немногими исключеніями...

7) Вообще, въ отношеніи мѣстнаго населенія, война 1808—1809 г.г.
учитъ относиться въ нему съ большою осторожностью и ни въ какомъ
случаѣ не рассчитывать на то, что можно привлечь его на свою сто-
рону только гуманнымъ и мягкимъ обращеніемъ... Много было писано
финляндцами объ исконной приверженности финновъ своимъ монар-

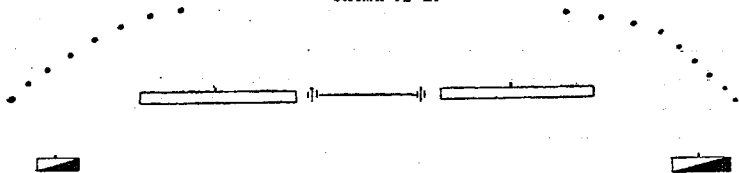
хамъ, которая, будто бы и подвигла финскихъ крестьянъ возстать въ 1808 году съ оружіемъ въ рукахъ противъ русскихъ... Другіе стараются объяснить мятежническое движеніе 1808 года мнимыми наспліямъ и злоупотребленіямъ русскихъ войскъ. На самомъ дѣлѣ въ началѣ кампаніи мы скорѣе грѣшили въ сторону чрезмѣрнаго угодищества и, раздавая финскимъ крестьянамъ даровой хлѣбъ, сами послали имъ готовые кадры для повстанческихъ шаекъ въ лицѣ отпущенныхъ на честное слово плѣнныхъ гарнизоновъ. Мы уже приводили въ своемъ мѣстѣ отзывы по этому поводу обонхъ главнокомандующихъ и такихъ лицъ, какъ полковникъ Турскій, маркизъ Паулуччи... Возстаніе въ край стало утихать, когда мы перешли къ энергичнымъ мѣрамъ и, главное, когда вновь начали *одерживать победы*. Поэтому народное движеніе, сочувственное нашимъ врагамъ слѣдуетъ всегда тушить путемъ усилій въ дѣлахъ рѣшительнаго успѣха надъ этими врагами... Партизанская война большого вреда причинить не можетъ, если только тылъ нашихъ войскъ будетъ такъ организованъ, чтобы имѣть возможность, въ случаѣ надобности, доставлять все нужное къ этимъ войскамъ морскимъ путемъ.

8) Спокойное пребываніе въ Финляндіи непріятельскаго десанта даже при полномъ сочувствіи къ нему мѣстнаго населенія, возможно только при надежной увѣренности противника въ томъ, что морскія сообщенія для него вполне обезпечены отъ всякихъ съ нашей стороны покушеній. Вспомнимъ, какъ неувѣренны и опасливы были дѣйствія нашего Вестротнѣйскаго корпуса въ концѣ войны 1808—1809 г.г. только отъ того, что онъ не могъ никакъ заручиться обезпеченной доставкой моремъ всего необходимаго къ Финляндіи.

Всѣ лучшія комбинаціи вражескихъ десантовъ будутъ какъ-бы висѣть на воздухѣ до тѣхъ поръ, пока въ нашихъ водахъ будутъ оставаться хоть какія-нибудь морскія силы, способныя нарушить непрерывность морскаго подвоза къ высадившимся непріятельскимъ войскамъ съ ихъ главной базы... Въ этомъ отношеніи идея Петра Великаго о созданіи военнаго порта на южномъ берегу Финскаго залива, и именно въ Моонзундѣ (Рогервикѣ), предоставляя возможность, безъ потерн во времени, неизбѣжной при нахожденіи флота въ Кронштадтѣ, предупредить, ударомъ во флангъ, всякія покушенія на сѣверномъ побережьи того-же залива, была, безспорно, гениальнымъ рѣшеніемъ вопроса о безопасности Петербурга... Во всякомъ случаѣ, присутствія хотя бы и слабыхъ нашихъ морскихъ силъ въ Финскомъ заливѣ, даже только шхерныхъ флотилій мелкихъ судовъ (многосцевъ и подводныхъ лодокъ) достаточно, чтобы заставить противника отнестн свою высадку далѣе на западъ и даже произвести ее въ сравнительно болѣе безопасныхъ водахъ Ботническаго залива. Но въ этомъ случаѣ сообщенія противника по сухому пути удлинняются...

Въ тактическомъ отношеніи дѣйствія нашихъ войскъ въ войну 1808—1809 г.г. представляютъ интересъ двоякій: историческій, и практическій. Въ историческомъ отношеніи въ эту войну мы должны отмѣтить окончательное водвореніе у насъ типовъ глубокаго и прерывчатаго боевого порядка, во многомъ зависѣвшее отъ тѣхъ условий мѣстности, въ которыхъ приходилось драться въ Финляндіи. Еще въ войны 1805 и 1806—1807 г.г. мы видимъ въ отношеніи *боевого порядка* у насъ неустойчивость: наряду съ глубокимъ типомъ такъ называемой „Наполеоновской“ тактики продолжаютъ примѣняться отживающія свой вѣкъ линейныя формы... Въ началѣ войны 1808 года попадаютъ еще построенія войскъ для боя, являющіяся отголоскомъ этой эпохи, но крайне любопытно, что примѣняются они вполне *сообразно обстановкѣ*. Возьмемъ хотя бы зимній бой при бирѣѣ Леппявирта 28-го февраля 1808 года. Боевой порядокъ, построенный авангардомъ колонны Тучкова I на льду озера Уннукавези, состоялъ изъ *развернутыхъ* баталіоновъ по бокамъ артиллеріи, съ конницей уступами за обоими флангами и въ предшествіи егерей.

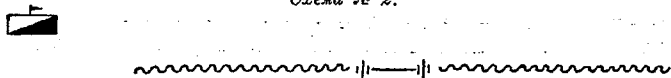
Схема № 1.

Такое построеніе совершенно отвѣчало условіямъ этого боя: отрядъ *внезапно* развернулъ свои силы на *ровной* ледяной поверхности озера, противъ центра *разбросанныхъ* вокругъ озера по квартирамъ шведовъ и энергичнымъ наступленіемъ, въ связи съ искусною демонстраціей баталіона, шедшаго по прежнему пути слѣдованія, поселилъ смятеніе въ рядахъ противника, не выдержавшаго атаки и отступившаго, не принявъ послѣдняго удара...

Въ ту же зиму, въ бою 6—18-го апрѣля при Сивкаюки, Кульневъ, желая скрыть слабость своихъ силъ, дѣлитъ всю свою пѣхоту на 2 группы, одну подъ личнымъ своимъ начальствомъ, другую подъ командою Турчаннова, и безъ остатка разсыпаетъ обѣ тонкою стрѣлковою цѣпью по берегу рѣки Сивкаюки, пользуясь для удара только конницею Силна, направленнаго по льду на правый флангъ неприятеля.

Схема № 2.

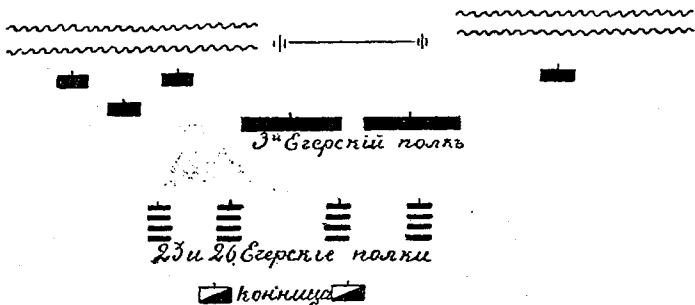

Но въ данномъ случаѣ Кульневу приходилось волей-неволей вводить противника въ обманъ, въ расчетъ протянуть бой до подхода главныхъ силъ Тучкова. Рѣшительный образъ дѣйствій Кульнева, какъ пзвѣстно, произвелъ настолько сильное впечатлѣніе на шведовъ, что послѣдніе только подъ вечеръ догадались воспользоваться непо-мѣрною растяжкой тонкой линіи противника и попытаться, при болѣе чѣмъ тройномъ превосходствѣ силъ, прорвать его центръ, что удалось только на половину...

Во время лѣтней кампаніи 1808 года, когда войскамъ пришлось дѣйствовать уже на сравнительно болѣе тѣсномъ пространствѣ открытыхъ мѣстъ, не захватывая примыкающихъ водъ, позволявшихъ свободнѣе разворачиваться и маневрировать, боевые порядки постепенно углубляются, а затѣмъ приобрѣтаютъ характеръ весьма близкій къ современному, отличаясь только интервалами и дистанціями, зависящими, очевидно, отъ техническихъ свойствъ оружія...

Такъ, въ бою при Алаво 5-го августа, соединенные авангарды графа Каменскаго, бывшіе подъ начальствомъ, одинъ — Сабанѣва, а другой — Эрксона, въ виду тѣсноты открытаго пространства между лѣсомъ и озеромъ Ала-ярви, построены были передъ боемъ въ нѣсколько послѣдовательныхъ рядовъ поддержекъ: сперва двойныя цѣпи стрѣлковъ, съ артилеріей въ срединѣ, затѣмъ, — развернутыя роты и баталіоны въ видѣ частныхъ поддержекъ, далѣе — колонны, и наконецъ, конница.

Схема № 3.

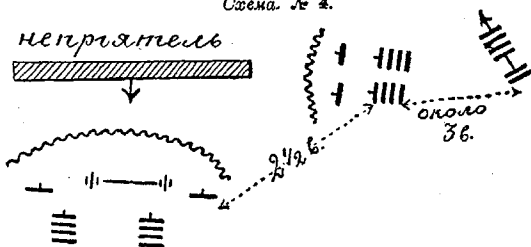
Здѣсь интересно, что крѣпкую отъ природы позицію, но не дававшую возможности развернуть достаточно силъ по фронту, мы стараемся тѣмъ не менѣе превратить въ возможно менѣе доступный для фронтальной атаки огневой барьеръ: стрѣлковыя цѣпи — ярусныя, за ними — поддержки въ развернутомъ строѣ, а резервы еще далѣе позади, укрыты, въ колоннахъ, имѣя въ виду примѣнить ихъ для активнаго отраженія удара. Къ сожалѣнію, за отсутствіемъ едино-

властія въ этомъ бою, онъ вышелъ для насъ неудачнымъ, и непріятельскій прорывъ нашего фронта не былъ опрокинутъ колюнами нашихъ резервовъ, начавшихъ преждевременно отступленіе изъ-за угрозы обходомъ черезъ лѣсъ..

Въ этомъ боевомъ порядкѣ преобладаетъ идея *пассивности*; резервы чрезмѣрно нагромождаются въ глубину, что какъ видно не достигаетъ цѣли; использовать ихъ такъ и не пришлось: имъ некуда было маневрировать (см. черт. № 16).

Наоборотъ, въ бою при Карстуде, разыграномъ почти одновременно Властовымъ, боевой порядокъ разчлененъ на отдѣльныя, самостоятельно маневрирующія группы, изъ коихъ каждая выполняетъ свою опредѣленную задачу. Самъ Властовъ атакуетъ позицію шведовъ съ фронта (3 бат. 5 ор.), 3 баталіона съ 2 орудіями Лукова, сдѣлавъ обходъ лѣсомъ, ударяютъ въ ея лѣвый флангъ, а 1¹/₂ баталіона Римана выходятъ въ тылъ позиціи на единственный путь отступленія противника.

Схема № 4.

При этомъ Луковъ отдѣленъ отъ Властова непроходимымъ пространствомъ около 2-хъ съ лишнимъ верстъ (озеро), а Риманъ слѣдуетъ по дорогѣ верстахъ въ 3-хъ западиѣ и выходитъ на путь отступленія непріятеля верстахъ въ шести за его позиціей (см. черт. № 17).

Здѣсь уже, какъ видно, приходится, подъ давленіемъ условий *мѣстности*, дѣлить боевой порядокъ на тѣ же части, на которыя онъ дѣлится при современныхъ условіяхъ боя. Здѣсь въ зародышевомъ видѣ, нельзя не усмотрѣть современной идеи *маневреннаго резерва*, т. е. свободно маневрирующаго участка боевого порядка, вводимого въ бой въ важнѣйшемъ и опаснѣйшемъ для противника направленіи только по соотвѣтственномъ назрѣваніи боя на фронтѣ...

Еще ярче видна эта чисто современная идея въ бою при Куортае. Здѣсь графъ Каменскій распределяетъ свои силы на двѣ отдѣльныя *самостоятельныя* группы. Кульневу поручено атаковать съ фронта наиболѣе сильный участокъ шведской позиціи, между большимъ Куортаискимъ озеромъ и озеркомъ Нисо, въ тому же сильно урѣзи-

ленный. На Раевского (большая часть пѣхоты отряда: 8 баталіоновъ, 2 орудія въ разобранномъ видѣ) возложенъ обходъ лѣваго непріятельскаго фланга, черезъ труднопроходимый болотистый и каменистый лѣсъ. За Кульневымъ оставленъ трехбаталіонный резервъ Демидова. Такимъ образомъ, здѣсь уже мы видимъ оба рода резервовъ, признаваемыхъ современной тактикой: резервъ маневренный (иначе—ударное крыло), въ данномъ случаѣ — отрядъ Раевского и резервъ старшаго начальника—3 баталіона Демидова¹⁾.

Независимо того, былъ еще небольшой отрядъ Козачковскаго, слѣдовавшій безопасными для себя путями (за Куортанскимъ озеромъ) въ тылъ непріятельской позиціи, гдѣ онъ и сыгралъ существенную роль на другой день, въ Сальмисскомъ бою...

Самый характеръ боевыхъ дѣйствій на фронтѣ и на ударномъ участкѣ — различный. Также, какъ и теперь, войска, дѣйствующія съ фронта стремятся *приковать* къ себѣ обороняющагося и дѣйствуютъ преимущественно *онымъ*. Это особенно отчетливо видно въ Куортанскомъ сраженіи, являющемся, безспорно, самымъ типичнымъ въ смыслѣ специально-финляндскихъ мѣстныхъ особенностей. Дѣйствительно, занятая шведами позиція у деревни Руона имѣла съ фронта—сильное препятствіе (болотистую долину рѣчки), съ одного фланга была обезпечена безусловно (озеромъ), а на другомъ, достаточно надежно защищена (см. черт. № 18).

Первоначально, кромѣ Раевского, на лѣвый флангъ шведовъ, по расчетамъ Каменскаго, долженъ былъ выйти еще и Луковъ (подкрѣпленіе, высланное изъ отряда Властова); это давало бы Раевскому здѣсь еще большій перевѣсъ въ силахъ, причемъ, уже по самому направленію пути слѣдованія Лукова, послѣдній выходилъ какъ разъ на флангъ непріятельской позиціи. Въ дѣйствительности Луковъ запоздалъ и могъ принять участіе только въ бою 21-го августа у Сальми.

Боевой порядокъ каждой изъ обѣихъ вышеупомянутыхъ группъ,—Кульнева и Раевского—неодинаковъ. На первомъ боевомъ участкѣ, какъ огнемъ, войска Кульнева были почти цѣликомъ расщипаны и вели стрѣлковый бой, совмѣстно съ ожесточеннымъ огнемъ артиллеріи, обстрѣливавшей главныя части непріятельской позиціи. На второмъ — отдѣльныя (ротныя) колонны, прикрытыя съ фронта слабо стрѣлковою цѣпью. И здѣсь бой ведется преимущественно ходнымъ оружіемъ...

Куортанскій бой даетъ наиболѣе полный образецъ сообразной съ обстановкой дружной взаимной работы, какъ отдѣльныхъ группъ боевого порядка, такъ и родовъ войскъ...

¹⁾ См. последнее изданіе „Указаній по нѣкоторымъ вопросамъ тактики“ Императорской Николаевской военной академіи.

Участок Кульнева не только приковывает своимъ огнемъ противника на фронтѣ, но содѣйствуетъ этимъ огнемъ еще и работѣ важнѣйшаго правофланговаго участка. Раевскій стремится сосредоточить свой ударъ на опаснѣйшемъ для шведовъ пунктѣ, крайнемъ лѣвомъ ихъ флангѣ, куда въ тому же ожидался подходъ и отряда Лукова; когда же противникъ, правильно оцѣнивая важное значеніе *спайки* между обоими нашими боевыми участками, сосредоточиваетъ всѣ свои усилія на томъ, чтобы вырвать изъ нашихъ рукъ деревеньку Херроя, получившую съ этого момента боя значеніе и тактическаго, и стратегическаго ключа нашего расположенія, наши предводители, тотчасъ же уловивъ этотъ опасный для насъ замыселъ, устремляютъ всѣ усилія на то, чтобы удержать этотъ важный пунктъ за собою. Въ этой борьбѣ за деревню Херроя особенно ярко проявляется у насъ взаимная поддержка. Не будучи въ состояніи нпчѣмъ инымъ *устпть* помочь Раевскому, Каменскій бросаетъ на выручку три эскадрона въ конномъ строю, которые удачно проскакиваютъ въ походной колоннѣ подъ огнемъ и одною *внезапностью* своего появленія удерживаютъ шведовъ въ окопахъ отъ новой контръ-атаки. Къ сожалѣнію, наша регулярная конница въ то время утратила свою исконную способность къ самостоятельности; не была ни вооружена, ни обучена для дѣйствія въ пѣшемъ строю. Будь иначе, ея содѣйствіе пѣхотѣ проявлялось бы въ данномъ случаѣ, да и во многихъ другихъ, гораздо болѣе чувствительно, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, когда въ сущности, свелось къ одному только *моральному* впечатлѣнію. Ибо мѣстность въ Финляндіи почти нигдѣ не даетъ возможности произвести конную атаку, даже съ мѣста...

Куортанскій бой завершился, какъ извѣстно, лишь отбитіемъ шведовъ обратно на ихъ позицію. Неуспѣхъ выполненія задуманнаго нами плана зависѣлъ отъ естественныхъ свойствъ непріятельской позиціи. Озеро Нисо съ протекающей черезъ него болотистой рѣчкой, разобщало оба нашихъ боевыхъ участка и препятствовало, какъ поддержанію связи между ними, такъ и свободѣ маневрированія войскъ Кульнева, лишенныхъ возможности оказать ударному крылу содѣйствіе иначе, какъ только огнемъ...

Оровайскій бой даетъ примѣръ послѣдовательнаго введенія въ дѣло эшелоновъ и построень преимущественно на началѣ духовномъ. Здѣсь Каменскій, въ виду критическаго положенія дѣла, примѣняетъ крайнее средство, назлегривывая послѣдніе бывшіе въ его рукахъ резервы личнымъ воздѣйствіемъ и присутствіемъ и вырывая побѣду изъ рукъ уже торжествовавшаго врага сокрушительнымъ лобовымъ ударомъ, успѣхъ котораго обоснованъ былъ, главнымъ образомъ, на *внезапности* появленія свѣжихъ войскъ...

Подъ Севаромъ тотъ же Каменскій даетъ примѣръ тактической воспримчивости; онъ пользуется начиниомъ частнаго начальника, случайно обнаружившаго возможность воспользоваться раздѣленіемъ силъ противника на двѣ группы, уже прикованныя атакой на каждую изъ нихъ съ нашей стороны, и проникнуть неожиданно *въ разрывъ* между ними, сдѣлавъ отчасти то же, что пытались сдѣлать сами шведы подъ Куортане. Но въ этомъ случаѣ наши войска сохраняли все время огневую связь, тогда какъ подъ Севаромъ обѣ шведскія группы, вовлеченныя въ борьбу съ нашими раздѣльно наступавшими колоннамъ, оторвались другъ отъ друга на нѣсколько верстъ, даже не наблюдая образовавшійся промежутокъ...¹⁾

Сходство тактическихъ приемовъ, примѣненныхъ на поляхъ битвъ 1808—1809 г.г., съ современными тенденціямъ, зависитъ какъ намъ думается, отъ однородности причинъ, ихъ вызвавшихъ. Въ настоящее время *сила современнаго огня* дѣлаетъ фронтальный бой затаженнымъ и, такъ сказать, взаимно уравновѣшивающимся, въ силу чего *рѣшенія* приходится искать почти исключительно на флангахъ или даже въ тылу... Въ финляндской войнѣ то же самое создавала *мѣстность*; труднодоступность позицій съ фронта, при ограниченномъ до-нелѣзѣ обстрѣлѣ, давала и при скромной техникѣ того времени возможность образовать передъ фронтомъ позицій такой неодолимый огневой барьеръ, что только въ исключительныхъ случаяхъ возможно было добиться рѣшенія при помощи лобовой атаки... Наоборотъ, даже простая *угроза* пути отступленія—обыкновенно единственному и притомъ прегражденному тѣснпами разнаго рода, часто имѣла болѣе рѣшающее значеніе, чѣмъ самыя энергичныя и настойчивыя усилія на флангѣ...

Последнее,—т. е. чрезмѣрная чувствительность съ тыла, особенно сильно проявившаяся у шведовъ,—зависѣла еще и отъ свойствъ театра военныхъ дѣйствій, на которомъ, при бѣдности путей, достаточно было иной разъ перехватить одну только дорогу, чтобы поставить противника въ безвыходное положеніе... А зависимость отъ тыла, при трудности полагаться на мѣстныя средства, даже для небольшихъ отрядовъ была чрезвычайно велика... Этимъ объясняется, на примѣръ, преждевременное отступленіе шведовъ въ бою при Сальмъ, подъ угрозой появившагося у нихъ въ тылу смѣхотворно-слабаго отряда Козачковскаго...

Огневой бой на фронтѣ обыкновенно завязывался авангардомъ, причѣмъ послѣдній нерѣдко цѣликомъ разсыпался въ стрѣлковую цѣпь, огонь которой поддерживался артиллеріей. Такое вливаніе въ

¹⁾ Интересно сравнить этотъ бой съ Тюрпеченомъ.

разсыпной строй цѣлыхъ частей, какое мы выше отмѣтили въ дѣйствіяхъ Кульнева при Сивкаюки, наблюдалось у насъ перѣдео въ періодъ завязки боя, причемъ обычно было увлеченіе растяжкой боевого порядка, тонкая линія котораго, естественно, соблазняла *про-рывомъ*.. Такъ именно поступилъ противникъ подъ конецъ боя у Сивкаюкъ; точно также дѣйствовалъ онъ подъ Оровайсомъ, гдѣ одержанный имъ успѣхъ былъ, на подобіе Маренгскаго сраженія, внезапно вырванъ подоспѣвшимъ къ полю битвы и брошеннымъ на торжествующаго врага послѣднимъ эшелономъ войскъ графа Каменскаго...

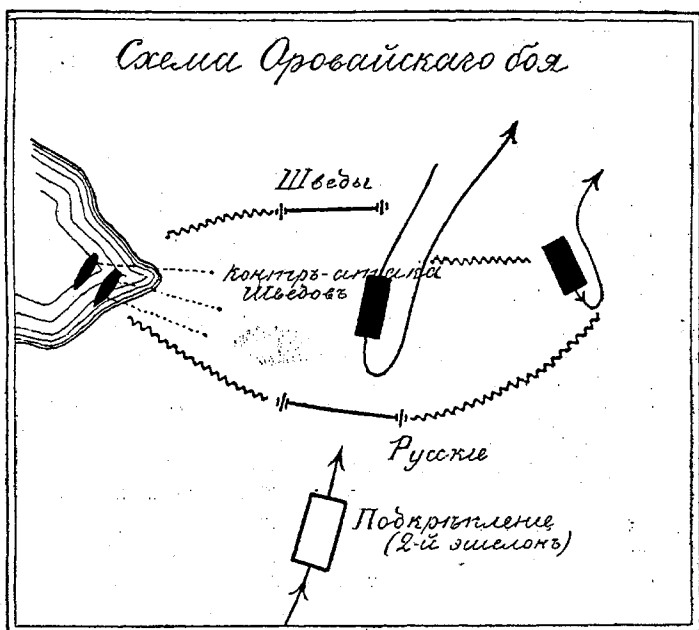
Разсыпаніе по фронту цѣлыми ротами и даже баталіонами плечо къ плечу приводило къ тому, что, по основнымъ своимъ свойствамъ, такая длинная и громоздкая стрѣльцовая линія приближалась къ типу линейнаго боевого порядка, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда за недостаткомъ войскъ, не оставалось сзади сомкнутыхъ частей для поддержки и для обезпеченія фланговъ. Послѣдніе удавалось большею частью оберегать, упирая ихъ въ недоступныя преграды (напримѣръ, морской берегъ подъ Оровайсомъ на лѣвомъ флангѣ) или же дѣйствуя самимъ активно на томъ именно флангѣ, который доступенъ и, какъ-бы предупреждая въ этомъ противника; за то опасность прорыва, при всей труднодоступности мѣстности, увеличивалась всегда прямо пропорціонально растяжкѣ, вызываемой тяготѣніемъ къ охвату наиболѣе доступнаго фланга противника. Типичнымъ въ указанномъ отношеніи примѣромъ служить бой подъ Оровайсомъ. Здѣсь преждевременное введеніе нетерпѣливымъ Кульневымъ въ бой авангарда привело къ тому, что послѣдній, со включеніемъ затѣмъ перваго нашего эшелона—бригады Демидова—весь образовалъ длинную и тонкую стрѣльцовую линію безъ всякихъ поддержекъ. Наклонность же наша во всякомъ бою дѣйствовать непременно *съ самаго начала наступательно*—особенно свойственная тому же Кульневу—обусловила собою еще болѣе опасную и соблазнительную для противника растяжку, вслѣдствіе стремленія нашего *охватить* лѣвый флангъ шведовъ.

„Всѣ войска наши были разсыпаны въ стрѣлки, подвигались по-немногу впередъ и начинали обходить позицію справа“ пишетъ Михайловскій-Данилевскій (стр. 251).

Контръ атака шведовъ была направлена какъ разъ въ надлежащемъ направленіи: сосредоточивъ огонь своихъ батарей на участкѣ нашего боевого порядка, ближайшемъ къ большой дорогѣ, шведы ударили частью силъ на наше обходившее правое крыло, а главную массу резервовъ бросили на центръ нашего расположенія, поддерживаемые, кромѣ артилерійскаго, еще афиладнымъ огнемъ канонеровъ изъ бухты.

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ направленіе главнаго удара было намѣчено противникомъ совершенно сообразно условіямъ боя; одного только нельзя было предвидѣть—это возможности прибытія въ эту рѣшительную минуту нашихъ свѣжихъ силъ, которыя, подоспѣвъ во время, отразили натискъ врага встрѣчнымъ ударомъ, рѣшившимъ судьбу сраженія... Графъ Каменскій, знавшій о скоромъ прибытіи этихъ войскъ, потребованныхъ имъ къ полю битвы, только поэтому и могъ рисковать вышеуказанной растяжкой...

Схема № 5.

Опасная сторона примѣненія длинныхъ, непрерывныхъ стрѣлковыхъ цѣпей, не гибкихъ и крайне туго маневрирующихъ на полѣ сраженія, особенно при пересѣченности послѣдняго, до нѣкоторой степени парализовалась присутствіемъ позади сомянутыхъ частей, ударомъ которыхъ, въ сущности, и рѣшалось столкновение. Вопросъ былъ въ томъ, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ средство либо для нанесенія этого удара, либо—для отраженія удара непріятельскаго, причемъ послѣднее требовало, чтобы направленіе сего послѣдняго было своевременно разгадано. При Сінкаювахъ неуспѣхъ для насъ

боя обусловленъ былъ только тѣмъ, что контръ-атаку шведовъ на центръ отразить было нечѣмъ; такая же, въ общемъ, обстановка Оровайскаго боя приводитъ къ конечному усиѣху, благодаря удачному вводу въ дѣло послѣдняго резерва...

Казалось бы, что при сравнительной тѣснотѣ финляндскихъ полей сраженія (напримѣръ, Оровайсъ—немного болѣе 2-хъ квадратныхъ верстъ) не такъ трудно было усиѣть измѣнить направленіе сомкнутой массы, чтобы предотвратить непредвидѣнный ударъ; но свойства финляндской мѣстности зачастую не даютъ возможности этого сдѣлать. Только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ возможно передвиженіе сколько-нибудь крупныхъ частей за фронтомъ боевого порядка и вообще маневрированіе резервовъ. Послѣдніе болѣе частью могутъ дѣйствовать только въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи, прямо передъ собою; измѣненіе его требуетъ непременно значительной потери во времени, хотя бы потребное для того передвиженіе и было геометрически невелико... Извѣстный уже намъ критическій моментъ боя при Куортане, когда энергичная контръ атака шведовъ на слабо-занятую нами деревню Херроя, являвшуюся какъ бы шарниромъ, соединявшимъ фронтальный участокъ съ ударнымъ крыломъ Раевского, всего рельефнѣе иллюстрируетъ указанное положеніе. Пришлось пожертвовать драгоценнымъ родомъ оружія—конницей и пустить ее на несвойственной ей мѣстности и въ несообразномъ строю (походная колонна), чтобы выиграть необходимое время для предотвращения грозившей опасности... Пѣхота, отдѣленная не столько разстояніемъ, сколько трудно-проходимостью мѣстности при движеніи цѣлиной, разумѣется поспѣть не могла.

Но здѣсь промежутокъ между обоими боевыми участками былъ сравнительно небольшой, и потому усиѣть избѣжать величинанія непріятеля въ этотъ промежутокъ было все-таки возможно... По мѣрѣ развѣтвія нашихъ успѣховъ и соотвѣтственнаго подавленія духа у противника мы становимся смѣлѣе и въ бояхъ послѣдняго періода кампаніи (Шелефте, Гернефорсъ, Севаръ)¹⁾ рискуемъ еще больше, раздѣляя силы еще внѣ поля сраженія, направляя ихъ на противника съ двухъ различныхъ сторонъ, нерѣдко при полномъ отсутствіи связи между обѣими группами, не говоря уже о невозможности непосредственной взаимной между ними поддержкы...

Такъ, подъ Шелефте мы раздѣляемся на 2 колонны болѣе чѣмъ въ полу-переходѣ отъ позиціи противника; обѣ онѣ совершаютъ свой маршъ-маневръ, одна берегомъ, другая по льду залива, раздѣленной мѣстностью, совершенно недоступной въ поперечномъ направленіи,

---

¹⁾ См. черт. №№ 23, 24 и 26.

даже для отдѣльныхъ людей. Точно то же самое сдѣлано подъ Гернефорсомъ; но тамъ колонна Карпенкова пущена черезъ дѣсь, считавшійся непроходимымъ и вышла едва не въ тылъ неприятелю, пассивно *ждавшему* на позиціи рѣшенія своей участи безъ надлежащихъ охраненія и развѣдки... При Севарѣ Каменскій тоже дѣлится свой корпусъ на двѣ группы, но, въ отличіе отъ предыдущихъ боевъ, все-таки пускаетъ въ промежутокъ между ними небольшой отрядъ Шрейдера. Последнему, въ началѣ боя, предстояло охранять то единственное направленіе, по которому только и возможно было опасное для участи нашего, все-таки рискованнаго, плана величина между обѣими атакующими группами. Но пассивность шведовъ оказалась столь велика, что, заслонившись какъ съ фронта, такъ и со стороны обходной колонны, они не только не использовали опаснаго для насъ промежутка, но даже и не наблюдали его сами въ цѣляхъ собственной безопасности. Это, какъ извѣстно, и привело къ направленію нашихъ подкрѣпленій во слѣдъ Шрейдеру, благодаря чему его второстепенная по первоначальному плану группа приобрѣла рѣшающее значеніе. Разъ шведы упустили случай дѣйствовать въ опаснѣйшемъ для насъ направленіи, и наоборотъ сами втягивались въ пассивно-оборонительный бой съ обѣими раздѣльно наступавшими на нихъ колоннами, бессознательно подчиняясь волѣ противника, то наиболѣе сообразнымъ съ обстановкою было именно самимъ велинаться между двумя группами неприятеля, самое раздѣленіе котораго мы же и вызвали, наступая разомъ съ двухъ сторонъ...

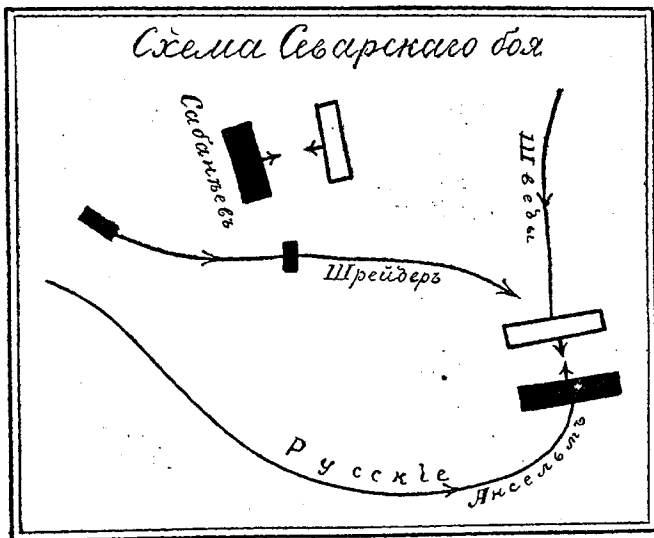
Достоинно особаго вниманія, что въ данномъ случаѣ успѣхъ былъ обусловленъ частнымъ починномъ оберъ-офицера, штабсъ-капитана Шрейдера, донесеніе котораго и просьба о подкрѣпленіи вызывали усиленіе его небольшой заставы (1 рота)—до 6-ти ротъ. При этомъ замѣчательно, что Шрейдеръ настолько понималъ обстановку происходившаго боя, что въ своемъ донесеніи указывалъ и на тѣ результаты, которыхъ можно достигнуть, направивъ войска въ промежутокъ между обѣими шведскими позиціями...

Фактъ этотъ показываетъ, насколько къ концу войны усовершенствовались наши частные начальники, даже въ столь небольшихъ чинахъ и подтверждаетъ весьма важное значеніе войны 1808—1809 гг., въ дѣлѣ подготовки команднаго состава нашей арміи къ послѣдующей титанической борьбѣ съ великаномъ военнаго искусства—Императоромъ французовъ... Финляндская война, именно по особенностямъ своихъ операцій, по свойствамъ полей сраженій и проч., лучше всего способствовала выработкѣ самостоятельности и самодѣятельности, вѣрнаго военнаго глазоумѣра и пр. При тогдашнихъ условіяхъ, когда не было современныхъ техническихъ способовъ сно-

пеній, всякій, даже маленькій начальниці, получаючи самостійне призначення, предоставлявся почти всецѣло своей судьбѣ и только изрѣдка получалъ инструкціи и указанія: остальное надобно было ему исполнять лично находчивостію, рѣшимостію, опытомъ и знаніемъ военного дѣла...

Припомнимъ хотя бы положеніе отряда Властова во время наступленія графа Каменскаго отъ Ювасюля вплоть до Оровайса.

Схема № 6.

Вѣдь дѣйствія Властова, предназначеннаго прикрывать справа успѣхъ операціи „главнаго корпуса“ Каменскаго, были совершенно самостоятельны; единственное полученное имъ приказаніе было о выдѣленіи отряда Лукова на поддержку Каменскому и во флангъ неприятелю, такъ какъ послѣ одержанныхъ Властовымъ успѣховъ, корпусный командиръ считалъ, что для преслѣдованія разбитаго врага достаточны и вдвое слабѣйшія силы... А Властовъ былъ только полковой командиръ.

Отмѣтимъ, что въ началѣ войны проявленіе частнаго починна не всегда обходилось гладко. Примѣръ — Тучковъ I послѣ перваго занятія Куопіо, запоздавшій двинуться на перерѣзъ отступавшимъ вдоль берега шведамъ, а потомъ высланный туда слишкомъ слабыми силами... Булатовъ подъ Револаксомъ, предоставленный самъ себѣ, подвергся

отдѣльному пораженію только потому, что не разгадалъ обстановки, не будучи въ ней должнымъ образомъ ориентированъ свыше и не принявъ мѣръ для самоориентирования... Можно только сожалѣть о томъ, что частный починъ начальника Аландской колонны князя Багратиона при зимнемъ переходѣ Ботническаго залива былъ стѣсненъ отсутствіемъ при колоннѣ всего высшаго начальства, главнокомандующаго Кнорринга и даже военнаго министра Аракчеева... Если бы эти лица находились въ то время гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, то, вѣроятно, война эта тутъ же окончилась бы занятіемъ шведской столицы Стокгольма...

Чтобы покончить съ боевыми столкновениями, скажемъ еще нѣсколько словъ о своеобразномъ ихъ типѣ, специально присущемъ только Финляндіи. Это бои гребныхъ флотилій совмѣстно съ сухопутными войсками. Какъ извѣстно, въ описываемую войну бои эти не имѣли большого значенія въ общемъ теченіи ея операций: бывшія въ шхерахъ столкновения, главнымъ образомъ, сводились къ прокладкѣ нашими флотиліями себѣ пути черезъ шхерные фарватеры изъ Финскаго залива въ Ботническую. Но въ тактическомъ отношеніи указанные бои представляютъ крупный интересъ, не лишенный, быть можетъ, и современнаго значенія...

Шхерныя флотиліи состояли изъ гребныхъ судовъ разнаго вида и типа, вооруженныхъ артилеріей и, слѣдовательно, представлявшихъ собою какъ бы *подвижныя плавучія батареи*. Батареи эти обладали свойствомъ, совершенно отличнымъ отъ батарей сухопутныхъ, а именно *способностью* дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ не на мѣстѣ только, а и *въ движеніи*. Такимъ образомъ, столкновение двухъ враждебныхъ флотилій сводилось, въ сущности, къ взаимному разстрѣливанію, съ тою только разницею, что стрѣляющія съ судовъ орудія могли эволюционировать, мѣнять взаимное положеніе, не прекращая своего дѣйствія. Успѣхъ такихъ эволюцій, разумѣется, зависѣлъ отъ многихъ условій: отъ ширины и конфигураціи фарватера, отъ направленія и силы вѣтра, расположенія и величины ближайшихъ острововъ и мелей, отъ искусства гребцовъ и рулевыхъ и т. д.

Во всякомъ случаѣ, центральнымъ боевымъ участкомъ такого боя всегда являлись двѣ сталкивающіяся флотиліи, артилерійская дуэль которыхъ и рѣшала участь боя. Но вспомогательнымъ средствомъ для достиженія успѣха въ этой дуэли было примѣненіе десантовъ въ цѣляхъ исползованія *выходныхъ свойствъ анфиладнаго и тыльнаго огня*. Мы натапливаемся здѣсь, даже въ этихъ смѣшанныхъ операціяхъ, на все тѣ же основныя, вѣковѣчныя, неизмѣнныя свойства боевыхъ элементовъ, отъ которыхъ, какъ говорится, нигуда не уйдешь

и безъ яснаго усвоенія которыхъ нѣтъ и не можетъ быть правильнаго пониманія военнаго дѣла...

Такъ какъ единственнымъ оружіемъ гребныхъ флотилій являлся *оюнъ*, то боевымъ построениемъ ихъ былъ всегда развернутый строй въ одну линію, иногда съ примѣненіемъ уступовъ, въ цѣляхъ неожиданнаго введенія части силъ въ дѣло изъ-за закрытія противъ фланга¹⁾. Последнее было возможно, разумѣется, только въ томъ случаѣ, если ширина проходовъ между островами давала достаточно мѣста для маневрированія. Обратное при ограниченности ширины фарватера, для дѣйствія на слабыя и чувствительныя фланги развернутой линіи гребныхъ судовъ, стали *переносить оюнъ* на берегъ, располагая тамъ стрѣлковъ и даже батареи такъ, чтобы анфилировать строй лодокъ. Первую попытку въ такомъ духѣ мы видимъ со стороны шведовъ въ бою при Хирвисало 22 іюня 1808 г. (впередн гор. Або), когда, одновременно съ атакой части банонерскихъ лодокъ на лѣвый флангъ нашей флотиліи, преграждавшей фарватеръ между островами Рунсало и Хирвисало, шведы пытались сдѣлать высадку на островъ Рунсало, чтобы оттуда фланкировать нашу линію; но предусмотрительно расположенные на этомъ островѣ генераломъ Коновницкимъ стрѣлки не допустили высадки. Успѣхъ этой мѣры несомнѣнно повліялъ въ направленіи ея болѣе широкаго примѣненія въ послѣдующихъ столкновеніяхъ. При Тавастеншерѣ 9 іюля, когда въ Або пробивался 3-й эшелонъ нашего шхернаго флота подъ начальствомъ капитана 1-го ранга графа Гейдена, на оба берега пролива между островомъ Кимито и материкомъ посланы были, по приказанію графа Буксгевдена, отсутствовавшаго при дѣлѣ, сухопутныя войска, стрѣлки и артилерія. Орудія были перенесены на рукахъ, взгромозжены на скалы, и ихъ огонь во флангъ оказалъ, вмѣстѣ съ ружейнымъ, самое рѣшительное вліяніе на нашъ успѣхъ въ этомъ бою. 20 іюля въ бою при Сандо (нѣсколько сѣвернѣе Тавастеншера), шведы также прибѣгли къ сооруженію батарей и высадкѣ стрѣлковъ на островъ Сандо, прикрывавшій ихъ правый флангъ, а мы расположили пѣхоту и артилерію и на материкѣ, и на островѣ Кимито, еще въ большемъ, чѣмъ прежде количествѣ.

При этомъ, одновременно съ боемъ флотилій, работала на флангахъ и пѣхота. Наши двѣ роты, подъ прикрытіемъ огня артилеріи, пользуясь мелководьемъ пролива между Кимито и Сандо, перешли его въ бродъ и атаковали во флангъ шведскія засѣки, отогнавъ отсюда непріятельскихъ стрѣлковъ и захвативъ 4 бывшихъ здѣсь

¹⁾ Напримѣръ, атака шведами нашей флотиліи при Хирвисало 22 іюня 1808 г. (см. выше, глава IX, стр. 222).

орудія, которыя, разумѣется, не могли быть шведами увезены... Въ свою очередь шведы послали на Кимито цѣлый отрядъ, который незамѣтно высадился въ тылу у нашихъ войскъ, бывшихъ на сѣверномъ берегу этого острова. Отрядъ этотъ едва не захватилъ даже въ плѣнъ самого главнокомандующаго, пировавшаго по окончаніи успѣшнаго боя, если бы не возвратившаяся на выстрѣлы наша рота, ранѣе высланная на острова западнѣе Сандо, которая и ударила шведамъ неожиданно въ тылъ ¹⁾).

Такимъ образомъ здѣсь, наряду съ состязаніемъ флотилій, разыгрывается борьба между тѣми сухопутными отрядами, которые стремятся оказать вліяніе на ходъ главнаго столкновенія шхерныхъ эскадръ, путемъ анфиладнаго огня съ берега. Шведская позиція на Сандо мѣшаетъ успѣху атаки нашихъ лодокъ; пѣхота наша переходитъ къ активнымъ дѣйствіямъ и „снимаетъ“ эту позицію. Наша позиція на Кимито вредитъ шведамъ, и послѣдніе заранѣе принимаютъ противъ нея мѣры, но, по кружности пути, появляются слишкомъ поздно, когда главная цѣль боя уже была достигнута: шведскій гребной флотъ отогнанъ, и проходъ для нашего открытъ. Внезапность появленія шведскаго десанта, не сдѣлавшаго роковой для главной квартиры, только благодаря *случайности* (присутствіе роты на соседнемъ островѣ) и частному почину *ротнаго* командира, объясняется крупною ошибкою — пренебреженіемъ къ охраненію во время боя; данный эпизодъ особенно рельефно подтверждаетъ необходимость имѣть это охраненіе не только на флангахъ, но и въ тылу, даже въ такихъ случаяхъ, когда повидимому опасность съ этой стороны почти невѣроятна...

Итакъ, особенности условій боевыхъ столкновеній въ шхерахъ въ силу самыхъ свойствъ водяной стихіи, рѣзко отличаются отъ боевъ на сухомъ пути. Тамъ на фронтѣ по большей части пассивныя дѣйствія огнемъ; только въ исключительныхъ случаяхъ активность, если можно воспользоваться растяжкой или разрывомъ непріятельскаго флота; по большей же части рѣшеніе боя — на флангахъ, а порою даже въ тылу, который по мѣстнымъ условіямъ особенно чувствителенъ. Въ столкновеніяхъ шхерныхъ флотилій, наоборотъ, успѣхъ рѣшается исходомъ боя на фронтѣ, т. е. единоборства самихъ гребныхъ эскадръ между собою, а дѣйствія на флангахъ, т. е. на сухомъ пути, имѣютъ значеніе вспомогательное, примѣрно схожее съ современнымъ стремленіемъ, при большей свободѣ размѣщенія артиллеріи въ боевомъ порядкѣ, искать для части ея батарей такія позиціи, которыя давали бы напыгоднѣйшій перебрестный или анфиладный огонь, поражающій

¹⁾ См. глава IX и черт. № 14.

наиболѣе важныя пункты или участки... По свойствамъ береговъ и шхеръ Финляндіи, позиціи, занимаемыя пѣхотою и артиллеріей по флангамъ фарватеровъ на которыхъ ожидается столкновение гребныхъ эскадръ, конечно, носятъ неподвижный, пассивный характеръ, и только исключительныя обстоятельства (какъ, напримѣръ, мелкая вода въ протоки въ вышеприведенномъ примѣрѣ) позволяютъ и здѣсь проявить извѣстную активность. Активность эта, понятное дѣло, можетъ быть выказана и путемъ *перемѣщенія водою* цѣлыхъ отрядовъ (см. выше), но такія смѣлыя дѣйствія всегда сопряжены съ большимъ рискомъ, и чувствительность такого отряда къ своему тылу—т. е. къ своему амбаркаціонному пункту—всегда чрезвычайно велика. Въ приведенномъ выше примѣрѣ шведскій отрядъ Палена имѣлъ свыше тысячи человекъ и 6 орудій, обладалъ, слѣдовательно, и численнымъ превосходствомъ, и выгодами внезапности, а наши войска на Кимто были, въ сущности, безъ пути отступленія, такъ какъ средствъ перебросить ихъ быстро на материкъ (особенно пушки),— не было; тѣмъ не менѣе достаточно было *появленія* въ тылу противника одной нашей роты, чтобы всѣ эти выгоды рушились, а успѣхъ, бывшій почти въ рукахъ, обратился въ смятеніе и неудачу...

Можно ли предвидѣть возобновеніе подобныхъ столкновеній при современной обстановкѣ и при нынѣшнихъ условіяхъ техники? Намъ представляется, что важность удержанія въ своихъ рукахъ водныхъ путей по шхерамъ при дѣйствіяхъ на Финляндскомъ театрѣ всегда будетъ существовать, а слѣдовательно можно предвидѣть и борьбу за обладаніе этими путями. Сказать заранѣе, каковы будутъ тѣ средства, которые придется примѣнить для этой борьбы, конечно, трудно. Очевидно, что это не будутъ уже гребныя суда, слишкомъ первобытныя и громоздкія, хотя и ими можно будетъ, вѣроятно, пользоваться за неимѣніемъ лучшаго.

Врядъ ли съ такою цѣлью слѣдовало бы употреблять флотиліи мноноосцевъ, надводныхъ и подводныхъ, такъ какъ эти сравнительно дорого стоящія суда имѣютъ вполне опредѣленное специальное назначеніе. Вѣрнѣе всего, что быстро развивающійся водомоторный спортъ выработаетъ въ скоромъ времени специальный типъ каонерской лодки-мотора, приспособленной именно для береговой развѣдочной службы въ условіяхъ шхернаго плаванія и для охраны шхерныхъ фарватеровъ и вооруженной, либо пулеметами, либо легкими скорострѣлками. Насколько извѣстно изъ шведской печати, въ Швеціи такіе типы лодокъ уже разрабатываются...

Обращаясь къ дѣятельности отдѣльныхъ родовъ войскъ въ бою и внѣ его, видимъ, что главною владычицею финляндскихъ полей сраженія является, конечно, пѣхота. Это видно уже изъ *соразмѣрности*

ея въ общемъ составѣ отрядовъ. Напримѣръ, въ корпусѣ графа Н. Каменскаго, общій составъ строевыхъ нижнихъ чиновъ, передъ началомъ его финляндской операціи, равнялся 31-го іюля 1808 года, 9.500 (примѣрно) человѣкамъ, изъ коихъ пѣхоты было болѣе 7.000 или свыше 75%, конницы—менѣе 1.000 человѣкъ или всего около 10%. Если считать пѣхоту съ пѣшей артиллеріей вмѣстѣ, то они составляютъ отъ 80 до 90% состава каждаго отряда. Число орудій колебалось отъ 2 до 3 на 1.000 человѣкъ.

Такимъ образомъ и соразмѣрность артиллеріи была нѣсколько ниже средней нормы, что весьма понятно. Несмотря на то, что при иемѣннн въ то время средствъ, подобныхъ нынѣшнимъ пулеметамъ и при тогдашней слабости ружейнаго огня, картечный огонь артиллеріи, достаточно могущественный при ограниченномъ обстрѣлѣ финляндскихъ позицій, являлся существеннымъ средствомъ, чтобы потрясти противника матеріально и морально и тѣмъ обезпечить успѣхъ удара, — надѣлать отряды артиллеріей приходилось всетаки весьма скупо. Причинъ тому двѣ; во первыхъ — трудность передвиженія, размѣщенія и обезпеченія артиллеріи въ составѣ пѣхотныхъ отрядовъ, а затѣмъ, — и самое главное — трудность *титанія ея б.евыми припасами...* Если вообще снабженіе войскъ необходимымъ составляло въ Финляндіи вопросъ первостепенной важности, то это прежде всего относилось до боевыхъ припасовъ, расходъ которыхъ при мѣстныхъ условіяхъ боя былъ великъ, а получить ихъ можно было только подвозомъ съ тыла... Насколько значителенъ былъ расходъ огнестрѣльныхъ припасовъ, можно судить по упорству и продолжительности боевыхъ столкновеній. Такъ бой при Куртане 20-го августа (не считая авангарднаго боя накауиѣ) продолжался съ 2-хъ часовъ дня до поздняго вечера. Оровайскій бой — съ 8 часовъ утра до 11-го часа ночи; Севаръ — съ 7 часовъ утра до 4 часовъ пополудни. Въ тѣ времена, при малой величинѣ дерущихся отрядовъ и короткости разстояній (не болѣе 7—8 тысячъ съ каждой стороны на пространствахъ 2—4 квадратныхъ верствъ) такую продолжительность должно признать весьма значительной, и несомнѣнно, что она зависѣла отъ упорства именно огнестрѣльнаго, подготовительнаго періода боя.

Артиллерія играла въ этотъ періодъ боя преимущественную роль. Стрѣлковыя дѣли, прикрывавшія фронтъ сражающихся, нерѣдко поглощавшія собою (какъ мы видѣли) даже всю пѣхоту отряда, вели обыкновенно перестрѣлку другъ съ другомъ; ихъ огонь, разсередоточенный почти равномѣрно по всему фронту, значенія въ дѣлѣ подготовки успѣха почти не имѣлъ.

Что же касается огня артиллеріи, то его назначеніе было не столько въ томъ, чтобы подавить вражескую артиллерію или потрясти сильными потерями непріятели, сколько въ томъ, чтобы обратить на себя огонь возможно большей части непріятельскихъ орудій, т. е., какъ выражаются и теперь, приковать къ себѣ противника и тѣмъ обезпечить успѣхъ обходящихъ частей... Какъ только обходъ или охватъ назрѣвалъ, или (какъ подъ Оровайсомъ) приближался моментъ рѣшительной контръ-атаки резервомъ, артиллерія усиливала свой огонь до крайности, дѣйствуя уже не по тому участку позиціи, который намѣчался для удара, а по сосѣднимъ...

Маневрированія артиллеріи на полѣ сраженія не было; мѣстность придавала ей дѣйствіямъ позиціонный характеръ. Расположеніе, занятое ею въ началѣ боя, обыкновенно сохранялось неизмѣннымъ и почти всегда было приближено къ лучшимъ дорогамъ, чтобы обезпечить своевременный увозъ орудій въ случаѣ неудачи. Этимъ объясняется, между прочимъ, почему обходныя колонны по большей части обходились безъ артиллеріи; исключеніе—Куортане, гдѣ Раевскому приданы двѣ пушки въ разобранномъ видѣ, и Шелефте, гдѣ Алексѣевъ везъ за собою пушки по льду на саниахъ. Отсюда ясно, насколько велико въ настоящее время значеніе въ Финляндіи пулеметовъ и горной артиллеріи, которые пройдутъ всюду за пѣхотой...

Рѣшительный успѣхъ въ бояхъ того времени достигался исключительно штыковымъ ударомъ; но финляндскіе бои именно и поучительны въ томъ отношеніи, что ударъ этотъ всегда производился послѣ подлежащей *подготовки*, въ чемъ бы послѣдняя ни выражалась, въ огнѣ, или въ соответствующемъ *маневрѣ*. По условіямъ мѣстности, всегда атаковали не иначе, какъ во взводныхъ колоннахъ ротъ. Только шведы въ началѣ войны употребляли для атаки развернутый строй, но уже скоро отъ него отказались, и при Куортане, Оровайсѣ и др. они, подобно намъ, атакуютъ исключительно въ колоннахъ... Эти ротныя колонны, строй достаточно гибкій, поворотливый и удобопрямляемый къ мѣстности, а вмѣстѣ съ тѣмъ обладающій достаточною соменутостью и послушный волѣ начальника, какъ разъ соотвѣтствовали пересѣченнымъ полямъ битвъ, на которыхъ приходилось атаковать. Такимъ образомъ, и этотъ рѣшительный періодъ боя лежалъ преимущественно на младшихъ начальникахъ, главнымъ образомъ, ротныхъ командирахъ; старшимъ начальникамъ приходилось только указывать цѣль, воодушевлять войска, пуская ихъ въ дѣло, а уже самая работа въ бою была всецѣло въ рукахъ офицеровъ... Бой при Карстудла, гдѣ, по мѣстнымъ условіямъ, боевой порядокъ атакующаго разбился на три отдѣльныя самостоятельныя группы, вѣроятно, потому именно и оказался „офицерскимъ дѣломъ“, какъ его прозвали

въ арміи, что именно при этихъ условіяхъ атаки работа младшихъ офицеровъ всего болѣе выдѣлялась.

Что касается конницы, то ея спеціальной работы въ эту войну сравнительно мало видно, главнымъ образомъ потому, что она, по тогдашнимъ своимъ свойствамъ, не могла быть употребляема въ Финляндіи такъ, какъ это соответствовало бы особенностямъ этого театра военныхъ дѣйствій. Атака въ конномъ строю холоднымъ оружіемъ возможна здѣсь только въ видѣ исключенія, а между тѣмъ наша конница того времени утратила тѣ свойства, которыя были присущи ей въ вѣкъ Петра и Екатерины: она перестала быть самостоятельной. Въ Финляндскую войну ея дѣятели не ушли въ этомъ отношеніи дальше своего времени; даже такія лица, какъ Кульневъ и Денисъ Давыдовъ не сумѣли оцѣнить того преимущества, какое давало бы въ наши руки примѣненіе на этомъ театрѣ именно старинной Петровской системы „корволантовъ“ для широкаго воздѣйствія на *непріятельскія сообщенія*. Конницу въ эту войну мы преимущественно держали въ резервѣ и лишь въ видѣ исключенія бросали ее, какъ Кульневъ и Каменскій при Куортане, для выполненія въ сущности несвойственныхъ ей задачъ (атака на окопы у моста черезъ рѣчку Нисо 19-го августа и на д. Херроя 20-го). Расчетъ тутъ былъ, конечно, на психологическое воздѣйствіе неожиданнаго появленія конницы въ противорѣчащей ея природнымъ свойствамъ обстановкѣ... Зимой 1808 года конницею еще пользовались (налетъ на Гельсингфорсъ, дѣйствія Силина на флангъ боевого порядка по льду залива, у Кульнева во всѣхъ бояхъ до Сіпкайоки включительно), но именно только какъ средствомъ для нанесенія удара холоднымъ оружіемъ. Въ качествѣ органа развѣдки конница почти совершенно въ эту войну не работала. Вообще—развѣдка была у обѣихъ сторонъ обоснована почти исключительно на шпионствѣ мѣстныхъ жителей, служившихъ обѣимъ сторонамъ. Свѣдѣнія эти не провѣрялись конницею, и часто на нихъ обосновывались цѣлыя предпріятія (напримѣръ, наступленіе наше, 22-го іюля, на Гернефорсъ). Иное видимъ у Петра Великаго и его генераловъ въ 1712—1714 годахъ (см. А. З. Мышлаевскій „Война въ Финляндіи въ 1712—1714 г.г.).

Предвзятое мнѣніе о непригодности конницы для дѣйствій въ Финляндіи держится у насъ, главнымъ образомъ, на основаніи опыта войны 1808—09 гг. и только потому, что отъ конницы требуютъ лишь выполненія *одной* изъ ея задачъ, выпуская изъ вида всѣ другія... Плоды такого пониманія вещей мы видѣли еще недавно въ Маньчжуріи, гдѣ наша превосходная по количеству и качествамъ конница почти бездѣйствовала только потому, что на театрѣ войны преобладала горная мѣстность... О примѣненіи дѣятельности само-

стоятельной конницы въ тылу и на флангахъ противника во время боя, о работѣ ея на сообщеніяхъ противника, объ использованіи ея главныхъ свойствъ: быстроты, неуловимости и независимости, не подумали у насъ въ 1808—09 годахъ, совершенно также какъ и въ недавнемъ прошломъ... Единственнымъ оправданіемъ такому забвенію свойствъ конницы, неподражаемо мастерски использованному у насъ только Петромъ и Меншиковымъ, а на западѣ—сѣвероамериканцами, можетъ служить одно немаловажное обстоятельство—*трудность ея прокормленія*. Но это обстоятельство оправдывало, въ сущности, только то, что конница нельзя было взять больше; оставленіе же ея безъ употребленія и преимущественно въ хвостѣ колонны или при резервѣ только затрудняло для нея же продовольственный вопросъ. Наоборотъ, широкіе рейды конницы для захвата важныхъ пунктовъ въ тылу у противника, разрушенія переправъ, уничтоженія транспортовъ, магазиновъ и т. п., наконецъ, для болѣе быстрого содѣйствія фронтальной атакѣ, были бы вполне осуществимы, ибо требовали движенія лишь по дорогамъ. А они *облегчили бы* разрѣшеніе вопроса о прокормѣ, такъ какъ позволили бы пользоваться мѣстными средствами съ болѣе широкаго района...

Нашъ очеркъ войны 1808—09 годовъ со Швеціей законченъ.

Изслѣдованіе архивныхъ данныхъ, безъ сомнѣнія, прольетъ новый обильный свѣтъ на тѣ плъ другія подробности, дастъ возможность правильнѣе и точнѣе охарактеризовать отдѣльныхъ дѣятелей эпохи, оцѣнить военно-историческое значеніе того или другого отдѣльнаго факта. Въ такихъ поправкахъ—и весьма крупныхъ—нуждается не только одна эта, но и безусловно всѣ наши войны. Правильный путь, намѣченный въ русской военно-исторической наукѣ незабвеннымъ Д. Ѡ. Масловскимъ, въ сущности, едва лишь началъ прокладку, и цѣлые огромные періоды нашего военно-историческаго прошлаго ждутъ, чтобы окутывающая ихъ туманная завѣса была отдернута... Необходимость тщательнаго и кропотливаго труда въ этомъ направленіи бесспорна не только въ интересахъ науки и въ цѣляхъ патристическихъ, но и по чисто-практическимъ побужденіямъ. Уроки исторіи—самые драгоценные уроки. А тѣмъ событіямъ, которые развернулись передъ взоромъ нашихъ читателей въ предшествующемъ нашемъ изложеніи,—неровность и шероховатость котораго да не будутъ вѣнены намъ въ вину, ибо главною нашею задачею была *срочность* работы,—нельзя никоимъ образомъ отказать въ *практической поучительности*...

Военное значеніе Финляндіи велико и никогда не перестанетъ быть таковымъ, покажѣсть, по мысли и волѣ Великаго Преобразова-

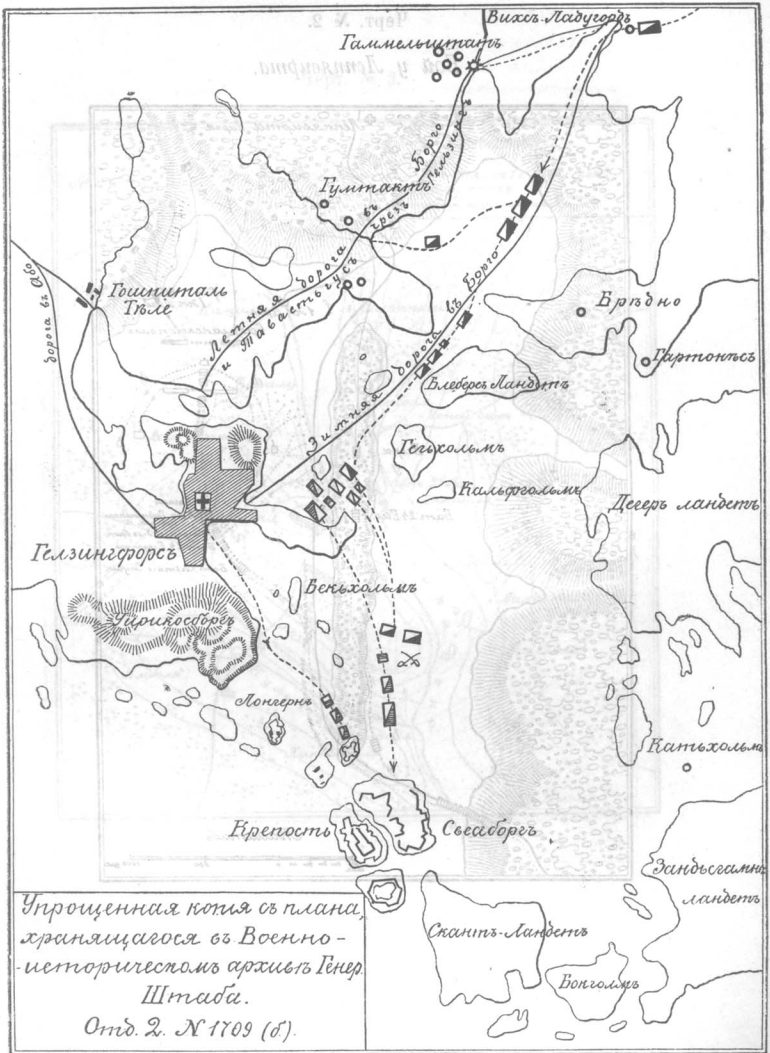
теля и полководца, столица Имперіи занимаетъ свое нынѣшнее положеніе... Этимъ значеніемъ опредѣляется всецѣло и практической интересъ того прошлаго, которое смотритъ на насъ въ вереницѣ событій, разыгравшихся сто лѣтъ тому назадъ...

„Прошлое—для будущаго“, таковъ могъ бы быть девизъ, который всего уместнѣе было бы поставить въ заголовкѣ нашихъ очерковъ...

И поэтому лучшею наградою для насъ было бы сознаніе, что тѣ изъ нашихъ читателей, которымъ скромный безпритязательный трудъ нашъ хоть въ чемъ-либо принесъ или принесетъ *практическую пользу*, помянуть насъ добрымъ словомъ...

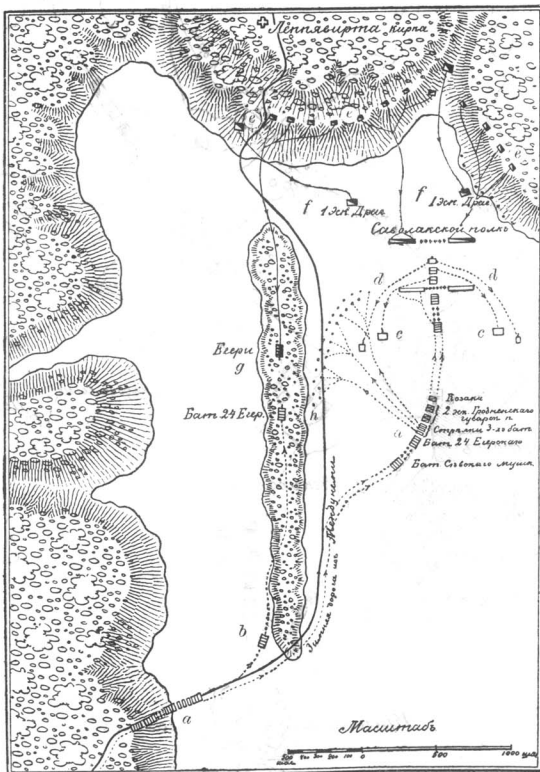
Петръ Нивѣ.

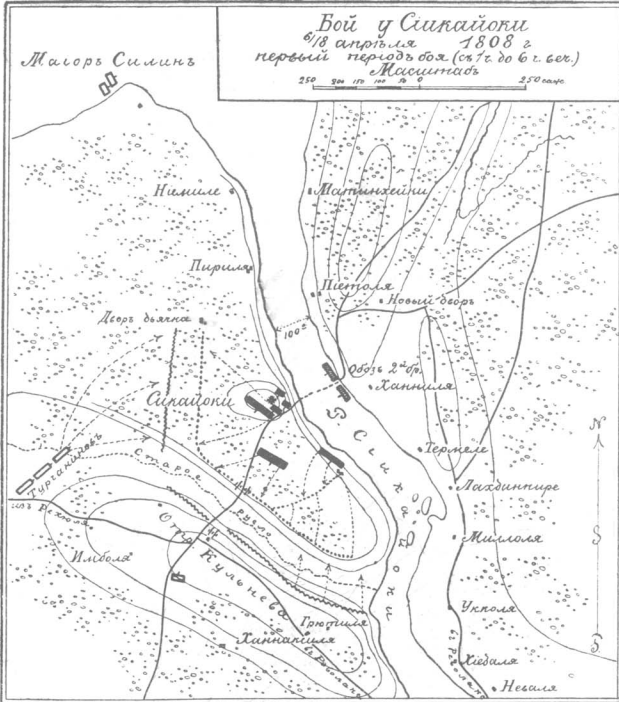
Налетъ Орлова-Денисова на Гельсингфорсъ.

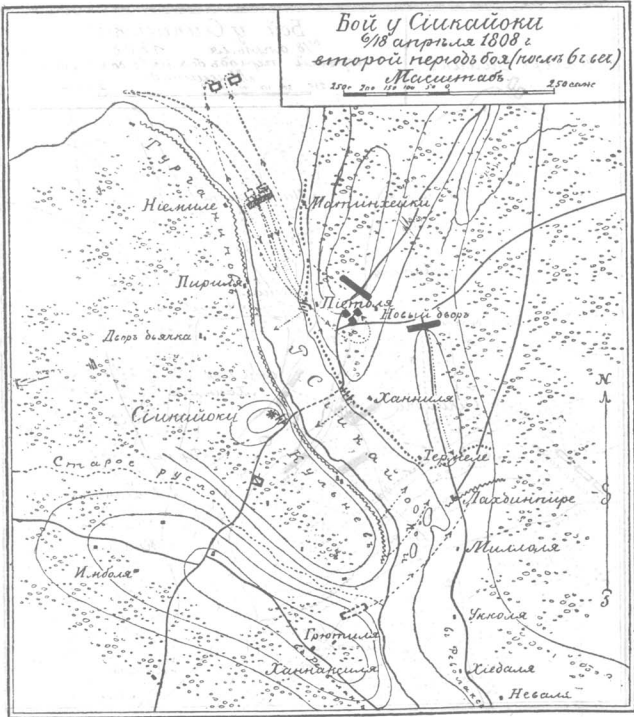
Черт. № 2.

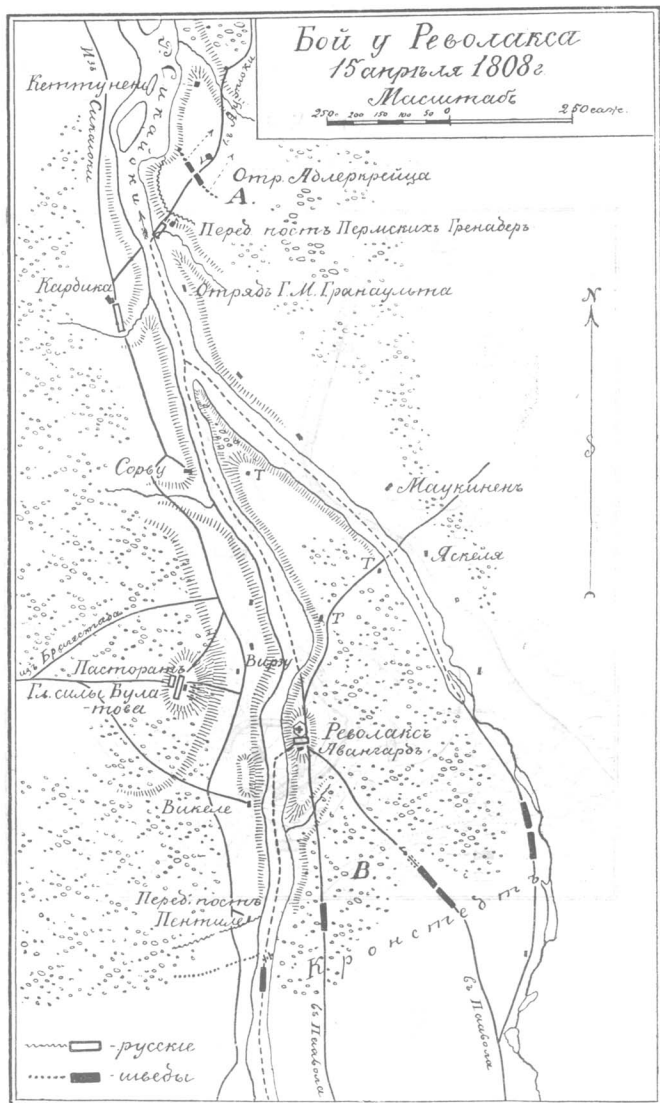
Бой у Летявирта.

Черт. № 4.

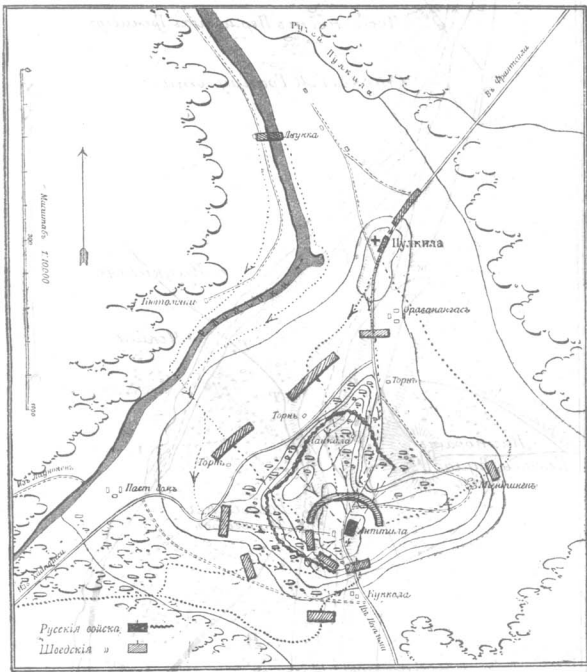

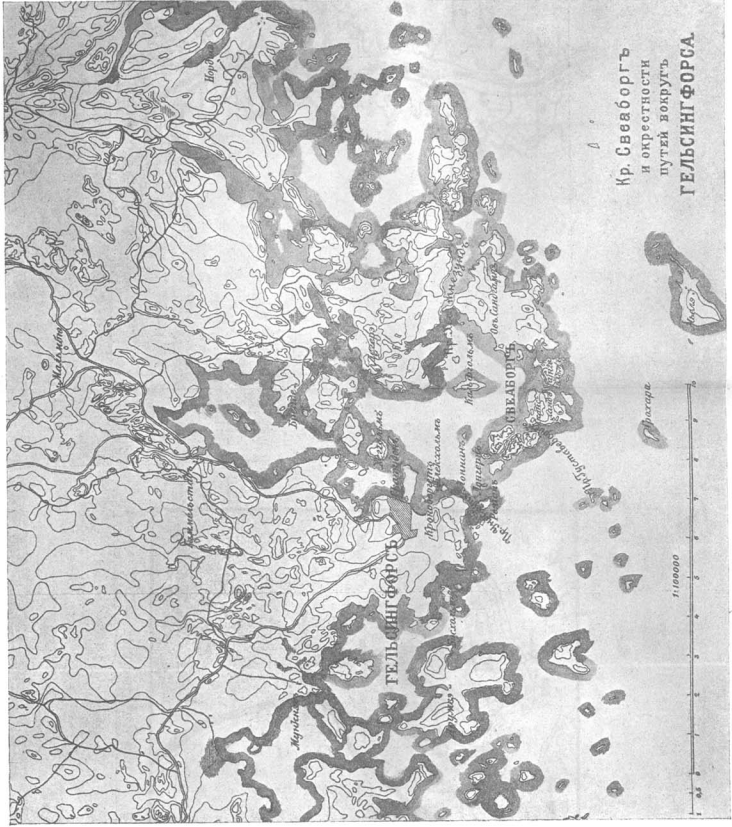

Черт. № 6.

Бой у Пулькилла.

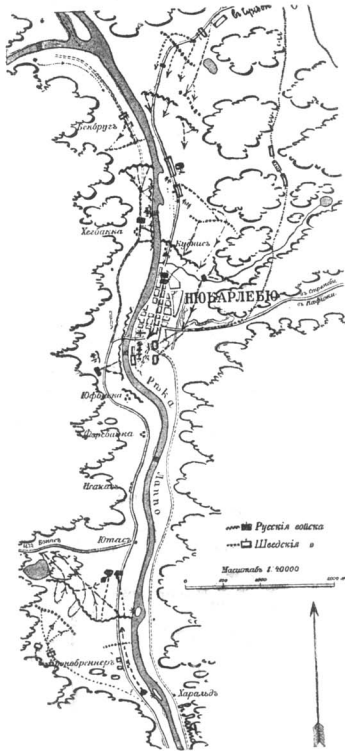

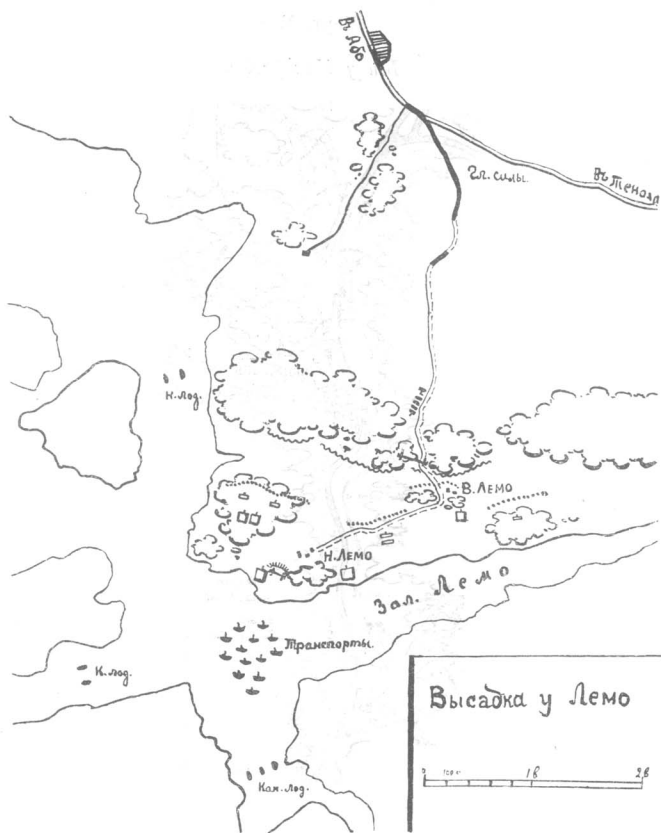
Кр. Свеаборг
и окрестности
путей вокруг
ГЕЛЬСИНГФОРСА.

Черт. № 8.

Бой у Ньюкарлебу.

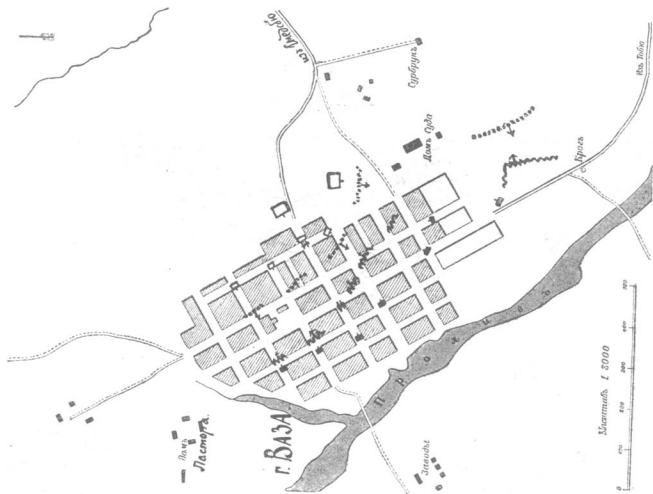

Черт. № 9.

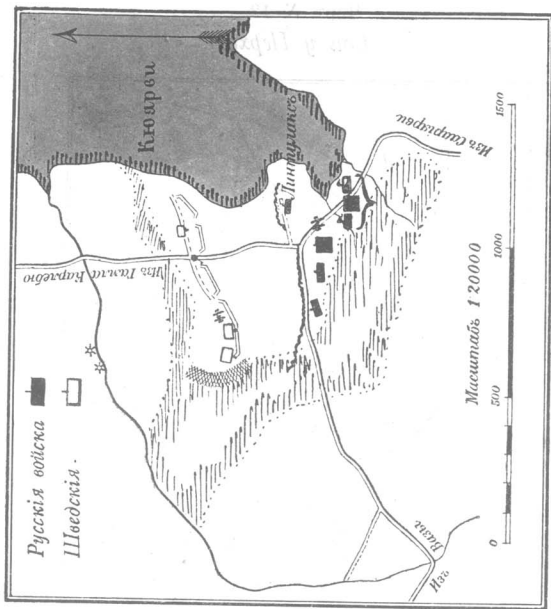
Черт. № 10.

Діло у Вазы.

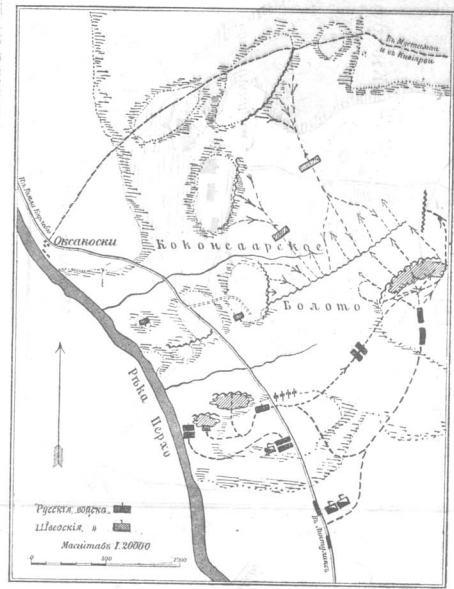

Черт. № 11.

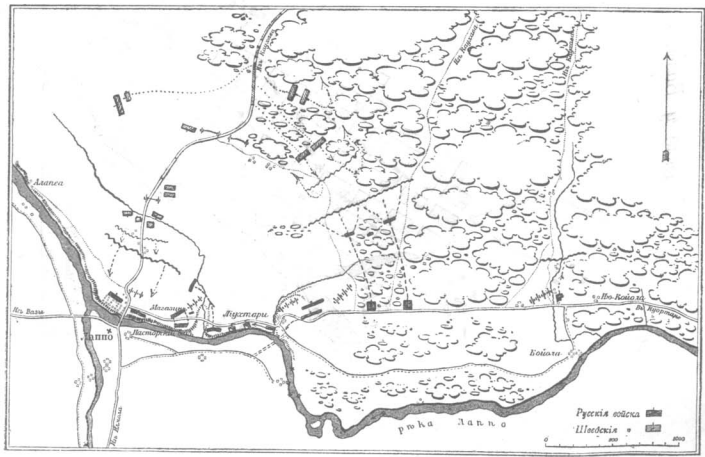
Бой у Лінтулаксы.

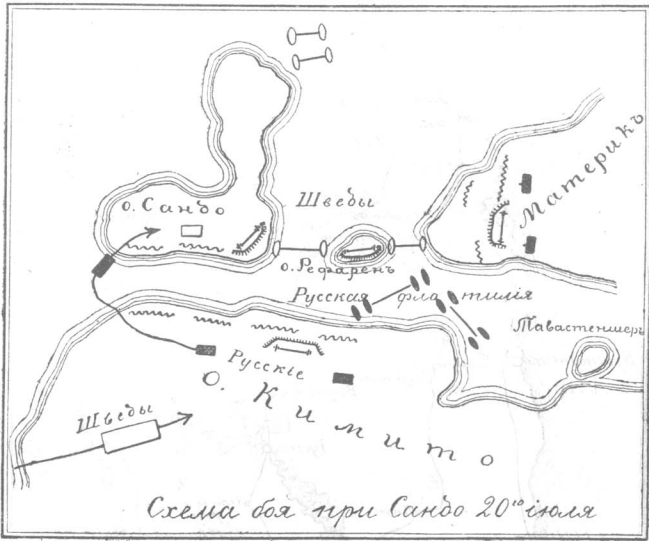
Черт. № 12.
Бой у Перхо.

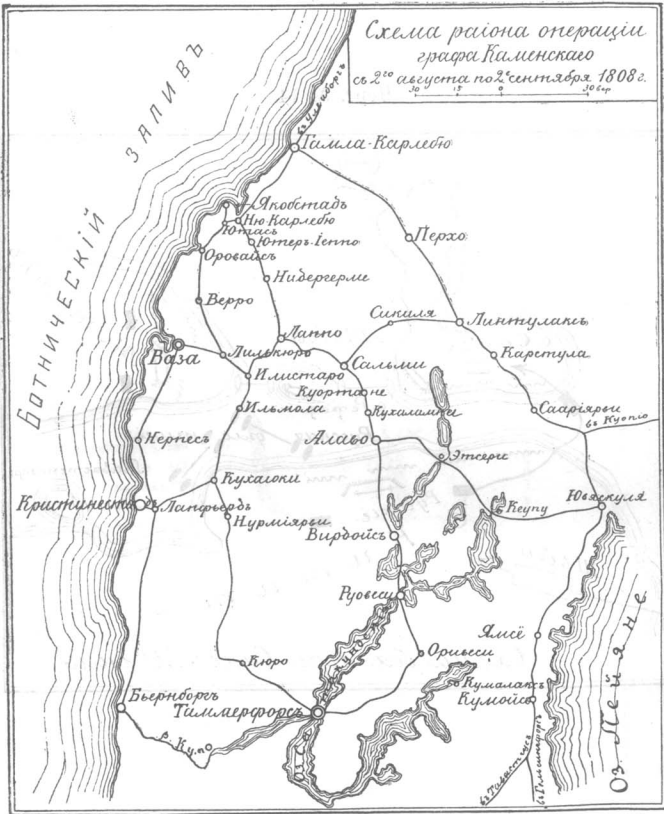
Черт. № 13.
Бой у Ланно.

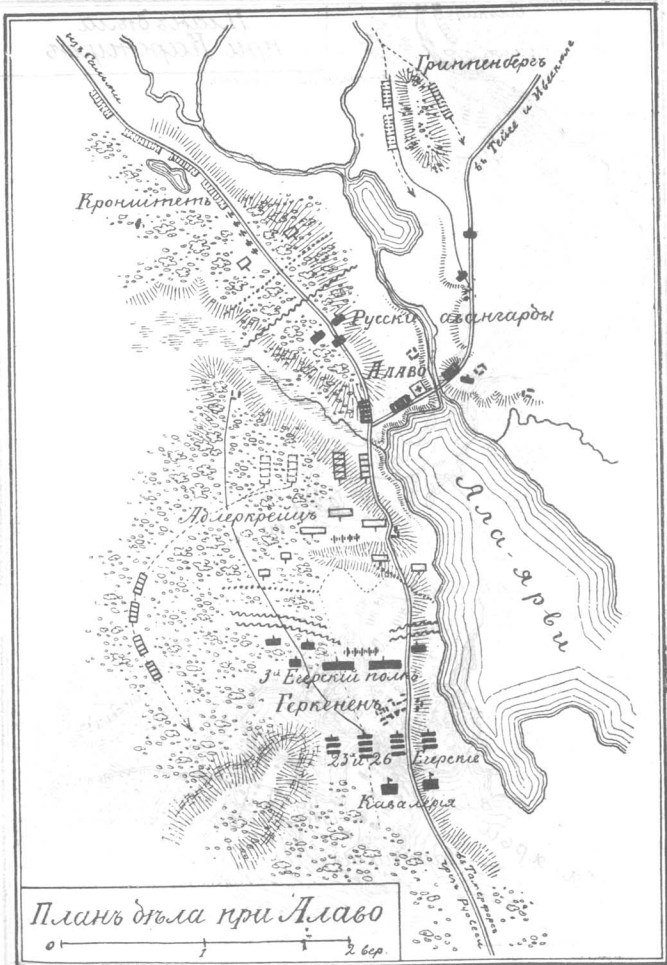
Черт. № 14.

Черт. № 15.

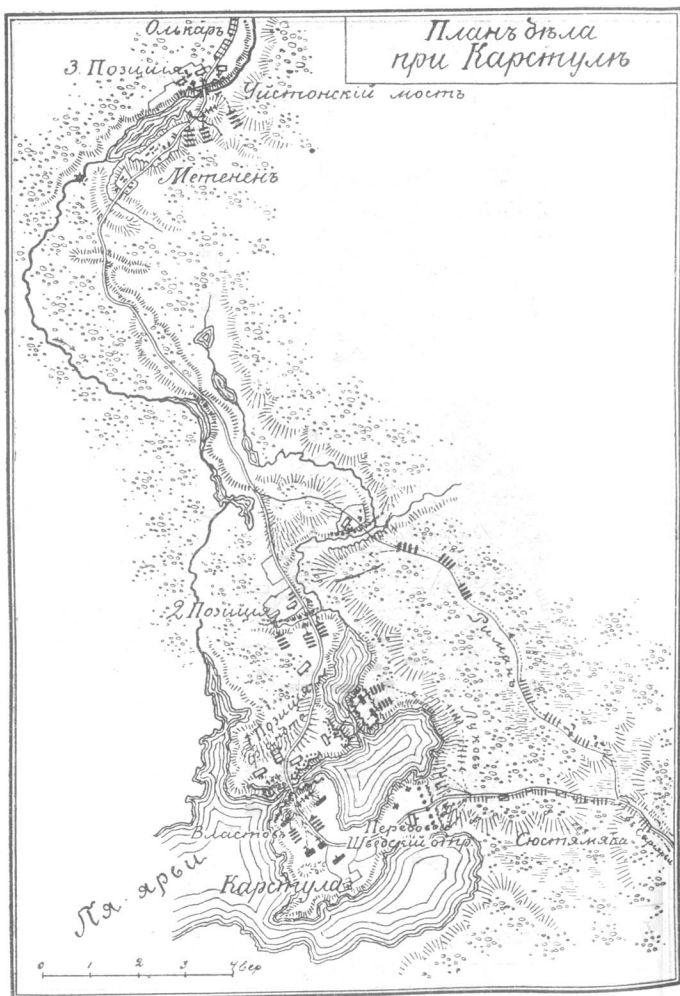

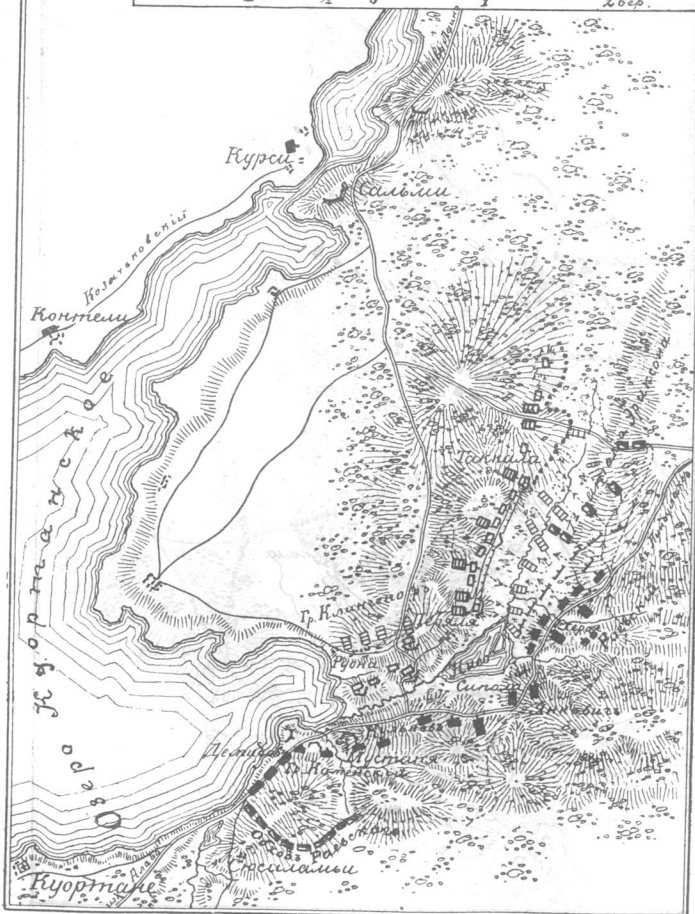
Планъ дѣла при Алаво

0 1 2 вер

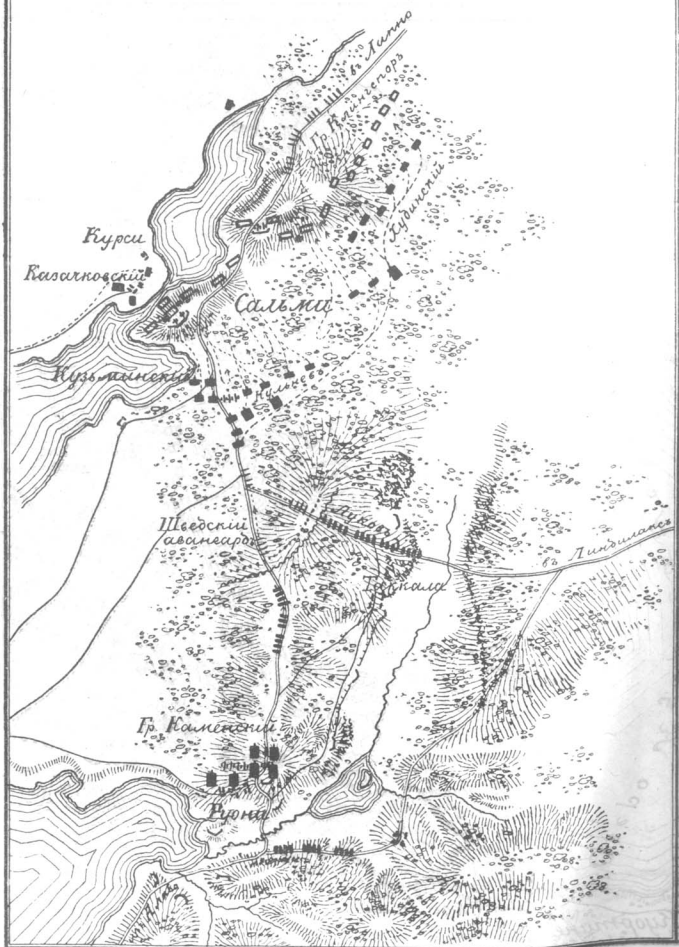
Планъ сраженія при Куортангъ

1 1/2 5 1 2 вер.

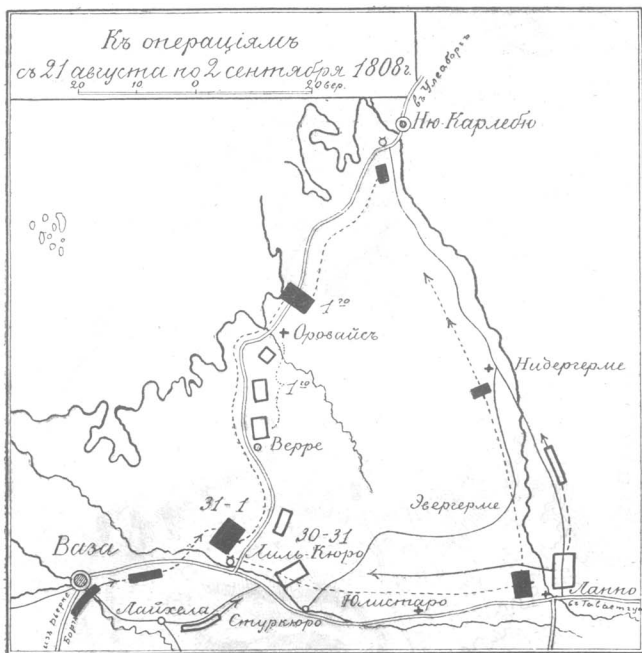

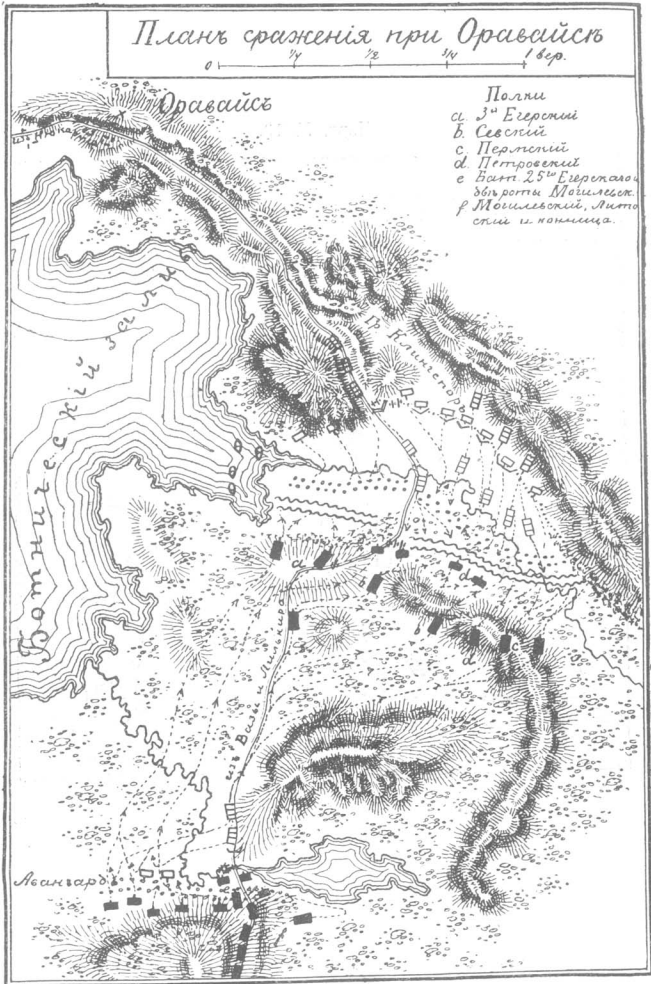
Планъ дѣла при Сальми

0 1 2 вер.

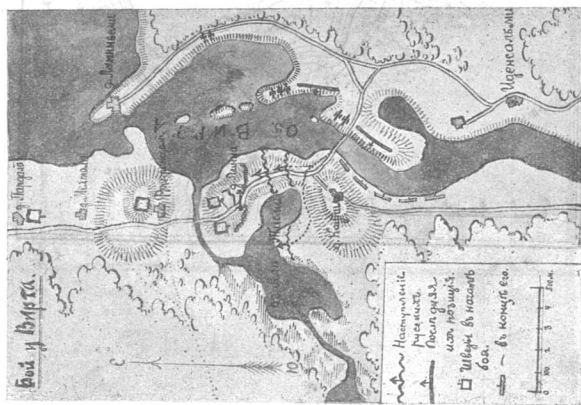
Черт. № 19.

Черт. № 21.

Бой у Вирта (Иденсальми).

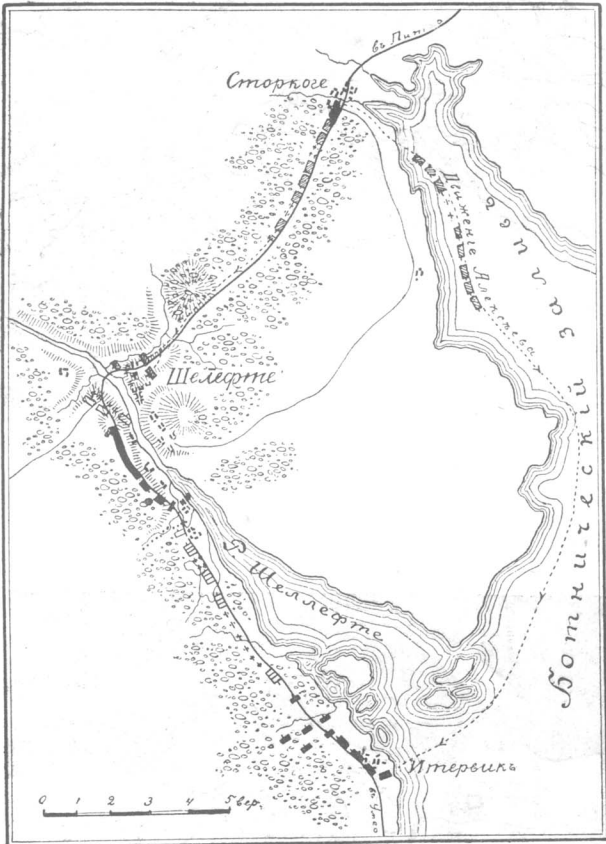
Черт. № 22.

Стратегическая карта кампании 1809 г.
(масштаб 20 в. в. дв. в.).

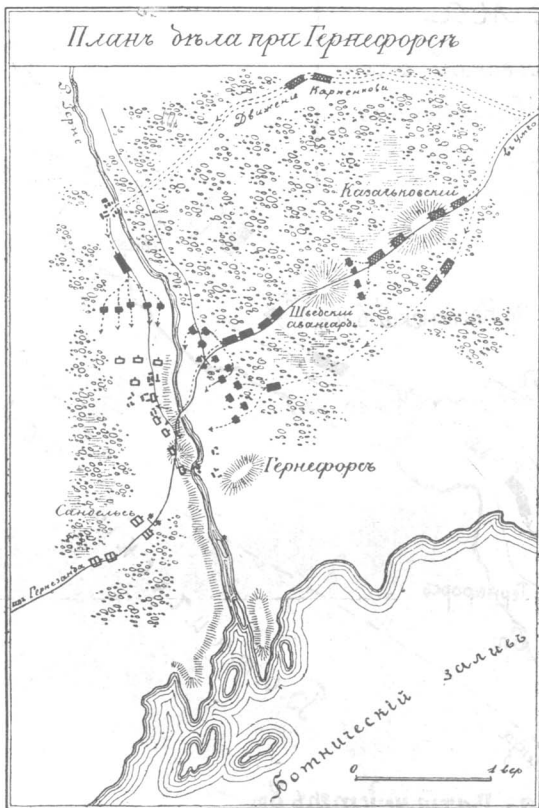

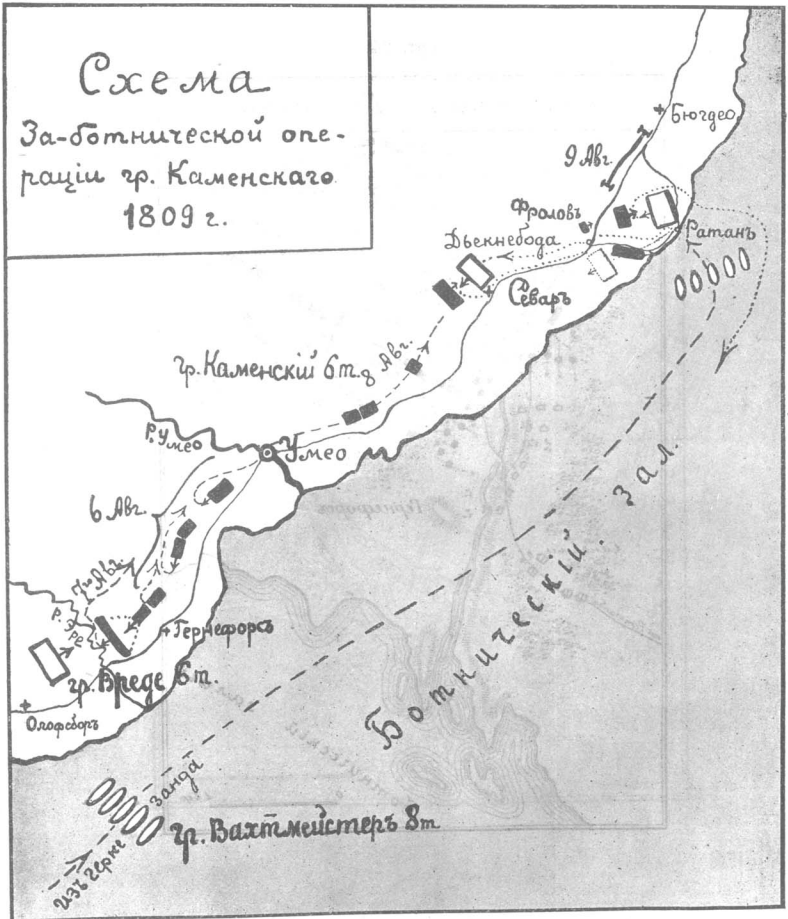
Черт. № 23.

Бой у Шелефте.

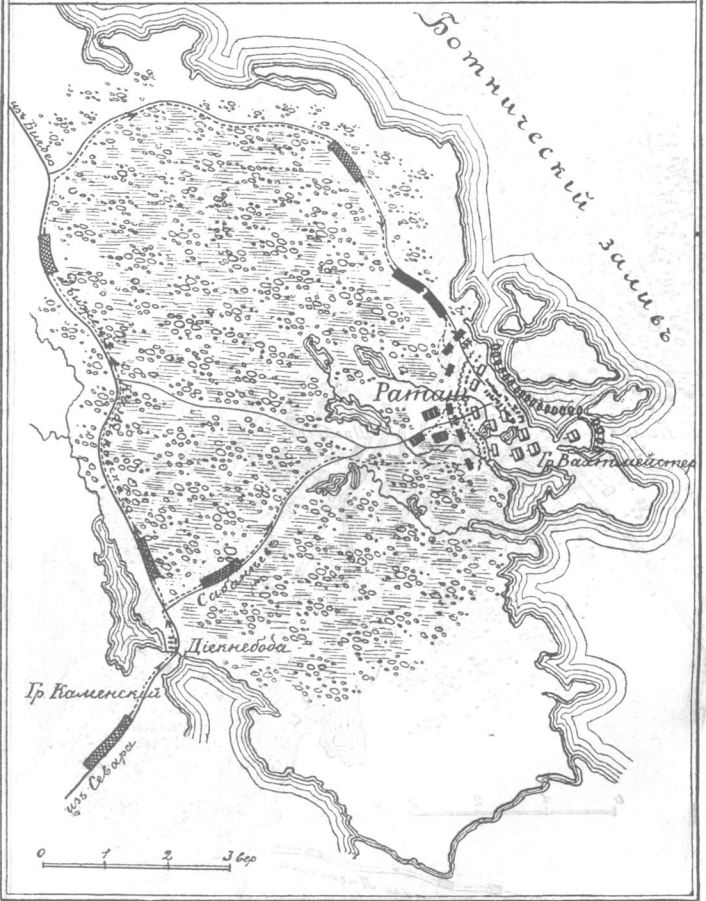

Планъ сраженія при Севастѣ

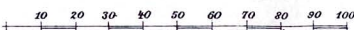
Планъ дѣла при Ратманнѣ

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КАРТА ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1808 и 1809.

Масштабъ

Условные знаки:

- 4 и болѣе тысячъ жителей на 1 кв. милью
- Меньше 4 тысячъ жителей на 1 кв. милью
- ..... Граница
- ⊛ Крепость
- * Укреплённое
- Городъ
- + Курья
- Курья
- Село или деревня

